На правахъ рукописи.

Стороженки.

Фамильный архивъ.

Томъ первый.

КІЕВЪ, 1902.

На правахъ рукописи.

Строженки.

Фамильный архивъ.

Томъ первый.

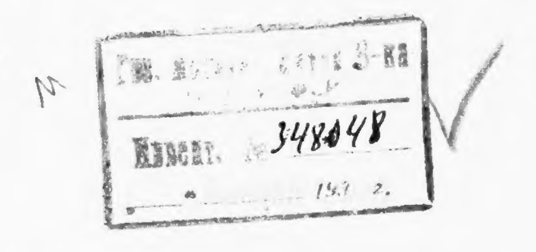

КІЕВЪ, 1902.

Настоящее изданіе выпущено въ количествѣ 200 нумерованныхъ экземпляровъ.

№ 32.

Библіотека Московскаго Историческаго Музея.

Дозволено цензурою. Кіевъ 31 декабря 1902 г.

Кіевъ, Типографія Г. Л. Фронцкевича, Анненковская улица, домъ № 3,

Предисловіе.

Цѣль настоящаго изданія—сохранить для будущихъ поколѣній нашего рода тѣ фамильныя бумаги, которыя въ настоящее время находятся въ нашихъ рукахъ.

Въ **первомъ** томѣ на стр. 1—171 напечатаны бумаги, относящіяся въ одинаковой степени ко всѣмъ линіямъ нашего рода; на стр. 172—452 бумаги Андрея Яковлевича Стороженка; на стр. 453—497 перепечатаны изъ „Кіевской Старины" статьи, относящіяся къ біографіи Алексѣя Петровича Стороженка.

Шесть портретовъ, прилагаемыхъ къ первому тому, сняты:

1) Ивана Стороженка († 1693)—съ оригинала, исполненнаго масляными красками на мѣдной доскѣ;

2) Григорія Андреевича Стороженка († 1745)—съ новѣйшей копіи, хорошо передающей оригиналъ;

3) Андрея Яковлевича Стороженка въ чинѣ полковника—съ оригинальной акварели;

4) Владимира Андреевича Стороженка воспитанникомъ Пажескаго Корпуса—также съ оригинальной акварели;

5) Андрея Яковлевича Стороженка въ ту эпоху, когда онъ былъ Главнымъ Директоромъ Комиссіи Внутреннихъ и Духовныхъ Дѣлъ Царства Польскаго, — съ оригинальнаго дагерротипа, снятаго въ 1847 г.;

6) Алексѣя Петровича Стороженка — съ гравированнаго портрета его, приложеннаго къ Одесскому изданію поэмы „Марко проклятый" (1879 г.).

Если бы представители другихъ линій нашего рода, познакомившись съ нашимъ архивомъ, пожелали подѣлиться съ нами имѣющимися въ ихъ распоряженіи семейными бумагами и портретами, то мы просимъ переслать ихъ намъ для помѣщенія въ слѣдующемъ томѣ нашего изданія, который готовится къ печати, адресуя такъ: г. Кіевъ, 4-ая гимназія, г. директору Н. В. Стороженку.

А. С.

I.

Письмо старшаго полковника Запорожскаго войска Андрея Стороженка къ канцлеру велик. княж. Литовскаго Льву Сапѣгѣ, отъ 30 мая 1610 г., изъ лагеря подъ г. Почепомъ, съ увѣдомленіемъ о своей готовности двинуться на помощь королю подъ Смоленскъ, съ просьбой о присылкѣ, взамѣнъ перваго неопредѣленнаго, другого „приповѣднаго" листа, въ которомъ были бы точно означены размѣръ и условія уплаты жалованья его отряду, состоящему изъ 10000 козаковъ, и съ обѣщаніемъ ожидать просимаго листа подъ г. Брянскомъ.

Wielmożny m-cziwy panie canclerzu Wielkiego X-a Litt., panie a panie nasz m-cziwy!

Jako napowolnieisze služby nasze do m-cziwey laski W. M-ci, naszego m-cziwego pana, pilnie oddaiemy.

Nie mieszkaiąc po oddaniu lista W. M-szi, naszego m-cziwego pana, przes Jegomc pana Samuela Zienowicza do nas pisanego, nowo przes Jegomc pana Lukasza Isaikowskiego, 28 may pod Poczapowem nastąpiło, w ktorym nam W. M-sc, nasz m-cziwy pan, roskazowac raczysz, abysmy się, iako narychley, do poslug Jego Kr. M-czi pod Smolensk spieszyli. Wprawdzie, wielmożny a m-cziwy panie, umysł nasz ieszcze s pierwszego ruszenia naszego s kurzenia na thim zasadzon iest y na thochmy ochotnie poszli, abychmy posługami naszymi, według możnosci, Kr. Jego M. y Rze-pp. dogodzili, co się jusz czescią na pierwszym wstępie w ziemie Moskiewskiey za łaską Bożą y szczesliwym panowaniem Jego Kr. M-sci y porządną sprawą W. M-sci, naszego m-cziwego pana, pokazało, sz czego się nieprzyi·ciel nie na zbyt cieszy, jakosz y do konca w posługach naszych przeciwko Kr. Jego M-sci ustawac nie chcemy; thilko nas tho, wielmożny a m-cziwy panie, trwoży, że danina, od nas (za przyczyną W. M-sci, naszego m-cziwego pana) uproszona od Kr. Jego M-sci (tho iest listh przypowiedny), nie iest warowana: nie naznaczono, iestli żold gotowy nam dawac będą; nie mianowano, po czemu na człowieka na czwierc; nie wyrażono, na wiele woiska, gdysz nas iest theras do dziesiące y daley tysięcy; naostatek, nie

dołożono, na kim, na czym y na ktorim miescu thego ubogiego żoldu krwawego, po wykonaniu posługi, kto się żywym zostanie, upominac bychmy się mieli. Pokornie thedy a pokornie prosimy W. M-czi, naszego m-cziwego pana: racz, W. M-cz, nasz m-cziwy pan, tho Krolu Jego M-czi przełożyc y sam m-cziwym przyczyncą bydz, żeby nas Jego Kr. M-cz, według conditiey wyszmianowanych, listem przypowiednym warowac raczył; co gdy odzierzemy, thym się więcey rozzarzy serce nasze do posług Jego Kr. M-czi y Rze-pp. y thym prędzei na mieisce, od W. M-czi naznaczone, do Krola Jego M-sci pod Smolensk, dniem y nocą pospieszac się nie zaniechamy y thego listu przypowiednego pod Branskiem oczekywac będziemy. S tim, dai Panie Boże, abychmy o dobrym zdrowiu y szczęśliwym powodzeniu W. M-czi, naszego m-cziwego pana, zawżdy słyszeli.

Dan s pod Poczapowa, 30 may anno D-ni 1610.

W. M-czi, naszego m-cziwego pana, nanizsze sludzzy, Andrzey Storożenko, starszy połkownik, ze wszystkim rycerstwem woiska Jego Kr. M-czi Zaporoskiego, mp.

Адресъ: Wielmożnemu panu Leonowi Sapiezie, canclerzowi Wielkiego X-a Litt., Mohylowskiemu, Pernawskiemu etc. staroscie, panu naszemu m-cziwemu.

II.

Письмо А. Стороженка къ Л. Сапѣгѣ такого-же содержанія,—отъ 2-го іюня 1610 года.

Jasnie wielmożny a miłosciwy panie canclerzu Wielkiego Xięstwa Litewskiego, panie a panie nasz wielce m-sciwy!

Służby y powolnosci nasze rycerske w W. M-sciwą łaskę W. M. naszego m-sciwego pana, iako naypilney, offiaruiemy.

Pisac W. M., nasz m-sciwy pan, do nas raczył przes Jego M-sc pana Samuela Zienowicza y powtaraniem przes Jego M-sc pana Lukasza Jsaykowskiego, w ktorym nam W. M. dokladac raczy, abychmy na posługę Jego Kr. M-sci pod Smolensk bez mieszkania sciągaly się. Powinnosc to nasza, wielmożny a miłosciwy panie, niesie, abysmy, według predsięwzięcia swego, posługamy naszymy rycerzskymy Krolowi Jego M-sci y Rzeczy-Pospolitey dogodzili, co się jusz po częsci za łaską Bożą y szcz sliwym panowaniem Jego Kr. M-sci y porządną sprawą W. M., naszego m-wego pana, pokazalo, s czego się nieprzyiaciel nie na zbyt cieszy, iakoż y do konca w posługach naszych przeciwko Krolia Jego M-sci ustawac nie chce-

my; thylko nas to, wielmożny a miłosciwy panie, trwożi, że danina, od nas (za przyczyną W. M., naszego pana m-go) uproszona od Krolia Jego M. (to iest list przypowiedny), nie iest warowana: nie naznaczono, ìesli żold nam gotowi dawac będą; nie mianowano, po czemu na czlowieka na czwierc; nie wyrażono, na wielie woyska, gdyż nas iest teras do piętnasta, tysięcy woysca y dali; naostatek, niedolożono, nakim, naczym u na ktorym mieyscu tego ubogiego żolda krwawego, po wykonaniu posługy, kto się żywy zostanie, upominac bychmy się mieli. Pokornie tedy a pokornie prosimy W. M., naszego m-go pana: racz W. M., nasz miłosciwy pan, to Kr. Jego M. przelożyc y sam miłosciwym przyczyncą byc, żeby nas Jego Kr. M., według conditiey wyszmianowanych, listem przypowiednym warowac raczyl; co gdy odzierzymy, tym się więcey rozzarzy serce nasze do poslug Jego Kr. M. y Rzeczy-Pospolitey, y tym prędzey na miesce, od Kr. Jego M. naznaczone, pod Smolensk, dniem i nocą pospieszac się nie zaniechami y tego listu przypowiednego pod Branskem oczekiwac będziemy. S tym, day Panie Boże, abychmy o dobrym zdrowiu y sczęsliwym powodzeniu W. M., naszego m-go pana, zawżdy słyszeli.

Dan s pod Poczapowa, dnia 2 juny anno D-ni 1610.

W. M., naszego m-go pana, nanizsze słudzy Andrzey Storożenko, starszy połkownik, ze wszystkym rycerstwem Kr. Jego Ms. woyska Zaporoskiego, mp.

Адресъ: Jasnie wielmożnemu Jego M. panu Leonowi Sapize, kanclerzowi Wielkiego X-a Litewskiego, Mohyliewskiemu, Pernawskiemu etc. staroscie panu naszemu miłosciwemu [1]).

---

[1]) Оба эти письма однороднаго содержанія различаются лишь тѣмъ, что одно помѣчено 30 мая, а другое—2 іюня; въ первомъ отрядъ козаковъ опредѣляется въ 10000, а во второмъ—въ 15000 человѣкъ. Такое однообразіе въ содержаніи писемъ и разница въ цифрахъ могли произойти по слѣдующей причинѣ: Андрей Стороженко, отправивъ 30 мая къ Л. Сапѣгѣ своего гонца съ первымъ письмомъ, могъ 2 іюня получить извѣстіе, что гонецъ или захваченъ Московскими войсками, или съ нимъ случилось что-либо въ дорогѣ, а потому поспѣшилъ отправить второе письмо; въ этомъ послѣднемъ „старшему полковнику" Запорожскому пришлось уже увеличить цифру козаковъ, потому что въ промежутокъ времени между датами обоихъ писемъ къ нему могъ прибыть новый отрядъ козаковъ въ 5000 человѣкъ. Впрочемъ, второе письмо могло быть пущено вслѣдъ за первымъ и для большей увѣренности, что одно изъ нихъ дойдетъ непремѣнно по назначенію. Разница въ правописаніи писемъ можетъ быть объяснена, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что они писаны хотя и подъ диктовку одного и того же Андрея Стороженка, но двумя разными лицами, хотя подписаны оба письма собственноручно Андреемъ Стороженкомъ.

Оба письма печатаются по копіямъ съ оргиналовъ, хранящихся въ библіотекѣ графовъ Рачинскихъ въ Познани. Точность копій засвидѣтельствована извѣстнымъ библіотекаремъ этого богатого книгохранилища Іосифомъ Лукашевичемъ 17 мая 1847 года въ слѣдующихъ словахъ:

Zgodność powyższych odpisów z oryginałami poswiadcza—w Poznaniu 17 maja 1847—Biblioteka publiczna hrabi Raczyńskich.—Józef Lukaszewicz. (M. П.).

III.

5 августа 1689 г. Купчая запись на сумму „сто талярей личбы литовской“ на разнаго рода недвижимое имущество, выданная Василіемъ Романовичемъ Глущенкомъ, жителемъ с. Буромки, полковнику Прилуцкому Ивану Стороженку.

Року Божого тисяча шестсотъ осмъдесят девятого мѣсяця августа дня пятого.

На врадѣ нашемъ Ичанскомъ, пред нами Федоромъ Бѣлоцеркувцемъ сотникомъ, Гарасимомъ Григоревичемъ атаманомъ городовимъ, Семеном Григоревичемъ войтомъ, Петромъ Семеновичемъ, Андреемъ Онищенкомъ бурмистрами, на той часъ будучими Ичанскими, и с притомностю честного господина отца Феодора Соколовского, священника Свято-Воскресенского и намѣсника Ичанского, такъ тежъ при битности на той часъ Кондрата Петровича, Демяна Михайловича, Дацка Касяновича, и иныхъ не мало на тотъ час будучих могоричниках, ставоши перед нами, Василь Романович Глущенко, житель Буромский, а мешканецъ на сей час Иваницкий, сознал ясне, явне, доброволне, до сего запису, иж продалъ коло мучное з каменемъ з однимъ и заставку фалюшную Лужниковую, лежачіе на рецѣ Смоши у Иваницѣ, такъже нижей тоеи гребли садъ з огородомъ, з сѣножатю, з лозою, продалъ славетне урожонному его милости пану Ивановѣ Стороженковѣ, полковниковѣ войска Их Царского Пресвѣтлого Величества Запорожского Прилуцкому на тот час будучому, за суму певную, тоесть за сто талярей личбы литовской, що теж вишъ реченний Василь Глущенко варуетъ симъ записомъ стверженимъ пана Івана, абы жадной перешкоди и пренагабання[1]) не мѣлъ нѣ от кого, якъ от его самого, такъ от жони и потомковъ его и кревних его близкихъ и далекихъ, в вѣчное обладание, в спокойное вживание, якъ самому пану Ивану в поссесіи оставати маетъ, такъ тежъ и потомкамъ его. На що для даня вѣры и далшей памяти сей запис Василя пану Ивану с подписомъ руки и с притисненемъ печати мѣской Ичанской видати казалисмо. Писанъ в ратушу Ичанскомъ року и дня звишъ описанного. Устне упрошоний о подпис руки, Ігнатъ Павлович, писаръ мѣскій Ичанский.

При которой куплѣ виш описанной пригодилися Максимъ Симоновичъ, мелникъ Щуровскій, и Нестеръ Григориевичъ Раскувскій, Сидоръ Остапенко Раскувский. (М. П.).

(Съ копіи).

---

[1]) Съ польскаго: przygnębienia.

IV.

26 іюня 1690 г. Батуринъ. Универсалъ гетмана Ивана Мазепы, жалующій полковнику Прилуцкому Ивану Стороженку с. Ржавецъ и разрѣшающій ему отбирать въ свою пользу войсковую часть помола (поколесовщину) съ мельницы подъ м. Иваницей.

Пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ Государей Ихъ Царского Пресвѣтлого Величества Войска Запорозкого гетманъ Іоанъ Мазепа.

Ихъ же Царского Пресвѣтлого Величества войска Запорозкого всей старшынѣ и чернѣ и кождому, кому о томъ вѣдати належит, ознаймуемъ. Ижъ просилъ насъ панъ Іванъ Стороженко, полковникъ Прилуцкій, абысмо заховали при немъ селце, прозываемое Ржавецъ, для помочи его хуторцеви, близко того селца Ржавця будучому. Да тутъ же заносилъ къ намъ свое прошеніе и о семъ, абысмо в его пана полковника млынѣ власномъ подъ мѣстечкомъ Іваницею, на греблѣ мѣской стоячомъ, от едного кола мучного, а другого ступного Дацихи мелнички, обывателки Іваницкой, часть на войско належную позволили ему отбирати. А такъ по милости Божой и по монаршому и(хъ) Царского Пресветлого Величества указу маючи мы гетманъ власть . . . . [1]) тое селце Ржавецъ надаемъ ему, полковникови Прилуцкому, такъ и в млынѣ, за гроши его власные купленомъ, од Дацишиного кола мучного и ступного част на войско належную позволяем ему отбирати до ласки войсковой. А то, респектуючи на его пана полковника Прилуцкого значные у войску Запорозкомъ и зычливые услуги, которіе онъ здавна ронил и вперед охочо ронити на службѣ монаршой мает. В чомъ всем, абы ему нихто з старшыни и чернѣ не чинилъ перешкоды, мѣти хочем и приказуем. А войтъ того селця Ржавця з посполитыми тяглыми людми (опрочъ козаковъ) жебы ему належитое отдавали послушенство. Данъ въ Батуринѣ іюня кѕ року от сотворенія свѣта зрчи, а от Рожества Христова ҂ахч. Звишъ менованый гетман рукою власною mp. (М. П.).

(Съ подлинника).

---

[1]) Продолговатая дыра въ бумагѣ на мѣстѣ складки.

V.

26 февраля 1693 г. Батуринъ. Подтвердительный универсалъ гетмана Ивана Мазепы, данный вдовѣ полковника Прилуцкаго Ивана Стороженка Маріи, и сыну ея Андрею, на владѣніе с. Ржавцомъ и мельницами подъ м. Иваницей.

Ихъ Царского Пресвѣтлого Величества войска Запорозкого гетманъ Іванъ Мазепа.

Ознаймуем симъ нашим писанемъ всей старшинѣ и чернѣ войска их Царского Пресвѣтлого Величества Запорозкого, а особливе пану полковникови Прилуцкому, старшинѣ полковой, сотникомъ и кождому, кому колвекъ о том вѣдати належить, ижъ яко по прошенію небожчика пана Івана Стороженка, бывшого полковника Прилуцкого, надалисмо были оному село Ржавцы и позволилисмо з млына его власного под мѣстечком Іваницею на греблѣ мѣской стоячого всѣхъ пожитковъ заживати и од едного кола мучного, а другого пол кола ступного Дацихи, мелнички Іваницкой, част на войско належную отбѣрати, респектуючи на его старинныи услу(ги), такъ в той же нашой рейментарской оборонѣ и респектѣ позосталыхъ жону его Стороженкову п. Марію и сына п. Андрѣя Івановича, яко до войсковое службы мѣючого способност, заховуючи, ствержаемъ сим унѣверсаломъ нашим тое надане наше, позволяючи имъ помененымъ селом Ржавцами до ласки нашой войсковой владѣти и з млына от власного всѣхъ пожитковъ а з Дацишиных полтора колъ части войсковое, кроме мелницкое, заживати. Зачим мѣти хочем и приказуем, абы кождый з старшыхъ и меншых, вѣдаючи о такой волѣ нашой, неважился пречечонои п. Стороженковой и сынови еи п. Андрѣевѣ во владѣню тым селом Ржавцами и в отбѣраню розмѣровых, якося вышей наменило, приходовъ чинити жадное перешкоды; войтъ зас оного села з посполитыми людми опрочъ козаковъ, жебы имъ належитое оддавали послушенство особливе приказуем. Данъ в Батуринѣ февраля кѕ҃ року ҂ахчг. (М. П.).

Свишъ менованый гетманъ рукою власною.

(Съ подлинника).

м
ж
п

І

их
по
ко
чи
мо
по
за
ци
ту
об
сы
но
по
во
по
хо
та
еи
мѣ
во
им
Ба

Иванъ Стороженко († 1693).

VI.

9 іюля 1700 г. Постановленіе Иченскаго сотеннаго уряда: сотника Андрея Стороженка съ проч., подтверждающее право владѣнія окопомъ и сѣножатью, завѣщанными жителемъ Иченскимъ Дацькомъ Германовичемъ Ржавскому священнику Якову Яковоvичу, за этимъ послѣднимъ.

Року ҂аѱ҃ мѣсяца іюля ѳ҃ дня.

На врадѣ нашомъ Ичанскомъ, перед нами Андреемъ Стороженкомъ сотъником, атаманомъ городовимъ Костемъ Даниловичемъ, войтомъ тамошънимъ Кириломъ Яковоvичемъ, бурмистрами Иваномъ Кобенякомъ и Грицкомъ Чепѣгою, ставши Иляшъ Сѣрикъ, жител нашъ Ичанский, добр)волне висвѣдчил, же окоп и сѣножать, особно стоячая за могилою Хаихою, Дацковъскии, давними времени кошували емуж небожчикови Дацкови Германовичу, жителеви бивъшому Ічанскому, и повѣделъ, же я в том окопѣ и сѣножати добре вѣдаю, же ничие іншіе то грунта, толко власніе Дацковские. Що ми, урад мѣский Ічанский, его мову и висвѣдченне велѣлисмо на ратушу нашомъ Ічанском записати року и дня звишписанного, которий то окопъ леговал небожчик Дацко и сѣножат, отцу Якову Яковоvичу, презвитеру Іржавскому, у вѣчность, и нѣхто неповинен до оного окопу и сѣножати вѣчними часы інтересоватися, що для далшой памяти и увѣренія и печатію мѣскою зтвержаем року и дня звишъ писанного.

Звишъ менованний урад мѣский Ічанский при подписѣ руки Стефана Зеленского писара Ічанского. (М. П.).

(Съ подлинника).

VII.

14 іюня 1703 г. Купчая крѣпость, выданная Константиномъ Полуяненкомъ, жителемъ Ржавскимъ, сотнику Иченскому Андрею Стороженку на принадлежавшую ему половину ставка при с. Ржавцѣ, проданную за двадцать золотыхъ.

Року ҂аѱ҃г мѣсяца июня дня четвертогонадцят.

Я, Кость Полуяненко, житель Іржавский, ставши на врядѣ Ічанскомъ, явне, устне и доброволне зознаю такъ, ижъ поневаж братъ мой Лукянъ Полуяненко передом част свою ставка в Иржавцѣ стоячого

продалъ пану Андреевѣ Стороженковѣ, сотниковѣ Iчанскому, теди и я, розмыслившися напотимъ, свою част тогож ставка (в) Ржавцѣ за двадцят золотих томужъ пану Стороженковѣ, сотниковѣ Iчанскому, продалемъ у вѣчност, и тиижъ частки уже нѣ я, нѣ жена моя, нѣ дѣти мои неповинны будутъ упоминатися, моцно того хороню, варую i оберегаю, а пану сотниковѣ звишъ реченному Iчанскому тотъ же ставокъ купленний волно будетъ кому хотя дати, продати и даровати, i ку своему пожитку якъ хотя привернути, самое право позволяет. Данъ з ратуша Iчанского року и дня вишше писанного, и для лучшего у каждого права и суду валiору печаттю урядовою корроборовано. В подленномъ подписанно: свишъ менований Кость Полуян(енко). (М. П.).

Упрошоний до подпису Яковъ Котелницкий писаръ Iчанский.

(Съ копiи).

VIII.

24 февраля 1706 г. Купчая запись на сумму „двадцать талярей съ копою монеты доброи литовскои“ на лѣсъ, выданная жителемъ Ржавскимъ Тимошомъ Павленкомъ на имя сотника Иченскаго Андрея Ивановича Стороженка.

Року 1706 в постъ великий третои недели (24 февраля).

На врадѣ Ичанскомъ пред Михайломъ Мартиновичомъ Рабушкою атаманомъ городовимъ, Остапомъ Якозичемъ Богаченкомъ войтомъ, Петромъ Семеновичемъ, Грицкомъ Соляникомъ Прокоповичемъ бурмистрами Ичанскими, ставши я очевисне Тимошъ Павленко, жителъ Ржавский, сознаю явне и довроволне, ижъ без жадного примусу и насилствиа, але з доброи волѣ моей, лѣса моего половину стоячого у Грабовѣ Коцевского, подѣленого уже з братомъ моимъ Семеномъ Павленкомъ, Дикимъ прозиваемимъ, пану Андрею Ивановичовѣ Стороженковѣ, сотниковѣ Ичанскому, за двадцят талярей з копою монети доброй литовской продалемъ у вѣчностъ, що да будетъ явно всѣмъ вобецъ такъ сихъ часовъ нинѣшнихъ и познѣйшихъ придучихъ, кому будетъ о семъ вѣдати належало, явно чиню; а пану Андрееви Стороженковѣ, сотниковѣ Ичанскому, туюжъ мою звишъ реченую продажу волно, кому хотѣти дати, даровати и продати самое незбороняетъ право пос-

политое, якую то продажу мою в ратушу печатю ураду Ичанскогожъ замоцнивши, валіору ради лучшаго и до каждого права и суду приступу снаднѣйшого, далемъ до рукъ пану Андреевѣ Стороженковѣ, сотниковѣ Ичанскому, за подписомъ імени писарского року и дня виш писаного. Яковъ Котелнѣцкий, писаръ Ичанский. (М. П.).

(Съ копіи).

IX.

12 марта 1706 г. Уступочная запись на „рабочее поле и лѣсокъ" за долгъ, выданная жителемъ Иченскимъ Павломъ Коломыйченкомъ жителю Ржавскому Остапу Момотку, завѣренная Иченскимъ урядомъ: сотникомъ Андреемъ Ивановичемъ Стороженкомъ и проч.

Року 1706 марта 12 число в середу 3 недѣли святого великого посту.

Перед нами урадом Иченскимъ, Андреем Стороженком сотником, Михаилом Рабушкою атаманом городовым, Остапом Богаченком войтом, Петром Семенчуком и Грицком Прокоповичем Соляником бурмистрами, ставшы явне очевисте жытел Ржавский Остапъ Момоток прекладал свою жалобу на Павла Коломыйченка, жытеля Ичанского, же ему Остапу виноват зостает талярей десяток за коня, а же не мѣлъ готовых грошей зараз отдати, теды сам Павел Коломыйченко з доброй волѣ своей, а не з примусу жадного, пустилъ в осмнадцяти золотых за долгъ свой, що виноват зостал Остапу Момотку Ржавскому, поле робочое на двѣ недели под Осичихою помѣжники Лысенки з едного боку, а з другого боку по дорожку, которая идетъ от Осичихи до яровъ до Иваницѣ идучи;также и лѣсокъ въ Вѣжнѣ стоячый, помѣжъ Касяненкового,—у вѣчност; а остатку тогожъ долгу, тоест золотых осми о ярмарцѣ Петровчапом повинен будет Павелъ Коломыйченко Момотку Ржавскому отдати. До тогож поля робочого под Осичихою и до лѣска у Вѣжнѣ помѣжъ Касяненкового стоячого, жебы нѣхто яко з дѣтей моих, также и пріятелей моих же близких и далеких, не важылся интересовати, моцно того хороню, дарую и оберегаю зарукою талярей двадцяти на урадъ Иченский на таковогo, який бы мѣлъ якую колвекъ, так в полю робочым, яко и в лѣску в Вѣжнѣ стоячым шкоду чынити жытелеви Ржавскому Момотку

Остапу. А ему Остапу Момотку волно ест и будетъ тоежъ поле робочое Коломыйченково Павлово як хотѣти ку своему пожытку прывернути и кому хотѣти даровати, дати и продати самое право посполитое позволяетъ.

Писан сей записъ в ратушу Иченском за вѣдомом и указом выше мененого ураду Иченскогож, року и дня выш написаного и для валіору лучшого и достовѣрія у каждого суду и права печатю урадовою Иченскою змоцнены ест. (М. П.).

Звышмененъный урадъ Иченский. Яков Котелнѣцкий писар Иченский mp.

(Съ подлинника).

X.

10 апрѣля 1707 г. Прилука. Универсалъ Прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка, разрѣшающій сотнику Иченскому Андрею Ивановичу Стороженку пользоваться „до ласки войсковой“ „частью войсковой“ отъ помола на мельницѣ, о двухъ колесахъ, находящейся на р. Иченкѣ и принадлежащей ему, Стороженку.

Его Царского Пресвѣтлого Величества войска Запорозкого полковникъ Прилуцкий Димитрій Горленко.

Всѣмъ обще и кождому з особна, кому о том вѣдати тепер и в потомніе часы належатиметъ, вѣдомо чинимъ сымъ лыстомъ нашымъ, ижъ просилъ нас панъ Андрей Стороженко, сотникъ Ичанский, непоеднокрот и прилѣжно, абысмо ему в млынѣ его власномъ, куплею набытомъ, на рѣчцѣ Иченцѣ, а на греблѣ Лучковской, о двохъ колахъ, стоячомъ, част войсковую до заживаня позволили. Мы предто, мѣючи взгляд на службы и працы его пана Андрея Стороженка, сотника Иченского, многолѣтне уже в приходахъ и оказіахъ войсковихъ нелѣниво ложеніе і роненіе, яко прошенію его таковому далисмо мѣсце, такъ ему част войсковую з двохъ колъ, въ млынѣ на греблѣ, вышше специфѣкованной, чрезъ егож купленомъ, знайдуючыхся, приходячую, надаемъ и на свой отбырати пожытокъ і оноюж до ласки войсковой користовати позволяем, въ которомъ то части войсковой з менованого млына обохъ

колъ спокойномъ обыраню, абы никто ему пану Андрею Стороженку, сотнику Иченскому, жадной перешкоды и пренагабаня чынити неважылся, пилно мѣти хочемъ и приказуемъ. Тут же и посланному отъ насъ для отбираня поколесовщины, кто колвек он будетъ, абы у его пана Андрея Стороженка, сотника Іченскаго, поколесовщины обыклой от тихъ двох его колъ, на вышше мененной греблѣ обрѣтаючихся, без особливой нашой волѣ и росказаня неважился а нѣ отбырати, а не упоминатись, грозно приказуем. Данъ въ Прилуцѣ д. 10 априля 1707 року. Звишъ менованій полковникъ Прилуцкій рукою власною. (М. П.).

(Съ копіи).

XI.

5 февраля 1709 г. Нѣжинъ. Подтвердительный универсалъ гетмана Ивана Скоропадскаго, выданный сотнику Иченскому Андрею Стороженку на владѣніе с. Ржавцемъ, с. Томашовкой, с. Ступаковкой и мельницами на р. Смошѣ при м. Иваницѣ и при с. Ступаковкѣ.

Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшего Великаго Государя Нашего Его Царского Величества войска Запорожского гетманъ Іоаннъ Скоропадскій.

Всей старшинѣ и чернѣ войска Его Царского Пресвѣтлого Величества Запорожского полковой Прилуцкой и кождому, кому бы тилько теперь и въ потомний часъ вѣдати належало, сымъ унѣверсаломъ нашимъ ознаймуемъ: ижъ презентовалъ намъ антецессора нашего, бывшаго гетмана, унѣверсалъ панъ Андрей Стороженко, сотникъ Иченский, на села Ржавецъ, Томашувку в сотнѣжъ Иченской найдуючиеся, а Ступакувку в сотнѣ Иваницкой, такъже и на млини: единъ на рѣчцѣ Смоши под Иваницею стоячий, другие в селѣ Ступакувцѣ будучие, и на част в млинахъ войсковую даннии; на що и нашого просилъ реновации и потверженя. Мы теды, гетманъ, стосуючися антецессора нашого унѣверсалу, до того респектуючи на значніе его, пана сотника, в войску Запорожском праци, заслуги и прислуги, в якихъ всегда стале, статечне и непремѣнно управляеться, яко всѣ тие вышей специфѣкованніе села ему, пану Стороженку, в подданскомъ абы были послушенствѣ, ствержаемъ и част войсковую в млинахъ надаемъ, такъ пилно мѣти хочемъ

и приказуемъ, абы нихто зъ старшини полковой Прилуцкой, особливе сотникъ Иваницкий, о таковой нашей вѣдаючи волѣ, несмѣли и не важилися ему, пану Стороженку, в отбыраню зъ людей посполитихъ послушенства, а з млиновъ части войсковой, найменшой чинити перепони и перешкоди, до ласки нашой и войсковой; войты зась сѣлъ выжей выписанныхъ з посполитими людми ему, пану Стороженку, должни во всемъ поддапское отдавати послушенство, варуемъ и грозно приказуемъ, в чемъ выразной волѣ нашой абы задоситъ было чинено повторе и по десяти жадаемъ, упомынаемъ, грозимъ и приказуемъ. Данъ в Нѣжинѣ 5 февруарія року 1709. Звышъ менованный гетманъ рукою власною mp. (М. П.).

(Съ подлинника).

XII.

27 февраля 1709 г. Прилуки. Универсалъ Прилуцкаго полковника Ивана Носа, разрѣшающій сотнику Иченскому Андрею Ивановичу Стороженку брать въ свою пользу „часть войсковую“ изъ двухъ мельницъ, находящихся на р. Иченкѣ при с. Лучкахъ.

Его Царского Пресвѣтлого Величества войска Запорожского полковникъ Прилуцкий Іванъ Носъ.

Всѣмъ кому бы колвекъ о томъ вѣдати надлежало, а меновите п. атаману городовому Ичанскому, такъ тежъ и сѣлской атаманнѣ з товариствомъ, и войтамъ тоей же сотнѣ Ічанской с посполствомъ, симъ листом нашимъ ознаймуемъ, ижъ респектуючи мы на прислуги пана Андрея Стороженка, сотника Ічанского, от давних уже лѣтъ в войску Запорожскомъ роненіе, позволилисмо оному з млинка Якима Лучки, в селцѣ Лучках на рѣчцѣ Иченцѣ о двох колах стоячого, такъ же и з власного его млинка в томъ же селцѣ Лучках на едной греблѣ з Лучинимъ млинкомъ найдуючогося тамъ же о двох колах, ку потребѣ его часть войсковую борошна отбѣрати. Прето, абы мененому пану сотнику Ичанскому в отбиранъю з тихъ двохъ млиновъ ед(н)ого Лучкиного, а другого его власного, части войсковой борошна неважился нѣхто жадною мѣрою кривди чинити, пилно о тое мѣти хочемъ и властію нашею полковничою приказуемъ. Данъ у Прилуцѣ року 1709 февруарія 27 д. Звиш менованний полковникъ Прилуцкий. (М. П.).

(Съ копіи).

XIII.

11 февраля 1710 г. Глуховъ. Рѣшеніе генеральнаго суда по спору о владѣніи недвижимымъ имуществомъ, принадлежавшимъ Марѣ Дацихѣ, между ея дочерьми отъ перваго брака и ея вторымъ мужемъ.

Року тысяча семъсотъ десятого мѣсяца февруарія первогонадцат дня.

Перед судомъ Его Царского Пресвѣтлого Величества войска Запорожского енеральнымъ, заносили свою скаргу Іванъ Левченко, жител Ступаковский, и Грицко Бугаенко, козакъ сотнѣ Воронижской, жител села Локотковъ, з жонами своѣми Настею и Ганною, дочками покойной Марѣ, по першом мужу Дацихи, прекладаючи, якобы отчимъ ихъ Іванъ Ланченко, приставши до матки их, понялъ себѣ за жону, и всѣми добрами отчистими завладѣлъ былъ, з которою жадного не мѣючи потомства продалъ млынъ их отчистый на рѣчцѣ Смошѣ и на рѣчцѣ Іваницѣ о двох колах мучномъ и ступномъ построений за золотих шестсот доброй монети еще за живота жоны своеи Мари, а сих Настѣ и Ганни матки, в замѣну зас того млина купил млынъ о двох колах, одномъ мучномъ, а другомъ ступномъ, в вершинѣ тих же рѣчокъ на рѣчцѣ Ржавцѣ межи городкомъ Іваницею и межи селомъ Ступаковкою у Якова Даценка, жытеля Ічанского, з гаями и з полемъ пахатнымъ за полъшостаста золотих, которым млыномъ владѣлъ килканадцат лѣтъ з жоною своею, а маткою помененныхъ Настѣ и Анны аж до самой смерти покойной Мари, з чого они Настя и Анна жадной не мѣли користи. Да тот же Іван Ланченко отчимъ, набивши з господарства грошей, купил в насъ млынокъ на рѣчцѣ Ржавцѣ, вверхъ млина Карпеліового о двох колах мучномъ и ступномъ стоячий, и покупил з тогож господарства поля пахатные гаѣ и инъние угодіа, а по смерти жоны своей стиртъ пят збожя житного змолотивши поховалъ в ями. Позваная сторона Іванъ Ланченко отвѣтовалъ, же я, мовит, любо понялем Марю Дациху в малженство и до власного еи господарства присталемъ, однакъ нѣчого я не утратилем, а нѣ промарнотратилем, овшем еще здержалемъ и що змоглемъ прикупилемъ. В чом всем обѣ сторонѣ просили совершенной росправы. Былъ теди по их обосторонном прошению перше оденъ листъ з суду войскового енерального до пана сотника Іваницкого, а потом другий до тогож п. сотника в року 1709 в мѣсяцах септеврие и октоврие, злецаючие, абы там, яко свѣдомы тихъ добръ, успокоѣли заводъ межи обѣими сторонами. А же по многих алтернаціахъ Іванъ Ланченко доброволне приступил, что вперед немѣетъ

інтерессоватися до млынка, на рецѣ Ржавцѣ межи Іваницею и межи селом Ступаковкою стоячого, а не до пол пахатных такъже и до гаювъ, не мѣтимет жадной претенсиѣ, котрих з дворами и садами пасербицам своѣм Настѣ и Ганнѣ уступилъ. Теды суд Его Царского Пресвѣтлого Величества войска Запорожского енеральный добровольную згоду конфѣрмуетъ, а наказуетъ, аби Іванъ Ланченко, поневажъ жадного з жоною своею Марею не мѣетъ потомства, половиною млына того контентовался, який естъ вышей млына Корпеліового на тойже помененной рѣцѣ Ржавцѣ построенъ, и половины заживалъ спокойне добр во всѣхъ полях и гаях и в грунтах, половина теж мѣетъ якъ в млинѣ, стоячом выжей Корпеліового млына, належати Настѣ и Аннѣ, дочкам покойной Мари Дацихи, мелнички Іваницкой, такъ и в полях пахатныхъ и во всѣхъ набитках, що колвекъ нажил Іванъ Ланченко з жоною своею, а с их маткою, и прикупилъ, половина в том мѣетъ быти. Що зас стиртъ пят збожя житного Іванъ Ланченко змолотилъ, з того всего повинен дати пасербицам своѣмъ яму одну жыта, тылкож якую они з межи ямъ Ланченковых взяти похотят. Жебы теж в потомние часы сей завод уморений не вщынался, судъ войсковый енералный на турбатора покладает вины талярей сто. Для чого и сей декретъ з подписом рукъ притесненемъ звиклой судовой печати сторонѣ потребуючой естъ выданъ року, мѣсяца и дня, вышей выраженых, в Глуховѣ. Его Царского Пресвѣтлого Величества войска Запор(ожского) судія енеральный Алексѣй Михаилович Туманский. mp. Петро Булавка писар судов войсковых енералный mp. (М. П).

(Съ подлинника).

XIV.

29 мая 1710 г. Купчая запись на сумму „двѣсти золотихъ монеты доброи личби литовской“ на лѣсъ, выданная жителькой Иченской Ульяной Костихой на имя сотника Иченскаго Андрея Ивановича Стороженка.

Року 1710 мѣсяца мая дня 29.

На врадѣ нашомъ Ічанскомъ пред нами Василіемъ Будолуцою атаманом городовимъ, Семеномъ Григоріевичомъ войтомъ, Иваномъ Пилипенкомъ и Иваномъ Кобенякомъ бурмистрами, на тот час будучими Ічанскими, ставши перед нами Улияна Костиха, позосталая по мужу своемъ при старости лѣтъ своихъ, здавна жителка Ічанская, сознала явне, ясне і доброволне до сего запису, ижъ с порадою сыновъ своихъ, не з якого примушенія, а нѣ от кого ест намовлена, але з доброи волѣ своей продала лѣсъ свой власний, стоячий за Лучковкою, якъ идетъ рудка, якая знайдуется по половинѣ отъ Якима Лучки з едной сторони, а з едного конца порубъ Горленкова, полковника бывшого Прилуцкого, по ровъ с третои стороны Постулѣенковъ и по лѣс Дацковский, тоест за певную цену, за двѣстѣ золотихъ сполна монети доброи личби литовской, его милости пану Андрею Стороженкови, пану сотникови Ічанскому, якая во первыхъ была продажа от помененной Улияни Костихи Костеви Протащукови, жителеви Ічанскому, а же будучи тот лѣсъ у помѣжниствѣ спаном сотникомъ, а увѣдавши тотъ торгъ, посилалъ Леска Филѣмоновича до синов Костишиних, которіе мѣли призволеніе и повѣдали волѣй пану Андрею Стороженку продати, а нѣжемъ Протащуковѣ, теди и Кость Протащукъ в томъ торъгу немѣлъ жадной перешкоди; в которой продажи меновала помененна Улияна, же не повинни сыни мои, з жадного потомъства моего, такъ з близких кревнихъ і далекихъ пріятелей моихъ, о тотъ лѣсъ, от мене проданій, пана Андрея Стороженка, пана сотника Ічанского, у каждого права и суду вѣчними часи турбовати, волно ему пану Андрею Стороженкови, пану сотникови Ічанскому, продати, дати, даровати, іле якъ хотя ку своему пожитку обернути, женѣ и потомству его у вѣчное время де(р)жати, на що про имовѣрност лѣпшую і про долшую памят и сее писаніе дает Улияна Костиха его милости пану Андрею Стороженкови, пану сотникови Ічанскому, с притисненемъ печати урядовой и мѣской Ічанской. Писанъ в ратушу Ічанскомъ року, мѣсяця і дня звишъ писанного.

Звише именованний уряд і мѣский Ічанский (М. П.).

(Съ копіи).

XV.

19 февраля 1715 г. Прилука. Универсалъ полковника Прилуцкаго Игнатія Ивановича Кгалакгана, которымъ прыказывалось, чтобы „люди, осѣлыє на власномъ кгрунтѣ“ сотника Иченскаго Андрея Ивановича Стороженка, который былъ купленъ имъ у Грицька Лучки, а также подсосѣдки, живущіе на принадлежащихъ ему грунтахъ въ г. Ичнѣ „отдавали до двора его (Стороженка) вшелякое послушенство“ и были освобождены отъ общественныхъ повинностей.

Его Царского Пресвѣтлого Величества войска Запорожского полковникъ Прилуцкій Ігнатій Іванович Кгалакганъ.

Ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсалнымъ писаніемъ такъ товариству полку нашего Прилуцкого, яко и каждому з старшіни Ічанской и Монастирской, и кому тилко приналежне указано будет, ижъ просилъ нас панъ Андрей Стороженко, сотникъ Ічанский, аби людей осѣлих на власномъ его купленомъ кгрунтѣ у Грицка Лучки надали ему во владѣніе, такъ-же и в городѣ подсусѣдковъ его, в егожъ кгрунтах Ичанскихъ жиючих, от всякихъ посполитих тяглостей уволнили и овшемъ позволили вшелякое чинити ему послушенство. Мы теди прошенію его пана Андрея Стороженка, сотника Ічанскаго, неотмовивши в нагороду услугъ его у войску Запорожскомъ, от молодих лѣтъ ронених, и до далших повабляючи, пилно жадаемъ, аби до тих людей, у Лучцѣ на власномъ его купленомъ кгрунтѣ осѣлих, немѣлъ нѣхто жадного дѣла и ни до чого посполитих оних такъ з старшини Ічанской и Монастирской непотягалъ, также и подсусѣдковъ его пана Андрея, в кгрунтах Ічанскихъ жиючих, ни в чомъ нечепано, лечъ жеби они всѣ отдавали до двора его вшелякое послушенство, мѣти хочемъ и властію нашею полковничою приказуемъ. Данъ в Прилуцѣ февъраля 19 року 1715. Звишъ менований полковникъ Прилуцкий. (М. П.)

(Съ копіи).

XVI.

2 іюля 1715 г. Гужовка. Универсалъ полковника Прилуцкаго Игнатія Ивановича Кгалакгана, по которому сотникъ Иченскій Андрей Ивановичъ Стороженко получилъ во владѣніе „одинъ ланъ земли з давна панъскихъ“, около с. Ржавца, изъ числа урядовыхъ по должности полковника.

Его Царского Пресвѣтлого Величества войска Запорозкого полковникъ Прилуцкий Ігнатий Івановичъ Кгалакганъ.

Всѣмъ кому кольвекъ о семъ вѣдати надлежитиметъ, а особливе старшинѣ Ічанской, симъ листовнимъ писанием моимъ ознаймую, ижъ пану Андрею Стороженку, сотникови Ічанскому, надаемъ еденъ ланъ з давна панъскихъ [1]), которие и на насъ полковника надлежатъ, еденъ до Иржавця прилежачий, маетности егож пана сотниковой, со всякими з того лану приходячими пожитками отбираню, на що и листъ сей нашъ видаем ему пану сотникови. Данъ под Гужовкою іюля 2 року 1715. Звишъ менований полковникъ Прилуцкий. (М. П.).

(Съ копіи).

XVII.

25 января 1716, Глуховъ. Универсалъ гетмана Ивана Скоропадскаго, запрещающій Григорію Ивановичу, сотнику Иваницкому, и кому бы то ни было устраивать греблю на ставу, принадлежащемъ вдовѣ сотника Иченскаго Андрея Ивановича Стороженка, Матронѣ, урожденной Гнилозубъ.

Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества войска Запорожскаго гетманъ Іванъ Скоропадскій.

Пану полковниковѣ Прилуцкому, старшинѣ его полковой и всѣмъ, кому бы колвекъ о томъ вѣдаты надлежало симъ, нашымъ унѣверсаломъ ознаймуемъ. Поневажъ з розиску и осмотренія висланнимы на-

---

[1]) Говорится о тѣхъ земляхъ, которыя остались выморочными послѣ бѣгства и избіенія козаками ихъ прежнихъ владѣльцевъ въ эпоху возстанія Б. Хмельницкаго.

шимы паномъ Семеномъ Карпикою, асауломъ артилеріи войсковой, паномъ Александромъ Чуйкевичемъ, товаришемъ войсковымъ, ясно по казалось, что панъ Григорій Івановичъ, сотникъ Іваницкий, неслушн и цѣле к укривдѣ панеи Матрони Гнилозубовны Андреевой Сторожен ковой, удовствующей сотниковой Ічанской, в власномъ еи ставу межд греблями еяж вишшою и нижшою намѣрилъ былъ греблю займаты. То го рады по прошенію помянутой панеи Стороженковой симъ нашым унѣверсаломъ варуемъ и рейментарски приказуемъ, абы такъ тот панъ сотникъ Іваницкий, яко и нѣхто інший з войсковыхъ и посполи тих старшинъ и меншыхъ обывателей на предреченномъ мѣстцу к укри дѣ оной же панеи Стороженковой греблѣ займаты теперъ и в потомн часы несмѣлъ и неважился. Данъ в Глуховѣ іануарія 25, року 171 Звышше именованный гетманъ рукою власною.

(Съ копіи).

XVIII.

18 января 1719 г. Глуховъ. Универсалъ гетмана Ивана Скоропадска подтверждающій право вдовы сотника Иченскаго Андрея Ивановича Ст роженка, Матроны, урожденной Гнилозубъ, и ея сыновей Григорія, сотн ка Иченскаго, и Ивана, сотника Иваницкаго, на владѣніе разнаго рода н движимой собственностью, и запрещающій Прилуцкому полковнику Игна Кгалакгану дѣлать захваты.

Великого Государя нашего Его Царского священнѣйшого Велич ства войскъ Запорожскихъ обоихъ сторонъ Днепра гетманъ Іоаннъ Ск ропадский.

Ознаймуемъ сым нашым унѣверсалом всякому, кому о том вѣда надлежатымет, иж удовствуючая панѣ Матрона Гнилозубовна Андр ева Стороженковая чрез сыновъ своихъ, пановъ Григорія Ічанского Івана Іваницкого сотниковъ, суплѣчне нам свою предложила скар на пана Ігната Кгалакгана, полковника Прилуцкаго, что онъ за обя ленем себѣ двохъ унѣверсаловъ нашихъ, едного покойному мужу св ему пану Андрею Стороженку, сотникови Ічанскому, а другого,

умертвіи мужа, ей въ конфѣрмацію на села: Ржавецъ и Томашовку въ сотнѣ Ічанской, а на Ступаковку въ сотнѣ Іваницкой найдуючіеся, и на кгрунты власные иншіе, там при маетностяхъ будучіе, иншіе зас на розныхъ мѣстцахъ купленные з хатками, на нихъ поселенными, також на млынъ под Іваницею, на рѣчцѣ Смошы о трохъ колахъ з прибудованными тамже вновъ трома колами весняными стоячий, и на части войсковые з млынковъ Ступаковскихъ з селом Ступаковкою враз наданные не от тепер выбираючіеся, од нас себѣ конферованих, нечинячи выраженному в нихъ указу нашему за досыт, уже чрез килко лѣтъ без даня причины з двохъ млыновъ Петра и Грицка Зоценковъ въ Ступаковцѣ будучихъ части войсковые на себе одбиралъ и по сей час оныхъ одбирати насилно не перестает. В чомъ просила нашой себѣ обороны и справедливости. Теды мы, респектуючи на еи панеи Стороженковой удовство, барзѣй памятаючи покойного мужа ея значне од дѣда и отца при непоткъновенной ко Царскому Пресвѣтлому Величеству всегда вѣрности въ войску Запорожском роненные услуги, до якихъ и сыны его перед сим въ значку полковом, а тепер на урядахъ сотництва во всемъ нам без огурства свою являют склонност и послушенство, якъ всѣ преречоные маетности млыны з частми войсковыми и кгрунта на розныхъ мѣстцахъ куплею набытіе з хатами на нихъ поселенными сым нашим з канцелляріи войсковой выданнымъ ствержаем унѣверсаломъ, такъ оною повагою варуючи, грозно приказуем, абы панъ полковникъ Прилуцкій, возвративши все од мала до велика з частей войсковых въ млынкахъ Петра и Грицка Зоценковъ Ступаковских будучихъ забранное, болшъ въ одбираню тыхъ частей и протчіихъ тут выраженныхъ, также в спокойномъ помянутыхъ селъ и кгрунтовъ [1]) неважилъся затѣвати кривдъ (яких монаршій Царского Пресвѣтлого Величества указ чинити возбраняет), перешкоды и озлобленіа и нѣ в чом нѣякой до еи панеи Стороженковой, которой домъ в особливую нашу взялисмо протекцію, не мѣлъ претенсіи, под винами правными и жестокимъ за преслушаніе указу и противност власти наказаніем; тут же и тое докладаем, абы преречоные з прочіими Зоценки, прежде сего еще за покойнаго пана Андрея Стороженка, сотника Ічанскаго на купленних мужицкихъ в Ступаковцѣ осѣлыи, и тепер живучіи (якихъ в козаки недавно вписано и од панеи Стороженковой однято) кгрунтахъ, любъ з оныхъ уступили и впредъ таковыхъ скуповувати неважилися, любъ ей панеи Стороженковой по прежнему оддавали послушенство, мѣти хочемъ и рейментарско повелѣваем. Данъ в Глуховѣ іануаріа 18 року 1719.

Звыш менованный гетманъ рукою власною. (М. П.)

(Съ подлинника).

---

[1]) Пропущено, вѣроятно: держанью.

XIX

1721 г. сентября 4-го. Раздѣлъ подданныхъ с. Ржавца между Григоріемъ и Иваномъ Стороженками.

Року 1721 септеврия 4 дня.

Ми нижеподписанніи в селѣ дѣдизномъ и отческомъ нашемъ Иржавцѣ, по согласном изволеніи нашом, вчинилисмо между тамошними обывателми во одбуванню панщини належитой померковане, даби край, взявши от Галича в самій конецъ лежачій к Ступакувцѣ и к Чорномазовщинѣ, был послушенъ, во всей подданской повинности, мнѣ, Григорію Стороженку, а другій край, от Галича-ж за церковь и за дворецъ тягнучій, Ивану Стороженку повиненъ також во всякомъ подданском бити послушаніи, з яких частій, такъ я Григорій з Ивановой не повиненъ нѣ до жаднихъ своихъ превать людей зачепати, а Иванъ з моей Григоріевой також нѣ на якую работизну людей употребляти, кромѣ гуртовой належитости, яко то гачення греблѣ Иваницкой чили теж знимання засѣвовъ, а чиншовіе во обоихъ частках найдуючіеся повинни дорочній свой данокъ Николаю старостѣ в гуртъ оддавати, десятина теж пчолевая, и гроши мелницкіе, осипщина, и поволовніе гроши, також повинни заровно обоимъ сторонамъ до рукъ доходити. Деялося в Иржавцѣ, року и дня вишшеписанного.

Писалъ сіе писаніе Тимофей Нѣжинецъ, Писарь Иваницкій.

Григорій Стороженко, Сотникъ Ичанскій,

Иванъ Стороженко, Сотникъ Иваницкій.

(Съ копіи).

XX.

1723 г. Поименный списокъ козаковъ, посполитыхъ, и ихъ подсосѣдковъ въ с. Ржавцѣ.

Списокъ находячихся, вчинимой на 1723 годъ, въ полку Прилуцкомъ в сотнѣ Ичепской в селѣ Иржавцѣ козаковъ.

Козаки Ржавскіе куреня сотника Ичанского.

Радовіе козакы поединковіе и грунтовіе: Андрѣй Сидоренко атаманъ, на том же Евфимъ Артюшенко дворѣ и другая хата для шинку. Микола Клименко сотника Ичанского старостою. И того 3.

Козацы убогшіе поединковіе:

Ярема Хвесенко, Левко Галиченко, Тимошъ Прокопенко.

Козакы, которіе по два и по тры браты или свойственіе живутъ на едвомъ грунтѣ хатамы порознь, а отбуваютъ службу войсковую почережно:

Данило Забияченко и Матвѣй синъ на едномъ дворѣ хатамы порознь. Федоръ Иващенко и Стецко братъ на едномъ дворѣ хати порознь. Ярема Хвесенко и Андрѣй братъ на едномъ дворѣ хати порознь. Кондратъ и Степанъ и Игнатъ Галиченкы на едномъ дворѣ хаты порознь. Прокопъ и Иванъ и Федоръ Артюшенкы на едномъ дворѣ хатамы порознь. Лукянъ Половяненко и Пилипъ синъ на едномъ дворѣ хаты порознь. И того 6.

Вдовы козацкіе, которіе могуть отъ себе козаки вистатчить:

Гапка Гетманиха, Феска Семениха, Вувдя Фениха. И того 3.

Протекціанти сотника Ичанского:

Андрѣй Галичь и Андрѣй синъ на едномъ дворѣ хати порознь. Андрѣй Омелченко и Василь Шутъ зять на едномъ дворѣ хати порознь. И того 4.

Подсусѣдкы козаковъ Иржавскихъ:

Кондратъ Хлопъ подсусѣдокъ Данила Забияченка, Гарасимъ Бойченко подсусѣдокъ Стецка Иващенка, Лаврѣнъ Компанченко подсусѣдокъ Опанаса Компанця, Василь Федоренко подсусѣдокъ Яремы Хвесенка, Степанъ Кравецъ подсусѣдокъ Евфима Артюшенка. И того 5.

Село Ржавецъ маетность сотниковъ Ичанского и Иваницкого Григорія и Ивана Стороженковъ.

Посполитіе можніе люде:

Василь Шолудченко. Павелъ Руденченко.
Стецко Мойсѣенко. Василь Мойсѣенко.
Грицко Мойсѣенко. Иванъ Марціовій.
Иванъ Галиченко. Василь Кучунъ.
Леско Зданченко. Яковъ Критъ.
Тимошъ Штанко.

Тимко Зудченко з синамы Лаврѣномъ и Михаиломъ на едномъ дворѣ хатамы порозпь.

Остапъ и Микита Яковенкы на едномъ дворѣ хати порознь.

Грицко Дутъ. Иванъ Квашенко.
Иванъ Пацакъ. Иванъ Бутъ.

Петро и Прокупъ Зубченки на едномъ дворѣ хати порознь.

Андрѣй Артюшенко. Ничипоръ Нечай.
Дацко Омелченко. Петро Яцуленко.

Грицко, Данило и Тишко Павленкы на едномъ дворѣ хати порознь.

Грицко Киченко. Яцко Тарабутъ.

И того 26.

Средніе посполитіе люде:

Касянъ коваль. Грицко Кисліи.

Назаръ, Грицко Забарненкы на едномъ дворѣ хаты порознь.

Грицко Тимошенко. Иванъ Сукало.
Иванъ Нехлѣбній. Данило Негрѣшній.

Стецко и Василь Саенки на едномъ дворѣ хати порознь.

Грицко Тютюнникъ. Кирило Паненко.
Савка Мищенко. Степанъ Кусунъ.

Савка Алексѣенко с маткою на едномъ дворѣ хати порознь.

Иванъ Паненко Никонъ Юрченко.

Андрѣй и Уласъ Бондаренки на едномъ дворѣ хати порознь.

Тимошъ и Кирило Гончаренкы на едномъ дворѣ хатами порознь.

Семенъ Шевченко з синомъ Остапомъ на едномъ дворѣ хати порознь.

Стецко и Лавро Мыщенкы на едномъ дворѣ хати порознь.

Харко Твердохлѣбовъ зять, Леско Бѣлоцеркузщенко, Мартынъ Ткачь.

Остапъ и Андрѣй Хоменкы на едномъ дворѣ хатами порознь.

Грицко и Андрѣй Сущенкы на едномъ дворѣ хатамы порознь.

Федоръ Ивашенко. Семенъ Сущенко.
Василь Бовбычь. Василь Паламаренко.

Василь и Иванъ Илченкы на едномъ дворѣ хатамы порознь.

Иванъ Пищола. Петро Забарненко.
Мыско Шулга. Игнатъ Бараненко.
Омелко Мусъ. Иванъ Бугай.

Петро Бойченко з маткою Вувдею на едномъ дворѣ хатамы порознь.

Микита Кущенко. Юско Швецъ.

Василь и Леско Голубенкы на едномъ дворѣ хатамы порознь.

Остапъ Опашко. Василь Бортникъ.

Стецко и Антонъ Клоченки на едномъ дворѣ хатамы порознь.

И того 42.

Убогие посполитіе люде.

Кирикъ Горѣздра. Тишко Бойченко.
Грицко Ордаченко. Михайло Негрѣшній.
Петро Винникъ. Прокупъ Римаръ.

Хома и Ничипоръ Морозенкы на едномъ дворѣ хатамы порознь.

Дмитро Никоненко. Иванъ Загорѣлко.
Иванъ Рева. Евфимъ Бокгданченко.

Кирикъ и Сидоръ Гордѣнкы на едномъ дворѣ хатамы порознь.

Яковъ Лучка. Дацко Чепель.
Степанъ Тиметченко. Ничипоръ Негрѣшнейко.

Якимъ и Иванъ Паненкы на едномъ дворѣ хатамы порознь.

Яковъ Харченко. Дмитро Бѣлоцеркувщенко.

Якимъ и Лукянъ Юрченкы на едномъ дворѣ хатамы порознь.

Федоръ Дудка. Климъ Левушко.

Миско и Хома Соболенкы на едномъ дворѣ хатамы порознь.

Герасимъ Левко Евпатенкы на едномъ дворѣ хатамы порознь.

Иванецъ Малій, гдѣ отца Григо(рія) хата. Иванъ Кваша.
Хома Павленко, нынѣшний козакъ. Романъ Дутенко.

Михайло и Гордѣй Зименкы на одномъ дворѣ хатами порознь.

Дмитро Нечаенко. Андрѣй Вовчокъ.
Яцко Кумченко. Кирилъ Цимбалистій.
Савка Мусенко. Яковъ Чорнишъ.
Яковъ Лукашенко. Илляшъ Кущенко.

Феско Федоренко и Леско Кумченко на едномъ дворѣ хати порознь.

Андрѣй Теселка. Иванъ Кущенко.
Василь Горкавій. Опанасъ Бараненко.
Кость Тарабуненко. Иванъ Кисличенко.
Леско Кисличій

И того 45.

Весма убогие посполитіе люде.

Федоръ Касянувъ братъ.
Павелъ Бурлака.
Басиль Росомаха.
Илля Кашпуренко.
Гаврило Колюза.
Кондратъ Бойченко.
Семенъ Колвахъ.
Романъ Ткачь.
Паско Рожиненко.
Степанъ Ткачь.
Микола Кравецъ.
Петро Десятникъ.
Мартинъ Ткачь.
Микита старецъ босій.
Иванъ Клименко.
Грицко Горкавій.
Данило Тращенко.
Есипъ Чередникъ.
Остапъ Шинкаренко.
Михайло Чубъ, нынѣшній козакъ.
Самойло Ткачь.
Иванъ Лобко.
Дацко Плищенко.
Иванъ Машина.

Басиль Степаненко.
Алекса Коненецъ.
Ярема Житникъ.
Иванъ Кужель.
Иванъ Линникъ.
Михайло Талалай.
Омелко Папка.
Левко Бабенко.
Микита Стовпецъ.
Павелъ Ткачь.
Иванъ Хвостикъ.
Есипъ Тертичникъ.
Петро Паненко.
Хвеско Улляничь.
Демянъ Юрченко.
Леско Лебедь.
Ничипоръ Нагурный.
Хведоръ Чуторъ.
Якимъ Ганношенко.
Ярема Пацакъ.
Романъ Великій.
Степанъ Салмашъ за шинкомъ
Иванъ Шаповалъ
Хведоръ Гавришенко до Хоминого.

Семенко и Максимъ Постученки. Илляшъ Рудь, где церковная кузня.

Тимошъ Чоркусъ.
Иванъ Кабанецъ.
Кирилъ Ткачь.

Петро Ткачь.
Пилипъ Поповичъ, где свѣтлица отца Григория.
Прокупъ Нечаенко.

Семенъ Швецъ з Настею тещею на едномъ дворѣ хатами порознь

Самойло Опещенко.
Евфимъ Данниченко.
Василь Лапко.
Марко Назаренко.
Василь Грищенко.
Юско Бортникъ.
Иванъ Чубученко.

Максимъ Гуменковъ зять.
Иванъ Вѣрченко, где Хоменко.
Федоръ Тимотошенко.
Василь Чередникъ.
Кирикъ Криворотій.
Василь Вороненко.
Стецко Бараненко.

Хведоръ Бурумскій.
Яковъ Тарабуненко.
Данило Лисій
Дацко Бойченко.
Романъ Бойченко.
Тишко Гужувскій.

И того 77.

Удовы средніе посполитіе.

Гапка Иваниха.
Гарпина Карпиха.
Мелаха Онищиха.

И того 3.

Удовы убогие посполитіе.

Гарпина Дячиха.
Настя Юденчиха.
Пазка Сидориха.
Наталка Мандросиха.

И того 4.

Удовы весма убогие посполитіе.

Пруска Рабчунка.
Гапка Бутиха
Гапка Грициха.
Настя Мойсѣиха.
Вувдя Рѣпчиха.
Пруска Ткачиха.
Гапка Кравчиха.
Феска Микитиха.
Мотра Ткачиха.
Настя Дейнечиха.
Марья Ошурчиха.

И того 11.

Подсусѣдкы человѣка посполитого Лаврѣна Мищенка.

Луцко Ткачь.
Матвѣй Колѣсникъ.

В компутѣ на 1715 году в сентябрѣ сочиненномъ куреня сотничого Стороженкового в Иржавцѣ.

Данило Лукяненко.
Хвеско Хвастовченко.
Мартинъ Лукяненко.
Ивашко Никоненко.
Артюхъ Алексѣенко.
Левко Яременко.
Данило Сидоренко.

И того 7.

Ближшимъ же годомъ кромѣ 715 года Прилуцкого полку компута никакова несискалось.

(Съ подлинника).

XXI.

1725. Въ спискѣ малороссійской старшины за 1725 годъ, найденномъ г. Николайчикомъ въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, въ бумагахъ Н. А. Марковича, сотникомъ Иченскимъ показанъ Григорій Стороженко, а сотникомъ Иваницкимъ, Иванъ Стороженко.

XXII.

1726. Выписка изъ дневника генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Изданія Кіевской Старины (К. 1895) ч. II, стр. 31.

1726 г. апрѣля 17 . . . . „Тризничъ приходилъ до насъ и далъ мнѣ писмо отъ Якубовича зъ Астраханѣ отпущенное ко мнѣ марта 25-го, въ якомъ пишетъ о томъ, что . . . . іваницкій сотникъ полку прилуцкого *Іванъ Стороженко* первую жену свою, за болѣзнь ея, постригши въ черницѣ, женилъся на другой и недель зо двѣ поживши, самъ померъ и постриженая преставилась [1]).

XXIII.

1728 г. октября 9. Универсалъ гетмана Даніила Апостола, лишающій по ходатайству сотника Иваницкаго Ивана Стороженка дочь его Ирину всѣхъ наслѣдственныхъ правъ за то, что она противъ воли родителей вышла замужъ за „худопахолка" Петра Тишкевича.

Великаго Государя нашего Его Императорскаго Пресвѣтлаго Величества войскъ Запорожскихъ обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Даніилъ Апостолъ.

---

[1]) Якубовичъ, очевидно, передалъ чью-то досужую сплетню, такъ какъ изъ слѣдующаго документа видно, что Иванъ Стороженко, сотникъ Иваницкій, былъ еще живъ въ 1728 г.

Ознаймуемъ симъ нашимъ универсаломъ всякому, кому о томъ вѣдати надлежитеметь, ижъ панъ нашъ Иванъ Стороженко, сотникъ Иваницкій, предложилъ до уряду нашего скаргу на дщерь его Ирину, что оная, не шануючи законъ Божій и законъ гражданскій, обезчестила себя, сваляясь съ худопахолкомъ Петромъ Тишкевичемъ, и потомъ въ противность волѣ его родительской и безъ вѣдома его посягнула въ малженство за онаго худопахолка, чѣмъ будучи онъ, панъ Иванъ, оскорбленъ, лишилъ оную дщерь свою, въ сходство Пресвѣтлаго Его Величества закона книги Статутъ роздѣла 5-го, артикула 8, посага и постановилъ на предьбудущее время лишить ее Ирину Стороженкову Петрову Тышкевичеву, онимъ до вѣнца брака окрадаванную, какъ отеческихъ, такъ и матернихъ движимыхъ и недвижимыхъ, якъ выслуженныхъ, такъ и купленныхъ маетностей. Въ случаѣ бы волею Божіею прекратилось его пана Ивана мужское колѣно, то всѣ маетности спадали на старшого его брата Григорія Стороженка, сотника Ичанского, на дѣтей и наслѣдниковъ его мимо дщерѣ его пана Ивана вышеименованной, дѣтей, наслѣдниковъ ея, въ чемъ просилъ нашей таковому постановленію его конфирмаціи. А какъ отъ нашего гетманскаго уряду забираны были справки съ урядомъ полковимъ Прилуцкимъ о томъ, отъ котораго за доскональнымъ изслѣдованіемъ получивъ, какъ гетманскій урядъ, вѣдомости, что тая дщерь его тѣ дѣла дѣйствительно учинила, законъ Божій и законъ гражданскій преступила, и тѣмъ родителя своего оскорбила, мы же, по милости Божіей и по монаршему Его Императорскаго Пресвѣтлаго Величества указу, маючи власть всякія въ Малороссіи правовати дѣла, гетманъ, генеральная старшина, съ полковники войска Запорожскаго приговорили: быть на вѣчные и потомственные часи по постановленію пана Ивана Стороженка, сотника Иваницкаго, яко законному, объ удаленіи дщерь его Ирину Стороженкову Петрову Тышкевичеву, дѣтей и наслѣдниковъ ея отъ посага и маетностей его, пана Ивана, отеческихъ и матернихъ, движимыхъ и недвижимыхъ, якъ выслуженныхъ, такъ и купленныхъ, и рукою нашею власною тотлъ приговоръ сего року 1728 октября 2 дня утвердили. Изъ такова нашего приговора сей универсалъ за рукою нашею власною ему, пану Ивану Стороженку, сотниковѣ Иваницкому, отъ уряду нашего гетманскаго видали въ Глуховѣ октября 9 дня року 1728.

Именованный гетманъ рукою власною. (М. П.).

(Съ копіи).

XXIV.

1729 г. марта 18-го. Москва. Грамота Императора Петра II гетману Даніилу Апостолу.

Божиею милостию Мы Петръ Вторый императоръ и самодержецъ Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.

Нашего Императорскаго Величества подданному войска Запорожского обоих сторон Днепра гетману Даниилу Апостолу, и всему войску Запорожскому Наше Императорское милостивое слово.

Прошлаго 1728 года декабра от 22 д. къ намъ великому гд-рю нашему Императорскому Величеству писал ты подданній нашъ с посланци своими Прилуцкого полку сотникомъ Ичанскимъ зъ Григоріемъ Стороженкомъ, съ бунчуковими товарищи Стефаномъ Миклашевскимъ, да Григориемъ Гамалѣею, да з атаманом Глуховскымъ съ Федоромъ Емелияновимъ, благодарствуя всеподданѣйше за показаную Нашу Императорского Величества къ тебѣ подданому нашему и ко всему малороссійскому народу милость, въ даче жалованой Нашеи Императорскои грамоти во утвержденіе чина твоего подданого нашего и войскових правъ, и наданних на гетманскую булаву маетностей, при томъ же доносил, что ти нашу Императорского Величества жалованную грамоту въ Глуховѣ при соборномъ о нашемъ здравіи молебствіи публѣковалъ, а потом во всѣ полки з тои грамоти копіи разослал, а такожде вездѣ публиковано, о чемъ и челобитние благодарствение от всѣхъ полков войска нашего малороссійского съ подписаниемъ рукъ въ нашу коллегию иностраних дѣлъ прислалъ, и обѣщаешъ ти, подданной нашъ гетманъ, со всѣмъ войскомъ нашимъ и народомъ малороссійскимъ за ту нашу Императорского Величества к вамъ превисокую милост служить намъ вѣрно и нѣпоколебимо, и мы великій гд-рь Наше Императорское Величество тебя подданого нашего за сие жалуем, милостиво похваляемъ, прислание твои Григорій Стороженко с товарищи пожалованы нашимъ Императорского Величества жалованиемъ, и тебѣ нашего Императорского Величества подданому войска Запорожского обоих сторонъ Днепра гетману, видя къ себѣ сию нашу Императорского Величества высокую милость, быт всегда к намъ во всякой вѣрности непоколебимо при должном подданическомъ послушаніи, за что ми великій гд-ръ наше Императорское Величество тебя подданнаго нашего и все войско наше и народъ малороссійскій в нашей императорской милости содержат будемъ, а при семъ повелѣваем тебѣ подданому нашему, и рѣшение, данное здѣсь на просителние твои пункти, по полкам обявит

и такожде копіи разослат, чтоб всѣ наши малороссійского народа поддание о всемилостивѣйшемъ нашемъ соизволеніи вѣдали. Данъ в Москвѣ лѣта отъ Рождества Христова 1729 марта 18 д. государственнія нашего 2 году.—В подлинной грамотѣ подписано тако: канцлер графъ Головинъ.

(Съ копіи).

XXV.

1729 г. апрѣля 28-го. Глуховъ. Универсалъ гетмана Даніила Апостола полковнику Черниговскому, предписывающій опубликовать Монаршую грамоту.

Его Императорскаго Величества войска Запорожского обоих сторон Днепра гетманъ Даніилъ Апостолъ.

П-ну полковниковѣ Чернѣговскому, п. п. старшинѣ полковой, сотникамъ и всѣмъ духовнаго войскового и посполитого стану людемъ, и кому колвек о томъ вѣдати надлежитъ, симъ нашимъ унѣверсаломъ обявляемъ, ижъ прошлаго 1728 году октябра м-ца 4 д. по прибытіи нашом з Москвы отъ двору Его Императорскаго Величества публиковали мы при унѣверсалах наших во всѣ полки рейменту нашего премощнѣйшую Императорскаго Величества именную грамоту на утверждение власти и достоинства гетманства, також и подтверждение прав волностей давних наших малороссійских, за собственною Его Величества монаршою рукою намъ данную, по которой публикаціи прислани к намъ зо всѣх полков благодарственние Его Императорскому Величеству челомбитние и оние челомбытние при всеподданѣйшемъ нашом писаніи чрез посланих нашихъ п-нов сотника Ичанского Григорія Стороженка, бунчукових товарищей Стефана Миклашевского и Григорія Гамалѣю да атамана Глуховского Федора Омеляновича до Его Императорского Величества въ государственную коллегию иностраних дѣлъ отъ нас были отправлени, а сего априля 14 д. чрез их же посланих прислана к намъ милостивая высочайшая Его Величества грамота, в якой грамотѣ Его Императорское Величество за оние з полков благодарние челобитние насъ гетмана и все войско Запорожское и народ малороссійский всемилостивѣйше жалуетъ и похваляетъ, якъ в монаршой грамотѣ выра-

жено, что мы и войско Запорожское, видя к себѣ тую Его Императорского Величества высокую милость были Его Величеству во всякой вѣрности непоколебимои при переднемъ нашемъ подданическомъ послушанiи, за что насъ войско Запорожское и народ малороссийский Его Императорское Величество обѣщаетъ содержать въ своей милости а при том повелевает и рѣшенiе, данное на просителние нашы пункта, во всѣ полка обявыть и с оних розыслать копiи. Прето мы исполняючы тотъ премощнѣйший Его Императорского Величества указ яко в протчiи въ полки рейменту нашего послани наши унѣверсали съ приобщениемъ онои монаршой Его Величества грамоти и рѣшения копии, такъ и въ полкъ Черниговский при семъ унѣверсалѣ оной грамоти и рѣшенiя копiи посилаючи, предлагаемъ, абы панъ полковникъ Чернѣговский во всемъ полку тамошнемъ выше означеную премощнѣйшую грамоту при собранiи народномъ публиковалъ, дабы всѣ, вѣдая об онои высокомонаршои Его Императорскаго Величества к народу малороссiйскому явленои милости о многолѣтномъ здравiи и всеблагополучнѣйшом Его Емператорскаго Величества государствованiи Вышнего Бога молили и при достодолжной своей вѣрности со всякимъ усердиемъ и ревностию служили непоколебимо и при томъ и рѣшенiе в том полку по городах и сотнях онъ же панъ полковникъ обявилбы, дабы о томъ соизволенiи Его Императорскаго Величества всяк был извѣстенъ; о полученiи же сего нашего унѣверсала и что по оному будетъ учинено долженъ панъ полковникъ репортоватъ намъ, приказуем. Данъ в Глуховѣ априля 28 д. року 1729. Въ подлѣномъ подписъ: вышеименованiй гетманъ рукою власною.

(Съ копiи).

XXVI.

2 сентября 1729 г. Глуховъ. Универсалъ гетмана Данiила Апостола, разрѣшавшiй пограничные споры между обывателями Ичанскими и Рожновскими.

Его Императорского Величества войска Запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Данiилъ Апостолъ.

Всѣмъ кому колвекъ о томъ вѣдати надлежатиметь, а особливе пану полковниковѣ Нѣжинскому з старшиною полковою, також обыва-

телемъ села Рожновки, симъ нашимъ ознаймуемъ унѣверсаломъ, иж супплѣковали до насъ панъ Григорій Стороженко, сотникъ Ичанскій, и протчіе сотнѣ Ичанской товариство и посполство и духовніе, о кгрунтахъ своих отческих и дѣдизнихъ, куплею набытих, полях пахатнихъ и сѣнокосних, до села Рожновки отъеханних, о которих велѣлисмо панамъ Кирилу Троцкому, бунчуковому товаришу, и Павлу Ладинскому, канцеляристу войсковому, розискат, и по тому указу нашому оніе, сочинивши розискъ, подали намъ, въ которомъ показано, что такъ Рожновци, яко и староста Рожновский съ товарищи Павелъ Паливода, нѣ свидителей посторонних, нѣ теж писменних крѣпостей непоказали, а сознали, же на спорних мѣсцахъ Ичанскихъ сотняне Ичанскіе вездѣ кошували и пахали, а Рожновцамъ мало поля тамъ было, и поля власніе Рожновскіе толко подъ селомъ Рожновкою, и хочай они, Рожновци, сказовали, же розискъ чиненъ бунчуковими товарищами Андрѣемъ Кандибою и Семеномъ Чуйкевичемъ о тих же спорнихъ кгрунтах, однакъ того розиску и розмежованя кгрунтовъ невзискалось, они же сотняне Ичанскіе на тіе свои поля пахатніе и сѣнокосніе отческіе и дѣдизніе презентовали намъ писменніе крѣпости купчіе записи, по которимъ крѣпостямъ и свѣдительству старожиловъ, ординованніе от насъ помянутіе розищики п. п. Троцкій и Ладинскій чинили между селомъ Рожновкою и сотнянами Ичанскими розграничене земель и старинних отчизнихъ и дѣдизнихъ окоповъ и сѣножатей, и копцами означили таковимъ порадкомъ: первій копецъ положенъ от села Рожновки на окопу Дахненковомъ и Стефановомъ, а Грицкомъ Кичкою, козакомъ Парафіевскимъ, купленнимъ, поузь дорожку з Рожновки на дорожку Ичанскую к могилѣ Хаисѣ спалую, да узь берегъ къ лѣсу Коломийченковому, вторій копецъ поузь туюж дорожку и на томъ же окопѣ Дахненковомъ, третій тамъже на окопѣ, четвертій при другомъ сумѣжномъ окопѣ, Грицкомъ Кичкою у Гужувского козака Семена Волошиненка купленномъ, пятій в концѣ Волошиненкового окопу, шестій на полю тогож Кички у Федора Прійменка, обывателя Ржавского, купленномъ, семій при концѣ дорожки Рожновской спалой на дорожку от Ичнѣ къ могилѣ Хаисѣ идучой, осмій въ лѣво за дорожку туюж з Рожновки идучую по узь поле Карпенка, Гужувского козака, девятій, при могилѣ на полѣ Микити Гужви, десятій надъ новою дорожкою къ могилѣ з Рожновки при болотѣ на полѣ Івана Шевченка, да Леска Троня, Ичанских обывателей, у козака Шизана купленномъ, первийнадцять въ концу Шевченковой сѣножати на окопѣ давномъ отческомъ Андрѣя Романовича, где тамъже и Ворончихи, жителки Гмиранской, сѣножат чрезъ болотце, Ходоровскому проданная, найдуеться, вторийнадцять при концѣ окопа Романенкового на окопѣ отца Якова, священника Ржавского, в сумѣжности з Дацковскимъ окопомъ купленномъ, третий-

надцять при концѣ того отца Якова на окопѣ Тимоша Гречки да Зѣновіа Шкляра, жителей Ичанскихъ, четвертийнадцять тамъже помѣжъ з сѣножатю Ходоровскимъ купленою у Ворончихи на окопѣ Тимоша Гречки, сумѣжномъ з Зѣнкомъ Шкляремъ, пятийнадцять на концѣ окопа Гречинного помеж болотцами, шестійнадцять оттоль чрезъ болото у концѣ на окопѣ Семена Шепеля Гужувского, проданномъ Ивану Даценку, козаку Гужувскому, семийнадцять на сѣножатѣ сумежной Микити Ялижки, Гужувского козака, осмийнадцять надъ дорогою з Рожновки новонараженною къ могилѣ Хаисѣ идучою, на концѣ сѣножати Ялежчиной, девятийнадцять, остатний копецъ, от спорной стороны Рожновской при той же дорозѣ по за могилу Хаиху къ полямъ Ичанскимъ и къ Мартиновцѣ идучой на рожку. И на вишъ показанное розграничене в полях пахатних и сѣнокоснихъ, просили они, сотняне Ичанские, нашой унѣверсалной конфирмаціи. Мы прето, гетманъ, тому их прошенію неотрекши, яко велѣли сей нашъ з енералной войсковой канцеляріи видати унѣверсалъ на спокойное и безъпрепятственное тих земель владѣніе, такъ, абы нѣхто з старшини и чернѣ, войсковихъ и посполитихъ людей, а особливе обывателей Рожновских, во владѣніи поліовъ пахатних и сѣнокоснихъ надъ вишъ выраженное разграниченіе имъ, сотнянамъ Ичанскимъ, жадной и найменшой нечинили трудности и препятствія мѣти хочемъ и рейментарско приказуемъ. Данъ въ Глуховѣ септеврія 2 д. року 1729.

Звиш менованний гетман рукою власною. (М. П.).

(Съ подлинника).

XXVII.

1729 года октября 8. Глуховъ. Универсалъ гетмана Даніила Апостола, подтверждающій за Стороженками всѣ ихъ прежнія владѣнія.

Всепресвѣтлѣйшаго, Державнѣйшаго, Великаго Государя Нашего, Его Императорскаго Величества, Войска Запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра Гетьманъ Даніилъ Апостолъ.

Въсей Старшинѣ и чернѣ Его Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества Войска Запорожского, а меновите пану Полковниковѣ Прилуцкому зъ старшиною полковою, такъ же П.-П. Сотникамъ, Монасты-

рискому и Иваницкому зъ Урядами ихъ, и Ичанской Сотнѣ Старшинѣ и всѣмъ, кому бы колвекъ о томъ вѣдати надлежало, симъ нашимъ Универсаломъ объявляемъ: ижъ полку Прилуцкаго Ичанскій Сотникъ Панъ Григорій Стороженко просылъ насъ чрезъ суплику свою о подтвержденіи маетностей, млиновъ, грунтовъ и прочихъ купленныхъ и наданныхъ Антецесоромъ нашимъ дѣду и отцевѣ его за услуги войсковіе угодій, на которые презентовалъ два Уневерсали Антецесора нашего, покойнаго пана Скоропадскаго, матцѣ его пана Стороженка, посмерти мужа ей оставшойся, въ 1715 и 1719 годахъ данные, въ якихъ ствер-ждаетъ маетности въ сотнѣ Ичанской, село Ржавецъ, и Томашовку, въ сотнѣ Иваницкой—Ступаковку село, и купленное тамъ же въ сотнѣ Монастырской, и грунта, и на ныхъ хаты поселенные, и людей, на власномъ его кгрунтѣ отцемъ его пана Стороженка у Грицка Лучка купленномъ осѣлыхъ, и на его жъ отеческомъ кгрунтѣ живучихъ въ городѣ Ичнѣ подсусѣдковъ; а особливе млины, одинъ подъ Иваницею, на рѣчцѣ Смоши, о трохъ колахъ з прибудованными вновъ трома колами весняними, з рыбною въ ставу ловлею, варуючи, чтобъ нихто въ тую рибную ловлю вступу не мѣлъ, и сотникъ бы Иваницкій зверхъ того ставу греблѣ фундовати и млина строити неважился, тако жъ въ млинахъ Петра и Грицка Зоценковъ и иныхъ въ селѣ Ступаковкѣ части воисковіе, которые показаны выразне въ помянутомъ 1719 году Антецесора нашего выданномъ Универсалѣ, въ якомъ доложенно, дабы пречонные з прочими Зоценки за покойнаго пана Андрея Стороженка, сотника Ичанского, на купленныхъ мужичихъ въ Ступаковцѣ кгрунтахъ, недавно въ козаки въписавшіеся любъ з нихъ уступили и въпредъ таковыхъ скупувать неважилися, любъ ей паней Стороженковой попрежнему отдавали послушенство. А притомъ же въ оной суплицѣ своей онъ сотникъ просылъ о привернению себѣ во владѣніе войсковой части, отъ полковника Прилуцкаго Носа отцевѣ его наданной, въ купленномъ хуторѣ Лучкахъ на рѣчцѣ Ичанцѣ з млина Екима Лучка, о двохъ колахъ стоячого, на что онъ имѣетъ данный отъ того полковника Носа откритый листъ, на которую Яковъ Хмельницкій вправилъ себѣ гетманскій Антецесора нашего Уневерсалъ, якою по смерти его Хмельницкаго владѣетъ теперъ прежній сотникъ Топальскій Янжулъ, понявше себѣ жену его бездѣтную, и особно о подтвержденіи полковникомъ Прилуцкимъ паномъ Галаганомъ наданнаго лану, на что ему отъ себя листъ, до села Ржавца прилеглаго, и купленныхъ его вешняковъ млиновъ по купчимъ, у него имѣючимся, двохъ подъ селомъ Ржавцемъ, прозываемыхъ Чорномазовщина з пущею, да подъ мѣстечкомъ Ичнею трохъ на Иченцѣ рѣчцѣ и двохъ на рудцѣ Жадковцѣ. Теди ми гетманъ таковому его пана сотника прошенію давши у себе мѣсце, а се стосуючись до универсаловъ Антецесора нашего у его пана сотника на маетности, млины и прочіе

грунта имѣючихся а респектуючи на службу его жъ въ войску Запорожскомъ нелѣниво оправуючему и въпредъ къ той же службѣ заохочуючи, подтверждаем ему, з дѣтьми брата его умершаго сотника Иваницкаго оставшимися, всѣ выжей въ Универсалахъ Антецесора нашего означенные маетности, млина, части войсковые, рибные ловлѣ и другіе угодія з людьми на купленныхъ его грунтахъ поселенными, тако жъ зъ млина Якима Лучки часть войсковую, на которую панъ сотникъ имѣетъ полковника Носа откритый листъ, якая часть хочай наданна была респектомъ службы Якову Хмельницкому Антецесора нашего Универсаломъ, токмо самъ онъ Хмелницкій умеръ, оставивши жену свою બездѣтную, з чего теперъ жадной службы нѣтъ, позволяемъ ему, пану сотнику, на свой дворъ отбираты, кромѣ оставшихся брата его дѣтей и ланъ паномъ полковникомъ Прилуцкимъ Галаганомъ наданный подълугъ листа его полковничого, и вышеозначенные млины, и пущу, подъ селомъ Ржавцемъ и подъ мѣстечкомъ Ичнею купленные, ему пану Стороженку самому по силѣ и по слушности имѣючихся у него на тое купчихъ, симъ нашимъ уневерсаломъ стверждаемъ вовладѣніе и рейментарско приказуемъ, абы нихто зъ сторонныхъ людей во владѣніи тѣхъ зъ людьми поселенными грунтовъ, маетностей, млиновъ, въ млинахъ войсковихъ частей и въ отбираню зъныхъ всякихъ користей и доходовъ жадной неважился чиниты обиды, трудности и препятствія; тутъ же докладиваемъ и тое, абы помянутые Зоценки, жители села Ступаковки, зъ грунтовъ мужичихъ, если оны живутъ на прежнихъ своихъ мужицкихъ грунтахъ, безъисходно отдавали пану сотникові Ичанскому послушенство противъ прежняго Антецесора нашего Уневерсалу. Данъ въ Глуховѣ октября 8 дня 1729 года.

(Съ старинной неисправной копіи).

XXVIII.

1732 Выписка изъ статьи А. М. Лазаревскаго: Люди Старой Малороссіи. 9. Томары.—Кіевская Старина 1885 г., т. XII, стр. 18—19.

„Василій Томара (сынъ проживавшаго въ Переяславѣ греческаго купца Ивана Томары, потомъ сотникъ выбельскій, 1704—1715, и Черниговскій полковой судья, 1715—† 1726) оставилъ двухъ дочерей: Ульяну и Ѳедору и малолѣтняго сына Григорія. Дочери выданы были замужъ еще при жизни отца, одна за *Григорія Стороженка*, а другая за Григорія Криштофовича Фридрикевича. Сына Григорія женила уже вдова Василія Томары, въ 1729 г., на дочери генеральнаго судьи Федора Лысенка. На третій годъ послѣ женитьбы Григорій умеръ, оставивъ дочь Катерину. Оставшись безпомощною вдовою, Пелагея Васильевна (урожденная Болдаковская) пригласила къ себѣ внука—*Степана Григорьевича Стороженка*, думая сдѣлать изъ него хозяина своихъ маетностей, которыя и отдала въ его распоряженіе. Стороженко, будучи наслѣдникомъ умершаго Василія Томары, своего дѣда, считалъ эти маетности своими по закону и поэтому не старался годить своей бабкѣ, а бабка считала, что всѣ маетности, какъ нажитыя на ея средства, принадлежать ей, тѣмъ болѣе, что и своихъ трудовъ на увеличеніе богатства положила она не мало; такъ умершій ея мужъ „былъ оскарженъ, якобы многіе скарбовые гроши потерялъ", и она вдова „болѣе десяти лѣтъ волочась въ Глуховѣ, поколь отъ той напасти освободилась, утратила до тысячи рублей", да „доходя села Брагинцевъ, мужу ея за его службы наданнаго, якимъ былъ завладѣлъ тогдашній полковникъ Переяславскій Богдановъ, сдержала до пятисотъ рублей." Нелады внука Стороженка съ бабкою Томарихою дошли до того, что онъ, „забывъ страхъ Божій и пренебрегъ праматернее ея къ нему явленное милосердіе, дерзнулъ не только словами безчестить, поносить и бранить, называя ее непочтивою женою, злодѣйкою и брехухою, но самую ее, при старости ея лѣтъ, отважился за груди похватить и немилосердно вдарить объ стѣну". Послѣ этого Томариха выгнала внука изъ своего дома и задумала искать болѣе надежной опоры въ мужѣ для внуки Катерины, которая въ это время стала уже невѣстою" . . . . .

XXIX.

20 ноября 1740 г. Ржавецъ. Купчая на ставокъ, выданная Өедоромъ Пищоленкомъ и Екатериной Ивановной, женой Стефана Штанченка, жителями Ржавскими, „панови и державци своему" знатному товарищу войсковому бунчуковому Михаилу Стороженку, на сумму семь рублей.

1740 года ноябра 20 дня.

Ми, нижей именование, Федор Пищоленко и Катерина Івановна, жена Стефана Штанченка, жители Ржавские, чинимъ вѣдомо тимъ доброволнимъ продажи нашеи записомъ, кому будетъ надобно, такъ теразнѣйшихъ часовъ, яко і позднѣйшыхъ временей, вѣдати, явно чинимъ, ижъ нѣ з якого примушеня, але з доброй волѣ нашей, продали ставокъ свой власний отческий, стокомъ лежащий вишше панского, панови и державци своему, его милости пану Михаилу Стороженку, знатному товаришу войсковому бунчуковому, за суму певную ценою за сѣмъ рублей, при людехъ честнихъ и вѣригоднихъ, на тотъ часъ будучихъ, при Григорію Забияченку, атаману Ржавскому, и при Андрѣю Галичу, жителю Ржавскому, тут же варуемъ и во вѣчность записуемъ. До которой нашей ставка оного продажи, а пана нашего куплѣ, неповиненъ нѣхто з приятелей нашихъ, близких и далекихъ, втручатис и одоймоваты, волно будетъ его милости пану Михаилу тим ставком владѣти, дати, даровати и ку своему пожитку во вѣчност диспоновати. Писанъ сий записъ при людехъ честнихъ року и дня вишъ писанного в Иржавци.

А вмѣсто неграмотнихъ по прошению вишше писанних продавцовъ тогожъ села житель Андрѣй Галичъ подписался.

(Съ подлинника).

XXX.

15 декабря 1740 г. Купчая на разнаго рода недвижимое имущество, выданная Николаемъ Климовичемъ, бывшимъ старостой Ржавскимъ, бунчуковому товарищу Михаилу Стороженку, на сумму семьдесятъ одинъ рубль.

Року тисяча сѣмьсотъ чтиридесятого мѣсяца декабра пятьнадцатого дня.

Я, Николай Климовичъ, староста бывший Иржавский, чиню вѣдомо симъ моимъ продажи моеи записом, кому о томъ вѣдати надлежатимет теперъ и в потомніе часи, ижъ не з якого принужденія, но з доброй своей волѣ продалъ [1]) свое власное его милости пану Михаилу Стороженку, знатному бунчуковому товаришу, в трохъ рукахъ лежачое около села Ржавця, а имено, въ первой руцѣ, противъ Деречихи, ланъ на двадцять осмь день помежъ з Богачевимъ полемъ у Путивця и ланъ помѣжъ Штанкового на девят день, нива Нехайковская помѣжъ Андрухового поля на пят день, третий ланъ помежъ Мазунчиного озерця на шист денъ, вторая нива над дорогою Хвощинскою помѣжъ Ивашенковъ на чтири днѣ, сѣнокос на девят косарей помежъ Нечаевого, у той же руцѣ; в другую руку под Парафѣевку ланъ на сѣмъ день помежъ Нечаевого поля, нива Артюховская в Берестовцѣ помежъ Нагурного поля на девять день, нива Поповичевская помежъ Нечаевого поля на сѣмъ день, нива Нехайковская помежъ з Бѣлоцерковцемъ на чтири днѣ; въ третой руцѣ подъ Иченъ ланъ за Осичихою помежъ ис Штанковимъ полемъ на семъ день, нива Василювская за Осичихою, подлѣ Василцевого поля, жителя Ичанского, на чтири днѣ, нива Поповичевская помежъ Бойченкового поля на чтири днѣ, нива Артюховская помежъ Бортникового поля на чтири днѣ, нива Поповичевская помежъ Тиметченкового поля на два днѣ, а каждій денъ поля по полтинѣ, а за сѣнокос десят копъ, да к тимъ моимъ полямъ и сѣнокосам еще и дворъ мой стоячий в селѣ Ржавцѣ на панскомъ толко вигонѣ, а моимъ власним коштом построенний, продалъ за шестнадцят рублей ровно, за якую мою продажу вышеприсанную, за поля рабочіе, за сѣнокосъ и дворъ всѣхъ денегъ принялъ в пана Михаила Стороженка, бунчукового товариша, рублей сѣмьдесят и еденъ рубль при людех знатних и вѣригодних при Петру Зубенку и Данилу Бугаенку, при Павлу Шущенку и при Ивану Шущенку, при Прокопу Нечаенку, тутже варую и во вѣчность записую, даби до тих моих проданих лановъ, сѣнокосу и двора его милости пану Михаилу

---

[1]) Очевидно, пропущено: поле.

Стороженку, знатному товаришу бунчуковому, нѣкто з дѣтей моихъ и приятелей близких и далеких втручатся и одиймовати недолженъ, но волно будет ему, пану Михаилу Стороженку, тими ланами, нивами, сѣнокосом и двором, якъ хотя, владѣти, дати, продати, даровати, или ку своему пожитку во вѣчность удержати, в томъ и росписуюс. К сей росписки вмѣсто Николая Климова, бывшого старости Ржавского, неграмотного, по его прошенію подканцеляристъ сотенной Ичанской канцеляріи Михайло Рожновский подписался.

1740 году декабра 17 д. сия доброволная Николаем Климовичем продажа, а пана Михаила Стороженка, бунчукового товариша, купля полювъ, сѣнокосу и двора, чрезъ помянутого самого продавца, Николая Климовича, на ратушу Ичанском пред нами ниже подписанною старшиною била обявлена, съ прошеніем о потверждене. Мы прето, старшина, того его прошенія неотрекши и сию росписку за слушную принявши, на семъ для лутшого достовѣрія руками нашими подписавъ [1].

(Съ подлинника).

XXXI.

14 января 1741 г. Купчая на сумму десять талярей на ланъ, проданный Ржавскими жителями Гапкой Хоменчихой и ея сыномъ Лукьяномъ бунчуковому товарищу Михаилу Стороженку.

1741 года генвара четырнадцатого.

Ми, нижей подписание жители Ржавские, чинимъ вѣдомо симъ нашимъ доброволной продажи совѣтомъ, ижъ, нѣ з якого принуждения, але з доброй волѣ нашей, продали ланъ свой власний нѣкому нѣ в чомъ непенной и незаводной пану Михаилу Стороженку, бунчуковому товаришу, купленый мужемъ моимъ в Павла Коломийченка, жителя Ичанского, за цѣну десять талярий, лежачий под Осичихою, помѣжъ Бовбирового поля и Іосифа Проценка, жителя Ичанского, з едной сторони, а з другой сторони по дорогу, которая идетъ от Осичихи до яровъ, до Иваницѣ идучихъ, всякой день за денегъ по полтинѣ, якие денги ми вишей прописание всѣ сполна руками нашими и приняли, а,

[1]) Вторая половина листа съ подписями утрачена.

по принятии денегъ, даемъ сию нашу доброволную купчую, в якой ствержаемъ и подписуемъ, волно пану Михаилу Стороженку, бунчуковому товаришу, купленний в насъ ланъ, кому хотя дати, продати, или собѣ, и наслѣдию своему, на свой пожитокъ употребиты. По прошенію Гапки Хоменчихи и сина ей Лукяна, неграмотних, Андрѣй Галичъ житель Ржавский подписался тр.

Свѣдител ик сей купчей Григори Кушаковский презвитер Иржавский руку приложил.

(Съ подлинника).

XXXII.

7 февраля 1741 г. Купчая на гай на сумму четыре рубля, выданная Ржавскимъ жителемъ Иваномъ Ивашенкомъ бунчуковому товарищу Михаилу Стороженку.

Року тисяща седмъсотъ четиридесят первого февраля 7 дня.

Я, нижей на подписѣ именовани, чиню вѣдомо симъ моимъ добровольнимъ продажи моеи записомъ, кому будетъ надобно, такъ теперешнихъ часовъ, яко и прийдущих позднѣйших временей, вѣдати, явно чиню, ижъ нѣ з якого примусу, але з доброй волѣ своей, продалемъ гай отческий, нѣкому нѣ в чомъ непенной и незаводной, стоящой над ставом вишшим пана сотника Чорномазовскимъ, помѣжъ Забарной Петрихи гаю, а з другой сторони Семенишинъ гай, пану Михаилу Стороженку, бунчуковому товаришу, ценою за чтири рублѣ, до которой моей продажи, а пана Михаиловой купленного гаю купчой неповиненъ, яко я самъ, такъ и з приятелей моихъ, близкихъ и далекихъ, неповинни втручати и одоймовати, волно тежъ его милости пану Михаилу тимъ гаемъ владѣти, дати, дароваты и во вѣчность наслѣдию своему удержати, при которой моей продажи били люди честние и вѣригодние, отец Григорій Яковлевъ, Иванъ Власовъ дякъ, Ржавские, и, принявши денги, сию купчую видал и подписался, а, вмѣсто неграмотного, по прошению моему Андрѣй Галичъ Ржавский подписался, и саморучно я, Иванъ Ивашенко, сию купчую отдаю и крестъ своею рукою подписую ✕. К сей купчей Григори пресвитер Ржавский руку подписал.

(Съ подлинника).

XXXIII.

1741 года октября 18 дня. Ордеръ Прилуцкой полковой канцеляріи Варвинкому сотнику Дмитрію Кониському съ извѣщеніемъ о вступленіи Михаила Стороженка въ должность полкового асаула.

Ордеръ с полковой Прилуцкой канцеляріи сотниковѣ Варвинскому п-ну Димитрію Конѣскому з сотенною старшиною. Сего октября 17 п-нъ Михайло Стороженко в полковую Прилуцкую канцелярію явился и данной ему из войсковой енералнои канцеляріи унѣверсалъ о опредѣлении его пана Стороженка в чинъ полкового Прилуцкого асаула объявилъ, в которомъ между прочимъ повелено, даби какъ господинъ полковникъ и полковая Прилуцкая старшина и сотники сего полку о томъ его пана Стороженка в звании полкового Прилуцкого асаула опредѣленіи ведали и за настоящаго полковаго асаула признавали и приличнии ему по чину его отдавали почтения, а протчие значковые товариши атамани и чернь сего полку и кому в командѣ его бить надлежить во всемъ что касается к командѣ, яко полковои старшинѣ, послушни были, того ради по указу оному полковои Прилуцкой канцеляріи опредѣлено якъ в протчие полку Прилуцкого, такъ и в Варвинскую сотню вышеписанихъ для вѣдома и кому по командѣ его надлежить будетъ для исполнения сей ордеръ послать, каковъ и посилается к вамъ сотниковѣ Варвинскому пану Конѣскому о вышеписаномъ ведать, а о полученіи сего в полковую Прилуцкую канцелярию репортовать. Данъ въ Прилуцѣ октября 18 дня 1741 году. Обозний полковий Федоръ Галенковский. Судия полковий Михаилъ Ягельницкий. Полковий писарь Иванъ Александровичъ.

(Съ копіи).

XXXIV.

24 декабря 1741. Прилука. Универсалъ Прилуцкаго полковника Григорія Галагана къ сотникамъ Прилуцкаго полка, въ томъ числѣ и къ сотнику Ичнскому Андрею Стороженку, сообщающій о послѣдовавшемъ распоряженіи, которымъ запрещалась скупка козачьихъ земель старшиною, съ обращеніемъ козаковъ съ посполитыхъ.

Ордеръ с полковой Прилуцкой канцелярии панамъ сотникамъ полку Прилуцкого: полковому Степану Лукомскому, Монастирискому Ивану Романовичу, Ичанскому Андрею Стороженку, Иваницкому Федору Свѣр-

скому, Карабутовскому Самойлу Невайдовскому, Красноколядинскому Петру Максимовичу, Сребранскому Николаю Троцинѣ, Варвинскому Дмитрию Конѣскому, да Журавскому Федору Тарасевичу. Сего декабря 23 в указѣ Ея Императорского Величества из войсковой генеральной канцелярии написано: прошедшихъ де разнихъ годовъ неоднократно де от войсковой генеральной канцелярии во всѣ полки малоросийские в томъ числѣ и в полкъ Прилуцкий о нескуплѣ козаков предлагаемо било, а особливо в минувшомъ 1739 году по состоявшому имянному блаженныя и вѣчно достойния памяти Ея Императорскаго Величества Государпнѣ Анни Иоанновни Самодержици Всероссийской за собственою Ея Императорского Величества рукою указу на крѣпко запрещено, чтобъ отнюдъ нитко ни под каким видом не точию козаковъ, но и козачихъ грунтовъ завладѣвать и за собою укрѣплять впредъ до височайшого Ея Императорского Величества соизволения указу никто не дерзалъ, да кромѣ де того и сего 1741 году по силѣ полученного из Правительствующаго Сената о прощенiи винъ полковника Нѣжинского и полковой старшини и кои зъ 734 года грунта у козаковъ покупили и о возвращении безденежно и о нескуплѣ впредъ во всей Малой Росии в противность указамъ под жесточайшимъ штрафомъ указамы изъ войсковой генералной канцелярии ...[1]) известно учинилосъ, что нѣкотория из сотниковъ в отмѣнность оныхъ Ея Императорскаго Величества высочайшихъ указовъ паки дерзали, изкупивъ козаковъ, у подданство себѣ привращать, в чомъ на нихъ в войсковую генералную канцелярию и жалоби произийшли, почему от генералной войсковой канцелярии изслѣдовать веленно, и по изслѣдованiи де без достойного штрафа винному никакъ оставлено не будетъ, но даби iногда таковихъ веема предсудительнихъ в отмѣнность Ея Императорскаго Величества указовъ поступокъ и в другихъ местах паче чаяния происходить не могло, того ради велено тѣмъ Ея Императорскаго Величества указомъ, дабы такъ яко и полковая старшина а особливо сотники по силѣ онихъ запретителнихъ о томъ височайшихъ Ея Императорскаго Величества указовъ все конечное и без сискания и малѣйшия отмѣны чинит исполнение и того требовать под опасенiемъ за какое-либо в томъ упущение или послабление истязания и жесточайшого штрафа и для того той состоявшийся подтвердителной о томъ указъ везде по всѣмъ полку Прилуцкого сотнямъ опублѣковать, и о получении и исполнении прислать в оную войсковую генералную канцелярию репортъ, а особливо в слушании и исполнении оного такъ полковой старшинѣ, яко и сотникамъ подписатся, и тѣ подписки прислать в генералную войсковую канцалярию немедленно; того ради сего числа по содержанию оного Ея Им-

---

[1]) Пропускъ въ рукописи.

ператорскаго Величества Указа опредѣлено в полковой Прилуцкой канцелярии послать во всѣ полку Прилуцкого сотнѣ к сотникамъ настоящимъ и наказнымъ, також и сотеннымъ старшинамъ сей ордеръ, найкрѣпчайше напомянут, дабы они по силѣ запретителних о томъ ордеровъ во исполнение указовъ Ея Императорскаго Величества состоявшихъ всеконечне без всякия и малѣйшия отмѣни чинить исполнение, и того яко настоящие сотенние командири сами они перестеригали под опасениемъ за какое либо в томъ упущение, но и послабление, самимъ имъ истязания и жесточайшого штрафа, и для того сей состоявший подтвердителний о томъ ордеръ вездѣ по всѣмъ сотень своихъ селамъ и деревкамъ публѣковать, о получении и о исполнении вмѣсто репорта к отрепортованію о томъ в генералную войсковую канцелярию на семъ ордерѣ подписатся, а особливо о слушании и о исполнении оного, такъ настоящымъ яко и наказнымъ сотникамъ и сотеннимъ старшинамъ на сообщенной при семъ ордерѣ подписки подписатись должно, и оний ордеръ начавъ от полковой сотнѣ во всѣ по ряду, списавъ с оного точние копѣе, с нарочнимъ, промѣчая на ономъ какого числа и часа получено, в другую сотню с нимъ отправленъ будетъ, с росписками отсилать, а от Журавки должно оной тожъ с нарочнымъ сюда прислать. Данъ въ Прилуцѣ декабра 24 дня 1741 года. Григорий Галаганъ. Полковой писар Иванъ Александрович, Канцеляристъ Григорий Леонтиевъ.

По указу Ея Императорскаго Величества мы нижеподписавшиеся полку Прилуцкого полковникъ, полковая старшина, сотники и сотенныи старшины сею нашею подпискою в войсковую генералную канцелярию обовязуемся, что ежели бы имѣли ми сами козаковъ и ихъ грунта скуплять, кои указами Ея Императорскаго Величества в продажи и въ покупки воспящени, то должны подлежати неотмѣнно таковому штрафу, какой по указамъ Ея Императорского Величества за такови скуплѣ положенъ. 1741 гоцу декабра 27 дня. Подписи полковника и всей полковой старшины.

(Съ копіи).

XXXV.

9 мая 1744 г. Списокъ документовъ на владѣніе грунтами и людьми въ м. Ичнѣ, принадлежащими бунчуковому товарищу Григорію Стороженку.

Виписка з присланного отъ бунчукового товариша Григорія Стороженка при реестрѣ купчихъ, почому онъ въ мѣстечку Ичнѣ дворами и людми владѣетъ, и противъ того по сказкам самихъ тихъ людей з исправки старшины городовой, ежели то так, учиненна 1744 году мая 9 д.

При реестрѣ в крепостях бунчукового товариша Григория Стороженка показано.

По справки старшини городовой и по сказкамъ тихъ людей явилося.

Купчая от Якова Римара, написанная отцу его въ 1682 году июля 31 о продажи Давидомъ Петровичемъ хати с плецемъ якой плецъ онъ Яковъ ему Стороженку продалъ годовъ тому будет зъ 20 и ему Стороженку тую купчую отдалъ въ 1741 году маія 19 д.

Якова Римара отецъ Хома купил грунтъ в Давида Петровича, а по смерти его онъ Яковъ продалъ бунчуковому товаришу Григорию Стороженку будет тому годовъ болшъ 15 і в той пори от означеного Петровича данную купъчую ему Стороженку отдалъ и на ономъ дворѣ нынѣ живет.

Купчая от Кирила Прибиша данная въ 1724 г. сентября 8 д. о продажи грунта з хатою и огородомъ за 80 золотихъ.

Кирило Прибишъ умре, а за живота своего двор свой продал емужъ Стороженку, гдѣ нынѣ сынъ его Никита живетъ, чому будетъ болшъ придцяти годъ, а купчую на то дано-ли за малолѣтством онъ Никита неведаетъ.

Купчая от Марии Степановни Марчихи данная въ 1724 году сентября 18 д. о продажи грунта зъ хатою и огородомъ золотихъ за 20.

О Марии Степановой Марченковой, что совсѣмъ змерла, спросить нѣкого.

Купчая отъ Матвѣя и Якова Ситниковъ данная въ 1725 г. мая 9 д. о продажи грунта за 18 рублей.

З них Ситников Матвѣй взялъ в его Стороженка горѣлки кадокъ 2, каждую по 3 рублѣ, да денегъ 3 копи, а Яковъ жита 4 четверти в той пори, какъ дорого было, годовъ тому з пять, чего не могучи уплатить, грунтъ свой в арестъ пустили.

Купчая отъ Данила Борща данная въ 1725 году сентября 18 д. о продажи двора с поселениемъ хатним за 12 рублей.

Онъ, Борщъ, будетъ тому годов зъ 17, як взялъ онъ в его Стороженка в позику 2 рублѣ, а потим 4 четверти жита з третои прибылѣ тому будетъ годовъ 5 и за то все на него претенсии 10 рублей, чего понеже не уплатил, двор свой з хатою продалъ емужъ, на что и купчую далъ и на ономъ дворѣ по нынѣ живетъ.

Купчая от Давида Трихлѣба данная в 1727 году августа 15 д. о продажи двора зо всѣмъ поселениемъ за 16 рублей.

Онъ, Трихлѣб, двор свой з хатою и огородом въ 727 году за 80 золотихъ емужъ Стороженку, продалъ, а купчую далъ въ 743 году въ Петровку и таковихъ денегъ еще не принималъ, где і нынѣ сам онъ живетъ.

Купчая от Опанаса Свиняки данная въ 1727 году ноябра 21 д. о продажи двора за 18 рублей.

Онъ, Свиняка, грунтъ свой з хатою и огородом емуж Стороженку продалъ за 10 рублей, чому будетъ годовъ зъ 15, с которой сумми 5 рублей принялъ, а 5 рублей нѣтъ, купчую же далъ будет зъ еденъ годъ, на которой онъ Свиняка и нынѣ живет.

Купчая от Гапки Хведоренковой данная въ 1730 году іануария 25 д. о продажи огорода з хатним поселением за 3 рублѣ.

Она, Федоренкова, на актъ веселний полтори кадки горѣлки ценою кадку по 3 рублѣ годовъ тому будетъ зъ 6 в егожъ Стороженка узяла, точию яко не уплатила, то грунтъ, где нынѣ живетъ, емужъ продала и на то купчую въ 743 году в восѣнь дала, гдѣ и нынѣ она живет.

Арестъ от Матвѣя Максима Игната Шевченков данной въ 1738 году июля 1 д. за виноватие десят рублей денегъ до сроку от написания того в годъ, что ежели неуплатят, тогда то вѣчне двор имѣет ему Стороженку.

Ихъ, Шевченков, отецъ и матка як померли, то для поменовения взели в его Стороженка 10 рублей, чому годовъ болшъ 5 и не уплатя дворъ свой с огородомъ и поселениемъ емуж продали и в том году купчую дали, на которомъ дворѣ Максимъ и Игнатъ и нынѣ живутъ, а Матвѣй сойшол и в егожъ Стороженка дворѣ живетъ.

Купчая отъ Петра Борща данная въ 1738 году декабра 11 д. о продажи двора с поселениемъ за 10 рублей.

Онъ, Борщъ, в его Стороженка какъ дорогъ билъ хлеб, чому годовъ з пять, ржи 4 четверти каждую по тогдашней ценѣ взялъ и якъ неоплатилъ онои, грунтъ ему Стороженку за тую сумму продалъ, а купчую далъ въ 743 году, где и нынѣ живетъ.

Арестъ от Хоми Бѣленкого данной въ 1742 году фев-

Хоми Бѣленкого жена за какую цѣну мужъ еи продалъ ему Стороженку

раля 18 д. за виноватие 20 рублей денегъ до сроку от написания того въ 2 года, что ежели не уплатит, тогда то вѣчне двор имѣет.

дворъ без битности его в домѣ не показала, гдѣ и нынѣ онъ живет.

Арестъ от Остапа Пархиця данной въ 1742 году іюня 4 д. за виноватие денги рублей 24, 25 копѣек на дворъ и на протчие грунта, что буди онихъ денегъ того году августа 15 д.не сплатитъ, то ему Стороженку волно владѣть.

Онъ, Пархиц, четвертий тому год з Иваном Бѣленким козакомъ куфу горѣлки за 24 рублѣ в егож Стороженка взялъ, а какъ не уплатили, то грунтъ Бѣленкого за 4 рубли, а его Пархиця за 20 рублей заарестовано, на что онъ, Пархицъ, арестъ далъ и по оному о надлежащомъ сроке понеже неуплатилъ, дворъ свой за туюжъ сумму продалъ и купчую въ 743 году в восѣнь далъ, на котором и нынѣ онъ Пархиц живет.

Арестъ от Ганны, Стефана Яжевского, попа Ичанского, дочери, Ивановой Савченковой жени за виноватие 12 рублей денег на двор, что ежели оних того года о празднике Верховних Петра и Павла не уплатила, то ему Стороженкку оной двор имѣет бит вѣчне.

Оной Савченковой муж за живота своего взялъ в егож Стороженка за 22 рублѣ куфу горѣлки, а какъ он муж умре, тогож часу казанъ винокурний в десяти рубляхъ взято, а грунтъ, где сусѣде живутъ, близъ Брами Успенской Ичанской будичий, за 12 рублей заарестовалъ, а купчой недаванно.

Жени его Стороженка Евдокии Лигогубовни.

Арестъ от Леска Коваля данной въ 1737 году марта 1 д. на дворъ с поселениемъ за виноватие 20 рублей денегъ, что ежели не уплатит въ 1738 году, то еи имѣет бит вѣчне.

Он, Ковал, въ прошломъ 737 году визичилъ в жени его Стороженка 20 рублей, коихъ какъ неуплатилъ, грунтъ свой въ 740 году в означенной суммѣ в арестъ отдалъ, на которомъ и нынѣ самъ живетъ.

Купчая от Дарии Василихи Безпущихи данная въ 1741 году октября 1 д. о продажи двора с поселением за 40 рублей.

Она, Безпущиха, грунтъ свой с поселением годов тому зо три егожъ Стороженка женѣ продала и на то купчую дала, сама же по чужимъ дворамъ нынѣ живетъ.

Также его Стороженка купчие, дѣду и отцу егож и ему здавна на купление грунта данние.

Купчая на разние плеци, дѣдомъ его Стороженка полковником Прилуцким Иваном Стороженкомъ купленние, данная въ 1688 году мая 24 д.

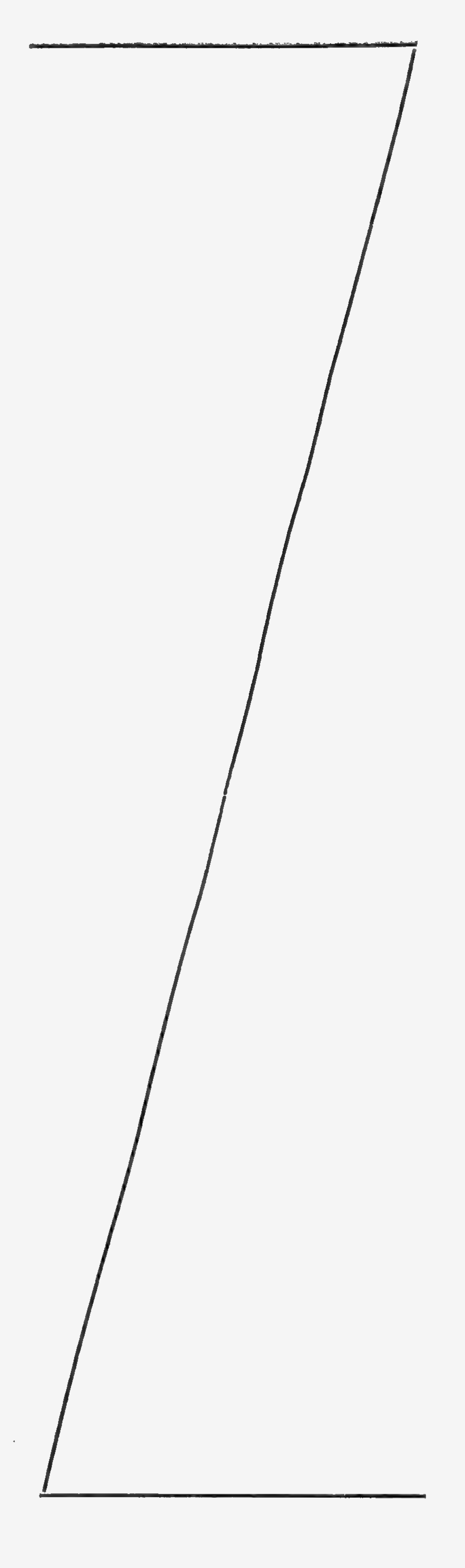
Купчая от Ивана Антоновича, данная отцу его Стороженка сотнику Iчанскому Андрею Стороженку въ 1711 г. октября 4 д. на двор.

Купчая от Василя Бортника данная въ 1716 году мая 10 д. о продажи грунта.

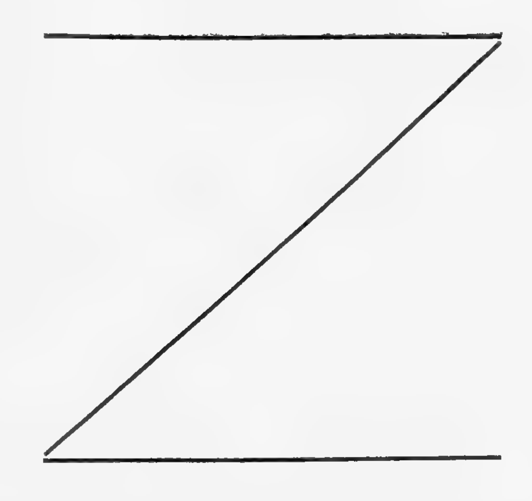
Купчая от Гимнасия, послушника печерского, данная въ 1725 году сентября 2 д. о продажи голого плеца.

Купчая от старшини сотенной и городовой Ичанской данная въ 1726 году сентября 2 д. о продажи голого плеца.

Яко на тих по пяти купчих доставшихся плецах, тако что еще болѣе плецов дѣдизнихъ и отческихъ по смерти ихъ осталос, и нимъ, Стороженкомъ, самимъ купленнихъ, на что имѣются купчие, то о свободном его Стороженка тими подсусѣдками в мѣстечку Ичнѣ владѣнiи умершихъ гетманов Скаропадского едного

1715, а другого въ 1719, и Апостола въ 1727 годахъ, данние три универсали и више писанних купчих и арестовныхъ писем числом двадцят при той с подлинними на двое зарукою его Стороженка копии сообщенно, ктоже еще именно и тѣ подсусѣдки на тихъ грунтах живут, о том под тимъ показано.

Удова Ярошичка.	Оныя Ярошички годов тому будетъ болшь 30 муж Петро, будучи мирочником в его Стороженка, много долженъ и потералъ болше десятка пней пчоль и того чимъ неимѣючи уплатить дворъ і грунтъ свой во вѣчное владѣние емуж Стороженку пустилъ, где и нынѣ она живет.
Іванъ Божко.	Он, Божко, на Бубликовом козачомъ, уступленном в шести рубляхъ за лошадь, живетъ.
Леско Буймистренко.	Онъ, Буймистренко, еще за умершого отца его Стороженка годовъ тому будетъ з сорокъ и болше задолжился и за тое дворъ свой во вѣчное владѣние пустилъ.
Костъ и Данило Шевченки	Они, Шевченки, на своем грунтѣ живут, а онъ Стороженко ихъ грунтомъ завладѣлъ тогда, какъ отецъ ихъ Дурибалкою билъ, а когда порутчикъ Дубасовъ списовалъ, тоде господар его Стороженка Марко Перетучний повелѣлъ вокна повиймати да соломою позабиват, якоби пуста хата, а оного грунта въ продажу непускали.
Іванъ Головка.	Онъ, Головка, живетъ на Есифовомъ Олишевского грунтѣ, кой нынѣ в венгерском гусарском полку.

Іванъ Шерудило.	Оной Шерудило на грунтѣ Бурминскомъ за позволениемъ его Стороженка живетъ.
Іваниха Кичанка.	Оная Кичанка живетъ на Ивановом Гончаренковом козачомъ за долгъ ему, Стороженку, от первого Сулацкого походу доставшомся.
Демко и Савка Святни.	Оних Святнихъ отецъ отцу его Стороженка дворъ продалъ, где и нынѣ Демко живетъ, а Савка змеръ сколко же годъ и за что имено продалъ, того онъ невѣдаетъ.
Іохимъ Козѣенко.	Онъ, Козѣенко, на его Стороженка Паламаренковскомъ емужъ Стороженку проданом годовъ тому зъ 30 грунтѣ живет.
Іванъ Бугай.	Оного Ивана Бугая небило и не имѣется.
Максимъ Ридченко	Оного Ридченка отец отцу его Стороженка грунтъ свой продалъ, а какъ давно и за какую сумму неведает, где онъ Ридченко и живет.
Роман Бугай.	Оного Бугая отецъ за долгъ ему Стороженку тому годовъ зъ 20 грунтъ во вѣчное владѣние пустилъ.
Василь Надолинний.	Оной Надолинний живетъ на Стецковомъ Стороженковскомъ грунтѣ.
Данило Гаптаренко.	Оного Гаптаренка дѣдомъ или отцемъ его проданъ или другим какимъ образомъ нимъ Стороженкомъ завладѣнъ, за малолѣтством неведает.
Петро Мищенко и Карпъ Кравец.	Они, Мищенко и Кравецъ, живутъ на грунтѣ его Стороженка, купленном въ Усаневского.

Павлиха Теслиха.

Оной Теслихи муж взялъ у его Стороженка куфу горѣлки за 14 рублей и шестъ рублей уплочено, а за остатокъ грунтъ свой в арестъ пустилъ, годовъ тому будетъ зъ 10, на котором она и нынѣ живетъ.

Грицко Будниченко, Федоръ Литвинъ, Савка Садовничий, Леско Мижибовский, Федоръ Салиниковъ зят, Семенъ Литвин, Андрѣй Шкарупа, Иванъ Тютюнник, Параска Рябчунка, Михайло Борсученко, Грицко Мирочник, Матвѣй Шевченко.

Оние всѣ, Будниченко, Литвин, Садовничий, Межибовский, Салиниковъ зять, Литвинъ, Шкарупа, Тютюнникъ, Рябчунка, Борсученко, Мирочникъ. Шевченко на грунтах его Стороженка живут, а почому и чии то грунта ему во владѣнии, неведаютъ.

Постраничная подпись: ка-пи-тан-Степан-Кобилинъ.

(Съ подлинника).

XXXVI.

1744. Выписка изъ Дневника генеральнаго хоружаго Николая Ханенка. Изданія „Кіевской Старины" (К. 1884), стр. 235, 237 и 238.

1744 ноября 23. Писанное до Евдокіи Лизогубовны Григоріевой Стороженковой нисмо отправлено сторони куплѣ ею Рубановскихъ добръ нашей части.

1744 декабря 10. Обѣдалъ у писаря полкового Василія Кулаковского зъ тещею его Евдокіею Лизогубовною Григоріевою Стороженковою, которая нарочно пріездила торговать у мене части нашей, въ рубановскихъ добрахъ имѣючейся.

1744 декабря 11. Въ вечеру были у мене Евдокія Стороженкова, зъ зятемъ своимъ Кулаковскимъ, за тимъ-же о Рубановщинѣ дѣломъ; но не сошлись.

XXXVII.

6 марта 1745 г. Списокъ документовъ на владѣніе разнаго рода недвижимымъ имуществомъ, принадлежавшимъ бунчуковому товарищу Григорію Андреевичу Стороженку и доставшимся въ наслѣдство его сыновьямъ Степану, Андрею, Петру и Даніилу.

10 лист крѣпостей покойного бунчукового товариша Григорія Стороженка которіе должны быти при его дѣтях Стефану, Андрею, Петру, Данилу Стороженкахъ на роздѣлки на чотыри части крунтовъ, а о чомъ тѣ крѣпости и с каковихъ годовъ, мѣсяцій и чиселъ написани и под каковым нумеромъ состоялис а нимъ Стороженкамъ какова надлежатимет крепост значится в том. 1745 года марта 6 сочинено.

Показанніе крѣпости годовъ мѣсяцей и чиселъ:

Унѣверсали.

1. Унѣверсалъ гетмана Мазепи о надачи полковнику Прилуцкому Івану Стороженку села Ржавца и части войсковой в мелницѣ Дацихи Іваницкой во владѣніе въ году 1690 іюня 26 д.
2. Унѣверсалъ Мазепи данный Івану Стороженку по его полковничеству о взяти его под свою протекцію и оборону, чтоб нѣхто оныхъ ему Івану Стороженку нечинилъ обыдъ и разореній.
3. Унѣверсалъ егожъ Мазепи по смерти Івана Стороженка о потверженіе владѣнію тимже Ржавцемъ и млиномъ войсковою частю, данные женѣ его и сыну Андрею Стороженку в року 1693-мъ февраля 26.
4. Лист полковника Прилуцкого Димитрия Горленка, данный Андрею Стороженку сотнику Ічанскому о позволению отбырати в млинах Лучковских части войсковіе в року 1707 года апр. 10 д.
5. Унѣверсалъ гетмана Івана Скоропадского в потверженіе села Ржавца, Томашовки, Ступаковки и мелничних войскових частей емужъ Андрею Стороженку в спокойное владѣніе в року 1709 февраля д. 5.
6. Листъ полковника Прилуцкого Івана Носа, состосуючійся до волѣ гетманской безпрепятственно в вышъ показанныхъ млинах войсковыми частми владѣти 1709 году февраля 27 д.
7. Унѣверсалъ полковника Прилуцкого Ігната Кгалагана, данный емужъ Андрею Стороженку о уволненіе людей на купленних кгрунтахъ живучих в Лучковцѣ от посполитой тяжести в року 1715 году фев(раля) 19 д.

6 мар[illegible] ...ого рода не-

[illegible]

[illegible] ...ннозъямъ Сте-

[illegible]

[illegible] крѣпостей [illegible] ійого бунчукового тов[illegible] Сто-[illegible] которіе [illegible] были при его дѣтях Стефану, Андрею, Петру, [illegible] Сто[illegible] на роздѣли на чотири части [illegible], а о [illegible] головъ, мѣсяцій и чиселъ написани и [illegible] Стороженкамъ каnова надле-[illegible] [illegible] 6 сочн.

[illegible] с надачи полковнику Прилуцкому Івану [illegible] и части войсковой в мелницѣ Дацихи [illegible] владѣние въ году 1690 іюня 26 д.

2. [illegible]версалъ Мазепи данный Івану Стороженку по его полковничеству [illegible] взяти его под свою протекцію и оборону, чтоб нѣхто оныхъ [illegible] Стороженку нечинилъ обидъ и разорений.

[illegible] Мазепи по смерти Івана Стороженка о потвержде-[illegible] [illegible] ...зецемъ и млиномъ [illegible] части [illegible] [illegible] Стороженку в року 1693 [illegible]

4. [illegible] Андрею [illegible] в млинах [illegible] году апр. 10 д.

5. Ун[illegible] Стороженкого в потвержденіе села Ржавца. Том[illegible] и мелничних войсковых частей служ[illegible] Андр[illegible] спокойное владѣние в року 1708 феврал[illegible] 5.

[illegible] Івана Н[illegible] волѣ [illegible] вышъ [illegible] вой-[illegible]

[illegible] мужъ [illegible] Стороженк[illegible] грунтахъ [illegible] в Лучкови[illegible] 1715 году [illegible] 19 д.

Григорій Андреевичъ Стороженко.

(† 1745 г.)

8. Лист егожъ полковника Кгалакгана емужъ Андрею Стороженку данный о надачи панского к Ржавцю приналежащого лану в 1715 году іюля 2 д.

9. Унѣверсалъ гетмана Скоропадского данный обыженной женѣ Андрея Стороженка Матронѣ Гнилозубовнѣ на потверженіе и на спокойное владѣніе Ржавца, Томашовки, Ступаковки на мельници кгрунта и протчіе угодія и о неучиненіи ей нѣ в чомъ нѣкакого препятствія в 1715-мъ году августа 20.

10. Унѣверсалъ егож гетмана Скоропадского данний Григорію Стороженку сотнику Ічанскому на сотнитцтво Ічанское в 715-мъ году августа 29.

11. Унѣверсалъ гетмана Скоропадского до удовѣлой сотниковой Ічанской Матроны Гнилозубовны, абы панъ панъ сотникъ Іваницкий и нѣхто другий между сродними ей неважился займати греблѣ в 1716 году януарія 25.

12. Унѣверсалъ егож гетмана Скоропадского данный панѣ Матронѣ Гнѣлозубовнѣ на потверженіе двох унѣверсаловъ данных от антецессоровъ покойному мужови на Ржавецъ, Томашовку, Ступаковку на кгрунта, поля пахатніе, лѣси, гаи, дубровы, мелницѣ и протчіе угодія въ року 1719 г. януаря 18 д.

13. Унѣверсалъ гетмана Даниила Апостола данный Григорею Стороженку сотникови Ічанскому на вышъ специфѣкованніе всѣ унѣверсали на спокойное ему всѣхъ его недвижимостей, маетностей, мелницъ, крунтовъ, наданных и купленних людей, плецовъ, хатъ, садовъ и протчого владѣніе в 1727-мъ октября 7 дня.

Купчіе.

14. Купчая отца Петра Середенка Ічанского о продажѣ его пану пану полковнику Прилуцкому Івану о продажѣ его плеца за два верти и Мари Барановнони шинчихи, которая тогож плеца прода за два верти, половицу Шептушенко за вусѣмъ золотих, Ігнатъ Дрождъ свою част лежачую над дорогою продалъ за вусѣмъ золотих, якіе всѣ тіе части плецовъ в едномъ состоянии имѣются в мѣстѣ Ічнѣ над дорогою к баштѣ Прилуцкой въ року въ 1688-мъ мая 24 дня.

15. Купчая з ратуша Ічанского дана его милости пану Іоанну Стороженку, полковникови Прилуцкому, от О(г)рипины Демяненковой мещанки на куплю гаю, окопу, бровара, половицѣ казана, половины броварнаго кгрунту Почепы, а особливо казана половину за чотириста золотих и коня в деся(т) талярей. Дана и записана в року 1688 октябра 21 д.

16. Купчая Максима Даниловича и швагра его Савки Медниченка з братомъ своимъ Іваномъ Черняченкомъ данная на ратуши Ічанской полковникови Прилуцкому Івану Стороженку на родинны гаи на Рожновцѣ рѣцѣ стоячии за пят копъ 1689 марта 12 д.
17. Купчая Васыля Романовича Глущенка Буромского а временемъ Іваницкого на проданное коло мучное и з заднѣмъ каменемъ и з заставкою хвалюшною лежачое на рѣцѣ Смоши и к Иваницѣ также на греблѣ садъ з огородомъ и з сѣножатю и с лозою Іоанну полковниковы Прилуцкому Стороженку за сто талярей в 1689-мъ августа 5.
18. Справа презентована на урадѣ городовомъ Ічанскомъ о лѣску з гайкомъ стоячомъ помижъ Романова Петровичова и помижъ Сидорова и Яценкова каковой ле(с)окъ емуж полковниковѣ Стороженковы зостался во вѣчное владѣніе 1690-мъ априля 13 д.
19. Купчая Маріи Дацихи мелнички Іваницкой о продажи нею ступ и валюшъ полковниковы Прилуцкому Іоанну Стороженку за пятьдесятъ две копи 1690 ноября 17 д.
20. Купчая Федора Андрѣевича Вернигори жителя Ічанского на проданній гай свой власній отческій стоячій над Удаем за двадцять три рубля 1691 февраля 28 д.
21. Купчая Федора Вернигори жителя Ічанского о продажи лѣса и гаю из садомъ помежніи Зеленковымъ жителем Дорогинскимъ з другой сторони Кондрата Евфименка жителя Ічанского под селом Томашовкою за сто талярей, куплено в 1695 мая 9 д.
22. Купчая Івана Ланченка, бывшого мелника Іваницкого и жены его Маріи Петровны, которіе продали полковнику Прилуцкому Стороженку млинъ и половину ступъ на греблѣ на рѣцѣ Смоши у Иваницѣ, другую половыну на потом уступили же, обѣ за шестсотъ золотихъ іюня 11 д. 1695.
23. Купчая Дацка Германовича жителя Ічанского на проданной нимъ плецъ з дворомъ, свѣтлицею и сѣнцями, лежачий проти(в) Воскресенія Христова ему пану полковниковѣ Прилуцкому Стороженку за сто сорокъ золотих в 1692-мъ мѣсяця юня 16 д.
Показаніе крѣпости годовъ, мѣсяцей и чиселъ.
24. Купчая Андрѣя Гриненка жителя кременчуцкого на проданной нимъ грунтъ менуемій Горбанувскій лежачій в Іваници тамже двор з хатою, садомъ и огородомъ також до того двора лѣсъ лежачий гаи и поля рабочого на шѣсть день под Соскамы помижъ Процкового леса за Смошею, за сто шестдесят пят золотих емуж Андрею Стороженку продани в 1701-мъ іюня 26 д.
25. Купчая Кондратихи Петровны мещанки Іченской которая продала половину бровара и дворища помѣж панѣ Романовой бровара Да-

вида Петровича и Демяна . . . . отъ города лежачий емуж пану Андрею Стороженку за вусѣмьдесят пят золотих в 1701-мъ септ. 8 д.

26. Купчая Лукяна Полуяненка жителя Ржавского которой продалъ ставу три части стоячого тамже въ Ржавцѣ нижей пана сотника ставу емужъ пану Андрею Стороженку за тридцят золотихъ в року 1701-мъ октябра 1 д.

27. Купчая Іякова Григоріевича Войтовця обывателя Ічанского которой за совѣтомъ жоны своей продалъ пану А(н)дрею Стороженку окопъ за тридцят талярей которого окопу межи означает купчая в року 1703-мъ августа 7 д.

28. Купчая Семена Дикого козака и жителя сотнѣ Ічанской которой продалъ лѣсъ свой стоячий в Грабовѣ, помѣжній по руду полковника Прилуцкого Димитрія Горленка за сто пят копъ в 1704-мъ генвара 25 д.

29. Купчая Яковыхи Войтащовчихи на проданной гай от Василя Оглоблѣ стоячий за фолварками емужъ пану Андрею Стороженку за копъ десят проданній 1705-мъ априля 29 д.

30. Купчая Тимоша Павленка жителя Ржавского о продажи лѣса половыну стоячого в Грабовѣ на вѣчною пану Андрею Стороженку за двацят талярей в року 1706 в пост великой третои недели.

31. Облѣйгкъ Грицка Лупа жителя Буромского за тридцят копъ злишкомъ за которой облѣигкъ оной Грицко далъ поля пахатніе Литвиновскіе в року 1704-мъ генвара 28 д.

32. Купчая Прокопа Василенка которой свое власное поле под Дечихою лежачое между шляхомъ под Иржавцемъ и Напутинцемъ емуж пану Андрею Стороженковѣ продал за полсема золотого в року 1706-мъ мая 6 д.

33. Купчая Васыля Степаненка Литвинка жителя Ічанского которой продалъ свой гай стоячий в Нежаровѣ з одного боку от Дацкового концемъ по дорожку, якая идетъ до Пчолок, з воротами до его, пана сотника Ічанского, за полсеми копи в року 1706-мъ мая 10 д.

34. Купчая Грицка Лучки старого з сынами его и братаничемъ, Якима, Федора Лучки, которіе продали кгрунтъ свой з двома хатами и третею мазкою, гай, лѣса, поле робочое, облоги, млинъ стоячий на рѣчцѣ Ічнѣ з двома каменями емужъ пану Андрею Стороженку за тисячу и за двѣстѣ золотих в року 1706-мъ іюля 10 д.

35. Купчая Іллѣ Крикухи жителя Ічанского которой продал свою сѣножать в яру на семъ боцѣ Ступаковки концемъ ко Грицковому Зоценковому и протчіихъ по Юрково емуж пану Андрею Стороженку за вусѣмъдесят золотих продалъ в року 1705-мъ мая 15 д.

35. Купчая Илляша Крикухи жителя Ічанского на нивку въ ярку в Ступаковцѣ лежачую за вусемъдесятъ золотих купленную в року 1706-мъ.

37. Купчая Хвеска Молчана жителя Ступаковского которой продалъ ставокъ свой з греблею в Ступаковцѣ при той же греблѣ стоитъ гаюкъ купленнiй за пят коп и гребелка тамже проданная на вѣчност пану Андрею Стороженку за семъ копъ в року 1707-мъ априля 25 д.

38. Купчая Кости Полуяненка, жителя Ржавского, сказалъ на урадѣ сотничомъ Ічанскомъ, что братъ его Лукиянъ Полуяненко передомъ часть свою ставка в Ржавцѣ стоячого продалъ пану Андрею Стороженку такожъ и я послѣ свою тогожъ ставка таковуюжъ часть половынную ономуж пану Андрею за двадцет золотих продалъ в року 1703-мъ юня 14 д.

39. Купчая Івана Богаченка которой продалъ млинъ на рѣчцѣ Ічнѣ стоячiй и з солодовкою и огородомъ за пятсотъ золотихъ емужъ пану Андрею Стороженку в року 1690-м в постъ на первой неделѣ в четвертокъ.

40. Справа о Лучковской мел(ни)цѣ из Якимомъ Лучкою в полковой Чернѣговской канцеляріи сужена и ему Якиму Лутчцѣ повелено з мельницѣ своей пану Андрею Стороженку отбирати хлеб сколко его пана сотника мелница ваковала толикое число елико онъ обралъ в року 1709-мъ декабра 19 д.

41. Купчая Улияни Костихи жителки Ічанской, которая лѣсъ свой власнiй стоячiй за Лучковкою якъ идетъ рудка по половинѣ от Якима Лучки а з другого конца от порубу Горленкового пану Андрею Стороженку за двѣстѣ золотихъ продала в року 1710-мъ мая 29 д.

42. Купчая Івана Антоновыча жителя Ічанского, которой продалъ двор свой пану Андрею Стороженку за сорокъ талярей в року 1711-мъ октябра 4 д.

43. Листъ пана полковника Прилуцкого Іоанна Яремовича Носа на купленную дубыну в кгрунтах Ступаковских и поле пахатное и огонковъ два в Харка Лукаленка жителей Іваницких и симъ листомъ показанная купля ему пану Стороженку во вѣчност ствержается в року 1712-мъ іюля 2 д.

44. Купчая Стефана и Андрея Куреченковъ козаковъ и жителей Ічанских которіе лѣс свой власнiй стоячий в Лучкахъ на вѣчность за двѣстѣ за чотыри талярей продала пану Андрею Стороженку в року 1718-мъ декабра 9 д.

45. Производилася справа на урадѣ полковомъ Прилуцкомъ по жалобѣ пана Андрея Стороженка о подтопѣ мелницѣ его Іваницкой Ва-

сылемъ Войтенкомъ и Грицкомъ Яценкомъ жителми Іваницкими которую справу тамъ в суду полковомъ реконфѐрмовано и по реконфѐрмации велено Василю и Грицку скринѣ свои от подтопу поставити по-прежнему, а за подтопъ пожилих годовъ ему пану Стороженку наградит в року 1714-мъ марта 22 д.

46. Купчая Михаила Богаченка товариша и жителя Ічанского которой хутор свой власній з садомъ вишневим и огородомъ стоячимъ над ставомъ Дарагановскимъ пану Григорію Стороженку сотникови Ічанскому за пятдесят золотих продалъ в року 1722-мъ марта 10 д.

47. Купчая отца Іякова Кушакевича презвитера Свято-Троецкого Іржавского которой свою сѣножать зовемую Нечитайковскую и другую купленную от Тимощенка Гужовского пану Григорию Стороженковы сотникови Ічанскому за полтораста золотих продалъ в року 1715-мъ апр. 25 д.

48. Справа Никити Корнѣенка и Якова Андрѣенка жителей Іваницких что Максимъ Дзюба стадникъ Ломаковского и Семенъ служитель житель Парафѣевскии показали ограниченіе кгрунтовъ и сѣнокосовъ Парафѣевских которіе и во владѣніе имъ . . . . в року 1719-мъ ноябра 10 д.

49. Василь Бортникъ житель Ржавский продалъ крунтъ свой з садомъ и з хатою подля кгрунта Петра Висоцкого пану Григорію Стороженку за копъ чотиринадцят продалъ в року 1716-мъ ноябра 10 д.

50. Купчая Андрѣя Галича жителя Ржавского о продажи сѣножати пану Григорію Стороженковы сотниковы Ічанскому лежачой подле сѣножати Андре(е)вой Забычиной продана за пятнадцят талярей в року 1717-мъ августа 7 д.

51. Купчая Меланіи Зѣнчихи жителки Ічанской о продажѣ лѣса своего власного его милости пану Григорію Стороженковѣ сотникови Ічанскому поблизу села Томашовки за вусѣмъдесят золотихъ в року 1718-мъ ноябра 10 д.

52. Купча(я) отца Стефана Яжевского презвитера Свято-Успенского Ічанского которой продалъ ставъ з греблею нижей ставу Дарагановского между фолварками Ічанскими егож милости пану Григорію Стороженковѣ сотниковѣ Ічанскому за вусѣмдесят золотих в року 1719 мая 15 д.

53. Купчая Васыля и Константія Давидовичовъ жителей Ічанских, продали кгрунтъ свой Чорномазовщину ставъ з греблею и з ступъняком и з дубровою емуж пану Григорию Стороженку сотниковѣ Ічанскому за шѣстьсот двадцятъ золотих в року 1719-мъ марта 21 д.

54. Купчая Прокопа Артюшенка жителя Ржавского, которій сѣножать

свою власную подлѣ сѣножати Тишка Зубенка жителя Ржавского пану Григорію Стороженковѣ за девятнадцят копъ в року 1719-мъ юля 1 д.

55. Іванъ Баранъ Ржавскій хутор свой Дѣвский з сѣножатю найдуючийся за Ржавцемъ емужъ пану Григорію Стороженку сотникові Ічанскому за стотридцят золотих продалъ и урадовую купчую далъ в року 1719-мъ іюля 20 д.

56. Матвѣй Богаченко житель Ічанский огород свой власны лежачій подля огорода Торчинского пану Андрею Стороженковѣ сотниковѣ Ічанскому за пятдесят золотых продалъ и купчую врадовую далъ в 1719-мъ году августа 15.

57. Григор Мойсѣенко житель Иржавский сѣножат свою власную лежачую подля сѣножати Григоря Стороженка ему пану Григорію Стороженку за двадцятъ копъ продалъ и врадовую купчую далъ в року 1719-мъ сентеврія дня 5.

58. Хведориха Довбышка жителка Ічанская окопъ свой власній егож милости пану Григорію Стороженковы сотниковы Ічанскому за пятдесят золотих продала и врадовное писмо дала в року 1720-мъ априля 3 д.

59. Герасимъ Дараганъ товарищъ сотнѣ Ічанской и млинъ свой и огородъ стоячій на рѣчцѣ Ічнѣ его милости пану Григорію Стороженку за полпятаста золотих продалъ и врадовное писмо далъ в року 1720-мъ августа дня 5.

60. Юрко Гордѣенко житель Ічанский и з Иваномъ и Яковомъ Кондратенками сеножат свою властну его милости пану Григорію Стороженковѣ сотниковѣ Ічанскому за двадцят копъ продалъ и ратушнюю купчую дал въ року 1179-мъ септеврію 5 д.

61. Герасим Дараганъ житель Ичанский з женою своею Пелагиею на урядѣ доброволне а ни з каковогo примусу сознавши продал его милости пану Григорию Стороженку сотникови Ичанскому млинъ свой власний з ставомъ стоячий за готовіе денги монети доброй лѣчби литовской за полпета ста золотих во вѣчнѣ, неотзовне продавши и денги отобравши, врадовую купчую далъ в року 1720-мъ августа 5 дня.

62. Евдокия Кондратиха жителка Ичанская и з Иваном и Яковомъ Кондратенками пасинками своими з доброй своеі волѣ греблю з млиномъ и ставомъ вверху Ичнѣ лежачую над ставомъ Фесковимъ Гордѣенковимъ его милости пану Григорию Стороженку сотниковѣ Ичанскому за готовіе денги монети доброй лѣчби литовской вѣчне и неотзовне за двѣстѣ двадцятъ золотих продали и денги отобрали и урядовую купчую дали в року 1721-мъ февраля 26 д.

63. Грицко Мойсѣенко житель Иржавский ни з каковаго примушенія,

но з доброй своей волѣ сѣножат свою власную нѣкому нѣ в чемъ непенную и незаведеную его милости пану Григорію Стороженку сотниковѣ Ичанскому лежачую помежъ окопами Баранового футора за готовие денги пятдесятъ золотих монети доброй лѣчби литовской вѣчне продал и денги отобравши урядовую купчую далъ в року 1721-мъ априля 3 д.

64. Роздѣлка Ржавскихъ людей между покойними ихъ милостями паномъ Григориемъ и Иваномъ сотниками Ичанскимъ и Иваницкимъ половиная часть его милости пану Григорию Стороженкови от Галича в самой конецъ лежачий и к Ступаковцѣ и Чорномазовщини, а другий край отъ Галичажъ за церковъ и за дворецъ тягнучий Ивану Стороженку в росписаніи своемъ писменно тако положили и подписалис своеручно в року 1721-мъ септеврия 4 дня.

65. Яковъ Андрѣенко товаришь і житель Ичанский з доброволной своей волѣ а не з примусу лѣсъ свой власний нѣкому непенний и незаведений стоячий подъ селомъ Томашовкою его милости пану Григорию Стороженкови сотникови Ичанскому за готовую сумму денегъ монети доброй лѣчби литовской копъ за десятъ вѣчне продавши денги отобрал и купчую урядовную далъ в року 1721-мъ септеврия 10 д.

66. Евдокія Кондратиха Гордѣенкова, жителка Ичанская, з пасинками, своими Иваномъ и Яковомъ Гордѣенками нѣ з якой страсти но полюбовне и доброволне его милости пану Григорию Стороженку сотъниковѣ Ичанскому гребелку пустую и з ставочкомъ вверхъ Ичнѣ подля Феськовой Гордѣенковой найдуючуюся нѣкому нѣ в чемъ непенную и не заведеную за правдивую сумму денегъ доброй лѣчби литовской за сто двадцять золотих увѣчне и неотзовне продали и денги отобравши урядовую купчую дали в року 1722-мъ иануария 1 д.

67. Михайло Богаченко, житель Ичанский, з доброй своей волѣ а не примусу его милости пану Григорию Стороженку сотникови Ичанскому огород з садом вишневимъ за чистіе денги монети доброй лѣчби литовской за сорок золотих вѣчне продал и денги отобравши урядову(ю) купчую далъ в року 1722-мъ мѣсяця генваря 29 д.

68. Децизка мировая з суда войскового енералного покойной панѣ Пашковской жени первой пана Самуила Романовича за внесене ея панѣ Пашковской з внуками их милостей Григория и Ивана Стороженковъ и пречестного отца Иоана презвитора святопреображенского окончена въ року 1720-мъ июля 20 дня.

69. Андрѣй, Илко и Васил Кондратенки, жителѣ Ичанские, без всякого принужденія по доброй охотной своей волѣ свой власний порубъ нѣкому нѣ в чемъ незаведеной помежъ пана Федора Маркевича,

Якова Романовича и Семена Кокоши его милости пану Григорию Стороженку сотнику Ичанскому за певную сумму монети доброй лѣчби литовской за двадцять золотих вѣчне продали и денги отобравши врадовую купчую дали в року 1724-мъ июля 8 д.

70. Корнѣй Товстенко, житель Ичанский, охотне и доброволне без принужденія гай свой власний с полемъ нѣкому непенний и не заведений его милости пану Григорию Стороженку сотнику Ичанскому за настоящую сумму денегъ монети доброй лѣчби Украинской за сто пятьдесять золотих вѣчне продали и денги отобравши врядовую купчую дали в року 1724-мъ сентеврия 10.

71. Кирило Прибишенко, житель Ичанский, з доброй и охотной своей воли, а не с принужденя грунтъ свой с хатою и огородомъ никому непенний и не заведений его милости пану Григорію Стороженку сотнику Ичанскому за знатную сумму монети доброй лѣчби Украинской за осмдесят золотих вѣчне продал и деньги отобравши урядовую купчую далъ въ року 1724-мъ сентеврія 8 д.

72. Стефановна Марчиха, жителка Ичанская, нѣ з каковаго принужденія но з добро(й) охотной волѣ своей грунтъ свой власний з хатою и огородомъ нѣкому непенний и незаведений его милости пану Григорию Стороженку сотникови Ичанскому за ясную сумму монети доброй лѣчби Украинской вѣчне не отзовне продала и денги отобравши урядовую купчую дала въ року 1724-мъ сентеврия 12 дня.

73. Матвѣй и Яковъ Ситники, жители Ичанские, з доброй воли своей а нѣ з якого принужденя грунтъ свой власний нѣкому нѣ в чемъ непенний и не заведений лежачий помежь Якова Бербери его милости пану Григорию Стороженкови сотникови Ичанскому за чистую сумму монети доброй лѣчби Украинской за шестнадцять рублей вѣчне и неотзовне продали и денги отобравши урядовую купчую дали в року 1721-мъ мая 10 д.

74. Монах Гимнасий, послушник печерский, плецъ з хатою в городѣ Ичнѣ берегъ брами Святой Пречистянской лежачий его милости пану Григорию Стороженку сотникови Ичанскому за готовую сумму чистой монети Украинской за осмъ копъ вѣчне и неотзовне продалъ и денги отобравши от себе партикулярную купчую дал в року 1725-мъ сентеврия 1 д.

75. Данило Борщъ, житель Ичанскій, двор свой з поселениемъ хатним стоячий надъ шляхомъ Иваницкимъ помѣжъ Лаврѣна Вакуленка да Сидора Салиненка, жителей Ичанских, за дванадцять рублей монети доброй литовской вѣчне продалъ и денги отобрал и урядовую купчую дал в року 1725 сентеврія 18 дня.

76. Васил Гриненко, житель Нѣжинский, и з синами своими Юриѣмъ, Якимомъ, Петромъ, Уласомъ, Якимомъ же Иваном ни з каковаго принужденія, но з доброй охотной своей волѣ его милости пану сотнику Ичанскому Григорию Стороженку гай свой власний нѣкому незаведений и не пенний за добрую личбу монети литовской за шестсотъ золотих вѣчне продали денги отобравши врядовую купчую дали в року 1725-мъ ноября 13 д.

77. Харко Созюненко, житель Ичанский, нѣ з якого припадку, но з доброй своей воли гай свой власний нѣкому нѣ в чем непенний и не заведеній стоячій под селомъ Томашовкою его милости пану Григорию Стороженку сотникови Ичанскому за достойную сумму денегъ монети доброй лѣчби литовской за семдесят золотих вѣчне и не отзовне продал и денги отобравши урядовую купчую далъ в року 1726-мъ априля 1 д.

78. Романъ Бойченко, житель Иржавский, з доброй своей волѣ, а ни з якого примушеня сѣножать свою власную нѣкому нѣ в чемъ непенную и не заведеную его милости пану Григорию Стороженкови сотникови Ичанскому за певную сумму монети доброй лѣчби литовской золотих за пятьдесять ровно а помѣжь той сѣножати онъ же Григорий Стороженко окопами купленними около Баранового футора владѣетъ в року 1720-мъ априля 21 д.

79. Купчая старшинъ Ичанских сотеной и городовой о продажи ими купленого в Василя Давиденка голого плеца подля ратуши Ичанской копь за шест пану Григорію Стороженку сотникови Ичанскому въ 1726 году сентября 2 дня.

80. Купчая росписка Давида Трихлѣба о дачи во вѣчное владѣние за виноватіе имъ шистьнадцяти рублей Григорію Стороженку сотнику Ичанскому своего двора со всѣмъ поселеніемъ, гдѣ живет, понеже тих денегъ чим уплатит неимѣетъ, 1727 года августа 15 дня, которая тогожь году мѣсяца и числа в ратушу Ичанскомъ потверждена.

81. Купчая з ураду городового Ичанского, виданая о продажи Остапом Гермашенкомъ Ичанскимъ сеножати своей Григорію Стороженку, сотниковѣ Ичанскому, лежачой помежду окопами Барановскими, купленими оним же Стороженкомъ копъ за осмъ року 1727 мая 19 дня.

82. Купчая з уряду мѣского Ичанского виданая о продажи Евфимом Артюшенкомъ козакомъ Ржавскимъ окопов трох сенокосних лежачих помежь з едной сторони Левка Яременка, а з другой Василя Ковуна Ржавских в урочищах за Барановим футором над дорогою Мартинъскою пану Григорію Стороженкови сотникови Ичанскому за сто двадцятъ злотих с копою року 1727 октоврия 1 д.

83. Купчая з уряду Ичанского даная о продажи Панасом Свинякою Ичанским двора своего лежачого помеж з едной стороны Данила Соляника а з другой Грицка Штанка Ичанских пану Григорию Стороженку сотникови Ичанскому за восѣмънадцять рублей 1728 году ноября 21 дня.

84. Росписка Гапки Федоренковой Ичанской о виноватих нею Григорию Стороженку сотнику Ичанскому за кадку горѣлки трох рублей денегъ и что оних не могла чим уплатит, то город свой, на которомь и поселеніе хатное имеется, над шляхомъ Иваницкимъ помѣжь Данила Борща лежачий в арестъ до уплатки оного долгу от написаня той росписки пустила, а еслиб о томъ термѣнѣ неуплатила, то вѣчне тое ему Стороженку должно бит року 1730 инуария 25 которая и на врадѣ Ичанском стверждена с подписомъ рукъ и притесненем мѣской печати тогожъ года февраля 3.

85. Купчая з уряду Ичанского даная о продажи Петром Китченком козакомъ Парафѣевским з его синами Грицкомъ да Иваном и протчими кревними хутора своего за Парафѣевкою будучого з мелніцею на рѣчцѣ Смоши стоячого на которой рѣчцѣ волно будеть в вершинѣ того млина без шкоди людской и другую греблю заняти и млин построити и протчиих к тому хутору принадлежащихъ грунтов в оной обширно написаних пану Григорию Стороженкови сотнику Ічанскому за двѣстѣ тридцятъ пять рублей року 1730 мая 1 д. при якой за ведомом пана Игнатия Галагана полковника Прилуцкого урядовъ полкового сотенного и городового Прилуцких подписов рукъ и притисненемъ печатий судовой и мѣской у спокойное ему Стороженку владѣние потверждение учинено тогожь мая 29 мая.

86. Доношеніе Романа Юдченка козака Гужовского в суд сотений Ичанский подаваное о продажѣ имь за восѣмь рублей с полтиной хутора своего отчезкого в степу могилы Хаихи третой долѣ на его спадаючей помежь Микитиного Ялижчиного Гужовского Федорового Тита Каленкового Никити Гужви и Ивана Погорѣлка найдуючого при людехъ тамо показаних пану сотнику Ичанскому Григорию Стороженку и в ономъ же написалъ да к Бабичихи поле тогож хутора надлежащое, которое он продал Мусѣенкамъ, Ржавским подданим его пана сотника з братами своими, ежели гроши имъ будетъ окладати онъ панъ сотъникъ, понеже мимо ведома его куповали, то имъ Мусѣенкамъ денегъ талярей три ему недоданих удержать и просил оним принявши в кънниги мѣские ратушніе вписать и з оних выписат купчи ему пану сотнику видат року 1733 мая 31 дня.

87. Доношеніе Юрка Шаина капитана Корпуса Сербского подаваное в

сотеное правленіе и ратушь Ичанскую о проданю купленого двора з поселениемъ а имено двома светлицами пекарнею и двома коморами з садомъ и протчиими пристройками также де хуторъ з ставомъ и хатою на которой гребелцѣ и млинокъ волно ему пану сотнику будеть построить также поля всѣ пахатніе и сѣнокосніе купленіе вп Ивана Биковця з овсѣвимъ озимимъ засѣвомъ и зяблею поораною которих полювь имено надѣятис будеть днювь на пятдесять или шестдесятъ албо болшь также и в Юрка Борсука козака Кропивянского купление поля пахатные и облоги да зо всѣмъ поселеніемъ будучимъ, всѣмъ посудкомъ и с птатством гусми и курми за сорокъ пять рублей и за перепусть горѣлки и за той перепусть сѣтку для рибной ловлѣ долженъ дати и просил онимъ принявши в книги мѣскіе ратушніе вписат и з оних випис купчой ему пану сотнику видать року 1733 марта 16 дня.

88. Купчая росписка Ивана Новицкого, значкового товарища, о продажи грунта у Данила Григи купленого в Монастирищах на предмѣстѣ двор с клунею помежь Максима Федоренка а з другой сторони первого мужа и жени его Новицкого грунта Максима Григи и друго грунта напротив третой дворик з левадою помежь Дениса Григоренка до тих же грунтов, якь именовавь продавца мой Данила Грига на сорок день поля пахатного и в облогах (в)семи нивах а что далъ виражается болѣе о том явствуетъ показаная росписка его милости пану сотнику Ичанскому Григорю Стороженку за двадцять три рублѣ за двѣ осмачки борошна и пол осма проса в року 1733 июля 6 дня.

89. Купчая партикулярная от Артема Северина и Трохима Ивасенка жителей Монастириских о продажи огородов куплею набутих з мазками его милости пану Григорию Стороженку сотнику Ичанскому за пятьдесят золотих в року 1733-мъ июля 23 д.

90. Купчая партикулярная Ничипора Кулеша жителя Монастириского о продажи поля за Монастирищемъ нивъ две, едину близь рѣчки Иржавця помѣжь з едной сторони Харкового Вертѣенкового козака Монастириского, а з другой сторониж Костя Есипенка Заудайского а другую в той же руцѣ за Бабухою которая облугомъ гоней двое а пруски на два днѣ его милости пану Григорию Стороженку сотнику Ичанскому за десять талярей въ року 1734 февраля 24 д.

91. Купчая росписка Левка Пивоваренка жителя Монастириского о продажи окопа своего под фолварками въ Монастирищах отъ шляху лѣтного Прилуцкого помежь от поля гаю Яреминого Жукового а от фолварковъ бившой паней сотниковой Монастириского Сохан-ской пану Григорию Стороженку сотникови Ичанскому за три рублѣ в року 1734-мъ февраля 27 дня.

92. Росписка Аврама Козименка козака Монастириского о продажи грунта с хатою а особливе не подалеце того грунту огород з садом в Обѣчевѣ стоячие лѣсъ помежь Ничипора Гр(и)ценка а з другой сторони Татияни Козимихи поля от Монастирищъ днювь на чтири помежь Хвеска Галиченка и Семена Вокуна жителей Обѣчевских в середнюй руцѣ к Великой Дѣвицѣ поля днювъ три помѣжь Давида Клѣща и прочие в росписки обширно написаніе его милости пану Григорию Стороженку сотникови Ичанскому за двадцять талярей въ року 1734-мъ мая 3 дня.

93. Купчая росписка Павла Велитченка жителя Монастириского о продажи в Монастирищах грунта помѣжь пана Федорового Марковичового хутора з едной сторони а з другой Прокопа Киктя козака Монастириского з хатою рубленою з комнатою другою мазкою и протчого поля купленого в козака Феодора Петренкова ку Улѣпской Могилѣ помижъ Яреми Жука Монастириского другую ниву купленую в Юска Голодного козака Монастириского край очѣпа помѣжъ Павла Суховерхого и протчие грунта тамже в росписки обширно написание его милости пану Григорию Стороженку сотникови Ичанскому за осмъдесят золотих в року 1734-мъ ноябра 24 дня.

94. Купчая Ивана и Юска Калачниковъ о продажи поля своего куплею набутого на восьмнадцять дний лежачого в полахъ Монастириских в едной руцѣ за Веприкомъ дний на десят, помежники в едномъ месцу Есипъ Пашковский а в другомъ Гапка Бойченкова, в другой средной руцѣ дний шесть помежникъ Терешко Бурецъ Монастириской, да в третой руцѣ урядових могил дний два помежники Ничипор Власенко ктитор а з другой сторони Терешко Кисѣль Монастириские пану Григорию Стороженку за десят копъ в року 1737 генвара 9 дня.

95. Купчая и росписка Оникия Микитенка Парафѣевского о продажи сеножати над шляхомъ Гайворонскихъ неподалеце футора пана Григория Стороженка помежь з едной сторони Тарасовой Хоменковой а з другой чрезь дорожку Грицковой Чабаковой Парафѣевских емужь пану сотнику Ичанскому Григорию Стороженку за двадцять талярей в року 1737 декабра 20 дня, которая росписка на врадѣ Ичанскомъ стверждена с подписомъ рукъ и притисненемъ мѣской печати тогожь года декабра 23 дня.

96. Купчая Максима Пивоваренка Монастириского о продажи двора помежь футора пана Григория Стороженка сотника Ичанского на фольваркахь Кошелювских тамже противь того грунта сад помежний Опанаса Фурси, поля под Хошелювскими лѣсами пахатніе а на сколко день и в какой руцѣ и хто помежник о томь яснѣе

купча(я) покажеть емужъ пану Григорию Стороженку рублей за тридцять два в року 1737-мъ декабра 27 дня.

97. Арестованое писмо Тимоша Андрусенка Парафѣевского о должних пану Григорию Стороженку денгах рублей шестнадцять и неимѣючи чимъ уплатить пустил в аресть до году поля пахатного дней на тридцять а где и хто помежник и в какой руцѣ в ономь арестованомь писмѣ обширно показано и до уплатки оних денегъ ему пану сотнику владѣть, а еслибь о томъ термѣнѣ неуплатит то вѣчне должно бит в року 1738-мъ февраля 20 дня.

98. Купчая з уряду городового Ичанского о продажи Андрѣемъ Калачникомъ, подданим пана Григория Стороженка Лучковским, саду своего стоячого в Грабовѣ и поля под Обѣчевомъ в пяти мѣстцях на десять день емужь пану сотнику Ичанскому Григорию Стороженку за тридцять рублей в року 1738 мая 8 д.

99. Росписка Максима, Игната Шевченковъ Ичанскихъ о должних ними пану Григорию Стороженку денгах десяти рублей и что не могли чимь уплатит пустили дворъ свой где живуть на Причиских хуторах помежь отца Василия Мойсѣева попа Кропивянского в арешть на цѣлий год, о котором термѣни ежели не уплатять то вѣчне пану Стороженку должно бить в року 1738-мъ июля 1 числа которая на врадѣ сотеном и городовом Ичанском стверждена с подписомъ рукь и притесненемъ печати тогожъ года и числа.

100. Купчая з уряду Ичанского о продажи Петромъ Борщемъ Ичанскимъ двора на которомъ и хатное поселение состоитъ стоячий над шляхомъ Ржавскимъ помежъ Андрея Шулженка да з другой сторони Анни Солошанки удови жителей Ичанских его милости пану сотникови Ичанскому Григорию Стороженку за десять рублей в року 1738-мъ декабра 11 д.

101. Росписка саморучная Агафіи Петрихи Надточихи Хаенской о продажи двора купленого в ту пору жиючого в селѣ Дѣвицѣ в Михаила Лутченка и поля на его спадаючую шестую долю пану Григорию Стороженку сотниковѣ Ичанскому в року 1739-мъ мая 9 дня.

102. Купчая росписка Прилуцкого полку сотнѣ Монастириской жителя Грабовского Михаила о продажи гаю стоячого помѣжь Харковъ Ковтуненковъ гай при березѣ над рѣчкою Иченкою идучою в Лучковцѣ пану Григорию Стороженку за чотири рублѣ в року 1740-мъ августа 12 д., которая на врадѣ сотеном и городовомъ ствержена с подписомъ рукъ и притисненемъ мѣской печати тогожь года и числа.

103. Купчая росписка жителя Вороновского Харка Ковтуненка о вступленіи гаю стоячого помеж Отлищиного гаю при березѣ над рѣч-

кою Иченкою, идучою въ Лучковцѣ, сотнику Ичанскому пану Григорию Стороженкови взявши себѣ в отмѣну ниву и в додаток денегъ рублей пять в року 1710-мъ августа 20 д., которая росписка на урадѣ сотеном и городовомъ Ичанскомъ ствержена с подписомъ рукъ и притесненем мѣской печати тогожъ года и числа.

104. Купчая росписка жителки Вороновской Евдокии Орлихи о продажи гаю стоячого помежь Якимовъ Петренков гай при березѣ над рѣчкою Иченкою идучою в Лучковцѣ пану Григорию Стороженку сотнику Ичанскому за три рубли в 1740-мъ августа 12 дня, которая росписка на врадѣ сотеномъ и городовомъ Ичанскомъ ствержена съ подписомъ рукъ и притесненем меской печати тогожъ числа.

105. Купчая росписка жителя Вороновского Якима Петренка о продажи гаю стоячого помежь Орлишиного гаю при берегѣ над рѣчкою Иченкою идучую в Лучковцѣ пану Григорию Стороженку за сѣмъ копъ в року 1740-мъ августа 12 д., которая на врадѣ сотеном и городовом Ичанскомъ по прошенію Петренка ствержена с подписомъ рукъ и притисненемъ печати тогожъ числа.

106. Купчая росписка сотнѣ Монастириской жителя Вороновского Грицка Косенка о вступленю гаю стоячого помежь Михайлова гаю при береги над рѣчкою Иченкою, идучою в Лучковцѣ, взявши себѣ в отмѣну ниву и в додаток денегъ с три рублѣ пану Григорию Стороженкови в року 1740-мъ августа 12 д., которая по прошению его Косенка на врадѣ сотеномъ и городовомъ Ичанскомъ ствержена съ подписомъ рукъ и притисненемъ меской печати тогожъ года и числа.

107. Купчая з уряду сотеного и городового даная о продажи Иваномъ Фесенкомъ и Николаемъ Довбнею за селомъ Лучковкою по над рѣкою Удаемъ совокупних лѣсовъ стоячихъ Фесенка помежь жителя Монастириского Фурса Довбнѣ помѣжь попа Монастирискогож отца Петра Сохански лѣсов же пану Григорию Стороженку: Фесенко за двадцять рублей, Довбня за шест рублей в року 1740-мъ сентябра 8 д.

108. Декрет з войскового енералного суда виданий сотнику Ичанскому пану Григорию Стороженку на владѣніе мелницей прозиваемой Петрушинской з гаями, полями пахатними и сенокосними в Прилуцкомъ полку в сотнѣ Ичанской между селами Иваницею и Парафѣевкою имѣючимися в року 1740-мъ ноябра 7 д.

109. Росписка Яреми Одарченка Иваницкого о продажи гаю близь хутора его милости пана Григория Стороженка за Парафѣевкою Петрушинского помѣжь лану Раковщина такожь помижь поля Игната Деревянки Иваницкого и поля Федора Грека и помѣжь

гаевъ з обох краевъ Ивана Юспка емужъ пану Стороженку рублей за десят в року 1741-мъ февраля 11 д. которая на врадѣ Ичанскомъ ствержена з подписомъ рукъ и притисненемъ печати тогожъ года и числа.

110. Купчая саморучная Андрея Кизима жителя Обѣчевского о продажи лѣса въ Нежаревѣ помѣжь з едной сторони Яреми Бугаевого и з другой сторони покойного Михаила Обозного лѣса его милости пану Григорию Стороженку за пятнадцять копъ з золотимъ в року 1741-мъ августа 20 д.

111. Купчая з ураду городового Ичанского о продажи Давидом Петровичем хати рубленой с плецом помежь отца наместника да двора ратушного Хомѣ Петренку за чтирнадцять копъ в року 1682-мъ июля 31 д. которой плецъ помянутого Петренка сынъ Яковъ Римаръ оной плецъ пану Григорию Стороженку за сѣмъ рублей продалъ и купчую данную отцу его Петренку ему Стороженку далъ и саморучно подписался.

112. Росписка саморучная Григория Мойсѣенка жителя Ржавского о продажи гая стоячого нижей Зубковой греблѣ над пана Григория Стороженка ставомъ Мовчановскимъ помеж Тимченкового гаю а з другой сторони леса Мойсѣенка, гая здревле ровомъ обваруваного, емужъ пану Григорию Стороженку при людие тамъ в росписки написаних за шест рублей в року 1741-мъ априля 13 д.

113. Росписка Хоми Бѣленкого Ичанского о виноватих пану Григорию Стороженку рублей двадцяти и что не моглъ чимъ уплатит упросился чрезь два года и пустил в арестъ дворъ свой где живе а буди о таком термѣнѣ тѣхъ денегъ неуплатит то оной дворъ вѣчними часи долженъ бить ему Стороженку в року 1742 февраля 18 дня.

114. Копия приговора суда войскового генералного по дѣлу пана Григория Стороженка з полковникомъ Прилуцким Галаганом о ровах стоячихъ под Обѣчевомъ на ричцѣ Удаи в року 1743-мъ февраля . . [1]) дня.

115. Опис мелниць, футора, гаюв, полювъ пахатних между грунтами Иваницкими и Парафѣевскими имѣющихся а оная опис при купчихъ зостает в року 1737 июля 31 здѣлана.

116. Розискъ по челобитю его милости пана Григория Стороженка сотника Ичанского и протчиих обивателей Ичанских о грунтах, поляхъ пахатних и сѣнокосах до села Рожновки отъеханих, которой розискъ мѣетъ бити на ономъ же Ичанскомъ урадѣ, а что болѣе

---

[1]) Въ подлинникѣ пробѣлъ.

в оном следовати будеть к делу то тогда ясно з оного появится. Писанъ в року 1729 июля 22 д.

Сумнителни.

117. Росписка саморучная Горпини Илковни Дмитрихи Федоренковой о легованѣ покойнимъ мужемъ еи, так и нею пречестному отцу Иоану Соколовскому, презвитору Воскресен(с)кому, даби за обоихъ сорокоустъ отправил, гайка под Томашовкою помѣжь гаю его милости пана сотника Ичанского Гринювского найдучогося во вѣчность в року 1731 генваря 21 д., которий гаюкъ продалъ онъ Соколовский пану Григорию Стороженку за чтири рублѣ и саморучно подписался.

118. Декретъ з суда полкового Прилуцкого по жалобѣ сыновъ Василя Осипенка Ивана да Ивана на Михаила Семенченка Ичанского о данеж гаю з сеножатью под Иваницею ему Семенченку в заставу отцемъ ихъ, которіе ему Семепенку денги откладали, оним Осипенком виданой в року 1715 априля 1 д.

119. Записка о продажи отцем Иоаном попом Воскресенскимъ дияконом Дмитриемъ такожь Костантиемъ и Павломъ Соколовскими футора отческого под Рожновкою против Иржавця и до оного сѣнокос, поле робленое з лозою сколько есть кромѣ Хаихи, помѣжники якии: Гужовщенка и Андрѣя Романовича Ичанских, Бондаренковъ Рожновскихъ, Терезуна Ржавского, Коломийца Гужовского, пану Григорию Стороженку рублей за полтораста и тамъ же обявленіе ихъ саморучное.

120. Росписка Ивана Бокуна Обѣчевского о продажи поля, лежачого у Бабичин(ѣ), за восѣмъ рублей Костевѣ Протащуку Ичанскому при людех тамо написанних в року 1725-мъ октябра 4 д.

121. Росписка егожь Бокуна даная Костѣ Протащуку за взяте коня за сорокъ золотихъ в ценѣ и за оного коня отдане под Дѣвицею за десять талярей року 1725 октября 4 д.

122. Записка Настасии Иванихи Ячнички Ступаковской, подданой Григория Стороженка, сотника Ичанского, емуж сотнику о продажи сѣножати на 50 косарей лежачия к Мартиновцѣ и Рожновцѣ помѣжь егожь Стороженка и племянника Михаила Стороженка, Федора и Пилипа Кратенковъ Ржавских, лѣса в Нежаревѣ помѣжъ Якова Нестерца за двадцять рублей и девять четвертей жита в року 1742-мъ февраля 19 д.

123. Уступка Федора и Василя Савичовъ покойной панеи их и мачосѣ Матронѣ Стороженковой данная, а в чом, о томъ в оной уступки яснѣе изображено в року 1726-мъ генваря 24 д.

(Съ подлиннаго черноваго списка).

XXXVIII.

1748 г. сентября 30. Духовное завѣщаніе Петра Григорьевича Стороженка въ пользу жены Меланіи Павловны, урожденной Миницкой.

1748 году сентября 30 д. Я, нижей подписавшійся, чрезъ сей мой доброволній записъ во всякомъ судѣ и правѣ и кому би о семъ вѣдати было потребно чиню извѣстно, что оставшоеся по умершому отцу моему, сотнику Ичанскому Григорію Стороженку, наслѣдственное мое движимое имѣніе, яко то: сребро, посуду всю, лошадѣ, такожъ рогатой и нерогатой скотъ, винокурніе казани и протчое все движимое, которое по умертвіи отца и по роздѣлки з братами моими мнѣ досталос и собственно в моей власти состоитъ, такожъ и мною нажитое, женѣ моей Меланіи Павловой дочерѣ Минѣцковнѣ за честное ея в супружествѣ полученное мною дѣвство, за добродѣтельное и любезное у житіи моемъ с нею обхожденіе, и при случаи тяжкой моей болѣзни за все прилѣжное мене смотреніе, и за протчіе добродѣтелніе ея подъятіе труда, дарую и во вѣчное владѣніе уступаю, что же я получилъ зя нею приданное, яко то: денег готовихъ семъсотъ рублей (которіе всѣ на мои експенса и на уплату долговъ, якими самъ я задолжился еще до женитби, холостимъ, и во время женитби, за неимѣніемъ в себе денегъ, коихъ по отцу готовихъ неосталось, а отъ братовъ вспоможенія и мало не учинено, издержани), лошадей десятъ, с коихъ толко четверо в наличности есть, а шесть мною продани, якии состояли в ценѣ каждая в двадцать рублей, пашнѣ: жита, пшеницѣ, гречки, проса и ячменю—двѣстѣ четвериковъ, за то на всей части недвижимого имѣнія, которое по умершому отцу моему наслѣдственно и по роздѣлки з бра-

тами моими надлежить и в собственной моей волѣ и диспозиціи нынѣ состоитъ или впередъ, ежели в случае будетъ другая роздѣлка, то какая на мене имѣлась спасти часть, ей, женѣ моей, жить и користоватся дотоля, покамисть брати мои за все вишъ прописанное уношеніе, и сколко долговъ за мене она, жена моя, уплатитъ и что на похороненіе и поминовеніе и во уплату служителямъ по особливому моему реестру употребитъ, сплатятъ; да швагру моему, пану Андрею Миницкому, с предъ помянутихъ движимихъ имѣній за любителное его ко мнѣ обхожденіе и многіе согласніе благопріятства дарую коляску оглобелную и шубу алую, да Дмитрію Христофорову, швагру жъ моему, за его вѣрніе многіе ко мнѣ при жизни и по смерти отца моего услужности, а особливо во время болѣзни моей за неусипніе труди, уступаю казанъ с трубами, коня гнѣдого, прозиваемого Дементѣя, корову с телямъ, бика, шубенку барановую, коломайкою покритую; и такое мое опредѣленіе даби в више писанной силѣ твердо и ненарушимо содержено било, симъ моимъ записомъ ствержаю, и гдѣ сей запись на урядѣ представленъ будетъ, прошу в книгу записати и урядовими руками подписать. В подленномъ подписано: К сему доброволному моему запису войсковий канцеляристъ Петръ Стороженко подписался при печатѣ. К сему доброволному запису по прошенію пана Петра Стороженка правитель протопопіи Ичанской Иоаннъ Соколовский, презвитеръ Свято-Воскресенский Ичанский, во свѣдителство подписался. К сему доброволному запису по прошенію пана Петра Стороженка протопопіи Ичанской правитель іерей Николский Ічанский Леонтій Александровскій во свѣдителство подписался. К сему доброволному запису по прошенію пана Петра Стороженка іерей Успенія Богоматери Ичанский Роман Яжевский во свѣдителство подписался. К сему доброволному запису по прошенію п. Петра Стороженка абшитованій значковій полку Прилуцкого товаришъ Константый Рудавский во свѣдителство подписался. К сему доброволному запису по прошенію пана Петра Стороженка значковій п. Прилуцкого товаришъ Данило Рудавскій подписался. Канцеляристъ Александръ Давидовичъ mp.

(Копія съ копіи).

XXXIX.

1748 г. декабря 13. Первоначальная жалоба Меланіи Павловны Стороженковой, урожденной Миницкой, на деверей ея Стефана и Андрея Стороженковъ съ изложеніемъ обидъ, причиненныхъ ей ими по смерти ея мужа, Петра Стороженка, послѣдовавшей 7 октября 1748 г.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрыца, Елисаветъ Петровна, самодержица всероссійская, государыня всемылостивѣйшая!

Бьетъ челомъ умершого сотника Іваницкого Павла Минѣцкого дочъ, Мелания, удовствующая Петрова Стороженкова, на сотниковъ вакансового Стефана и Ічанского Андрея Стороженковъ, а в чемъ мое прошение, тому слѣдуют пункта:

1. В минувшомъ 1748 годѣ, м-ця февраля 8 д., вийшла я, нижайшая, замужъ за Петра Стороженка, и з надлежащимъ от дому родителей моихъ приданнимъ, между которимъ приданим, кромѣ скота, фантовъ, разной пашнѣ, всякой посуди и другихъ вещей, самих чистих денег внесла семъсотъ рублей, якие денги онъ, мужъ мой, живучи со мною отъ показанного м-ця февраля 1748 году октябра по 8 число всѣ на собственние свои експенса, мимо вѣдома моего, издержалъ.
2. Оний мужъ мой, Петръ Стороженко, еще за живота своего даровалъ мнѣ, нижайшой, за безъпорочное мое с нимъ житие, кромѣ моего приданного, все свое собственное движимое імѣние, яко то: посуду сребряную и оловяную, скотъ увесь, и протчое, и за издержаніе имъ мною внесенних денегъ всю свою недвижимого імѣнія часть, доставшуюся по раздѣлу з другими его (бр)атами (с которой, что именно на жребий его надлежитъ, при семъ прилагаю роспис) вручилъ мнѣ, нижайшой, и составленнимъ от себе за собственною его рукою, при упрошеніи самимъ имъ персонально свѣдителей, записомъ ствердилъ. А при томъ тѣмъ же записомъ повелѣлъ мнѣ собственними моими денгами, якожъ у него денег ничего не осталося, надлежащое по християнскому обичаю погребение учинить и сорокоусты; такожъ всѣ долги и награждение его служителемъ, что все особливими реестры расписано, поплатить и на недвижимых всѣхъ імѣнияхъ в том же запису позволил мнѣ, нижайшой, жить и тѣми грунтами, яко настоящой владѣлци, користоватис до уплатки братами его мнѣ внесенныхъ мною вишше писанного числа денегъ и другихъ пожитковъ.

3. Когда же онъ, муж мой, октябра в 7 день помре, то вишше писанние его брати, сотники: вакансовий Стефанъ да Ичанский Андрей Стороженки з женами, дѣтми, служителми и многимъ числом лошадей наехавъ в дворъ умершого мужа моего Василіовский, и по учиненіи в 11 день третинного обѣда оотавшиес по тому мужу моему унѣверсали на нѣкоторіе Стороженковскіе маѐтности, також купчіе и другіе на часть умершого моего мужа Петра Стороженка, и всѣ писма дворовие, которыхъ было немалимъ числомъ, и между оними многіе были щоти господарей, на коихъ недоимка должна взыскатис, особливо же нѣкоторіе документи, надлежащіе до дѣлъ по разнимъ канцеляріямъ точащихся, оніе Стороженки собою насилно все от мене забрали, и іс нихъ Стефанъ в велику скриню сложилъ, и замкнулъ замкомъ, и ключъ до себе взялъ.
4. В дванадесятий же день октябра во время, склоняючоес ко обѣду, Стефанъ Стороженко невѣдомо с какова умислу первие прислалъ ко мнѣ служителя своего, прозиваемого Кабана, в противную избу, требуя от мене ключей от имбарей и от всѣхъ скринь, какъ мужа моего, такъ и собственныхъ моихъ, которіе мнѣ от матки моея с платтемъ дапи, и когдаж таковихъ ключей, яко не по приличному Стефана требованію, служителю его не дала, то оній Стефанъ вторително егожъ, Кабана, прислалъ с необичнимъ ко мнѣ великимъ угрожениемъ, дабы я конечно к нему и брату его Андрею со всѣми ключами ишла, почему я, видячи ихъ ко мнѣ необичайное свирѣпство, и в разсужденіи, дабы от нихъ не воспослѣдовало мнѣ безъпомощной какова нападенія, принуждена отдать онимъ Стороженкамъ ключи, которіе они, Стороженки, взявши, по всѣмъ скринямъ ходили, и что с тѣмъ имѣніемъ дѣлали, ничего невѣдаю. После же того от скринь ключи мнѣ возвратили, а от імбарей, в якихъ скринѣ всѣ и протчое імѣние содерждовалось, отдали в смотреніе родственнику своему неосѣдлому, нѣякомусь Дмитру, котрий старостою у моего мужа в селѣ Ступаковкѣ находился и приказалъ Стефанъ, дабы онъ, Дмитро, отнюдъ мене не толко к имъбарамъ тѣмъ, но и ни до чего недопускалъ, називая мене каналѣею, нѣ к чему годною, сказуя: „вонъ с нашого двора“; такожъ и матцѣ моей, будучой тогда въ домѣ мужа моего, многіе онъ же, Стефанъ, приключалъ ругательства, употребляя при том такыхъ словъ: „мы де едни, Стороженки, шляхта и за мною жена з дому гетманского імѣется“;[1]) а особливо показанний Дмитро, при глазах Стефана, з единого его, Стефана, допущения, к поруганію звал же мене каналѣею.

---

[1]) Женою Стефана Стороженка была родная внучка гетмана Даніила Апостола Маѳа Андреевна, урожденная Горленко.

5. А 16 октябра, по отправленіи девятинного обѣда, будчую у мене матку, когда я поехала оправлят в Иваницю, то оніе Стороженки безъ битности моей в том мужа моего домѣ все гвалтовне разграбыли и в конецъ домъ разорили, яко то постелѣ: една покойного моего мужа молодецкая, а другая моя, данная мнѣ отъ матки моея, килими, оніежъ Стороженки невѣдомо гдѣ подѣвали, і таковимъ своим наездомъ не толко з спокойного моего по запису мужнемъ владѣнія гвалтовне и безъправне вибыли и разорыли, и по завѣщанію его надлежащыхъ християнскых обрядковъ отправить и служителемъ заплати произвест недопустили, но и сукнѣ мои и всякое плате, которое было, замкнули в амбарахъ и, какъ вишше писано, ключи отдали в бережение Дмитру, позапечатовали в тѣх же амбарахъ своими печатми; которое плате и протчіе фанти, яко то: коцѣ, килими, хутра, от мимошедших осѣнныхъ дождей и настоящыхъ снѣговъ тлѣютъ, а служителей, оставшихся по мужу моему, инныхъ позабирали до себе Стороженки, а протчихъ пороспускали с таковимъ повелѣниемъ, чтоб отнюдъ оніе мене неслухали. Лошадми еджалими такожъ Стороженки подѣлилис, колясу дышлевую новую с ныхъ Стефанъ до себе взялъ, и какъ тѣми лошадми, такъ и оною коляскою, поставивши на станку саномъ, нынѣ ездить, такожъ и шоры онъ, Стефанъ, до себе забралъ, а на винокурныхъ котлахъ, якыхъ было в винокурнѣ умазано тры, да по смерти мужа моего они Стороженки с инбару самоволно и гвалтовно взяли и змазали два котла, курять себѣ горѣлку и уже по нѣсколко десятковъ кадокъ себѣ викурыли, а мене, нижайшую, от всего оного імѣнія безъ правилно и гвалтовно, какъ вишше показано, з покойного владѣния вибили і в такомъ оскудѣніи оставили, что дневного препитания с тѣхъ мужемъ моимъ записанних имѣний неполучаю, но за насилнимъ имы Стороженками всего імѣнія моего отнятіемъ, какъ собственного моего, такъ и мужемъ моимъ мнѣ дарованного, и одѣяніе получаю от матки моея.

6. Да сверхъ того муж мой покойний и я обще с нимъ мужемъ виправляли два вози в осѣнь в Черское (Черкасское?) по рибу при жителю Василювскомъ Леску Келембету и дали ему готовихъ денегъ, кроме припасу, тридцать чотиры рубля, и когда оний Келембетъ повернулся з дороги и привезлъ з собою рыбы пять тисячъ и двѣ сотнѣ, осятровъ пят, да вѣзики и кавяру николикое число, на что все было здержано денег двадцать шесть рублей, да в остатки готовыхъ денег привезлъ восемъ рублей, то какъ рибу всю, такъ и денги Стефанъ Стороженко позабыралъ до себе, и тако оніе Стороженки самоволно по природной ихъ зависти

всѣми мужа моего и моими імѣніи завладѣли и користуются всѣмъ надлежащимъ по запису моего мужа на мене, ибо не толко позабырали рибу и что было у дворѣ, но с мелницъ получають розмѣръ и курять горѣлку, такожъ оставшийся скотъ роспродали и себѣ денги побрали, сѣна же великыхъ десять скирдъ, которое в прошедшое лѣто за неурожаемъ травъ с великимъ трудомъ и убитками собрано, к себѣ Стороженки побрали и своимъ скотомъ кормлят, а я все послѣднѣйшая Вашего Императорскаго Величества раба не токмо малѣйшой части імѣнія, повседневного препитания нахожусь безправно чужда, и содержусь нынѣ в домѣ матки моея, гдѣ, какъ выше донесено, не токмо самая, но и імѣючиес при мнѣ служители, во всякомъ одѣяніи и дневном препитаніи всякое довольство получаемъ; и дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелено было сіе мое челобите, в енеральной войсковой канцеляріи принявъ, записать, а за насилное и гвалтовное Стефаномъ и Андрѣемъ Стороженками всего моего собственного и мужемъ моимъ дарованного мнѣ имѣния отнятіе, и вибите з спокойного владѣнія по запису мужа моего недвижимыми имѣнями и из двора мужа моего, такожъ за називане мене Стефаномъ и родичемъ его Дмитромъ „каналѣею"— учинить по указамъ Вашего Императорскаго Величества и малороссійскимъ правамъ и о томъ послать в судъ войсковий енералний указъ. А какъ оние Стороженки по особливому енеральной канцеляріи указу несостоятъ в вѣдомствѣ полковой Прылуцкой канцеляріи, а дабы я, нижайшая, могла гдѣ жителство имѣть и откудува препитаніе получать (якожъ нынѣ жителства в дому матки моея мнѣ имѣть неприлично, ибо я во всемъ от имѣния родительского состою вивѣнена); и чтобъ арестованніе ими, Стороженками, пожитки потератис немогли и незабралося что; дабы оние Стороженки по свиклости своей, забравши чего сами, и поклепно на мене ненаписали;—о томъ особливо опредѣлить нарочного, по инструкціи, дабы онъ всю часть покойного мужа моего до разсмотренія и рѣшенія дѣла отдалъ мнѣ, такожъ и всѣ движимости вручилъ бы мнѣжъ по реестру, что явится, с чегоб я безнужное могла имѣть пропитание, и дабы люде, которіе суть подданние, мене, какъ и за мужа моего, слухали, притвердит имъ; сколкож я нижайшая всякихъ вещей принесла в домъ умершого мужа моего и сколко чего по смерти мужаж моего собственного его осталос, о том особливие реестры, а з запису точную копію сообщаю, и яко с тѣхъ реестровъ единъ имѣнію мужа моего ест неполний и необстоятелний, ибо за насилнимъ недопусканиемъ оними Стороженками мене всего імѣнія оного переписат невозмог-

ла, по той причинѣ повелено бъ емужъ, нарочному, освидѣтелствовать и описать всѣ оставшиеся по смерти мужа моего движимости, и особливо справитис, сколко ими, Стороженками, з мелнпцъ мужа моего взято всякого хлѣба и сколко на котлахъ моего мужа выдѣлано горѣлки и коликое число разного скота продано, а оному всему имѣнію тамошніе господары, скотарѣ, мѣрочники и протчіе дворовіе служители могуть совершенное число показать; и о томъ всемъ милостивое учинить опредѣленіе, дабы я, всенижайшая Вашего Императорскаго Величества раба, в таковомъ гвалтовномъ нападеніи и вибитіи з собственного моего имѣнія охранена быть могла.

Всемылостивѣйшая государыня! прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ челобитіи рѣшеніе учинить. Писана сія челобитная декабра 13 д. 1748 году. К поданю надлежитъ в енеральную войсковую канцелярію. В подлинной подписался такъ: к сей челобитной во мѣсто сестры своея Меланіи Стороженковой братъ ея войсковий канцеляристъ Андрей Минѣцкій руку приложилъ.- Александръ Давидовичъ mp.

(Съ копіи).

XL.

РЕЕСТРЪ

оставшимъся по умертвіи войскового канцеляриста Петра Стороженка разнимъ недвижимимъ имѣниям и маетностямъ, коимы онъ, Петро, по раздѣлки з братами своими Стефаномъ и Андреемъ Стороженкамы владѣлъ, по смерти его сочиненний 1748 году декабра 13.

Сотнѣ Ичанской хуторъ Василѣвщина, в коем дворъ панской, имѣющой також доволние хоромние и протчие строения, при том подданіе и мелницъ двѣ: Василѣвская и Дорнѣвская, с винокурнимъ заводом, тамъ же роща дубовая и поле пахатное с протчими угодіи. К ономуж хурору мелницъ принадлежащих двѣ.

Полку Прилуцкого сотнѣ Иваницкой деревня Ступаковка со всѣми подданними и всѣмижъ угодіи, съ половиною мелницъ.

Сотнѣ Ичанской деревня Лучковка со всѣми подданними, дворцемъ, мелницею въ половинѣ, лѣсами, полемъ и сѣнокосами всѣми.

В мѣстечку Ичнѣ ледовня, на Мандзюковщинѣ стоячая.

Сотнѣ полковой под селомъ Обѣчевомъ хуторъ еденъ со всѣми к нему принадлежащими угодіи.

Сотнѣ Монастирской в мѣстечку Монастирищахъ на подворкахъ хуторъ еденъ со всѣми к нему принадлежащими угодіи.

Сотнѣ полковой под селом Обѣчевомъ на рецѣ Удаи половина млинов, прозиваемих Рововъ.

(Съ копіи).

XLI.

РЕЕСТРЪ,

сколко по смерти мужа моего Петра Стороженка собственного его разного имѣнпя, по раздѣлки ему доставшогось, ним самимъ теж прiобрѣтенного, осталось, а именно:

Чарокъ сребнихъ восѣмьнадцять.

Румка сребраная една.

Ложокъ сребряних четирнадцят.

Колпаковъ сребраних дванадцят.

Подносъ сребраний еденъ.

Скриня большая.

В коморѣ

Кулбака.

Рондъ.

Сагайдаковъ пара.

Панцеръ.

Рондъ другiй простiй.

Ладовница под сребромъ.

Въ оной же скринѣ имѣлось брата его Данила [1]):

Кулбака под сребромъ, зеленимъ аксамитомъ покритая.

Чушки зеление гафование аксамитние.

Рондъ.

Сагайдаковъ пара.

Панцеръ.

Ладовница сребраная.

И оное все Стефанъ позабыралъ до себе по смерти моего мужа.

Пыстолетовъ паръ четири.

Фузiя.

Шабель три.

Перначъ.

Кулбака Кримская походущая (походная), позичена Новѣцкому.

Натруска деревяная.

Кунтушъ красний суконний з сребнимъ позументомъ.

Кунтушъ оливковий з золотимъ позументомъ.

---

[1]) Данило Григорьевичъ,—сынъ Григорiя Стороженка отъ второй жены, вдовы Кулябкиной.

Кунтушъ гренитурній жолтій на сѣбѣркахъ.

Кунтушъ канавацовій зеленій на шлямахъ [1]) з золотимъ позументом.

Черкеска зеленая суконная нз сѣбѣркахъ.

Черкеска другая зеленая суконная легкая.

Черкеска полутабынковая блакитная с красними лиштвами.

Кафтанъ красний штофній.

Кафтанъ зеленій голевій.

Кафтанъ зеленій канавацовій.

Юпокъ двѣ, една материялная жолтая, другая вибойковая.

Сапоговъ паръ двѣ.

Черевиковъ пар двѣ: едни чорние, другіе красние суконние гафтованние.

Шапка една зеленая на лисицяхъ.

Ковдра материялная полосастая дуклевая.

Перина пестрая покритая.

Подушокъ малихъ пять с полотняними наволочками.

Килимовъ шест.

Зеркало болшое.

Коверец еден старій пристрочаній.

Коверец единъ новій гладкій.

Коляска новая дишлевая, которая самимъ покойнимъ мужемъ моимъ обробливана, ибо по смерти его отца самій голій остался ящикъ, оную коляску насилно взялъ до себе Стефанъ и нынѣ оною ездитъ.

Коляска другая старая, доставшаяся покойному мужу от отца его по подѣлу з браттями, безъ станка.

Полукаретокъ старій, санній, увесь ободраній.

Козирокъ новій дишлевій, справливаній мужемъ моимъ обще со мною.

Палубовъ три.

Саней двое, едне казанские, а другие обшивныи.

Коней гнѣдыхъ четверня, да сивій един, оние лошадѣ Стефанъ з Андрѣемъ Стороженки насилно пограбили и подѣлились.

Меду три дѣжки.

Масла дѣжокъ пят, да в селѣ Ступаковкѣ у тамошних рикунѣй нѣсколко дѣжокъ сира и масла.

И протчих вещей не малое число також и скота рогатого, чего я я нынѣ именно показать, за наглимъ Стороженками всего имѣния отнятиемъ, не могу.

---

[1]) *Szlamy*—мѣхъ изъ лисьихъ подбрюшинъ.

В подлѣнномъ подписано тако: к сему реестру во мѣсто сестри своей Меланіи Стороженковой братъ ея Андрѣй Минѣцкій подписался mp.

Канцеляристъ Александеръ Давидовичъ mp.

(Съ копіи).

XLII.

РЕЕСТРЪ,

сколько якого имѣнія з дому родителій моих при выданю мене в замужество Стороженку мнѣ дано, і нынѣ, по смерти оного мужа моего, братамы его сотникамы вакансовым Стефаном да Ичанским Андрѣемъ Стороженкамы забрано:

	Рублѣ.	Копейки.
Лошадей ежжалих десять цѣна всякой по двадцати рублей	200	—
Полукаретокъ на станку санному, а после до оного полукаретка і станокъ лѣтній данъ, цена	30	—
Шоръ бляшнихъ цугъ, купленъ у Глуховѣ за сорокъ четиры рублѣ	44	—
Палубъ дощатій маліованній, цена	1	—
Тарадайка пароконная, цена	8	—
Хомутовъ добрихъ рѣменних тры, всякій по рублю.	3	—
Уздъ четиры, цена	—	48
Саней двое, на которихъ скринѣ были провожены, цена	—	40
Кунтушъ суконній шафѣровій с золотимъ пузаментомъ на лисичому завойковому хутрѣ	43	50
Кунтушъ суконній оливковій легкій з золотимъ позументомъ, цена	18	50
Гусарка на сѣбѣрках полутабинковая жолтая с маленькою срѣбною сѣткою, цена	16	—

Кунтушъ штофній блакитній разноцвѣтній з золотою широкою корункою, цѣна	43	—
Кунтушъ красній штофній разноцвѣтній з золотою сѣткою, цена	39	80
Кунтушъ едамашковій сломястій на чорних сѣбѣркахъ с широкимъ сребрнимъ пузаментомъ, цена	58	40
Кунтушъ блакитний едамашковий на шлямах з широкимъ золотимъ пузументомъ, цена.	40	—
Кунтушъ злотоглоеній красній з золотою сѣткою, цена	71	—
Кунтушъ срѣброглавній на чорних сѣбѣркахъ з срѣбною сѣткою, цена	84	30
Сподница красная дуклевая, цена	5	40
Сподница красная грезетовая з зеленимъ квѣтомъ, цена	15	30
Сподница штофная разноцвѣтная бѣлая з золотою сѣткою, цена	15	30
Сподница голевая блакитная, цена	9	—
Сподница полутабинкова красная з золотою широкою сѣткою, цена	15	—
Шнуровка красная аксамитная з широкимъ срѣбнимъ шляком, цена	5	—
Шнуровка аксамитная чорная з срѣбною сѣткою, цена	1	90
Шнуровка аксамитная зеленая з золотою корункою, цена	2	—
Запаска штофная блакитная разноцвѣтная, цена . .	6	60
Запаска штофная разноцвѣтная жолтая, цена . . .	8	—
Запаска разноцвѣтная штофная бѣлая, цена	5	60
Запаска табиновая алая, цена.	2	60
Запаска полутабиновая блакитная, цена	2	—
Запаска разноцвѣтная полосастая штофная, цѣна .	6	60
Запаска злотоглавная бѣлая, цена	2	40
Запаска красная злотоглавная, цена	6	60
Запаска сутопарчевая, золотая, цена	25	50
Колдеръ матеріялнихъ дуклевихъ двѣ, цена всякой семь рублей тридцять копѣекъ	14	60
Постель швабская, шитая золотомъ, в которой наволочокъ тры, простира и запона голева, красная, цена .	20	—
Постель дуклева красная, в якой наволочокъ тры и простира з широкими срѣбными сѣтками и до оной постелѣ запона полутабинкова, цена	44	—

Сорочокъ швабских и самодѣлнихъ гладкихъ и пасѣстихъ кужалнихъ девятъдесятъ.

Мужескихъ сорочокъ швабскихъ пять, а лняних сорочок с убраниями десять.

Скатертей тридцать тры.

Серветъ тонкихъ лняних по двадцяты пасомъ тры штукы, во всякой штукы по тридцати локот.

Ручниковъ тканих заполочнимъ квѣтомъ три штуки.

Ручниковъ на расходъ шесть.

Серветъ на расходъ тридцять.

Пять штукъ полотна лняного, в каждой штукы по тридцяти локоть.

Наволочокъ швабских тры и простира швабская.

Наволочокъ кужѣлних три до завязокъ.

Простир шитих сѣткових двѣ.

Наволочокъ шитих сѣткових шесть.

Коверецъ еденъ пристричаній.

Коверецъ другій гладкій.

Мотковъ волняних крашених на килимы двадцять тры.

Основа нитчаная конопляная на килимы, у восемъ пасемъ, вдолжъ локоть сорокъ.

Стакановъ сребраних шесть.

Чарокъ сребранихъ дванадцять.

Ложокъ сребранихъ дванадцать, в томъ числѣ позлотистих четиры.

Ложокъ сребранихъ чайнихъ двѣ.

Денегъ семъсотъ рублей.

Цѣнѣ [1]) камень, да после дано два полумиски.

Чайниковъ два, единъ цѣновий, другій файфурній.

Шапокъ тры: една соболляя з золотимъ пушкомъ, другая злотоглавная бѣлая, третяя шитая золотомъ.

Скринь тры.

Столикъ.

Ложко.

Мѣдень новий.

Корякъ большій мѣдній, побѣліованій, цена 1 р. 50 к.

Фляшъ хрустальнихъ двѣ, всякая по рублю.

Подушокъ болших три.

Перина една.

Подушечокъ малихъ три, двѣ з наволочками блакитнимы дуклевимы, а третяя с наволочкою венецкого аксамиту з золотимы сѣтками

Пчолъ десять.

---

[1]) *Супа*=олово.

Чепцовъ золотом гафтованних два.

Чепцовъ штофних разноцвѣтних два.

Коцъ еденъ.

Овецъ пятъдесять.

Пашнѣ разной сто четвертей.

Тютюну тры тисячи, сотня по полтинѣ.

Возовъ дорожних два.

Куховъ горѣлчанихъ новых шесть.

Черевикы суконніе и разніе гафтованніе.

Черевикы зеление штофніе, блакитніе гафтованніе.

Сверхъ више писанних пожитковъ мужемъ моимъ покойнимъ дарованніе вещы и вновь пошитіе сукнѣ.

Запаска зеленая злотоглавная, на винцѣ данная.

Напортище срѣблоглаву блакитного, дарованного мнѣ на весѣллѣ.

Черевиковъ пара гафтованних, дарованних на весѣллѣ.

Кунтушъ грезетовий легкій.

Кунтушъ голевій зеленій на моемъ собственномъ сѣбѣрковомъ хутрѣ.

Сподница каломайкова.

Напортище кофейного сукна.

Сподница канѣфасова бѣлая.

Штука канѣфасу квѣтчастого.

Акафистъ св. великомученицѣ Варварѣ, въ Кіевѣ мною купленній.

Полуставъ, мною жъ в Кіевѣ купленній.

Катехизисъ, дарованній мнѣ от економа катедри Чернѣговской.

Зеркалъ два.

В подлинномъ подписъ по сему:
к сему реестру во мѣсто Меланіи удовствующей Стороженковой, яко неграмотной, братъ ея войсковый канцелярыстъ Андрей Минѣцкий руку приложил.

Канцеляристъ Александеръ Давидовичъ mp.

(Съ копіи).

XLIII.

1748 г. декабря 20. Указъ Прилуцкой полковой канцеляріи изъ войсковой генеральной канцеляріи о разборѣ дѣла Меланіи Стороженковой съ деверями ея Стефаномъ и Андреемъ Стороженками.

Указъ Ея Императорского Величества, Самодержици Всероссійской, з войсковой енеральной канцеляріи в полковую Прилуцкую канцелярію. Подана от умершаго сотника Иваницкого Павла Миницкого дочери Меланіи, удовствующой Петровой Стороженковой, на сотниковъ вакансового Стефана и Ичанского Андрея Стороженковъ, яко то о вибитѣ оними Стороженками еи, Меланіи, з двора по умертвіи мужа еи, а ихъ брата, Петра Стороженка, и о заграбленіи внесенниxъ ею Меланіею от матки еи имѣній, и о недопусканіи еи до владѣнія уступленними от мужа еи добрами, такожъ о називаніи Стефаномъ Стороженкомъ и родственникомъ его Дмитромъ еи Меланіи „каналѣею" и о протчемъ, под Височайшим Ея Величества именемъ, челобитная з сообщеніемъ внесенного ею от матки и оставшогося от мужа еи имѣнія реестровъ и копіи от мужа ей данной уступки, челобитную оную по Ея Императорского Величества указу войсковая енеральная канцелярія приказала для разсмотренія и по силѣ указовъ Ея Императорского Величества и Малороссійскихъ правъ рѣшенія в полковую канцелярію при семъ указѣ отослать и при том велѣть, ежели подленно оніе Стороженки самоволно упомянутой Меланіи Стороженковой, какъ собственніе еи, такъ и от мужа еи записанніе пожитки взяли, то все, оная полковая канцелярія велѣлабъ, собравъ и учинивъ всѣму тому вѣрную опись, при нихъ самих, поручить ей, Меланіи Стороженковой, во владѣніе з роспискою и в дворѣ жиломъ, гдѣ умершой мужъ еи, Петро Стороженко, жителство имѣлъ, еи, Меланіи, жить допустить, до вопослѣдованія о всем том въ полковой канцеріи по оному еи челобитю конечного рѣшенія. А чтоб оніе Стороженки в полковую Прилуцкую канцелярію для отвѣту по том челобитю за востребованіем явились, особливимъ указом к нимъ, Стороженкам, предложено и в полковой Прилуцкой канцеляріи, о више писанномъ вѣдая, учинить по сему Ея Императорского Величества указу и, что будет учинено, в енеральную войсковую канцелярію репортовать. 1748 году декабра 20.

(Съ чернового отпуска).

XLIV.

1748 г. декабря 20. Указъ Стефану и Андрею Стороженкамъ о явкѣ ихъ въ Прилуцкую полковую канцелярію для отвѣта по жалобѣ на нихъ Меланіи Стороженковой, урожденной Миницкой.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской з войсковой енеральной канцеляріи сотникамъ вакансовому Стефану, да Ичанскому Андрею Стороженкамъ. Сего декабря 14 умершаго сотника Иваницкого Павла Минѣцкого дочь Меланія, удовствующая Петрова Стороженкова, подъ Височайшимъ Ея Императорскаго Величества именемъ, якоби о вибиттѣ вами еи, Меланіи, з двора по умертвіи мужа еи, а вашего брата, Петра Стороженка, и о заграбленіи внесеннихъ ею от матки еи имѣній, и о недопусканіи еи до владѣнія уступленними от мужа еи добрами, такожъ о називаніи с вас Стефаномъ и родственникомъ вашимъ Дмитромъ еи Меланіи „каналѣею", и о протчемъ подала челобитную в енеральную войсковую канцелярію с прошеніем объ ея разсмотреніи и опредѣленіи. По указу Ея Императорскаго Величества войсковая енеральная канцелярія приказала оную для разсмотренія и рѣшенія и о протчем исполненія в полковую Прилуцкую канцелярію отослать, а к вамъ сей Ея Императорскаго Величества указъ послать, даби ви, за востребованіемъ в полковой Прилуцкой канцеляріи вас для отвѣту, по тому еи Меланіи челобитю, в оную канцелярію явились неотмѣнно. 1748 году декабря 20.

(Съ чернового отпуска).

XLV.

1749 года января 18. Письмо Стефана и Андрея Стороженков къ Иваницкому сотнику Ѳедору Свирскому.

Нашъ благонадежний братъ и благодѣтель мосцѣ пане сотникъ Иваницкий.

Сего теченія писмо от Вашей милости мосцѣ пана ми получили с приобщениемъ Ея Императорскаго Величества войсковой енеральной канцеляріи указа, а с полковой Прилуцкой канцеляріи з насъ к Стефану предложенія, а къ Андрею ордера по челобитю умершого брата нашего Петра Стороженка жени его Меланіи Минѣцковни, в войсковую енеральную канцелярию на насъ подъданномъ, якоби нами по умертвии оного брата нашего еи о вибитѣ з двора, и о заграбленіи внесенних̂ъ ею от матки еи имѣний, и о недопусканіи еи до владѣнія вступленними от мужа еи добрамы, и о протчомъ, з которого писма усмотрено нами, яко в силѣ Ея Императорскаго Величества войсковой енералной канцеляріи состоявшогося по тому челобитю указу от оной полковой канцеляріи инструкциею велено Вашей Милости мосцѣ пану требоват ежели самоволно подѣлѣнно нами то имѣніе и отнято, писменного извѣстія, и требуете, гдѣ ония вишписанния какъ собственния ея, Меланіи Минѣцковни, такъ и от мужа еи записания имѣнія состоятъ, чрезъ нарочного, по инструкціи от Вашей Милости мосцѣ пана опредѣленного, писменого увѣдомления, на которое ответствуемъ симъ: понеже она челобитемъ своимъ, напрасно поданнимъ, насъ оболгала и тому доказать не можетъ, того ради Вашей милости мосцѣ пану описивать, свѣдителствовать и отъдавать ей више помянутихъ имѣний, яко по недостоинству еи быть имѣющихся, во владѣние, до окончанія в судѣ полковомъ Прилуцкомъ дѣла, допустить не совѣтуемъ; чтоже повелено указомъ войсковой енеральной канцелярии, в полковой Прилуцкой канцелярии, ежели востребовано будетъ, по ответу явитис, или повереного представить готови; а по окончаніи дѣла буди доведется за силу указовъ и правъ малороссійскихъ оной братовой нашей Меланіи Минѣцковни, отдано будетъ, о какомъ нашемъ отвѣтѣ, даби било вѣдомо и въ полковой Прилуцкой канцеляріи, в оную полковую Прилуцкую канцелярию благоволят Ваша Милость мосцѣ панѣ представить и приложеное при семъ от насъ объявленіе, и доношение в онуюжъ полковую канцелярію отправить, и при томъ пребываемъ... В подлѣнномъ подписанно: Вашей милости мосцѣ пана нашего надежного брата и благодѣтеля покорніе слуги сотникъ Яблуновскій Стефанъ Стороженко, сотникъ Ичәнский Андрей Стороженко. 1749 года генвара 18 д. Ичень.

(Копія съ копіи).

XLVI.

1749 года января 28. Прошеніе Стефана и Андрея Стороженковъ о разсмотрѣніи жалобы Меланіи Стороженковой въ Прилуцкомъ полковомъ судѣ.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Елисаветъ Петровна, самодержица всероссійская, Государыня всемилостивѣйшая!

Бьютъ челомъ сотники Яблуновский Стефан, Ічанскій Андрий Стороженки, а в чомъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункти:

1. Вашему Императорскому Величеству умершого брата нашего Петра Стороженка жена, Меланія Минѣцковна, била челомъ и под высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества іменем в войсковую енеральную канцелярыю подала челобите, якоби о вибитю нами з двора оного брата нашего еи, и о недопусканіи во владѣніе ей ею внесеного и мужемъ ей якоби уступкою, о коей ми неизвѣстни, отписаного імѣнія, и о протчемъ.
2. По которой чnлобитной состоявшимся Вашего Императорскаго Величества въ оной войсковой енералной канцеляріи указомъ, в полковую Прилуцкую канцелярію прысланимъ, велено (со упоминаниемъ в ономъ, ежели такестъ), то імѣніе отобравъ, ей во владѣніе отдать, а по отдачи, в суд полковій Прилуцкій ко отвѣту нас призвав, за силою Вашего Императорскаго Величества указовъ и правъ малоросійскихъ учинить рѣшеніе, каковому Вашего Императорскаго Величества в войсковой енеральной канцеляріи состоявшомуся и в полковую канцелярію присланому указу ми, нижайшіе, по подданической должности не ослушни.
3. Точию, акъ вышъ помянутая умершого брата нашего жена, Меланія Минѣцковна, тѣмъ от себе в войсковой енеральной канцеляріи поданимъ челобитемъ безсовѣстно, над указы Вашего Императорскаго Величества утруждая Височайшое имя, нас оболгала и потомъ указъ в едину нашу обиду и крайное разореніе сходотайствовала, по яком (како в ономъ изображено), ежели полковою канцеляриею без произвожденія суднимъ порядкомъ, за силу Вашего Императорскаго Величества указовъ і правъ малоросійскихъ, дѣла, оставшиеся движимости и недвижимости умершого брата нашего, описавъ оныи, брата нашего женѣ Минѣцковнѣ до произвождения і окончанія отдадутся, то оная по достовѣрному от ея сторони дому безсовѣстію, о которомъ и войсковая енералная канцелярия, уповаемъ, извѣстна, может все по своемъ легкомислству

і младолѣтству, а паче за Богомъ посѣтительною ей болѣзнию, не взирая на то, что по смерти мужа ей, а нашего брата осталося с нею вмѣстѣ набитого долгу немалое число, якого долгу она, утаивши і ухиляючис в челобити, насъ хотячи природних к тимъ добромъ наслѣдниковъ привести в крайную обиду, неизъяснила, расточити, а не отдати может; и затѣмъ долги, оставшиеся по смерти брата нашего, с нею набитіе, хотя нас і не подлежатимутъ, то яко наслѣдники, развѣ з собственого нашего добра принуждени будемъ уплачовати, к какой уплатки ежели в невинности принуждени будемъ, то в крайное не точію мы, но і дѣти наши, разореніе прийти можемъ.

И дабы Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указомъ повелено было сие наше челобите в войсковой енералной канцеляріи приняв записать і милостивимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ в полковую Прилуцкую канцелярию повелѣть, даби, без произвождения суднимъ порядкомъ дѣла и окончанія, умершого брата нашего женѣ, Меланіи Минѣцковнѣ, движимых і недвижимих имѣній неотписавала і неотдавала, ибо оная Минѣцковна, хотя въ своемъ челобитѣ и показала многие на нас неправильніе доноси, то того в самую сущую правду не было, тѣ же имѣнія всѣ и по нынѣ не в расточеніи, но в цѣлости содержатся, о чом всемъ во время производимого в судѣ полковомъ Прилуцкомъ дѣла доказателства объявить имѣемъ; по окончаніи в силѣ указовъ Вашего Императорскаго Величества і правнаго порядку что повелено будет, тому мы прекословить не будемъ.

Всемилостивѣйшая Государыня, просимъ Вашего Императорскаго Величества о семъ нашемъ челобитѣ рѣшеніе учинить.

К поданю надлежит в войсковую енералную канцелярию. Писана сия челобитная 1749 генвара 28. Писал сию челобитную козакъ Ичанский Василь Мойсѣевъ. К сей челобитной сотникъ Яблуновскій Стефанъ Стороженко подписался, сотникъ Иченскій Андрей Стороженко руку приложилъ.

(Съ подлинника).

XLVII.

1749 года февраля 1. Письмо Стефана и Андрея Стороженковъ къ сотнику Иваницкому Өедору Свирскому.

Мосцѣ пан сотникъ Иваницкий, нашъ надежний благодѣтел.

На писмо Вашей Милости мосцѣ пана, нами минувшого генвара 29 д. полученое, отвѣтствуемъ симъ: понеже усмотрено нами, яко братовая наша Петрова Стороженкова, Меланія Минѣцковна, подданою ложною в войсковую генералную канцелярию челобитною сходатайствовала неправилной указъ, хотячи неправдою правду преодолѣть, того ради послана от нас в войсковую генералную канцелярию челобитная, по которой челобитной покамис будет в полученіи резолюция, благоволи вашецъ мосцѣ панѣ, з описею удержавшись, в полковую Прилуцкую канцелярию отрепортовать, ибо, хотя и велено Вашей Милости мосцѣ пану, ежели от нас по требованию вашему имущество брата нашего не будетъ показанно для описѣ, требовать извѣстия от Миницковни, то она, якъ не собирала, такъ и показать несилна, а когда оной по суду отдано будетъ, то в той пори силу имѣтимет, яко в своемъ властномъ. В протчемъ остаемся. . . В подлѣномъ подписалися: Вашей Милости мосцѣ пана и благодѣтеля доброжелателние слуги сотникъ Стефанъ Стороженко, сотникъ Ичанскій Андрей Стороженко. Подканцелярист Игнатъ Тарасевичъ.

1749 году, февраля 1 д. Ржавецъ.

(Копія съ копіи).

XLVIII.

1749 г. февраля 18. Рапортъ Прилуцкой полковой канцеляріи о дѣйствіяхъ, предпринятыхъ ею по жалобѣ Меланіи Стороженковой на ея деверей.

В генералную войсковую канцелярию

покорнѣйшій рапортъ.

Во исполнение Ея Императорскаго Величества з войсковой енералной канцеляріи в полковой Прилуцкой канцеляріи пред симъ полученного указа з сообщеніемъ челобитной, поданной в ту войсковую енералную канцелярию умершого сотника Иваницкого Павла Минѣцкого от дочери Меланіи, удовствующой Петровой Стороженковой, на сотниковъ вакансового Стефана, Ичанского Андрея Стороженковъ, для надлежащаго зде по оной разсмотренія и в силу указовъ рѣшенія, и об отдачи, ежели подлѣнно, какъ в оной челобитной написанно, оние Стороженки самоволно упомянутой Меланіи Стороженковой какъ собственние еи, такъ и от мужа ей записанние пожитки отняли, то все, оная полковая канцелярія велѣлаб, собрав и учинивъ всему тому вѣрную опись, при них самих, поручит еи, Мелании Стороженковой, во владѣніе с роспискою и в дворѣ жиломъ, гдѣ умершой мужъ еи, Петро Стороженко, жителство имѣлъ, ей, Меланіи, жить допустить, до воспослѣдования о томъ в полковой канцеляріи по оному еи челобитю конечного рѣшенія; данною сотниковѣ Иваницкому Ѳедору Свѣрскому инструкциею веленно, какъ собственние еи, Меланіи Минѣцковни Стороженковой, такъ и от мужа еи покойного Петра Стороженка записанние пожитки собравъ, и учинивъ всему тому вѣрную опис, при них, Стороженкахъ, ей, Меланіи, поручить во владѣние с роспискою и в дворѣ жиломъ, гдѣ умершой мужъ еи Стороженко жилъ, оной Меланіи жит допустит; а к нимъ, Стороженкам, особливо с полковой Прилуцкой канцеляріи писано, даби оны по требованиямъ оного сотника всѣ выше упомянутие пожитки по сообщенному в том регистру к надлежащой описѣ и возвращенію ей, Меланіи, с роспискою отдали, и по отдачи всего того имѣнія к отвѣту противъ оного челобитя з родственникомъ своим Дмитромъ в суд полковий Прилуцкий явились неотмѣнно з отдачи тѣхъ имѣниевъ в едну недѣлю; а сего 1749 года прошлого генвара 24 присланнимъ онъ сотник Свѣрскій в полковую Прилуцкую канцелярію доношениемъ представилъ, яко онъ за силу той інструкціи нарочного, бившого сотенного писара, Александра Снятовского к оним сотникамъ Стефану и Андрею Стороженкам, требуя в них, гдѣ оной Меланіи Минѣцковни, удовствующой Петровой Стороженковой, соб-

ственния и от мужа еи записания имѣния состоять, писменного извѣстия, посилалъ, на что де они к нему сотнику писменно объявили, понеже де она, Минѣцковна, челобиттемъ своимъ, якоби напрасно поданимъ, их оболгала и тогоже доказать неможетъ, того де ради оному сотнику описиват и свѣдителъствовать и отдават ей вишше упомянутих имѣній, яко де по недостоинствѣ ей бить имѣючих во владѣние, до окончания в судѣ полковомъ Прилуцкомъ дѣла допустит неимѣють, что же де повеленно указомъ войсковой енералной канцеляріи, в полковой Прилуцкой канцелярии ежели их востребованно будеть, к отвѣту явитись или повѣреного представит они, Стороженки, готови, с которого писма при томъ его доношении и копия сообщена; почему посланим к нему сотнику Свѣрскому ордеромъ веленно, даби онъ, за силу указа войсковой канцелярии и данной ему инструкции, помянутих імѣній гдѣ оние состоятъ, потребовалъ отъ Стороженковъ писменного показания, а буде оние нехотели показат, то от оной Меланіи о том взять писменое извѣстие, и по оному учиня всему тому повеленую опис, ей, Мелании, за роспискою отдалъ и о томъ з сообщениемъ той описѣ и росписки в полковую Прилуцкую канцелярию репортовалъ; по отдачи же тѣхъ всѣхъ имѣниевъ потомужъ имъ, Стороженкамъ, и ихъ родственнику Дмитру на срок по отдачи в едну неделю к отвѣту в суд полковий за силу указа велѣть явитис сего февраля 7-го. Оной сотникъ Свѣрский присланним в полковую Прилуцкую канцелярию доношениемъ представил, яко за силу оного и даной ему с полковой Прилуцкой канцелярии инструкции к ним, Стороженкам, повторне с требованиемъ о объявлении, гдѣ ония какъ собственния ея, Минѣцковни, такъ и от мужа еи записания имѣния состоят, писменого извѣстия писал; точию де оние Стороженки и на то сего февраля 3 д. присланим к нему ответнымъ писмом объявляють: понеже де усмотренно ими, яко братовая их, Петрова Стороженкова, Меланія Минѣцковна, поданною якоби ложною в войсковую енералную канцелярию челобитною сходатайствовала неправилной указъ, хотячи неправдою правду преодолѣть, о чем де от оних Стороженковъ в войсковую енералную канцелярию и послана челобитная, покамис де по оной челобитной в получении будет резолюция, потоль они, Стороженки, з описею удержатись требуютъ его сотника и в полковую Прилуцкую канцелярию отрепортоват и о протчемъ, с которого писма оних Стороженковъ за справъкою точную копию при томъ в полковую канцелярию въ разсмотрение сообщилъ. Что же ордеромъ полковой Прилуцкой канцелярии велѣно, ежели они, Стороженки, недадуть о тѣхъ грунтах, гдѣ состоятъ. извѣстия, от оной Меланіи Минѣцковни требовать, и получа, в силѣ инструкции учинит исполнение, теж оние Стороженки в том же своемъ писмѣ написали, яко она, Минѣцковна, какъ несобирала тѣхъ имуществъ, такъ и показать не-

силна, развѣ де когда по суду ей отдано будет. Того ради, снявъ с оних Стороженкових писемъ с копій копии, при семъ в генералную войсковую канцелярию полковая Прилуцкая канцелярия к подлежащому разсмотрению и определению представляетъ и покорнѣйше просит, какъ повелено будеть поступить в резолюцию указа. А с виш писанних обстоятелствъ подлѣнно уже является, яко Стороженки і собственними упоминаемой Меланіи Минѣцковни пожитками, и денгами, и записанними мужем ея упорно завладѣли, и нынѣ к возвращенію оной, по силѣ указовъ, техъ імѣній недопускают.

Обозний полковий Иванъ Галенковский.

Судя полковий Яковъ Огроновичъ. Полковий писарь Іван Александровичъ. Асаулъ полковий Яковъ Величко.

1749 года Февраля 18 д. Прилуки.

(Съ подлинника).

XLIX.

1749 г. марта 1. Вторичная жалоба Меланіи Стороженковой на деверей ея Стефана и Андрея Стороженковъ

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Елисаветъ Петровна, Самодержица Всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

Бьетъ челомъ Мелания Павлова дочъ, удовствующая Петрова Стороженкова, на сотниковъ вакансового Стефана и Ичанского Андрея Стороженковъ, а в чемъ мое прошение, тому слѣдуют пункта:

1. В прошлом 1748 году в мѣсяцѣ декабрѣ била я, нижайшая, Вашему Императорскому Величеству челомъ и в войсковую генералную канцелярію подала челобитную о самоволномъ и безправилномъ отнятіи више писанними Стороженками всего собственного моего внесенного мною от дому родителей моих и мужем покойним моим Петром Стороженком записанного мнѣ имѣния, и о вибитіи мене з двора мужа моего, и о протчом, с прошением о всем том в генералной войсковой канцеляріи разсмотренія и опредѣленія, по ко-

торому челобитю посланним з генералной войсковой канцеляріи в полковую Прилуцкую канцелярию Вашего Императорскаго Величества указомъ велено за воспослѣдовавшіе от них Стороженковъ гвалти в отнятіи всѣхъ пожитковъ дат на основаніи Вашего Императорскаго Величества указовъ в той полковой канцеляріи судъ, а оним всѣмъ пожиткам учиня вѣрную опись, по той описѣ возвратит мнѣ, при их самих Стороженках, за роспискою і в дворѣ жилом жит до воспослѣдования о том всем конечного рѣшенія.

2. Во исполнение отъ Вашого Императорскаго Величества имене войсковой канцеляріи указа оная полковая Прилуцкая канцелярия ради описѣ и отдачи всѣхъ собственних моих и мужем моим записанних имѣний опредѣлила по инструкціи сотника Иваницкого Ѳедора Свѣрского, по которой инструкціи, а особливо по присланному до него сотника с той же полковой канцеляріи ордеру, хочай многократно онъ сотник Иваницкий требовал от ихъ, Стороженковъ, извѣстия, в коемъ мѣстѣ тѣ мои и мужемъ моим записанные мнѣ пожитки содержуются, для учинения им обстоятелной описѣ и отдачи мнѣ, нижайшой, во владѣние, точию оние Стороженки по тѣм его сотника требованиямъ не токмо (какъ указом велено) ничего с пожитковъ не возвратили мнѣ, но и описать онии его сотника не допустили, и в присланних от себе к ему сотнику отвѣтнихъ писмах объявили, яко они по тому резону тих имѣний не отдадут, что якоби я, нижайшая, Вашему Императорскому Величеству била челом неправильно и доказать моего иску никакъ не могу, да сверхъ того оние Стороженки в тѣх же своих писмах, ругаясь надо мною, нижайшою, показуют, что оние пожитки подлежат мнѣ не по моему достоинству.

3. А яко в поданном Вашему Императорскому Величеству от мене нижайшой в енералную войсковую канцелярію челобитю по болшой части состоитъ искъ о приключених мнѣ разними образи от их Стороженковъ гвалтахъ, в отнятіи имѣний, и вибитіи мене з жилого двора и изо всѣхъ мужа моего грунтовъ, коего моего иску оние Стороженки в присланних к сотнику Иваницкому от себе писмах ничего основателного ко испроверженію непоказали, и ко зищенію воспослѣдовавшого гвалту от них не имѣется, точию сугубий свой гвалтъ в неотдачи за силу Вашего Императорскаго Величества указа показанних имѣний явили, и тѣми своими писмами умишленно мнѣ нижайшей приключают волокиту и невинние убитки. Имѣнія же, записанние мнѣ мужемъ моимъ, а особливо собственние мои ѳанти, по той их умишленной волокитѣ под настоящие ежедневние сліоти содержуясь в Василіовских анбарах (кои анбари суть ветхие и во время дождя вода сквоз онии

без всякого препятствия идет) в конецъ погинутъ и попортятся, особливож плате, якие на футрах состоят, до сего времени от теченія сліотнаго, дѣйствително, попорчени.

4. Да сверхъ того, какъ я вѣрно извѣстила, з них Стороженков Стефанъ оставшіяся по смерти покойного мужа моего и от мене с разними имѣніи скринѣ, по отдачи мною в полковую Прилуцкую канцелярию состоявшогося в генералной войсковой канцеляріи указа, невѣдомо яким образом (якож от тих скринь всѣхъ ключи содержутся у мене) тайно поотмикал, и что явилось между тѣми имѣніи ему угоднѣе, то все до себе позабирал, и тако слѣдователно, что тѣ имѣния и достатки к себѣ тайно забрат отважился.

5. И таковими оние, Стефан и Андрей Стороженки, приключенними мнѣ нижайшой грабителствами мужа моего и собственнихъ моихъ имѣній неудоволствуясь, посланною от себе замѣнно в енералную войсковую канцелярію челибитною, в нарушение их совѣсти, хотя от всего моего имѣнія неправилно мене отчуждить, показали, якоби я тѣхъ мужа моего имѣній за моимъ младолѣтством и измишленою ими Стороженками болѣзнию содержоват не достойна, а о собственних моих пожитках, внесеннихъ отъ родителей моихъ, в той же своей челобитной не упомянули, которіе мои собственние имѣніи, а особливо плате и разние фанти, ежели по правому генералной канцеляріи определению небудут возвращени, принуждена чувствоват пребѣдственній ущербъ и крайное разорение, ибо я, нижайшая, не токмо одежди якой, но и послѣдней рубашки в себе не имѣю.

И даби Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указом повелено было сие мое челобите, в генералной войсковой канцеляріи приняв, записат, а по прежде поданному от мене Вашему Императорскому Величеству челобитю и по состоявшомуся в генералной войсковой канцеляріи определѣнію, недопуская мене нижайшой болѣе к волокитѣ, и по ней слѣдователнимъ убиткамъ, також приключаемим мнѣ отъ Стороженковъ ругателствам, всѣ мужем записанніе мнѣ пожитки, а особливо собственніе мои имѣніи собрав, и учинив всему тому вѣрную опись, за освѣдителствованіемъ, что с тѣхъ имѣній состоитъ цѣлое, а что уже от мочи дождя спорчено, вручить мнѣ, нижайшой, нынѣ, до воспослѣдования о томъ конечного в полковой Прилуцкой канцеляріи рѣшенія, и о томъ, учиня со мною бѣдною милосердие, опредѣлить в генералной войсковой канцеляріи нарочного по инструкціи. Ежелиж би оние Стороженки по всегдашнѣй ихъ обиклости явилис в отдачи мнѣ за силу указа имѣний ослушни, в таком случаи повеленобъ ему нарочному оних, какъ ослушниковъ главной своей команди,

взискать и впред недопущать мене к обидѣ. Також, сколко ими забрано с имѣній мужа моего всякого хлѣба, сѣна, и сколько на винокурних котлахъ видѣлано горѣлки, о томъ особливо изслѣдоват, учиня справку з тамошними господарами, скотарями и мѣрочниками, а что они, Стороженки, по первому Вашего Императорскаго Величества посланному изъ генералной войсковой канцеляріи указу и малѣйшого исполнения неучинили и во всем оним пренебрегли, за то поступленобъ с ними по указамъ же Вашего Императорскаго Величества, и о всем више писанномъ милостивое учинит опредѣленіе.

Всемилостивѣйшая Государыня, прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ челобитю рѣшение учинить. Писал сию челобитную войсковий канцелярист Петръ Посудевский 1749 году марта 1 д. К поданю надлежит в енералную войсковую канцелярию. В подлѣнном по пунктам подписанно: к сей челобитной вмѣсто сестри моея, яко неграмотной, брат ея войсковой канцелярист Андрѣй Минѣцкій подписался.

Канцеляристъ Петръ Посудевскій.

(Съ копіи).

L.

1749 г. марта —Предписаніе генеральной войсковой канцеляріи о разсмотрѣніи жалобъ на деверей Меланіи Стороженковой.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержици Всероссійской з войсковой генеральной канцеляріи в полковую Прилуцкую канцелярію. Прошлого декабря 20 дня 1748 году з войсковой канцеляріи в ту полковую канцелярію по челобитию умершого сотника Иваницкаго Павла Миницкого дочери Меланіи, удовствующой Петровой Стороженковой, о вибиттѣ ей Меланіи з дома умершаго мужа еи Петра Стороженка братами, сотниками Стефаном и Андреемъ Стороженкамижъ по умертвіи мужа еи, и о заграбленіи внесеннихъ ею от матки имѣній, и о не до

пусканіи еи до владѣнія уступленними от мужа еи добрами, и о протчемъ, как в сообщенной при ономъ указѣ поданной челобитной явствуетъ, предлагано: ежели подленно оніе Стороженки самоволно упомянутой Меланіи Стороженковой, какъ собственніе еи, и от мужа еи записанніе, пожитки отняли, тоби все оная полковая канцелярія велѣла собравъ и учинивъ всему тому вѣрную опис при нихъ самихъ Меланіи Стороженковой во владѣніе отдать с роспискою и в дворѣ жилом, гдѣ умершой муж еи Петро Стороженко жителство имѣлъ, ей Меланіи жить допустит до воспослѣдованія о всемъ томъ въ полковой Прилуцкой канцеляріи по тому еи челобиттю конечного рѣшенія. И чтобы оніе Стороженки в той полковой канцеляріи для отвѣту за востребованиемъ з оной полковой канцеляріи явилис, особливимъ указомъ к ним з войсковой енералной канцеляріи предложено. А сего марта 10 д. з оной полковой канцеляріи репортомъ представлено, что по оному указу данною сотнику Иваницкому Ѳедору Свѣрскому с оной полковой канцеляріи инструкціею велено, какъ собственніе еи Меланіи, такъ и от мужа еи Петра Стороженка записанніе пожитки собравъ, и учинивъ всему тому верную опис, при нихъ Стороженкахъ еи, Меланіи, поручить во владѣніе с роспискою, и в дворѣ жиломъ, гдѣ умершой мужъ еи жилъ, оной Меланіи жить допустить, а къ онимъ Стороженкамъ особливо де с оной полковой канцеляріи писано, даби онии по требованіямъ оного сотника всѣ више писанніе пожитки по сообщенному в ней регистру к надлежащей описѣ и возвращенію еи Меланіи с роспискою отдали, и по отдачи всего того имѣнія к отвѣту противъ оного челобитя з сродственником своимъ Дмитромъ в судъ полковой Прилуцкій явилис не отмѣнно, з отдачи тѣхъ имѣній в недѣлю. Но оной же сотникъ Свѣрскій в оную полковую канцелярію доношеніями представилъ, что оніе Стороженки на требованіе его Свѣрского писменно (с коихъ сообщени копіи) между протчимъ объявили, что они до отдачи тѣхъ имѣній ей Меланіи до окончанія в судѣ полковомъ Прилуцкомъ дѣла допустить неимѣютъ. И требовала оная пол. Прил. к-рия, какъ поступит в резолюцію указа, ибо де, какъ из обстоятелств подленно уже является, яко оніе Стороженки и собственними оной Меланіи пожитками, и денгами, и записанними мужемъ ея упорно завладѣли, а помянутая Меланія Стороженкова поданним особливо подъ Височайшимъ Ея Императорскаго Величества именемъ челобитемъ между прочим представила, что имѣнія записаннія ей от мужа еи, а особливо де собственнія еи фанти подъ настоящіе слоти содержуются в ветхих амбарахъ и во время де дождя вода идетъ, от чего де в конецъ чрез ихъ Сторож. волокиту погниют и попортятся, да сверхъ де того, какъ она вѣрно извѣстила, с нихъ Стороженковъ Стефанъ оставшіяся по смерти мужа еи и от еи с разними имѣніи скринѣ, по отдачи ею в пол. Прил. к-рію состоявшогос в

генер. вой. к-ріи указа, неведомо де какимъ образомъ (якожъ де от тѣхъ скринь всѣхъ ключи в еи содержуются) тайно поотмыкалъ и, что явилос между тѣми имѣніи ему угоднѣе, то все до себе позабиралъ, и, слѣдователно де, что тѣ имѣнія и до остатка к себѣ тайно забрат отважится, и просила онимъ челобиттемъ всѣ оніе записанніе ей пожитки и собственніе еи имѣнія собравъ, и учинивъ всему тому вѣрную опис, за освидѣтелствованіемъ, что с тѣхъ имѣній состоитъ цѣлое, а что уже от мочи и дождя спорчено, вручит ей Меланіи. Оную челобитную по указу Ея И. В-ства вой. енер. к-рія приказали послат в оную пол. к-рію при семъ Ея И. В. указѣ и предложит, даби в оной полковой Прилуцкой канцеляріи в отдачи какъ собственнихъ еи Меланіи, такъ и от мужа еи записанних имѣній, по силѣ прежде посланнаго з сообщеніемъ еи, Меланіи, челобитной и реестровъ указа учинить неотмѣнно, и что потому воспослѣдуетъ в енер. вой. к-рію репортовать, и в пол. Прилуцкой к-ріи учинит по прежде посланному къ сему Ея И. В. указу непремѣнно. 1749 году марта.

(Съ чернового отпуска).

LI.

1753 г іюля 12. Изложеніе дѣла между Меланіей Павловной Стороженковой, по второму мужу Григоровичевой, и деверями ея Стефаномъ и Андреемъ Стороженками для доклада въ присутствіи войсковой генеральной канцеляріи.

В генеральной войсковой канцеляріи росписано въ докладъ 1753 года юля 12.

Прошлого 1748 году декабря отъ 20 дня поданное въ генералную войсковую канцелярію умершого сотника Іваницкого Павла Минѣцкого отъ дочери Меланіи, вдовствующой Петровой Стороженковой, на сотниковъ вакансового Стефана и Ичанского Андрея Стороженковъ челобитье, якобы о выбитіи оними Стороженками еи Меланіи з двора по умертвіи мужа еи, а ихъ брата, Петра Стороженка, и о заграбленіи внесеннихъ ею, Меланіею, от матки еи имѣній, и о недопусканіи еи до

владѣнія уступленными от мужа ей добрами, такожъ о називаніи Стефаномъ Стороженкомъ и родственникомъ его еи, Меланіи, „каналѣею" и о протчемъ, з сообщеніемъ внесенного ею от матки и оставшогося от мужа ей имѣнія реестровъ и копіи от мужа ей данной уступки—отослано при указѣ изъ генералной войсковой канцеляріи въ полковую Прилуцкую канцелярію для разсмотренія и по силѣ указовъ и малороссійскихъ правъ рѣшенія и велѣно: ежели подлинно оніе Стороженки самоволно упомянутой Меланіи Стороженковой какъ собственніе еи, такъ и от мужа еи записанніе пожитки отняли, то все, оная полковая канцелярія велѣлабъ, собравъ и учинивъ всему тому вѣрную опись при них самих, поручить ей, Меланіи Стороженковой, во владѣніе з роспискою и въ дворѣ жиломъ, гдѣ умершой мужъ еи Петро Стороженко жителство имѣлъ, ей, Меланіи, жить допустить до воспослѣдованія о всемъ томъ въ полковой канцеляріи по оному еи челобитю конечного рѣшенія. А чтоб оніе Стороженки в полковую Прилуцкую канцелярію для отвѣту по том челобитью за востребованіемъ отъ полковой канцеляріи явились особливымъ указомъ къ нимъ, Стороженкамъ, предложено, и что учинено будетъ, въ енералную войсковую канцелярію рапортовать.

А нынѣ оная Меланія Минѣцковна поданнымъ въ генералную войсковую канцелярію доношеніемъ представляет, что хотяж по тому генералной канцеляріи указу от полковой Прилуцкой канцеляріи исполненіе и учинено, и движимое имѣніе, хотя несовсѣмъ, еи собственное нарочнымъ отобрано, и ей за роспискою вручено, да и недвижимость, яко то: дворъ и другіе грунта, до окончанія дѣла въ судѣ полковомъ Прилуцкомъ отдани ж, якіеж недвижимости при ней находились до сего, прописанное ж по иску еи дѣло въ ономъ Прилуцком полковом судѣ з оними Стефаномъ и Андрѣемъ Стороженками сего году минувшого мая 24 д. рѣшено, и приговорено за правилной искъ ей, Меланіи, претентуемую нею семисотъ рублей денегъ въ домъ умершого мужа еи Петра Стороженка принесенную въ вѣнѣ сумму ей з прибавленіемъ еще стадвадцати рублей за собственніе ж еи лошадѣ, онимъ умершимъ мужемъ еи проданніе, имъ, Стефану и Андрѣю Стороженкам, уплатить, а грунта брата ихъ умершого Петра Стороженка имъ наслѣдніе принять; точію та выш прописанная, ей Меланіи надлежащая в восѣмъсотъ двадцать рублей сума денегъ, за невыслушаніемъ оними дѣверами еи, Стороженками, суда полкового приговора и по сіе время не уплачена, а изъ недвижимыхъ добръ Петра Стороженка, первого мужа еи, в енералной войсковой канцеляріи ей до окончанія въ судѣ полковомъ Прилуцкомъ порученних, нынѣшнего времени многим искателемъ от оного суда полкового Прилуцкого отдача чинится, яко то и минувшого іюня послѣдних чиселъ по иску значкового полку Прилуцкого товариша Ивана Новѣцкого за претентуемую имъ на умершомъ Петру Сторо-

женку тристашестдесятъ рублей сумму первѣйшая въ недвижимыхъ добрахъ част, яко то сотнѣ Иваницкой села Ступаковки половинная часть з людми, да в сотнѣ Ичанской степъ, прозиваемій Барановщина, з содержанія еи выключени, и нарочнымъ оному Новѣцкому отдача учинена, въ еи обиду, ибож буди оному Новѣцкому за такую сумму первая част з недвижимостей пойдет, да и другимъ искателемъ, якіе и нынѣ того ищутъ, без окончанія еи дѣла такову отдачу от суда полкового Прилуцкого з тѣхъ покойного мужа еи недвижимостей чинить будутъ, тож за приговоренную ей, Меланіи, гораздо большую сумму денегъ нѣчего неостанется. О чемъ дей хотя она, Меланія, въ судѣ полковомъ Прилуцком о том, чтобы до окончанія дѣла еи совсѣмъ з отдачею недвижимостей было поудержано, чрезъ доношеніе и просила, точію нѣчего на то неполучила, чрез что дѣ она находится въ крайней обидѣ и проситъ о томъ въ генералной войсковой канцеляріи разсмотрѣнія, и о том, что повелѣно будеть, увѣдомленія. Канцеляристъ войсковій Іосиф Туманскій.

(Съ чернового доклада)

LII.

Безъ даты. Требованіе генеральнаго суда о высылкѣ ему изъ генеральной войсковой канцеляріи копіи указа, послѣдовавшаго по дѣлу Меланіи Стороженковой, по второму мужу Григоровичевой, съ ея деверями.

В генералную войсковую канцелярію . . . . суда енералного

ДОНОШЕНІЕ.

Прошлого ноября — дня Мелания Минѣцковна, сотника полку нѣжинского Прохорскаго [1]), Дмитра Григоровича жена, поданим в суд войсковий енералний доношениемъ представила: прошлого де 1749 году декабря 19 д. по поданному де от нея в генералную войсковую канцелярию челобитю посланним з оной генералной канцеляріи в полковую Прилуцкую канцелярию указом предложенно з дѣверами ея, умершого

---

[1]) Прохорская сотня имѣла сотенное правленіе въ с. Прохорахъ.

первого мужа ея войскового канцеляриста Петра Стороженка родними братами, Стефаном, сотникомъ Яблуновскимъ, да умершим де сотникомъ Иченскимъ Андреем Стороженкамы дат ей суд по указамъ о послѣдовавшомъ от их, дѣверовъ ея, ей разорении розграблениемъ движимого ея имѣния и вигнатии ей з жилого двора и всѣхъ недвижимих оного покойного мужа ея добръ, якие де двор и части его недвижимие добра им, умершим мужемъ ея, при смерти его ей во владѣніе уступкою порученни за взятие имъ, умершимъ мужемъ ея Петромъ Стороженкомъ, от родителей ея при виходѣ ея в замуже денги числом семсотъ рублей, а до рѣшения дѣла въ полковомъ Прилуцкомъ судѣ тот умершого мужа ея Петра Стороженка жилий двор и всѣ недвижимие добра ей поручит, по коему де и исполнение учинено, какового состоявшогося в оной генералной канцелярии указа к разсмотрению по тому дѣлу в судѣ генералном прописанного по иску реченной Минѣцковни дѣла потребно; того ради в енералную войсковую канцелярию суд енералний сим представляя, требует, даби повелено с показуемого от челобитчицѣ указа состоявшогося в оной генералной канцеляріи, прислат в судъ войсковий енералний справочную копию.

Петръ Валкевич. Петръ Горленко.

(Съ чернового отпуска).

LIII.

1753 г. декабря 11. Препроводительная бумага, при которой послана была въ генеральный судъ копія указа генеральной войсковой канцеляріи.

Изъ енерал. войск. к-ріи въ енеральний судъ.

По доношенію оного суда генералного головного требовано присилки справочнои копии указа по поданном в ген. вой. к-рію от Меланіи Минѣцковни, сотника полку нѣжинского Прохорского, Дмитра Григоровича жени, челобитю в полковой Прилуцкой к-ріи состоявшогося о даче ей Минѣцковнѣ по указамъ суда з дѣверами ея, умершого первого мужа ея вой. к-риста Петра Стороженка родними братами, Стефаном, сотникомъ Яблуновским, да умершимъ сотникомъ же Иченскимъ Анд-

реем Стороженками о послѣдовавшомъ от них ей разореніи разграбленіемъ движимого ея имѣнія и вигнатіемъ ея з жилого двора и всѣхъ недвижимыхъ оного покойного мужа ея добръ, по опредѣленію енер. к-ріи велено с того отпуску указа, котор. въ 1749 годѣ по челобитю означенной Минѣцковни в више намѣненной силѣ состоялся въ пол. Прил. к-ріи, списавъ копію, в суд генер. при ордерѣ за справою отослати, которая копія при сем и висилается. 1753 года декабря 11.

(Съ чернового отпуска).

LIV.

1753. Н. И. Петровъ. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. Вып. II. Москва 1896. Стр. 144.

№ 451 (1698). Conclusiones philosophicae ex Phisica. Defendentur anno Domini 1753 mense Aprili die 20, M. D. Dawydowycz, M. D. *Storozenco*, M. D. Rosoplowskj (?), M. D. J. Glowackj (M. D.=magnificus dominus).

Кажется, можно безошибочно утверждать, что упомянутымъ участникомъ диспутовъ былъ Михаилъ Стефановичъ Стороженко, по матери—родной племянникъ святителя Іоасафа Горленка. Обаяніе личности Іоасафа было очень велико среди его ближайшихъ родственниковъ и очень понятно, что сестра святителя направила своего сына въ то самое учебное заведеніе, которое дало образованіе ея чтимому брату. Годъ, когда происходилъ диспутъ при участіи М. С. Стороженка, относится къ эпохѣ, когда митрополитомъ былъ Тимоѳей Щербацкій, а ректоромъ Георгій Кониссктй. Оба были любителями диспутовъ и придали имъ особую торжественность. Подробности см. у Аскоченскаго. Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею. К. 1856. Т. II, стр. 166—172.

LV.

1753. Выписка изъ Дневника генеральнаго хоружаго Николая Ханенка Изданіе Кіевской Старины (К. 1884), стр. 506.

1753 сентября 14. Отталь же (изъ Галюнки поехавши, притылъ въ Ичню поздно и тамъ сталъ квартерою у вдовы сотнички Стороженковой, Анастасіи Івановны Романовичевны, где и отца еи, сотника Монастириского, и матку засталъ.

Упоминаніе это относится ко вдовѣ Андрея Григорьевича Стороженка, бывшаго сотникомъ Иченскимъ послѣ отца, Григорія Андреевича, и умершаго въ молодыхъ лѣтахъ въ началѣ 1753 г. У него осталиль сыновья: Григорій и Александръ.

LVI.

Прошеніе Мартына Ивановича Кушченка, жителя Ржавскаго, къ своему пану Михаилу Стороженку о защитѣ отъ обидъ, чинимыхъ ему, Мартыну, братомъ его Михайломъ. Безъ года.

Мосьцѣ пане Михаилъ Стороженко, всемилостивѣйший мой добродѣю.

Упадаю до стопи ногъ милости вашей панской, а прекладаю жалосную скаргу на брата своего старшого, Михаила, который зо мною непорядно обиходится, поневажъ, жиючи ми при отцеви нашему, отецъ и подружилъ насъ, толкожъ я, менший, якъ одружился, зараз онъ и отдѣлился, началъ себѣ опрочно и работать; не могучи ми из отцемъ своимъ статкомъ облога виорати на просо, принялъ отецъ Семена Дядюшенка с клячею для припражи и самого его для помочи, поступуючи ему упругъ облога тамже на просо виорать, и виорали два днѣ, от якого то ораня онъ, братъ Михайло, отперъ нас из отцемъ, але самъ посѣялъ, якое когда всѣ гуртомъ изжали, то онъ толко три копи проса дал нам из отцем мѣсто зажону, все побрал себѣ, и ми, тиежъ три копи змолотивши, заразъ четверикъ и отдали шуринови его пози-

ченного, и гуртомъ, якъ еще и он в купѣ бил, изъили, а онъ не похотѣлъ своимъ отдати; траву наймали с третои копѣцѣ косити, моихъ же косарей било три, а в его два, и сѣно оное братъ Михайло все забралъ и минѣ из отческого грунту ничого недалъ, але тесть мой деніокъ жита посѣялъ мнѣ и с того розводъ себѣ и препитание имѣю, прошлой зими, якъ стояла в селѣ рота, то онъ непохотѣлъ драгунъ кормити, але в сусѣде ишолъ, то я самъ годувалъ, осмачку гречки употребилъ, годуючи драгуновъ, онъ же брат мой взялъ вузъ мой собственній и продалъ за два таляри; сестру видали в супружество, то я все самъ своимъ одбувал, а когда рота из села вийшла, онъ знову к намъ пришол и многократне зо мною спор чинитъ, мусѣлемъ я до тестя своего в сусѣде виступить, и всѣмъ грунтомъ и посудкомъ отческим владѣетъ чинно, а минѣ и найменшой части непопускае; в томъ моем служебничомъ предложении покорственно прошу пана своего о святую справедливость. Подданний вашъ панский Мартинъ Иванович Кушченко Иржавскій.

(Съ подлинника).

LVII.

25 января 1758 г. Купчая на сумму сорокъ пять рублей „российской ходячей монетой" на право владѣнія частью мельницы, става и рыбной ловли, у с. Ступаковки, выданная козакомъ с. Ступаковки въ Иваницкой сотнѣ Гавріиломъ Зоценкомъ на имя вдовы Михайла Стороженка, Анны, урожденной Бороздна, и ея сына, войсковаго канцеляриста Михаила Михайловича Стороженка.

Тисяча семъсотъ пятьдесятъ осмаго году генваря двадцять пятого дня.

Я, ниже подписавшійся, всякому суду и праву и кому сего нынѣ и впредъ вѣдать будетъ надлежат сымъ моимъ доброволнимъ вѣчистимъ купчимъ записомъ объявляю в томъ, что у селѣ Ступаковцѣ имѣется млинъ дѣдизный и прадѣдизний ныже греблѣ козака Ступаковскаго Грицка Зоця, а вишше ставу, именуемого Киртелювского, между грун-

тами удовствующой госпожѣ Анны Борозновны Михайловой Стороженковой состоящій, з принадлежащою к тому млину греблею и ставкомъ, такожъ валюшними ступами, с чего всего умершого дядка моего Петра Зоця синамъ половинная часть, а маткѣ моей Химцѣ з братом моимъ Грицкомъ, да мнѣ, по наслѣдію по смерти отца моего Ивана Зоценка доставшаяс другая часть принадлежить. Я изъ той половинной части на мене по наслѣдиюж спадаючую третую часть какъ в млинѣ в ступахъ валушнихъ, в ставку, и в рибныхъ ловляхъ доводячуюся, никому ни в чемъ непенную и не заведенную, з доброй моей волѣ, ни с каково либо принуждения, по приличеству удобности кгрунтам еи госпожѣ Михайловой Стороженковой и сыну еи войсковому канцеляристѣ господину Михаилу Стороженку на нужніе мои къ исправленію себе к козачей службѣ потрѣбности за сумму Россійской ходячей монеты за сорокъ пять рублей, за согласием всѣх родственников моихъ, продалъ, которою половинною частью млина и протчего прописанного третою частью, мнѣ надлежавъшою, отдаляя отъ оной самаго себе, жену и дѣтей своихъ, кревныхъ близкихъ и далекихъ, ей госпожѣ Михайловой Стороженковой и сыну еи Михаилу Стороженку позволяю вѣчне, якъ хотя, владѣти, дати, продати, даровати, или себѣ и наслѣдію своему удержати, не узнавая ни от кого и малѣйшого во владѣніи препятствія. Кто-же имѣлъ еи госпожу Стороженкову или сина еи за тую проданную имъ мною часть турбовать, то в томъ я самъ, недопуская ихъ ни к какой турбаціи, гдѣ надлежитиметь, отвѣтствовать имѣю. На которую проданную мною часть принявши я в еи госпожѣ Стороженковой и сына еи Михаила Стороженка всѣ сорокъ пять рублей денги, о лутшое достовѣрие и твердость всего того сию купчую записъ ей госпожѣ Стороженковой и сыну еи далъ, и на оной при нижеподписавшихся свидѣтеляхъ, на то мною упрошенныхъ, подписался къ сей доброволной купчой записѣ козакъ сотнѣ Иваницкой села Ступаковки Гаврило Зоценко, а в мѣсто его неграмотного, по его прошенію, подписалъ козакъ Иченский Никита Касевич. Выше писанной доброволной продажѣ и куплѣ свѣдоми и во свидѣтелство с приложеніемъ своих печатей подписалис: іерей Федор Кушакевичъ. Атаманъ сотенній Ичанский Михайло Мартосъ. Свѣдом сей куплѣ и продажи и по прошенію обоихъ сторонъ во свидѣтелство подписался атаманъ Иржавский Яковъ Озерский.

(Съ подлинника).

LVIII.

2 мая 1759 г. Купчая крѣпость на „гаіокъ“ на сумму семь рублей пятьдесятъ коп., выданная Иванъ Котомъ, жителемъ Грабовскимъ, войсковому канцеляристу Михайлу Михайловичу Стороженку.

Тысяча семъсотъ пятдесятъ девятого года мѣсяца маія 2 числа.

Я, ниже подписавшійся, кому сего теперъ и впредъ вѣдат належатиметъ, симъ моимъ купчимъ записомъ объявляю, что имѣется в мене дѣдизній и отческій гаіокъ близъ села Лучковки, помѣжъ гайка войскового канцеляриста Михаила Михайловича Стороженка, а зъ другои сторони Семена Протощука, с треттойже Вороновского жителя Игната Косенка, кругомъ ограничен копцами, которій гаіокъ я без всякаго принужденія, но з доброй своей воли, помѣжнику же своему войсковому канцеляристу Михаилу Михаиловичу Стороженку продал в вѣчность за сумму ходячой монети семъ рублей с полтиною. И принявши всѣ сполна денги, симъ моимъ купчимъ записомъ отдаляю отъ онаго гайка себе, жену и дѣтей, позволяя ему Михаилу Стороженку владѣт вѣчне, будижъ бы кто з близких и далекихъ моихъ сродниковъ моглъ втручатся и въ спокойномъ владѣніи препятствовать, я, не попуская его Михаила Стороженка къ убиткамъ, самъ за то обстаевать долженъ, а для лучшои крѣпости, на какомъ онъ урядѣ похочетъ, Михайло Стороженко, сій купчій записъ в силѣ правъ конфѣрмовать симъ дозволяю, во вѣрность чего сей мой купчій записъ при ниже подписавшихся упрошенних от мене свидѣтеляхъ даю и подписуюсе житель Грабовскій Іванъ Котенко вмѣстожъ его веграмотного по прошенію его писалъ и своеручно во свѣдѣтелство подписался Даміанъ Летнѣцкій, пресвитеръ Лучковскій.

По прошенію вишей писанного продавца Івана Кота во свѣдителство о продажи его подписался Іванъ Свѣрипа. (М. П.).

(Съ подлинника).

LIX.

4 октября 1770 г. Нѣжинъ. Письмо Петра Разумовскаго къ Михаилу Михайловичу Стороженку по поводу пограничныхъ недоразумѣній, бывшихъ между послѣднимъ и жителями с. Рожновки.

Государъ мой

Михайло Михайловичъ.

Отпущенное от васъ ко мне истекшаго сенътября 29 писмо, сего октябра 2 числа получилъ я, с которого усмотреваю, что Вы, государъ мой, жалѣетесь предо мною на господъ комисаровъ въ нижеслѣдующихъ термѣнахъ: (1) за отборъ от васъ и соучастниковъ вашихъ земли, которую ви називаете вашею предковскою, и что оная яко бы от васъ въ сторону Рожновцовъ отсужденна имы противоправно; (2) что при обявълении вамъ и соучастникамъ вашимъ рѣшения, и при видачи з оного копии, накошеннаго вами и протчими людми вашимы на оной землѣ сѣна якоби въ сторону Рожновцовъ неприсудили, а вамъ онаго забирать якоби не запретили. А между тѣмъ ускаржаетесь и на моего Рожновского прикащика, что яко би онъ, не виразумѣвъ комисарского рѣшенія, наслалъ на отсужденную от васъ к селу Рожновки землю болѣе десяти человѣкъ людей, заграбил тамо въ людей вашихъ, а именно: у Филипа Голубенка пару воловъ и лошад, да в Данилченка Левка лошад з возомъ и упражжю, и тотъ скотъ содержуетъ в Рожновскомъ моемъ дворе, и какъ прописанного скота отдачи требуете, такъ и вамъ, чтоб с тоей отъ васъ отказанной да к селу Рожновки в обивателское ползование присужденной землѣ сѣна забирать воспящения нечиненно. На которое ваше писмо (немогучи инимъ чимъ пособить) служу в отвѣтъ симъ: ежели господа комисари отказали от васъ землю, какъ вы написали въ своемъ писме, противоправно, то ви, государъ мой, за то на нихъ искатъ можете, где подлежитъ, кромѣ меня, а о заборѣ сѣна во время обявления вамъ рѣшения, просить било от господ комисаровъ отъкритаго дозволения, нынѣжъ сѣна вамъ самимъ собою съ тоей отказанной отъ васъ землѣ, яко оная, какъ мнѣ известно, заправилно признанна казенною и по виизслѣдованию комисарскимъ судомъ во владение истцамъ, казеннимъ Рожновскимъ посполитимъ, присужденна и отданна въ единственное ихъ ползование, по мнѣнию моему, забирать недоводится, ибо въ чиемъ владѣнии земля, то тому и вся користъ должна битъ. Мужикам же Рожновскимъ, хоча оны мои и подданние, но понеже земля от вас отъсужденная точно комисарскимъ судомъ признанна казенною государевою и подданимъ Рожновскимъ по иску ихъ

одданна со всею принадлежитостию и наличностми и что от господъ комисаровъ определеннимъ Ивангородской сотнѣ вознимъ Барановскимъ сѣну и другимъ на той земли имѣючимся наличностямъ описъ тогдажъ учиненна, нимъ истцямъ вместе з рѣшениемъ мимо мене одданна, запретить или повелеть отдать вамъ с оной землѣ сѣна, также забратаго ими подданнимы, а не прикащикомъ моимъ, у людей вашыхъ при браттѣ тайно сѣна, котораго по освѣдителствованію возного явилось в заборе скирдъ двѣ да стоговъ шесть, скота возвратитъ—сумнително; и я в то немѣшаюсь, ониежъ Рожновские поддание (какъ я слихалъ) одною землю и позосталимы на оной, а нимы взятимъ над сѣномъ скотомъ за свои убитки въ лишении земли, и надлежащихъ з нея чрезъ нѣсколко годовъ користей будучи не доволними, хотятъ еще искатъ з васъ и соучастниковъ вашихъ за прожилие года не малой суммы. Чтожъ касается до моего прикащика и до содержания нимъ в дворе моемъ преупомянутихъ людей вашихъ скота и до смотрения землы, то ето нимъ учиненно по двумъ резонамъ: (1) что онъ опредѣленъ какъ подданнихъ Рожновскихъ, такъ и казеннихъ, к селу Рожновкы принадлежащихъ, земелъ смотретъ прилежно, какъ должно, чтобы ни поддание, ни отъ кого ни в малѣйшемъ чемъ либо не билы обиждены, ни землями казенными ни хто би посторово не могъ ползуватся; (2) что захваченного Рожновцами над сѣномъ скота содержатъ мужикамъ нѣгде, то онъ за прошение Рожновцовъ содержуетъ в моемъ доме скотъ. Что вамъ, государу моему, объявивъ, з моимъ вамъ усердиемъ пребиваю, чтожъ не могу нынѣ во удоволство ваше услужитъ, непрогнѣватся прошу. Вашъ государя моего покорный слуга Петръ Разумовский Октябра 4 д. 1770 году зъ Нежина.

(Съ подлинника).

LX.

1772 году Мая 10 числа. Реестръ дѣлчой, учиненной по силѣ поданнаго 1772 году Марта 22 числа въ Судъ Земскій Повѣту Черниговскаго отъ Полковника Черниговскаго Петра Степановича Милорадовича и Бунчуковаго Товарища Михаила Михаиловича Стороженка, по извѣренію женъ ихъ, нижеподписавшихся, мирового доношенія, и представленныхъ при томъ доношеніи кондицій о роздѣлкѣ недвижимыхъ наслѣдственныхъ имъ имѣній, по которому что довелось въ часть на меня, о томъ значитъ именно ниже сего.

Записанъ въ книгу земскихъ крѣпостей подъ № 26.

Волость Любецкая в оной подданихъ.	Дворовъ.	Хатъ.	Семей.	Мужскаго пола людей.	Лошадей.	Воловъ рабочихъ.	Званіе земель. Селитбеной. Четверти.	Селитбеной. Четверики.	Пахотной. Четверти.	Пахотной. Четверики.	Сѣнокосу возовъ.	Деревъ бортнихъ. С пчелами.	Деревъ бортнихъ. Пороженихъ.	Денегъ чиншевыхъ. Рубли.	Денегъ чиншевыхъ. Копѣйки.
В мѣстечку Любечѣ .	176	195	203	513	193	25	41	$5\frac{2}{8}$	66	7	2816	—	—	232	$20\frac{2}{4}$
да Пустовской плацъ подъ онымъ земли .	—	—	—	—	—	—	1	$4\frac{4}{8}$	—	—	—	—	—	—	—
В селѣ Кротинѣ . . .	4	5	5	17	5	9	3	1	20	—	79	—	—	—	—
В деревнѣ Сенюкахъ	19	28	31	96	33	40	15	1	205	2	431	5	244	—	—
В деревнѣ Баханахъ	2	2	2	11	5	7	1	2	—	—	—	—	—	—	—
В деревнѣ Веселейках.	2	3	3	7	4	5	1	6	27	—	19	—	—	—	—
В деревнѣ Петрикахъ	2	2	2	7	3	4	1	3	13	3	—	—	—	—	—
В деревнѣ Мохначахъ	6	9	11	36	12	10	4	2	40	7	40	—	—	—	—
да впустѣ состоитъ плацовъ три, при оныхъ земли	—	—	—	—	—	—	1	3	17	—	10	—	—	—	—
В деревнѣ Манкахъ .	7	9	10	25	12	7	3	6	45	6	114	—	—	—	—
В деревнѣ	3	3	3	7	4	—	2	—	12	4	83	—		—	—
В деревнѣ Коробкахъ	4	4	4	11	5	4	1	4	27	5	70			—	—
В дерев. Голобурдахъ	3	4	4	20	9	4	2	1	30	1	46	—	14	—	—
В Голобурдахъ впустѣ состоитъ плацовъ еденъ, при коемъ землѣ	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—
В деревнѣ Пищикахъ плацовъ впустѣ состоитъ з принадлежностью два	—	—	—	—	—	—	—	6	9	—	30	—	11	—	—

В слободѣ Духовской	5	6	6	23	8	2	3	7	41	9	40	—	—	—	—
В хуторѣ Сидоровск.	2	3	5	14	8	—	1	4	22	4	30	—	—	3	34
В деревнѣ Семендѣяхъ	1	1	1	2	2	1	1	—	7	1	23	—	2	—	—
В деревнѣ Новоселк.	9	12	15	42	15	4	3	4	8	7	234	3	58	—	—
да плацовъ впустѣ состоящихъ два, при оныхъ земли	—	—	—	—	—	—	—	4	1	4	40	—	—	—	—
В деревнѣ Лопатняхъ	15	28	28	76	21	37	5	1	40	—	284	14	323	—	—
В слободѣ Радулѣ .	9	12	13	37	13	—	1	4/8	2	—	131	—	—	14	70
В селѣ Редковкѣ . .	33	36	42	132	70	9	11	6 4/8	24	1	293	—	—	31	—
В Руднѣ Лѣсковской	15	18	23	62	21	—	3	7	1	3	20	—	—	3	—
В Папернѣ	2	2	2	5	3	—	—	2 4/8	—	—	—	—	—	—	—
В деревнѣ Кукарахъ	1	1	1	1	—	—	—	2	—	—	10	1	9	1	—
При дворѣ Криничанскомъ	—	—	2	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
В Мисахъ	5	5	7	22	7	10	2	—	10	2	202	—	—	2	—
В слободѣ Станецкой	6	6	6	25	8	7	2	2	10	4	180	—	—	—	—
В деревнѣ Галковѣ .	3	3	3	17	9	4	3	1	35	3	50	—	—	—	—
В селѣ Злѣевѣ. . . .	4	5	4	18	7	13	2	5	28	5	11	—	—	—	—
В деревнѣ Убѣжичахъ	1	2	3	8	4	4	2	—	19	5	5	—	—	—	—
В деревнѣ Високинѣ	2	5	6	14	9	8	—	7	53	7	8	—	—	—	—
В деревнѣ Гѣткахъ .	5	6	7	26	14	9	4	2	56	5	48	—	—	—	—
В деревнѣ Веребьевѣ.	10	16	16	54	29	31	6	—	110	6	104	—	—	—	—
В слободѣ Сваричовкѣ	8	9	11	31	18	4	4	5	10	6	164	—	—	15	—
При гутѣ Криничинской	1	4	4	14	2	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—
При руднѣ Разсудовской	7	10	11	28	6	—	1	4	—	—	—	—	—	—	—
При сей же Руднѣ состоитъ в откупщика Писковатого поле . .	—	—	—	—	—	—	—	—	8	—	—	—	—	—	—
Итого в волостя Любецкой	372	454	494	1404	560	258	143	4	1013	4	5615	23	650	302	24 2/4

В мѣстечку Любечѣ дворъ со всѣмъ строеніемъ.	Земли посѣвомъ. Чет-верти	Четве-рики.	Сѣнокосу возовъ.
Къ оному принадлежитъ пахатнаго поля в первую смѣну нивъ шесть на пятдесятъ тры четверты и два четверика	53	2	—
В другую смѣну нивъ пять посѣвомъ на пятдесятъ девять четвертей и два четверика . .	59	2	—
В третую смѣну двенадцать нивъ на семдесятъ пять четвертей и четыры четверика	75	4	—
Итого въ трехъ смѣнахъ . .	188	—	—

	Сѣнокосу возовъ.
Сѣнокосу в лузѣ Любецкомъ на пятьсотъ двадцать три возы	523
Отъ двора Криничанскаго отдѣленнаго,	
в лузѣ Редковскомъ:	
на посередку на восемдесятъ возовъ	80
на врочищи Побоища на двадцать возовъ	20
отъ мужиковъ деревни Разсудова сто возовъ	100
в Мисовскомъ лузѣ:	
отъ двора Криничанскаго на врочищѣ Мехидовщинѣ на пятьдесятъ возъ	50
в лузѣ Бѣлыхъ Береговъ на врочищѣ Красновщинѣ на пятьдесятъ возъ	50
отъ Новой Руднѣ под Кукарами на сорокъ возъ	40
Итого	863

1. Рудня Разсудовская, при ней мелница една о двохъ мучныхъ колахъ.
2. Рудня Лѣсковская, при коей мелницъ двѣ о трехъ колахъ мучныхъ.
3. Рудня в селѣ Редковкѣ, при ней мелница об одномъ колѣ мучномъ. другая мелница више той подля Сваричовки об одномъ колѣ.

4. Папѣрня и при ней мелница ободномъ колѣ.
5. Гута Криничанская.
6. При Любечы мелница одна вешнякъ на Болгачѣ об одномъ колѣ, да греблище при футорѣ Сидоровскомъ.

В городѣ Черниговѣ всѣ принадлежащіе в часть покойнаго Семена Яковлевича Полуботка плацы селитьбенные; дворъ Криничанскій по праву сторону рѣчки Криничной з винокурнею и солодовнею, а имѣючиесь тамо покои на Криничанкѣ рѣчкѣ перенести в дворъ Довжицкій.

При семъ двору мелница о двохъ колахъ.

Итого мелницъ 8, а колъ 11, да греблище одно.

Футоръ Сидоровскій, при коемъ винокурня.

Шинковъ въ Любечы пять, да шестой пустой, сые шинки экстрантомъ между хатами протчихъ людей состоятъ.

В приселкахъ волости Любецкой продается горѣлка въ подданическихъ хатахъ.

Пущы.

Отрубного острова Разсудовскаго в ограниченіи нижеписанномъ:

1, З Любеча дорогою, идучѣ на старой млинъ, начавъ от глубокого рову по праву сторону.
2, от стараго млина по рѣчкѣ Ворзнѣ до руднѣ Разсудовской.
3, По лѣву сторону рѣчки Ворзны за дворомъ, гдѣ откупщикъ руднѣ Разсудовской живетъ, минуя поле пахатное, на дорогу, которая идетъ з руднѣ Разсудовской на Озерскую гуту и на Посудевского рудню.
4, От на Озерскѣ дороги до пущы Посудевскаго и Лизогубовой по границу.
5, Направо повернуть границею до Нововертецкой руднѣ к городамъ по болшую сосну, которая на границѣ состоитъ.
6, От оной сосны направо повернуть поузъ городи руднѣ Нововертецкой, а по праву сторону поуз поле Губецкихъ мужиковъ рубаковъ по дорогу, которая идетъ з Разсудовской рудни на Нововертецкую рудню и чрезъ оную дорогу минуючѣ Нововертецкую рудню до рѣчки Вертечи, она же и Макаровъ бродъ.
7, Направо повернуть поузъ оную рѣчку Вертечъ до границы, гдѣ Сябрина пуща, принадлежащая къ Губичамъ и Козламъ, мужикамъ и козакамъ.
8, От оной рѣчки на право повернуть границею къ Папѣрнѣ до рѣчки Ворзны в урочищѣ Римаркѣ.

9, Противъ оной Римарки по праву сторону рѣчки чрезъ Гунковку до плотины Радковской.

10, Внизъ плотины чорный лѣсъ и сѣнокосы по праву сторону к Редковкѣ, а по лѣву сторону чорный-же лѣсъ и сѣнокосы Козловскихъ жителей до рѣки Днѣпра.

11, Рѣкою Днѣпромъ в гору до деревнѣ Мисовъ.

12, От деревнѣ Мисовъ направо повернуть з правой Гаткѣ до болота Мостища.

13, Чрезъ болото Мостище на право повернуть Любошинымъ лѣсомъ мимо врочище Конопляной кружокъ до стариннаго копца, который при дорогѣ идучой з Гунковки чрезъ глубокой ровъ на Любечъ.

14, От копца налѣво повернуть оною дорогою до глубокого рова, по праву сторону отрубная Разсудовская, а по лѣву сябриная, называемая Красновщина.

15, Чрезъ дорогу, которая идетъ з Разсудовской Руднѣ до Любеча глубокимъ ровомъ, по дорогу, которая идетъ з Любеча на Старый Млинъ, откудова и сіе ограниченіе началось.

Пры оной пущы острововъ:

Пры Любечы:

1, Островъ сосновій мало к строенію, больше-жъ дровяной вдлину на 2 а вширь на полверсты, отрубной, Татаровщина.

2, Сябриной сосновой и дубовой бортній к строенію мало, больше-же дровяной, вдлину а вширь на 25 верстъ.

3, Отрубной чорній лѣсъ дровяной близь Голобурдъ и Довгуновъ, в длину и вширь на двѣ версты, Черничи.

4, При деревнѣ Мохначахъ отрубной черный лѣсъ називаемой Прибгаловщина, подлѣ урочища Гастянина, в окружности на тры версты.

Озеръ отрубныхъ при Любечѣ два, да сябринныхъ шесть.

При деревнѣ Лопатняхъ сябринныхъ озеръ восѣмъ, да отрубное одно, озеро Репище отъ Днѣпра.

При слободѣ Радулѣ едно озеро, сябринныхъ 3.

При деревнѣ Новоселкахъ озеръ два отрубнихъ.

Бунчуковый Товарищъ Михайло Стороженко.

1772 году Мая 11 числа вышеписанную въ семъ дѣлчомъ реестрѣ волость Любецкую со всѣми показанными до ней подданическими дворами, пахатными землями, сѣнокосами и лѣсами и со всѣми написан-

ными въгодиями приняла и во удоволствіи подписалась Полковника Черниговскаго Петра Милорадовича жена Софія Полуботкова Милорадовичева.

Ксему раздѣлочному реестру по персоналному прошенію господина Полковника Черниговскаго Петра Милорадовича жены Софіи Полуботковой Милорадовичевой во свидѣтельство при печати подписался Бунчуковый Товарищъ Степанъ Левицкій. (М. П.)

Къ сему раздѣлочному реестру по персоналному прошенію господина Полковника Черниговскаго Петра Милорадовича жены Софіи Семеновны Полуботковой Милорадовичевой во свидѣтельство при печати подписался Писарь Полковой Черниговскій Яковъ Рашевскій. (М. П.).

Ксему раздѣлочному реестру по персоналному прошенію жены Полковниковой Черниговской Софіи Семеновны Полуботковой Милорадовичевой во свидѣтельство подписался при печати Полковый Черниговскій Хоружій Василій Петрашевичъ. (М. П.).

1772 года Мая 14 дня. Сей дѣлчой реестръ при доношеніи госпожи полковниковой Софіи Полуботковой Милорадовичевой и госпожи Ѳеодосіи Полуботковой Стороженковой для правной конфирмаціи в Судъ Земскій повѣта Чернѣговскаго персонално представленъ былъ, которой в книгу земскихъ крѣпостей подъ № 26 вписанъ и обратно к спокойному владѣнію описанными въ немъ имѣніями объявленно госпожѣ полковниковой Милорадовичевой, яко въ часть ея служащій, з сею помѣтою за подписомъ и при печати вибраннихъ по сему дѣлу возвращенъ с урядовою выписью.

Выбранный за судомъ Коммисаръ Чернѣговскій Бунчуковій Товарищъ Василь Комаровскій. (М. П.).

Выбранный на мѣстѣ Подсудокъ Земскій Судія Полковый Чернѣговскій Яковъ Бакуринскій. (М. П.).

Коморникъ Иванъ Булавкинъ.

LXI.

1775 г. марта 28 д. ПисьмоПавла Конисскаго къ Іосифу Өедоровичу Лисенку съ извѣстіемъ объ истязаніяхъ, которымъ подвергаетъ сестру Лисенка Катерину Өедоровну Стороженкову мужъ ея Даніилъ Григорьевичъ.

Високомилостивый Государь мой

Іосифъ Өедоровичъ!

На полученное мною отъ васъ, високомилостивый государь мой, писмо въ отвѣтъ с моимъ вѣрнымъ усердіемъ и почтеніемъ служу: какъ у насъ отъ людей простихъ Лисогоровскихъ слишно, то такъ подлѣнно, что Катерипа Өедоровна якоби з самого пріезду своего содержится в заключеніи, такъ что нихто ея не видитъ. Первѣе якоби била в спалнѣ заперта и окована, окошко забито било, такъ что и малѣйшей свѣтлости ей не било, а после якоби била в погребѣ, отколь якоби почти совсѣмъ мертвую винесено, и паки в тую жъ темницу положено дней тому назадъ с пять и якоби уже в оной темницѣ окошко отперто и, какъ сказуютъ, будто уже одного и ока в еи нѣтъ, оглухла и умомъ помешалась. Хотя же кто к нему и пріедетъ нарочито, чтобъ можно било Катерину Өедоровну повидать, никто не моглъ видѣть: иногда скажутъ, что и его в домѣ нѣтъ и не допустятъ в изби. Я просилъ пана сотника Красноколядинского Минѣцкого, чтобъ ѣдучи въ Иваницу нарочито побивалъ и покуріозовалъ, однако его не допущено, а объявлено, будто онъ отъехалъ въ Иваницу, а Катерина Өедоровна въ Иржавецъ. После с панею сотниковою жена моя нарочито туда ездила, тотъ же отвѣтъ получила и вовсе подлѣнно, что с нею нынѣ дѣется, знать не можно. Однакъ подлѣнно то, что она и нынѣ въ заключеніи и сказуютъ, будто крайне больна. Я сіе по усердію моему объявляю и прежде сискивалъ способу какъ бы объявить, толко подлѣнно ни в кого узнать было не можно, что с нею дѣется. Однакъ нижайше Васъ, високомилостивый государь мой, прошу сіе при себѣ содержать, ибо яко сосѣдъ мой Данило можетъ великія мнѣ бѣды дѣлать и пакости. Иначе не можно еи свободить, какъ виемкою. Въ главной команди она можетъ все о себѣ показать. И затѣмъ предая себе Вашего Високоблагородія милости съ моимъ доброусердіемъ и преданностью ко услугамъ остаюсь таковъ.

Високоблагородія Вашего високомилостиваго государя моего всегдашній вѣрный слуга Павелъ Конѣскій.

1775 г. марта 28 д. Кропивная. Покорно прошу письмо спалить.

(Съ подлинника).

LXII.

1775 г. апрѣля 3. Жалоба въ Малороссійскую коллегію вдовы генеральнаго судьи Ефросиніи Лисенковой на зятя Даніила Григорьевича Стороженка за истязанія дочери ея.

Подано апрѣля 3 дня 1775 года.

Въ Малороссійскую Коллегію

покорнѣйшее доношеніе.

Дочь моя Катерына болѣе десяти лѣтъ уже, какъ вышла въ замужье за бунчукового товарища Данила Стороженка, и по распутнимъ его поступкамъ безвинно пришла в ненависть его, исъ начала съ нымъ ея жизны претерпѣвала ежечасто бои и разныя несносныя мученія. Однако не хотя дѣтей своихъ прижитихъ съ нимъ оставить, принужденна была терпѣть всѣ надъ нею мученія, отъ которыхъ и въ здоровьи своемъ повреждена. А потомъ оной ея мужъ умножая болѣе къ ней свою ненависть отослалъ насилно ея от себя въ домъ мой. Но какъ онъ, Стороженко, спустя болѣе года писалъ къ ней ласкательствуя и обнадеживая въпредъ не дѣлать ей никакихъ притѣсненій, то она, будучи зъ стороны его тѣмъ обласкана, приѣхала къ нему въ его деревню Лисагоръ, состоящую полку Прилукского сотнѣ Иваницкой. Нынѣ же комисаръ Иваницкого повѣта Павелъ Конѣскій пущеннымъ прошедшаго марта отъ 28 числа писмомъ увѣдомляетъ сына моего Осипа Лисенка, что оной Стороженко съ приѣзду к нему моей дочери заключилъ ее утѣсняя всякой день различными мученіями, потомъ запиралъ ее въ оковахъ въ погребъ, съ которого отъ великаго мученія полумертвую ее вынесли и паки въ тюрмѣ положили, а дней тому с пятъ какъ де уже слишно, что, будучи она тиранско смученною, лишена глаза, оглухла и въ умѣ помѣшалась. Хотяжъ к нему многіе приѣздили навѣстить ее, но онъ, Стороженко, къ ней никого не допущаетъ. Почему уже болше ожидать нѣчего, какъ толко мучителной ея кончины. И какъ сіи его Стороженка поступки не толко совершенную къ моей дочери откриваютъ ненависть, но столь тиранское его мучителство и отчаянныя предпріятія, которыми онъ, изискивая разнообразныя способы, силится тяжчайшими и мучителнѣйшими угнѣтеніями ее умертвить, доказиваютъ, что въ человѣкѣ полной разумъ имѣющемъ таковыхъ поступокъ быть не можетъ.

Для того прибѣгая къ милостивому Малороссійской Коллегіи правосудію всепокорнѣйше прошу, уваживъ вышеписанное тиранское помянутого Стороженка надъ моею дочерью мучителство, дабы она не могла допущена быть до такова мучителского умерщвленія, послать нарочную команду и силою оной отъ него Стороженка освободить ее въ домъ мой. Въ доказателство жъ подношу съ симъ Малороссійской Коллегіи вышеупомянутое писмо въ оригиналѣ.

Къ сему доношенію во мѣсто матки моей удови судіиной генералной Ефросиніи Лисенковой по ея велѣнию сынъ ея бунчуковій товаришъ Осипъ Лисенко подписался.

(Съ подлинника).

LXIII.

1775 г. апрѣля 5-го. Постановленіе Малороссійской Коллегіи объ отобраніи отъ Даніила Стороженка жены его, урожденной Лисенковой.

1775 году априля 5 дня по указу Ея Императорскаго Величества малороссійская колегія, слушавъ доношеніе удовствующей судіиной генералной Евфросиніи Лисенковой, коимъ представляетъ, что бунчуковій товаришъ Данило Стороженко, имѣвшій в супружествѣ дочь ея Катерину, какъ прежде причинялъ оной своей женѣ бои и разніе несносние мученія, такъ и нынѣ, заключивъ в домѣ своемъ полку Прилуцкого сотнѣ Иваницкой въ деревнѣ Лисогорѣ въ оковы в турмѣ, утѣсняя всякой день разними мученіями и тиранствѣ, лишилъ глаза, отчего де оглухла и въ умѣ помѣшалась, а упователно де до нынѣ и жизни лишалась і какъ де сіи его, Стороженка, поступки не толко совершенную къ дочерѣ ея откриваютъ ненависть, но и доказываютъ въ немъ Стороженку не полной разумъ, то и проситъ оная судіина генеральная Лисенкова о томъ въ коллегіи разсмотрѣнія, прилагая съ увѣдомленіемъ объ ономъ комиссара Конисскаго писмо. Приказали: какъ ис того отъ комиссара Иванѣцкого Конисскаго писма писанного к сыну просителки

бунчуковому товаришу Осипу Лисенку значится, что Стороженко подлѣнно содержитъ жену свою в утѣсненіи, прилучая бой по вишеписанному, то послать къ предводителю полковнику Прилуцкому и кавалеру Якубовичу и к комиссару Конѣсскому указы, чтобы они съ полученія тѣхъ указовъ ни мало не медля отправились въ деревню оного Стороженка Лисагоръ, въ домъ его, и увидя оного персонално, его Стороженка жену, буди она подлѣнно отъ мученія претерпѣваетъ тиранства и утѣсненія, будучи заключена, то впредь охраненія, чтобы онъ не могъ ей чрезъ мученіе приключить смерти, увѣщевать его, чтобъ онъ отпустилъ ее въ домъ матере ее при ихъ же самихъ по требованію матере ее, а въ случаѣ не отпуску и при ихъ самоличной битности освободить ее из заключенія силою уряда, и не освободя ее не виизжать, а затѣмъ отправилибъ в домъ матере ее, потомъ въ коллегію прислали бъ репортъ. На подлѣнномъ подписъ таковъ: Семенъ Кочубей, Семіонъ Неплюевъ, Димитрій Наталѣнъ.

В должности секретаря подсудокъ Михайло Луста.

Съ подлиннимъ считалъ регистраторъ Степанъ Полошковичъ.

Отдано въ повѣтье априля 25 дня.

(Съ копіи).

LXIV.

1775 г. апрѣля 20-го. Рапортъ Прилуцкаго полковника Якубовича и комиссара Конисскаго въ Малороссійскую Коллегію объ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія.

Поданъ априля 20 дня 1775 года.

Въ Малороссійскую Коллегію

РАПОРТЪ.

Ея Императорскаго Величества по присланному отъ Малороссійской Коллегіи подъ номеромъ 2289 указу по жалобѣ удовствующей судіиной генералной госпоже Ефросиніи Лисенковой к освобожденію дочери ея жени бунчукового товариша Данила Стороженка Катерины Федоровны Стороженковой из дому прописанного мужа ея по причине в той жалобе виражениыхъ обстоятелствъ и объ отправленіи в домъ оной просителки матери ея, я з господиномъ войсковимъ товарищемъ и комисаромъ Конисскимъ сего году апреля 7 числа самоперсонално в домѣ онаго Стороженка обреталися и ко благопосредственности восписанного дела болѣе увѣщаниями нежели строгостию моего уряду и господъ маіора Милорадовича и ротмистра Скоропадскаго приглашали, с коими за силу онаго Малороссійской Коллегіи указа отъ помянутого бунчуковаго товариша Данила Стороженка жену его Катерину Федоровну истребуя, в домъ к оной матери ея к отъправленію господину бунчуковому товаришу Осипу Лисенку, брату ея, действително препоручили. О томъ и Малороссійской Коллегіи рапортуемъ.

Полковникъ і кавалеръ Якубовичъ. Округа Иваницкого коммисаръ Павелъ Конисскій.

(Съ подлинника).

LXV.

1784 г. іюня 10-го. Доказательства дворянскаго происхожденія, представленныя Стороженками въ Черниговскую Коммисію о разборѣ правъ на дворянство.

Черниговскаго Намѣстничества въ коммисію, учрежденную о разборѣ дворянства,

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

1-е.

Родоначальникъ нашъ прапрадѣдъ Иванъ Стороженко въ прошедшемъ столѣтіи зъ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ служилъ Всероссійскому Императорскому Престолу прежде сотникомъ Иченскимъ, а потомъ полковникомъ Прилуцкимъ, о чемъ свидѣтельствуетъ тогда бывшаго гетмана Мазепы универсалъ, прилагаемый въ копіи справочной подъ литерою *А.*

2-е.

По немъ полковнику Стороженку прадѣдъ Андрей и дѣды наши Григорій и Иванъ Стороженки служили въ чинахъ сотничьихъ, и съ ныхъ Григорій послѣ и бунчуковымъ товарищемъ, въ доказательство чего прилагаемъ универсаловъ двоихъ гетмана Скоропадскаго подъ литерами *Б. В.* и абшита, даннаго Григорію Стороженку на чинъ бунчуковаго товарища подъ литерою *Г.*, справочныя копіи.

3-е.

Что всѣ помянутые предки наши за службы свои награждены деревнями и владѣніе оными какъ предковъ нашихъ, такъ и наше простирается до ста лѣтъ, доказательствомъ тому суть вышеупомянутые универсалы и указа Правительствующаго Сената подъ литерою *Д.* справочная копія прилагаемая.

4-е.

Что отцы наши Михайло Ивановъ сынъ бунчуковымъ товарищемъ, а Андрей Григоріевъ сынъ сотникомъ Иченскимъ Стороженки служили, на чины ихъ данные универсалы подъ литерами *Е. Ж.* въ засвидѣтельствованіе прилагаются.

5-е.

Съ насъ Михайло Стороженко продолжалъ службу съ 1757 года въ званіи войсковыхъ канцеляристовъ, въ чинахъ войсковыхъ и бунчуковыхъ товарищей, а нынѣ продолжаю въ чинѣ надворнаго совѣтника въ должности совѣстнаго судьи, на которые чины съ универсала, патента и указа Правительствующаго Сената, такожъ предложенія Его Сіятельства Графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, данного Черниговскому Намѣстническому правленію, при семъ подъ литерою *З.* справочныя копіи сообщаются.

6-е.

Съ насъ Григорій Стороженко, начавъ съ 1760 года продолжалъ службу первѣе войсковымъ канцеляристомъ пять лѣтъ, а послѣ войсковымъ товарищемъ пять лѣтъ, а потомъ сотникомъ Иваницкимъ одинадцать лѣтъ, а въ нынѣшнемъ чину бунчуковаго товарища съ 1781-го года августа 30 дня служу, и что служилъ въ походахъ и былъ въ сраженіяхъ, о семъ какъ на чины съ патентовъ троихъ, такъ о бытіи въ походахъ съ аттестатовъ двоихъ и удостоенія, послѣдовавшаго къ награжденію за службы деревнями отъ Его Сіятельства графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго въ Правительствующій Сенатъ, справочныя копіи подъ литерою *И.* представляются.

7-е.

Какъ рода нашего нѣкоторые находятся несовершеннолѣтные, а именно: дяди нашего умершаго бунчуковаго товарища Данила Стороженка сыны, находящіеся въ кадетскомъ сухопутномъ корпусѣ кадетомъ Павелъ лѣтъ 17-ти, а Петръ въ штабѣ Его Сіятельства графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго лѣтъ 14-ти регистраторомъ, да умершаго брата нашего войсковаго товарища Александра Стороженка сынъ Яковъ лѣтъ 17-ти въ службѣ регулярной сержантомъ, коимъ сіижъ доказательства служатъ на дворянство, то о помѣщеніи оныхъ въ родословную книгу комиссію о разборѣ дворянства симъ покорно просимъ. 1784 году іюня 10 дня.

На подлинномъ тако:

Губерніи Черниговской Судья Совѣстнаго Суда Надворный Совѣтникъ Михайло Стороженко, бунчуковый товарищъ Григорій Стороженко.

Копія съ копіи.

А.

Пресвѣтлѣйшихъ и Державнѣйшихъ Великихъ Государей Ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества войска Запорожскаго гетманъ Іоанъ Мазепа. Ихъ же Царскаго Пресвѣтлаго Величества войска Запорожскаго всей старшинѣ и чернѣ и каждому, кому о томъ вѣдати надлежитъ, ознаймуемъ, ижъ просилъ насъ панъ Иванъ Стороженко, полковникъ Прилуцкій, абысмо заховали при немъ сельце, прозываемое Ржавецъ, для помощи его хуторцевѣ, близко того сельца Ржавца будучому, да тутъ же заносилъ къ намъ свое прошеніе и о семъ, абысьмо въ его пана полковника млинѣ власномъ, подъ мѣстечкомъ Иваницею на греблѣ мѣской стоячомъ, отъ одного кола мучнаго, а другаго ступнаго Дацихи мельнички, обывательки Иваницкой, часть на войско належную позволили ему отбирати. А такъ по милости Божой и по монаршому Ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества Указу маючи Мы гетманъ власть всякіе Малороссіи правовати дѣла, яко тое сельце Ржавецъ надаемъ ему, пану полковниковѣ Прилуцкому, такъ и в млинѣ, за гроши его власные купленномъ, отъ Дацишиного кола мучнаго и ступнаго часть на войско належную позволяемъ ему отбирать до ласки войсковой. А то респектуючи на его пана полковника Прилуцкаго значныя въ войску Запорожскомъ и зичливыя услуги, которыя онъ издавна ронилъ и впередъ охочь ронити на службѣ Монаршой маетъ. Въ чомъ всемъ, аби ему никто зъ старшины и чернѣ нечинилъ перешкоды, мѣти хочемъ и приказуемъ. А войтъ того селца Ржавца съ посполитыми тяглыми людьми, опрочь козаковъ, жеби ему належитое отдавали послушенство. Данъ въ Батуринѣ июня 26-го дня року отъ сотворенія свѣта З Р Ч И, а отъ Рождества Христова а. х. ч.

На копіи тако:

Звышменованный гетманъ рукою власною (м. п.). Съ подлиннымъ сводилъ атаманъ сотенный Семенъ Гудима.

На оной копіи помѣта такова:

№ 1769. 1784 года мая 23 дня сія копія съ подлиннымъ универсаломъ въ нижнемъ земскомъ Прилуцкомъ судѣ свидѣтельствована и что оная съ подлиннымъ универсаломъ въ точности сходственна, в томъ присутствующими съ приложеніемъ судовой печати подписана.

На помѣтѣ подписъ таковъ:

Земскій исправникъ Прилуцкій бунчуковый товарищъ Степанъ Лукомскій, дворянскій засѣдатель бунчуковый товарищъ Иванъ Троцкій, дворянскій засѣдатель войсковой товарищъ Павелъ Тишкевичъ (М. П.).

Копія съ копіи. Б.

Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго Великаго Государя Нашего Его Царскаго Величества войска Запорожскаго гетманъ Іоаннъ Скоропадскій. Всей старшинѣ и чернѣ войска Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества Запорожскаго полковой Прилуцкой и каждому, кому бы только теперь и въ потомный часъ вѣдати належало, симъ универсаломъ нашимъ ознаймуемъ: ижъ презентовалъ намъ антецессора нашего бывшаго гетмана универсалъ панъ Андрей Стороженко, сотникъ Иченскій, на села Ржавецъ, Томашовку, въ сотнѣжъ Иченской найдуючіеся, а Ступаковку въ сотнѣ Иваницкой, также и на млини: единъ на рѣчцѣ Смошѣ подъ Иваницею стоячій, другіе въ селѣ Ступаковцѣ будучіе и на часть въ млинахъ войсковую данный, нащо и нашого просилъ реноваціи и подтвержденія. Мы теди гетманъ, стосуючися антицессора нашего унѣверсалу, до того респектуючи на значные его пана сотника въ войску Запорожскому працы, заслуги и прислуги, въ якихъ всегда стале, статечне и непремѣнно управляется, яко всѣ тіе выше испѣцѣфѣкованные села ему пану Стороженку въ подданскомъ абы были послушенствѣ стверждаемъ и часть войсковую въ млинахъ надаемъ, такъ пилно мѣти хочемъ и приказуемъ, абы нихто зъ старшины полковой Прилуцкой, особливе сотникъ Иваницкій, о таковой на то вѣдаючи воли, несмѣли и неважилися ему пану Стороженку въ отбиранья з людей посполитыхъ послушенства а зъ млиновъ части войсковой наименшой чинити перепоны и перешкоды до ласки нашой и войсковой. Войты засъ селъ выжей выписанныхъ зъ посполитыми людьми ему пану Стороженку должны во всемъ

подданское отдавати послушенство, варуемъ и грозно приказуемъ. Въ чемъ виразной волѣ нашей, аби задосить чинено было, повторе у подесяте жадаемъ, упоминаемъ, грозимъ и приказуемъ. Данъ въ Нѣжинѣ 5-го Февраля року 1709.

На копіи тако:

(М. П.). Звишъ именованный гетманъ рукою власною. Съ подлиннымъ сводилъ сотенный атаманъ Семенъ Гудимъ.

На оной копіи помѣта такова:

№ 1770-й. 1784 года Мая 23 дня сія копія съ подлиннымъ универсаломъ въ нижнемъ земскомъ Прилуцкомъ судѣ свидѣтельствованна и что оная съ подлиннымъ универсаломъ въ точности сходственна, втомъ присудствующими съ приложеніемъ судовой печати подписана.

Оную помѣту подписали:

Земскій Прилуцкій Исправникъ бунчуковый товарищъ Стефанъ Лукомскій, дворянскій засѣдатель бунчуковый товарищъ Иванъ Троцкій, дворянскій засѣдатель войсковой товарищъ Павелъ Тишкевичъ. (М. П.).

Копія съ копіи.

В.

Великаго Государя Нашего Его Царскаго Священнѣйшаго Величества войскъ Запорожскихъ обоихъ сторонъ Днепра Гетманъ Иванъ Скоропадскій. Ознаймуемъ симъ нашимъ универсаломъ всякому, кому о томъ вѣдати надлежатиметъ, ижъ удовствуючая панѣ Матрона Гнилозубовна Андреева Стороженковая чрезъ сынов своихъ пановъ Григорія Ичанскаго и Ивана Иваницкаго сотниковъ суплечне намъ свою предложила скаргу на пана Игната Кгалагана, полковника Прилуцкаго, что онъ за объявленіемъ себѣ двухъ универсаловъ нашихъ, едного покойному мужу своему пану Андрею Стороженку, сотниковѣ Ичанскому, а другаго по умертвіи мужа, ей въ конфирмацію на села Ржавецъ и Томашовку въ сотнѣ Ичанской и на Ступаковку въ сотнѣ Иваницкой наидуючіеся, и на грунта властные иншіе тамъ при маетностяхъ будучіе, иншіе зас на разныхъ мѣстахъ купленные зъ хатками, на нихъ поселенными, такожъ на млинъ подъ Иваницею на рѣчцѣ Смоши о трохъ колахъ съ прибудованными тамже вновь трома колами весняными стоячій, и на части войсковые зъ

млиновъ Ступаковскихъ зъ селомъ Ступаковкою вразъ наданные, не оттепер выбираючіеся, однасъ себѣ конфированныхъ, нечинячи выраженному въ нихъ указу нашему за досит уже чрезъ килько лѣтъ без даня причины зъ двохъ млинковъ Петра и Грицка Зоценковъ у Ступаковцѣ будучихъ части войсковые на себе отбиралъ и по сей часъ оныхъ отбирати насылно неперестаетъ. Въ чемъ просила нашой себѣ обороны и справедливости. Теди мы, респектуючи на ей паней Стороженковой удовство, барзей памятуючи покойного мужа ея значне от дѣда и отца при непоткновенной ко Царскому Пресвѣтлому Величеству всегда вѣрности въ войску Запорожскомъ роненные услуги, до якихъ и сыны его передсимъ въ значку полковомъ, а теперь на урядахъ сотничества во всемъ намъ безъ огурства свою являютъ склонность и послушенство, якъ всѣ пречечоные маетности, млины съ частьми войсковыми и грунта на разныхъ мѣстахъ куплею набытіе зъ хатами, на нихъ поселенными, симъ нашимъ зъ канцеляріи войсковой выданнымъ стверждаемъ универсаломъ, такъ онаго повагою варуючи, грозно приказуемъ, абы панъ полковникъ Прилуцкій, возвративши все от мала до велика зъ частей войсковихъ в млинахъ Петра и Грицка Зоценковъ Ступаковскихъ будучихъ забранное, большъ въ отбыранью тихъ частей и протчихъ тутъ выраженныхъ, также в спокойномъ помянутыхъ селъ и грунтовъ держанью неважился затѣвати кривдъ (якихъ Монаршей Царскаго Пресвѣтлаго Величества указъ чинити возбраняетъ) перешкоди и озлобленія и нѣвчомъ нѣякой до ей панеи Стороженковой, которой домъ въ особливую нашу взялисьмо протекцію, неимѣлъ претенсій под винами правными и жестокимъ за преслушаніе указу и противность власти наказаніемъ; тутже и тое докладаемъ, абы приреченние съ протчими Зоценки прежде сего еще за покойнаго пана Андрея Стороженка сотника Ичанскаго на купленныхъ мужицкихъ в Ступаковцѣ оселые и теперъ живучіе, якихъ въ козаки недавно вписано и отъ панеи Стороженковой отнято, грунтахъ любъ зъ оныхъ уступили и въпредъ таковыхъ скуповувати не важилилися, любъ ей панеи Стороженковой по прежнему отдавали послушенство, мѣти хочемъ и рейментарско повелѣваемъ. Данъ въ Глуховѣ ианиуарія 18 дня року 1719.

На копіи тако:

Вышеименованный гетманъ рукою власною. Съ подленнымъ свидѣтельствовалъ уѣзда Прилуцкаго депутатъ бунчуковый товарищъ Федоръ Раковичъ. (М. П.).

Копія съ копіи.

Г.

По указу Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны, Самодержицы Всероссійскія
и прочая и прочая и прочая.

Генеральной малороссійской старшинѣ, полковникамъ а особливо полковниковѣ Прилуцкому зъ старшиною полковою и сотниками того полку и кому о томъ вѣдать потребно чрезъ сіе объявляется: сего декабря 22-го сотникъ Ичанскій Андрей Стороженко въ генеральную войсковую канцелярію при доношеніи данной умершому отцу его Григорію Стороженку на бунчуковые товарищи и увольненіе отъ войсковыхъ и статскихъ службъ зъ генеральной войсковой канцеляріи прошлаго 1741 году сентября 23-го дня абшитъ представилъ, въ которомъ написано, что дѣдъ его Иванъ Стороженко служилъ Ея Императорскому Величеству сотникомъ Ичанскимъ и полковникомъ Прилуцкимъ чрезъ всю жизнь при непоколебимой вѣрности даже до глубокой старости, и отецъ матки его, на службы Ея Императорскаго Величества будучи, на бataлiи подъ Чигириномъ убитъ, и отчимъ ея жъ полковникъ Пашковскій убитъ же на баталіи въ Ругулевскомъ походѣ, такожъ и отецъ его самого килко десять лѣтъ служилъ сотникомъ Ичанскимъ, а при отцѣ съ молодыхъ лѣтъ своихъ и онъ сотникъ Ичанскій Стороженко по смерть отческую даже до 1715 году войсковую отправлялъ службу, по смерти жъ отца его того 1715 году пожалованъ сотникомъ Ичанскимъ, въ якомъ званіи чрезъ 26-ть лѣтъ безперемѣнно ежегодно службу Ея Императорскаго Величества въ далекихъ низовыхъ царицанскихъ и персидскихъ походахъ отправлялъ и по возвращеніи съ оного персидскаго походу съ под Дербента посиланъ былъ отъ всего Малороссійскаго корпуса зъ Сулаку блаженныя и вѣчнодостойныя памяти къ Его Императорскому Величеству Петру Великому, Самодержцу Всероссійскому, въ Астраханинъ, а изъ Астрахани отправленъ былъ по указу въ Москву въ Правительствующій Сенатъ и оттуду милостивѣйшую въ войсковую генеральную канцелярію привезлъ грамоту, такожъ и въ другихъ походахъ и разныхъ коммисіяхъ всегда повѣрно присяжный подданической должности, не щадя здоровья своего, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти свято усопшимъ предкамъ Ея Императорскаго Величества безъ всякаго на рангъ сотничества опредѣленія служилъ ревностно, а прошлаго 1727 году по избраніи покойнаго Гетмана и ка-

валера Апостола посиланъ онъ былъ отъ его Гетмана и всей Малороссіи съ прочими неоднократно къ Высочайшому двору блаженныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Второго, Самодержца Всероссійскаго, съ благодареніемъ и поздравленіемъ, гдѣ удостоился имѣть и публичную авдіенцію; за отсудствіемъ же реченнаго Гетмана Апостола въ Москву, онъ при правленіи генеральной войсковой канцеляріи и въ судахъ войсковыхъ генеральныхъ въ ассесорахъ найдовался и дѣла Ея Императорскаго Величества и челобитческіе отправлялъ добропорядочно даже до опредѣленія настоящей старшины генеральной, а въ 1729 году за возвращеніемъ гетманскимъ зъ Москвы посиланъ онъ былъ въ Москву паки къ двору Его Императорскаго Величества Государя Петра Второго и оттуду премоцнѣйшую Его Императорскаго Величества къ Гетману и Малои Россіи привезлъ грамоту, да и въ протчихъ безперестанныхъ такъ походахъ и коммисіяхъ по смерть его Гетмана, яко и по умертвіи его, за правленія гетманской должности покойнаго генерала и кавалера князя Шаховскаго по опредѣленіямъ его для расположенія порціоновъ и раціоновъ, рощету коммисаровъ и по другимъ дѣламъ въ разныхъ слѣдствіяхъ всегда трудился, а в домѣ и при командѣ мало когда и бывалъ; а потомъ по имянному Ея Императорскаго Величества указу въ учрежденную перевода и свода книгъ правныхъ коммисію опредѣленъ онъ, Стороженко, и въ 1735 году генваря первыхъ чиселъ отправленъ въ Москву, гдѣ при оной коммисіи чрезъ полтора года былъ, а между тѣмъ и на отпоръ во время нахожденій непріятельскихъ былъ онъ отправляемъ, и по разнымъ коммисіямъ въ полкахъ, подъ часъ акцій воинскихъ, въ розмежеванню земель между ландмилицкими полками и Орельскими городами чрезъ два мѣсяцѣ, за прибытіемъ же оттоль въ домъ свой тогожъ часу призванъ указомъ зъ войсковой генеральной канцеляріи въ Глуховъ къ прежней коммисіи перевода и свода книгъ правныхъ, и между тѣмъ посыланъ былъ въ полкъ Лубенскій для приводу на вѣрность Ея Императорскому Величеству къ присягѣ, что окончивъ, въ помянутой коммисіи переводу и своду книгъ правныхъ обрѣтался; о якихъ его такъ выраженныхъ и другихъ службахъ и сказка въ походную войсковую канцелярію въ походъ Хотѣнскій с него взятая явствуетъ, и за оные его службы неоднократно за покойнаго гетмана назначаемъ онъ былъ общесогласно въ кандидаты старшины генеральной въ прошлихъ 1737, 1739 и 1740 годѣхъ въ бун-

чучніе, судьи и подскарбные генеральные, и онъ сотникъ Ичанскій Григорій Стороженко, въ званіи сотничомъ чрезъ килка десять лѣтъ служачи безъ всякаго на рангъ сотничій опредѣленія весьма оскудѣвъ, обезсилѣвъ, въ томъ сотничомъ званіи служить болѣе не можетъ; и проситъ о принятіи его въ протекцію генеральной канцеляріи съ подвишеніемъ чести абшита, а на его мѣсто зъ синовъ его двохъ, служащихъ въ генеральной канцеляріи, едного сотникомъ Ичанскимъ опредѣлить; и по указу де Ея Императорскаго Величества генералъ аншефъ, кавалеръ, Кіевской губерніи генералъ губернаторъ Леонтіевъ съ присутствующими генеральной войсковой канцеляріи члены, имѣя власть по силѣ Высочайшихъ Имянныхъ Ея Императорскаго Величества указовъ всякіе принадлежащіе до уряду Гетманскаго дѣла управлять, велѣли его сотника Ичанскаго Григорія Стороженка, призырая на его обезсилѣлость и слабость, что онъ затѣмъ отправлять не можетъ, отъ того сотничества Ичанскаго чина подвишеніемъ бунчуковыхъ товарищей чина уволнить и дать ему за руками его генерала и присудствующихъ генеральной войсковой канцеляріи членовъ абшитъ, чрезъ которій предложено, дабы генеральная малороссійская старшина, полковники, полковая старшина и сотники, а паче полковникъ Прилуцкій зъ старшиною полковою и сотниками того полку, и протчіе такъ духовнаго, яко и мирскаго чина люде о томъ его бунчуковаго товарища Стороженка отъ всякихъ воинскихъ службъ увольненіи вѣдали и ни къ какимъ дѣламъ его неупотребляли, но имѣлъ онъ бунчуковый товарищъ Стороженко отъ всякихъ службъ свободенъ и судомъ вѣдомъ быть въ войсковой генеральной канцеляріи и въ генеральномъ судѣ, чего ради и нынѣ сей абшитъ зъ войсковой генеральной канцеляріи велѣли сину умершого бунчуковаго товарища Григорія Стороженка, данный отцу его на увольненіе отъ всякихъ воинскихъ службъ, за руками присудствующихъ генеральной войсковой канцеляріи членовъ и при печати войсковой дать, которой и данъ въ Глуховѣ 1749 году Декабря 31-го дня.

На копіи подписано тако:

Полковникъ Алексѣй Извольскій, генеральной подскарбій Михайло Скоропадскій, полковникъ Иванъ Челищевъ, генеральный асаулъ Петръ Валькевичъ (М. П.).

На оной копіи помѣта такова:

1784 году Мая 23-го дня сія копія съ подлиннымъ абшитомъ въ Нижнемъ Земскомъ Прилуцкомъ Судѣ свидѣтельствована, и что оная съ подлиннымъ абшитомъ въ точности сходственна, въ томъ присудствующими съ приложеніемъ судовой печати подписанна: Земскій Прилуцкій Исправникъ бунчуковый товарищъ Стефанъ Лукомскій, дворянскій засѣдатель бунчуковый товаришъ Иванъ Троцкій, дворянскій засѣдатель войсковый товарищъ Павелъ Тишкевичъ (М. П.).

Копія съ копіи. **Д.** Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской Правительствующаго Сената изъ канцеляріи малороссійскихъ дѣлъ въ Малую Россію въ генеральную войсковую канцелярію генералу лейтенанту и генералу криксъ комисару и кавалеру господину Бутурлину съ присутствующими генеральной войсковой канцеляріи члены. По Указу Ея Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ по доношенію генеральной войсковой канцеляріи минувшаго сентября отъ 28, и по присланной при томъ челобытной Прилуцкаго полку отставнаго Ичанскаго сотника Григорія Стороженка, приказалъ въ награжденіи ево Стороженка за службы деревнями отказать, понеже онъ за службы свои маетностями довольными награжденъ, которые и нынѣ за собою имѣетъ, а именно в том же полку село Ржавецъ, Томашевку и Ступаковку, въ которыхъ по ревизіи 1730-го года показано двѣстѣ шестьдесять четиры двора, о чемъ оной канцеляріи, не справясь, въ Сенатъ и представлять ненадлежало, и генералу лейтенанту и генералу криксъ комисару и кавалеру господину Бутурлину съ присудствующими члены учинить о томъ по сему Ея Императорскаго Величества указу. Декабря 26 дня 1741 году.

На копіи тако:

съ справочною копіею, имѣючоюсь въ книги при коллегіи малороссійской, чыталъ въ должности регистратора Яковъ Бакуринскій.

На ономъ указѣ помѣта такова:

№ 1771. 1784 г. Маія 23 дня сія копія съ подленнымъ указомъ въ Нижнемъ Земскомъ Прилуцкомъ Судѣ свидѣтельствована,

и что оная съ подленнымъ указомъ въ точности сходственна, въ томъ присудствующими съ приложеніемъ судовой печати подписана. Оную помѣту подписали: Земскій Прилуцкій Исправникъ бунчуковый товарищъ Стефанъ Лукомскій, дворянскій засѣдатель бунчуковый товарищъ Иванъ Троцкій, войсковой товарищъ дворянскій засѣдатель Павелъ Тишкевичъ (М. П.).

Копія съ копіи.

Е.

По указу Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской

и прочая и прочая и прочая.

Енеральной малороссійской старшинѣ, полковникамъ, а особливо полковниковѣ Прилуцкому зъ старшиною полковою, и сотникамъ и кому о томъ вѣдать надлежатиметь чрезъ сіе обявляется, ижъ сего февраля 12 дня Михаилъ Стороженко въ поданномъ своемъ намъ генералу и кавалеру доношеніи написалъ: по измершихъ де во всякой непоколебимой ко Всероссійскому Ея Императорскаго Величества престолу вѣрности прадѣду въ ранге полковничьемъ, дѣду и отцу въ рангахъ сотничьихъ Стороженкахъ оставшійся онъ къ службѣ Ея Императорскаго Величества доселѣ не опредѣленъ, къ которой онъ, Михаилъ Стороженко, ревностнѣйшее усердіе имѣетъ; просилъ респектомъ предписанныхъ его предковъ безпорочныхъ службъ о принятіи его подъ главный знакъ бунчукъ определенія. Мы прето генералъ и кавалеръ, имѣючи власть по силѣ Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества имянныхъ указовъ всякіе дѣла, которие до уряду гетманскаго и войсковой службы принадлежатъ, управлять обще съ присутствующими войсковой енеральной канцеляріи членами, яко велѣли его Михаила Стороженка респектомъ долговѣрныхъ прадѣда, дѣда и отца его службъ, а паче и в немъ усматривая къ службѣ Ея Императорскаго Величества охоту и згодность, принять под гетманскій главный знакъ бунчукъ для отправленія подъ онымъ съ прочими бунчуковыми товарищи Ея Императорскому Величеству службъ, такъ и приведъ его въ томъ званіи на вѣрность Ея Императорскому Величеству, дати ему за рукою нашею и присудствующихъ войсковой енеральной канцеляріи членовъ сей унѣверсалъ, чрезъ которой предлагается, дабы полковникъ Прилуцкій зъ старшиною полковою и сотниками, вѣдая о таковомъ опредѣленіи его бунчуковаго товарища Михаила Стороженка, ни къ какимъ

полковымъ дѣламъ и суду непривлекали, но естлибъ кто до него имѣлъ какую правную претенсію, тотъ бы искалъ на него суда и сатисфакцій въ войсковой енеральной канцеляріи и въ судѣ енеральномъ, гдѣ онъ по указу имѣетъ быть отселѣ вѣдомъ. Данъ въ Домонтовѣ Февраля 14 дня 1739 г.

На копіи тако:

Генералъ аншефъ и кавалеръ Александръ Румянцовъ, полковникъ Иванъ Сенявинъ, генеральный подскарбый Андрей Марковичъ, судія войсковой генеральной Михайло Забѣла. Съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ уѣзда Прилуцкаго депутатъ Федоръ Раковичъ (М. П.).

Копія съ копіи.

Ж.

По указу Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны, Самодержицы Всероссійской

и прочая и прочая и прочая.

Генеральной Малороссійской старшинѣ, полковникамъ и особливо полковнику Прилуцкому з старшиною полковою и сотниками того полку, и кому о томъ потребно вѣдати объявляется: сего декабря 22-го дня 1749 года сотникъ Ичанскій Андрей Стороженко въ генеральную войсковую канцелярію при доношеніи данный ему з войсковой генеральной канцеляріи 1741-го году сентября 23 на чинъ сотничества Ичанскаго унѣверсалъ представилъ, въ которомъ написано: въ поданной де челобитной сотникъ Ичанскій Григорій Стороженко выразилъ, яко дѣдъ его Иванъ Стороженко служилъ Ея Императорскому Величеству сотникомъ Ичанскимъ, полковникомъ Прилуцкимъ при непоколебимой чрезъ всю жизнь свою вѣрности даже до глубокой старости, и отецъ матки его, на службѣ Ея Императорскаго Величества будучи, на баталіи подъ Чигириномъ убитъ и отчимъ его жъ матки полковникъ Пашковскій убитъ же на баталіи въ Ругулевскомъ походѣ, также и отецъ его самого килко десять лѣтъ служили сотникомъ Ичанскимъ, по смертижъ отца и онъ сотникъ Григорій Стороженко чрезъ двадцать шесть лѣтъ безъ перемѣны ежегодно службу Ея Императорскаго Величества в Низовихъ Царичинскихъ и Персидскихъ походахъ отправлялъ и в разныхъ исправленіяхъ и коммисіяхъ и посылкахъ находился, а в домѣ и при командѣ мало когда бывалъ, яко де и нынѣ въ учрежденной по имянному Ея Императорскаго Величества

указу перевода и свода книгъ правныхъ коммисіи обрѣтается, болѣе жъ онъ сотникъ Ичанскій Григорій Стороженко в томъ сотничомъ званіи служить за слабостію здоровя своего неможетъ, имѣется жъ в него въ войсковой генеральной канцеляріи два сины Андрей и Петро Стороженки, войсковые канцеляристы, которые канцелярскую службу отъправляють, и просилъ объ увольненіи отъ всякихъ службъ и о принятіи въ протекцію в войсковую генеральную канцелярію, а на его мѣсто об определѣніи сына его старшаго Андрея Стороженка сотникомъ Ичанскимъ въ войсковой генеральной канцеляріи опредѣленія, а при томъ и сотенная Ичанская старшина, атаманы с товариществомъ и войты с посполъствомъ присланнымъ подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества челобиттемъ представили, яко за всегдашнимъ отлученіемъ в разніе по указамъ коммисіи показаннаго сотника Ичанскаго Григорія Стороженка сотня Ичанская в небытность его, яко настоящаго сотеннаго комендира приходитъ въ непорядки и обиду, и просили изъ имѣючихся его сотника Стороженка при енеральной канцеляріи двохъ сыновъ Андрея и Петра Стороженковъ, войсковыхъ канцеляристъ, яко къ оному сотничеству здостойныхъ едного по усмотрѣнію генеральной канцеляріи въ сотники Ичанскіе опредѣлили, дабы оная старшина сотенная не пришла въ крайнюю обиду и вѣдалибъ кому при сотнѣ отдавать должное послушаніе, а понеже и указомъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Ея Императорскаго Величества Великой Государыни Анны Иоановны Самодержицы Всероссійской въ Правительствующемъ Сенатѣ 1734 году состоявшомся повелѣно войсковыхъ канцеляристъ достойныхъ за службу въ полковую старшину и сотники опредѣлять, того ради по указу Ея Императорскаго Величества и по опредѣленію господина генерала аншефа Кіевской губерніи генералъ губернатора и кавалера Леонтіева съ присутствующими войсковой генеральной канцеляріи члены велѣнно помянутого сотника Ичанскаго Григорія Стороженка респектомъ его слабости и старости увольнить, а на его мѣсто за вишпоказанные дѣда, отца и его самого службы определить сына его старшого войсковаго канцеляриста Андрея Стороженка полку Прилуцкаго въ сотню Ичанскую сотникомъ и в томъ званіи привесть его на вѣрность Ея Императорскому Величеству и къ присягѣ (которую онъ здѣсь и учинилъ), дать ему на тотъ сотничества Ичанскаго чинъ унѣверсалъ, чрез которой предложено, дабы генеральная малороссійская старшина, полков-

ники, а особливо полковникъ Прилуцкой зъ старшиною полковою и сотниками того полку, и протчые до когобы сіе касалось вѣдати о томъ его Стороженка въ чинъ сотничества Ичанскаго опредѣленіи вѣдали, атамани же с товариществомъ и войты съ посполитствомъ должное ему сотнику Ичанскому Андрею Стороженку, яко комендиру своему, во всемъ чинили что по командѣ надлежить повиновеніе и послушенство, онъ же сотникъ Стороженко полковнику Прилуцкому, яко настоящому того полку комендиру во всемъ, что касается къ Высочайшему Ея Императорскаго Величества интересу, быть послушенъ долженъ, чего ради и нынѣ сей унѣверсалъ з войсковой енеральной канцеляріи велѣли ему сотнику Ичанскому Андрею Стороженку на тотъ чинъ сотничества за руками присутствующихъ войсковой енеральной канцеляріи членовъ и при печати войсковой дать, которой и данъ въ Глуховѣ декабря 31-го дня 1749 году.

На копіи подписано тако:

Полковникъ Алексѣй Извольскій, генеральный подскарбый Михайло Скоропадскій, полковникъ Иванъ Челищевъ, генеральный асаулъ Петръ Валкевичъ (М. П).

На копіи помѣта такова:

№ 1778-й 1784 году Мая 23-го дня сія копія съ подленнымъ унѣверсаломъ въ Нижнемъ Земскомъ Прилуцкомъ Судѣ свидѣтельствованна и что оная съ подленнымъ унѣверсаломъ въ точности сходственна, в томъ присудствующими съ приложеніемъ судовой печати подписана. Оную помѣту подписали земскій Прилуцкій исправникъ бунчуковый товарищъ Стефанъ Лукомскій, дворянскій засѣдатель бунчуковый товарищъ Иванъ Троцкій, дворянскій засѣдатель войсковой товарищъ Павелъ Тышкевичъ (М. П).

Копія съ копіи.

3.

Ея Императорскаго Величества Малія Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ гетманъ, сенаторъ, генералъ фельдмаршалъ, генералъ адъютантъ, дѣйствительный камергеръ, Императорской Санктпѣтербургской академіи наукъ президентъ, лейбъ гвардіи Измайловскаго полку подполковникъ и обоихъ россійскихъ Императорскихъ орденовъ святыхъ апостола Андрея и Александра Невскаго також

полского Бѣлого Орла и голстинского святыя Анны кавалеръ, Россiйской Имперiи графъ Кирилъ Разумовскiй господамъ генеральнымъ старшинамъ, полковникамъ, бунчуковымъ товарищамъ, полковымъ старшинамъ, войсковымъ товарищамъ, сотникамъ и всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, объявляемъ: войсковый канцеляристъ Михайло Стороженко подалъ намъ доношенiе, представляя о продолженныхъ предками его и отцемъ бунчуковымъ товарищемъ въ разныхъ походахъ и коммисiяхъ войсковыхъ службахъ, такожъ что и онъ служитъ зъ 1757 году при генеральной войсковой канцелярiи въ званiи войсковыхъ канцеляристовъ, просилъ объ опредѣленiи его респектомъ службъ предковъ его и его самого къ отправленiю службы войсковой въ чинъ войсковыхъ товарищей нашего разсмотрѣнiя и мы, призирая на отправленныя предками его Стороженка службы и усматривая в немъ къ отправленiю службы воинской способность, опредѣляемъ его Михаила Стороженка войсковымъ товарищемъ и предлагаемъ, дабы господа генеральныя старшины, полковники, бунчуковые товарищи и протчiе чины, о такомъ нашемъ опредѣленiи вѣдая, признавали его Михаила Стороженка войсковымъ товарищемъ, онъ же войсковый товарищъ Михайло Стороженко, что касается къ отправленiю воинской службы, долженъ состоять въ вѣдѣнiи нашемъ и нашей генеральной войсковой канцелярiи, и въ вѣрной Ея Императорскому Величеству службѣ онъ войсковый товарищъ Михайло Стороженко къ присягѣ приведенъ, для чего и сей унѣверсалъ за подписомъ нашимъ и при войсковой печати ему Стороженку данъ въ Батуринѣ 1763 года сентября 12-го дня. На копiи подписано тако: Гетманъ Графъ Кирилъ Разумовскiй. Съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ уѣзда Прилуцкаго депутатъ бунчуковый товарищъ Өедоръ Раковичъ. (М. II.).

Копiя съ копiи.

3.

У прокурор. дѣлъ за № 4719

№ 6592.

По указу Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, Самодержицы Всероссiйской и, прочая и прочая и прочая.

Всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, да будетъ извѣстно: войсковый товарищъ Михайло Стороженко поданнымъ въ малороссiйскую коллегiю доношенiемъ, представляя о службахъ предками его продолженныхъ и что и онъ Михайло Стороженко служитъ изъ 1757 году въ званiи войсковыхъ канцеляристъ, а зъ 1763 году въ чину войсковыхъ товарищей, при чемъ былъ въ разныхъ коммисiяхъ и нынѣ находится

повѣту Прилуцкаго въ комисарской должности, просилъ объ опредѣленіи его къ отправленію службы въ чинъ бунчуковыхъ товарищей въ малороссійской коллегіи разсмотрѣнія; а яко и по усмотрѣнію малороссійской коллегіи оной Михайло Стороженко къ отправленію службы въ чинъ бунчуковыхъ товарищей является быть способнымъ, того ради приказали: онаго войсковаго товарища Михаила Стороженка опредѣлить бунчуковымъ товарищемъ, въ которомъ чину на вѣрность Ея Императорскому Величеству привесть его Стороженка къ указной присягѣ (къ коей и приведенъ) и, дабы о таковомъ его Стороженка въ бунчуковые товарищи опредѣленіи всѣмъ было извѣстно, о томъ дать ему Стороженку изъ малороссійской коллегіи сей патентъ, кой и данъ 1765 году Декабря 23-го дня. На копіи тако: Генералъ Графъ Румянцовъ, бригадиръ князь Платонъ Мещерскій, генеральный пизарь Василій Туманскій, полковникъ Осипъ Хвастовъ, генеральный асаулъ Иванъ Жоравка, генеральный хорунжій Данило Апостолъ, Коллежскій Совѣтникъ Дмитрій Натальинъ (М. П.).

Копія съ копіи. 3.

№ 10011, пол. 1782 году Генваря 23-го № 5.

Черниговскому намѣстническому правленію.

На основаніи Всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества о губерніяхъ учрежденія главы III-й статьи 63, по избранію отъ присутственныхъ мѣстъ опредѣленъ мною въ судьи Совѣстнаго Суда Черниговского намѣстничества бунчуковый товарищъ Михайло Стороженко, коего благоволитъ Намѣстническое правленіе тотъ часъ привесть къ присягѣ, дабы за открытіемъ Совѣстнаго Суда могъ онъ вступить въ ту должность и объ опредѣленіи его во всѣ новоучрежденныя присутственныя Черниговскаго намѣстничества мѣста дать знать. На копіи тако: Графъ Румянцовъ-Задунайскій. 23-го Генваря 1782 года. Черниговъ.

На оной копіи помѣта такова:

1784 года Маія 31-го дня въ силѣ учиненнаго въ Черниговскомъ намѣстническомъ правленіи настоящаго Маія 30 числа сего года по доношенію Господина Судьи Совѣстнаго Суда Черниговскаго намѣстничества Надворнаго Совѣтника Стороженка опредѣленія, сія копія ему Господину Стороженку дана съ засвидѣтельствованіемъ, что онъ на ту должность къ указной присягѣ приведенъ. Оную помѣту подписалъ Совѣтникъ Стефанъ Ожеговичъ, въ должности Секретаря бунчуковый товарищъ Иванъ Соболевскій.

Копія съ копіи.

3.

пол. 1784 года Апрѣля 12-го № 830-й.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ Правительствующаго Сената Черниговскому намѣстническому правленію. Сего году Генваря 12 дня по Указу Ея Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ, по представленію генералъ фельдмаршала малороссійскаго генералъ губернатора и кавалера графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, приказали: находящемуся въ Черниговскомъ намѣстничествѣ совѣстнымъ судьею Коллежскому Ассесору Михайлѣ Стороженку за добропорядочную и усердную его службу дать чинъ Надворнаго Совѣтника, о чемъ ему объявя указъ, привесть къ присягѣ, за повышеніе чина вычетъ по указамъ учинить Черниговской казенной палатѣ, а присяжной листъ прилагается при семъ. Февраля 28 дня 1784 года. На копіи тако: Левъ Тредіаковскій, Секретарь Иванъ Крижовъ, канцеляристъ Василій Щепетковъ. 1-ый деп герольдіи. На ономъ помѣта такова:

№ 10012.

1784 году Мая 31-го числа въ силѣ учиненнаго въ Черниговскомъ намѣстническомъ правленіи настоящаго Мая 30-го числа сего года по доношенію Господина Надворнаго Совѣтника Стороженка опредѣленія сія копія ему Господину Стороженку дана съ засвидѣтельствованіемъ, что ему тотъ Надворнаго Совѣтника чинъ объявленъ и на оной къ указной присягѣ приведенъ; оную подписалъ Совѣтникъ Стефанъ Ожеговичъ, въ должности секретаря бунчуковый товарищъ Иванъ Соболевскій.

Копія съ копіи.

И.

По указу Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, Самодержицы Всероссійской, и прочая и прочая и прочая.

№ 6417.

Всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, да будетъ извѣстно, войсковые канцеляристы Александръ и Григорій Стороженки поданнымъ въ малороссійскую коллегію доношеніемъ, представляя о службахъ предковъ своихъ, с непоколебимою вѣрностію Всероссійскому Императорскому престолу отправленныхъ, и что из нихъ Александръ при дѣлахъ суда генеральнаго, а Григорій у дѣлъ бывшей генеральной канцеляріи, а потомъ малороссійской коллегіи въ должности канцелярской службу отъправляли добропорядочно, болѣе в той должности быть нежелая, просили объ опредѣленіи ихъ къ отправленію Ея Императорскому Величеству службы въ другой

чинъ въ малороссійской коллегіи разсмотрѣнія; и малороссійская коллегія, усматривая ихъ Стороженковъ къ отправленію службы способность и ревность, по указу Ея Императорскаго Величества приказали ихъ Стороженковъ къ отправленію службы опредѣлить въ чинъ войсковыхъ товарищей и за приводомъ ихъ на вѣрность Ея Императорскому Величеству къ указной присягѣ дать имъ на тотъ чинъ изъ малороссійской коллегіи патентъ, и дабы о таковомъ ихъ въ чинъ войсковыхъ товарищей опредѣленіи всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, было извѣстно, дать, имъ войсковымъ товарищамъ Александру и Григорію Стороженкамъ изъ малороссійской коллегіи сей патентъ. 1765 году Декабря 20-го дня. На копіи тако: Графъ Румянцовъ, генеральный обозный Семенъ Кочубей, бригадиръ князь Платонъ Мещерскій, генеральный писарь Василій Туманскій, полковникъ Иванъ Хвастовъ, генеральный асаулъ Иванъ Жоравка, генеральный хоружій Данило Апостолъ, коллежскій совѣтникъ Дмитрій Натальинъ. На ономъ помѣта такова:

У прокур. дѣлъ за № 4536.

1784 года Мая 23-го сія копія съ подлиннымъ патентомъ въ Нижнемъ Земскомъ Прилуцкомъ Судѣ свидѣтельствованна и что оная съ подлиннымъ патентомъ въ точности сходственна, въ томъ присудствующими съ приложеніемъ судовой печати подписанна. Подлинную подписали: Земскій Прилуцкій Исправникъ бунчуковый товарищъ Стефанъ Лукомскій, дворянскій засѣдатель бунчуковый товарищъ Иванъ Троцкій, дворянскій засѣдатель войсковый товарищъ Павелъ Тишкевичъ (М. П.).

№ 1774-й.

Копія съ копіи.

И.

По Указу Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, Самодержицы Всероссійской, и прочая и прочая и прочая.

Всѣмъ, кому о семъ вѣдати надлежитъ, да будетъ извѣстно, что войсковый товарищъ Григорій Стороженко въ силу предложенія Его Сіятельства господина генералъ аншефа главнокомандующаго первою арміею, малороссійскаго генерала губернатора, коллегіи малороссійской президента и кавалера графа Петра Александровича Румянцова по удостоенію командующаго козаками малороссійскими бунчуковаго товарища Иваненка произведенъ полку Прилуцкаго в сотню Иваницкую на состоящую въ оной вакансію сотникомъ, на что ему сотнику Иваницкому Стороженку и сей патентъ зъ малороссійской коллегіи съ утвержденіемъ печати данъ въ

№ 6281.

№ 1775.

Глуховѣ Мая 7 дня 1770 года. На копіи тако: Генеральный обозный Семенъ Кочубей, генералъ маіоръ Князь Платонъ Мещерскій, генеральный писарь Василій Туманскій, въ должности секретарской полковый асаулъ Семенъ Магденко. На ономъ помѣта такова: 1784 года Мая 23 дня. Сія копія съ подлиннымъ патентомъ въ Нижнемъ Земскомъ Прилуцкомъ Судѣ свидѣтельствованна и что оная съ подлиннымъ въ точности сходственна, въ томъ присудствующими съ приложеніемъ судовой печати подписана. Оную помѣту подписали: Земскій Прилуцкій Исправникъ бунчуковый товарищъ Стефанъ Лукомскій, дворянскій засѣдатель бунчуковый товарищъ Иванъ Троцкій, дворянскій засѣдатель войсковой товарищъ Павелъ Тышкевичъ (М. П.).

Копія съ копіи.

И.

№ 7705.

По Указу Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, Самодержицы Всероссійской, и прочая и прочая и прочая.

Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что в силѣ предложенія Его Сіятельства Господина генералъ фельдмаршала главнокомандующаго кавалеріею и украинскою дивизіею, сенатора, малороссійскаго Государева намѣстника, коллегіи малороссійской президента, кирасирскаго Военнаго Ордена полку полковника, всѣхъ Россійскихъ орденовъ, Прускаго Чернаго Орла и Голштинскаго святыя Анны кавалера, Графа Петра Александровича Румянцова Задунайскаго сотникъ Иваницкій Григорій Стороженко за продолженную намъ съ 1760-го года усердную и добропорядочную службу въ 30-й день августа сего 1781 года произведенъ бунчуковымъ товарищемъ, въ которомъ чинѣ его Стороженка признавать и почитать, сей патентъ ему бунчуковому товарищу Стороженку данъ изъ малороссійской коллегіи съ утвержденіемъ печати въ Глуховѣ 1781 года Августа 31 дня. На копіи тако: Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Василій Туманскій, арміи полковникъ Иванъ Вишневскій, Надворный Совѣтникъ Иванъ Туманскій. (М. П.). На ономъ помѣта такова:

№ 1776.

1784 году Мая 23 дня сія копія съ подлиннымъ патентомъ въ Нижнемъ Земскомъ Прилуцкомъ Судѣ свидѣтельствована и что оная съ подлиннымъ патентомъ в точности сходственна, въ томъ присудствующими съ приложеніемъ судовой печати подписанна; оную подписали: Земскій Прилуцкой Исправникъ бунчуковый товарищъ Стефанъ Лукомскій,

дворянскій засѣдатель бунчуковый товарищъ Иванъ Троцкій дворянскій засѣдатель войсковый товарищъ Павелъ Тишкевичъ (М. П.).

Копія съ копіи.

В. Правительствующій Сенатъ

ДОНОШЕНІЕ.

И.

№ 405.

№ 1784.

Малороссійскаго Прилуцкаго полку Сотникъ Иваницкій Григорій Стороженко, служившій чрезъ все время продолжавшейся с турками войны, а потомъ въ 1774 году находился в Казанской и Оренбургской губерніяхъ у истребленія злодѣя Пугачева, предъявившій мнѣ о усердной и безъпорочной службѣ данные ему отъ командировъ одобренія, проситъ изъ коронныхъ недвижимыхъ состоящихъ въ Малой Россіи имѣній награжденія. Я, удовлетворяя его исканію и въ разсужденіе извѣстной мнѣ усердной службы, прошу Правительствующаго Сената о исходатайствованіи ему просимаго награжденія. На копіи тако: Графъ Румянцовъ Задунайскій. 24 Мая 1779 года. На ономъ помѣта такова: 1784 года Мая 23-го дня сія копія съ подлѣнною копіею въ Нижнемъ Земскомъ Прилуцкомъ Судѣ свидѣтельствованна и что оная съ подлинною копіею въ точности сходственна, въ томъ присудствующими съ приложеніемъ судовой печати подписанна. Оную помѣту подписали: Земскій Прилуцкій Исправникъ бунчуковый товарищъ Стефанъ Лукомскій, дворянскій засѣдатель бунчуковый товарищъ Иванъ Троцкій, дворянскій засѣдатель войсковый товарищъ Павелъ Тишкевичъ (М. П.).

АТТЕСТАТЪ.

Коп'я съ копіи.

И.

По Указу Ея Императорскаго Величества данъ сей полку Прилуцкаго Сотнику Григорію Стороженку въ томъ, что будучи онъ въ команде моей полку малороссійскаго тысячнаго, который по имянному Ея Императорскаго Величества указу для истребленія злодѣя Пугачева и его толпъ въ Казанскую и Оренбургскую губерніи командированъ, обрѣтался февраля отъ 13-го июля по ниженазначенное число во многихъ партіяхъ и сраженіяхъ, именно: июня 8-го числа при деревнѣ Сатанихѣ, да тамъ же июня 11-го и 12-го при деревнѣ Сабаевой, 21 и 22 чиселъ за рѣкою Уршаномъ, 27-го при селѣ Часниковкѣ съ отличною храбростію, и велъ себя добропо-

рядочно, для чего и сей аттестатъ ему сотнику Стороженку
З. В. К. подъ № 219. данъ въ лагерѣ при рѣкѣ Камѣ 1774 года июля 30, в Башкирьи. На копіи тако: Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской Всемилостивѣйшей Государыни моей отъ арміи полковникъ и кавалеръ Александръ Якубовичъ. (М. П.).

На оной копіи помѣта такова:

1784 года Мая 23 дня, сія копія съ подленнымъ аттестатомъ въ Нижнемъ Земскомъ Прилуцкомъ Судѣ свидѣтельствована, и что оная съ подленнымъ аттестатомъ въ точности сходствена, въ томъ присудствующими, съ приложеніемъ судовой печати, подписана. Опую помѣту подписали Земскій
№ 1783. Прилуцкій Исправникъ бунчуковый товарищъ Стефанъ Лукомскій, дворянскій засѣдатель бунчуковый товарищъ Иванъ Троцкій, дворянскій засѣдатель войсковый товарищъ Павелъ Тишкевичъ (М. П.).

АТТЕСТАТЪ.

Копія съ копіи. По Указу Ея Императорскаго Величества данъ сей аттестатъ Прилуцкаго полку сотнику Иваницкому Григорію
И. Стороженку въ томъ, что будучи онъ подъ командою господина полковника и кавалера Якубовича, прибывшаго въ здѣшній край съ тысячнымъ малороссійскимъ полкомъ на истребленіе злодѣя самозванца Пугачева и его сообщниковъ, съ 13-го числа февраля настоящаго года находился неодно-
№ 1672. кратно съ нимъ полковникомъ при пораженіи бунтовщиковъ, оказывая всегда отличную храбрость и расторопность, и нещадя нимало живота своего, впротчемъ во все время велъ себя такъ, какъ доброму и честному человѣку свойственно, что свидѣтельствуетъ и данной ему аттестатъ отъ реченнаго Г-на полковника Якубовича. Казань, Августа 10 дня 1774 г. На копіи тако: Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни моей отъ кавалеріи генералъ маіоръ, главнокомандующій Ея войскъ корпусомъ, орденовъ Святыя Анны и Святаго Георгія кавалеръ, князь Петръ Голицинъ. На оной копіи помѣта такова:

1784 году Мая 23-го дня, сія копія съ подленнымъ аттестатомъ въ Нижнемъ Земскомъ Прилуцкомъ Судѣ свидѣтельствована, и что оная съ подленнымъ аттестатомъ въ точности сходственна, въ томъ присудствующими съ при-

№ 1782. ложеніемъ судовой печати подписана. Оную подписали: Земскій Прилуцкій Исправникъ бунчуковый товарищъ Стефанъ Лукомскій, дворянскій засѣдатель бунчуковый товарищъ Иванъ Троцкій, дворянскій засѣдатель войсковый товарищъ Павелъ Тишкевичъ (М. П.).

1784 года Ноября 8-го дня, по указу Ея Императорскаго Величества Черниговскаго намѣстничества въ коммиссіи о разборѣ дворянства Губернскій Предводитель Дворянства и уѣздные дворянскіе депутаты разсматривали доказательство Господъ: надворнаго совѣтника Михаила Михайловича, секундъ маіора Михаила Степановича и бунчуковаго товарища Григорія Андреевича Стороженковъ,въ которомъ о дворянствѣ своемъ показали, что прапрадѣдъ ихъ Иванъ Стороженко въ прошедшомъ отдаленномъ времени служилъ прежде сотникомъ Иченскимъ, а потомъ полковникомъ Прилуцкимъ, въ которомъ чинѣ надано ему за службы его село Ржавецъ, какъ о томъ явствуетъ унѣверсалъ гетмана Іоанна Мазепы въ 1690 году іюня 23 дня, оному прапрадѣду ихъ полковнику Прилуцкому Ивану Стороженку на предпоказанное село Ржавецъ данный, съ котораго справочную копію при томъ своемъ доказательствѣ приложили, прадѣдъ же ихъ Андрей Стороженко въ 1709 г. служилъ сотникомъ Иченскимъ, коему какъ оное село Ржавецъ во владѣніе стверждено, такъ и другіе деревнѣ, яко то: село Томашовку, и в сотнѣ Иваницкой Ступаковку, отъ гетмана Іоанна Скоропадскаго надано универсаломъ его 1709 года Февраля 5-го, съ котораго тоже справочную копію приложили, которые деревнѣ по смерти онаго прадѣда ихъ унѣверсаломъ же рѣченнаго гетмана Скоропадскаго 1719 года Генваря 18-го, въ родъ ихъ Стороженковъ утвержденны; а дѣды ихъ Григорій и Иванъ Стороженки жъ что служили въ чинахъ сотничихъ, и съ оныхъ Григорій послѣ и бунчуковымъ товарищемъ былъ, о томъ предъявили данный ему Григорію Стороженку на чинъ бунчуковаго товарища съ бывшей генеральной войсковой канцеляріи унѣверсалъ 1749 года Декабря 31-го, которые предки ихъ за службы свои награждены деревнями и владѣніе оными имѣли, а по нихъ и они Стороженки простираютъ, до ста лѣтъ, о томъ ссылаясь на вышеписанные унѣверсалы; предявили притомъ копію указа Правительствующаго Сената, въ генеральную войсковую канцелярію 1741 года Декабря 26 послѣдовавшаго, съ выраженіемъ, что предписанный дѣдъ ихъ Григорій за службы свои маетностями доволными награжденъ; чтожъ, и отцы ихъ, перваго

Михайло Ивановъ сынъ бунчуковымъ товарищемъ, втораго Степанъ сотникомъ Лубенского полку въ сотнѣ Повстинской, а третьяго Андрей Григоріевъ сынъ сотникомъ же Иченскимъ Стороженки служили, то зъ данныхъ унѣверсаловъ изъ генеральной канцеляріи первому на бунчуковые товарищи 1739 года Февраля 14-го, а послѣднему на чинъ сотничей 1749 г Декабря 31-го справочные жъ копіи приложили; касательножъ службы самихъ ихъ Стороженковъ, па то предъявили именно: надворный совѣтникъ Михаилъ Михайловичъ на прежніе его чины, какъ то на войсковые товарищи, унѣверсалъ Его Сіятельства господина генералъ фельдмаршала, сенатора и разныхъ орденовъ кавалера Графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, по бытности его гетманомъ, 1763 года Сентября 12, на бунчуковые товарищи патентъ изъ малороссійской коллегіи 1765 г. Декабря 23, объ опредѣленіи въ судьи Совѣстнаго суда справочную копію предложенія Его Сіятельства господина генерала фельдмаршала, сенатора, Государева намѣстника и разныхъ орденовъ кавалера графа Петра Александровича Румянцова Задунайскаго въ Черниговское Намѣстническое Правленіе, Генваря 23-го 1782 года состоявшагося, о пожалованіи жъ его изъ коллежскихъ ассесоровъ въ надворные совѣтники Указъ изъ Правительствуюшаго Сената въ оноежъ Намѣстническое Правленіе 1784 года Февраля 28-го; а маіоръ Михайло Степановичъ, такъ и бунчуковый товарищъ Григорій Андреевичъ Стороженки на чины свои патенты 1765 Декабря 20, 1770 Маія 7-го и 1781 годовъ Августа 31-го чиселъ данные, въ точныхъ копіяхъ приложили, при чемъ они Стороженки показали, что какъ рода ихъ нѣкоторые находились несовершеннолѣтніе, именно: дядѣ ихъ умершаго бунчуковаго товарища Данила Стороженка сыны Павелъ въ кадетскомъ сухопутномъ корпусѣ кадетомъ, а Петръ въ штабѣ Его Сіятельства графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго регистраторомъ, да умершаго брата ихъ войсковаго товарища Александра Стороженка сынъ Яковъ въ службѣ регулярной сержантомъ, коимъ сіижъ доказательства служат на дворянство, то о помѣщеніи ихъ въ родословную книгу просили надлежащаго разсмотрѣнія; и какъ оные Стороженки дворянства своего доказываютъ наслѣдственно отъ отца, дѣда, прадѣда и такъ далѣе по восходящей линіи, всходство Высочайшаго проекта, представленными нижезначащимися доказательствами, именно 1-е: унѣверсаломъ гетмана Мазепы 1690 года прапрадѣду ихъ полковнику При-

луцкому Ивану Стороженку на село Ржавецъ даннымъ, 2-е, унѣверсалами гетмана Скоропадскаго прадѣду ихъ сотнику Иченскому Андрею Стороженку 1709 и 1719 годовъ, утверждающими владѣніе его какъ тѣмъ селомъ Ржавцемъ, такъ и другими прописанными въ оныхъ унѣверсалахъ деревнями и затѣмъ, 3-е, указомъ Правительствующаго Сената 1741 г. дѣда ихъ сотника, а потомъ бывшаго бунчуковаго товарища, Григорія Стороженка владѣніе жъ наданными въ родъ ихъ Стороженковъ деревнями изъясняющимъ, которые по силѣ онаго Высочайшаго проекта о дворянствѣ статьи 88 отдѣленія 6-го находитъ коммиссія достаточнымъ дѣйствительнаго ихъ дворянства доводомъ, сверхъ чего что и по нисходящей линіи родъ ихъ въ дворянской состоитъ службѣ, какъ то отци ихъ были и сами они находятся въ чинахъ, о томъ по силѣ той же статьи отдѣленія 3-го вышезначащіеся данные на чины гетманскіе унѣверсалы и патенты предъявили; съ чего всего явствуетъ, что родъ ихъ Стороженковъ въ дворянскомъ достоинствѣ до ста лѣтъ восходитъ; въ Высочайшемъ же проектѣ статьи 73-й установлено въ первую часть родословной книги вносить роды дѣйствительнаго дворянства, а въ изъясненіи показано, дабы и тѣмъродамъ оказать справедливость, кои доказательство имѣютъ на дѣйствительное дворянство до ста лѣтъ, то дозволяется и сіи роды вносить въ сію часть; для того по содержанію онаго въ Высочайшемъ проектѣ установленія приговорили: предпомянутыхъ господъ надворнаго совѣтника Михаила, секундъ маіора Михаила и бунчуковаго товарища Григорія Стороженковъ по представленнымъ отъ нихъ неопровергаемымъ о благородномъ ихъ дворянскомъ достоинствѣ, восходящемъ до ста лѣтъ, доказательствамъ, всходство изображенной 73 статьи Высочайшаго проекта, внесть въ первую часть родословной дворянской книги сей губерніи съ ихъ родомъ по списку уѣзда Прилуцкаго дворянскаго предводителя показаннымъ, и дать имъ по силѣ 81 статьи оногожъ проекта грамоту за подписаніемъ Губернскаго Предводителя и уѣздныхъ дворянскихъ депутатовъ съ приложеніемъ печати дворянскаго собранія.

На подлинномъ тако:

Губернскій предводитель дворянства Иванъ Горленко.
Депутатъ генералъ-маіоръ Петръ Милорадовичъ.
Депутатъ подполковникъ Григорій Троцкій.

Депутатъ бунчуковый товарищъ Иванъ Дунинъ-Борковскій.
Депутатъ бунчуковый товарищъ Петръ Стаховичъ.
Депутатъ бунчуковый товарищъ Василій Лизогубъ.
Депутатъ бунчуковый товарищъ Федоръ Солонина.
Депутатъ бунчуковый товарищъ Яковъ Тризна.
Депутатъ бунчуковый товарищъ Димитрій Григоровичъ.
Депутатъ бригадиръ Андрей Жураковскій.
Депутатъ бунчуковый товарищъ Петръ Романовичъ.
Депутатъ бунчуковый товарищъ Василій Ракушка Романовскій
Депутатъ преміеръ маіоръ Семенъ Горленко.
Депутатъ секундъ маіоръ князь Спиридонъ Джеваховъ.
Депутатъ поручикъ Василій Горленко.
Депутатъ капитанъ князь Владиміръ Орбеліяновъ.
Депутатъ бунчуковый товарищъ Иванъ Жуковскій.
Депутатъ полковой асаулъ Михайло Трифановскій.
Депутатъ коллежскій ассесоръ Андрей Полетика.
Депутатъ коллежскій ассесоръ Петръ Лукьяновичъ.
Депутатъ порутчикъ Андрей Горленко.
Депутатъ бунчуковый товарищъ Федоръ Григоровичъ.
Депутатъ бунчуковый товарищъ Максимъ Петровскій.
Депутатъ маіоръ Семенъ Масюковъ.
Депутатъ бунчуковый товарищъ Петръ Пирятинскій.
Депутатъ бунчуковый товарищъ Павелъ Зеленскій.
Депутатъ надворный совѣтникъ Степанъ Славицкій.
Депутатъ бунчуковый товарищъ Иванъ Трипольскій.
Депутатъ полковый хорунжій Тимофей Пащенко.
Депутатъ бунчуковый товарищъ Михайло Шрамченко.

Сіи копіи доказательствъ и учиненнаго по нимъ опредѣленія о дворянскомъ достоинствѣ Господъ Стороженковъ съ таковыми подлѣнными и въ справочныхъ копіяхъ при дѣлѣ въ Черниговскомъ Дворянскомъ Депутатскомъ Собраніи имѣющимися во всемъ сходственныя, по опредѣленію сего Собранія, на просьбу Г-на Губернскаго Секретаря Петра Даниловича Стороженка состоявшемуся, по взысканіи подлежащихъ за написаніе ихъ вмѣсто гербовой на простой бумагѣ въ казну денегъ, ему Г-ну Стороженку выданы 1809 года Мая 21 дня. Повѣта Новгородскосѣверскаго дворянства депутатъ Тимофѣй Калинскій, Секретарь Иванъ Енько, Секретарь Иванъ Салогубъ. (М. П.).

(Съ подлинника).

LXVI.

1787 г. декабря..... Жалоба премьеръ-маіора Григорія Стороженка гр. Румянцеву на порядки Нѣжинскаго нижняго Земскаго Суда.

Сіятельнѣйшему Графу

Высокоповелительному Господину Генералъ Фельдмаршалу Главнокомандующему Армиею, Киевскому, Черниговскому и Новгородскому Сѣверскому Генералъ-Губернатору, полковъ лейбъ-гвардии конного подполковнику, кирасирского Воинского Ордына полковнику, Малороссийского гранадерского полку шефу, ордыновъ всѣхъ Российскихъ Императорскихъ, королевского Пруского Черного Орла и Голштинского святыя Анны кавалеру, графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому

нижайшое прошеніе.

Отъ 8 числа прошедшого Октября мѣсяца сего года по жалобѣ моей на Нижний Земский Нѣжинский судъ о неучынении, по выявлению моему (чрезъ уводчий лыстъ при отдачѣ мнѣ во владѣние лѣсовъ Томашевскихъ) оних порубки завладѣвшимъ было те лѣса обозным генералънимъ Закревскимъ, пней перещету и оного записи темъ судомъ, по прошениямъ моимъ о показании отъ старожылихъ, в какомъ при завладѣнии Закревским лѣси были состояніи, также по чинимыхъ нимъ Закревскимъ чрезъ сороколѣтное незаконное провладѣние в тѣхъ лѣсахъ опустошенияхъ, такъ что толко мнѣ третолѣтная зарость осталась, какъ тотъ же судъ в оном отдаточном листѣ объяснилъ и в томъ выдалъ выписъ, хотя Ваше Высокографское Сіятельство, препровождая ту жалобу в намѣстническое Черниговское Правление, изволили повелѣть, зачѣмъ тотъ суд не учынилъ требуемого мною перещету и не выдалъ потребной мнѣ в вишеписанномъ виписѣ, взять отвѣтъ и зоставыть мнѣ обидимому удоволствие на точности законовъ, но и досель нетоль по тому Вашего Высокографского Сіятельства повелѣнию чтобы сискано какое во удоволствіе учынение справедливости, но ниже повелѣнного отвѣта не взыскано по многимъ моимъ хождениямъ и отъ мене повѣренного, да чтобъ я моглъ получить то и далше, надежди

не полагаю. Затѣмъ Вашему Высокографскому Сіятельству о вышеписанном сие мое нижайшое прошение приношу и прошу высокоповелительного разсмотрения. 1787 года декабря....

Приміэръ Маіоръ Григорій Стороженко.

(Съ копіи).

LXVII.

1787 г. декабря .. Жалоба премьеръ-маіора Григорія Стороженка гр. Румянцеву на неправильныя дѣйствія Черниговскаго Намѣстническаго Правленія.

Сіятельнѣйшему графу

Высокоповелительному господину генералу фельдмаршалу главнокомандующему арміей, Кіевскому, Черниговскому и Новгородскому-Сѣверскому генералу-губернатору, сенатору, полковъ лейбъ-гвардіи конного подполковнику, малороссійского гранадерскаго полку шефу, ордыновъ всѣхъ Россійскихъ Императорскихъ, королевского Пруского Черного Орла и Гольштинского святыя Анны кавалеру, графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому.

нижайшое прошеніе.

Завладѣнние било насилственнымъ образомъ генералнымъ обознымъ Иосифомъ Закревским, доставшиеся умершому отцу моему въ его жызнь сотнику Ичанъскому Андрею Стороженку раздѣлочно зъ его братомъ сотникомъ Яблуновъским Степаномъ Стороженкомъ, а секундъ маіора Михаила Стороженка отцомъ, лѣса, зовемые и в раздѣлочномъ реестрѣ собственноручно показанного Стефана Стороженка дяди мо-

его написание, которой реестръ, яко дѣлчой, я весь въ писмѣ имѣю, Карповский съ Нетяковщиною, Петренчишинъ, Майзюковщину, Малѣевский и Андрусовщину, судъ генералний мнѣ по искателству моему присудилъ своимъ рѣшеніемъ. И по неявкѣ показанного Закревского, за измертвиемъ его, наслѣдников по зазиву генерального суда к вислушанию рѣшения и подписа на ономъ во удоволствии либо в неудоволствии к упущению аппеляции, оное рѣшеніе со всѣмъ иодлѣнним дѣломъ показанний генералний судъ чрезъ намѣсническое Чернѣговское Правленіе, даже в нижній земскій Нѣжинский суд по положению лѣсовъ в томъ уездѣ, препроводилъ. И толко сей судъ потребовавъ тѣхъ лѣсовъ випущения в покупщика оних с протчими имѣніями бунчукового товарища Константина Селивановича въ 1785 годѣ, то оный Селивановичъ, з своего владѣния выпуская тѣ лѣса, всѣ показалъ в своемъ владѣнии, суд же тотъ толко что началъ, исполняя рѣшение, мнѣ отдачу чинить, то тутъ заразъ зъ стороны третіей вышеписанний секундъ-маіоръ Михайло Стороженко, учепясь в противность права статутового, раздѣла 4-го, артикула 65, разривая суда генералного рѣшение и мой искъ, показалъ голословно з техъ лѣсовъ Малѣевский в своемъ владѣнии, и многими подачами в намѣсническое правление и верхний земский судъ, затрудняя и испрашивая в уездний и земский нижние Нѣжинские суда разние и в разных материяхъ повелѣния, неоднократно приостановлялъ исполнение и тайнымъ образомъ между темъ в томъ лѣсѣ Малѣевском и при немъ Андрусовскомъ чрезъ прикажчика и своихъ людей порубъ дерева чинитъ и прикрывая тѣ его люде вивозятъ чрезъ межу въ его лѣсъ Гриковщину. Напослѣдокъ того всего нижний земскій и уѣздный Нѣжинские суда, по повелѣнию Намѣснического Чернѣговского Правленія, тот лѣсъ Малѣевский и при немъ Андрусовский чрезъ учиненные свои опредѣленія, какъ толко найшолъ в показанном генералного суда рѣшеніи по роздѣлки вышпояснённым мнѣ присужденним, а од Закревского одсужденным опредѣлилъ отобрать и отдать в мое владѣніе, то тогожъ 1785 г. июля 2 дня числа уводчимъ листомъ и отдалъ в мое владѣние, учыня показанному Михайлѣ Стороженку причиною его вишписанной порубки дерева и хоронения в другом лѣсѣ, далъ запрещение ему в тѣ лѣса болше не входить, порубку не чинить и во владѣнии мнѣ не препятствовать, почему я и остался теми лѣсами спокойно владѣть по сие время.

2.

Но видить онъ маиоръ Михайло Стороженко, что остался в порубки моихъ лѣсовъ виновнимъ, вздумалъ себѣ притомъ на Нижний Земский и Уездный Нѣжинские суда в Чернѣговское же Намѣсническое Правление уже в прошедшемъ 1786 годѣ подать жалобу, что первий при исполнении генерального суда рѣшения отдачею мнѣ присуждених лѣсовъ отдалъ якобы и его два лѣса Малѣевский и Андрусовский, и за неучыненное якобы порубанному мною в его лѣсахъ дереву освидѣтельствование, а на послѣдний, то есть Уездний, что якобы сей судъ нетоль не исправилъ поступка вышеписанного Нижнего суда, но принявъ от мене на его Михайла Стороженка искъ, ни его самого оправдания, не выслушавъ якоби учыненым рѣшителним опредѣлениемъ приговорилъ будто бы мнѣ его лѣсы Малѣевщину и Андрусовщину. Но к тому Намѣсническое Правление, подражая столь его Михайла Стороженка неправостному обжалованию, показанную жалобу в Верхний Земский Чернѣговский судъ препровождая предписало всѣ обстоятелства просителеви во удовлетворение его и во взискании з Нижънего Земского и Уездного Нѣжинских судов за показываемые имъ поступки поступлению по законамъ. Напротиву чего показанной Верхній Земский Чернѣговский суд, отискавъ от Нижнего Земского и Уездного Нѣжинскихъ судовъ отвѣты, генералного суда рѣшение и искового моего на Закревского доношения копію съ копіями под видомъ исполнителных опредѣлений, разсматривалъ суда генералного рѣшение и мой искъ и видѣлъ въ них точное присуждение генералним судом, но в розирватие того рѣшения и моего иску, посягая за Михайлом Стороженком, закривъ тое присуждение, а назвавъ в своемъ разсматривании поискуемые мною лѣса будто бы за вщатиемъ мною на Закревского иску з его владѣния сторонними, нѣкоторие лѣса партикулярно расхищиваними, во владѣния голословно безъ всякого отъ Михайла Стороженка ни писмом, ни другими каким обстоятелствами доказателства, но единственно з своей головы, а тѣ лѣса якобы состоящими въ его Михайла Стороженка владѣнии, во мѣсто тѣхъ исполнителныхъ опредѣленій, которие в случаях каковых имѣют в том мѣстѣ свои поправления, гдѣ исковое дѣло приняло рѣшениемъ свое съкончание, а не в другомъ правителствѣ, и для того назвавъ тот приговоръ за осуждениемъ судьей, вздумалъ и подвелъ 40-й артикулъ 4-го роздѣла, без призыву Михайломъ Стороженкомъ

послѣдующихъ судей на очевистую рѣчь, еслибы то в исполнительныхъ рѣшениях слѣдовало, а учиненных показанный суда генералного приговоръ звать законности нѣтъ поправлят, и на ту поправку учинилъ свое опредѣление, признавая бившого Земского Прилуцкого суда рѣшение, учиненное с посяжкою Закревскому, такъ равно якъ и сіе опредѣление, для Михаила Стороженка преимущественнѣйшимъ приговора суда генералного, и лѣсовъ Малѣевщини и Андрусовщини будто-бы намъ неприсуждение без всякого мнѣ того опредѣления обявления послалъ в Уездный Нѣжинский судъ, указалъ, повелѣвая секундъ-маіору Стороженку тѣ лѣса Малѣевщину и Андрусовщину возвратить.

3.

Во отвращение которыхъ мнѣ приносящихъ чрезъ многие годы в моемъ наслѣдствѣ обидъ, волокит и безпокойствія Ваше Высокографское Сіятельство сиею моею нижайшою прозбою осмелился утруждат, соблаговолите винайти из рѣшения генералного суда тѣхъ лѣсовъ мнѣ присуждение и что Веръхний Земскій судъ того рѣшения по 40 артикулу 4 раздѣла поправку чинилъ несоотвественно того же раздѣла артикулъ 65, но в противност, ибо еслиб Верхний Земский судъ не подражалъ секундъ-маіору Михайлѣ Стороженку, тобъ, оставляя 40 артикулъ раздѣла 4 сему дѣлу несоответствующим, а приличным бы избравъ 65-й артикулъ сего ж роздѣла, моглби определить поелику я за отъиском от Закревского тѣми лѣсами с протчими таковыми ж по рѣшению уже владѣю два года и шесть мѣсяцей. Искать на мнѣ формалним судомъ, а не единою своею голословностию отбѣрать, причиною толко тоею, что будтобы Верхний Земский судъ вынайшолъ расхищивание з владѣния Закревского партикулярно мною доискиваемыми лѣсами разнообразно кѣмъ-то, то относително до таковаго владѣния за настоящое почется не можетъ, темъ самымъ Верхній Земский судъ и не сокрилъ своей неправости и побудилъ мене признават Михаилѣ Стороженку невладение поименованними лѣсами, равно какъ и суд генералный заключилъ, что оними дѣйствително владѣлъ Закревскій и по 77 артикулу 4 раздѣла дѣлчим реестромъ мое доказательство, то по правилностямъ сим, а равно и по сему, что Михайло Стороженко в первих прозбахъ своихъ толко лѣсъ Малѣевщину своимъ, а в послѣдней претендуетъ

и Андрусовщину, чего ищетъ и самъ не знаетъ, а Верхний Земский суд также незаконность подражаетъ. Поелику от другого нѣт в прописанних обстоятелствахъ возраженния, такова не било, да и самъ онъ Михайло Стороженко даже до чынения исполнения нѣгдѣ за тѣ лѣса, ведая совершенно о моемъ на Закревского искателствѣ, и по роздѣлочном реестру ему не принадлежащими, не обзывался, а потому и мнѣ нѣ о чием владѣнии, кроме Закревского, не вѣстимо было.

И сего ради, Ваше Высокографское Сіятелство, высокимъ благоразсмотреніемъ повелѣте, чтобъ до разсмотрения сего моего прошения и генералного суда рѣшения, Нижний Земский Нѣжинский судъ показанных лѣсовъ от мене не отбѣралъ по прописанному указу Верхнего Земского суда, куда надлежитъ послать повелѣние. 1787 года декабря.....

Приміэръ Маіоръ Григорій Стороженко.
(Съ копіи).

LXVIII.

1791 г. октября 16-го. Выписка изъ уступочной записи Анастасіи Степановны Полуботковой, по которой она передаетъ свои имѣнія внукамъ ея Г. П. Милорадовичу, А. П. Лашкевичевой и Н. М. Стороженку. См. Любецкій Архивъ. Изд. Кіевской Старины. Стр. 117—118.

. . . . *Второе*. Внуку моему, меньшой дочери моей сыну, лейбъ-Кирасирскаго полка 3-й бриг. поручику Николаю Михайловичу Стороженку, Черниговскаго намѣстничества, уѣзда Городницкаго, село Новые Боровичи, съ плотиною и всѣми мельницами на рѣкѣ Сновѣ состоящими, деревни: Старые Боровичи, Здряговку, х. Андруши, и въ городѣ Городни шинковой дворъ, да Черниговскаго уѣзда, слободу Мохнатинскую, с. Выбли и х. Уборковскій, Новгородско-Сѣверскаго намѣстничества, уѣзда Сосницкаго, деревни: За гребелкою Слободу, Илькучу,

Каруковку съ х. Каруковскимъ, къ которымъ изъ всей, яко неограниченной окружности, пущи и земель между Каруковскою и Габриліовскою, какъ выше сего, въ первомъ пунктѣ сказано, за выдѣлкою третей части въ Габриліовкѣ присоединить двѣ части къ Каруковкѣ, все сіе имѣніе съ крестянскими дворами и крестьянами, изъ коихъ исключая отданныхъ въ даръ мною изъ Боровичъ внучкѣ моей Анастасіи Лашкевичевой, Василія Кіенца, Кирилла Лисиченка, Федора Кислаго и Семена Сницаренка, обоего мужеска и женска пола, по послѣдней ревизіи за мною записанными, со всѣми землями пахатными, сѣнокосными, лѣсными, прудовыми мельницами и всякаго рода и званія въ вышепоименованныхъ селахъ, деревняхъ, слободахъ и хуторахъ имѣющимися угодіями, отдавая въ вѣчное, потомственное и безповоротное владѣніе оному внуку моему Николаю Михайловичу Стороженку, препоручаю нынѣ же въ его полное владѣніе и собственное распоряженіе сіе только имѣніе, именно: село Вибли и хуторъ Уборковскій и слободу Мохнатинскую со всѣми крестьянами, землями пахатными, сѣнокосными, лѣсными и со всѣми имѣющимися въ тѣхъ селеніяхъ и къ онымъ принадлежащими угодіями, а прочее имѣніе выше сего прописанное, въ часть ему внуку моему Стороженку отъ меня отдаваемое, оставляю я по смерть мою въ единственномъ моемъ владѣніи съ тѣмъ, что онъ, внукъ мой, Николай Стороженко, по смерти моей все сіе имѣніе, какъ уже собственное свое, принять имѣетъ и онымъ владѣть и располагать по волѣ своей властенъ будетъ. *Третье.* Всѣ крѣпости и бумаги, служащія на каждую часть отдаваемаго мною имѣнія внукамъ моимъ Григорію Петровичу Милорадовичу, Настасьѣ Петровнѣ Лашкевичевой, имѣю вручить по совершеніи на оное имѣніе законной крѣпости, а принадлежащія на часть внука Николая Михайловича Стороженка должны остаться при мнѣ состоящимся по смерть мою его имѣніемъ. *Четвертое.* Движимое мое имѣніе, находящееся только въ части, опредѣленной внуку моему Николаю Стороженку, оставляю въ полной моей свободѣ и власти, а по смерти моей остаться оному на всегда безъ раздѣла ему же внуку моему, Стороженку.

LXIX.

18 Іюня 1792 г. Копія, выданная Черниговскимъ дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ Якову Александровичу Стороженку,[1]) съ прошенія другихъ представителей его рода, поданнаго раньше въ дворянскую коммиссію и доказывающаго ихъ права на дворянство.

По указу Ея Императорскаго Величества Черниговскаго намѣстничества изъ дворянскаго собранія Господину Порутчику Якову Александрову сыну Стороженку выпись.

Сего 1792 года іюня 8 дня оной г. Порутчикъ Стороженко, поданнымъ въ сіе собраніе прошеніемъ изъясняя, необходимо де нужно ему имѣть выпись съ поданнаго въ дворянскую коммисію отъ дядей его: умершаго надворнаго совѣтника и совѣстнаго суда судіи Михаила Михайловича, да въ живыхъ находящагося примеръ-маіора Григорія Андреевича Стороженковъ на дворянское достоинство доказательства, въ коемъ и онъ показанъ бывшимъ тогда малолѣтнимъ и въ отлучкѣ на службѣ регулярной сержантомъ, просилъ выдачи ему съ онаго доказательства выписи; и какъ, по справкѣ съ имѣющимися въ дворянскомъ семъ собраніи дѣлами, оказалось, что отъ помянутыхъ надворнаго совѣтника и совѣстнаго суда судьи Михаила и примеръ маіора Григорія Стороженковъ о дворянскомъ ихъ достоинствѣ подано 1784 года іюня 10 дня доказательство за собственноручнымъ обоихъ ихъ подписаніемъ содержанія такова. (Затѣмъ слѣдуетъ доказательство, напечатанное выше на стр. 116 - 118). Для того въ дворянскомъ семъ собраніи опредѣлили: просителю г. Порутчику Якову Стороженку о вышеписанномъ выдать сію выпись, якая за надлежащимъ подписаніемъ и с приложеніемъ печати дворянскаго собранія выдана въ Черниговѣ 1792 года іюня 18 дня. Губернскій предводитель дворянства надворный совѣтникъ Василій Тарновскій. Уѣзда Черниговскаго депутатъ коллежскій ассесоръ Иванъ Дунинъ Борковскій. Уѣзда Борзенскаго депутатъ бунчуковый товарищъ Семенъ (подпись не разборчива).
Уѣзда Городницкаго депутатъ порутчикъ Иванъ Бакуринскій (м. п.)
Секретарь дворянства войсковый товарищъ Василій Шеметъ.

---

[1]) Яковъ Александровичъ Стороженко род. въ 1766 г., умеръ въ 1822 г. Служилъ въ Козловскомъ мушкетерскомъ полку, съ которымъ участвовалъ въ польской кампаніи 1794 г. Одно время былъ адъютантомъ котораго-то изъ сыновеій графа Петра Александровича Румянцова—Задунайскаго, но неизвѣстно въ то чности, какого именно: Михаила, Николая или Сергѣя? Съ своимъ принципаломъ Яковъ Александровичъ былъ въ Вѣнѣ. По преданію, былъ характера мрачнаго, бранилъ свѣтъ и людей.

LXX.

Опись имѣнію поручика Петра Стороженка,[2]) описанному на удовлетвореніе долговыхъ претензій, на него вступившихъ; учинена Борзенскимъ Нижнимъ Земскимъ Судомъ чрезъ присяжныхъ цѣновщиковъ, шести человѣкъ чиновныхъ дворянъ. 1809 года Августа 20 дня.

Господской дворъ, на ономъ строеніе: Домъ господской деревянной о четырнадцати покояхъ, подъ соломяною крышею: въ немъ большое зало, длиною 14, а поперешнику до 10 аршинъ, съ наружи ощекотуренъ и въ срединѣ также выщекатурено и расписано красками; маленькая при немъ гостиная, такъ ощекатуренная и росписанная подобно залу; прочія всѣ комнаты обдѣланы уборкою, иныя обоями, а нѣкоторыя щекатуркою. Оранжирейный залъ длиннику 15, а поперешнику 10 аршинъ о девяти большихъ окнахъ въ полуденной стѣнѣ, сѣней трое, печей семь. При ономъ домѣ людскихъ избъ въ первой связи, что ближе господскаго дому, деревянныхъ три, а четвертая кухня съ двумя сѣнями. Во второй связи деревянныхъ избъ три съ двумя сѣнями и однимъ амбаромъ. Въ третьей связи амбаръ мучной, подъ онымъ ледникъ, амбаръ горелчаный и кладовая.

	Сколько получается въ годъ доходу.		Цѣна имѣнія.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Близъ сихъ амбаровъ два погреба походные съ дубовыми потолоками, конюшня деревянная рубленая, сарай каретной деревяной рубленой, сараевъ скотскихъ плетневыхъ на дубовыхъ сохахъ съ деревяннымъ срубомъ три, длиною 90, а шириною 18 аршинъ, съ обширными при нихъ загонами. Сарай для всякой поклажи и подташье для работниковъ плетневые. Садъ съ протекающимъ при немъ прудомъ, состоящій изъ разныхъ фруктовыхъ деревьевъ, гдѣ устроены липовыя и бере-				

---

[2]) Петръ Даниловичъ Стороженко былъ отцомъ извѣстнаго писателя Алексѣя Петровича Стороженка. Въ описанномъ здѣсь домѣ Алексѣй Петровичъ родился и провелъ свое дѣтство. Черезъ Лизогубовъ Алексѣй Петровичъ состоялъ въ отдаленномъ родствѣ съ Н. В. Гоголемъ (прапрадѣды обоихъ по женскимъ линіямъ Андрей и Семенъ Лизогубы были родными братьями, сыновьями Черниговскаго полковника Ефима Лизогуба).

зовыя алеи, и гдѣ имѣется небольшая роща березоваго и дубоваго строеваго дерева, а внутри саду людская изба, рубленная деревянная съ сѣньми плетневыми и колодезь съ рубленною дубовою цямрою. Подъ всѣмъ вышеписаннымъ строеніемъ и садомъ земли пространствомъ длиною 272, а шириною 200 саженъ Цѣна двору со всѣми строеніями, садомъ, прудомъ, избою, колодеземъ и землею . . . . — — 800 —

Изъ саду фруктами и огородными плодами, а изъ пруда рыбною ловлею составить можно доходу на . . . . 40 — — —

Гумно господское съ землею . . . . — — 40 —

Господскихъ мельницъ, при слободѣ Лисогорѣ состоящихъ, три, въ коихъ первая полумашина рубленная, а вторая и третья въ ставни, стойные со землею . . . . — — 85 —

Изъ нихъ первая и вторая, яко дѣйствующія, могутъ приносить въ годъ доходу . . . . 65 — — —

Послѣдняя-жъ находится безъ дѣйствія, оныя мельницы оцѣнены въ 85 руб. по настоящей ихъ нынѣ стойности, а не противъ десятилѣтней сложности дохода, потому что онѣ—движимость и показанный съ нихъ доходъ есть временной, когда исправленіе и дѣйствіе будутъ. Огородъ, на коемъ имѣется одна изба рубленная ветхая для дѣланія печныхъ кахель и другая плетневая ветхаяжъ, да при оныхъ избахъ кирпичной заводъ въ пустѣ находящійся. Подъ онымъ огородомъ, строеніемъ и заводомъ земли пространствомъ въ длину 65, а въ ширину 50 саженъ; цѣна сему огороду съ строеніемъ и заводомъ . . . . — — 20 —

Съ огорода можно въ годъ получить дохода. 2 — — —

Шинковой домъ, въ коемъ хата срубленная, съ комнатою сѣни и напротивъ хаты комора съ ледникомъ, стойны съ землею, пространствомъ въ длину 12, а въ ширину 8 саженъ . . . . — — 40 —

Сей шинкъ есть единственное мѣсто, гдѣ крестьянѣ слободки Лисогора берутъ для своего обихода горячіе напитки, а потому и можно получить съ него въ годъ доходу на . . . . 500 — — —

Шинковой домъ предъ упомянутый оцѣненъ въ 40 руб. по нынѣшней стоимости въ немъ строенія, а не противъ сложности десятилѣтняго дохода, ибо оный есть временный и можетъ быть тогда, когда шинкованье будетъ происходить и не послѣдуетъ въ ономъ каковой утраты или неисправности.

Дворы, на которыхъ по назначенію Господина проживаютъ разновременно мастеровые, а иногда дворовые его люди:

1-й дворъ съ огородомъ, въ смѣжности двора крестьяна Прокофія Данжали, длиною 26, а шириною 16 саженъ, съ имѣющимся на ономъ дворѣ строеніемъ, хатою рубленною, хижею, клунею и двумя сараями плетневыми ветхими.

2-й дворъ съ огородомъ, въ смѣжности двора крестьянина Дмитрія Кизимира, длиною 27, а шириною 16 саженъ, съ имѣющимся на ономъ строеніемъ, хатою плетневою, съ рубленною связью, сѣньми, хижою и сараями.

3-й дворъ съ огородомъ, въ смѣжности двора крестьянина Саввы Дубовина, въ коемъ строеніе: хата плетневая, сѣни, хижа, четыре сарая и одна клуня плетневые, длиною 52, а шириною 40 саженъ.

Всѣ сіи три двора съ огородами и строеніемъ стойны цѣны	—	—	27	—
Изъ огородовъ можно получить въ годъ доходу	1	35	—	—
Лѣсокъ при слободкѣ Лисогорѣ въ урочищѣ Божибайловщинѣ дубоваго дерева, подъ коимъ всей земли одна десятина стойной	—	—	25	—
Трактиръ, состоящій надъ дорогою, идущею съ Нѣжина въ Роменъ, въ двухъ рубленныхъ избахъ, раздѣленныхъ подъѣздными плетневыми сѣньми, при коемъ повѣть, амбаръ рубленной съ дубовымъ ледникомъ и колодеземъ, да съ принадлежащею къ оному выгонною землею на одну десяттну и съ озеромъ, стойный цѣны	—	—	40	—
Съ него можно получить въ годъ доходу на .	200	—	—	—

Предъупомянутой трактиръ оцѣненъ въ сорокъ рублей по настоящей стойности въ немъ

строенія, а не противъ сложности десятилѣтняго дохода, ибо оной есть времянный, и можетъ быть тогда, когда шинкованье будетъ происходить и не послѣдуетъ въ ономъ каковой утраты или неисправности.

Господской пахатной земли:

Во всѣхъ трехъ смѣнахъ около слободки Лисогора восемь сотъ десятинъ; вся оная земля къ обрабатыванію удобная, стойная цѣны, полагая каждую десятину по десяти рублей . . . . — — 8000 —

Двѣ части земли осѣменяются ежегодно озимымъ и яровымъ хлѣбомъ, а третья часть оной бываетъ въ толокѣ подъ пастьбою скота.

Изъ тѣхъ двухъ частей земли, бываемой въ обрабатываніи, составитъ отдачею въ наемъ за деньги или полученіемъ скопщины доходу годоваго на восемь сотъ рублей. Но поелику она обрабатывается слободы Лисогора крестьянами, особо въ цѣну поставляемыми, безъ заплаты, то можетъ годоваго доходу разнымъ хлѣбомъ принесть на . . . 2128 — — —

Сѣнокосной земли въ урочищѣ „къ западнѣ,“ въ смѣжности земли Его Сіятельства Графа Сергѣя Петровича Румянцева и помѣщиковъ Будлянскаго и Кулябки, сто сорокъ четыре десятины стойной цѣны, полагая десятину по десяти рублей, — — 1440 —

Сія земля имѣетъ грунтъ и качество одинакое съ пахатною землею, каждой годъ обрабатывается.

Изъ оной земли, отдачею въ наемъ за деньги или полученіемъ скопщины, годоваго доходу составляетъ на 144 руб. Но поелику она обрабатывается слободы Лисогора крестьянами, въ особую цѣну поставленными, то можетъ быть годоваго доходу на . . . . 550 — — —

Сверхъ вышеписаннаго количества сѣнокосной земли въ томъ же урочищѣ порутчику Ивану Можневскому и коллежскому секретарю Семену Торанскому по претензіямъ отъ повѣтоваго Конотопскаго Земскаго суда чрезъ вознаго отданная, по сей описи невключена.

Лѣсъ при слободкѣ Лисогорѣ, въ урочищѣ Новой Гребли, дубоваго и березоваго дерева въ строеніе годнаго и не годнаго, въ которомъ прудъ и на ономъ плотина съ мельницею, пространствомъ на двѣсти сорокъ десятинъ стойной цѣны .	—	—	2000	—
Съ мельницы можно получить въ годъ доходу	60	—	—	—

ГОСПОДСКОИ ДВИЖИМОСТИ:

Лошадинные ременные старые четыре хомута, стойны каждой по 1 руб.	—	—	4	—
Двѣ ременныя узды стойны цѣны каждая по двадцати копѣекъ	—	—	—	40
Четверныя конопляныя возжи съ ременными наконечниками и пряжками желѣзными стойны цѣны	—	—	—	60
Карета двумѣстная старая, способная къ ѣздѣ, на темнозеленомъ ходу, кузубъ палевой съ бронзою съ четырмя цѣлыми окнами, стойна цѣны . .	—	—	35	—
Лошадь рижопѣгая, на оба глаза полудою слѣпа, грива на лѣво, во лбу звѣзда съ проточиною, на морду сошедшою, обѣ ноздри и губы бѣлыя, на лѣвомъ окороку тавро М., росту 2 аршинъ 3 вершковъ и трехъ четвертей, стойна	—	—	25	—
Вѣсы деревянные съ коромысломъ желѣзнымъ, при коихъ гирь: двухъпудовая одна, пудовая одна и разбитныхъ одинъ пудъ; да кузнецкое желѣзное ковало, вѣсомъ въ два пуда 38 фунтовъ, стойны цѣны.	—	—	10	50
Четыре старыя стулья съ полуситцовыми ветхими подушками, стойные	—	—	6	—
Столъ деревянной, небольшой, простой и другой круглой, маленькой, стойны цѣны	—	—	2	20
Кровать простая деревянная съ веревками стойна	—	—	—	30
Дѣжки деревянныя порожнія три, стойныя .	—	—	—	60
Пять мѣрокъ деревянныхъ, стойны	—	—	1	20
Четыре бочки деревянныя, отодненныя и пятая уксусная порожняя, стойны цѣны	—	—	5	—

(Затѣмъ слѣдуетъ поименный списокъ крестьянъ съ ихъ семействами и описаніе принадлежащаго имъ имущества. Мы его пропускаемъ, какъ какъ въ немъ не заключается никакихъ интересныхъ для семейной исторіи чертъ).

ОЗНАЧЕНІЕ ОБЩАГО ЧИСЛА КРЕСТЬЯНЪ.	МУЖЕСКА.			ЖЕНСКА.		
	По ревизіи 795 написаніе.	Изъ того числа выбыліе.	Нынѣ на лицо состоящіе.	По ревисіи 795 написаніе.	Изъ того числа выбыліе.	Нынѣ на лицо состоящіе.
Дворовыхъ	46	26	29	33	21	21
Находящихся за господскимъ дворомъ	267	99	286	270	102	290
А всего въ Слободѣ Лисогорѣ крестьянъ.	313	125	315	303	123	311

Вышеписаннымъ крестьянамъ, полагая каждую ревизскую душу мужскаго пола съ имуществомъ по семидесяти пяти рублей, цѣна двадцать три тысячи четыреста семьдесятъ пять рублей . . 23475 р. „

	Цѣна. Рубли.	К.
А всего Господское имѣніе съ крестьянами и ихъ имуществомъ стоитъ цѣны тридцать пять тысячъ девятьсотъ девяносто два рубля	35992	—
Съ него годоваго доходу на	3546	35

Все принадлежащее къ слободѣ Лисогору имѣніе есть отрубное, чрезполосныхъ же земель нѣтъ, и въ самой слободкѣ другихъ владѣльцевъ кромѣ его, Стороженка, неимѣется.

При учиненіи сей описи присутствовали:

Земскій Комисаръ Михайло Бѣлозерскій. Засѣдатель Дорошевскій. Засѣдатель Шаповалейковъ. При сей описи находились и за учиненною присягою оцѣнку полагали:—Подпоручтикъ Тимофѣй Шикулинъ. Корнетъ Василій Панченко. Корнетъ Мартинъ Ковтунъ, а вмѣсто его неграмотнаго по его личному прошенію руку приложилъ Коллежскій Регистраторъ Ефимъ Ефименко. Коллежскій Регистраторъ Михайло Малеваный. Коллежскій Регистраторъ Максимъ Кримировскій. Коллежскій Регистраторъ Захарій Макаровцовъ. При описаніи сего моего имѣнія и оцѣнкѣ былъ на лицо - Порутчикъ Петръ Стороженко. Все значущееся по сей описи имѣніе и крестьянъ въ цѣлостное сбереженіе и распоряженіе приняли Порутчикъ Николай Яновичъ. Губернскій Секретарь Иванъ Подтаевскій. Вѣрно: въ должности Секретаря Печковскій повытчикъ . . . .

LXXI.

О смерти Николая Михайловича Стороженка, Черниговскаго губернскаго предводителя дворянства, въ 1815 г. *).

Николай Михайловичъ Стороженко былъ правнукъ извѣстнаго Черниговскаго полковника Павла Полуботка. Онъ былъ двѣнадцать лѣтъ Черниговскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Свѣдѣній біографическихъ о немъ почти никакихъ нѣтъ, кромѣ статьи Ѳедора Глинки, извѣстнаго поэта, умершаго въ 1881 году, а потому мы перепечатываемъ ее изъ книги его, изданной въ 1815 г. „Письма къ другу".

„Смерть похищаетъ лучшія растенія изъ цвѣтника жизни!" Еще однимъ добродѣтельнымъ стало меньше на землѣ!.... Онъ умеръ, сей почтенный человѣкъ, въ которомъ страдальцы находили подпору, котораго бѣдные называли отцомъ. Имя его глубоко врѣзано въ сердцахъ, облагодѣтельствованныхъ имъ; оно извѣстно въ Черниговѣ и пребудетъ незабвеннымъ для всей Малороссіи. Почтенный Николай Михайловичъ Стороженко, послѣ продолжительной болѣзни, скончался въ С.-Петербургѣ. Я получилъ извѣстіе о кончинѣ его уже въ Москвѣ. Ты зналъ его, другъ мой! а кто только зналъ сего человѣка, для того нечего распространяться въ похвалахъ о немъ. Я видѣлъ его на одрѣ болѣзни! — Тихо и спокойно склонялся онъ въ объятія смерти! .... Онъ точно съ такимъ же равнодушіемъ готовился перейти съ одра въ могилу, какъ человѣкъ, наскучившій шумомъ, блескомъ и волненіемъ какого нибудь свѣтскаго общества, отходитъ подъ мирный кровъ своего уединенія для сладкаго отдыха отъ трудовъ. „Сегодня врачи мои слишкомъ много толковали промежъ себя по-латынѣ, видно они чувствуютъ, что лампада скоро угаснетъ!" Такъ говорилъ онъ мнѣ не задолго до моего отъѣзда. А съ какимъ лицомъ говорилъ онъ это! надо было его видѣть, чтобъ почувствовать всю цѣну чистой совѣсти, подкрѣпляющей праведника на одрѣ его! „Посидите еще немного со мною", часто говаривалъ онъ, когда я, пробывъ у него часъ, или два, хотѣлъ уходить. Въ разговорахъ съ нимъ забывалъ я время, мѣсто и обстоятельства.

*) Изъ книги „Письма къ другу", Ѳедора Глинки, С.-Пб., 1816, часть первая, стр. 65 и 79.

И между тѣмъ, какъ великолѣпнѣйшій изъ городовъ шумѣлъ, блисталъ и кружился около насъ, мнѣ казалось, что я огражденъ уединеніемъ самой безмолвной пустыни и смотрю на человѣка, не причастнаго никакимъ приманкамъ счастія, никакимъ обольстительнымъ очарованіямъ свѣта, на человѣка, котораго вѣра и надежда, въ видѣ двухъ прелестныхъ ангеловъ, готовы были отторгнуть отъ праха земнаго и переселить въ лучшій свѣтъ!

Чего только не говорили мы съ нимъ о нашемъ свѣтѣ... Мы говорили о роскоши и развратѣ, выхлынувшемъ изъ береговъ своихъ и бурно наводняющемъ общества. Говорили мы о пожарахъ страстей, въ которыхъ перегораютъ всѣ связи, тлѣетъ основаніе благихъ нравовъ и разрушается благоденствіе людей. По добротѣ души своей и по кротости нрава онъ никого не осуждалъ, а просто только дивился заблужденіямъ свѣта. Собственная болѣзнь ни мало не тревожила его, но болѣзнь его вѣрнѣйшаго друга, его нѣжной супруги, которая, просидѣвъ нѣсколько ночей сряду безъ сна надъ его постелью, впала въ жестокую горячку, сильно возмущала духъ его въ послѣдніе дни жизни. Онъ имѣлъ, однакожъ, и свои минуты сладчайшаго восторга. Тогда удовольствіе вливало въ него новую душу и догорающая свѣча жизни пылала яснѣе! Я былъ свидѣтелемъ сихъ минутъ. А чтобъ привести и тебя въ восхищеніе, то стоитъ только разсказать, что было причиною оныхъ.

Ея Величество Императрица Марія Ѳеодоровна, уже съ давнихъ лѣтъ слывущая земнымъ провидѣніемъ вдовъ и сиротъ, благословляемая сердцами тѣхъ и другихъ, нынѣ явно открываетъ себя покровительницею добродѣтелей, нравовъ, дарованій и даже коренныхъ обычаевъ народа русскаго, народа, умѣющаго обожать Государей, его любящихъ. Наслышась о добродѣтеляхъ Николая Михайловича Строженка, о любви къ нему всѣхъ жителей Черниговской губерніи и услугахъ, оказанныхъ имъ обществу и отечеству, Она тотчасъ обратила особенное вниманіе свое къ сему почтенному россіянину. Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ возвѣщалъ почти каждый день болящему другу своему какое нибудь ласковое слово Государыни. „Представь, другъ мой“, говорилъ онъ: „сегодня Императрица съ неизъяснимою прелестію одной только Ей свойственной привѣтливости спрашивала меня о твоемъ здоровьи. Она даже входила въ подробности болѣзни твоей!“—Въ другой разъ онъ говорилъ опять, входя съ веселымъ лицемъ: „Знаешь, что мнѣ сказала Государыня сегодня! Что ты будешь вѣрно здоровъ! Она узнала отъ лѣкарей, которымъ велѣла доносить себѣ о твоей болѣзни, что ты прибралъ наконецъ себѣ кушанье по вкусу!“—Боже!—восклицалъ больной, чѣмъ заслужилъ я къ себѣ такое милостивое вниманіе Матери народа!—и въ сію минуту всѣ чувства его цвѣли неска-

заннымъ удовольствіемъ. „Покойникъ былъ честолюбивъ!“ скажутъ легкомысленные свѣтскіе умники, привыкшіе толковать все въ худую сторону. Нѣтъ, милостивые государи! онъ имѣлъ только одно благородное честолюбіе и никогда не дозволялъ ему превращаться въ страсть, пожирающую сердца, воспаляемыя ею. Но милосердному провидѣнію угодно было устроить сердце человѣческое такъ, что ему всегда пріятно вниманіе, пріятно слово благоволенія отъ того, кто правитъ судьбою общества, или только собственной его. Въ младенчествѣ тѣшитъ насъ лишняя улыбка отца или матери; въ юношествѣ одно ласковое слово учителя доставляетъ цѣлый день удовольствія; въ зрѣлыхъ лѣтахъ вниманіе благоразумнаго начальника крѣпитъ на трудномъ поприщѣ военномъ; а вниманіе Государя заставляетъ жертвовать всею своею кровью, всѣми радостями жизни и бросаться въ объятія смерти съ жаромъ юнаго жениха, летящаго къ невѣстѣ своей. На сей тайнѣ сердца человѣческаго основывается власть управляющихъ народами и симъ единственно поддерживается правленіе самодержавное.

„Для одного только желалъ бы еще выздоровѣть“,—говорилъ больной,—„чтобъ посвятя всѣ дни, всѣ часы жизни моей на пользу отечества, оправдать вниманіе ко мнѣ Императрицы“.—Онъ не выздоровѣлъ, но прежнія его дѣла награждены; но добродѣтель смѣлѣе пускается въ борьбу съ порокомъ, видя себя ободряемою и кѣмъ же ободряемою?—Владычицею народа!—„Если хотите искоренить изъ народа вашего разврать, вредныя страсти и всѣ внѣдрившіеся въ немъ пороки, то отличайте добродѣтель; не взирайте ни на природу, ни на богатство, „сіи два ложныя права къ преимуществамъ въ обществѣ, но, уважая „дарованія разума и сердца, цѣните превыше всего услуги, оказанныя „отечеству!“

„Не подавайте богатству повода гордиться — пустымъ даромъ „фортуны—своимъ золотомъ.—Отвращайте взоръ отъ пышной одежды, „скрывающей порокъ, и съ благоволеніемъ смотрите на рубище, сквозь „которое блещетъ добродѣтель. Симъ единымъ средствомъ пресѣчете „вы роскошь въ самомъ корнѣ ея; симъ истребится духъ корыстолюбія.— „Люди вашего вѣка исцѣлятся отъ неутолимой жажды къ деньгамъ, за „которыя теперь жертвуютъ всѣмъ и которыя становятся для нихъ необходимы для того, чтобъ блистать въ обществѣ и при дворѣ!“

Такъ говоритъ Велизарій Юстиніану или въ лицѣ его Государямъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ. Прекрасныя слова сіи, которыми восхищались мы прежде только въ книгѣ, теперь сбываются на самомъ дѣлѣ. Добродѣтель нашла вѣрное себѣ убѣжище въ чертогахъ нашихъ Государей, гдѣ благочестіе нравовъ и прелестная простота въ образѣ жизни уже становятся блистательнѣйшимъ примѣромъ и вмѣстѣ самою разительною укоризною для всѣхъ, въ роскоши утопающихъ!

Вотъ тебѣ, другъ мой! описаніе кончины добродѣтельнаго мужа; прости мнѣ отступленія, къ которымъ увлекся невольно!—Наконецъ, чтобъ испытать еще болѣе терпѣніе твое, прилагаю и длинные стихи на смерть покойнаго. Но они излились пламеннымъ потокомъ изъ сердца моего.—Я не имѣлъ времени ни осмотрѣть, ни обработать ихъ, а посылаю такъ, какъ они вышли изъ подъ пера. По причинѣ недавней разлуки моей съ покойнымъ я такъ живо себѣ его воображаю, не только воображаю, но кажется, вижу, чувствую и осязаю его! -По сему-то я и представляю въ стихахъ сихъ описаніе кончины и прочаго, какъ будто самъ все сіе вижу наяву.

На печальную кончину Его Превосходительства Николая Михайловича Стороженка.

Отколь несется звонъ унылой
Чрезъ пышный градъ—гдѣ жизнью полнъ
Цвѣтущій бодростью и силой
Народъ, въ подобьи бурныхъ волнъ,
Кружится въ вихряхъ треволненья?....
Отколь печальный слышу пѣнья
И смерти гласъ сквозь жизни шумъ?
На брегъ Невы, во льдахъ стѣсненной,
Въ храмъ дивный зодчествомъ, священный,
Иду, исполненъ грустныхъ думъ.—

* * *

Что зрю межъ сумраковъ печальныхъ?
Какъ звѣзды въ тверди, вкругъ огни!...
Надъ кѣмъ стонъ пѣсней погребальныхъ?
Чьи смерть, какъ злакъ, скосила дни?
На мраморномъ помостѣ храма
Чей гробъ, въ куреніяхъ фиміама,
Во сребряномъ дыму кадилъ?—
Тамъ ликъ Синклита въ облаченьи,
Тамъ пышный сонмъ Вельможъ въ смятеньи,
Тамъ славный въ браняхъ Вождь унылъ!—
Ты-ль, Стороженко! ты-ль во гробѣ.

* * *

Отецъ несчастныхъ, бѣдныхъ другъ!
Рабомъ ни зависти, ни злобы
Твой не былъ благородный духъ:
Онъ цвѣлъ какъ вешній день прекрасной!..
Ты съ совѣстью спокойной, ясной,
Не вѣдалъ бурь, страстей, тревогъ....
Одну любя лишь добродѣтель,
Былъ въ тайнѣ людямъ благодѣтель:
Но тайну дѣлъ твоихъ зналъ Богъ.

* * *

Давно-ль—о сладкія мгновенья!—
Я при одрѣ твоемъ сидѣлъ
И въ трудномъ съ недугомъ бореньи
Тебя я зря, рѣчь сладку велъ
Съ тобой въ бесѣдѣ невозвратной
О томъ, сколь сей мятеженъ свѣтъ,
Сколь поприще честей опасно,
Сколь тратимъ въ жизни дней напрасно,
Стремясь за счастіемъ въ вихрь суетъ?...

* * *

Давно-ль твои сужденья здравы
Всему давали точный вѣсъ?
Давно-ли, зря растлѣнны нравы,
Ты рекъ: „знать гнѣвъ еще Небесъ
Не исцѣлилъ насъ отъ пороковъ!
Какихъ намъ новыхъ ждать уроковъ?....
Давно-ли въ буряхъ Богъ гремѣлъ?—
Давно-ли рока произволы
Шатали царства и престолы
И міръ подсолнечный блѣднѣлъ?

* * *

„Давно-ль межъ насъ ходили войны?
Давно-ль оружья и огни
Въ мятежны времена, нестройны
И въ полны слезъ и крови дни
Смятенну обнажали землю?
Нигдѣ раскаянья не внемлю,
Ни въ чемъ не вижу перемѣнъ,
Хоть раны зрю вездѣ глубоки!—
Изъ пепла встали тѣ жъ пороки!...
О сколь страстей ужасенъ плѣнъ!“—

* * *

Смотря людей на заблужденья,
Давно-ли такъ ты разсуждалъ?—
И въ лютой скорби, въ истомленіи
Еще мгновенно оживалъ,
Какъ вѣнценосныя Царицы
(Въ комъ счастье сироты, вдовицы)
Къ тебѣ склонялся кроткій взглядъ:—
Сколь нива, жаждой утомленна,
Дождемъ прохладнымъ напоенна,—
Столь ты вкушалъ тогда отрадъ!....

* * *

Но ахъ! на долго-ль скорбь смягчалась?—
Не долго духъ твой ясной цвѣлъ:
Подъ ложемъ смерть твоимъ скрывалась
Надъ сердцемъ тяжкій часъ висѣлъ!—
Нѣтъ! ты не умеръ въ содраганіи,
Въ порывахъ, въ стонахъ и въ терзаніи,
Не воздымалась грудь, горя.—
Люта смерть грѣшныхъ и лукавыхъ,
Безъ воплей жизнь отходитъ правыхъ:
Ты стихъ, какъ на небѣ заря!—

* * *

Но что!—теряясь въ размышленіяхъ,
Какой вдругъ внемлю плачъ и стонъ?—
Въ слезахъ, въ терзаніи, и въ мученіяхъ
Кто смерти тамъ клянетъ законъ?—
Отъ ней ничто не оборонитъ!
Полъ-жизни здѣсь своей хоронитъ
Съ супругомъ вѣрная жена.
Стонъ смолкъ;—но съ поздними часами,
Въ нѣмой бесѣдѣ съ небесами,
Вновь скорбна, мрачна и грустна.—

* * *

Не сѣтуй, нѣжная супруга!
Не лей, скрываясь, горькихъ слезъ:
Ты здѣсь оплакиваешь друга;
А другъ твой къ радостямъ небесъ
Паритъ въ надзвѣздный міръ высоко!
Не знаетъ умъ, не видитъ око
Тѣхъ благъ, которыя Творецъ
Готовитъ намъ въ странахъ безвѣстныхъ:
Тамъ въ златѣ солнцъ, въ заряхъ небесныхъ
Цвѣтетъ для праведныхъ вѣнецъ!—

* * *

Ужель помыслить намъ возможно,
Что для земли мы рождены;
Для міра, гдѣ все тлѣнно, ложно,
Гдѣ всѣ страстямъ покорены;
Гдѣ смертный, чувствомъ благородный,
Къ коварствамъ, къ низостямъ несродный,
Всегда униженъ и забытъ
За то, что прихотямъ порока
Почтенія не даетъ глубока
И знатнымъ лестью не кадитъ.—

* * *

Нѣтъ, нѣтъ! есть міръ иной, міръ вѣчный,
Гдѣ нѣтъ разврата, крови, слезъ,
Гдѣ самой тихой гласъ сердечный
Предъ воплемъ гордый перевѣсъ
Въ судѣ Творца людей—имѣетъ.—
Посмотримъ мы, какъ тамъ посмѣетъ
Надменной кроткихъ попирать;
Богачъ—ругаться нищетою,
И пышность, съ ризою златою,
Убогихъ прахомъ заметать!

* * *

Посмотримъ! .. наши всѣ надежды
Въ томъ мірѣ обрѣсти покой.—
„Гдѣ-жъ міръ тотъ?"—Смолкните невѣжды!...
Доколь желѣзною рукой
Судьба не свергнетъ васъ въ могилы;
Сознайтесь!—есть насъ выше силы:
Вселенной правитъ Бога перстъ!
По мѣрѣ, по красѣ дѣяній,
Должны мы чаять воздаяній:
Чрезъ гробъ—двоякій путь отверзтъ!—

* * *

Твой духъ, мужъ правый, добрый, честный!...
О Стороженко! сирыхъ другъ!
Паритъ по высотѣ небесной
Въ невѣдомый для смертныхъ кругъ.
Тамъ вихрятся міры несчетны,
Пылаютъ солнца искро-метны....
Въ златыя, звѣздныя страны,
Чрезъ огне-зарную дорогу,
Твой духъ грядетъ на лоно къ Богу.—
А прахъ почіетъ близъ Десны.—

* * *

Быть можетъ, въ нѣкій часъ свободный
Я посѣщу гробъ мирный твой!
И вновь, мужъ рѣдкій, благородный!
Возвышу, въ честь добра, гласъ свой
Надъ тихою твоей могилой;—

Да всѣ надменны саномъ, силой,
Кому подлунный тѣсенъ предѣлъ,
Узрятъ къ добру пѣвцовъ почтенье.
Власть, сила грозныхъ—лишь мгновеніе!
Въ вѣкахъ исчезнутъ ихъ удѣлъ!...

* * *

О, даруй мнѣ, Творецъ вселенной!
Да въ бурномъ вихрѣ дней моихъ
Не совращусь съ стези священной
И дѣлъ и помысловъ благихъ!—
Да ввѣкъ пою добру и чести!
Да ввѣкъ во мнѣ не узрятъ лести
Ни на устахъ, ни подъ перомъ!—
Когда-жъ съ толпой льстецовъ смѣшуся,
Пороку въ златѣ поклонюся,
Пусть разразитъ весь даръ мой громъ!—

* * *

Блаженъ, кого добра съ путями
Ничто не сильно разлучить:
Не связанъ чуждыми страстями,
Кто можетъ правду говорить
Царю, народу и Вельможѣ!...
Свобода чувствъ всего дороже!—
Клянусь пѣть только о добрѣ,
И счастливъ, коль мои негромки
Услышатъ пѣнія потомки,
Какъ гласъ свирѣли на зарѣ!—

Ѳ. Глинка.

LXXII.

7 августа 1818 года. Прошеніе Николая Есимонтовскаго, Ивана Чернявскаго, Ивана, Павла и Василія Тишкевичей въ Черниговскій повѣтовый земскій судъ по дѣлу о наслѣдствѣ, оставшемся послѣ смерти, 12 января 1815 г., дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Михайловича Стороженка.

Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій Великій Государь Императоръ Александръ Павловичъ, Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемилостивѣйшій.

Просятъ коллежскій ассесоръ Николай Алексѣевъ сынъ Есимонтовскій за себя и по довѣренности коллежскаго секретаря Ивана Петрова сына Чернявскаго, титулярный совѣтникъ Иванъ Михайловъ сынъ Тишкевичъ, коллежскій регистраторъ Павелъ и дворянинъ Василій Павловы сыны Тишкевичи, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты.

1-й.

Бывшаго малороссійскаго Прилуцкаго полка Иваницкой сотни сотникъ Иванъ Андреевъ сынъ Стороженко имѣлъ у себя сына, бунчуковаго товарища Михаила, и двухъ дочерей, Ирину и Марію. Съ нихъ Михаилъ имѣлъ одного только сына, Надворнаго Совѣтника Михаила же, отъ сего рожденъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Николай Михайловичъ Стороженко, смертію коего мужское колѣно прописаннаго сотника Ивана Стороженка пресѣклось; дочери же онаго сотника: первая, Ирина, была въ замужьи за дворяниномъ сотеннымъ атаманомъ Петромъ Тишкевичемъ, отъ коей рождены два сына, Михаилъ и Павелъ Тишкевичи, а отъ сихъ рожденны мы, просители, Тишкевичи; другая, Марія, была въ замужьи за дворяниномъ Дмитріемъ Синютою, отъ нея рождены двѣ дочери, Марфа и Елена; съ нихъ: Марфа была въ замужьи за войсковымъ товарищемъ Федоромъ Чернявскимъ, а отъ него рожденъ коллежскій регистраторъ Евграфъ Чернявскій; Елена жъ была въ замужьи за дворяниномъ Петромъ Чернявскимъ, а отъ сей рожденъ коллежскій секретарь, Иванъ Чернявскій. По сему линѣйному рода Стороженка происхожденію, за смертію Николая Стороженка, 1815 года генваря 12 послѣдовавшею, ко всему оставшемуся по немъ родовому и благопріобрѣтенному его имѣнію ближайшіе наслѣдники суть Тишкевичи и Чернявскіе, съ коихъ Евграфъ Чернявскій урядовимъ улиточнимъ записомъ право свое къ оному уступилъ вѣчно и потомственно съ насъ просителей Есимонтовскому.

2-й.

Николай Михайловичъ Стороженко за жизнь свою благопріобрѣлъ отъ бабки его по матерѣ, жены бунчуковаго товарища Семена Полуботка, Анастасіи Полуботковой, урожденной Леонтовичевой, по крѣпостной уступкѣ, 1791 года октября 16 дня совершенной, имѣніе, именно, Черниговской губерніи, Городницкаго повѣта, село Новые Боровичи съ плотиною и всѣми мельницами, по рѣкѣ Сновѣ стоящими, деревни Старые Боровичи, Здриговку, хуторъ Андруши, въ городѣ Городнѣ шинковой домъ, Черниговскаго повѣта Слободу Мохнатинскую, село Выбли и хуторъ Уборковскій, Сосницкаго повѣта деревни Загребельную Слободку, Илькучу, Каруковку съ хуторомъ Каруковскимъ, къ коему пренадлежитъ двѣ части земель и пущи отъ Габриловки, да землю въ городѣ Черниговѣ, на коей состоитъ устроенный собственнымъ его, Стороженка, коштомъ домъ съ находящимися въ немъ собственною жъ движимостію и всѣмъ къ оному дому принадлежащимъ строеніемъ, которое все имѣніе Стороженка по производящемуся взысканію оставшихся на немъ казенныхъ и частныхъ долговъ и претензій состоитъ нынѣ въ опекунскомъ управленіи.

3-й.

Къ пріему значащагося имѣнія и къ платежу претензій на Стороженку состоящихъ учиненъ со стороны нашей отзывъ по производству объ нихъ дѣла въ Черниговскій повѣтовый земскій судъ и доказано право наслѣдства нашего по Стороженкѣ къ его имѣнію; но между тѣмъ къ оному жъ благопріобрѣтенному Стороженка имѣнію, объявили себя и по матерней линіи господинъ тайный совѣтникъ и кавалеръ Григорій Петровичъ Милорадовичъ и сестра его подполковница Анастасія Петровна Милорадовичева Лашкевичева наслѣдниками, не имѣя къ оному ни малѣйшаго права, а таковымъ нерезоннымъ своимъ споромъ воспрепятствовали и въ оставленіи имѣнія того въ нашемъ владѣніи, ибо по перепискамъ, происходившимъ на основаніи Указа Правительствующаго Сената, указомъ Черниговскаго губернскаго правленія отъ 12-го числа ноября 1817 года предоставлено на послѣдокъ заспорившимъ объ ономъ имѣніи развѣдаться установленнымъ порядкомъ, которому послѣдуя и объявляя по совѣсти цѣну иска триста пятьдесятъ тысячъ, съ представленіемъ при семъ и исковыхъ шести рублей пошлинъ просимъ, дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сію нашу исковую жалобу принявъ записать, а господъ Милорадовича и Лашкевичеву по положенію въ разныхъ повѣтахъ имѣній Стороженка припозвать въ сходство права статутоваго раз-

дѣла 4-го артикула 71 въ одинъ Черниговскій повѣтовый земскій судъ чрезъ позвы на земскіе роки къ расправѣ, и вышеозначенное благопріобрѣтенное Стороженка имѣніе отдать въ наше по наслѣдству владѣніе со всѣми доходами съ онаго быть долженствующими, а не имѣющимъ къ оному права по материнской линіи господамъ Милорадовичу и Лашкевичевой отказать по законамъ, для Малороссіи Высочайше утвержденнымъ, на основаніи узаконеній книги Статутъ раздѣла 3-го артикула 17-го, со взысканіемъ и убытковъ, каковы по дѣлу нами ронены быть имѣютъ, съ прилагаемой же при семъ довѣренности снявъ къ дѣлу копію, подлинную возвратить изъ насъ Есимонтовскому.

Всемилостивѣйшій Государь, просимъ Вашего Императорскаго Величества о сей нашей жалобѣ рѣшеніе учинить. Къ подачѣ надлежитъ въ Черниговскій повѣтовый земскій судъ 1818 года августа 7-го дня. Сіе прошеніе сочинялъ и переписывалъ изъ насъ просителей коллежскій регистраторъ Павелъ Тишкевичъ.

Къ сему прошенію подписался коллежскій ассесоръ Николай Есимонтовскій.

Къ сему прошенію подписался титулярный совѣтникъ Иванъ Михайловъ сынъ Тишкевичъ.

Къ сему прошенію подписался коллежскій регистраторъ Павелъ Павловъ сынъ Тишкевичъ.

Къ сему прошенію подписался дворянинъ Василій Павловъ сынъ Тишкевичъ.

Малороссійской Черниговской губерніи въ Черниговскомъ повѣтовомъ земскомъ судѣ копія исковой жалобы с таковою подлинною была считована, оказалась во всемъ вѣрною, и въ сходство состоявшагося въ семъ судѣ по прошенію уполномоченнаго отъ подполковницы Анастасіи Лашкевичевой, губернскаго секретаря Ефима Конобки, опредѣленія и съ симъ засвидѣтельствованіемъ, за подписомъ присудствующихъ, съ приложеніемъ казенной печати въ сторону Лашкевичевой выдана 1829 года іюня 12 дня.

Судья земскій Кириллъ Колодкевичъ.

Подсудокъ земскій Дмитрій Малаховъ.

Земскій писарь Мокіевскій Зубокъ.

Канцеляристъ Бокевичъ Щуковскій.

LXXIII

28 ноября 1822 г. Духовное завѣщанiе Якова Александровича Стороженка.

Лѣта тысяча восемъ сотъ двадцать второго года, ноября в двадцать восьмой день. Я нижеподписавшiйся помѣщикъ поручтикъ Яковъ Александровъ сынъ Стороженко, будучи въ слабомъ здоровьи, но при совершенной памяти, и здравомъ разсудкѣ, вѣдая неизбѣжность смерти и дабы за раздѣлъ имѣнiя моего, Полтавской и Черниговской губернiй въ повѣтахъ Лохвицкомъ, Прилуцкомъ, Нѣжинскомъ и Борзенскомъ состоящаго, не могло воспослѣдовать между дѣтьми моими, тремя сынами и дочерью, неудовольствiй и самой тяжбы, распредѣляю все нынѣ налицо находящееся и во владѣнiи моемъ состоящее движимое и недвижимое имѣнiе и крестьянъ по нижеслѣдующему: 1) Брагинское недвижимое имѣнiе мое, заключающееся въ ревизiяльныхъ мужеска пола душахъ крестьянъ съ землями и всѣми принадлежащими къ сему моему имѣнiю угодiями, опредѣляю на равныя части двумъ моимъ сыновьямъ, Ильи и Александру, съ тѣмъ, что первому долженъ принадлежать въ часть и домъ мой жилой съ строенiемъ и усадьбою, а послѣднему изъ общихъ имѣнiй выстроить на особомъ приличномъ грунтѣ тому подобный; кромѣ того, о чемъ ниже, изъ сего Брагинскаго имѣнiя въ пользу дочери моей назначается. 2) Какое число душъ крестьянъ одному изъ означенныхъ сыновъ моихъ въ Брагинцахъ за раздѣломъ и за удовлетворенiемъ сестры ихъ достанется, такое точно въ силѣ Иржавцѣ Прилуцкаго повѣта изъ числящихся тамъ крестьянъ моихъ съ семействами, землями и угодiями, на оное количество причеться имѣющими, опредѣляю старшему сыну моему Андрею, а остающихся затѣмъ въ Иржавцѣ крестьянъ съ семействами порядочнаго состоянiя и поведенiя съ причитающимися на нихъ землями и угодьями, равно имѣнiе мое въ мѣстечкѣ Ичнѣ съ крестьянами же, назначаю и отдаю дочерѣ моей Еленѣ, къ чему присовокупляю во уравненiе подлежащей ей четвертой части имѣнiя капитала 5000 р. и изъ дворовыхъ въ селѣ Брагинцахъ четырехъ человѣкъ, то есть повара, лакѣя, кучера и фарейтора да трехъ дѣвокъ, итакъ, чтобы ей составилось не мѣнѣе 40 душъ наличныхъ крестьянъ мужска пола. 3) Всею движимостью въ вещахъ, посудѣ, гардеробѣ, приборахъ, скотѣ и словомъ что только движимостью назваться можетъ, такъ же и лѣсными дачами съ принадлежимостьми въ Нѣжинскомъ повѣтѣ при деревнѣ Томашевкѣ у меня имѣющимися, предоставляю по смерти моей раздѣлиться всѣмъ моимъ четыремъ дѣтямъ на равныя части. И завсѣмъ тѣмъ 4) Завѣщевая дѣтямъ моимъ сохранить между собою усердiе и прiязнь, заключаю сей мой духовный тестаментъ тѣмъ, что въ случаѣ необходимости

я имѣю право перемѣнить оный, кромѣ того, что дочь моя въ случаѣ выхода ея въ замужество можетъ принять себѣ во вѣчность все ей назначенное и по сему запису принадлежащее и преже смерти моей во всякое время, когда пожелаетъ. Для написанія же сего духовнаго записа на установленной бумагѣ объявляю, что по послѣдней ревизіи числится за мною всего мужска пола 240 душъ крестьянъ; по сему счету все мое имѣніе составляетъ до девяноста тысячъ рублей и в ненарушимую всего прописаннаго твердость сей мой духовный запись, при приглашенномъ отъ меня повѣтоваго суда членѣ и подписавшихся свидѣтеляхъ по точной моей волѣ составленный, собственноручно при печатѣ подписываю: порутчикъ Яковъ Александровъ сынъ Стороженко. (М. П.)

При сочиненіи сего духовнаго записа были и во свидѣтельство по личной просьбѣ сочинителя онаго помѣщика порутчика Якова Стороженка съ приложеніемъ печатей подписались:

Дворянинъ Губернскій Секретарь Лука Салимовскій, Дворянинъ Подпорутчикъ Прокофій Черницкій. (М. П)

1822 года Ноября 29 дня, я нижеподписавшійся Лохвицкаго повѣтоваго земскаго суда членъ по приглашенію г. порутчика Якова Стороженка и по опредѣленію суда при составленіи сего духовнаго записа присудствовалъ, и что оной имъ г. Стороженкомъ учиненъ по точной его воли при доброй памяти и здоровомъ разсудкѣ, собственно ручно имъ и свидѣтелями подписанъ, мнѣ отъ него лично врученъ, и по прочетѣ ему во всемъ содержаніи имъ съ точностью подтвержденъ' въ томъ силою статутоваго права раздѣла 8 артикула 2 свидѣтельствую Лохвицкаго повѣта земскій подсудокъ Дмитрій Пантелимоновъ. Сей Духовный Запись Малороссійской Полтавской Губерніи въ Лохвицкій Повѣтовый Земскій Судъ подписавшимся подсудкомъ Пантелимоновымъ, принявшимъ оный на выѣздѣ отъ порутчика Якова Стороженка былъ внесенъ и по учиненному въ семъ Повѣтовомъ Судѣ опредѣленію за уплатою подлежащихъ Казнѣ актовыхъ десяти рублей и за гербовую бумагу 200 р., всего двухъ сотъ десяти рублей денегъ въ крѣпостную сего суда книгу во 2-ю 1822 года половину подъ № 143 точностью записанъ и съ симъ засвидѣтельствованіемъ въ сторону наслѣдниковъ его Стороженка возвращенъ, что же написано на страницахъ сего записа на подчищенномъ 1, „заключающееся“ 2, выше девятнадцатой строки приписка „наличныхъ“ и внизу на послѣднихъ строкахъ „въ случаи необ.....оный“ и 3 въ первой строкѣ „кромѣ того, что“, въ томъ сомнѣнія нѣтъ. 1823 года Генваря 31 числа. (М. П.) Земскій Судья Григорій Хранцъ, Подсудокъ Александръ Лукашевичъ, Земскій Писарь Лука Салимовскій, Коллежскій Регистраторъ Варавка.

LXXIV

28 апрѣля 1823 г. Заявленіе Елены Александровны Хильчевской о томъ, что она считаетъ себя вполнѣ удовлетворенной сдѣланнымъ ей выдѣломъ.

Послѣ обвѣнчанія моего съ отставнымъ маіоромъ и кавалеромъ Федоромъ Васильевичемъ Хильчевскимъ родные братья мои, состоящій по кавалеріи подполковникъ Андрей, поручикъ Илья и отставной поручикъ Александръ Яковлевы сыны Стороженки, нетокмо выдѣлили опредѣленное мнѣ движимое имѣніе по духовному завѣщанію покойнаго родителя нашего, но сверхъ того будучи движими чувствомъ братскаго истиннаго усердія снабдили меня всѣмъ по возможности отъ себя собственно, позволили взять изъ имѣнія состоящаго Лохвицкаго повѣта въ селеніи Брагинцахъ четырѣ душѣ мужеска пола и три женска по моему желанію, которые опредѣлены мнѣ упомянутымъ духовнымъ завѣщаніемъ, учиненнымъ и сознаннымъ по силѣ законовъ покойнымъ отцомъ нашимъ, въ добавленіе назначенныхъ крестьянъ въ число сорока душъ мужска полу. Священнымъ долгомъ поставляю принести мою чувствительную благодарность за безинтересный выдѣлъ выше сказаннаго братьями моими, и за доброе ихъ ко мнѣ расположеніе, оставаяся въ полной мѣрѣ довольной, въ достовѣреніе чего дано мною имъ сіе, за подписомъ моимъ и мужа моего въ с. Брагинцахъ 28 Апрѣля 1823 года. Елена Яковлева дочь Хильчевская, урожденная Стороженковыхъ, маіоръ и кавалеръ Федоръ Хильчевскій.

LXXV

17 ноября 1823 г. Раздѣльный актъ между Андреемъ Яковлевичемъ Стороженкомъ и его сестрою Еленой Яковлевной Хильчевской.

Сіе постановленіе въ Прилуцкомъ повѣтовомъ Земскомъ Судѣ господами подполковникомъ и кавалеромъ Андреемъ Стороженкомъ и маіоромъ Федоромъ Хильчевскимъ 1823 года ноября 17 числа лично сознано.

Тысяча восемъ сотъ двадцать третяго года ноября пятнадцатаго дня. Мы нижеподписавшіеся, малороссійской Полтавской губерніи Прилуцкаго повѣта помѣщикъ подполковникъ и кавалеръ Андрей Яковлевъ

сынъ Стороженко, и Лофицкаго повѣта помѣщикъ маіоръ и кавалеръ Федоръ Васильевъ сынъ Хильчевскій по урядовому уполномочію, данному 1823 года ноября 6 дня и сознанному въ повѣтовомъ Лофицкомъ земскомъ судѣ того же числа, которое уполномочіе или вѣрющій открытый листъ въ подлинникѣ и прилагается, учинили между собою сіе миролюбное постановленіе относительно до имѣнія въ селѣ Иржавцѣ состоящаго въ ниже слѣдующемъ: по духовному завѣщанію покойнаго поручика Якова Александровича Стороженка, родителя съ насъ Андреевато и жены съ насъ Федора Хильчевскаго Елены, учиненному имъ, Яковомъ, по точной силѣ коренныхъ существующихъ узаконеній при жизни его, прошлаго 1822 года въ ноябрѣ мѣсяцѣ и явленному 29 ноября того же года въ Лофицкомъ повѣтовомъ судѣ, слѣдуетъ съ насъ Андрея Стороженка сестрѣ, а Федора Хильчевскаго женѣ, а покойнаго Якова Александровича дочерѣ Еленѣ Хильчевской, урожденной Стороженковой, сорокъ душъ мужеска пола съ ихъ семействами женска пола, съ котораго числа душъ оная Елена Хильчевская при выходѣ въ замужство уже наслѣдовала съ подъ владѣнія братовъ ея послѣ вышепоказанной духовной отца въ мѣстечкѣ Ичнѣ Борзенскаго повѣта пятнадцать душъ мужска пола съ ихъ семействами женска пола, съ грунтами, пахатными сѣнокосными и лѣсными землями и прочею движимостію, до того Иченскаго владѣнія принадлежащими, изъ села Брагинецъ для переводу дворовыхъ людей четыре души, итого девятнадцать мужеска пола душъ, и къ тому получила четвертую часть изъ движимости, состоящую въ сребрѣ, вещахъ, посудѣ, экипажахъ, лошадяхъ, скотѣ, пчелахъ, а сверхъ всего того пять тысячъ рублей денегъ. Въ дополненіе же полнаго количества душъ изъ имѣнія и крестьянъ съ насъ Андрея Стороженка въ селѣ Ржавцѣ Прилуцкаго повѣта жительствующихъ выдѣляемъ крестьянъ мужеска пола двадцать одну душу съ ихъ обоего пола семействами и именно хозяина перваго Никиту Бондаренка (онъ же и Семиляженко) съ сыномъ его, при немъ живущимъ, Павломъ, вторую вдову Агафью Артема Бондаренка умершаго жену съ ея двумя сынами, а именно Михайломъ и Дмитромъ, третьяго Мирона Никитина сына Бондаренка (онъ же и Яковенко) съ тремя его сынами Михайломъ, Потаніемъ и Павломъ, четвертаго Григорія Микитина сына Бондаренка (онъ же и Омелюженко) съ его тремя сынами Захаріемъ, Никитой и Федоромъ, пятого Семена Петрова сына Яковенка съ двумя его сынами Демидомъ и Іосифомъ, шестаго Антона Яковенка съ двумя его сынами Димитріемъ и Яковомъ, и съ принадлежащими имъ грунтами, на коихъ оные крестьяне Ржавскіе нынѣ жительствуютъ, съ пахатными, сѣнокосными, лѣсными землями и протчими угодіями и не движимостію, а для переводу безъ грунтовъ и безъ всякой земли вдову Уліяну Дудчиху съ двумя ея сынами Петромъ и Яковомъ и мальчика

Максима Димитріева Лисаченка; пахатныхъ экономическихъ земель и именно: въ рукѣ Иченской въ урочищѣ Фундаментѣ семь дней съ посѣяннымъ на оной нивѣ житомъ, въ рукѣ Рожновской въ урочищахъ 1-я нива возлѣ Деречихи, Старостовская семь дней и вторая нива Омелюговская въ Губаревой долинѣ пять дней и въ рукѣ Парафіевской въ урочищахъ 1-я нива Яковенковская, что въ Луновщинѣ три дни и 2-я тамъ же, Степашковская, три дни, и сѣнокосу въ Деречихѣ изъ вымѣняного въ штабсъ ротмистра и кавалера Михайла Григорьева Стороженка отцемъ моимъ за пахотныя земли тринадцать дней сѣнокосу, а всего экономической земли пахатной и сѣнокосной тридцать восемь дней оранки, которые дни по приведенію въ десятины составляютъ двадцать восемь съ половиною десятинъ; я, Андрей Стороженко, отдѣлилъ, и сего же числа во вѣчное владѣніе сестрѣ моей Еленѣ Хильчевской отдалъ въ лѣсу Дубровѣ пятую часть, то есть полторы десятины, которая и отрѣзана въпоперекъ, а невдовжъ того лѣса, отъ стороны лѣсу козака Хлистуненка, въ смѣжности состоящаго. За пятую же часть и Ржавской мельницы, Мельниновщиною прозываемой, такъ какъ оная мельница вся съ ставомъ и плотиною оцѣнена въ семъ сотъ пятьдесятъ рублей, я, Андрей, уже заплатилъ ей Еленѣ пятую долю цѣны, то есть сто пятьдесятъ рублей, съ тѣмъ, что остальное Ржавское все имѣніе со крестьянами, по послѣдней ревизіи 1816 года за покойнымъ родителемъ моимъ Яковомъ Александровичемъ Стороженкомъ записанными и послѣ ревизіи той рожденными мужеска и женска пола, во владѣніи онаго отца моего до смерти его бывшими, со всею къ онымъ принадлежностію, яко то грунтами, пахатными, сѣнокосными и лѣсными землями, и всѣ земли пахатныя и сѣнокосныя, экономическія господскія, лѣсная диброва и мельница, кромѣ тѣхъ, кои въ часть сестрѣ Еленѣ въ семъ постановленіи вышеозначенны, остаются по силѣ духовной отца нашего во вѣчномъ потомственномъ моемъ владѣніи и пользованіи ненарушимо, какъ законы повелѣваютъ, съ тѣмъ только, что земли крестьянъ владѣнія съ насъ Андрея Стороженка, какія только бы ни находились въ заставахъ у крестьянъ, означенныхъ въ часть Еленѣ Хильчевской, могутъ быть выкуплены крэстьянами Андрея Стороженка, равно и крестьянами Елены Хильчевской у крестьянъ Андрея Стороженка съ подъ заставы могутъ во всякое время быть выкуплены. За всѣхъ же выше поименованныхъ отдѣленныхъ крестьянъ съ насъ Андрея сестра, а Федора вѣрительница и жена Елена Хильчевская съ сего времени должна уплачивать всѣ государственныя подати, а для лучшаго платежа просить, гдѣ слѣдуетъ, перечисленія оныхъ крестьянъ за себя. Съ насъ же урядово уполномоченный Федоръ Хильчевскій принялъ по вышеупомянутомъ уполномочіи жены своей Елены Яковлевны Хильчевской, урожденной Стороженковыхъ, въ часть ея выше показанное

имѣніе съ крестьянами въ семъ постановленіи означенными и какъ вѣрителька и жена моя таковымъ отдѣломъ ей вышепоясненнаго имѣнія съ крестьянами довольною остается, сходно довѣрія мнѣ отъ нея даннаго, я прекращаю симъ претензію съ тѣмъ, что ни я, ни вѣрительница и жена моя, а также и наслѣдники наши, никакой уже дальней претензіи за имѣніе и крестьянъ къ нему Андрею Стороженку въ предъ простирать и допомогаться никогда и ни подъ какимъ видомъ не должны, будиже кто съ насъ или наслѣдниковъ нашихъ нарушитъ общую раздѣлку имѣнія по духовной записѣ учиненную и сіе постановленіе, таковъ нарушитель подвергнется платежу, соблюдающему оную и сіе — за руки четыре тысячи рублей. При семъ должнымъ почитаемъ объяснить, что Томашевскіе лѣса, изъ коихъ слѣдуетъ ей четвертая часть, остаются нераздѣленными, и что при сознаніи вышеизъясненнаго духовнаго записа еще при жизни покойнаго родителя нашего поручика Якова Стороженка слѣдуемыя казенныя пошлины всѣ нами внесены въ Лофицкій повѣтовый земскій судъ. Въ твердость чего мы сіе постановленіе учинили и собственными нашими руками подписали при печатѣхъ гербовъ нашихъ, при свидѣтеляхъ на семъ подписавшихся же, вышеписаннаго года, мѣсяца и числа, которое постановленіе должно храниться съ насъ у Андрея Стороженка, а справочная съ онаго копія у Елены Хильчевской. Изъясненному въ семъ постановленіи отдѣленному Еленѣ Хильчевской имѣнію съ крестьяне объявляемъ цѣну десять тысячъ рублей, о неутайкѣ коей указъ, 1752 года Іюля въ 29 день состоявшійся, намъ извѣстенъ. Къ сему раздѣлочному постановленію состоящій по кавалеріи подполковникъ и кавалеръ Андрей Яковлевъ сынъ Стороженко руку приложилъ. Помѣщикъ Лохвицкаго повѣта отставной маіоръ и кавалеръ Федоръ Васильевъ сынъ Хильчевскій руку приложилъ. При составленіи сего постановленія были и по личной просьбѣ дателей онаго Г.г. Стороженка и Хильчевскаго во свидѣтельство подписались Титулярный Совѣтникъ Яковъ Леонтьевъ. Коллежскій Секрекретарь Косма Гетенновъ и Коллежскій Секретарь Яковъ Липяцкій.

Сіе постановленіе малороссійской Полтавской губ. въ Прилуцкій повѣтовый земскій судъ господами подполковникомъ и кавалеромъ Андреемъ Стороженкомъ и маіоромъ Федоромъ Хильчевскимъ сего ноября 17 числа при прошеніи лично для утвержденія было представлено, и по заключенному въ семъ судѣ опредѣленію въ крѣпостную сего суда на сей 1823 годъ заведенную книгу подъ № 193 на листахъ 272 — 273 — 274 и 275, точностію вписано, подлежащія въ казну актовыя 10 р. деньги съ нихъ Стороженка и Хильчевскаго внесены и затѣмъ засимъ утвержденіемъ изъ сего повѣтоваго суда с нихъ господину подполковнику Андрею Стороженку возвращено 1823 года ноября 26 дня. Подписали Судья Величко, Земскій подсудокъ Зоцъ и Канцеляристъ Костенко.

Приложеніе.

1688 г. февраля 2-го. Донесеніе Прилуцкаго полковника Ивана Стороженка гетману Мазепѣ о прочтеніи въ г. Прилукѣ и во всѣхъ городкахъ Прилуцкаго полка Высочайшей грамоты. [1])

Ясневелможный мосцѣ папе гетмане войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского, мнѣ велце мосцѣвий пане и милостивий добродѣю.

Писанную грамоту отъ наяснѣйшого маестату пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ, Божиею милостию великихъ государей, царей и великихъ князей Ивана Алексѣевича, Петра Алексѣевича и благовѣрной и великой княжни Софиѣ Алексѣевни, всеа Великия, Малия и Бѣлия Россиѣ самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточнихъ и западнихъ и сѣвернихъ отчичовъ и дѣдичовъ, наслѣдниковъ, государей и обладателей, ихъ царского величества, в полкъ Прилуцкий присланую, вчестне и явне, публице на рынкахъ, такъ в самой Прилуце, яко тежъ и по всѣхъ городкахъ полку моего Прилуцкого, каждому малому и великому православн му християнскому народу, товариству войсковому и всѣмъ посполитимъ людемъ казалемъ вичитати, объясняючи милостивое слово ихъ царского пресвѣтлого величества и високодержавную монаршую ку всѣмъ намъ милость, что всякъ народъ православний християнскій полку моего Прилуцкого, услишавши такое милостивое слово ко всѣмъ пресвѣтлѣйшихъ, високодержавнѣйшихъ монарховъ нашихъ, ихъ царского пресвѣтлого величества, радостне до серца своего приняли и, милостю ихъ царского пресвѣтлого величества обдарени будучи, хвалу всемогущему Господу Богу воздали и пресвѣтлѣйшимъ и державнѣшимъ Монархомъ нашимъ, ихъ царскому величеству, за такое милостивое слово, до лица землѣ падши, чинили поклонъ и благодарение, а велможности вашей, пану моему велце милостивому и великому добродѣеви, по вислуханю онои грамоти, кождый голосами своѣми, склонними до покори, такъ товариство войсковое, яко тежъ и посполство, старое и малое, вѣншовали велможность вашу, пана моего

[1]) Мы печатаемъ этотъ документъ въ видѣ приложенія, такъ какъ получили его по отпечатаніи всѣхъ предыдущихъ листовъ, благодаря любезности О. И. Левицкаго

милостивого и добродѣя, на толь високомъ уряде гетманскомъ щасливе рейментуючого, усердно зичачи панованя щасливого и долголѣтного и надъ неприятелми земель чужихъ страшного и високого одолѣнія и звѣтязтва. Чого и я сполне з ними велможности вашей, пану моему милостивому и добродѣевѣ, горливе зичачи, зостаю завше

велможности вашей, моему милостивому пану и милостивому добродѣевѣ, во всемъ поволнимъ и унижонимъ слугою.

Іванъ Стороженко, полковникъ войска ихъ царского пресвѣтлого Величества Запорожского Прилуцкий.

Датъ (sic) с Прилуки, февраля 2 дня, 1688 року.

Подлинникъ писанъ на листѣ бумаги, который былъ сложенъ пакетомъ и запечатанъ небольшою печатью на красномъ воску, подъ кустодіею, съ изображеніемъ креста и полумѣсяца и съ буквами по обѣимъ сторонамъ: И. С. П. В. И. Ц. П. В. З. П.—На пакетѣ надпись: „Ясневелможному а мнѣ велце милостивому пану и великому добродѣеви, его милости пану Иоану Мазепѣ, гетмановѣ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского, покорне отдати.“

Возлѣ печати помѣта: „О монаршой ихъ царского пресвѣтлого величества грамотѣ оттвористой, якая в полкъ Прилуцкий писана; поданъ в Батуринѣ 5 февр., року 1688.“

(Изъ Моск. Архива Мин. Иност. Дѣлъ).

1852 ГОДА МАРТА 21-го. АТТЕСТАТЪ О СЛУЖБѢ АНДРЕЯ ЯКОВЛЕВИЧА СТОРОЖЕНКА.

Намѣстникъ Царства Польскаго, Генералъ-Фельдмаршалъ, Главнокомандующій дѣйствующею Арміею, свидѣтельствуетъ симъ: что Тайный Совѣтникъ Андрей Яковлевъ сынъ Стороженко, Сенаторъ, бывшій Главный Директоръ, предсѣдательствовавшій въ Правительственной Комиссіи Внутреннихъ и Духовныхъ дѣлъ, каковая должность полагается въ III разрядѣ, происходитъ изъ дворянъ Полтавской губерніи; отъ роду имѣетъ 62 года, исповѣданія православнаго, женатъ по второму браку на Юліи Бобровской-Миркаловой; отъ перваго брака имѣетъ дѣтей: дочь Елисавету 31 года и сына Владиміра 30 лѣтъ, отъ втораго брака дочь Дарью 8 лѣтъ и сына Николая 7 лѣтъ. Изъ нихъ дочь Елисавета находится въ замужествѣ за Директоромъ Канцеляріи Главнокомандующаго дѣйствующею Арміею Генералъ-Маіоромъ Ушаковымъ 5-мъ, сынъ Владиміръ, отставной Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка Поручикъ. Всѣ они православнаго исповѣданія, а малолѣтнія дѣти находятся при немъ. Имѣетъ недвижимое имѣніе: родовое за нимъ и за женою его 320 душъ, купленныхъ за проданныя ими родовыя имѣнія ихъ; — благопріобрѣтенное въ Полтавской же губерніи 160 душъ крестьянъ, и въ Царствѣ Польскомъ Всемилостивѣйше пожалованъ въ вѣчное и потомственное владѣніе Маіоратъ Радомской губерніи имѣніе Хенцины въ 1500 р. с. годоваго дохода. — Поступилъ въ военную службу во 2-й Кадетскій корпусъ, откуда выпущенъ Подпоручикомъ въ 11-ю Артиллерійскую бригаду 1806 года Октября 18 дня, имѣя тогда отъ роду 16 лѣтъ. — Остался въ той же бригадѣ по переименованіи оной во 2-ю 1811 года Августа 13. — Назначенъ Адъютантомъ Начальника Артиллеріи 2-й Западной Арміи 1812 г. Іюля 16-го. — За отличіе въ сраженіи при городѣ Смоленскѣ пожалованъ орденомъ Св. Анны 4-й ст. 1812 г. Августа 5. — За отличіе въ сраженіи при селеніи Семеновкѣ

произведенъ въ Поручики и награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й ст. 1812 г. Августа 24. — За отличіе въ сраженіи при сел. Бородинѣ награжденъ золотою шпагою съ надписью: „за храбрость“ 1812 г. Августа 26.—За отличіе въ сраженіи при г. Красномъ пожалованъ орденомъ Св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ, 1812 г. Ноября 6.—За отличіе въ сраженіи подъ Люценомъ и Бауценомъ удостоился Высочайшаго благоволенія 1813 г. Мая 9.—За отличіе въ сраженіяхъ при г. Лейпцигѣ произведенъ въ Штабсъ-Капитаны 1813 г. Октября 7. — Назначенъ Старшимъ Адъютантомъ Начальника Артиллеріи 1-й Арміи 1813 г. Ноября 6.—За отличіе при блокадѣ Гамбурга и за другія дѣла въ теченіи 1814 года произведенъ въ Капитаны 1814 г. Марта 5.—Переведенъ въ конную № 6 роту 1814 г. Августа 2.—Переведенъ въ конную № 8 роту 1815 г. Мая 25.—Переведенъ въ запасную батарейную № 30 роту 15-й Артиллерійской бригады 1815 г. Декабря 1.—Уволенъ отъ службы за ранами Подполковникомъ и съ мундиромъ 1817 г. Января 20.—Поступилъ въ гражданскую службу въ особую Канцелярію Министерства Полиціи Чиновникомъ для особыхъ порученій 1817 г. Октября 24.—Уволенъ отъ гражданской службы для опредѣленія вновь въ военную 1818 г. Іюня 4.—Опредѣленъ въ 1-й Бугскій Уланскій полкъ Маіоромъ 1818 г. Іюня 10.—За отличіе по службѣ произведенъ въ Подполковники въ томъ же полку 1820 Августа 8. — Назначенъ Старшимъ Военнымъ Депутатомъ въ Екатеринославскую Межевую Контору для отграниченія округовъ военнаго поселенія Бугской уланской дивизіи отъ помѣщичьихъ дачъ, 1821 г. Марта 29.—Назначенъ состоять по кавалеріи съ оставленіемъ при прежней должности, 1821 г. Мая 11.—Высочайше повелѣно состоять при Начальникѣ военнаго поселенія въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ, Генералѣ Графѣ Виттѣ съ оставленіемъ при прежней должности, 1821 г. Ноября 5.—За отлично усердную службу пожалованъ алмазными знаками ордена Св. Анны 2-й ст. 1823 г. Октября 16.—Назначенъ Дежурнымъ Штабсъ-Офицеромъ въ Штабѣ Начальника военнаго поселенія въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ 1823 г. Октября 17.—За отличіе по службѣ произведенъ въ Полковники съ оставленіемъ при прежней должности 1826 г. Августа 23.—Въ воздаяніе отлично-усердной службы сынъ его Владиміръ принятъ въ Пажескій Корпусъ на казенное содержаніе, 1827 г. Апрѣля 1.—Назначенъ состоять по особымъ порученіямъ при бывш. Командирѣ 3-го резервнаго поселеннаго кавалерійскаго корпуса, Генералѣ Графѣ Виттѣ 1827 г. Мая 21.—Назначенъ Дежурнымъ Штабсъ-Офицеромъ въ б. Главный Штабъ Его Императорскаго Величества по военному поселенію 1827 г. Декабря 26. — Въ награду отлично-усердной службы Всемилостивѣйше пожаловано заимообразно 10.000 рублей на 10 лѣтъ безъ процентовъ 1827 г. Декабря 29.—Дочь его Елисавета опредѣлена въ

Патріотическій Институтъ Комитета Высочайше учрежденнаго въ 8 день Марта 1814 года на казенное содержаніе съ пожалованіемъ 2.000 р. на доставленіе ея и сына его Владиміра въ упомянутыя заведенія 1828 г. Апрѣля 5.—Изъ пожалованной ему заимообразно на 10 лѣтъ безъ процентовъ суммы 10.000 рублей, Всемилостивѣйше повелѣно половинную часть, т. е. 5.000 р. со счетовъ сложить и съ него не взыскивать 1828 г. Декабря 6.—За безпорочную выслугу въ офицерскихъ чинахъ 25 лѣтъ Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Георгія 4-го класса 1828 г. Декабря 25.—Назначенъ Помощникомъ Начальника Штаба резервной пѣхоты и кавалеріи 1829 г. Февраля 12.—Въ войну съ Турціею въ 1829 году былъ заграницею въ Княжествахъ Молдавскомъ и Валахскомъ, равно за Дунаемъ въ Булгаріи.—Назначенъ состоять при б. Главномъ Штабѣ Его Императорскаге Величества по военному поселенію, 1830 г. Сентября 12.—Назначенъ Членомъ Аудиторіата того же Штаба 1830 г. Октября 28.—Пожалованъ орденомъ Св. Владиміра 3-й ст. 1830 г. Ноября 15.—Всемилостивѣйше пожаловано 2.000 руб. единовременно 1831 г. Декабря 6.—Назначенъ состоять при Главнокомандующемъ дѣйствующею Арміею 1832 г. Февраля 25.—Назначенъ исправляющимъ должность Генералъ-Полиційместера и Генералъ-Гевальдигера той-же Арміи, съ переводомъ въ корпусъ жандармовъ 1832 г. Марта 3.—Назначенъ Предсѣдателемъ Слѣдственной Комиссіи, учрежденной при Намѣстникѣ въ Царствѣ Польскомъ 1833 г. Апрѣля 1.—За отлично-усердную службу Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Станислава 2-й ст. 1833 г. Апрѣля 2.—Въ томъ же году за отлично-усердную службу Всемилостивѣйше пожаловано 10.000 руб. 1833 г. Назначенъ исправляющимъ должность Вице-Президента (что нынѣ Оберъ-Полиційместеръ) г. Варшавы, съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ, 1833 Апрѣля—Мая 19—1.—За отличіе по службѣ произведенъ въ Генералъ-Маіоры, съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ 1833 г. Декабря 6.—За порядокъ и устройство найденные Государемъ Императоромъ во время пребыванія въ г. Варшавѣ 15 Ноября 1834 года объявлено Высочайшее благоволеніе 1834 Ноября 17.—За отлично-усердную службу Всемилостивѣйше пожаловано въ вѣчное и потомственное владѣніе на правахъ Маіоратства, въ 1.500 р. с. годоваго дохода, состоящее въ Радомской губерніи мѣніе Хенцины 1835 г. Октября 4.—Всемилостивѣйше награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ 1835 г. Августа 22.—Прусскимъ Королемъ пожалованъ орденъ Краснаго Орла 2-й ст. безъ звѣзды и на принятіе и ношеніе онаго послѣдовало Высочайшее соизволеніе 1835 г. Сентября 21.—Утвержденъ въ должности Генералъ-Полиційместера Дѣйствующей Арміи 1836 г. Апрѣля 26.—Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Станислава 1-й ст. 1838 г. Іюля 17—29.—Всемилостивѣйше пожа-

лована эмеритальная пенсія по 17.000 злотыхъ (2.550 р. с.) въ годъ, заслуженная по мѣсту Вице-Президента г. Варшавы (что нынѣ Оберъ-Полицiймейстера) 1838 г. Декабря 17—29.—Удостоенъ двукратно Высочайшаго благоволенія: 1) за замѣченные Государемъ Императоромъ во время пребыванія въ Варшавѣ, отличный во всѣхъ частяхъ города порядокъ и устройство; 2) за примѣрную исправность и отличную распорядительность, съ коими соблюденъ былъ въ точности порядокъ при встрѣчѣ Государыни Императрицы въ сопровожденіи Высоконареченной Невѣсты Государя Наслѣдника Цесаревича, Ея Высочества Принцессы Маріи Гессенъ-Дармштадской 1840 г. Августа 24. За отлично-усердную службу Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Анны 1-й ст. 1841 г. Генваря 11.—За отличіе по службѣ произведенъ въ Тайные Совѣтники, съ назначеніемъ присутствовать въ Варшавскихъ Правительствующаго Сената Департаментахъ, въ званіи Сенатора, и съ оставленіемъ по прежнему Предсѣдателемъ Слѣдственной Комиссіи при Намѣстникѣ Царства Польскаго учрежденной 1842 г. Марта 25.—За отлично-усердную службу Всемилостивѣйше пожаловано 6.000 р. с. 1843 г. Октября 1.—Всемилостивѣйше пожалованъ знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ 1843 г. Августа 22. — По Высочайшему повелѣнію назначенъ исправляющимъ должность Главнаго Директора, предсѣдательствующаго въ Правительственной Комиссіи Внутреннихъ и Духовныхъ Дѣлъ Царства Польскаго, съ жалованіемъ по 6.750 р. с. въ годъ, съ оставленіемъ и Предсѣдателемъ Слѣдственной Комиссіи 1845 г. Февраля Марта 28—12.—Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Владиміра 2-й ст. большаго креста 1845 г. Іюня 3. - Высочайшимъ указомъ утвержденъ въ должности Главнаго Директора Внутреннихъ и Духовныхъ Дѣлъ 1845/6 г. Декабря—Генваря 25—6.—Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Анны 1-й ст. съ Императорскою короною 1846 г. Мая 22.—За отлично-усердную службу и полезные труды Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Бѣлаго Орла 1847 г. Октября 27. — Всемилостивѣйше награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXXV лѣтъ, при грамотѣ за № 83, съ зачисленіемъ выслуги по 9 Іюня 1847 года, 38 лѣтъ, 4 мѣсяцевъ и 5 дней 1848 г. Августа 22.—За участіе въ исполненіи распоряженій на счетъ поставки по раскладкѣ отъ земли продовольственныхъ произведеній и лошадей для войскъ, удостоился изъявленія Монаршей благодарности 1848 г. Сентября 18—30.—Всемилостивѣйше награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за XL лѣтъ на Владимірской лентѣ при грамотѣ за № 78 съ зачисленіемъ выслуги по 22 Мая 1849 года, 40 лѣтъ, 1-го мѣсяца и 20 дней 1850 года Августа 22. Кромѣ означенныхъ выше орденовъ, знака отличія безпорочной службы и золотой шпаги съ надписью: „за храбрость“, имѣетъ серебрянныя медали, установленныя въ память 1812 года, всту-

пленія Россійскихъ войскъ въ Парижъ и за Турецкую войну. — По послѣднему мѣсту занималъ казенную квартиру въ домѣ Правительственной Комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ. — Въ походахъ противъ непріятеля былъ и въ самыхъ сраженіяхъ въ войну съ Турками съ 1-го Января 1807 г. въ Молдавіи и Валахіи съ 3-го Марта по 30-е Августа того же года, при осадѣ крѣпости Измаила въ сраженіяхъ и на батареяхъ Въ 1810 году Мая 22 подъ Базарджикомъ съ 28-го Іюля по 5-е число Августа при осадѣ штурмомъ и бомбардированіи крѣпости Рущука. Въ войну съ Французами: 1812 съ 16 Іюля въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ, 5 Августа, при селеніи Семеновкѣ 24 числа, при селеніи Бородинѣ 26 числа, гдѣ раненъ пулею въ поясницу, при селеніи Тарутинѣ 6 Октября, при Маломъ-Ярославцѣ 12 числа, при городѣ Красномъ 5 и 6 Ноября; 1813 г., Генваря 1 въ Герцогствѣ Варшавскомъ, Пруссіи и Саксоніи, Апрѣля 22 въ генеральномъ сраженіи подъ городомъ Люценомъ и при рейтирадѣ оттоль до города Бауцена Мая 8 и 9, при городѣ Бауценѣ и во всѣхъ аріергардныхъ дѣлахъ до самаго перемирія, заключеннаго въ Швейдницѣ; въ томъ же 1813 году, находился въ Польской дѣйствующей арміи подъ командою Генерала отъ Кавалеріи Графа Бенигсена съ 24 Сентября по 4 Октября, въ сраженіяхъ при м. Донау-Плаугнѣ и городѣ Дрезденѣ, гдѣ раненъ въ правую ногу пулею Октября 6 и 7, при совершенной побѣдѣ одержанной надъ непріятелемъ подъ Лейпцигомъ, съ 16 Декабря, при блокадѣ города Гамбурга, 1814 года 28 Февраля и 5 Марта. въ сраженіяхъ при блокадѣ г. Гамбурга, во многихъ экспедиціяхъ сей блокады до самой сдачи города и при вступленіи въ оный, 1815 года во Францію и обратно въ Россійскіе предѣлы. Въ 1829 году въ войну съ Турками былъ заграницею къ Княжествахъ Молдавскомъ и Валахскомъ, за Дунаемъ въ Булгаріи и съ 4-го по 16-е Мая при осадѣ крѣпости Силистріи. —Въ штрафахъ, подъ слѣдствіемъ и судомъ не состоялъ; къ продолженію службы и къ повышенію чинами всегда аттестовался способнымъ и достойнымъ.—Никакимъ случаямъ, лишающимъ права на полученіе знака отличія безпорочной службы не подвергался. — Въ отпускахъ былъ: съ 30 Декабря 1828 г. на одинъ мѣсяцъ и 26 дней; въ 1836 г. на 28 дней, въ 1837 г. на 4 мѣсяца для поправленія здоровья къ заграничнымъ минеральнымъ водамъ; въ 1839 г. на 6 мѣсяцевъ для излеченія болѣзни; въ 1841 г. на 6 мѣсяцевъ, но пользовался только 3 мѣсяца и 15 дней; съ 23 — 5 Іюня — Іюля 1846 г. на 28 дней въ Россію, и съ 10 Іюля 1847 г. въ Полтавскую губернію на 28 дней, съ продолженіемъ онаго, для устройства семейныхъ дѣлъ еще на 28 дней. Изъ всѣхъ отпусковъ явился на срокъ. Высочайше уволенъ въ отпускъ на 28 дней въ Полтавскую губернію, куда отправился 21—2 Мая—Іюня 1850 г.,

но изъ онаго не возвратился, по случаю увольненія отъ службы, по прошенію.

Во все время состоянія на службѣ по Царству Польскому отличался способностями и особымъ усердіемъ въ исполненіи лежавшихъ на немъ важныхъ обязанностей, а 17 Іюня 1850 г. Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству за № 118 уволенъ отъ службы по прошенію съ мундиромъ присвоеннымъ должности. Высочайшимъ указомъ отъ 17—29 Октября 1838 г. признана ему эмеритальная пенсія—2.550 р. с. въ годъ, а постановленіемъ Эмеритальной Коммиссіи 5—17 Мая 1850 года, признано ему право на полученіе прибавки—4.200 р. с. въ годъ, о назначеніи которой Совѣтъ Управленія вошелъ съ представленіемъ къ Государю Императору—всего 6.750 р. с.

Въ удостовѣреніе всего вышеизложеннаго выданъ сей Аттестатъ Г-ну Тайному Совѣтнику Стороженко за подписаніемъ моимъ и съ приложеніемъ герба моего печати.

Варшава 21 — 2 Марта — Апрѣля 1852 года. Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя моего Намѣстникъ Царства Польскаго, Генералъ Фельдмаршалъ, Главнокомандующій Дѣйствующею Арміею: Князь Варшавскій Графъ Паскевичъ-Эриванскій. (Печать).

Отрывки изъ воспоминаній Андрея Яковлевича Стороженка.

А. Я. Стороженко любилъ заносить на бумагу событія своей жизни, свои мысли, чувства и впечатлѣнія — по мѣрѣ того, какъ они накоплялись; потомъ онъ предполагалъ обработать эти наброски и написать по нимъ свои воспоминанія; но разныя житейскія обстоятельства никогда не позволили ему осуществить этого намѣренія; помѣщаемъ здѣсь сохранившіяся записки, приведя ихъ въ послѣдовательный порядокъ.

ИСТОРІЯ МОЕГО СЕРДЦА.

Большая часть людей съ восторгомъ приводятъ себѣ на память лѣта игривой юности; невинныя удовольствія не изглаживаются изъ оной и въ самую зиму дней нашихъ. Время все измѣняетъ, однакоже прошедшее всегда представляется въ лучшемъ видѣ: намъ сродно забывать огорченія скорѣе, нежели самыя незначущія удовольствія; послѣднія исполняютъ сердце живѣйшей радости, которое отдыхаетъ посреди настоящей скуки и унынія, согрѣваясь протекшимъ бытіемъ своимъ.

Мое младенчество наполняетъ чувства однѣми сожалѣніями:—не было обращено никакого вниманія на образованіе моей нравственности; и ежели остались во мнѣ добрыя качества, то за сохраненіе ихъ я обязанъ одной токмо природѣ. — Врожденное самолюбіе отвлекало меня на пути жизни отъ поступковъ низкихъ и поселяло рвеніе къ познаніямъ, коихъ необходимость по счастію я увидѣлъ въ обществѣ, къ чему я имѣлъ большіе способы, находясь подъ руководствомъ іезуита Z.,

будучи въ самомъ монастырѣ [1]). Я ни отъ кого не ожидалъ похвалы и одобреній, кромѣ самого себя; близкіе мои были равнодушны къ степенямъ просвѣщенія.--Ахъ! съ какою горестью припоминаю себѣ ужасную нужду въ самомъ необходимѣйшемъ для жизни; я даже не имѣлъ ни одной принадлежащей мнѣ книги, кои принужденъ былъ выпрашивать во время моего ученія — жалкая участь для стремящагося къ познанію и къ несчастію одареннаго возвышенными чувствами. Правда я могъ многому научиться, но не знаю, какъ я не содѣлался совершенно безнравственнымъ!! Сказавши нѣсколько словъ о незабавномъ моемъ младенчествѣ, приступлю къ предмету моего описанія, къ исторіи моего сердца.

Въ 16 лѣтъ я сдѣлался господиномъ моей воли, [2]) въ совершенномъ однакожъ ограниченіи сего слова, ибо я могъ по произволу поступать и думать, но положеніе, которое испытываютъ не имѣющіе ни малѣйшаго способа къ существованію, осталось со мною неразлучно. Жребій кинулъ меня въ пространный свѣтъ сей, какъ въ нѣкую бездонную пучину, безъ малѣйшей подпоры, безъ малѣйшихъ средствъ удовлетворять самую вопіющую необходимость, и я измѣрялъ воображеніемъ открытое море нужды, теряясь въ безднѣ изысканій, подобно челноку, уносимому бурею по пѣнящимъ волнамъ грознаго океана; а ежели бы я имѣлъ что нибудь сверхъ ограниченнѣйшаго жалованья, тогда могъ бы составить для себя блистательный ходъ на поприщѣ отличій во время военное. Но я терпѣлъ одни лишь недостатки, при всемъ томъ таилъ и отъ самихъ друзей моихъ жалкое мое положеніе. Гордость заглушала истину. Я сносилъ терпѣливо нужду, погребалъ въ глубинѣ души настоящія чувства, казался довольнымъ моимъ жребіемъ, былъ принятъ во всѣ лучшія общества; веселился, когда сердце обливалось кровію,—и когда минуты уединенія наводили на меня трепетъ; будущее ужасало, а настоящее излило всю мѣру ожесточенія рока неумолимаго. Такъ проходили лѣта во время военное, я не смѣлъ думать о наградахъ, казался все пренебрегающимъ, между тѣмъ какъ чувствовалъ, что нужда единственно заграждала мнѣ пути къ возвышенію. Но я посреди недостатковъ и огорченій, долженъ признаться, имѣлъ минуты, напоминавшія бытіе чувствительнаго сердца:—оно стремилось къ дру-

[1]) Авторъ имѣетъ въ виду пребываніе свое въ Краковѣ, въ іезуитской школѣ, куда отдалъ его отецъ, не имѣвшій возможности возиться съ малолѣтнимъ сыномъ при постоянныхъ передвиженіяхъ Козловскаго мушкатерскаго полка, въ рядахъ котораго онъ служилъ, находясь въ предѣлахъ Польши.

[2]) Авторъ воспоминаній родился 4 іюля 1790 г. и 18 октября 1806 г. былъ выпущенъ въ офицеры изъ С.-Петербургскаго 2-го кадетскаго корпуса, имѣя отъ роду 16 лѣтъ. См. Историческое обозрѣніе 2-го кадетскаго корпуса. Спб. 1862. Стр. XXXI.

жеству, искало также и любви. Юность пылкая! какія обольщенія ты представляешь, какія радости ты даешь вкушать и посреди самихъ горестей! Одна минута первыхъ заглушаетъ всегдашній вопль послѣднихъ, какъ нѣкое благодѣтельное божество, прикоснувшееся волшебнымъ жезломъ своимъ къ ужасной язвѣ, утоляетъ боль и страданіе.

Въ юности мы рвемъ розы, не чувствуя колючихъ терній! Первое впечатлѣніе произвела во мнѣ А. И. Д. Тогда я былъ слишкомъ молодъ для подлыхъ наслажденій; чистота чувствъ моихъ въ соотношеніи къ ней уподоблялась свѣтлому небу, на коемъ не было видно ни какого мрачнаго облака. Я любовался ея милымъ образомъ, охотно вѣрилъ въ добродѣтель,—и ласковые разговоры не потрясали души, но производили въ оной какое-то пріятное и возвышенное чувство. Она была замужемъ за человѣкомъ съ весьма посредственными способностями, какъ и съ самою невзрачною наружностію; тѣмъ благороднѣе казалось въ глазахъ моихъ ея милое вниманіе къ страстной любви его. Мнѣ рѣдко случалось видѣть А. и обстоятельство сіе сохранило во мнѣ одну тихую преданность. Однажды намъ случилось танцовать вмѣстѣ круглое польское; смотря на неё, я мѣшался во всякой фигурѣ; съ какимъ дружескимъ вниманіемъ она поправляла мои ошибки,— и по сіе время забыть не могу. — Долго не видавши ея, отъѣзжая въ армію, случайно узналъ, что она живетъ въ томъ самомъ городѣ, откуда я отправлялся. Зашелъ къ ней, дабы взять письмо къ мужу ея. Но тогда время измѣнило уже во мнѣ многое; я смотрѣлъ на прелести А. глазами опытнѣйшими и видѣлъ все туже милую скромность. Это случилось въ 8-мь часовъ утра. Она, конечно, не ожидала столь ранняго посѣщенія, и пріѣздъ одной дамы совершенно ее разстроилъ, на глазахъ навернулись слезы, и я примѣтилъ, что присутствіе мое тяготило ея чувствительность, или, можетъ быть, она, не видя во мнѣ прежней невинности, жалѣла обо мнѣ, питая тоже дружеское расположеніе. Ахъ! есть ли женщина украшается добродѣтелями, то она подобна существу высшему. Я разстался съ А. съ горестію, упрекая себя во многихъ поступкахъ, которые хотя вовсе не относились къ ней, но потемняли въ глазахъ моихъ собственно ту благородную и возвышенную нравственность, о коей она часто со мною разговаривала; положилъ себѣ питать къ ней непорочное дружество и быть достойнымъ онаго поступками, дѣяніями и самимъ помышленіемъ. Прибывши къ осадѣ одной крѣпости, просился, дабы меня назначили на самую ближайшую батарею къ оной; безпрерывный громъ пушекъ, свистъ ядеръ и бомбъ—не мѣшали мнѣ думать о тихой добродѣтели А. и о влеченіи порока, который унижалъ меня въ размышленіяхъ тайныхъ. Я старался быть добродѣтельнымъ, не искалъ наградъ; стремившись къ отличію, думалъ, какъ пылкій юноша, что отличія принадлежатъ однимъ добродѣтельнымъ, что мнѣ

надобно быть таковымъ для душевнаго спокойствія, которое, какъ протекшій сладкій сонъ, въ темнотѣ размышленій являло сѣнь благодѣтельную. Храбрость постоянная имѣетъ великую разность отъ иступленія минутнаго по чувствамъ внутреннимъ, не имѣя разности въ наружномъ блескѣ, послѣднее, однакожъ, не иное что есть, какъ духъ отчаянія!—Ужасы штурма познакомили меня съ самимъ собою, я видѣлъ, что можно ко всему себя принудить и что человѣкъ честолюбивый выше всякихъ обстоятельствъ. Весьма тяжелая контузія, полученная мною при штурмѣ, принудила меня уѣхать или, лучше сказать, меня повезли въ тотъ самый городъ, въ коемъ я видѣлъ послѣдній разъ друга моего А. Лежа въ постели, ни о чемъ больше не жалѣлъ, какъ о томъ, что не могъ находиться въ дѣйствіи противъ непріятеля: одни военныя обстоятельства занимали всѣ помышленія мои. Я вспоминалъ милую А., какъ самую добродѣтель, какъ источникъ чистой нравственности, который терялся въ глуши мрачнаго предчувствія,—и отдаленное журчаніе его было пріятно усладительно для тихой души моей, которая ничѣмъ небыла волнуема; порывы сильныхъ вѣтровъ очищаютъ воздухъ, затѣмъ слѣдуетъ тишина, порывы страстей очищаютъ душу и располагаютъ ее къ меланхоліи. Я даже не искалъ случая, получа облегченіе, видѣть А.,—ибо боялся не быть отличаемымъ, боялся измѣненія въ ней того дружества, которое нѣкогда было моею стихіею.—Она, думалъ я себѣ, находится посреди людей, блескомъ наружнымъ много меня превосходящихъ; я могу втайнѣ прозирать ихъ, но предразсудки общежитія не смотрятъ на личныя достоинства; горесть, происходящую отъ недостатковъ жизни, можно еще таить, удаляясь обществъ, но въ шумѣ оныхъ невольно открывается настоящее положеніе. Можетъ быть, душа ея отгадывала чувства мои,—и оправдывала гордость, ей не неизвѣстную. По крайней мѣрѣ, я послѣ слышалъ отъ почтеннаго Z., который боготворилъ А,, что она часто вспоминала обо мнѣ посреди отличной молодежи и говорила: „Я его знаю. Обстоятельства лишаютъ насъ сообщества столь пріятнаго. Не о немъ, но объ участи его должны жалѣть наши пріятели. По сердцу, уму и характеру онъ достоинъ лучшаго жребія...“ -и всѣмъ совѣтовала со мною познакомиться. Этого я не зналъ въ то время, а хотя бы и зналъ, то ничто въ мірѣ не могло бы заставить меня войти въ кругъ людей богатыхъ, когда я ничего не имѣлъ, кромѣ одной пары платья, и нуждался въ дневномъ пропитаніи, показывая видъ самодовольства. Учился день и ночь; читалъ все мнѣ попавшееся, и въ тихомъ кругу дружества и занятій я забывалъ иногда горькую участь мою. Обласканные въ домѣ А. молодые люди, наконецъ, почти всѣ со мною познакомились, изъ нихъ нѣкоторые были достойны даже самой пріязни, но къ числу отличаемыхъ мною въ этомъ свѣтѣ прибавилось только двое, К. и Б., а уважаемый

мною Z., хотя былъ уже и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, однако же ревновалъ меня безъ всякой причины къ А., въ послѣдствіи дѣлалъ множество непріятностей, наконецъ, забылъ все и оказывалъ душевное ко мнѣ расположеніе. Онъ теперь по пути честей, отличія и знатности; говорю о семъ безъ зависти и огорченія. Первое всегда было чуждо моимъ чувствамъ, а послѣднее не имѣетъ мѣста въ моемъ сердцѣ, по природѣ мягкомъ и слишкомъ чувствительномъ. Не могу не говорить особенно объ одномъ изъ двухъ упомянутыхъ мною молодыхъ людей. Съ К.... мы были болѣе, нежели пріятели. Онъ тогда былъ влюбленъ въ одну дѣвушку съ намѣреніемъ весьма благороднымъ, коему мѣшали обстоятельства. Мы всегда почти разговаривали съ нимъ о его страсти и препятствіяхъ; я съ восхищеніемъ видѣлъ въ немъ человѣка чувствительнаго и благородно мыслящаго; сердце мое привязалось къ нему, потому-что я не замѣтилъ ничего и въ самой страсти его предосудительнаго. Однажды онъ хотѣлъ писать письмо къ своей любезной, не могши съ нею видѣться, открылъ мнѣ свое намѣреніе, но я представилъ ему долгъ чести и добродѣтели, и онъ, со слезами обнимая меня, благодарилъ, какъ друга, за совѣтъ, толико благородный, восхищался моими правилами, и не только не писалъ къ ней, но даже избѣгалъ самого свиданія до благопріятнѣйшаго времени. При вновь начавшейся компаніи мы были въ одномъ отрядѣ, раздѣляли вмѣстѣ труды и недостатки въ жизни, утѣшались будущимъ, и послѣ всякой малѣйшей стычки съ непріятелемъ отыскивали другъ друга, дабы радоваться, что еще видимся, что еще существуемъ, и можемъ отличить себя; по крайней мѣрѣ, я такъ думалъ. Другъ мой всегда былъ мраченъ и задумчивъ; я иногда въ тайнѣ помышлялъ: можетъ быть, онъ неравнодушно видитъ смерть, каждый почти день постигавщую кого либо изъ знакомыхъ нашихъ, страшился за его твердость, и дѣло толико нѣжнсе представлялъ ему, слегка основываясь на необходимости жертвовать собою, посвятивши жизнь военной службѣ. Я занималъ постъ на ближайшей батареѣ къ крѣпости, — валялся, можно сказать, въ пыли и грязи; но забывалъ всѣ непріятности, когда К. посѣщалъ меня. Мы говорили о его милой цѣлыя ночи, разставались только для того, чтобъ грустить въ разлукѣ. Въ одну ночь непріятель осыпалъ батареи наши гранатами; я совѣтовалъ ему удалиться отъ очевидной опасности и на блѣдномъ лицѣ его увидѣлъ согласіе, что̀ мнѣ было досадно; на другой день назначенъ былъ штурмъ, въ спискѣ охотниковъ съ удовольствіемъ я увидѣлъ имя друга моего и, признаюсь, трепеталъ о послѣдствіи; но честолюбіе все превозмагаетъ: онъ первый полѣзъ на стѣну и удивилъ всѣхъ храбростію. Насъ отбили отъ крѣпости. Я спрашивалъ объ К.; мнѣ сказали, что его прострѣлили насквозь, и отнесли въ лагерь. Горесть и вмѣстѣ восхищеніе заставили меня бѣжать къ нему. Я употре-

билъ всѣ средства подать помощь, въ свободныя минуты не отходилъ отъ постели его, пока раненыхъ всѣхъ, въ томъ числѣ и К., не отправили въ госпиталь въ г. Бухарестъ. Тамъ жила дѣвушка, занимавшая всѣ мысли его, онъ обѣщалъ писать мнѣ обо всемъ подробно, но я, не получая долго ни какого о немъ извѣстія, поѣхалъ самъ къ нему.— Мы встрѣтились съ тѣмъ-же чувствомъ дружества; но какъ я не хотѣлъ оставаться празднымъ во время военное, то для того отправился въ армію. Послѣ слышалъ, что К. взятъ въ адъютанты къ Главнокомандующему; обстоятельство сіе доставило мнѣ много удовольствія. Съ тѣхъ однакожъ поръ я не видѣлъ его до французской кампаніи. Онъ, нашедши дорогу, летѣлъ къ возвышенію, а я страдалъ на бивуакахъ, не видѣлъ ничего въ будущемъ, кромѣ нужды и трудовъ тягостнѣйшихъ. Однажды мы встрѣтились съ К.: я съ простертыми объятіями сердечнаго дружества, а онъ съ холодностью и принужденнымъ удовольствіемъ; сего было довольно для моей гордости; огорченное самолюбіе мое страдало; скрывши досаду въ душѣ моей, распрощался съ нимъ на вѣки. „Ахъ! какъ люди перемѣняются",—говорилъ я часто моему истинному другу Масальскому, не называя имени К.; но перваго душа ангельская такъ была чиста и добродѣтельна, привязанность ко мнѣ столь была велика, что онъ не вѣрилъ, дабы ко мнѣ могъ кто либо изъ друзей нашихъ перемѣниться. Милый Масальскій судилъ по чувствамъ собственнымъ.

Долгомъ почитаю упомянуть здѣсь мимоходомъ о томъ, чье дружество безпримѣрное было нѣкогда единственнымъ утѣшеніемъ въ горестяхъ моихъ. Не знаю точно, когда мы съ нимъ заключили союзъ толико священный, помнится только, что я познакомился съ нимъ въ Галацахъ, наслышавшись уже много о немъ похвальнаго. Подобіе характеровъ нашихъ сближало насъ постепенно и въ теченіе одного года мы уже тяготились разлукою. Онъ имѣлъ значительное состояніе, былъ единственный сынъ благороднѣйшей и нѣжнѣйшей изъ матерей, которая ничего для него не щадила. Съ сею почтительнѣйшею женщиною достойный сынъ ея и меня познакомилъ. Мы вмѣстѣ каждую зиму проводили по 2 мѣсяца въ Москвѣ, гдѣ она имѣла домъ свой и лучшій кругъ знакомыхъ. Я бы не могъ наслаждаться столь важнымъ преимуществомъ не токмо для удовольствій, но и для самого образованія.... но у насъ съ Масальскимъ все было общее. Не стыдясь, я жилъ почти на его счетъ:—это было нѣчто необыкновенное, судя по моему характеру. Можно судить о его нѣжномъ и разборчивомъ обхожденіи, когда гордость моя не находила ничего въ семъ предосудительнаго. Сверхъ того каждые имянины онъ мнѣ присылалъ 500 р. съ условіемъ, что я когда нибудь деньги сіи возвращу ему. Обстоятельство сіе онъ почиталъ священнѣйшею тайною, и потому я не тяготился пособіемъ. У нихъ была отборная библіотека, которою я пользовался съ жадностью. Мы читали

часто съ нимъ вмѣстѣ, но какъ онъ хотѣлъ только достигнуть значительнаго чина,—потомъ оставить съ честію поприще военное и посвятить дни нѣжнѣйшей матери въ кругу мирнаго семейства, среди тихой домашней жизни, потому и не углублялся въ сухія занятія. Любилъ романы Лафонтена, коихъ героямъ совершенно былъ подобенъ; любилъ россійскія стихотворенія лучшихъ нашихъ авторовъ; сокрушался сердцемъ о скучныхъ поэтахъ, коими изобилуетъ Москва, и коихъ творенія, недолговѣчныя къ счастію, прокрадываются весьма часто, какъ контрабанды, въ листки періодическихъ изданій и находятъ достойныхъ себѣ подражателей. Всякій разъ мы съ горестію и слезами разставались съ шумною, а вмѣстѣ, если кто того хочетъ, уединенною Москвою, ибо видѣли горесть, снѣдающую сердце матери, которая не желала бы видѣть въ сынѣ своемъ ничего болѣе, какъ только сына,— и притомъ отца милыхъ будущихъ внучекъ ея. Онъ имѣлъ весьма много характера; при всей нѣжнѣйшей чувствительности сердца, служилъ всегда отлично въ полку, хотя и могъ бы себѣ избрать другую дорогу къ скорѣйшему достиженію предположенной имъ цѣли. Упомянувши объ истинномъ другѣ души моей, обращаюсь къ самому себѣ.

А. занимала чувства мои, я искалъ разсѣянности, старался нравиться многимъ, успѣвалъ, и между тѣмъ нигдѣ и ни въ комъ не видѣлъ ея милаго подобія, ея скромности и любезности; это чувство сопровождало меня въ лагерь, въ шумное общество города и въ уединеніе деревенскихъ зимнихъ квартиръ, гдѣ остальное отъ службы время употреблялъ на переписку съ М. и другими истинными мнѣ пріятелями, изъ коихъ Гог. — теперь генералъ, Бунинскій убитъ во время войны отечественной, Витязь потерялъ руку и окруженъ нынѣ значительнымъ семействомъ, а прочіе перемѣнились, какъ и всё перемѣняется въ подсолнечной! Я уже нигдѣ не встрѣчался съ милою А. и не былъ никѣмъ занятъ весьма долгое время, хотя волочился за многими. З... Т... и прочія перемѣнялись въ теченіи семи лѣтъ, но сихъ едва припомнить могу, ибо онѣ не имѣли никакого вліянія на мою нравственность и не оставляли ни малѣйшаго впечатлѣнія въ сердцѣ, которое привыкло къ превратностямъ и перемѣнамъ. Опытность представляла мнѣ всѣ предметы совершенно въ другомъ видѣ и я начиналъ скучать тѣмъ, что прежде доставляло мнѣ истинное удовольствіе. Мнѣ былъ 22-й годъ, когда мы возвратились въ отечество въ 1811-мъ году. Обстоятельства мои совершенно перемѣнились. Дѣятельность и обороты, къ коимъ я тогда стремился при всей моей безъинтересности, доставили мнѣ столько, что я имѣлъ уже экипажъ, прислугу, и превосходилъ всѣхъ моихъ товарищей издержками, не помышляя о будущемъ. Мы расположились квартирами въ Подоліи около г. Каменца (с. Жерди). Я уже не бѣгалъ общества, ибо имѣлъ средства блистать въ ономъ, и

меня считали всѣ вообще человѣкомъ богатымъ и принимали сообразно моему достоинству въ свѣтѣ. Я узналъ на опытѣ, что̀ значитъ богатство, какими преимуществами пользуется могущій тратить деньги по произволу предъ нуждающимся въ необходимомъ, хотя бы послѣдній имѣлъ всѣ достоинства человѣка. Кто захотѣлъ бы выводить изъ заблужденія въ разсужденіи лестныхъ отзывовъ и искательства къ себѣ тѣхъ, кои служили эхомъ звука отдаленнаго и, можетъ быть, совершенно неизвѣстнаго? Я не хвасталъ, но и не старался разувѣрять въ принятомъ обо мнѣ мнѣніи. Въ сіе время я началъ думать о возможномъ достиженіи почестей, почитая себя въ правѣ на возвышенія, будучи обезпеченъ на счетъ жизни. Характеръ мой получилъ наружную веселость, непринужденность, и знакомства моего съ жадностью желали, какъ въ Каменцѣ, равно и въ Москвѣ знакомые Масальскаго, гдѣ я съ нимъ продолжалъ двухмѣсячное пребываніе, и, заплативши ему 2500 р., взятыхъ мною въ теченіе 5 лѣтъ, еще болѣе содѣлался его другомъ, ибо ничто и въ самыхъ тайныхъ помышленіяхъ меня не безпокоило. Я чувствовалъ въ себѣ большую перемѣну, помышлялъ иногда съѣздить въ Малороссію, гдѣ вовсе не былъ съ самого младенчества, кромѣ проѣздомъ два дня, и не имѣлъ никакого понятія ни о людяхъ въ ней, ни о характерахъ и образѣ ихъ жизни;—все сіе мнѣ представлялось въ туманѣ совершенно идеальномъ. Ахъ! для чего человѣкъ стремится узнать даже то, что впослѣдствіи обѣщаетъ ему много горестей и неудовольствій; и самый умный ошибается, не имѣя предвидѣнія въ вещахъ и обстоятельствахъ весьма обыкновенныхъ. Многое прельщаетъ насъ въ отдаленности, тѣмъ болѣе милая родина, особливо ежели разстались съ нею въ младенчествѣ, представляется намъ въ видѣ очаровательномъ; всякая бездѣлица, которую мы удержали въ памяти, приводитъ на оную какое нибудь удовольствіе младенческихъ лѣтъ; мы помнимъ все тогда случившееся свѣжѣе происшествій достопримѣчательнѣйшихъ, но встрѣчавшихся съ нами въ среднихъ лѣтахъ.

Прибывши на постоянныя квартиры, я думалъ, что городъ Каменецъ составитъ единственное удовольствіе и развлеченіе въ жизни моей. Я былъ совершенно доволенъ моимъ положеніемъ. Масальскій квартировалъ отъ меня во 100 верстахъ, мы могли часто видѣться, и дружество его составляло всю прелесть жизни. Чувства наши были свободны отъ упрековъ и желаній, мы находили единственное утѣшеніе въ чтеніи. Я командовалъ отдѣльною частію, которая расположена была недалеко отъ города, гдѣ отборный кругъ знакомыхъ, балы и общественныя удовольствія питали мое самолюбіе. Принцъ М. почиталъ меня не иначе, какъ короткимъ себѣ пріятелемъ; я могъ пить много, не будучи пьянымъ; для него и для поляковъ достоинство сіе было самое блестящее.—Неумѣренность въ наслажденіяхъ заставила меня слечь въ

постель, послѣдствія контузіи были ужасны, и я не могъ выѣзжать изъ деревни, гдѣ была расположена квартирами полурота моя. Однажды пріѣхалъ ко мнѣ Масальскій съ знакомымъ своимъ М...., который зналъ помѣщика этой деревни, съ коимъ я еще не познакомился, да и не имѣлъ къ тому ни охоты, ни времени, ни самого здоровья. Мы посылали по воскресеньямъ другъ къ другу освѣдомляться о здоровьи, и одинъ другимъ были совершенно довольны. Помѣщикъ, узнавши о пріѣздѣ ко мнѣ своего знакомаго, ввечеру сдѣлалъ намъ посѣщеніе. Удивлялся примѣтно моей маленькой библіотекѣ, устройству въ квартирѣ, и дорогому платью арнаута [1]),—просилъ насъ къ себѣ на ужинъ. Экипажъ мой еще болѣе расположилъ его и весь домъ въ мою пользу. Насъ встрѣтила женщина лѣтъ уже пожилыхъ, но вертлявая и одѣтая не по лѣтамъ: это была жена его второго брака; съ нею вмѣстѣ вышла дѣвушка лѣтъ 18, весьма пріятной наружности. Хозяйка представила намъ ее, примолвивши, что это дочь мужа ея, а ея падчерица,—и что она къ несчастію дѣтей еще не имѣетъ. Послѣ того жеманилась и разсказывала о водахъ, откуда недавно пріѣхала, объ удовольствіяхъ, какими пользуются за границей, и о скукѣ, неразлучной съ деревнею. Меланхолическая физіономія дѣвушки, выразительное молчаніе и скромность мнѣ весьма понравились. Она играла намъ на фортепіано, пѣла, мачиха вторила, а отецъ хлопоталъ объ угощеніи. За ужиномъ мы выпили между разговорами о польской конфедераціи бутылку стараго венгерскаго. Онъ не вѣрилъ, чтобы я былъ русскій, и на лицѣ этого добраго благороднаго поляка я видѣлъ откровенность и душевное ко мнѣ расположеніе. Время прошло весьма скоро. Я былъ совершенно занятъ хозяиномъ, знакомецъ его старинный разговаривалъ тихонько съ дочерью, а добраго Масальскаго мучила хозяйка повѣствованіемъ о водахъ, смотрѣла на него весьма умильно и позволяла себѣ даже нѣкоторыя вольности, ибо старикъ полковникъ, мужъ ея, не понималъ ни словечка по-французски. Я поглядывалъ однакожъ иногда на дѣвушку, которая со вниманіемъ слушала своего сосѣда. Сего было довольно, чтобы тронуть мое самолюбіе. Ежели бы она не занималась особенно гостемъ моимъ М...., то я разстался бы съ нею, вовсе объ ней не помышляя, но тутъ дѣло шло о предпочтеніи, и такъ послѣ ужина я принялся за повтореніе ролей, выученныхъ мною въ кругу милыхъ женщинъ. Собранныя мною свѣдѣнія въ разсужденіи угожденія и охотно принимаемой ими лести атаковали скромную Августину, которая попрощалась со мною съ обязательною улыбкою. Пришедши домой, мы объ ней разговорились. М. утаилъ отъ меня настоящее свое чувство и

---

[1]) Арнаутъ—національность лакея, служившаго у автора воспоминаній.

я принялъ обхожденіе его съ нею за обыкновенное въ Польшѣ. На другой день старикъ пришелъ къ намъ еще очень рано, просилъ обѣдать къ себѣ. Мы ѣздили съ нимъ на охоту. Послѣ обѣда Масальскій и М. разстались со мною. Я заболѣлъ, принужденъ былъ слечь въ постель. Полковникъ каждый день посѣщалъ меня раза два. На пятый день и Августина прислала узнать обо мнѣ. Слуга распросилъ у людей моихъ, что̀ мнѣ нужно. Я ни о чемъ не зналъ, но мнѣ подавали то, что въ деревнѣ достать не было никакой возможности. Послѣ арнаутъ, совершенно человѣкъ преданный ко мнѣ (и по сіе время жалѣю о человѣкѣ семъ, коего вѣрность и привязанность ко мнѣ были рѣдки; онъ умеръ послѣ уже, когда я принужденъ былъ отправить его, по причинѣ начавшейся французской кампаніи), разсказалъ, что барышня присылала все, и что каждый день приходили спрашивать обо мнѣ. Безъ сего вниманія я бы совершенно забылъ объ Августинѣ, но такое попеченіе въ болѣзни налагаетъ истинную благодарность. Я платилъ щедро людямъ, которые приносили мнѣ что либо,—и желалъ скорѣе выздоровѣть, чтобы поблагодарить лично милую участницу въ моемъ выздоровленіи. Лежа въ постели совершенно одинъ, я представлялъ ее благодѣтельнымъ существомъ, влагалъ въ нее душу ангельскую,— и съ тѣмъ вмѣстѣ привыкалъ думать и думать о ней! Ничто такъ не воспламеняетъ воображенія нашего, какъ уединеніе; разсѣянность не даетъ времени углубляться съ разборчивостью въ тонкія впечатлѣнія: они родятся и исчезаютъ, коснувшись слегка къ сердцу, всегда почти готовому принять ихъ съ восторгомъ пламеннымъ; напротивъ того, уединенная жизнь питаетъ мечтательность, мы привязываемся къ предмету, представляющемуся нашей чувствительности, голосъ сердца повторяетъ безпрерывно то, чѣмъ наполнено наше воображеніе, въ уединеніи мы привыкаемъ не думать, но мечтать; одиночество тяготитъ бытіе наше и располагаетъ къ обворожительной мысли, что для чувствъ нѣжныхъ необходима взаимность, -- необходимо участіе, которое, плѣняя насъ своею существенностью, налагаетъ иногда невольно тяжкія цѣпи, отъ коихъ освободиться въ послѣдствіи времени весьма часто мѣшаютъ обстоятельства. О вы, рожденные съ душою чувствительною, страшитесь привязанности, возникающей и усиливающейся постепенно въ тихой уединенной жизни, помните, что въ обществѣ вниманіе наше развлекается, впечатлѣнія теряются въ вихрѣ разнообразій, когда, напротивъ, въ тишинѣ мы бываемъ заняты однимъ предметомъ, къ коему привычка содѣлается стихіею и наложитъ печать меланхоліи, усладительной, пріятной чувствамъ нашимъ, что посреди лишь свѣтскаго шума и то съ великимъ усиліемъ предается забвенію. Намъ представляется въ сіе время, будто мы любимъ; идея о взаимности вкореняется, и когда мы встрѣтимъ предметы достойнѣйшіе, то гордость будетъ напо-

минать, что мы обязаны быть твердыми въ нашихъ чувствахъ, въ нашихъ правилахъ. Изъ положенія сего выводитъ одна долговременная разлука, ибо по врожденному свойству человѣкъ не можетъ остаться одинаковымъ цѣлую жизнь, равно образъ мыслей не можетъ остаться непремѣннымъ. Спросите о семъ тайно у вашего сердца, у чувствъ вашихъ и они упрекнутъ васъ въ непризнательности, въ притворствѣ, ежели вы осмѣлитесь только спрашивать о семъ. Я былъ все еще боленъ. Въ теченіе трехъ недѣль прочелъ все, что у меня ни было, писать не имѣлъ совершенно никакой охоты, романы Лафонтена непримѣтно располагали меня къ чему то идеальному, характеры оныхъ придавали прелесть романтическому мечтанію, раскрывали самые тайные изгибы сердца, и я находилъ много подобнаго въ моихъ чувствахъ съ описаніемъ у автора вымышленныхъ имъ характеровъ, ни за что серіозное приняться не могъ,—и самыя стихотворенія, кои я всегда любилъ и читалъ преимущественно въ свободное время, казались тогда слабыми и недостаточными въ изъясненіяхъ сердца, которое гораздо живѣе чувствовало въ простотѣ своей, нежели были выражены въ стихахъ различныя его положенія. Романы научаютъ насъ познанію сердца человѣческаго, они переселяютъ насъ въ міръ фантастическій, способствуютъ или пламеннымъ изступленіямъ, или тихой мечтательности, заманиваютъ въ сѣти очаровательныя, и къ несчастію иногда пагубныя. Чтеніе ихъ опасно для пылкихъ характеровъ, особливо въ то время, когда душа начинаетъ скучать бездѣйственностію и есть существо, хотя нѣсколько занимающее наше воображеніе; на ихъ вредныхъ впечатлѣніяхъ изучившіеся нравиться основываютъ свои планы и къ несчастію рѣдко-рѣдко ошибаются въ успѣхахъ. Хотя и говоритъ одинъ великій писатель, что хотѣть смягчить любовницу помощію романовъ, значитъ очень мало надѣяться на самого себя, не взирая на то способъ сей по большей части удается. Я не могу сказать опредѣлительно, вредно ли читать романы или нѣтъ, знаю только, что ни въ одномъ изъ нихъ не оправдывается и не выхваляется порокъ, - вездѣ торжествуетъ добродѣтель подъ различными формами и хотя оная бываетъ подвержена гоненіямъ, всегда въ чувствахъ нашихъ находитъ ходатаевъ, желающихъ истиннаго добра оной, а пороку посрамленія. Жаль только, что большая часть авторовъ непримѣтно оправдываютъ слабости сердца, по свойству натуральному они заманиваютъ насъ такъ сказать въ галлерею, украшенную картинами отборнѣйшими, расположеніе коей къ сожалѣнію не обдумано такимъ образомъ, дабы посредствомъ тѣни взоры наши въ каждой картинѣ невольно встрѣчали все превосходнѣйшее,—безъ сего вниманіе развлекается, идеи наполняются какого то рода хаосомъ, въ коемъ, дабы отличить хорошее отъ посредственнаго, потребно имѣть отличный вкусъ и разборчивость. Полагаю, что хорошій романъ болѣе наставляетъ въ

добродѣтели, нежели портитъ нравственность. Скука, можно сказать, выгнала меня изъ опостылѣвшей квартиры, я началъ проѣзжаться; разумѣется, не сердился, ежели меня случайно провозили мимо господскаго двора. Смотря на окошки оного, я видывалъ иногда женскую фигуру въ саду съ книгою въ рукахъ; воображеніе мое рисовало образъ Августины и я возвращался домой грустнѣе обыкновеннаго. Полковникъ, бывая у меня, всегда просилъ, чтобы я пріѣзжалъ къ нимъ безъ церемоніи, но я истинно не могъ надѣть даже сюртука, ходилъ въ молдаванскомъ платьѣ, слѣдовательно не могъ показаться въ домъ, гдѣ были женщины, не разсмѣшивъ ихъ столь чуднымъ и необыкновеннымъ нарядомъ. Разъ проѣзжая мимо саду, увидѣлъ полковника у воротъ онаго, велѣлъ остановиться. Онъ убѣдительно просилъ меня зайти въ садъ, увѣрялъ, что дамъ никого не было, и что дочь его уѣхала на встрѣчу мачехи, ѣдущей изъ другого имѣнія. Намъ подали стулья въ бесѣдку, принесли бутылку вина, время непримѣтно летѣло между разговорами, я забылъ совершенно мое положеніе. Вдругъ появляются жена и дочь хозяина, который какъ ни обрадовался прибытію ихъ, однако же не забылъ первое слово сказать, чтобы меня удержали. Странный костюмъ и блѣдность лица моего представляли совсѣмъ другого человѣка. Хозяйка совсѣмъ меня не узнала, а на лицѣ Августины было написано удивленіе. Я послѣ разныхъ шуточныхъ разговоровъ согласился остаться ужинать. Старики занялись предметомъ касательно хозяйства, а я ихъ дочерью. Благодарилъ ее за участіе въ болѣзни моей, и какъ еще былъ только 7-й часъ и оставалось довольно времени до ужина, мы пошли ходить вдвоемъ; — въ Польшѣ это ничего не значитъ и принимается за дѣло весьма обыкновенное. Тутъ, можно сказать, мы познакомились и она просила, чтобы я не лишалъ ея удовольствія въ прогулкахъ, которыя послѣ болѣзни мнѣ будутъ весьма полезны. Противу этого я не спорилъ и такъ каждый день я проводилъ почти всегда у полковника. Онъ и она полюбили меня, можно сказать, какъ сына, считали не иначе, какъ совершенно принадлежащимъ къ ихъ семейству. Я любилъ Августину, какъ сестру; сердце мое не было совершенно испорчено; возвышенная нравственность опредѣляла границы моимъ желаніямъ и я въ полнотѣ чувствъ наслаждался удовольствіемъ жизни посреди занятій дома и въ кругу людей, за расположеніе коихъ не могъ ничѣмъ заплатить, какъ только душевною преданностью и разборчивымъ вниманіемъ. Я не волочился за Августиною, ибо могъ безъ малѣйшаго принужденія говорить то, что думалъ, но сердце дѣвушки стремится всегда къ чему то таинственному; — онѣ не находятъ достаточнымъ тихое дружество, воображеніе представляетъ имъ міръ гораздо прелестнѣйшій, фантазія рисуетъ очаровательными красками неизвѣстное, и онѣ желали бы перелить душу въ того, кѣмъ заняты, сое-

динить чувства въ какой то обворожительной гармоніи, сами не понимая желаній своихъ, скучаютъ настоящимъ, наполняя воображеніе прелестями будущаго, дѣятельный, пылкій и романическій умъ ихъ требуетъ мистики. Обхожденіе мое съ сими милыми, невинными твореніями утвердило меня во мнѣніи семъ, а опытъ удостовѣрилъ. Чрезмѣрно нѣжное сердце имѣетъ необходимую нужду въ любви, когда чувства не имѣютъ никакой нужды въ любовникѣ. Ни отъ кого не услышишь столько новыхъ идей, столько натуральнаго образа мыслей, изливающихся непринужденно, какъ отъ дѣвушки, разумѣется образованной. Онѣ не успѣли еще подчинить себя строгости здраваго смысла, и какъ приличіе и скромность налагаютъ на нихъ печать неоткровенности, то потому онѣ при встрѣчающемся случаѣ уже совершенно ничего не скрываютъ. О время, время! ты уносишь съ собою преимущество наслаждаться жизнію въ сообществѣ милыхъ существъ, которыя какъ бы боятся зрѣлыхъ лѣтъ, рѣдко находятъ удовольствіе въ сухихъ разсужденіяхъ, кои утомляютъ ихъ вниманіе, исключая возвышенныхъ чувствъ; ихъ прелесть онѣ съ восторгомъ видятъ и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, восхищаясь великимъ, возвышеннымъ и добродѣтельнымъ! Я не былъ влюбленъ въ Августину, чувства мои нѣсколько уподоблялись первобытнымъ, кои я питалъ къ А...., но Августина не была подобна ей, не имѣла той тихой, скромной нравственности и добродѣтели, той ангельской невинности, каковою украшался характеръ А.... Различіе въ воспитаніи, а, можетъ быть, и то, что послѣдняя была замужемъ, слѣдовательно не стремилась уже къ неизвѣстному, подчинивъ желанія свои обязанностямъ священнымъ, могла довольствоваться неизъяснимыми прелестями тихаго безмятежнаго дружества, —были причиною толь разительнаго несходства. Августина желала любви, и притомъ любви страстной; къ несчастію, выборъ ея палъ на человѣка, мечтающаго о возвышеніи, честолюбиваго и въ самихъ бездѣлицахъ, слишкомъ молодого для женитьбы, добродѣтельнаго по природѣ, но рано познакомившагося съ превратностями свѣта, съ ухищреніями людей и со слабостями женщинъ обыкновенныхъ. Я былъ въ состояніи многимъ для нея пожертвовать, но жертвы сіи приносились какъ бы изъ сожалѣнія, за коими послѣдовало раскаяніе, которое изглаживалось суетностію и тщеславіемъ, хотя не простительными, но почти общими, какъ въ вихрѣ большаго свѣта, равно и въ тѣсныхъ кругахъ провинціональныхъ. Люди почти всѣ и вездѣ одинаковы!

Семейство добраго моего хозяина должно было ѣхать за границу на нѣсколько мѣсяцевъ; отъѣздъ ихъ крайне меня опечалилъ. Каждый день мы съ Августиною говорили о разлукѣ, на глазахъ ея навертывались слезы, и она день ото дня становилась грустнѣе (ахъ! и съ самымъ добродѣтельнымъ мужчиной, когда онъ нѣсколько любезенъ,

гораздо лучше быть двумъ дѣвушкамъ, нежели одной). Время приближалось къ оной, наконецъ, наступилъ и послѣдній вечеръ, начали укладываться, дабы завтра рано выѣхать. Мы пошли по обыкновенію прогуливаться,—въ молчаніи зашли далеко за деревню, я напомнилъ, что надобно воротиться, ибо можемъ опоздать къ ужину, она со слезами взглянула на меня и вотъ разговоръ нашъ:

Она. Боже мой! Вы помните возвращеніе, не забываете приличія, когда я совершенно забыла его и признаюсь, не хотѣла бы возвратиться оттуда, куда завели меня—Ваше милое сообщество и моя, можетъ быть, излишняя уже привязанность.

Я. Неужели чувство истиннаго дружества Вы почитаете излишествомъ?

Она. Дружество.... Ахъ! это чувство сколь оно ни священно, сколь ни обворожительно, не можетъ наполнять совершенно бытія моего; я къ несчастію это испытываю! Чувствительное сердце ищетъ въ полной мѣрѣ наслаждаться, для него недостаточна тихая взаимность, оно стремится къ чему-то совершеннѣйшему.

Я. У Васъ есть женихъ, Вы выйдете замужъ, и Вамъ не останется ничего желать болѣе.

Она. Да, я прежде сама такъ думала, но теперь.... Какъ все перемѣнилось! Я не могу смотрѣть на портретъ жениха моего, меня не прельщаютъ уже ни богатство, ни самая жизнь тамъ, гдѣ я полагала найти истинное благополучіе. Не знаю, чѣмъ бы я ни пожертвовала, чтобы остаться здѣсь....

Я. Выборъ родителей долженъ уничтожить уже всѣ постороннія мечтанія.

Она. Выборъ сердца сильнѣе всѣхъ другихъ выборовъ. Я привыкла говорить съ Вами откровенно. Ахъ! Вы меня совершенно не понимаете....

Тутъ она залилась слезами и едва могла держаться на ногахъ. Признаюсь, я испугался излишней ея чувствительности, сердце мое билось, морозъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ, лицо поблѣднѣло, что я чувствовалъ,—и холодный потъ выступилъ на лбу моемъ. Я не зналъ, что дѣлать, и, можно сказать, тащилъ ее, дабы скорѣе достигнуть до дому. Она немного отдохнула, взглянула на меня такъ нѣжно, такъ выразительно, что привела меня въ совершенное смущеніе.

Она. Пренебрегайте меня; есть-ли можете, единственно изъ сожалѣнія прошу Васъ помнить о несчастной, которая въ тягость самой себѣ, въ тягость всему ея окружающему! Всѣ радости міра сего для меня исчезли, не могу ничѣмъ заняться въ отсутствіи Вашемъ. Ахъ! жалѣйте о слабомъ, но чувствительномъ твореніи, которое безъ Васъ ни въ чемъ не находитъ удовольствія...

После сего я не помню, ни что я говорилъ, ни что дѣлалъ; душа моя была въ какого то рода иступленіи... Мы продолжали путь нашъ и приближались къ деревнѣ. Я сказалъ ей, что она можетъ совершенно быть увѣрена въ моей дружеской привязанности, далѣе ни въ чемъ, ибо я почитаю себя слишкомъ молодымъ для серіозной обязанности, при томъ же не завишу самъ отъ себя. У меня есть отецъ, коего волю почитаю священной.

Она. Я ничего болѣе не желаю! Привязанности Вашей для меня слишкомъ довольно, въ ней я нахожу все счастіе жизни моей и уѣзжаю теперь совершенно спокойною; увѣрена въ характерѣ Вашемъ и чувствахъ, которыя мнѣ извѣстны.

Я. Въ этомъ Вы можете совершенно быть увѣрены, равно въ томъ, что я принесу все въ жертву привязанности, которой не почитаю себя достойнымъ!

Она. Будьте другомъ моимъ, ежели не можете быть по сердцу Вашему ничѣмъ болѣе.

Я поцѣловалъ ея руку и мы въ молчаніи прибыли къ ужину, въ продолженіе коего она не сводила глазъ съ меня. Мачиха это примѣтила, начала разговоръ о женихѣ ея, который я поддерживалъ, и за столомъ казался истинно веселымъ. Августина терялась, хотя совершенно была увѣрена, что веселость моя не происходила отъ сердца и что я могу подчинить себя строгому приличію. Послѣ ужина мы прощались и она мнѣ сказала со слезами:

„Знаю, что притворство необходимо въ свѣтѣ, но оно ужасно въ глазахъ того, кто любитъ. Я радуюсь внутренно, что Вы отвлекаете всякое подозрѣніе, выводите меня изъ замѣшательства, и съ тѣмъ вмѣстѣ терзаюсь, что Вы кажетесь всегда не тѣмъ, чѣмъ Вы есть. Чувства Ваши для людей совершенно закрыты — въ нихъ ошибаются всѣ, кромѣ истинныхъ друзей Вашихъ, кои, судя по поступкамъ, а не по словамъ, видятъ столько доброты, столько чувствительности, что я бы желала, дабы душа Ваша открыта была передъ цѣлымъ свѣтомъ; тогда каждый оправдалъ бы мою къ Вамъ необыкновенную привязанность и я не должна была бы увѣрять многихъ въ истинѣ, въ которой мой разсудокъ, мое сердце совершенно увѣрены!“

Я. Можетъ быть, потому я и нахожу друзей истинныхъ, что не смѣшиваю ихъ съ толпою!

Пришедши домой, все происшедшее представилось мнѣ въ видѣ очаровательномъ. Я однакоже испытывалъ сердце мое, внушая ему нѣжнѣйшую взаимность, и оно молчало. Я чувствовалъ привязанность, но не ощущалъ никакого иступленія, любилъ, былъ благодаренъ за чувства толико нѣжныя, но любовь сія не потрясала бытія моего, не наводила страха и не сопровождалась стремленіемъ. Кто бы въ мои

лѣта отказался отъ подобнаго рода привязанности, кто бы не чувствовалъ нѣкоторой взаимности, кто бы не захотѣлъ быть любимымъ? На другой день они выѣхали. Я провожалъ ихъ верстъ 20. Меня посадили подлѣ Августины и тутъ, признаюсь, мы иногда забывали строгую нравственность; сочувствіе, происходящее отъ прикосновенія, подобно электрическимъ искрамъ проникало во все существованіе мое; щеки ея пылали, она едва переводила дыханіе, иногда трепещущая рука ея какъ бы невольно прикасалась къ моей, и глаза, наполненные выраженіемъ страстнымъ, съ томностію опускались внизъ, какъ бы боясь встрѣтиться съ моими. Въ продолженіе дороги мы весьма мало говорили, старикъ храпѣлъ, а жена его вязала кошелекъ и, можетъ быть, мечтала о какомъ нибудь чичисбеѣ, для коего трудилась съ полною надеждою скораго свиданія. Наконецъ, мы прибыли на станцію. Какъ неохотно я вставалъ изъ экипажа, какъ билось сердце мое! Нѣжное пожатіе руки и выкатившаяся по пылавшей щекѣ слеза напомнили мнѣ о разлукѣ, я собрался съ духомъ, призвалъ на помощь неразлучную въ такихъ случаяхъ твердость мою и распрощался съ утопающимъ въ слезахъ другомъ моимъ, не давши примѣтить ни малѣйшаго въ себѣ волненія. Слезы ея относились къ одной ея пріятельницѣ, которая также ихъ провожала, и подобно ей плакала. Возвращаясь назадъ, я выдумывалъ различные планы, грустилъ, не хотѣлъ бы никогда разставаться съ той, чья любовь нѣжнѣйшая, хотя не имѣла подобной взаимности, но заслуживала въ полной мѣрѣ дружескую привязанность. Я это чувствовалъ и не воображалъ, чѣмъ связь сія можетъ кончиться, желалъ продолженія оной, признаюсь, даже боялся перемѣны. Для сердца нѣжнаго любовь есть совершенная необходимость, смягчая оное, она даетъ стремительное направленіе ко всему доброму, она вмѣшивается во всѣ поступки наши, она украшаетъ бытіе, исполняя оное благороднаго рвенія, пожертвованія и нѣжнаго ко всѣмъ участія. Пріѣхавши домой, увидѣлъ письмо на столикѣ, почеркъ Августины поразилъ меня, я не смѣлъ распечатать его, почитая преступленіемъ переписку съ дѣвушкою, которая моею никогда быть не можетъ и между прочимъ почти имѣетъ уже обязанности. Письмо осталось въ томъ самомъ положеніи, какъ оное мною найдено, а поступокъ мой льстилъ моимъ правиламъ. Я могу забываться, но не пренебрегать священныя обязанности; первое происходитъ въ минуты исступленія, а послѣднія должны быть неприкосновенны.

По отъѣздѣ Августины два дня я провелъ у себя, занятъ былъ единственно ея любовью, самъ чувствовалъ нѣчто къ ней необыкновенное и находилъ истинное удовольствіе въ разговорахъ объ ней съ ея пріятельницею, съ которою по вечерамъ видѣлся. Время приближалось, когда можно было отпроситься въ отпускъ, и потому я поѣхалъ

въ Каменецъ. Тамъ можно сказать всѣ обрадовались моему прибытію, кто меня знали, и пріятели мои вовлекли меня, такъ сказать, въ общество, гдѣ я опять встрѣтился съ веселою, умною моею пріятельницею. Первые дни я выдерживалъ характеръ, отражалъ храбро ея насмѣшки, но кто можетъ устоять противу стрѣлъ любезной женщины. Я думалъ объ Августинѣ, а утопалъ въ наслажденіяхъ съ другою. Пріятельница моя была богата, пользовалась общимъ уваженіемъ и была всегда окружена отборною молодежью — тутъ какъ мнѣ не искать предпочтенія? Натура требуетъ дани и мы охотно ей повинуемся. Прибытіе Масальскаго меня чрезвычайно обрадовало. Онъ съ восхищеніемъ разсказалъ мнѣ о счастіи, которое вкушаетъ въ полной мѣрѣ, будучи любимъ прелестною дѣвушкою, которую и самъ любитъ безпамятно. Она бывала въ домѣ моей пріятельницы, гдѣ я также познакомилъ друга моего. И такъ мы были почти неразлучны, удовольствія послѣдовали за удовольствіями, жизнь разсѣянная привела характеръ мой въ первобытное состояніе, я былъ веселъ, хотя по ночамъ и разсказывалъ другу моему о милой Августинѣ. Наконецъ, получилъ увольненіе, поручилъ Масальскому побывать у Полковника, когда онъ возвратится, и увѣдомить меня подробно объ ней. Попростившись со всѣми, я полетѣлъ съ сердечною радостію на родину, которая представлялась мнѣ въ очаровательномъ видѣ.

Дорогою ничто меня не занимало, кромѣ свиданія съ отцомъ моимъ, коего я почти не зналъ, ибо послѣ ребячества видѣлъ его только два дня, и то въ обществѣ, гдѣ мы танцовали. Онъ восхищался мною, а я былъ внѣ себя отъ ласкъ его. Въ продолженіе шести лѣтъ я весьма рѣдко получалъ письма отъ отца моего, кои однакоже всегда были исполнены ласкъ и благоволенія. Въ послѣдній годъ молдавской кампаніи онъ даже прислалъ мнѣ тройку лошадей и, помнится, какое-то незначительное количество денегъ, въ коихъ я почти уже не нуждался. Не взирая на то, милость сія приводила меня въ восхищеніе. Я судилъ объ обязанностяхъ дѣтей къ родителямъ и о любви послѣднихъ къ дѣтямъ по обхожденію нѣжному, внимательному, даже, можно сказать, дружескому Масальскаго съ его матерью и другихъ моихъ знакомыхъ. Я не зналъ, что въ сихъ толико священныхъ обязанностяхъ можетъ существовать неоткровенность; для меня было совершенно непонятно утомительное приличіе съ тѣми, коихъ сердце по природѣ такъ близко. Я считалъ сердце мое, равно какъ и самую жизнь принадлежащими по праву натуральному виновнику дней моихъ. Любовь моя къ нему не равнялась ни съ какимъ чувствомъ, которое могло бы наполнять душу мою. Съ такимъ образомъ мыслей я прибылъ на родину.

Отецъ меня встрѣтилъ съ восторгомъ родительскимъ; я искалъ съ жадностію ласкъ его. Ахъ! какъ были чисты, невинны — чувства мои;

сіе восхитительное время никогда не изгладится изъ моей памяти. Всё существованіе мое было занято мыслію предупреждать желанія, угождать съ любовію и покорностью отцу моему. Мнѣ, можно сказать, никогда не случалось быть въ кругу людей подобныхъ тѣмъ, коихъ я встрѣтилъ между близкими мнѣ; слѣдовательно, угожденіе и непринужденность въ поступкахъ моихъ были соразмѣрны по масштабу, смѣло могу сказать, хорошихъ, обществъ, гдѣ я былъ всегда принятъ не только съ ласками и одобреніемъ, но знакомство мое доставляло удовольствіе, а достоинства свѣтскія даже отличали между молодыми людьми, получившими лучшее воспитаніе. Увѣренность въ самомъ себѣ, мнѣніе, полученное по праву познаній, собранныхъ съ толикою трудностію, принаровленіе къ свѣту размышленіемъ, вниманіемъ и разборчивостію, и здравый смыслъ по природѣ — льстили моему самолюбію: я казался человѣкомъ вездѣ, кромѣ Малороссіи, гдѣ не обращали ни малѣйшаго вниманія не только на познанія сіи, но даже на чувства, чуждыя дикой ихъ нравственности. Меня познакомили со всѣмъ сосѣдствомъ. Двѣ недѣли пребыванія моего дома не позволили мнѣ разсмотрѣть всего и обдумать положеніе мое съ разсмотрительностію; мнѣ казалось все ново, непонятно и сбивчиво. Въ домѣ отца моего жила женщина.... Онъ вдовецъ, не имѣетъ еще 50 лѣтъ, слѣдовательно, женщина сія мнѣ казалась — случаемъ весьма обыкновеннымъ. Могъ-ли я думать, что она можетъ имѣть какую-либо власть надъ характеромъ и образомъ мыслей разсудительнаго человѣка, коего природному уму я удивлялся? Она! — самая простая, грубая мужичка, которая и слова сказать не умѣетъ. Въ этомъ разѣ я былъ совершенно не опытенъ; мнѣ въ голову не приходило, что бы невниманіе мое къ сей твари огорчило отца моего. Правда я видѣлъ братьевъ моихъ и сестру въ самомъ жалостномъ положеніи, обхожденіе съ ними этой негодницы иногда меня останавливало, но развлеченія въ столь короткое время не позволили мнѣ почти ничего замѣтить. Наступилъ день моего отъѣзда. Въ этотъ самый день я получилъ письмо отъ милаго Масальскаго, въ коемъ онъ писалъ, что Полковникъ возвратился изъ заграницы, Августина плачетъ, похудѣла такъ, что и узнать нельзя, открылась во всемъ отцу своему, который просилъ Масальскаго написать мнѣ, что онъ почелъ бы себя счастливымъ, ежели-бы я захотѣлъ вступить въ семейство его, что онъ даетъ за дочерью 300 душъ, которыя онъ прежде свадьбы за мной укрѣпитъ по формѣ, ежели того потребуютъ обстоятельства. Этотъ почтенный старикъ, писалъ Масальскій, увѣренъ совершенно въ будущемъ счастіи своей дочери. Онъ тебя любитъ искренно, всего надѣется, хотя ты и молодъ еще; онъ даже не спрашивалъ меня о твоемъ состояніи; зная твое стремленіе къ пустому возвышенію, толико безполезному въ Польшѣ, онъ предупреждалъ меня, что ты можешь остаться въ службѣ, можешь

во время мира служить въ Кіевѣ при военномъ губернаторѣ, — и мы прибавилъ безцѣнный другъ мой, можетъ быть, будемъ большую часть жизни нашей проживать близко одинъ другого, ибо и я имѣю здѣсь виды, о чемъ писалъ къ маменькѣ. Ахъ! какъ желаетъ сего сердце мое! Тогда всѣ желанія мои, казавшіяся тебѣ всегда мечтательными, исполнятся на самомъ дѣлѣ!—Письмо сіе я показалъ моему отцу, не смѣя имѣть никакой тайны отъ него; чувства мои ему принадлежали, безъ его совѣта я ничего бы не предпринялъ тогда по душѣ моей; а въ послѣдствіи времени долженъ былъ разсчитывать и предупреждать все его согласіемъ. Ахъ! какъ обстоятельства измѣняютъ характеры! съ принаровленіями исчезаетъ откровенность—между кѣмъ??—и подумать ужасно!—между дѣтьми и родителями! Сердца первыхъ закрываются, видя участіе слабое и охлажденное лѣтами невниманіе послѣднихъ къ бездѣлицамъ, какъ большая часть полагаетъ, занимающимъ пылкую юность, которая временемъ и занятіями изглаживается изъ ихъ собственной памяти; но они не судятъ по себѣ, обращаясь къ прошедшему, не располагаютъ дѣйствій своихъ съ нѣжностію и участіемъ сердечнымъ, предавши забвенію то, на что сами, конечно, роптали въ молодости. Всего ужаснѣе для сердца чувствительнаго холоднокровное равнодушіе въ дѣлахъ, имѣющихъ вліяніе на цѣлую жизнь. Въ выборѣ сердца мы ищемъ участія и одобренія: къ кому же прибѣгнуть должно скорѣе всего, какъ не къ тѣмъ, коихъ мнѣніе почитается священнымъ, коихъ одно слово рѣшаетъ иногда участь въ пылкомъ стремленіи; и ежели сіе слово такъ важно послѣдствіями, то произносящіе его должны сперва обдумать все съ точною разборчивостію, дабы, сказавши разъ опредѣлительно, поставить волю свою закономъ, не только для дѣтей, но и для себя собственно, дабы перемѣны не поселили въ первыхъ никакого сомнѣнія. „Выходи за кого хочешь, женись на комъ хочешь“—это есть хула священной обязанности въ устахъ родителей; не менѣе какъ и то, ежели говорятъ они опредѣлительно: „выходи за того то, или женись на той то“; изъясненія сіи, сколь они ни противоположны одно другому, имѣютъ почти одинакія послѣдствія: — безвременное раскаяніе! Второе однакожъ ужаснѣе перваго, ибо въ опредѣлительномъ выборѣ ропотъ справедливый, ожесточая нѣжныя чувства, обращается на виновниковъ дней нашихъ; въ первомъ же раскаяніе собственное удручаетъ несчастныхъ, отравляя дни ихъ горестію и безполезными упреками, и имъ остается только роптать и жаловаться на самихъ себя; по крайней мѣрѣ, они утверждаются прочно во мнѣніи, что слѣпое повиновеніе въ исполненіи священныхъ обязанностей награждаетъ небо истиннымъ счастіемъ. И да послужитъ сіе примѣромъ не для нихъ, ибо не возможно уже ничѣмъ возвратить условной клятвы, произнесенной въ минуты иступленія или, можетъ быть, токмо суетной стремитель-

ности предъ престоломъ вѣры, послѣ чего рука страсти или желанія потушитъ свѣтлый пламенникъ Гименея уже на вѣки. Но для многихъ, стоящихъ еще на краю пропасти, кажущейся имъ предвкушеніемъ истиннаго блаженства, сей случай служитъ основаніемъ большей части лучшихъ и съ тѣмъ вмѣстѣ опаснѣйшихъ романовъ; хотя предразсудки отвратительны, страшны для людей образованныхъ 19 столѣтія, но привязанные къ нимъ въ послѣднихъ обстоятельствахъ оправдываются правами природы, могуществомъ и святостію ея опредѣленными. О божественный писатель! философъ утѣшительный для души моей! неподражаемый Руссо! ты одинъ зналъ сердце человѣческое, ты изобразилъ его въ различныхъ родахъ измѣненій и жертвъ, приносимыхъ чувствительности; ты измѣрилъ глубину страстей сильныхъ и пагубныхъ, ты описалъ ужасы порока и бездну, ихъ поглощающую, пылкость и забвеніе, ты раскрылъ величественный, божественный образъ добродѣтели, улыбающейся съ кротостію и надеждою; но ты иногда украшаешь и самые слабости твоею волшебною, привлекательною и нѣжною кистію. Ты сладокъ, почтителенъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ опасенъ своимъ заманчивымъ, убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, своимъ постепеннымъ изображеніемъ измѣненій сердца и характера; въ сихъ картинахъ твоихъ слишкомъ яркое покрыто тѣнію томной чувствительности, возвышенное блеститъ во мракѣ несчастій и преступленія! Страсти господствуютъ, коимъ бѣдный разсудокъ противоборствуетъ слабо. Ахъ! онъ слишкомъ уступчивъ тамъ, гдѣ натура замѣшается, при всей его опытности. Какъ не сказать объ немъ изъ нѣжной Deshoulières [1]): что пользы въ кормщикѣ, который все протекъ, извѣдалъ всѣ моря, а въ пристань не приводитъ?? О какой несчастный даръ душа чувствительная! Кто его получилъ, не долженъ иного ожидать на землѣ, какъ только горести и мученія!! Слова родителей должны быть непремѣннымъ закономъ для дѣтей. Частныя сужденія непримѣтнымъ образомъ измѣняются, въ нихъ-то отцы, а особливо матери, наиболѣе должны быть осторожны. Съ самого младенчества дѣти видятъ не иначе ихъ, какъ наставниками, образцами всего лучшаго, а каждое сужденіе, даже каждое слово врѣзывается въ память, изъ чего въ послѣдствіи времени составляется система мыслить, по образу впечатлѣній, полученныхъ съ младенчества. Человѣкъ помнитъ наиболѣе то, что особенно относится къ его собственному положенію. Онъ выискиваетъ въ сужденіяхъ тѣхъ, отъ кого зависитъ, выгодныя для себя стороны по свойству натуральному, и ежели обстоятельства откроютъ ему случай, понуждающій его въ тайнѣ разбирать предстоящее, то онъ, конечно, возьметъ за основаніе одно изъ мнѣній,

---

[1]) Французская писательница XVII вѣка.

слышанныхъ имъ отъ тѣхъ, которые имѣютъ непосредственное вліяніе въ исполненіи настоящаго предпріятія, — и сіе случается наиболѣе въ дѣлахъ семейныхъ, а особенно, гдѣ идетъ дѣло о замужествѣ или женитьбѣ. И такъ во избѣжаніе разстройства семейственнаго, ужаснаго своими послѣдствіями, въ изъясненномъ мною случаѣ родители должны быть болѣе всего осторожны; имъ надобно чувствовать образъ мыслей своихъ насчетъ толико важнаго пункта просто: изобразивъ волю свою, правила и намѣреніе, принятое единожды навсегда съ разборчивою нѣжностію заблаговременно, послѣ чего избѣгать самомалѣйшаго повода къ подобнымъ разговорамъ и сужденіямъ. Мнѣніе ихъ должно быть тайною для дѣтей взрослыхъ уже въ частныхъ соотношеніяхъ, а общее, единожды ими объявленное, должно быть непремѣннымъ правиломъ. Они обязаны напоминать его весьма осторожно при малѣйшемъ къ тому случаѣ съ кротостію, любовію, и поступая такъ, ежели и могло бы произойти что либо неожиданное, то, во первыхъ, они избавлены уже отъ упрека совѣсти, дѣти будутъ ожидать ихъ позволенія, какъ величайшей милости во всѣхъ случаяхъ, тѣмъ болѣе въ противномъ принятому правилу, если къ несчастію сего уже избѣжать будетъ невозможно. Но я полагаю, что при толико разборчивомъ вниманіи въ разсужденіи поведенія дѣтей чего либо несвойственнаго въ выборѣ произойти никакъ не можетъ; а сказанное мною выше: „выходи за кого хочешь, или женись на комъ хочешь", есть отреченіе отъ тѣхъ правъ, которыя утверждены законами божественными и гражданскими, оно почти также худо, какъ и то, ежели въ сужденіяхъ о толико важномъ дѣлѣ нѣтъ никакой основательности. Въ хаосѣ разнобразныхъ мнѣній, перемѣняющихся ежедневно, теряется голова и самая здравомыслящая. Ужасно потерять довѣренность къ словамъ родителей, кои должны быть непремѣннымъ закономъ для дѣтей, какъ я выше сказалъ. Люди раздѣлены на классы; каждое состояніе должно составлять свой кругъ собственный; несвойственныя связи рѣдко оправдываются благополучною жизнію; романическія мечтанія изчезаютъ скоро и невозвратно, за коими неминуемо послѣдуетъ раскаяніе. Любовь наполняетъ малѣйшій участокъ жизни нашей, сказалъ одинъ писатель, не дѣлая и того счастливымъ. Едва она хладѣетъ, мы остаемся одни съ воспоминаніемъ слабостей и заблужденій, въ кои она вовлекла насъ, и неизгладимаго зла, которое она сдѣлала намъ. Человѣкъ, порабощающійся сей страсти, начинаетъ безразсудностію, а оканчиваетъ раскаяніемъ.

Обращаюсь къ предмету моего описанія. Отецъ мой, прочитавши письмо, казалось, думалъ о серіозномъ его содержаніи. Я ожидалъ отвѣта положительнаго не для того, что имѣлъ намѣреніе жениться,— этого и въ головѣ у меня не было, но дабы узнать истинный его образъ мыслей насчетъ толико важнаго обстоятельства. Первое слово отца

моего было, что онъ знаетъ Польшу, тамъ имѣнія не вѣрны; потомъ онъ распространилъ свои разсужденія о Полякахъ. Я все ждалъ чего-либо опредѣлительнаго и остался въ томъ же невѣдѣніи, въ какомъ былъ и при началѣ сего разговора. Потомъ онъ мнѣ говорилъ, что жениться — хорошо, соблюдши всѣ выгоды, и что въ Малороссіи есть также невѣсты, правда, ни одна не имѣетъ 300 душъ, однакожъ есть съ состояніемъ. Чрезъ часъ говорилъ совсѣмъ уже другое, именно, что надобно, немного послужа, выйти въ отставку, осмотрѣться и принаровить себя къ образу жизни и мыслей въ Малороссіи. Потомъ опять говорилъ, что надобно служить, и прочее — такъ, что я совершенно ничего не понялъ. Съ этимъ хаосомъ въ головѣ моей мы распрощались. Онъ меня провожалъ и на дорогѣ опять сказалъ, что ежели истинно полковникъ даетъ 300 душъ, то я сдѣлаю выгодную партію; за симъ послѣдовали опять, не помню, какія то перемѣны—и я, наконецъ, сказалъ ему, что вовсе не имѣю ни малѣйшаго намѣренія жениться, а постараюсь пріѣхать домой, дабы познакомиться съ людьми, о коихъ я никакого понятія не имѣю. Вотъ первыя замѣчанія, которыя я сдѣлалъ насчетъ моей родины. Они были такъ темны, неосновательны, что я не умѣлъ сдѣлать никакого заключенія во все продолженіе дороги до Каменца, куда спѣшилъ въ объятія моего истиннаго друга Масальскаго.

Отецъ мой подарилъ мнѣ коляску, я ѣхалъ весьма покойно и все еще восхищался его ласками и милостями. Въ Каменцѣ, прибывши, не засталъ добраго Масальскаго, но нашелъ его письмо, въ коемъ онъ просилъ пріѣхать къ нему, ибо онъ имѣетъ весьма важное дѣло, о коемъ хочетъ со мною поговорить, писать же не можетъ, не смѣя ввѣрить тайны письму, которое легко затеряться можетъ. Признаюсь, я спѣшилъ увидѣться съ Августиною и желаніе сіе происходило болѣе отъ суетности, нежели отъ любви. Я желалъ ей истиннаго счастія, былъ въ состояніи все сдѣлать, дабы видѣть ее благополучною, а почтеннѣйшаго Полковника покойнымъ, но самому жениться почиталъ совершенною невозможностію, вопервыхъ, потому что я не находилъ въ сердцѣ моемъ того стремленія, каковое потемняетъ разсудокъ, доводитъ до иступленія пылкость, не имѣющую границъ желаніямъ пламеннымъ, и заставляетъ томиться между страхомъ и надеждою. Чувства мои совмѣщали тихую благодарность и преданность душевную ко всему семейству и истинное дружество къ Августинѣ, которой любовь прельщала, но не ослѣпляла меня. Во вторыхъ, разнообразныя предположенія отца моего не обѣщали мнѣ ничего добраго, я не понималъ настоящаго намѣренія, можетъ быть, думалъ себѣ, онъ и никакого не имѣетъ, въ чемъ увѣриться однакоже безъ опытовъ невозможно. Я былъ слишкомъ молодъ, дабы сдѣлать основательное заключеніе, мало зналъ людей и характеры и, можетъ быть, по одному инстинкту судилъ такимъ образомъ. Переходы

отъ одного мнѣнія къ другому, замѣченные мною въ томъ, чьи разсужденія должны бы были быть основательными, остановили меня на томъ, что я могу ошибиться, но мнѣ должно безъ причины ни чему не вѣрить, равно и вѣрить было не чему. Двѣ недѣли сдѣлали меня совсѣмъ другимъ человѣкомъ, поселили сомнѣніе въ умѣ и уменьшили довѣренность къ самому себѣ; я увидѣлъ, что есть люди, каковыхъ я и вообразить себѣ до сего времени не могъ, ибо не имѣлъ никогда подобныхъ соотношеній и судилъ о всѣхъ по собраннымъ мною замѣчаніямъ въ свѣтѣ, вовсе несходномъ съ тѣмъ, какой я встрѣтилъ въ Малороссіи. До сего времени я искалъ всегда такихъ, кои бы меня понимали, равно какъ я ихъ, и ничто не принуждало меня заводить знакомства съ людьми, коихъ образъ жизни, склонности, сужденія и правила (буде оныя есть у необразованныхъ корыстолюбцевъ) были совершенно прoтивны общимъ, принятымъ въ кругу читающихъ, мыслящихъ и желающихъ быть просвѣщеннѣе.

На другой день ввечеру по пріѣздѣ моемъ въ С. я пошелъ къ Полковнику, все семейство встрѣтило меня съ восторгомъ, Августина однакожъ была задумчива и точно похудѣла. Мы цѣлый вечеръ съ нею почти ничего не говорили и я показывалъ видъ, какъ будто ничего не знаю. Такимъ точно образомъ прошло еще дней нѣсколько. Въ одно утро приходитъ во мнѣ еврей, держащій аренду у Полковника и пользующійся совершенною довѣренностію цѣлаго дома, я съ нимъ разговорился о доходахъ—и онъ мнѣ показалъ ревизскую сказку крестьянъ, будто ничего не зная, и прибавилъ къ тому, что господинъ назначилъ уже 325 душъ дочери своей, оставляя себѣ такое же число, хвалилъ имѣніе, увѣрялъ въ своей ко мнѣ преданности, и, наконецъ, сказалъ, что онъ слышалъ отъ людей, будто Августина меня очень любитъ. Я прервалъ тотчасъ разговоръ, холоднокровно сказавши ему между прочимъ, что я еще очень молодъ. Онъ, вышедши отъ меня, смотрѣлъ коляску и распрашивалъ людей моихъ о моемъ состояніи, которые, будучи нанятыми, объ немъ совершенно не знали, а домой я ѣздилъ съ солдатомъ. Я положилъ себѣ твердо не начинать разговора ни съ отцомъ, ни съ самою Августиною, который бы касался привязанности, или чего либо сему подобнаго. Но въ субботу, какъ теперь помню, съѣхалось множество гостей, въ томъ числѣ и старая моя пріятельница изъ Каменца. Обхожденіе мое съ нею примѣтно не нравилось Августинѣ, она пѣла унылые романсы, краснѣла при всякомъ моемъ словѣ, на глазахъ навертывались слезы и напослѣдокъ ей сдѣлалось дурно, такъ что она принуждена была уйти въ свою горницу, послѣ чего мы сидѣли еще долго. Я обѣщался проводить мою пріятельницу, и когда мы выѣхали за деревню, она сказала, чтобы я сѣлъ въ ея экипажъ, на что я охотно согласился. Она тотчасъ начала шутить насчетъ Августины.

Я просилъ ее серіозно оставить Августину въ покоѣ; признаюсь, мнѣ было жаль ее: тоска сердечная овладѣла мною, я молчалъ на всѣ шутки пріятельницы, которая напослѣдокъ сказала: „Не глупо ли грустить, будучи такъ любимымъ“? „Я бы на твоемъ мѣстѣ“, сказала она, — „никакъ не пропустила такого милаго случая; романическія добродѣтели слишкомъ стары для 19 столѣтія“. Противъ этого я спорилъ горячо, а она смѣялась и не вѣрила моей нравственности и правиламъ, хотя мнѣ и стыдно было казаться въ глазахъ ея новичкомъ; не взирая на то, я устаивалъ въ моемъ мнѣніи. „Ну женись на ней, ежели ты вѣришь такъ слѣпо и твердо въ добродѣтель“. Послѣ чего я разсказалъ ей подробно всѣ обстоятельства. Она, казалось, была довольна образомъ моихъ мыслей и, помолчавши немного, сказала, что она въ первый разъ въ своей жизни слышитъ подобныя сужденія отъ молодого человѣка, хвалила ихъ и была совершенно тронута. О женщины! вы всегда способны чувствовать добро, ваши нѣжныя души и сердца заблуждаются, но вамъ всегда милы добродѣтели, и въ самой испорченной нравственности вы имѣете минуты сладкія для вашей врожденной чувствительности. Послѣ множества незамѣчательныхъ разговоровъ съ пріятельницею я пересѣлъ въ мой экипажъ и возвратился домой. Много разсуждалъ о моемъ положеніи и ничего не могъ выдумать. Нѣсколько дней не былъ я у Полковника. Началъ опять заниматься; сіе полезное и пріятное развлеченіе удаляло меня отъ сооруженія воздушныхъ замковъ Каждый день однакожъ освѣдомлялся о здоровьи Августины и когда узналъ, что она выходитъ, не вытерпѣлъ, чтобы ея не видѣть. Она встрѣтила меня съ видомъ укоризны и горести. Это тронуло мою чувствительную струну и мы начали разговаривать по прежнему. Я непримѣтно принужденъ былъ объяснить все. Разсказалъ даже о происшествіи, случившемся со мною въ Малороссіи. Въ такихъ случаяхъ есть весьма много подробностей неокончательныхъ; объясненія наши были прерваны ужиномъ. При прощаніи Августина сказала мнѣ въ великомъ замѣшательствѣ, что ей бы хотѣлось поговорить со мною совершенно свободно, — и прибавила къ тому, что въ домѣ выполнить сіе никакъ невозможно, — я все молчалъ. Она такъ нѣжно увѣряла меня въ своемъ дружествѣ, что я истинно забылъ рѣшительное мое намѣреніе и, наконецъ, мы назначили свиданіе подъ колокольнею, куда завтрашній день она выйдетъ съ подругою своею и горничною послѣ ужина въ 11 часовъ. Послѣ сего согласія я пришелъ домой. Размысля о послѣдствіяхъ, мнѣ было очень досадно, что, необдумавши, далъ слово. Ахъ! какую ужасную ночь провелъ я въ раскаяніи и досадѣ, не слѣплялъ глазъ ни на минуту; то рѣшался отказаться отъ моего обѣщанія и представить Августинѣ, чему она подвергаетъ меня и себя, преступая границы доброй нравственности, то хотѣлъ послать сказать

по утру, что я боленъ, и не видѣться болѣе или, по крайнѣй мѣрѣ, не говорить съ нею особенно; совѣсть и раскаяніе меня измучили. Наконецъ, рѣшился прежде объясниться съ нею и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія утра. Двадцать разъ выходилъ на дворъ—всё темно! Сердился на весь родъ человѣческій и удивлялся, какъ люди могутъ спать такъ долго. Наконецъ, разсвѣло. Для сокращенія времени я принялся читать. Машинально просматривалъ глазами листы, ничего не читалъ и не понималъ. Уже было около 10 часовъ. Я началъ одѣваться, дабы итти къ Полковнику, восхищался моей рѣшительности, прославлялъ въ душѣ моей твердость характера, мирился съ моею совѣстью и радовался напередъ, что происшествіе сіе можетъ кончиться ничѣмъ. Посреди сихъ размышленій вдругъ входитъ ко мнѣ нѣсколько пріятелей. „Мы сегодня рѣшились кавалькадой заѣхать къ тебѣ на борщъ послѣ прогулки". Погода прелестная — подлинно; хотя была уже и половина Октября (1811 г.), но дни такіе были теплые и ясные, какъ въ Августѣ мѣсяцѣ. Посѣщеніе ихъ было мнѣ не очень пріятно, но дѣлать было нечего. Я показался имъ слишкомъ печальнымъ, всѣ спрашивали о причинѣ, разговоръ склонился, какъ по большей части въ холостой кампаніи, на женщинъ, всякій почти хвалился успѣхомъ въ какой нибудь интригѣ, шутили на счетъ моей любви къ Августинѣ. Одинъ говорилъ, чтобы я не упустилъ столь благопріятнаго случая, другой называлъ меня романистомъ, —и всѣ удивлялись моей скромности, зная меня всегда за самого непостояннаго, припоминали множество случившихся со мною любовныхъ происшествій. За обѣдомъ со стаканами въ рукахъ завели и меня въ общій разговоръ, который послѣ обѣда содѣлался еще шумнѣе и откровеннѣе; повторяемые безпрерывно тосты воспламеняли воображеніе — прощай строгая нравственность! исчезло твердое намѣреніе. О вино! источникъ удовольствій и забвеній, ты веселишь сердца человѣческія и потемняешь разсудокъ, послѣдствія неумѣренности всегда почти неразлучны съ неизгладимыми непріятностями. Послѣ всякаго „гулянья", какъ обыкновенно принято въ свѣтѣ называть отвратительное излишество употребленія вина, я всегда бывалъ недоволенъ самъ собою, хотя счастливый случай иногда и избавитъ въ положеніи семъ отъ ссоры и неудовольствій, что весьма не рѣдко случается. Отягченная голова и воспаленное спиртомъ воображеніе родятъ все такія идеи, коихъ послѣ самъ стыдишься, а неразлучная спутница хмелю, безумная откровенность, заставитъ говорить все то, что только на умъ взбредетъ, ежели умъ сей пьяные имѣть могутъ, но, кажется, онъ тогда оставляетъ насъ на произволъ бунтующимъ страстямъ. Люди весьма благоразумные дѣлаютъ такія непростительныя глупости, какія можетъ только внушить одно истинное безуміе. Какъ смѣшонъ отецъ пьяный посреди своего семейства, какъ отвратителенъ образъ пьянаго

начальника посреди его подчиненныхъ, какъ мерзокъ человѣкъ, по неосторожности сдѣлавшійся дебоширомъ въ кругу людей почтенныхъ! Ахъ! что можетъ, наконецъ, быть презрительнѣе пьяницы; всѣ способности потеряны, чувства притуплены, къ нему не возможно имѣть ни вѣры, ни жалости, ибо онъ самъ причиною своего ужаснаго состоянія. Къ вечеру мы были уже всѣ слишкомъ веселы, я не думалъ болѣе ни о послѣдствіяхъ, ни о приличіи; гости мои разъѣхались,—а я? Боже мой! Этотъ случай никогда забыть не могу... Побрелъ къ колокольнѣ, цѣлый часъ сидѣлъ одинёхенькій въ темнотѣ и внималъ писку сычей и шороху, производимому летучими мышами, которыя вились надъ головою моею. Наконецъ, изъ садовой калитки показались три фигуры. Сердце мое билось, я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и безъ помощи вина, конечно, ушелъ бы домой, не видѣвшись съ Августиной, которая кинулась мнѣ на шею въ присутствіи своихъ сопутницъ. Мы сошлись говорить и ничего не говорили. Два часа пролетѣло, какъ двѣ минуты,—что̀ я принужденъ былъ напомнить. Кто былъ въ объятіяхъ прекрасной дѣвушки, тотъ только можетъ вообразить мое восхищеніе, мой восторгъ при каждомъ прикосновеніи губъ къ ея пылающимъ губамъ. О натура! какъ ты могущественна и непонятна въ своихъ дѣйствіяхъ! можно ли досыта нацѣловаться, ежели стремленіе наше ограничено одними поцѣлуями? Кажется, душа излетаетъ изъ бреннаго тѣла вмѣстѣ съ дыханіемъ; въ такія минуты желаешь, дабы все существо твое перелилось въ ея существо; какъ ощутительно біеніе пламеннаго сердца! дыханіе останавливается и, вырываясь изъ стѣсненныхъ грудей, сливается въ одинъ вздохъ, изъ коихъ каждый кажется предвкушеніемъ безсмертія! Въ сіи сладостныя мгновенія какъ ни близко бываютъ одинъ къ другому, хотѣлось бы быть еще ближе, словомъ желаешь невозможнаго. Мы разстались виновными только въ одномъ непозволительномъ rendez-vous не болѣе, и я съ грустію, раскаяніемъ и желаніемъ неистовымъ возвратился къ себѣ на квартиру, давши слово каждый день видѣться такимъ же образомъ, что исполнялъ, признаюсь откровенно, съ сердечнымъ удовольствіемъ. Наслажденія сіи были для меня слишкомъ восхитительны, но одно преступленіе ведетъ за собою другое; это безпрерывная цѣпь, послѣднее звено коей сокрыто во мрачной глубинѣ порока. Я однако же всегда говорилъ Августинѣ, что жениться на ней мнѣ никакъ не возможно; она соглашалась со мною, но любовь ея превосходила все, внушаемое намъ благоразуміемъ. Въ Ноябрѣ начались дожди и ненастье, что̀ прекратило наши свиданія, но порывы страстей не находятъ препонъ, любовь смѣла и изобрѣтательна. Августина прислала ко мнѣ повѣренную своихъ тайнъ и часы, которые мнѣ вручила оная, и назначила въ 11 часовъ свиданіе въ саду, откуда она обѣщала меня провести въ комнату Авгу-

стины. Это показалось мнѣ слишкомъ уже опаснымъ предпріятіемъ, но я на все рѣшился. Распросивши ее, куда мнѣ должно итти, дабы достигнуть сада, и какъ сей смѣлый путь лежалъ черезъ сѣни, раздѣляющія двѣ людскія избы, то мнѣ казалось совершенно невозможнымъ пробраться сквозь сію узкую и мрачную дефилею. На другой день мы сыскали предлогъ осмотрѣть всѣ мѣста, куда мнѣ проходить было надобно, подъ видомъ обозрѣнія хозяйственныхъ заведеній мачехи; — я удивлялся механизму катка въ прачешной, замѣтилъ, что произведеніе сіе должно быть заграничное, и терпѣливо выслушалъ длинную диссертацію о каткѣ, къ сему присоединилась исторія, часто мною слышанная, о водахъ и насилу кончилась общею похвалою заграничныхъ мастеровъ; даже прачки почтены были панегирикомъ. Хотя предстоящее путешествіе было не очень безопасно, но я ввечеру, зарядивши дробью пару пистолетовъ, запасшись дубиной и ящикомъ съ нюхательнымъ табакомъ на случай преслѣдованія, пошелъ къ назначенному мѣсту, весьма покойно пробрался въ садъ, перезябъ, пока дождался посланницы, проклиналъ ее въ умѣ моемъ, предалъ анаѳемѣ садъ, кухню, грязь и дождь, который не оставилъ на мнѣ сухой нитки. Черезъ часъ не ближе она явилась и ввела меня въ темную комнату. Мракъ и тишина! Потомъ подвела меня къ постели и я очутился въ объятіяхъ страстной Августины. Сидя такъ близко отъ нея, выдерживалъ лихорадочный пароксизмъ, конечно, не отъ холоду и мокраго моего платья; это все забыто, да и она сама не примѣтила, что я былъ подобенъ утопавшему. Я положилъ мое оружіе на близь стоявшемъ столикѣ и не думалъ ни о чемъ болѣе, какъ только объ удовольствіи быть съ Августиною. Вдругъ раздался голосъ ея мачехи. Гдѣ дѣлись восторги?! Схвативши мою палку и ящикъ съ табакомъ, кинулся къ дверямъ, за кои счелъ окошко, только успѣлъ спросить, въ садъ ли оно; мнѣ отвѣтили тихо: „въ садъ и отпирается"; безо всякаго размышленія, предавши себя покровителю ночныхъ происшествій, прыгнулъ изъ окна. Стукъ и брязгъ стеколъ оглушили меня, едва могъ выкарабкаться изъ какого то лабиринта, пустился бѣжать, пролетѣлъ счастливо опасныя сѣни, и будучи уже на половинѣ двора, примѣтилъ всеобщую тревогу и смятеніе, стая собакъ съ ужаснымъ лаемъ и визгомъ атаковали меня со всѣхъ сторонъ, я примѣтилъ также нѣсколько человѣкъ, выбѣжавшихъ изъ кухни. Ужасъ придалъ мнѣ силы и смѣлости, я не зналъ куда бѣгу, но бѣжалъ изо всей мочи, попалъ въ какой то ровъ и по оному побѣжалъ внизъ, очутился около моста, который мнѣ всегда должно бывало проходить. Спрятавшись подъ нимъ, ожидалъ, пока все успокоится, малѣйшій шорохъ наводилъ на меня трепетъ. Тутъ я вспомнилъ, что со мною не было пистолетовъ и вся надежда осталась на табакъ и дубину. Кто-то прошелъ по мосту и я уже приготовившись ожидалъ непріятной раз-

вязки моего приключенія, но вскорѣ все затихло, я вылѣзъ изъ моего грязнаго убѣжища и рѣшился итти домой. Ахъ! какъ обрадовался я, вошедши къ себѣ на дворъ; въ минуту страхъ исчезъ, мѣсто коего заступилъ смѣхъ. Вошедши въ горницу, не узналъ себя въ зеркалѣ: весь въ тинѣ и навозѣ, я не походилъ на человѣка, и слуга безъ смѣху меня раздѣвать не могъ. Послѣ толикихъ подвиговъ, очистившись отъ грязи, погрузился въ глубокій сонъ и проснулся около 10 часовъ утра. Пріятельница Августины ожидала моего пробужденія въ другой горницѣ, посѣщеніе ея было весьма кстати..... Она была милая веселая дѣвушка, служила собесѣдницей во многихъ домахъ, и не въ первый, кажется, разъ покровительствовала любви, пользуясь привиллегіями опыта въ такихъ наслажденіяхъ, къ коимъ стремятся всѣ побужденіями натуры.... Мы послѣ смѣялись со вчерашняго происшествія, она мнѣ разсказала, что цѣлый домъ былъ встревоженъ, всѣ думаютъ, что это были воры, удвоили сторожей, люди разсказали, будто видѣли нѣсколько человѣкъ, сѣвшихъ верхами, которые поскакали тотчасъ во всю прыть, а экономъ увѣрялъ, что онъ за ними гнался до самого лѣса, который былъ на большой дорогѣ верстахъ въ 6-ти отъ деревни. Мои пистолеты могли бы надѣлать большой бѣды, но горничная, подавши свѣчу, успѣла ихъ спрятать подъ кровать, — и такъ все кончилось безъ малѣйшихъ послѣдствій. Тотъ же день я увидѣлъ Августину, которая съ нѣжнѣйшимъ участіемъ распрашивала меня, какимъ образомъ я избѣжалъ всѣхъ опасностей. Послѣ подробнѣйшаго повѣствованія, прерываемаго поцѣлуями, она въ свою очередь сказала мнѣ, что о сю пору опомниться не можетъ, голосъ ея мачехи и теперь еще отзывается въ ушахъ ея. „Страхъ и раскаяніе“, говорила она, „въ минуту тревоги овладѣли всѣмъ существомъ моимъ. Я готова была кинуться за тобою въ окошко и, конечно, сдѣлала бы сіе въ горестномъ изступленіи, но приходъ мачехи отнялъ всѣ силы. Какъ ты думаешь, зачѣмъ она проснулась?.. Завтрашній день мы дали слово быть на имянинахъ нашего сосѣда, для чего она приготовляла свои наряды, но позабыла приказать принесть цвѣты къ шляпкѣ, что, какъ она разсказывала, вошло ей въ голову ночью, и потому она газбудила свою гардеробянку; послѣдняя, засвѣтивши свѣчку, со страхомъ вбѣжала въ ея комнату, въ торопяхъ все опрокидывала, что ни попадалось, и прекрасный коверъ, постланный около постели, потерпѣлъ болѣе всего отъ сей суматохи, коего цвѣты поблѣднѣли отъ разлитія“..... О семъ несчастіи мачеха послѣ сама мнѣ разсказала. Мы хохотали и всѣ вмѣстѣ проклинали воровъ; досталось также невинной, можетъ быть, только въ семъ случаѣ, полиціи. Тутъ я узналъ, что, прыгнувши изъ окошка, попалъ въ рамы парника; удивительно, какъ стеклами не изрѣзалъ себѣ платья и даже самыхъ ногъ. Поутру увидѣли, что всѣ стекла въ одной рамѣ были побиты и

сдѣлали утвердительное заключеніе, что воръ былъ не знакомъ, коему не было извѣстно положеніе сада и окошекъ въ домѣ; симъ оправдывались всѣ дворовые люди. Августина спрашивала меня съ сердечнымъ участіемъ, не испортилъ ли я себѣ ноги,—и едва повѣрила моему увѣренію въ счастливомъ salto mortale! Подали экипажъ, и какъ дорога къ имянинннику лежала черезъ упомянутый экономомъ лѣсъ, то ему должно было конвоировать путешественницъ чрезъ оный во избѣжаніе нечаяннаго нападенія скрывшихся, по словамъ его, вчера разбойниковъ. Это было наказаніемъ за ложь его, — и такъ всѣ получили награды по достоянію.

Распростившись съ ними, я поѣхалъ въ штабъ. Жребій палъ на меня покупать ремонтъ, чему, признаюсь, я весьма обрадовался; во первыхъ, въ теченіе года думалъ короче познакомиться съ родиною, и довѣренность общества льстила моему самолюбію; во вторыхъ, симъ могла прекратиться связь съ Августиною, столь короткая, которую охладила опасность послѣдняго ночного происшествія. Я тотчасъ началъ сбираться въ дорогу, на третій день пошелъ къ Полковнику, чтобы распроститься съ ними и поблагодарить искренне за хлѣбъ за соль. Извѣстіе сіе поразило Августину, она утопала въ слезахъ, забывъ все приличіе. Этотъ случай принудилъ меня объясниться съ Полковникомъ который былъ истинно тронутъ положеніемъ дочери и разлукою со мною. Я разсказалъ ему все подробно, не скрывши ничего, обѣщалъ однако же писать къ нему. Онъ съ горестію и навернувшимися на глазахъ слезами обнялъ меня, благословилъ, какъ отецъ нѣжнѣйшій, и сказалъ при томъ, что сколько онъ меня ни любитъ, но воля родителей должна быть священна для каждаго благороднаго человѣка, и что онъ самъ никогда не простилъ бы пренебреженія толико священной обязанности, основанной на чистой нравственности и добродѣтели, внушаемой небомъ въ сердца добрыхъ. „Положимся на волю Всемогущаго и на время, которое не въ силахъ измѣнить моего къ тебѣ истиннаго дружества; въ ономъ“, прибавилъ онъ, — „будь увѣренъ всегда, и что бы ни случилось, ты имѣешь во мнѣ нѣжнаго отца, обстоятельства твои никогда не будутъ чуждыми моему сердечному дружеству; будь всегда добрымъ и помни совѣты старика, изнуреннаго горестями и по опыту узнавшаго превратности свѣта“! Я залился слезами, распростившись съ ними; не зналъ, куда иду и что дѣлаю. Съ такимъ расположеніемъ грустной души моей сѣлъ въ почтовую повозку и проплакалъ цѣлую станцію! Къ сему присоединилось горестное предчувствіе, которое отравляло мое спокойствіе въ продолженіе всей дороги до Малороссіи, гдѣ, дѣйствительно, ожидали меня доселѣ неиспытанныя и въ самомъ дѣлѣ ужасныя непріятности.

Начало 1812 года было началомъ безпрерывныхъ огорченій, испы-

тываемыхъ мною во всѣхъ возможныхъ случаяхъ со стороны моихъ домашнихъ. Я расположилъ мою команду въ деревнѣ, разстояніемъ 5 верстъ отъ родительскаго дома, радовался душевно, что буду такъ близко отъ любимаго мною отца, что могу короче познакомиться со всѣми родными моими, найду помощь и пособіе насчетъ покупки ремонта, въ чемъ я былъ совершенно не опытенъ, воспользуюсь полезными совѣтами и наставленіями въ толико новомъ для меня порученіи но всѣ предположенія и надежды мои уничтожились, какъ тѣнь. Клевета, сплетни, неудовольствія и недоброжелательство — лишили меня спокойствія. Я остался совершенно одинъ съ моею неопытностію. Оставленный произволу слѣпого случая, на каждомъ шагу встрѣчалъ обманщиковъ, готовыхъ безъ малѣйшаго упрека совѣсти воспользоваться моимъ излишнимъ довѣріемъ, непочитавшихъ за грѣхъ даже обокрасть, ежели бы было сіе возможно! Равнодушіе близкихъ мнѣ ожесточило чувства и посѣяло недовѣрчивость. Одно счастіе избавило меня въ сихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ отъ ужасныхъ послѣдствій. Я былъ весьма близокъ къ тому, чтобы оплакивать горькую участь подъ тяжестію сумы и ранца, и тѣмъ ужаснѣе для меня было мое положеніе, что я не видѣлъ ни въ комъ ни малѣйшаго участія. По пріѣздѣ моемъ батющка встрѣтилъ меня весьма холодно;—это былъ первый ударъ, нанесенный несправедливостію моей врожденной чувствительности. Я не понималъ причины холодности его. Послѣ ужина тотчасъ пошелъ въ назначенную мнѣ горницу, цѣлую ночь провелъ въ изслѣдованіи моихъ поступковъ и не могъ найти ничего такого, что могло бы подвергнуть сему неудовольствію. Гордость врожденная не позволила мнѣ развѣдывать; я старался скрыть горесть въ глубинѣ растерзанной души моей, старался привязанностью и угожденіями возвратить ласки его. Все было тщетно. Такимъ образомъ прошло нѣсколько дней. Мнѣ ничто не шло въ голову, всѣми мыслями овладѣло уныніе, о ремонтѣ не было и въ помышленіи. . . . .

1. Акростихъ.

Повѣрь, любезный другъ, я честью увѣряю,
Что мнѣ лишь дружества довольно твоего;
Любви еще страшусь, прелестныхъ избѣгаю,
И дорогъ ты одинъ для сердца моего.
Коварство, лесть, обманъ—все чуждо межъ друзьями,
Одна невинная привязанность для нихъ;

Въ палаткѣ, въ хижинѣ съ открытыми сердцами
У нихъ часы летятъ на крыльяхъ роковыхъ.

Январь 1807 г.

---

2. Выскочка.

—Граната, лопнувши, вамъ шубу изорвала?
„О происшествіи я семъ рапортовалъ“.
—Зачѣмъ? Вѣдь, шуба не пропала?
„Хочу, чтобъ Государь о шубѣ моей зналъ,
Чтобъ всѣ въ Москвѣ о ней заговорили.„
—А шубу-жъ потчинили?
„Я не велѣлъ, никакъ! Пусть вся Европа знаетъ,
Какъ турокъ мастерски стрѣляетъ;
А то всѣ думаютъ, что турки дураки.
Нѣтъ, это пустяки:
Съ ними не такъ-то ловко драться!„...
Признаться,
Окончилъ тутъ я разговоръ,
Подумавши при томъ, какой нелѣпый вздоръ
Гнѣздится въ головѣ у нашихъ командировъ
Жаль, право, вышитыхъ мундировъ!

Подъ Измаиломъ, 20 марта 1807 г.

3.

Мы живемъ весь вѣкъ въ трудахъ—
Безъ вина солдату горе:
Трезвымъ обладаетъ страхъ,
Пьянымъ по колѣна море.
Ну, давай еще вина!
Пейте, пейте все до дна!
Вино бодрость придаетъ,
Оно храбрость возжигаетъ,
Каждый смѣло въ бой идетъ
И препятствій не встрѣчаетъ.
Ну, давай еще вина!
Пейте, пейте все до дна!
Страшно-ль пьяному въ бою?!
Онъ опасности не знаетъ,
Какъ скала, стоитъ въ строю,
И разить врага желаетъ!
Ну, давай еще вина!
Пейте, пейте все до дна!

Подъ Измаиломъ, 4 апрѣля 1807 г.

---

4. Къ трубкѣ.

Трубка скуку разгоняетъ,
Она мысли въ насъ селитъ,
Средь бездѣлья занимаетъ,
Въ горѣ, въ скукѣ веселитъ.
Ну, за трубки поскорѣй,
Всѣмъ намъ будетъ веселѣй!

Подъ Измаиломъ, 15 августа 1807 г.

---

5. На полученіе ордена св. Георгія А. Д. З.

Принесемъ мы поздравленье,
Выпьемъ дружества фіалъ!
Оживитъ воображенье
Полный кипрскаго бокалъ.

***

Онъ сердца раскроетъ наши,
Разговоры оживитъ,
А вокругъ пуншевой чаши
Всякъ свое заговоритъ.

***

Кто заслугой получаетъ,
Не пронырствомъ, ордена,
Тотъ и цѣну онымъ знаетъ—
Къ нимъ дорога есть одна:

***

Быть въ сраженьяхъ хладнокровнымъ,
По дежурствамъ не шнырять,
Быть товарищемъ достойнымъ,
И душею не вилять;

***

Должность исполнять со рвеньемъ,
О заслугахъ не трубить,
Не блѣднѣть передъ сраженьемъ
И челомъ ядру не бить.

***

Ты достоинъ награжденья—
Поздравляемъ мы тебя!
Но не терпишь раздѣленья--
Радъ-бы все взять для себя.

***

Ты не трусъ, но есть подобны
Храбростью весьма тебѣ,
Лишь искать не столь способны,
Повинуются судьбѣ.

***

Наливайте-ка стаканы!
Выпьемъ! Что тутъ толковать!..
Кажется, что всѣ ужъ пьяны;
Полно, не пора-ли спать?!

---

6. Къ А. Д.

Я томлюся въ ожиданьи
Лучшей участи себѣ,
Дни влачу въ тоскѣ, въ страданьи,
Повинуясь злой судьбѣ.
    Внемли, милая Анюта,
    Просьбѣ, дружескимъ словамъ:
    Иль свиданія минута,
    Иль увидимся, но... тамъ!
Тамъ, гдѣ вѣкъ не разлучимся,
Милый ангелъ, мы съ тобой,
Тамъ блаженствомъ насладимся,
Примирюсь и я съ судьбой!

Д. Татаръ-Баурчи, 14 марта 1808 г.

---

7. Посланіе къ Роксандрѣ.

Я признаюсь тебѣ, тебѣ, моей любезной,
Что удовольствій я, разсѣянья ищу,
Не лью горючихъ слезъ въ разлукѣ безполезно,
Но часто по тебѣ тоскую и грущу.
Грущу и тяжкій вздохъ бываетъ облегченьемъ
Стѣсненныхъ чувствъ моихъ, наполненныхъ тобой,

Мечтаю о тебѣ съ сердечнымъ восхищеньемъ,
Слеза-жъ, по моему, есть знакъ уже дурной.
Душою слабые, ихъ часто льютъ напрасно,
Какъ будто-бы нельзя, не плакавши, любить—
Ты знаешь, какъ любилъ, теперь люблю какъ страстно,
Но слезы, знаешь тоже, я неспособенъ лить.

С. Текучи въ Молдавіи, 1810 г.

---

8. Арія (изъ польской оперы).

Всякъ знакомымъ быть мнѣ хочетъ—
Я таланты, умъ имѣю;
Не всему природа можетъ
Научить, что я умѣю.
Люблю танцы и пирушки,
Карты, деньги, клубъ, театръ,
Вино, женщинъ, рюмки, кружки—
Кто такимъ вещамъ не радъ?!
Старикашки называютъ
Беззаботной головою;
Люди свѣтскіе считаютъ
Всѣхъ веселостей душою.

С. Жерди кам.-подольской губ., 4 сентября 1811 г.

---

9. Размышленіе.

Рѣдкій здѣсь дѣлами славенъ,
Кто-жъ пролазитъ—награжденъ;
Слогъ реляцій чистъ и плавенъ,
Но ты въ нихъ не помѣщенъ.
Бѣдный долгъ свой исполняетъ,
Честенъ, храбръ, уменъ—пустякъ!
Крестъ богатый получаетъ,
Будь онъ трусъ или дуракъ.
Нѣтъ возможности добиться
Намъ заслугами наградъ,
Также трудно отличиться,
Какъ добраться въ Цареградъ.
Къ кому счастье все спиною,

Не ворочаясь, стоитъ,
Въ старости пойти съ сумою
Славный подвигъ предстоитъ.
Кого щедрая природа
Одарила простотой—
Все равно, теперь не мода,
Гонятъ съ этою чертой.
Счастье дуракамъ на свѣтѣ,
Нынѣ въ модѣ пустота,
Возятъ дурака въ каретѣ,
Расфранченнаго шута.
Умниковъ нигдѣ не любятъ--
Зависть свой воздвигла тронъ,
Лишь о глупыхъ людяхъ трубятъ,
Того-жъ гонятъ, кто уменъ.
Разумъ вреднымъ почитаютъ—
Для чего же онъ людямъ?
Если глупость уважаютъ,
Станемъ подражать глупцамъ!

1811 г.

„Записки для меня собственно.“

1812 года марта 3 дня мы выступили съ 9-й гренадерской дивизіей изъ квартиръ нашихъ, состоящихъ въ Каменецъ-Подольской губерніи, въ Волынскую губернію. Самое дурное время похода дѣлало великія затрудненія въ слѣдованіи, однакожъ каждый восхищался, воображая лавры, насъ ожидающіе. Слухъ носился, что мы немедленно будемъ заграницею, но, противъ чаянія каждаго, мы, прибывъ въ мѣстечко Острожецъ, стояли въ ономъ отъ 18 марта по 19 число маія. Люди, потерпѣвши много походомъ, не имѣя надлежащихъ выгодъ, а болѣе отъ случившейся весьма дурной погоды, прибывъ на мѣсто, начали хворать и умирали болѣе обыкновеннаго. Мы застали многочисленную армію, собранную на 400 верстъ: первая стояла въ Вильнѣ, а вторая въ Луцкѣ (т. е. главныя квартиры). Начали ожидать прибытія Императора и Его Величество прибыть изволилъ въ Вильну, гдѣ, какъ слышно, осматривалъ войска. 2-я армія ожидала также его прибытія, въ слѣдствіе чего и выступили полки и артиллерійскія бригады маія 19, въ томъ числѣ и бригада наша. Никому неизвѣстна причина нашего выступленія, а говорятъ только о смотрѣ. Весна самая благословенная. Бригада наша пришла въ Гродненскую губернію въ Волковыскій повѣтъ. Квартира наша у помѣщика Булгарина, человѣка очень осторожнаго, какъ обыкновенно у поляковъ, до перваго энтузіазма. Никому ничего неизвѣстно: — смотръ да и все тутъ. Грѣшно бы было, приготовляясь къ войнѣ, заниматься чѣмъ либо инымъ кромѣ идей отличія, но какъ предполагаютъ смотръ, то я, по врожденной склонности убѣгать праздности душевной, выдумывалъ средства къ развлеченію, старался, сколько возможно, наполнить пустоту моего сердца, искалъ предмета, который обратилъ бы мое вниманіе и томился въ однихъ изслѣдованіяхъ. Августина болѣе меня не занимала, притомъ же я слишкомъ далекъ по чувствамъ разстраивать семейственное спокойствіе; хотя самолюбіе мое оскорблено, но месть—не мое дѣло; пусть каждый ищетъ сообразныхъ ему наслажденій въ бытіи, горестномъ для человѣка чувствительнаго! По выходѣ замужъ Августины я пріобрѣлъ прежнюю дружбу. Она замужемъ и сего довольно; мужъ ея можетъ оставить меня съ нею гораздо безопаснѣе, нежели великій султанъ въ гаремѣ своего великаго бостанжа—пашу, хотя я не лишенъ способности удовлетворять маленькія прихоти моихъ пріятельницъ; но дорога довѣренность. Кто повѣритъ въ нынѣшнее время, чтобы молодой счастливецъ (себя я такъ смѣло называю не по красотѣ и не по достоинствамъ, но по опытамъ удачныхъ приклю-

ченій, которыя всегда были сопутниками моей жизни) не былъ опасенъ. Все зависитъ отъ счастія и стеченія обстоятельствъ. Счастіе! Кто смѣетъ истолковать въ полномъ смыслѣ его значеніе? Оно не постижимо и дѣйствія оного неисповѣдимы, оно скользко, непостоянно, разнообразно въ дарахъ своихъ; иногда оно балуетъ, какъ нѣжная любовница, иногда терзаетъ, какъ ревнивая жена, часто производитъ то, чего никакъ не ожидаешь, между тѣмъ препятствуетъ по большей части въ самыхъ священныхъ намѣреніяхъ.

Сынъ время, случая, судьбины
Иль недовѣдомой причины,
Богъ лютый, гибкій, добрый, злой,
На шаровидной колесницѣ,
Хрустальной, скользкой, роковой,
Въ кругу блистающей денницы,
Чрезъ горы, степь, моря, лѣса
Повсюду ты вседневно скачешь,
Волшебною ширинкой машешь
И производишь чудеса.

Послѣ такого изображенія на что его описывать; слѣдовательно всякій со мною согласится, что безъ него, какъ и безъ любви, наша жизнь одна лишь сумма дней, минутъ и секундъ, посвященныхъ горести или безчувствію, а это всего тяжелѣе! Не надобно ли стараться отыскивать предметъ, который бы замѣщалъ убылыя мѣста въ нашемъ сердцѣ? О! это необходимо. Опытъ внушилъ мнѣ написать слѣдующее:

За полячкой волочиться,
Нѣтъ пріятнѣе сего!
На полячкѣ чтобъ жениться,
Нѣтъ глупѣе ничего!
    Какъ стрѣльца боится заяцъ,
    Бойся болѣе роговъ;
    Отъ жены хоть ни на палецъ,
    Не избѣгнешь злыхъ ты ковъ.
На мужчину взглянетъ полька...
Право съ мыслью, а не такъ.
Расторопенъ будь лишь только,
Тотчасъ мужу и своякъ.

Что легче, то покуда и пріятнѣе. Сдѣлалъ объясненіе по формѣ и получилъ желаемый успѣхъ, однакожъ и въ самыхъ восторгахъ думалъ о милой воспитанницѣ. Она примѣтила мое обхожденіе съ наставницей, которая поневолѣ сдѣлала ее повѣренною своей тайны. Посредничество меня восхищало. Бесѣдуя съ наперстницей, я читалъ совершенно

сердечныя ласки героини моего романа. Съ первой мы часто бываемъ одни; нѣжная невинность меня обворожаетъ. Вѣрно, кто будетъ читать сіе, подумаетъ: какой извергъ, варваръ, растлитель невинности! — и я тоже сказалъ-бы, но пусть припомнятъ характеръ мой, а на него можно положиться. Проживши цѣлыя недѣли, я никогда не заикнулся о любви, будучи доволенъ, наслаждаясь истинною довѣренностію и нѣжнѣйшимъ чувствомъ дружбы. Я дѣлаю для нея болѣе, чѣмъ можно, поселяя высокую добродѣтель въ благородной гордости, которая украшаетъ прелести душевныя и вселяетъ почтеніе отъ тѣхъ, которые избалованы примѣрами вольности въ обхожденіи съ дѣвушками, воспитывающимися среди полекъ и поляковъ, позволяющихъ себѣ совершенно непозволительное въ почтительномъ обхожденіи. Ахъ! какъ она внимательна, какъ она меня любитъ и какъ восхищается невинная душа ея, не притворяясь, моимъ образомъ мыслей и изъясненій. Я горжусь самъ собою, восхищаюсь ея чувствами, а она платитъ мнѣ непритворнымъ вниманіемъ и довѣренностію. Отецъ и мать столько вѣрятъ мнѣ по чувствамъ, которыя я поселилъ въ нихъ моимъ характеромъ, что не выговариваютъ дочери, когда она въ ихъ присутствіи оказываетъ мнѣ ласки истиннаго дружества. Madame сердится на мою холодность, но не смѣетъ ничего сказать, будучи совершенно въ моей власти. Я человѣкъ, слѣдовательно, и имѣю слабости. Пусть скажетъ тотъ, кто сидѣлъ одинъ въ каштановой темной бесѣдкѣ съ милою дѣвушкою, что̀ онъ тогда чувствовалъ; его признаніе избавитъ меня отъ подробнаго объясненія и откровенности, противной благопріятнымъ правиламъ. Madame служила мнѣ удовлетвореніемъ того, о чемъ я не помышлялъ..... Имѣя кровь, обращающуюся въ жилахъ моихъ скорѣе вертопраха въ диванной его чувствительной красавицы, и когда жаръ въ составѣ моемъ простирался до 40 градусовъ, могъ-бы заболѣть, а кому болѣзнь можетъ нравиться; и такъ лучше беречь здоровье безъ малѣйшаго ущерба добродѣтели. Софія сего не понимала, а madame тому 10 лѣтъ, или и болѣе, потеряла поясъ въ саду одного знатнаго господина. Я сидѣлъ въ бесѣдкѣ, разумѣется не одинъ, и вдругъ слышу, что люди мои кричатъ: „походъ“. Представьте мое положеніе, слезы Софіи и горестную разлуку. Зачѣмъ сіе описывать? Кто былъ въ подобномъ положеніи, тотъ живо себѣ воображаетъ; а кто не былъ, тотъ несчастливъ. Въ комъ нѣтъ охоты къ подобнымъ сценамъ, тотъ не имѣетъ тонкой чувствительности. Іюнь мѣсяцъ, погода самая благопріятная, каждый восхищается походомъ, но я не могъ раздѣлять восхищенія товарищей; привычка — вторая натура, особенно, когда привыкаешь къ пріятному! Никто ничего не знаетъ, однако же по двусмысленному лицу хозяина, по безпокойству многихъ пріѣзжихъ можно было замѣтить что-то таинственное; любопытство одержало верхъ надъ моею скромностію, я очень осторожно

завелъ рѣчь съ хозяиномъ и онъ, будучи расположенъ ко мнѣ, подружески сказалъ нѣкоторыя свои догадки, кои я почелъ очень основательными. Масальскаго письмо подтвердило мои заключенія. Какая радость, какія надежды! Все забыто, но я при всемъ этомъ не могъ проститься безъ слезъ съ Софіей.

Чѣмъ болѣе отдалялся, тѣмъ болѣе имѣлъ разсѣянности. Военныя дѣйствія, представляясь живо моему воображенію, наполняли мою душу восхитительными надеждами. По р. Нѣману сожгли много судовъ съ хлѣбомъ и прочими припасами, а гдѣ непріятель, никто не имѣетъ никакого свѣдѣнія; какая непроницаемая тайна! Въ Слонимѣ армія Багратіона соединилась съ нашею и мы тогда только узнали, что французы въ предѣлахъ нашихъ и что намъ предстоитъ большое затрудненіе соединиться съ главною арміею около мѣстечка Николаева, что̀ надъ р. Нѣманомъ. Армія переправилась черезъ оную рѣку. Какая величественная картина! Пѣхотные полки, обмундированные наилучшимъ образомъ, только-что оставили свои квартиры; сыты, не изнурены никакими маршами, на лицѣ каждаго солдата изображается какое то самонадѣяніе, въ непотусклыхъ отъ изнуренія взорахъ видна быстрота, всякій, кажется, съ жадностію взираетъ въ ту сторону, откудова почитали быть непріятелю. Пѣсельники съ радостными восклицаніями запѣваютъ громкія свои пѣсни, старые служивые, облокотясь на ружье, которое они носили въ Швейцарію съ незабвеннымъ Героемъ Италійскимъ, разсказываютъ товарищамъ своимъ о походахъ, каждый воинъ оживленъ великою надеждою на дружину вѣрную и на князя, съ которымъ они не страшатся никакой силы непріятельской!! Какая величественная разнообразность! Кирасиры, облеченные въ одежду снѣжную, съ отвагою дѣтей сѣвера мощно сидятъ на тучныхъ коняхъ своихъ, которые гордою поступью гордятся своими всадниками; легкіе гусары, закуривъ безъ заботы свои трубки, попѣваютъ каждый про себя пѣсенки въ ожиданіи атаки, которая осѣнитъ ихъ буйныя головы неувядаемыми лаврами. О, какое восхищеніе! Я забылъ все предстоящее и смерть казалась сладкою за отечество. Казалось, что каждый подобно мнѣ чувствуетъ. Перешедши по мосту на противный берегъ р. Нѣмана, погрузился въ размышленіе. Съ какимъ душевнымъ умиленіемъ я смотрѣлъ на стройныхъ ратниковъ, колоннами двигавшихся впередъ: блескъ штыковъ сливался, какъ нѣкая величественная рѣка при солнечномъ сіяніи, геройскіе шишаки мужественныхъ кирасировъ напоминали мнѣ гордыхъ Катоновъ и Сципіоновъ великаго и могущественнаго Рима. Я представлялъ себѣ непобѣдимые легіоны Цезаря и Августа, блуждалъ въ пылкомъ моемъ воображеніи за многими столѣтіями. Душа моя переселялась въ гордую Спарту, или была неразлучна съ сыномъ Плинія посреди побѣдъ его... Я сидѣлъ на превысокомъ берегу и око мое не

могло видѣть конца столь прелестной картины. Зрѣніе терялось между отдаленными шеренгами. Какъ можно, думалъ я, съ такою арміею не быть побѣдителемъ, какое войско можетъ противостать мужеству и храбрости неустрашимыхъ потомковъ непобѣдимыхъ славяноруссовъ? По утру армія двинулась впередъ, но по обстоятельствамъ принуждены были взять направленіе совершенно противное. Очень прискорбно и грустно ворочаться: не каждому извѣстно движеніе непріятеля, но всякій ропщетъ, если судьба заставляетъ итти назадъ по той же дорогѣ, съ которою какъ будто бы распрощался навсегда. Разоренная деревня, вычерпанный колодезь, даже всякое деревцо — огорчаютъ, напоминая уныло, что итти назадъ — есть самое непріятное слово, употребляемое побѣжденными по большей части; сіе слово наводитъ уныніе, его тяжело выговорить: ретирада! Какія печальныя времена ты приводишь на память любящему патріотически свое отечество! Мы начали ретироваться для соединенія съ главною арміею, насъ преслѣдовали и не преслѣдовали, но страшные переходы по пескамъ и безъ малѣйшихъ роздыховъ изнуряли солдата, который не имѣетъ времени не только заснуть, но и отдохнуть порядочно; едва успѣютъ сварить кашу — походъ! Цѣлую ночь полусонные тянутся по лѣсамъ, хотя главнокомандующій не наблюдалъ особливыхъ строгостей и смотрѣлъ сквозь пальцы на множество подводъ подъ усталыми. Но по мѣрѣ разстоянія и поспѣшности оказывалось усталыхъ болѣе и болѣе, а подводы стали гораздо затруднительнѣе, отчего полки теряли каждый маршъ значительное число усталыхъ, а остальные люди приходили въ изнуреніе. Какъ больно смотрѣть на людей, раскиданныхъ по дорогѣ, когда никто не въ силахъ пособить имъ. Мы узнали, что насъ преслѣдуютъ — король Вестфальскій и корпусъ князя Понятовскаго. Подъ мѣстечкомъ Міромъ отрядъ ген. Платова одержалъ верхъ надъ польскими уланами. Какая радость видѣть плѣнныхъ, а еще болѣе, первая стычка — и побѣда на сторонѣ нашей! Всѣ какъ будто бы проснулись отъ глубокаго усыпленія; притомъ же, дошедши до м. Несвижа, намъ дали отдыхъ и всѣ содѣлались гораздо довольнѣе. Отъ Несвижа 2-я западная армія маршировала къ Смоленску. Не стану описывать партизанскихъ стычекъ, не заслуживающихъ никакого вниманія. Армія прибыла въ Старый Быховъ и насъ встрѣтили изгнанные изъ Могилева гарнизонные солдаты и самъ г. губернаторъ ген. Толстой со множествомъ чиновниковъ. Князь Багратіонъ освѣдомился обстоятельно, что 60-тысячный корпусъ подъ командою маршала Даву занялъ Могилевъ. Главнокомандующій однакоже рѣшился итти по большой дорогѣ къ Могилеву. Дивизія Раевскаго встрѣчена была авангардомъ французскимъ близъ селенія Султановки, сраженіе происходило съ обѣихъ сторонъ съ равною храбростію и упорствомъ; какъ командующій нашею дивизіею, равно и дивизія его,

ознаменовали себя вѣчною славою, будучи окружены почти со всѣхъ сторонъ непріятелемъ многочисленнѣйшимъ, дрались посреди густого лѣсу, каждый просѣкъ давалъ случай съ неустрашимостью бросаться въ штыки, противу коихъ французы не стояли нигдѣ; во всѣхъ мѣстахъ были опрокидываемы! Русскіе, такъ сказать, ожесточились и одно благоразуміе и присутствіе духа генерала Раевскаго, находившагося всегда впереди, удерживали войско отъ безразсуднаго отчаянія. Армія прибыла къ вечеру недалеко отъ мѣста сраженія, а въ полдень отдыхала въ аллеѣ большой дороги на берегу Днѣпра и вдоль онаго двинулась къ Могилеву. Въ самые сумерки потребовали и насъ. Проходя по дорогѣ, мы встрѣчали по обѣимъ сторонамъ раненыхъ. Приказано занять позицію надъ узенькою рѣчкою по возвышеніямъ. Мы остановились, а дивизія Раевскаго начала ретироваться мимо насъ, её никто не преслѣдовалъ и мы простояли покойно до 10 часовъ утра. Приказано итти въ обратный путь. Въ полдень заняли позицію надъ болотомъ, недалеко отъ женскаго монастыря, который я посѣщалъ съ Масальскимъ, видѣлъ игуменью, которая утверждала вѣрующихъ въ уповаіи на промыслъ и опредѣленіе Господа Милосерднаго. Ровно 100 лѣтъ назадъ, какъ монастырь сей праздновалъ побѣду въ день сей — Петра! Меня поставили съ орудіями на самой дорогѣ посреди 2-ой гренадерской дивизіи; но какъ насъ никто не преслѣдовалъ, то мы покойно и пошли опять на Быховъ Старый и Новый. Главнокомандующій приказалъ дать каждому раненому офицеру по 10 червонныхъ. Переправясь по сдѣланному на скорую руку мосту около м. Пропойска, мы потомъ шли форсированными маршами день и ночь, дабы соединиться съ первою арміею. До сего времени армія была въ совершенно цвѣтущемъ положеніи, нигдѣ не видно было усталыхъ, но необыкновенные переходы день ото дня становились тягостнѣе; песокъ, дурныя воды и сверхъестественные труды, обезсиливали армію людьми. Хотя Главнокомандующій и сквозь пальцы смотрѣлъ на множество подводъ подъ усталыми, но гдѣ взять подводъ столько, чтобы можно было везти 40 тысячъ усталыхъ, изнуренныхъ безсонницею. Не могу вспомнить безъ ужаса и мое собственное положеніе. Сколько разъ, не могши противостоять отягчающему меня сну, я принималъ рѣшительное намѣреніе лечь посреди дороги, не разсуждая о послѣдствіи. Часто не успѣешь раскласть огонь, подъѣли, и снова дѣлаемъ верстъ 30 и болѣе.

Не было ничего достопримѣчательнаго въ продолженіе ретирады 2-й арміи. Подъ стѣнами Смоленска мы соединились съ Барклаемъ, гдѣ простояли бивакам дней нѣсколько. По диспозиціи арміи нашей приказано было итти въ село Катань. Я былъ тогда адъютантомъ при главной квартирѣ у начальника артиллеріи генерала Левенштерна. Армія и главная квартира прибыли очень поздно въ деревню сію, въ

которой уже разъ мы были. Поутру когда никто, можно сказать, не помышлялъ о непріятелѣ, прискакали казаки съ донесеніемъ къ князю, что французскіе разъѣзды показались въ виду нашихъ аванпостовъ. Главнокомандующій и начальникъ штаба гр. Сенъ-Пріестъ во всю ночь были заняты; были требованы въ квартиру ихъ многіе изъ чиновниковъ, однакоже никто ничего не зналъ; поутру — тревога, за рѣкою показались французы. Около Смоленска слышна стала пушечная пальба; армія двинулась тотчасъ къ Смоленску, гдѣ оставлена была дивизія генерала Раевскаго; а дивизія генерала Невѣровскаго для обсерваціи была расположена на большой дорогѣ въ г. Красномъ. На походѣ, который мы продолжали форсированно, прискакалъ къ князю Багратіону кавалеристъ князь Голицынъ и донесъ, что генералъ Раевскій защищаетъ Смоленскъ, къ коему подступила вся французская армія подъ предводительствомъ самого Наполеона. Мы прибыли къ Смоленску поутру часу въ 9-мъ и расположились на горѣ противу онаго. Главнокомандующій поѣхалъ въ городъ, осматривая позицію, какъ на предмѣстіи, равно и около Смоленска. Между тѣмъ сраженіе продолжалось, улицы предмѣстія уставлены были нашими батареями, прикрываемыми колоннами пѣхоты; высланы фланкеры и стрѣлки съ обѣихъ сторонъ, но рѣшительнаго ничего ни та, ни другая сторона не предпринимали. Князь Багратіонъ смотрѣлъ на сіе съ бастіона; при мнѣ онъ сдѣлалъ выговоръ ген. Сиверсу, какъ отецъ и воинъ, и хвалилъ казачьяго полковника черезъ присланнаго отъ него офицера сими словами: „Скажи полковнику, что я службой его доволенъ, посылаю ему Анну, благодарю за его расторопность“ — сіе толковалъ онъ часъ офицеру. Артиллерія была разставлена по лѣвую сторону р. Днѣпра на возвышеніяхъ вдоль по берегу. 2-я армія сдѣлала нѣсколько конныхъ атакъ, взяла малое число плѣнныхъ. Непріятель подвигался къ городу, и уже ядра доставали по улицамъ. Въ самое сіе время мы обѣдали въ трактирѣ итальянца Чаны. Тревога во всѣхъ концахъ города, жители бѣгутъ, раненые по улицамъ, стонъ и вопль повсемѣстно! Ужасно видѣть военныя дѣйствія въ отечествѣ! До самого вечера 5 числа августа продолжалась, такъ сказать, со стороны непріятеля одна рекогносцировка. Мы ожидали остаться въ Смоленскѣ еще нѣсколько времени; нѣкоторые думали о большомъ сраженіи. Въ вечеру поздно приказано было арміи князя Багратіона отступить по Московской дорогѣ, сдавъ всѣ занимаемые оною посты генералу Дохтурову, который съ корпусомъ своимъ остается удерживать Смоленскъ. Мы же пошли на другой день назадъ, чему причины никто не знаетъ; ропотъ въ арміи не только между солдатами, начиная отъ нихъ и до генераловъ. Самъ князь Багратіонъ кажется совершенно недовольнымъ; онъ видѣлся съ Великимъ Княземъ. Какая добродѣтель! Онъ старшимъ будучи Барклая де Толли, соединясь съ

нимъ, подалъ рапортъ и сказалъ послѣ при всѣхъ: „гдѣ идетъ дѣло о любезномъ нашемъ отечествѣ, тамъ необходимо единодушіе, пустое старшинство не должно разстраивать порядка строгой подчиненности, которая есть душа военной службы!“ — Внуши, Господи, во всѣхъ подобныя симъ чувствованія! Весьма примѣтно, что князю Багратіону больно ретироваться, какъ и всякому русскому, но онъ скрываетъ свое негодованіе противу Барклая, коего не любитъ цѣлая армія. Всѣ ропщутъ. Въ 1-й арміи гораздо больше раскидали усталыхъ, хотя менѣе нашего имѣли затрудненій. Я пишу сіе въ минуту огорченія..... Какая теперь чистота? Нужны духъ и бодрость къ перенесенію трудовъ и недостатковъ; не грѣхъ ли взыскивать съ бѣднаго изнуреннаго жаждою и голодомъ солдата, дѣлающаго сверхъ-естественныя усилія въ маршахъ, за отступленіе отъ формы? Формами не побьемъ непріятеля. 2-я армія подъ Смоленскомъ не потеряла много, но я долженъ сказать здѣсь о потери 2 генераловъ. Первый — конный: Скалонъ, а второй— 11-го Егерскаго полка шефъ Баллъ. Послѣдняго я зналъ лично; онъ всегда отличалъ себя храбростію, будучи весьма посредственныхъ способностей; человѣкъ, служившій долго и уже старый, но въ немъ было нѣчто геройское, чему наружность его никакъ не соотвѣтствовала. Мнѣ разсказывали полку его офицеры, что онъ подъ Смоленскомъ, т. е. въ первомъ сраженіи противу враговъ отечества, оказывалъ чудеса храбрости, съ энтузіазмомъ патріота кидался въ самыя опаснѣйшія мѣста, ободрялъ солдатъ простымъ, но внятнымъ для нихъ изреченіемъ: „стой, какъ муръ“!! — чему самъ былъ первымъ примѣромъ. Объ немъ можно сказать истинно, что онъ, сражаясь въ линіи стрѣлковъ, чувствовалъ въ простотѣ души своей, что дерётся за отечество. Какъ почтенны въ глазахъ каждаго такіе люди! Они кидаются впередъ, не думая объ отличіи, равно о томъ, дабы другіе прославляли храбрость ихъ; не суетная молодость и тщеславіе, напояя ихъ блестящими надеждами, заставляютъ ихъ вынужденно не страшиться пуль и ядеръ: — страсти пылкой молодости угасаютъ въ человѣкѣ простомъ въ лѣта старости его; а ежели онъ храбръ, ежели онъ, забывая самое семейство свое пренебрегаетъ всѣми опасностями, то храбрость его, конечно, одушевлена вѣрою, благороднымъ исполненіемъ своей должности безъ малѣйшихъ расчетовъ. Почтенъ! Стократъ почтенъ! Прямодушный старецъ, умирающій въ истинномъ смыслѣ за любезную ему родину! да воспаритъ душа твоя, добрый, храбрый генералъ, къ престолу Творца Вышняго! Тебѣ не воздвигнутъ временныхъ памятниковъ, имя твое не будетъ гремѣть въ потомствѣ, но малое число знавшихъ благородный подвигъ твой почтутъ слезою искренняго сожалѣнія память твою; да послужитъ подвигъ твой примѣромъ для тѣхъ, кои воспоминаютъ простоту и храбрость твою съ душевнымъ восхищеніемъ. Славно умереть на полѣ

чести, защищая отечество свое, коему служилъ столь долгое время, не гордясь заслугами! Миръ праху твоему, добрый старецъ, посѣдѣвшій въ браняхъ и получившій вѣнецъ безсмертія!!! . . . .

Французская кампанія, сдѣланная подъ командою генерала Бенигсена.

.... Армія наша подъ командою генерала Бенигсена изъ Силезіи взяла направленіе въ Богемію и по-надъ р. Эльбою имѣла марши чрезъ **Лейтмерицъ** (не далеко отъ Терезіенштата—сія крѣпость считается лучшею въ австрійской имперіи, построена по системѣ ......, гарнизону можно помѣстить до 20 тысячъ), **Аусcигъ** и потомъ заступила мѣста, занимаемыя главною арміею,—въ г. **Теплицѣ**, достопримѣчательномъ своими цѣлительными водами; авангардъ въ д. **Петервальдау**, куда и вся армія двинулась, имѣя направленіе къ г. **Дрездену**. Маршировали чрезъ **Цейстъ**, гдѣ была главная квартира въ замкѣ. Главнокомандующій ѣздилъ смотрѣть небольшое дѣло, бывшее недоходя **с. Лохвицъ**; съ нашей стороны дрался корпусъ ген.-лейт. Маркова и ген.-маіора Паскевича, противу насъ командовалъ маршалъ французскій Сенъ-Сиръ; потеря наша около 1000 человѣкъ; орудій было въ дѣлѣ 16 противу 12. Непріятель отступилъ. На другой день главную квартиру перемѣстили въ с. **Лохвицы**. Главнокомандующій 29 числа сентября ѣздилъ смотрѣть перестрѣлку корпуса ген.-маіора Паскевича; важнаго ничего не было, непріятель оставилъ деревню, стрѣлки наши оную заняли и прогнали тиральеровъ въ г. **Дрезденъ**. 1 числа октября армія соединясь выступила къ г. Дрездену, что прежде сдѣлать было намѣреніе, но ген. Толстой поздно получилъ приказаніе, которое шло черезъ ген. Дохтурова, и потому корпусъ ген. Толстого, составленный изъ ополченій, прибылъ немного послѣ. Пріѣхавши въ 6 часовъ утра, мы застали корпусъ ген.-маіора Паскевича въ дѣлѣ, недалеко отъ **Дрездена**, т. е. высланы были стрѣлки какъ съ нашей, такъ и съ непріятельской стороны, и вели безплодную перестрѣлку; нѣсколько разъ выгоняли то они насъ, то мы ихъ изъ деревни, лежащей близъ города, и стрѣляли изъ орудій на весьма дальнюю дистанцію; французы вывезли нѣсколько орудій, стрѣляли мерзко; уповательно, что ни одного нѣтъ убитаго съ нашей стороны дѣйствіемъ орудій, кромѣ лошадей.

Цѣлая армія наша была расположена верстахъ въ 3 или 4 отъ города **Дрездена** на возвышеніи; можно было обозрѣть всѣ движенія непріятеля, но, какъ видно, онъ не хотѣлъ дѣлать спектакля и довольствовался по обыкновенію пустыми движеніями и эволюціями стрѣлковъ. Къ вечеру подвезли изъ города орудія; наши тоже начали жарить, хотя и далеко; чрезъ нѣсколько времени все вошло въ городъ, оставались одни стрѣлки. Два орудія конныхъ мы поставили не въ дальнемъ разстояніи отъ оныхъ, и хотя всѣ увѣряли, что тамъ убитыхъ *порядочно*, но я, находясь на батареѣ почти цѣлое время, *мало* примѣтилъ убитыхъ. Слышалъ я вопросъ артиллерійскаго офицера: „Какъ прикажете, Ваше Превосходительство, стоять мнѣ до послѣдняго человѣка?"—и умный отвѣтъ генер. Паскевича: „Мы видимъ, что́ дѣлается, и когда смѣнить Васъ, предоставьте мнѣ".

Ввечеру главнокомандующій уѣхалъ, а войскамъ велѣно остаться до 12 часовъ. Ген. Строгановъ пошелъ съ 6 егерскимъ полкомъ и легкою ротою—составить авангардъ въ **г. Вильдсруфъ**, гдѣ расположили главную квартиру. Генералъ Дохтуровъ на другой день прибылъ сюда же. Ген. Толстой и ген.-лейт. Марковъ остались въ прежней позиціи около **Дрездена**. Дѣло было очень не важное и мы очень мало потеряли и то напрасно. Цѣлую ночь генералы и я путали и, наконецъ, наши и 6 егерскій полкъ нашли квартиру. Слышали, что отъ Дрездена Толстой ретировался. 2 числа октября приказано ген. Дохтурову и ген.-маіору Паскевичу выступить къ г. **Носену**, гдѣ назначена главная квартира. Ночью на третіе число пріѣхалъ курьеръ изъ главной арміи и разсказывалъ завѣрное, что армія непріятельская ретируется, что главная армія наша въ **Лейпцигѣ**, а Наполеонъ съ 80 тысячами перешелъ на правую сторону Эльбы. При **Витенбергѣ** арміи нашей дали направленіе на м. **Вальдгеймъ** и велѣно концентрировать главную армію. 3 числа главная квартира прибыла въ **Вальдгеймъ.** По дорогѣ сдѣлалась тревога:—каждый скачущій увѣрялъ, что онъ былъ въ рукахъ непріятеля; но послѣ оказалось сходно пословицѣ: у страха глаза велики.

Три дня сряду слышна канонада къ **Лейпцигу**. Перехватили курьера, найдены депеши, изъ коихъ видно, что французы потеряли подъ Дрезденомъ 1 числа 28 офицеровъ и около 500 человѣкъ.

Главная квартира, м. **Полтицъ**. Слышна ужасная канонада; ген. Бенигсенъ спѣшилъ, какъ возможно. Конные полки авангарда и главная квартира прибыли въ г. **Гриммъ** ночью въ 9 часовъ, ожидали корпуса Дохтурова. Онъ прибылъ непрежде 8 часовъ утра. Главнокомандующій по прибытіи корпуса тотчасъ выѣхалъ за нами въ авангардъ; курьеръ за курьеромъ изъ главной арміи. Присоединился къ намъ ген. Платовъ, которому приказано взять направленіе на правый флангъ нашей арміи. Ген. Бенигсенъ подъѣзжалъ осматривать позицію, видѣлся

съ австрійскимъ генераломъ Клейнау, и мы извѣстились, что потеря наша не болѣе 6000. Мы, равно какъ и непріятель, остались въ той же позиціи. Я пріѣхалъ въ совершенно разоренную деревню и посреди разбитыхъ мисокъ, опрокинутыхъ горшковъ, австрійскихъ солдатъ, и раскиданной соломы пишу сіе. Сію секунду пріѣхалъ съ позиціи, предположено атаковать съ лѣваго фланга непріятеля, хотѣли сдѣлать сіе нынѣ, но корпусъ генерала Дохтурова только-что пришелъ, дождь проливной. Французы, примѣтя наши движенія, тотчасъ построились. Атака отложена до завтра. Къ Бенигсену пріѣзжалъ кн. Волконскій и много господъ адъютантовъ. Ожидаемъ будущаго. Дѣло, говорятъ, было чудесное.

5 числа—**Фуксъ-штейнъ.**

Утро 6-го числа октября началось почти ничѣмъ. Отрядили съ батарей войска, двигались впередъ и въ половинѣ 11 часа огонь усилился. Непріятель оставилъ свою позицію, и гдѣ ни показывался, вездѣ вдругъ былъ опрокинутъ. .... и Бенигсенъ зашли во флангъ, крѣпко нажали. Генералъ Блюхеръ съ отважными пруссаками были въ тылу французовъ. Союзныя войска наши оказывали повсемѣстно чудеса храбрости, кромѣ........ Въ 4 часа послѣ обѣда Саксонскій генералъ со всею бригадою сдался Бенигсену. Саксонцы кричали, проходя въ порядкѣ: vivent les Russes! и просили непремѣнно, чтобъ имъ позволено драться противъ французовъ. Они имѣли 19 орудій и около 6 тысячъ солдатъ пѣхоты. Армія наша потеряла очень мало.

На другой день ожидали жаркаго дѣла, непріятель ретировался, мы подошли къ стѣнамъ **Лейпцига**. Тамъ французы оставили весь почти свой экипажъ, пропасть картъ, кальсонъ и проч.; всего удивительнѣе, что мы, вошедъ въ городъ, въ которомъ за полчаса было ¼ милліона войска, нашли полные трактиры съѣстнаго и винъ,—и насъ поили и кормили, какъ бы и въ доброе время; порядокъ и привычки удивительны.

Въ **Вейссенфельсѣ** тоже самое; окрестности разорены, разграблены до основанія, а города мало терпятъ. Вообще пожили мы тутъ: я, Корсаковъ и Нелединскій!

Мы теперь получаемъ диспозицію отъ наслѣднаго принца шведскаго и 10 числа октября ожидаемъ ее въ **Вейссенфельсѣ.** Мнѣ очень дурно всѣ эти дни и въ Лейпцигѣ не очень веселился. Шутка сказать: 100 верстъ верхомъ въ сутки.

Лейпцигъ. Артиллерія открыла огонь, какъ съ нашей, такъ и съ непріятельской стороны, но что устоитъ противу мужества и неустрашимости Русскаго, когда онъ окураженъ и когда ведутъ его не безпутно—ура! проломали кирками стѣну, которая не была толста, притомъ же палили ядрами, и колонны ворвались въ городъ. Вообразить нельзя по-

рядка и дисциплины, съ какою войска наши проходили подъ градомъ пуль въ городѣ. Ни одинъ не кинулся грабить, никто не отставалъ ни на сажень отъ своего мѣста. Честь россійскому воинству! первый разъ въ цѣлую службу мою я видѣлъ взятіе города. Сначала король Саксонскій выслалъ трубача, я подъѣхалъ къ нему, но французы осыпали пулями. Съ нашей стороны послали также трубача съ адъютантомъ Дохтурова Шкуринымъ, французы стрѣлять не переставали. Наконецъ, умолкло. Наши были уже въ городѣ, главнокомандующій въѣхалъ со свитою въ ворота, жители кричали ура!! Но французы опять начали стрѣлять по насъ съ лошадей, изъ за деревьевъ и много перебили. Вся свита, въ числѣ которой былъ и я, бросилась назадъ. На силу унялись. И колонны наши, равно артиллерія картечью, черезъ 5 минутъ очистили проходъ въ городъ съ радостными восклицаніями. Послано донесеніе Государю;—и онъ со сроднымъ ему величіемъ проѣхалъ по городу. Жители махали платками, кричали, плакали отъ радости, словомъ нельзя изобразить картины, которую видѣлъ каждый изъ побѣдителей. Цѣлая Саксонская армія сдалась. Мы взяли до 150 орудій, безъ счету плѣнныхъ и запасовъ; а генераламъ подлинно не было никакого счету. Все осталось. Богъ милосердный! много разъ Ты споспѣшествовалъ нашему оружію, но сей день шестого числа—есть достопримѣчательнѣйшій.

7-го октября мы вступали въ г. **Лейпцигъ** и того же числа преслѣдовали бѣгущаго непріятеля. Понятовскій утонулъ, свита его въ неволѣ. Генералъ Ренье въ плѣну со множествомъ генералитета, котораго и дѣть некуда. Садъ усѣянъ трупами. 6 числа войска наши выступили къ г. **Люцену**, примѣчательному по неудачной нашей атакѣ весною. По дорогѣ около каждаго огонька особая кампанія французовъ; объ нихъ никто не заботится и каждая партія слѣдуетъ по произвольному маршруту, подобно какъ и въ Россіи было при ретирадѣ. Отъ **Люцена** арміи пошли въ **Вейссенфельсъ**. 9 числа слышны были выстрѣлы и въ вечеру привезли плѣннаго генерала Дюка Те, который объявилъ: французы, зажегши мостъ въ Лейпцигѣ, оставили за рѣкою 3 колонны, изъ коихъ не спаслось ни одного человѣка. Что Понятовскій утонулъ—вѣрно; каково теперь полякамъ? Кажется, все кончено; корпусъ ихъ уничтоженъ; на всякомъ шагу мы встрѣчаемъ поляковъ—дезертировъ; ихъ никто не останавливаетъ и они бредутъ *do ojczyzny*, которая, кажется, не очень обрадуется ихъ прибытію. Дюкъ Те взятъ вмѣстѣ съ 5000 чел. прусскимъ генераломъ Іоркомъ. По дорогѣ около г. **Фрейбурга** непріятель оставилъ множество обозовъ, орудій, побросалъ въ рѣку зарядные ящики, изъ большей половины фуръ не успѣли еще вынуть патроновъ, чтобы истребить ихъ. Каждое лагерное мѣсто ознаменовано истребленіемъ обоза, который, видно, почитали тяжестью и препятствіемъ въ бѣгствѣ. Я называю бѣгствомъ ретираду французовъ. Мы нигдѣ и никогда такъ

не отступали. Куда дѣвался изобрѣтательный геній Наполеона? При счастьи и удачѣ споспѣшествующій намѣреніямъ, онъ кажется великимъ, пока все по предположенію исполняется; но когда счастіе поворотится спиною, когда сбудется пословица: гдѣ тонко, тамъ и рвется,—тогда дѣло великаго генія, кажется, и дать оборотъ обстоятельствамъ, соображаясь съ выгодами, не упуская ничего изъ виду, что можетъ хоть нѣсколько ограничить потерю и удержать порядокъ и дисциплину въ войскахъ. На каждомъ шагу мы видимъ толпы дезертировъ, отъ чего самая сильная армія упадаетъ вмѣстѣ съ упадшимъ порядкомъ и духомъ воиновъ. Я позволяю себѣ, или, лучше сказать, дерзаю предположить будущее: если мы сей годъ подвинемся къ Рейну, гдѣ усталые солдаты наши отдохнутъ хотя нѣсколько, то весною можетъ быть чудо; если же Наполеонъ найдетъ способъ подкрѣпить свою армію и будетъ въ состояніи удержать стремленіе наше, то дѣла возьмутъ или могутъ взять оборотъ для насъ не совсѣмъ выгодный. Куй желѣзо, пока горячо, не оглядывайся назадъ, а болѣе всего надо войти въ положеніе солдата, который одѣтъ плохо и питается системой реквизиціи.....

---

10 числа октября армія наша подъ командою генерала Бенигсена прибыла въ г. **Фрейбургъ**, 13 числа въ село **Вибра**. Грязь необычайная, и я не могу никакъ не припомнить Фокшанъ, которые поспорятъ въ грязи, и то только осенью. Фуры французскія стояли у каждаго дома въ грязи по самыя ступицы; а обозы наши едва можно было вывезти. Комендантъ, сыскавъ, наконецъ, работу по своей должности, съ гордою миною кричалъ: таковая-то колонна на право или на лѣво.... Армія наша идетъ впередъ безъ гевальдигера, кригсъ-коммисара, генералъ-интенданта и прочаго причта; и кажется, какъ будто оправдывается, что можно и безъ сихъ обойтись вопреки той необходимости, которую полагаютъ въ назначеніи подобнаго рода чиновниковъ, думая, что составъ большой дѣйствующей арміи основаніемъ своимъ имѣетъ людей, получающихъ лишнее жалованіе. Система реквизиціи и неизнурительные марши подъ командою Бенигсена проложатъ дорогу въ самую Францію. Когда армія подступила къ стѣнамъ Лейпцига, послали донести Императору, что король Саксонскій прислалъ парламентера о сдачѣ. Отвѣтъ: „Они насъ много разъ обманывали, скажите Бенигсену, чтобы сейчасъ вошелъ въ городъ“!! Характеристичная черта Монарха. Когда мы входили, по насъ стрѣляли изъ окошекъ, и опоздай мы на

минуту, то ворвавшаяся въ городъ небольшая часть шведовъ и пруссаковъ содѣлалась бы жертвою медленности и неумѣстнаго довѣрія. 13 октября прибыли въ **Растенбургъ** — саксенъ-веймарнское владѣніе. Жители очень рады, хотя разорены въ конецъ; каждый твердилъ: „Марія Павловна". Слышно, что Наполеонъ оставилъ **Эрфуртъ** и мы имѣемъ направленіе лѣвѣе онаго. 14 октября диспозиція на **Небро**; какъ видно, направленіе наше на **Эрфуртъ** и **Галле**. Говорятъ, будто арміи нашей предположено атаковать маршала Сенъ-Сира, который, вышедъ изъ Дрездена, въ намѣреніи соединиться съ магдебургскимъ гарнизономъ. Удивительно, гдѣ корпусъ Толстого.

15-го. **Г. Галле**. Мы минули Франкфуртъ на лѣво, но маршируемъ въ одномъ направленіи; скоро ли встрѣтимъ Сенъ-Сира? Галле—городъ очень старинный и строеніе совершенно особенное, жителей множество: едва можно разминуться на улицахъ; насъ приняли со всѣми выгодами.

25 числа октября выступили въ м. **Гребцигъ** между Дрезденомъ и Магдебургомъ въ намѣреніи уничтожить корпусъ французовъ около 6000, который уповательно вышелъ изъ Магдебурга. Подъ Дрезденомъ собралось войска около 4 тысячъ подъ командою ген. Клейнау; слѣдовательно, Лейпцигская дорога безопасна. 26 октября мы подвинулись по дорогѣ къ **Магдебургу**. Около д. **Велеслебена** приняли на право, отрядъ ген.-маіора Паскевича шелъ по надъ Эльбою; намѣреніе было отдѣлить двѣ колонны французовъ, но не успѣли и потомъ двигались за ними. Съ лѣваго флангу генералъ Бернъ съ отрядомъ потѣснилъ непріятеля немного на право и все опрометью побѣжало въ городъ. Немного перестрѣливались, особеннаго ничего не было. Главная квартира поѣхала въ **Фроссе**. Я не спускалъ съ глазъ маіора, занимающаго квартиры; ибо заняться было нечѣмъ. А надобно, избирая выгоднѣйшее, примѣчать не за движеніями непріятеля, котораго уже не было, а за главною квартирою, которая назначена въ д. Ацендорфъ. Мы взяли одно орудіе и около 600 плѣнныхъ.

27-го. **Ацендорфъ**. Здѣсь мы простояли два дня и перешли въ г. Кальбе надъ р. Саале. 30 числа получено извѣстіе, что Дрезденъ сдали на капитуляцію съ условіемъ, чтобы плѣнныхъ французовъ, положившихъ оружіе, коихъ считали до 18 тысячъ, отправить непремѣнно въ Австрію, а не въ Россію; должно думать, что они не лакомы до нашего отечества, разъ выговорили въ первомъ пунктѣ, дабы ихъ отправить въ Австрію. Извѣстіе сіе получили въ главной квартирѣ отъ ген.-маіора Эшпна; теперь ожидаютъ подробнаго донесенія отъ генерала Толстого.

Г. **Кальбе**. Въ цѣлую жизнь мою я не видывалъ такого множества зайцевъ и, не будучи очевидцемъ, не повѣрилъ бы никому, что и для каждаго покажется неимовѣрнымъ; 50 зайцевъ въ одинъ разъ бѣгаютъ на пространствѣ 2 верстъ; я съ двумя собаками каждый день травилъ

по 15 и 12 зайцевъ въ нѣсколько часовъ. Здѣсь выставили прусскаго орла съ особенною радостію.

7 ноября я отправился къ Дрездену курьеромъ; слышалъ въ Лейпцигѣ, что французы, выпущенные изъ Дрездена, опять имѣютъ или воротиться на родину, или же остаться военноплѣнными въ Богеміи. Это очень странно. Въ Дрезденѣ я нашелъ уже войска наши. Маршалъ Сенъ-Сиръ, сдавши городъ, имѣлъ 37000; хотя, кажется, и можно было держаться, но неизвѣстно, по какимъ причинамъ онъ принужденъ былъ сдать городъ. Французы ѣли лошадей, но это не впервые. Изъ 37 тысячъ по сдачѣ едвали осталась половина, ибо поляки и нѣмцы отошли, при томъ же множество больныхъ. Дрезденъ былъ укрѣпленъ порядочно и при хорошихъ обстоятельствахъ могъ бы держаться и не противу ополченія нашего.

Отъ 9 ноября до 27 дня ничего не было достопримѣчательнаго. 28 мы выступили въ походъ, имѣя направленіе чрезъ гг. **Нейгальденслебенъ**, **Зальцведель**, **Данненбургъ**, и пройдя часть Ганноверской области, въ Мекленбургѣ переправились черезъ Эльбу при м. **Бойценбургѣ** 8 декабря. 11 числа изъ Бойценбурга войска выступили на г. **Люнебургъ** и главная квартира перешла въ д. **Бергсдорфъ**. Слышали, что датчане заключили перемиріе съ союзными державами и, кажется, безъ согласія французовъ. Изъ **Гамбурга** маршалъ Даву дѣлаетъ частыя вылазки. **Магдебургъ** блокированъ корпусомъ генерала Толстого и прусскаго генерала Шронфельда.

---

10. Мысль.

Какой-то умный человѣкъ
Сказалъ, что свѣтъ стоитъ обманомъ.
Онъ правъ во мнѣньи—въ этотъ вѣкъ
Всего быть лучше шарлатаномъ:
Обманывать, дурачить всѣхъ,
Иль прикрывать все простотою,
А въ лексиконѣ слово грѣхъ
Замазать черной полосою.

Ротшлосъ, 1813 г.

1814 годъ. Корпусъ генерала Толстого соединился съ арміею. Главная квартира перешла въ мѣст. **Пикебергъ**, также недалеко Гамбурга. Хотя датчане и заключили миръ, но по сіе время нѣтъ его, и ничего особеннаго въ разсужденіи военныхъ дѣйствій не предпринимается со стороны ихъ. Экспедиція на 28 января нижеслѣдующая: предположено было, занявъ островъ **Вильямбургъ**, сжечь мостъ, соединяющій **Гамбургъ** съ **Гарбургомъ**; по диспозиціи, 3-я колонна подъ командою ген.-лейт. Маркова, пройдя къ острову съ лѣвой стороны по Эльбѣ мимо **Альтоны**, заняла батарею съ 6 орудіями, большая часть французовъ взята въ плѣнъ и въ 6 часовъ утра уже стрѣлки наши были около мосту; до 9 часу не имѣли никакого свѣдѣнія о корпусѣ ген. Дохтурова и потому полчаса не предпринимали ничего рѣшительнаго; когда присланы были казаки отъ корпуса ген. Маркова, то уже непріятель усилилъ стрѣлковъ своихъ въ деревнѣ, лежащей подлѣ мосту. Стрѣлки наши, соединясь отъ обѣихъ колоннъ, выгоняли нѣсколько разъ непріятеля изъ деревни; но сіе было безплоднымъ покушеніемъ. 2 орудія корпуса ген. Дохтурова дѣйствовали по французской артиллеріи и стрѣлкамъ. Будучи цѣлью неподвижною для непріятеля, не могли сдѣлать ничего значительнаго. Отъ корпуса ген. Маркова орудія не были совсѣмъ въ употребленіи. Въ 11 час. противу Дохтурова усилился непріятель, а въ тылу по дорогѣ, ведущей отъ Гарбурга къ Гамбургу, показались колонны. По сей причины, равно и по другимъ обстоятельствамъ, Дохтуровъ принужденъ былъ ретироваться. 1-я колонна ген. Толстого не прибыла вовсе по назначенію; попавши не на ту дорогу, куда слѣдовало, вошли въ болото и засѣли; потеряли значительное число людей безъ дѣла, принуждены были отступить. Корпусу ген. Вальмодта приказано было атаковать Гарбургъ, но сіе произведено было незначительными силами. Въ 8 часовъ вечера всѣ отступили по своимъ мѣстамъ; войска, назначенныя для демонстраціи съ противной стороны Гамбурга, подали реляціи каждое по формѣ, какъ слѣдуетъ, и всѣ вообще довольствовались *учиненнымъ*. Взято однакоже 1000 человѣкъ и 12 орудій, для острастки. 5 февраля предположено опять атаковать по старому.....

---

11. Пѣсня.

(На голосъ: О чемъ ты, Маша, плачешь?)

О чемъ я такъ тоскую,
По комъ я слезы лью?
Питая страсть святую,
Почто отъ всѣхъ таю?

***

Тебѣ, о сердце страстно,
Жестоку дань плачу
И въ горести ужасной
Постылу жизнь влачу.

***

Все бренно, все ничтожно
Вь намѣреньяхъ моихъ;
Гдѣ-жъ счастіе возможно?
Во взорахъ лишь твоихъ.

Гамбургъ, 1814 г.

---

12. Письмо къ Ѳ. В. Булгарину.

Вы просите меня стихами къ намъ писать.
Вашъ вызовъ дружескій охотно принимаю;
Хотя давнымъ-давно бумаги не мараю
Я виршами, но къ нимъ не потухаетъ страсть.
Не смѣйтесь съ бѣдныхъ рифмъ, богатыя нейдутъ
Мнѣ въ голову теперь, я занятъ не стихами,
Заваленъ скучными служебными дѣлами:
Къ намъ изъ Богеміи снарядовъ не везутъ,
Все стало тамъ въ горахъ и бѣдный вашъ поэтъ
Часъ отъ часу грознѣй бумаги посылаетъ,
Резервные отряды и горы проклинаетъ.
Въ бѣдѣ такой на умъ стихъ гладкій не вспадетъ.
Что нужды, думаю, принявшись за перо,
Что въ сочетаньи рифмъ найдете вы ошибку—
У музы не ищу лукавой я улыбки
И мѣдь не выдаю за чистое сребро.
Не мыслю удивлять кудрявымъ слогомъ васъ,
Въ бесѣдѣ дружеской витійствовать некстати,
Какъ аванпостами командовать въ халатѣ,
Или съ приказами тащиться на Парнасъ.
Термейскій ручеекъ за тридевять земель,
Не скоро выпишешь маршрутъ ты къ Геликону,
Не мудрено попасть изъ Гамбурга въ Альтону,
Но дивный ручеекъ не близокъ вѣдь отсель.
Не знаю, утолялъ ли жажду изъ него
Прославившійся бардъ, воспѣвшій намъ героевъ
И павшихъ, и живыхъ, во станѣ русскихъ воевъ,
Безсмертію предавъ всѣхъ ихъ до одного.

Хотя реляціей онъ пѣснь и растянулъ,
Но видно, что онъ пилъ потоковъ Ипокрены;
Гармонію стиховъ и чувства возвышенны
Самъ Аполлонъ, какъ кажется, ему вдохнулъ.
Ни Феба я, ни водъ волшебныхъ и во снѣ
Не видывалъ; пишу, любя свою свободу.
За даръ надъ всѣмъ шутить благодарю природу,
Она дала его при колыбели мнѣ.
Иной бы занемогъ отъ тягостныхъ трудовъ
По сдачѣ Гамбурга, я веселюсь съ другими,
Всѣ затрудненія мнѣ кажутся пустыми.
Французъ, сдающій все, немного безтолковъ;
Я думалъ, что у насъ однихъ писанья тьма,
А вижу, что у нихъ графныхъ рапортовъ вдвое.
О многодѣліе ненужное, пустое!
Послушайте теперь о балѣ: оный данъ
Въ честь русскихъ Гамбургскимъ сенатомъ въ воскресенье.
Весь городъ праздновалъ свое освобожденье.
На пиръ сей съ прочими и я былъ также званъ.
Въ той залѣ, гдѣ совѣтъ ганзейскихъ городовъ
Не мало сотенъ лѣтъ на откупъ бралъ свободу,
Столпилось множество различнаго народу
И раздалось ура въ честь сѣвера сыновъ;
Раздвинулась толпа, образовался кругъ,
Въ огромномъ парикѣ сенаторъ появился,
Сказалъ предлинну рѣчь и межъ народомъ скрылся;
Хоръ пѣвчихъ, музыка, вдругъ поразили слухъ;
За симъ, какъ водится, начался полонезъ:
Паръ тысяча гуськомъ вдоль залы потянулась
И Терпсихора часъ спустя лишь улыбнулась,
Какъ послѣ польскаго пустились въ экосезъ.
Но я не могъ забыть сенаторовъ плывущихъ
Въ какихъ-то шлафрокахъ съ узорами по швамъ:
Они подобились индѣйскимъ пѣтухамъ;
Равно какъ не могу забыть старухъ поющихъ.
Представьте голоса, съ оркестромъ на разладъ
Кричащіе стихи хватило лишь бы силъ;
Прибавьте же къ тому, какъ нѣмецъ въ пѣньи милъ.
Вы разхохочетесь; я былъ въ томъ виноватъ,
Смѣялся отъ души; но это ли одно
Могло смѣшить меня? Я видѣлъ много дива!

Гамбургъ, 2 мая 1814 г.

1814 года 27 мая, г. **Гамбургъ.** Бонапарте при ретирадѣ изъ предѣловъ Россіи въ герцогствѣ Варшавскомъ и по всей почти Германіи оставлялъ за собою крѣпости и въ оныхъ значительные гарнизоны Конечно, они должны были держаться противу всѣхъ усилій, сообразно его предположенію, но нужно было слишкомъ уже надѣяться на счастіе, чтобы не предвидѣть, какія силы потекутъ въ слѣдъ за изнуреннымъ войскомъ, коего предводитель толико былъ страшенъ для цѣлой Европы по деспотическимъ своимъ замысламъ, неукротимому характеру и военному своему генію. Оставленные Наполеономъ гарнизоны ослабили войска, дѣйствующія противу многочисленныхъ непріятелей, связанныхъ между собою общими видами политическаго существованія. Крѣпости оставались въ рукахъ французовъ, не принося ни малѣйшей пользы Франціи, и по послѣдствіямъ времени и обстоятельствъ можно сказать, что Бонапарте выбралъ средство къ несчастію своему, чтобы ослабить сильную армію, не сдѣлавъ никакого вліянія своимъ упорнымъ распоряженіемъ на цѣлое и части войскъ союзныхъ. Блокадные корпуса ихъ учинились страшными резервами, служащими твердою опорою въ случаѣ ретирады. Крѣпости сдались, чего ожидать было должно, и гарнизоны ихъ, составленные изъ храбрыхъ и опытныхъ солдатъ и старыхъ заслуженныхъ офицеровъ, содѣлались военноплѣнными. Они не защищали отечества своего, не препятствовали вторженію непріятелей въ сердце Франціи, а гибли отъ болѣзней и естественныхъ недостатковъ въ могилахъ обширной Германіи. Изъ сего можно заключить, какъ счастіе можетъ избаловать ненасытнаго честолюбца и какія непростительныя ошибки дѣлаетъ и самый геній въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Для ума въ великихъ предпріятіяхъ необходимо счастіе; случай возвышаетъ смертнаго и тотъ же самый случай уничтожаетъ всѣ замыслы, обращая въ ничто самыя мудрыя и смѣлыя предначертанія.

1814 года декабря 31 въ 12 часовъ ночи.

Блистающая свѣча едва слабо освѣщала мою горницу. Сонъ смыкалъ отягченныя вѣжды, усталость невольно увлекала къ успокоенію. Но я старался преодолѣть силу могущественнаго Морфея, бодрствовалъ духомъ; члены мои облеклись тяжестію, взоры утомленные бродили по стѣнамъ, на которыхъ слабая тѣнь предметовъ почти потухала вмѣстѣ съ угасающею свѣчкою. Обращаюсь къ часамъ надъ головою: секунда и обѣ стрѣлки оныхъ, соединясь на мгновеніе, остановились подъ 12 числомъ на циферблатѣ. Одно мгновеніе и стрѣлка минутная означитъ

начало новаго года, годъ старый погрузится въ вѣчность. Да погрузится съ онымъ всё неблагопріятствующее въ прошедшемъ, да изгладится изъ памяти и самое воспоминаніе протекшаго! Забудемъ огорченія, забудемъ бѣдствія, обуревавшія дни наши въ прошедшемъ теченіи 12 тягостныхъ мѣсяцевъ. Да возвѣститъ утренняя заря новаго теченія миръ, радость и спокойствіе! Да украсится цвѣтами скромнаго удовольствія путь тихой жизни нашей! Воздадимъ хвалу Существу Всевышнему изъ глубины сердецъ нашихъ! Возложимъ на Него упованіе съ вѣрою къ Его благому предопредѣленію, потщимся содѣлаться добродѣтельными и въ восторгѣ сердечномъ воскликнемъ:

Наставь, о Господи, насъ въ правдѣ подвизаться,
Очисти сердце, умъ отъ мрачной темноты!
Всевышній! ниспошли намъ миромъ наслаждаться,
Дай твердость горести въ сей жизни пренести.

---

16 числа января 1815 г. мы выступили изъ г. **Гамбурга**. Главнокомандующій польскою арміею ген. Бенигсенъ отправился въ Ганноверъ, а дежурный генералъ и штабъ слѣдовали по маршруту до Могилева, что на Днѣстрѣ. Распростившись съ Гамбургомъ, а болѣе съ......., гдѣ оставилъ все, что въ жизни есть интереснаго, я прибылъ въ **Бергсдорфъ**. Цѣлую дорогу не выходило изъ головы расположеніе ангела, котораго образъ останется драгоцѣннѣйшимъ залогомъ, запечатлѣнный неизгладимо въ сердцѣ моемъ. Я обѣщалъ писать къ Г. и почитаю для себя священнѣйшею обязанностью быть treû bis Todt. Въ Гамбургѣ пріобрѣлъ я много знакомыхъ, кои разстались со мною неравнодушно; былъ и несчастливъ, и портретъ виновницы подлаго заблужденія обязуюсь имѣть всегда при себѣ памятникомъ непростительныхъ ошибокъ, которыя произошли отъ пылкости чувствъ къ особѣ, незаслуживающей никакого вниманія; съ нею я не прощался при отъѣздѣ моемъ. Исключая долговъ, время терпящихъ, я нуждался крайне въ деньгахъ, дабы расплатиться въ Гамбургѣ. Пришедши въ трактиръ, нашелъ у человѣка послѣднихъ 8 червонныхъ и не вывезъ съ собою шиллинга, оставшагося на мнѣ по какому бы то ни было случаю. Восемь мѣсяцевъ живши въ совершенномъ изобиліи и прибывши въ 2 часа ночи въ Бергсдорфъ, мы разсуждали съ Комаровымъ о перемѣнѣ, которая обратила насъ къ воспоминанію всего пріятнаго, что въ Гамбургѣ не дѣлало изъ себя ничего замѣчательнаго. Въ Бергсдорфѣ квартира самая мерзкая, ѣсть нечего. Послѣ предположенной строгой разсчетливости рѣшились итти въ трактиръ ужинать; шнапсъ, яйца и хлѣбъ—были нашимъ столомъ; довольно! Были сыты и при окончаніи веселы, воспоминая о

милыхъ и о разительной перемѣнѣ перехода отъ изобилія къ совершенному недостатку самого необходимаго. Такова жизнь военныхъ; сколько разъ я сіе испытывалъ, но всегда переносилъ очень равнодушно.

17 января. Обворожительныя мысли и сновидѣнія содѣлали меня крѣпко счастливымъ. Цѣлую ночь образъ прелестной красавицы украшалъ идеи, селившіяся въ пылкомъ воображеніи. Надежда на милую будущность успокаивала и дѣлала самую невозможность достойною вѣроятнаго событія. Я счастливъ въ сію минуту, меня *любятъ*, чегожъ болѣе?

19 января. **Лиденбургъ**. Маленькое, разсѣянное по горамъ мѣстечко ганноверскаго владѣнія. Квартира въ ратгаузѣ: большая, холодная; за дверьми сборъ пьяныхъ коммиссіонеровъ съ балалайкою. Давно неслыхавши отечественнаго инструмента, я не могъ склонить слухъ мой къ вниманію и балалайка не произвела во мнѣ иного чувства, кромѣ досады и безсонницы; я предалъ въ умѣ моемъ проклятію балалайку и всѣхъ на свѣтѣ коммиссіонеровъ, которые, бренча, даже думать о чемъ нибудь интересномъ лишили меня способности. Однакоже въ думахъ о ней я нѣсколько минутъ былъ счастливъ.

20 января. Г. **Бойценбургъ** —мекленбургскаго владѣнія надъ р. Эльбою. Очень порядочное мѣстечко. Послѣ обыкновенныхъ споровъ съ маіоромъ, бургомистромъ и всею ракальею досталась мнѣ, наконецъ, квартира изрядная. Цѣлый день писалъ письма къ Z. и ко многимъ другимъ, и время протекло очень весело.

22 января, м. **Лейнау**. Квартира очень выгодная; одни стѣнные часы стучали такъ сильно, что нельзя было заснуть. Споръ цѣлый день о различныхъ предметахъ далъ идею написать мнѣ слѣдующее:

Къ К......

Мнѣ нѣкто говорилъ, что я все вздоръ мелю.
Согласенъ! тяжело, надувшись, вѣчно спорить.
Пріятно въ музыкѣ ученое лишь вторить
Въ серіозномъ; въ шуточномъ привыкли—.... И мелю.
Коль слушаютъ, доволенъ;
Въ сужденьи каждый воленъ;
Но повторенія несносны мнѣ всегда.
Морально—врать нейдетъ; а въ шуткахъ не бѣда.

Я не писалъ къ ней. Признаю себя совершенно виновнымъ противу даннаго мною слова. Вчера заговорился; меня посѣтило человѣкъ семь пріятелей, разсуждали о полезномъ и безполезномъ, кончилось анекдотами и любовными похожденіями каждаго въ свою очередь; и всякій, если не лжетъ, былъ счастливъ въ Гамбургѣ. Можно ли назвать счастіемъ минутное заблужденіе? Мнѣ кажется, что наслажденіе, прі-

обрѣтенное побѣдою любовнаго подвига, есть одно минутное удовольствіе, а стремленіе къ нему—безразсудность и потерянное время. Я наслаждался одними поцѣлуями и однимъ милымъ, невиннымъ сообществомъ съ ангеломъ добродѣтели; чувства мои были пылки, но сіи чувства отношу я къ неограниченному уваженію къ доброй и скромной Г. Во многихъ женщинахъ я былъ счастливъ, но ни съ одною не чувствовалъ истиннаго удовольствія. Военная служба привязываетъ меня, дни мои свято опредѣляю на поприще благородное; дома нѣтъ счастья; но пріобрѣтеніе дружбы Г. нѣсколько облегчаетъ судьбу мою.

Января 23, **Нейштадтъ**. Какъ можетъ судьба противъ воли нашей опредѣлять кругъ нашихъ дѣйствій въ жизни! Я никогда бы не согласился пресмыкаться въ главной квартирѣ вмѣстѣ съ дармоѣдами, не приносящими ни малѣйшей пользы отечеству и службѣ, но горькія обстоятельства (недостатокъ необходимаго) и тайныя причины—вовлекли меня въ столь нестерпимое положеніе; во многомъ признаю себя виновнымъ, но чувствую, что терплю несравненно болѣе, сколько того заслуживаю по неосмотрительности и пылкости характера. Надѣялся на тѣхъ людей, къ коимъ въ чувствахъ и въ помышленіи моемъ преданъ крѣпко; но надежда оставляла по себѣ лишь пустоту въ моемъ воображеніи, холодность меня раздражала. Я терпѣлъ, но не жаловался, не жалуюсь, и не буду столько слабъ, чтобъ плакать на судьбу мою. Нѣтъ на свѣтѣ дружбы, трудно отыскать сердце сходное съ своимъ. Твоего нѣтъ счастья на землѣ, на небесахъ оно богамъ оставлено, а смертнымъ не дано. Пословицу: гдѣ тонко, тамъ и рвется—я испытываю въ полной силѣ ея значенія.

Января 24. Г. **Пархимъ**—очень изрядный; я имѣлъ квартиру у адвоката, и мы много говорили на счетъ правъ мекленбурскихъ; сколько я могъ замѣтить, то провинція сія не очень богата въ сравненіи съ другими въ Германіи, жители въ деревняхъ худо обстроены и не видно, кажется, свѣжаго и довольнаго лица между ними; но добры и истинно рады принимать насъ отъ всего сердца. Я видѣлъ мощи мужа съ женою.

25 января, **Плау**. Маленькое мѣстечко. Мы въономъ дневали, играли въ бостонъ. Ничего на могу сказать достопримѣчательнаго. По дорогѣ отъ онаго должно было переѣзжать озеро, лежащее между нимъ и г. **Малховомъ**. Обозы должны были ѣхать въ объѣздъ, а я черезъ озеро переѣхалъ безопасно и на мѣсто 3 миль сдѣлалъ 1/2 мили.

Д. **Петерсдорфъ**—мерзкая и квартира самая негодная.

27 января мѣстечко **Варенъ** — очень изрядное, квартира славная. Время провели въ разсказахъ о военныхъ дѣйствіяхъ. Что можетъ быть сего пріятнѣе? Я восхищался въ ожиданіи случая скинуть бремя, меня угнетающее. Все, о чемъ имѣю помышленіе въ перспективѣ бытія моего, клонится къ отличію по чувству и желанію. Надежда подкрѣпляетъ и самыя химеры.

29 января. **Нейстрелицъ** — мекленбургъ-стрелицкое владѣніе, резиденція герцога, брата королевы англійской и отца покойной прусской королевы Маріи-Луизы. Герцогъ имѣетъ здѣсь изрядный замокъ. Городокъ маленькій, но порядочно обстроенъ по плану и на манеръ берлинскаго строенія. Театръ хотя и очень плохъ, но всетаки театръ. Публика составлена изъ жителей, въ особенности много дѣтей. Всѣ восхищаются игрою актеровъ и апплодируютъ безъ умолку. Я помагалъ по силамъ и возможности. Кажется, русскіе угодили публикѣ какъ нельзя болѣе, хотя нѣкоторые и говорили, будто жители могли подумать, что мы, не видавши ничего лучшаго, апплодируемъ талантамъ актеровъ, не имѣющихъ, можно сказать, никакого права на ремесло сіе. Двѣ актрисы были очень недурны собою, но пѣли—Богъ съ ними! Но кто былъ въ Гамбургѣ и видѣлъ die Räuberoder Schweitz-Familie, тотъ можетъ сказать, что видѣлъ изрядное. К. съ черными пламенными взорами, съ выразительной физіономіей,—обращала даже и мое особливое вниманіе. Сердце было занято, но я охотно, если можно сіе, удѣлилъ бы часть моей привязанности для нѣсколькихъ минутъ свиданія съ милою и умною К.... А....—въ другомъ родѣ, но также заставитъ заглядѣться на станъ, на груди, эластически двигающіяся, на острые глаза и улыбку кокетки сладострастной, оказывающей во всѣхъ движеніяхъ желаніе наслаждаться жизнію, прикрывая пылкость искусственною невинностью. Не могу влюбиться въ актрису, но восхищаюсь талантомъ, увѣнчаннымъ и самыми натуральными прелестями.

250 верстъ прошли мы и не видѣли ни одного мѣстечка, похожаго на хорошее; кажется, будто нарочно сдѣланъ маршрутъ нашего слѣдованія по глухой дорогѣ, чтобы лишить удовольствія имѣть выгодныя квартиры; или старались не показывать главной квартиры въ городахъ по причинамъ, никому неизвѣстнымъ? Не понимаю разсчета прямого, но чувствую въ полной мѣрѣ неудовольствіе не видѣть во всю дорогу ничего примѣчательнаго, что оставило бы по себѣ прелестное воспоминаніе.

30 января прибыли мы въ Прусское владѣніе, въ деревню **Токидорфъ** на самой границѣ. Не зная оной точнаго названія, путали на разстояніи 3 миль цѣлый день; наконецъ, я прибылъ въ оную и имѣлъ квартиру у пастора, человѣка очень свѣдущаго и слишкомъ учтиваго. Онъ цѣлый день мучилъ меня комплиментами, а послѣ однакоже унялся и доставилъ немалое удовольствіе, разсуждая о полезномъ. Я читалъ въ Гамбургскихъ газетахъ, что 213 русскихъ офицеровъ женилось въ Гамбургѣ. Какая ложь! Нѣмцы пишутъ въ газетахъ для наполненія листовъ, слѣдовательно могутъ ли оныя быть занимательны. Удѣльныя маленькія княженія въ ихъ политическомъ существованіи останавливаютъ мое вниманіе. На разстояніи, пройденномъ нами отъ Гамбурга, мы

имѣли ночлеги въ Ганзѣ, Гольштиніи, Даніи, Ганноверѣ, Мекленбургѣ-Шверинскомъ, Мекленбургѣ-Стрелицкомъ, и, наконецъ, въ Пруссіи. Здѣсь смѣло можно сказать: заѣхали черезъ тридевять земель въ тридесятое государство.

1 февраля, городъ **Пренцлау**. Старыя строенія и довольно обширный. Намъ жители дали балъ, на лицѣ каждаго изображалось удовольствіе, обхожденіе обязательно, женщины угождали намъ, сколько возможно, много очень хорошенькихъ, вольное ихъ обращеніе останется всегдашнимъ воспоминаніемъ у всякаго изъ насъ. Мы танцовали и веселились до 7 часу утра. Что можетъ быть пріятнѣе, какъ быть побѣдителями? Уваженіе, смѣшанное съ любовью жителей, можно почесть наградою за все претерпѣнное нами. Между милыми Пренцлаусскими женщинами я забылъ все. Даже Гамбургъ не казался уже столь обворожительнымъ. Но, невинная Г., ты не должна думать, чтобы я въ сіи восхитительные часы жизни моей хоть на минуту позабылъ тебя! Здѣсь много, очень много прелестныхъ, но всѣ онѣ не то, что ты, скромность ангельская! Я раздѣлялъ удовольствіе въ кругу моихъ товарищей, любовался дѣвушками, но ни одной изъ нихъ не сравнивалъ съ тобою. Henriette Armst обратила на меня и я на нее особливое вниманіе; но сіе было не болѣе вниманія, сердце мое занято священнымъ чувствомъ, которое питаетъ бытіе, единственно для тебя посвященное. Въ вечеру былъ на концертѣ. На скрипкѣ игралъ одинъ изъ здѣшнихъ учителей музыки; порядочно разыгрывалъ варіаціи; очень обыкновенное тріо пѣли дѣвушки, вторилъ мужчина нѣмецкимъ тепоромъ, и, наконецъ, басъ подкрасилъ немного не плѣнительное пѣніе. Я приглашенъ былъ ужинать къ бургомистру, цѣлая его фамилія обласкала насъ, сколько возможно. Здѣсь очень добрые люди и любятъ русскихъ не по одной наружности. Три дочери собою очень изрядныя но воспитаніемъ далеко отстали, какъ и всѣ прочія, отъ Гамбурга и другихъ городовъ нѣмецкихъ. Вольность и кокетство очень милы въ обхожденіи ловкой польки; но сіе не значитъ болтать безъ умолку всякій вздоръ, что́ здѣсь, какъ я примѣтилъ, есть отличительная черта дѣвушекъ, а особливо женщинъ. Онѣ говорятъ иногда то, что и мужчина, не закраснѣвшись, не вымолвитъ. Говорю не обо всѣхъ: во многихъ Богъ вложилъ душу робкую,—но нѣтъ правила безъ исключенія.

2 февраля, д. **Гольмъ**. Болѣе году я не имѣлъ случая имѣть мужичью квартиру. Признаюсь, что странно послѣ Гамбурга (гдѣ чего добраго, а квартиры и женщины несравненны) быть запертымъ въ маленькой лачужкѣ и слышать ежеминутно плачъ ребятишекъ. Но изба сія есть преддверіе будущаго: въ Польшѣ, въ Молдавіи и въ самой Россіи не великолѣпнѣе избы имѣетъ солдатъ непремѣннымъ жилищемъ.

3 февраля, г. **Шведтъ**. Городъ, лежащій надъ р. Одеромъ,—изрядно

построенъ; замокъ Фридриха Великаго на прекрасномъ мѣстѣ у самой рѣки; здѣсь нѣкогда жила вдовствующая императрица Марія Θеодоровна. Предубѣжденіе на меня имѣетъ особенно большое вліяніе; намъ сказали, что жители Шведта недовольны русскими, у меня осталось сіе въ воображеніи, и потому, не имѣвши никакой причины, я недоволенъ всѣмъ; хотя имѣлъ выгодную квартиру, но выѣхалъ съ удовольствіемъ; переправились черезъ рѣку по мосту, поставленному на плашкоутахъ очень надежно, протяженіе коего отъ рѣки черезъ всѣ болота идетъ около 1/2 мили. Дорога, вымощенная по мѣстамъ досками и хворостомъ, и въ столь дурное время, какъ теперь, когда каждый день дождь,— очень сносная; мы ѣхали на саняхъ до Пруссіи, а теперь и признаку нѣтъ, что зима; время самое скверное.

4 февраля, г. **Кенигсбергъ**,—маленькій очень. Я стоялъ у вдовы убитаго подъ Іеною фельдфебеля; маленькая горница увѣшана повсюду картинами; Fridericus, Borussorum Rex, въ различныхъ изображеніяхъ. Старуха разсказывала мнѣ подробно обо всѣхъ происшествіяхъ, я удивлялся свѣдѣніямъ простолюдинки и былъ занятъ сверхъ всякаго чаянія; въ Германіи однакоже сіе не рѣдкость. Она служила у кн. Голицына въ Прагѣ.

5-го февраля мы дневали. Я видѣлъ въ трактирѣ много прусскихъ офицеровъ, мы съ ними познакомились, и я нахожу службу ихъ гораздо строже нашей, т. е. несравненно болѣе лишняго, что разумѣютъ подъ названіемъ субординаціи Цѣлая Пруссія нынѣ ничто иное, какъ военная провинція. Дѣти отъ утра до вечера маршируютъ съ барабанами, старики говорятъ только о войнѣ, женщины о производствахъ и т. д. Въ вечеру балъ. Не могу сказать, чтобъ онъ хоть нѣсколько былъ подобенъ предыдущему, но было довольно весело; женщинъ прекрасныхъ немного, однакожъ три или четыре превосходили красотою все, что было въ Пренцлау плѣнительнаго. Мы танцовали, насъ потчивали пуншемъ, старались угостить по возможности, но ужина не было. Я сколько могъ примѣтить на тѣхъ балахъ, въ которыхъ я участвовалъ, то до ужина чинятся, танцуютъ со всѣми претензіями искусства сего, и едва осмѣливаются разговаривать съ дамами, не будучи знакомы; а во время ужина пьютъ здоровье императора, короля и прочихъ по мыслямъ—чѣмъ Богъ послалъ, и непримѣтно каждый становится смѣлѣе, на лицахъ написано непринужденное удовольствіе и въ одну минуту пріобрѣтаютъ съ дамами знакомство, воображая, будто прежде за нѣсколько лѣтъ знали ихъ; пылкія объясненія, смѣлость обворожительная—у каждаго по способности. Думаю часто: неужели дамы не замѣчаютъ столь значительной перемѣны, происходящей въ обхожденіи съ ними послѣ ужина? Здѣсь и онѣ не упускаютъ случая желать усердно, кому слѣдуетъ, здоровья и всякаго благополучія, не отставая отъ муж-

чинъ. Обыкновенно послѣ ужина танцы гораздо рѣзвѣе и натянутость не имѣетъ мѣста даже между нѣмцами, которые на листѣ означаютъ, что танцовать, какъ и кому въ первой парѣ. Многіе попали не въ свои сани, не знавши регулы, постановленной совѣтомъ бургомистровъ, коихъ портреты развѣшиваются въ Германіи наряду съ мужами, въ разныхъ случаяхъ себя прославившими. На балу семъ никакого ужина не было, но нѣкоторые ужинали въ воображеніи и можно было примѣтить искреннее усердіе въ желаніи здоровья. Между танцами по обыкновенію мы составили *Mazura*. Это былъ одинъ изъ несчастнѣйшихъ. Я радовался въ душѣ моей, что онъ былъ прерванъ обморокомъ дамы, танцовавшей въ первой парѣ. Ребята наши валили! Искусство всегда имѣетъ самое блестящее мѣсто и обморокъ кстати да прославится въ роды родовъ.

6-го февраля, м. **Сольдинъ**,—ничѣмъ не примѣчательное. Цѣлый день мы были вмѣстѣ, на квартирѣ моей была прекрасная дѣвушка, но я не имѣлъ ничего въ помышленіи, цѣломудріе въ продолженіе всего похода изъ Гамбурга было сопутникомъ моего поведенія. Г.. . должно унизить, занявшись кѣмъ либо,—что̀ противно думать даже, и тѣмъ болѣе быть виновнымъ противу ангела.

7-го февраля, г. **Ландсбергъ**—порядочно выстроенный и не совсѣмъ малый. Квартира у адвоката. Онъ женатъ на полькѣ, долго прожилъ въ Познани, и двѣ дочери, въ порѣ уже, говорятъ также по польски. Я обрадовался, не слыхавши такъ долго языка, на которомъ въ счастливые дни жизни моей изъяснялся въ чувствахъ, посвященныхъ прелестной Августинѣ, по сіе время не изгладимыхъ въ сердцѣ моемъ. Я восхищаюсь, слышавши самое простое нарѣчіе. Дѣвушки говорили, какъ по польски, равно и по нѣмецки, не блистательно. Сколько родилось идей въ моемъ воображеніи, сколько восхитительныхъ воспоминаній, и, наконецъ, сладкая надежда въ упоеніи чувствъ возвышала меня въ возможную степень земнаго благополучія. Такъ я долженъ перенести всѣ испытанія, я долженъ рѣшиться на послѣднее средство, которое сулитъ мнѣ,—ахъ! только, только, что сулитъ,—непрочное счастье. Въ вечеру приглашены были въ клубъ; собралось множество прекрасныхъ дѣвушекъ, занялась каждая по обыкновенію вязаніемъ чулокъ; старики занялись вистомъ, старухи болтаньемъ. Я не примѣтилъ молодыхъ мужчинъ болѣе трехъ; по прибытіи нашемъ они затѣяли танцовать; въ физіогноміи каждой женщины оказалось ничѣмъ неизъяснимое удовольствіе при словѣ: „музыка". Всякая ожидала въ воображеніи летать. Видно, что сіе удовольствіе довольно рѣдко, ибо не болѣе трехъ мужчинъ способны къ танцамъ. Начался вальсъ. Если которую изъ миленькихъ намѣренъ былъ ангажировать, она будто отгадывала, кажется, предупреждала намѣреніе ваше; не успѣлъ предложить, какъ

уже на мѣстѣ стала и въ безмолвномъ удовольствіи ожидаетъ очереди. Между тѣмъ другія, смотря пристально, укоряютъ взорами, почему не съ ними танцуешь. Бѣдненькія! Теперь въ цѣломъ свѣтѣ женскій полъ не счастливѣе васъ. Проклятая война истребила лучшее юношество. Сожалѣю объ васъ отъ всего сердца, но объ нихъ гораздо болѣе, по пользѣ существенной. Вы—милы, а они защитниками были вашими по законамъ природы. Они защищали прелестнѣйшее ея твореніе въ ожиданіи будущаго наслажденія въ объятіяхъ защищаемыхъ ими.

8-го февраля пили цѣлый день, веселились въ клубѣ по военному, въ вечеру были у моего хозяина. Дочь пѣла, по ея мнѣнію, а по нашему, ревѣла.

9-го февраля, м. **Скверржинъ**. Вотъ мы въ Польшѣ. Сіе очень ощутительно. Повсемѣстная бѣдность, можно сказать, нищета, избы не покрытыя, въ мѣстечкахъ ободранные, запачканные жиды, въ жилищахъ ихъ смрадъ, ѣсть нечего и достать не у кого. Всемогущій! думалъ я, за что попускаешь страдать человѣчеству въ такой степени? Безъ сердечнаго огорченія не могу взглянуть на нищету. Вольность, дарованная Наполеономъ, есть зло въ высшей степени; помѣщики, имѣя въ рукахъ землю, сыскали средство лишить имѣнія несчастныхъ земледѣльцевъ и наложить на нихъ тяжкія цѣпи. Они угнетены, страждутъ и не имѣютъ средства улучшить, хотя нѣсколько, плачевное свое состояніе; управляющіе, тоже тѣже помѣщики, которые стараются умножить бѣдственное состояніе мужика. Варвары! грабители! неужели злодѣянія ваши не будутъ наказаны гнѣвомъ Божіимъ?

10 февраля, **Мендзыходъ**, дрянное мѣстечко. Гадость, бѣдность, жиды, и крестьяне въ видѣ мумій, изнуренные тяжкими работами. Мнѣ случилось зайти въ избу. По дорогѣ спрашиваю мужика: есть-ли въ городкѣ жиды? Отвѣтъ: „A kiedy by ich nie było, to nie można by było nawiet niczego dostać“. Вотъ какъ отняты средства въ промышленности у настоящаго оной властелина. Помѣщики въ Польшѣ отдали коммерцію въ руки жидамъ, отъ чего все тотъ же крестьянинъ терпитъ

11 февраля, д. **Пшистанка**. Помѣщичій домъ; при входѣ первое вниманіе мое обратила женщина лѣтъ 25, плотная брюнетка, красоты необыкновенной; жаль, что немножко толста. Хозяинъ—враль въ совершенствѣ, полякъ въ душѣ и въ обращеніи, кажется, преданъ французамъ и безстыдно льститъ въ глазахъ русскаго; для меня сіе крайне противно. Онъ не умолкалъ цѣлый день, коснулся всего въ подсолнечной, и осыпалъ меня комплиментами, которые приняты были равнодушно. Онъ изъ числа тѣхъ бездушныхъ, кои разоряютъ поселянъ, не будучи сами оттого богаты. Здѣсь каждый живетъ, какъ будто на время въ домъ пріѣхалъ; ни кола, ни огорода; въ домѣ запачкано, стѣны обвалились, стекла перебиты, и хозяева сами ничѣмъ не занимаются; имъ

мерещится вѣчное нашествіе непріятеля и разореніе. Жизнь самая неблагопріятная, однакожъ головы и въ самомъ несчастіи наполнены надеждами несбыточными; всякій судитъ и рядитъ, и никто не исполняетъ долгу, патріотизмомъ предписываемаго. Провинціи разорены до основанія, вездѣ нищіе. Чтожъ можетъ подать или поселить въ пустой головѣ блестящія надежды? Ахъ! какая суетная нація! Не отымаю врожденныхъ добродѣтелей, какъ то: храбрости, легкости ума, способнаго ко всему, но котораго они не употребляютъ по надлежащему, и привязанности къ милой отчизнѣ.

12-го февраля. Я ѣздилъ въ деревню за озеромъ, гдѣ были расположены полковникъ X., Т. и прочіе, составляющіе кругъ лучшихъ офицеровъ главной квартиры. Хозяйка - вдова нѣмка, расположенная къ удовольствію; каждый изъ офицеровъ игралъ на инструментѣ; въ числѣ ихъ былъ капитанъ, женившійся въ Гамбургѣ, жена коего воспитана лучшимъ образомъ. Мы танцовали; кто хотѣлъ, игралъ, кто пѣлъ; и всякій дѣлалъ все по своей волѣ, находя свое удовольствіе; панна пѣла краковяки очень обыкновенно; она, кажется, досадовала на молодежь, не обратившую на нее особливаго вниманія и казалась быть потомъ скромной. День прошёлъ въ различныхъ удовольствіяхъ.

13 февраля, с. **Гурка**. Домъ помѣщицы; семья огромная; pani утѣшала насъ повѣстями о баварцахъ и другихъ націяхъ, имѣвшихъ квартиры въ домѣ ея.

14 февраля, г. **Познань**. Ожидалъ прибытія въ оный, какъ жиды второго пришествія; нашелъ совершенно противное моему ожиданію. Городъ очень изрядный, но большая часть жителей—жиды; запачкано, смрадъ и нахальство въ высшей степени, все на откупу съ душою и съ тѣломъ (когда можно воображать душу въ тѣлѣ жида). Это есть ковчегъ смрада, обмана, неисповѣдимыхъ мошенничествъ. Хозяинъ моей квартиры былъ жидъ тону высшаго, — ливерантъ. Показывалъ мнѣ сукно, которое онъ ставитъ для войскъ россійскихъ. Не понимаю, почему Россія должна обмундировывать армію иностранными сукнами! Жидъ сказалъ мнѣ, что наши солдаты теперь привыкли носить мундиры изъ иностранныхъ суконъ, которые легче, и что они стали гораздо просвѣщеннѣе, насмотрѣвшись на Европу. „Скотина", отвѣчалъ я, „какой поводъ имѣешь говорить, что до сего времени русскіе были недовольны толстыми мундирами, въ коихъ пріобрѣли славу безсмертную; толстымъ мундирамъ обязана Европа спасеніемъ"! Я долженъ говорить много о сукнѣ; оно меня сильно занимало. Каналія жидъ перемѣривалъ оное, подымалъ съ довольною миною: „das ist schwer"; всѣ жиды въ одинъ голосъ кричатъ въ восхищеніи: „das schadt nichts"!—а хозяинъ величается тономъ ливеранта.

15-го февраля мы цѣлый день веселились у хозяина деревни за

озеромъ; онъ такъ полюбилъ насъ, что пріѣхалъ въ Познань и далъ ужинъ, послѣ коего было довольно бѣды и хохоту.

16-го февраля—прощанье. Руссо далъ завтракъ въ трактирѣ, гдѣ панна миленькая. Я не замѣтилъ однакоже, или не замѣчалъ подробно ея обхожденія; былъ занятъ дружескимъ расположеніемъ товарищей. Мы прощались, какъ родные, Руссо ѣхалъ въ Варшаву. Алексѣевъ жартовалъ. Каждый пилъ за здоровье отъѣзжающаго отъ всего сердца, какъ за добраго товарища. Руссо написалъ мнѣ въ записную книжку на память:

Les mortels sont égaux, ce n'est pas la naissance,
C'est la seule vertu, qui fait la difference.
Souvenez Vous de votre sincère ami St. de Rousseau.

Мы попрощались, имѣвши разгоряченное воображеніе, изъяснялись каждыіі въ чувствахъ своихъ, одинъ другого не слушали, и все довершилось полными бокалами безъ околичностей. Цѣлая кампанія въ одно время, я думаю, почувствовала въ головѣ тяжесть, а въ пылкомъ воображеніи сладострастіе.

16 числа февраля, ночью, насилу доѣхалъ до **Занѣмысля**.

17 февраля предалъ проклятію всѣхъ panów польскихъ, ѣдучи на форшпанѣ, въ коемъ запряженныя лошади едва двигали ноги; сердился, мучился, шелъ пѣшкомъ и въ продолженіи 14 битыхъ часовъ переѣхалъ 2$^1/_2$ мили.

Дер. . . . . Изба мужичья, запачканная; ѣсть совершенно нечего. Помѣщикъ сей деревни имѣетъ еще пять такихъ, въ каждой 8 господарей, отдаетъ на аренду свое имѣніе, арендаторъ обязанъ содержать семью владѣльца и за каждую деревню платить 6000 злотыхъ. Все хорошо! но какъ позволить управлять самимъ собою за деньги, связать волю, соображаться въ желаніяхъ своихъ и отказаться отъ всякихъ прихотей за деньги? Ужасно! Какое значеніе и силу даютъ человѣку деньги, особливо въ Польшѣ! Не знаю, чтобы за оныя содѣлать чего было невозможно.

18-го февраля видѣлъ я человѣка, отдавшаго имѣніе въ поссесію. Ему сдѣлать сіе позволительно. Вообразить невозможно, какая фигура. Сначала видѣлъ его на портретѣ. Разсматривая оный, утѣшался какъ изображеніемъ героя, равно и живописцемъ, который обязанъ бы хотя нѣсколько польстить ему. Онъ написалъ его во весь ростъ, а ростъ сей не превышаетъ 2 аршинъ. Видно, что оригиналъ былъ слишкомъ неловокъ, ибо рукамъ его мѣста не могъ найти и самъ художникъ. Мы играли въ бостонъ. Приходъ дѣвушки, дочери хозяина, обратилъ вниманіе цѣлой кампаніи. Она сѣла за клавикорды, пѣла, и какъ въ кругу нашемъ, исключая меня, были всѣ музыканты, то немного выиграла талантомъ, противъ права присвоеннымъ. Дерзость польки

можно замѣтить во всѣхъ ея поступкахъ; какъ пѣть, не имѣвши ни методы, ни голосу? Подали ужинъ. Представился живой хозяинъ. Подлинно живописецъ не въ состояніи былъ украсить столь уродливое твореніе. На что, думалъ я, онъ списывалъ портретъ свой, когда можетъ безъ издержекъ видѣть каждый день изображеніе свое, самое сходственное, на старой гамбургской монетѣ: волоса всѣ назадъ въ пуклахъ, какъ у нашихъ протодіаконовъ, лицо самое глупое, что есть истинная вывѣска, какъ говорятъ, его разсудка. Сынъ отцу ни въ чемъ не уступаетъ, но дочь не дурна собою, już zakochana i intryga idzie do góry! Женихъ сидитъ у нихъ въ домѣ, и жена управляющаго имѣніемъ за столомъ заигрываетъ съ нею поминутно шариками, стараясь всячески дать ей почувствовать, къ чему сіе клонится. Вѣрно женитьба молодыхъ по ея мыслямъ.

19 февраля мы выѣхали. Цѣлую дорогу утѣшало насъ прибытіе въ Познань барыни изъ села, что за озеромъ...... Въ сихъ разговорахъ непримѣтно совершили путь нашъ до селенія **Котлинъ**. Холодный пустой домъ, ужасные полы, хозяинъ выходецъ изъ Македоніи—Грекъ; живетъ по свински, намъ дали ѣсть дурно на испачканной скатерти; для меня не было никакой бѣды, я ѣлъ, не воображая о нечистотѣ, но удивляюсь женѣ С.; будучи воспитана въ роскоши, какъ можетъ сносить столько непріятностей и недостатковъ? И еще болѣе удивительно, что все сіе переноситъ очень равнодушно.

20 февраля, с. **Каевъ**, принадлежащее польскому отставному капитану; на сестрѣ его женатъ нашъ маіоръ. Цѣлая фамилія въ одномъ домѣ. Я услышалъ, что конная артиллерія расположена недалеко отсюда, радовался, какъ ребенокъ. Ну, если это моя рота, тогда, думалъ, сниму съ себя все, угнетающее бытіе мое, тогда разстанусь съ главной квартирой и сдѣлаюсь офицеромъ, полезнымъ для службы, надѣну знаки отличія, кровію заслуженные, на которые теперь всякъ смотритъ двусмысленно, видя меня въ числѣ людей, экстраординарно награжденія получающихъ.

20 февраля, г. **Калишъ**. Ровно два года, какъ я былъ въ Польшѣ съ главной квартирой Государя Императора. Во время сіе было много знаменитыхъ происшествій — союзъ съ Пруссіей, передъ вошествіемъ нашимъ Винценгероде вытѣснилъ корпусъ саксонцевъ подъ командою маршала Ренье и сіе было первою встрѣчею непріятеля за границею. Мы стояли въ Калишѣ болѣе мѣсяца, въ самую распутицу; войска поправились, отдохнули, прибыло изъ внутреннихъ госпиталей болѣе 20.000 сверхъ рекрутъ. Полки укомплектовались, одѣлись, кавалерія поправилась, лошади, едва двигавшіяся, приведены въ лучшее состояніе, такъ что при встрѣчѣ короля прусскаго невозможно было думать, что мы пришли изъ Россіи и въ самое ненастное время ровно черезъ два года

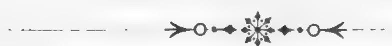
возвратились въ Калишъ со славою. Я посѣтилъ всѣхъ моихъ знакомыхъ. Они радовались, ибо я имѣлъ счастіе пріобрѣсти пріятелей не по наружности. Графиня Яб. обласкала меня по старому, на вечеръ приглашенъ былъ къ Ч. Человѣкъ это—съ особливымъ достоинствомъ, имѣетъ фамилію, дочери-виртуозки на клавикордахъ, цѣлый вечеръ восхищали насъ неподражаемымъ талантомъ. Графиня Я. однакоже неприсутствовала въ нашемъ собраніи и мы не имѣли возможности слышать ея игры, все превосходящей. Калишъ мнѣ болѣе всего нравится по знакомству и обстоятельствамъ......

С. **Дзиховъ**—графа Липскаго. Онъ женатъ на сестрѣ гр. Яб.. Какъ пріятно пріобрѣсти ихъ знакомство! Я не произнесъ еще ни слова, но меня узнали по предъубѣжденію, которое имѣли обо мнѣ, какъ о человѣкѣ веселомъ. Могу хвастать безъ зазрѣнія совѣсти, что я радовался и гордился. Мы сошлись, какъ будто бы старые знакомые, хотя до сего я никогда не имѣлъ удовольствія видѣть графа. Объ ней много наслышанъ; говорили, будто она красавица; сего примѣтить невозможно, ибо худа, блѣдна, и хотя я и не знатокъ въ физіогномикѣ, но могъ примѣтить, что ее какое нибудь обстоятельство угнетаетъ, что она терпитъ, скрывая въ сердцѣ печаль свою, какъ умная женщина. Мила, какъ ангелъ, не имѣетъ кокетства; сестрица ея —обходительнѣе. Мы просидѣли цѣлый вечеръ до 11 час., не спрашивая о времени; посему можно примѣтить, что не было скучно. Генералъ, мужъ ея, человѣкъ съ умомъ, охотно все разсказываетъ и довольно занимателенъ; онъ въ подагрѣ; можетъ быть, бѣдненькая терпитъ отъ его болѣзни; женщина въ 20 лѣтъ не можетъ быть довольна мужемъ подагрикомъ, и подагра для милой женщины не имѣетъ въ себѣ ничего прелестнаго.

22 февраля мы выѣхали.

До 3 марта я не могу ничего записать, что мнѣ было бы послѣ припоминаніемъ чего либо замѣчательнаго. Я былъ въ крайности. Лошади заболѣли, коляска стала, денегъ нѣтъ, я нуждался крайне, но Dieu protège въ такихъ случаяхъ. Благословляю съ благоговѣніемъ святой и неисповѣдимый Промыселъ, вѣра никогда не оставляла бытія моего и надежда сбывалась въ крайностяхъ. Я сдѣлалъ мѣну, отдалъ моихъ лошадей и коляску за здоровыя лошади и бричку, бѣда кончилась, и я ожилъ, можно сказать, будучи въ отчаяніи до сего. Не могъ придумать, что мнѣ предпринять было можно.

3 марта, г. **Петроковъ**. Увидѣлся съ пріятелями. Юрьева нашелъ женатымъ и съ дѣтьми.... Мель... въ совсѣмъ перемѣнившихся обстоятельствахъ......

13. В ъ   а л ь б о м ъ.

Не злато, пышность и сребро
Творятъ счастливыми на свѣтѣ;
Желать и дѣлать всѣмъ добро
У добрыхъ должно быть въ предметѣ.
Какъ счастливъ, кто умѣетъ жить
Для дружбы и любви сердечной,
Миръ духа, радость находить
Въ сей жизни бренной, скоротечной.

Могилевъ, 1815 г.

Отъѣздъ изъ г. Могилева на Днѣстрѣ. 1815 г. маія... Странно, думалъ я, и очень странно! Почему человѣкъ, сообразуясь съ неоспоримыми выгодами, чувствуя самую необходимость въ исполненіи важнаго для него предпріятія, останавливается и находитъ самъ затрудненія въ перемѣнѣ круга знакомыхъ и на нѣкоторое время образа жизни; хотя бы сіе обѣщало ему неоспоримыя выгоды въ будущемъ, но онъ споритъ противу оныхъ, слѣдовательно, и противу себя собственно? Я дѣлалъ изслѣдованіе строгое, кажется, чувствамъ моимъ при выѣздѣ изъ Могилева и не могъ открыть оныхъ настоящаго стремленія; не могъ сдѣлать точнаго заключенія, которое могло бы убѣдить меня признаться въ слабости, для чего предписываемое разсудкомъ предпріятіе колеблюсь выполнить; размышлялъ, изслѣдовалъ и не постигалъ причины настоящей! Наконецъ, когда положилъ непремѣнно ѣхать, невольное чувство убѣждало меня отложить выѣздъ еще дней на нѣсколько, представляя свои выгодныя стороны. Тогда я стыдился нетвердости моего характера, стыдился и заглушалъ внушенія здраваго разсудка, извиняя слабость неизвинительную. Послѣ сборовъ, продолжавшихся около мѣсяца, превозмогъ всѣ затрудненія, утвердившись рѣшительно въ намѣреніи. За три дня до отъѣзда необыкновенное впечатлѣніе поставило запятую совсѣмъ не у мѣста. Что сначала казалось не заключающимъ никакого значенія, содѣлалось самымъ значительнымъ, получа отъ привычки власть нѣкоторую надъ движеніемъ сердца. Обхожденіе съ друзьями, интересное ихъ сообщество — уничтожили всѣ планы, клонившіеся къ отъѣзду, а просьба М.... могла совершенно изгладить изъ памяти и самое помышленіе о разлукѣ съ ними. Вотъ настоящая развязка и истинная причина нерѣшительности. Однакожъ все уступило необходимости. Почтовыя лошади стояли у крыльца, ожидая мановенія моего скрыться изъ города. Но возможно ли не прощаться? Можно ли не благодарить друзей моихъ? Какъ не сказать нѣсколько комплиментовъ милой М...? — Нѣтъ! Эта дѣло невозможное! Пусть обвиняютъ

мене въ вѣтренности. Я стану оправдывать себя невольнымъ впечатлѣніемъ, которое возникло въ душѣ моей, чуждой неблагодарности, отъ очаровательнаго обхожденія друзей истинныхъ, въ коихъ мирномъ кругу я имѣлъ счастіе среди невинныхъ, но полезныхъ занятій проводить время самымъ плѣнительнымъ образомъ. Обхожденіе ихъ непритворное, чуждое всякихъ ласкательствъ, уничтожало мнѣніе, непріятное для добраго, но къ несчастію справедливое, что весьма мало людей, которыхъ чувства натуральныя не были бы испорчены вредными правилами, и мирило, такъ сказать, меня со свѣтомъ, уничтожая мрачность, впечатлѣвшуюся въ образѣ моихъ мыслей жестокими и несправедливыми огорченіями. „Прощайте"! произнесено было мною въ полголоса; сего не замѣтили, занимаясь разговорами. „Прощайте"! повторилъ я, едва переводя дыханіе, и въ смущеніи ожидалъ отвѣта, жалѣя, что это ненавистное слово сорвалось съ языка моего.—„Какъ? Вы уже ѣдете"?—„Точно; меня призываютъ обстоятельства на родину".—„Вспомните, что сегодня пятница, а въ этотъ день никто не выѣзжаетъ"!—Не обрадовался-ли бы всякій, ежели бы произнесли сіе уста милой скромной дѣвушки? О! конечно, уговоръ такой въ состояніи поколебать и самого нечувствительнаго! Я смутился, искалъ отвѣта; пребывая въ тупомъ размышленіи минутъ десять или болѣе, голова моя была пуста совершенно; какой оборотъ дать, изъясняя необходимость ѣхать, когда и самъ почти уже былъ согласенъ съ предложеніемъ? Однакожъ честолюбіе въ твердомъ сохраненіи слова побѣдило всѣ затрудненія, и я послѣ длинныхъ и неловкихъ разсказовъ насчетъ пятницы попрощался, раскаяваясь въ грустной душѣ моей, что долженъ былъ выполнить сіе. Меня уговаривали съ самыми убѣдительными представленіями, сколько возможно, остерегаться предпринимать какую либо дорогу въ пятницу; охотно соглашался, однакожъ имѣлъ совсѣмъ особливыя причины представляемымъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы всѣ дни въ недѣлѣ, въ мѣсяцѣ и такъ далѣе были пятницы! Но однажды принятая рѣшительность (первый разъ можно признаться) возымѣла верхъ надъ нерѣшительностію въ подобныхъ обстоятельствахъ. Прощаясь, чувствовалъ, что разстаюсь очень необыкновенно. Въ душѣ моей была какая то мрачность, не смѣлъ свести глазъ съ скромной М...., сердился, полагая, что она замѣчаетъ во мнѣ нѣчто необыкновенное, ибо я одинъ зналъ, что болѣе привычка, почтеніе и благодарность наполняли мое сердце, нежели любовь, которую она могла видѣть, или о которой, по крайней мѣрѣ, могла дѣлать заключенія по моему къ ней почтительному вниманію. Ежели, думалъ я, она такимъ образомъ ошибается, то мнѣ должно винить себя въ чемъ же? неужели въ неоткровенности? Нѣтъ! мнѣ кажется, я слишкомъ открытъ для людей, которыхъ сердце мое признаетъ друзьями искренними.

Пріѣхавши домой, чувствовалъ, что всѣмъ существованіемъ моимъ овладѣла тоска смертельная; цѣлую ночь заснуть не могъ, написалъ пѣсенку, и поутру уже, едва собрался съ духомъ, сѣлъ въ почтовую повозку, которая помчалась съ быстротой вихря! Нѣсколько разъ взглядывалъ съ наполненными слезъ глазами на высокія, тѣнистыя тополи, осѣняющія жилище невинности — и друзей истинно меня любящихъ! Желалъ имъ отъ всего сердца счастія, переносился мысленно въ гостинную, гдѣ столько разъ унылые звуки фортепьяно располагали душу мою къ пріятной меланхоліи, а выводили изъ оной нѣжные аккорды, прикосновеніемъ гибкихъ пальцевъ бѣлоснѣжной руки производимые. О чудесная гармонія! какую ты имѣешь прелесть для слуха нашего! По звукамъ твоимъ чувства наши располагаются и разительные переходы селятъ забвеніе, нѣгу и удовольствіе; тогда можно читать во взорахъ происходящее въ душѣ чувствительной. Мнѣ стало очень грустно; готовъ былъ возвратиться, дабы еще нѣсколько минутъ провести въ обворожительномъ сообществѣ, сказать хоть одно слово доброй М..., упрекалъ себя въ холодности, или иногда находилъ ее слишкомъ равнодушною, успокоивался, будучи въ совершенной нерѣшимости. Различные планы атаковали мою безпокойную голову. Какіе воздушные замки посѣтили мое воображеніе, наполненное желаніемъ взаимности въ чувствуемомъ; оно однакожъ никого не опредѣляло и ни на комъ не останавливалось. Непримѣтно прибылъ на станцію. Вспомнилъ слово, данное товарищу догнать его, что̀ до сей минуты не приходило въ голову. „Онъ выѣхалъ сейчасъ",—сказалъ сухой писарь осиплымъ голосомъ. „Когда"?—спросилъ я, забывши, о чемъ спрашивалъ его.—„Обѣщалъ подождать Васъ на слѣдующей станціи".—„Кто"? — Съ симъ вопросомъ опомнился; писарь проворчалъ что то невнятное.—„Лошадей"!— и помчался, сколько могла снести тройка коней отчаянныхъ! Въ 5 часовъ перескакалъ 105 верстъ. Тутъ ожидалъ меня пріятель. Я обрадовался неизъяснимо, встрѣтившись съ человѣкомъ, который знаетъ милую М... Объ ней было первое и послѣднее слово въ цѣлые полчаса нашего разговора. Это было въ городкѣ Р..., гдѣ квартировалъ полкъ К....ва. Мы пошли къ нему. Мнѣ извѣстна была страсть его къ М.... и потому я старался предъ нимъ скрыть чувство собственное, хотя оно и не сходствовало ни въ чемъ съ занимающимъ всѣ его помышленія и надежды. Однакоже я началъ разговоръ объ ней, не примѣчая самъ того; но влюбленные невнимательны, по моему мнѣнію, - не во всѣхъ однакожъ случаяхъ. Имъ кажется, что они одни, выбравши предметъ, имѣютъ право страдать. Ревнуютъ или къ цѣлому роду человѣческому, или ни къ кому, безо всякого строгаго изслѣдованія; слѣдовательно, соглашаются охотно съ увѣреніями въ ихъ пользу, по слабости и самолюбію. За стаканами вина мы пустились въ изъясненія. Онъ клялся, что

кромѣ М.... никому въ мірѣ другомъ сердечнымъ быть не можетъ; говорилъ сіе рѣшительно. Я молчалъ, принявши на себя видъ холоднокровія, и, какъ кажется, истребилъ въ немъ всякое подозрѣніе. Сказалъ шуточно, что намѣренъ жениться на родинѣ. Онъ сдѣлался смѣлѣе, открылъ мнѣ сердце свое, и я готовъ былъ уступить полное право на обладаніе. По настоящимъ моимъ чувствамъ съ удовольствіемъ заключилъ опредѣлительно, что я далекъ отъ бездны, поглощающей разсудокъ, и что можно пособить горю весьма легкими средствами. Съ сею мыслью разстался. На половинѣ дороги мы должны были разстаться и съ товарищемъ, ибо путь намъ предлежалъ въ разныя стороны. Меня сіе не мало опечалило. Хотя я никогда не имѣлъ съ нимъ тѣсныхъ связей, но онъ зналъ М...., а сего было довольно для моего удовольствія.

За двѣ станціи до Кіева Екатерининскій сержантъ утѣшалъ меня своими разсказами. Я всегда восхищаюсь энтузіазмомъ, Ей современнымъ. Не понимаю: или вѣкъ прошедшій не былъ такъ далекъ въ горестномъ просвѣщеніи и люди имѣли менѣе холоднокровія къ знаменитымъ происшествіямъ, или ея великій геній воспалялъ воображенія, одушевляя и самого простолюдина, что̀ мы теперь видимъ въ каждомъ старомъ инвалидѣ,—въ то время, когда современнымъ событіямъ только слегка удивляются даже участвующіе въ великихъ подвигахъ. Мнѣ кажется, что чѣмъ просвѣщеннѣе народъ, тѣмъ онъ равнодушнѣе ко всему великому и благородному. Вопросъ сержанта: „Что Вы не въ своемъ экипажѣ и безъ человѣка“?—нѣсколько остановилъ меня. — „У насъ бывало“.... Я перебилъ рѣчь его.—„Вы вѣдь маіоръ! видно артиллерія обѣднѣла, что такъ скромненько ѣхать изволите“. Я обратилъ всѣ мысли мои на службу и не слушалъ далѣе, что̀ онъ разсказывалъ. Артиллерія! думалъ себѣ. Артиллерія!!!—и съ горестнымъ чувствомъ очутился въ телѣжкѣ. Пріѣхавши на станцію, пока запрягали лошадей, мнѣ пришла въ голову мысль и я выразилъ оную въ слѣдующихъ стихахъ:

За что судьба въ законѣ строгомъ
Опредѣлила лишь вздыхать?
За что фортуны предъ порогомъ
Я долженъ счастье умолять?
Оно, какъ призракъ непонятный,
Является—въ мечтѣ одной!
Неужто въ мірѣ жребій мой
Пребудетъ вѣчно коловратный,
Иль цѣпь однихъ жестокихъ золъ,
Ничтожна бытія символъ?

***

Ахъ! сколько въ жизни сей терпѣлъ!
Фортуна!—ты сему свидѣтель!
Но и въ несчастіи умѣлъ
Я чтить высоку добродѣтель;
Въ надеждахъ будущности жилъ,
Въ надеждѣ—нынѣ существую!
Кто любитъ истину святую,
Не всякому быть можетъ милъ;
Не всѣ прямымъ путемъ идутъ,
Хотя и честными слывутъ!!

Кіевъ. Мая.....дня 1815 г.

Не доѣзжая 10 верстъ до города, представились мнѣ позлащенные верхи величественныхъ памятниковъ вѣры, которые, возвышаясь посреди лѣсовъ дремучихъ, казалось господствовали надъ мрачностью кудрявыхъ сосенъ и елей, изображали постоянство, ничѣмъ не премѣняемое. Время, все сокрушающее, казалось притупило лезвіе острой косы своей надъ обелисками трудившихся во славу великаго Строителя міровъ!!

По мѣрѣ приближенія къ городу, куполы церквей являли видъ гораздо величественнѣйшій. Лучи солнечные при закатѣ свѣтила сего преломлялись о позлащенныя вершины великолѣпныхъ храмовъ Господа силъ; медленно онѣ отражали лучи, дабы, смѣшавъ блескъ свой съ благодѣтельнымъ спутникомъ ясныхъ дней,—неохотно уступить на себѣ мѣсто блѣдному сіянію луны, съ сумракомъ ночи наступающей. Восхитительная, величественная картина сія поселила во мнѣ какую то самонадѣянность. Я возсылалъ изъ глубины души теплыя молитвы къ Вседержителю; повергалъ чистое раскаяніе въ заблужденіяхъ моихъ къ подножію престола вышняго Судіи благости и неисчерпаемаго милосердія съ чистою совѣстію и надеждою на промыслъ Творца всѣхъ тварей; блуждалъ слабымъ разсудкомъ смертнаго въ непроницаемой будущности. Возвелъ я бренное око къ синѣющей лазури и невольно вспомнилъ прекрасные стихи Ломоносова:

Открылась бездна, звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.
Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,

Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
Теряюсь, мысльми утомленъ.
Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
Для общей славы божества
Тамъ равна сила естества [1]).

Черезъ городъ Кіевъ проѣхалъ я ночью. Ни о чемъ не жалѣлъ болѣе, какъ о томъ, что не могъ еще разъ насладиться зрѣніемъ древности и величія. Кіевопечерскій монастырь построенъ братьями; да почіютъ они съ миромъ на лонѣ вѣры и упованія! Лучше отказаться отъ счастія, нежели отъ добродѣтели; мы всѣ подвластны смерти, но не преступленію. Будь богатъ, какъ Крезъ, управляй царствомъ, но ежели не достаетъ тебѣ радости, то золото и скипетръ царскій — покажутся тебѣ ничтожествомъ; радость же сію чувствовать можетъ лишь сердце добраго. Кіевъ ни для кого не можетъ быть интереснымъ со стороны общества. Я по крайней мѣрѣ всегда, будучи тамъ, искалъ мѣста, гдѣ бы укрыться отъ скуки нестерпимой!

С. Брагинцы, Лохвицкаго уѣзда Полтавской губ. Іюнь 1815 г. На землѣ ничто не заслуживаетъ имени великаго; даже и самое равнодушіе, съ коимъ я намѣренъ отказаться отъ свѣта, есть не иное что, какъ только горестями охлажденная способность наслаждаться. Къ чему могутъ послужить сожалѣнія? Прошедшее уже не въ нашей власти. Что такое надежда? Вѣчная обманщица. И между тѣмъ она одна только насъ здѣсь утѣщаетъ! Жизнь наша есть ничтожество, а удовольствіе оной не иное что, какъ однѣ мечты. Если бы обитаемая нами земля что нибудь составляла, тогда чтобы значило слово „вѣчность“? Ахъ! и самая смерть есть ничто! Сожалѣнія! Глупость, ибо то, о чемъ мы крушимся, не стоитъ того! Я почитаю себя болѣе несчастнымъ, нежели счастливымъ, но многіе и мнѣ еще завидуютъ..... Какое безразсудство!.... Горесть есть не иное что, какъ только физическое зло, которому слабость натуры нашей противостоять никакъ не можетъ. Любовь есть цвѣтъ жизни и неисчерпаемый источникъ всѣхъ добродѣтелей.

[1]) См. Сочиненія Ломоносова, Т. I, изд. Алекс. Смирдина, Спб. 1847, стр. 30—31, Ода 11-ая: Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія.

Любовь только одна достойно награждаетъ добродѣтель и спокойную жизнь. Любовь есть чувство, не знающее ни разсудка, ни правилъ, и которое весьма трудно удержать въ опредѣленныхъ границахъ. Сколько вдругъ мнѣній пришло въ голову. Такъ! всякое изъясненіе не точно, и потому каждый умствуетъ по своему. Я думалъ о семъ и вотъ мои мысли о любви, которая воспламеняетъ страсти, укрощаетъ характеры, производитъ въ одномъ неистовство, въ другомъ воскрешаетъ погасающую добродѣтель, и творитъ добро и зло между смертными. Любовь есть древо жизни, пересаженное въ сей свѣтъ изъ земного рая рукою благодѣтельнаго генія. Она есть свѣтлый животворный лучъ, снисходящій изъ лучшаго свѣта. Никакое облако не можетъ затмить блеска его, озаряющаго мрачность душъ нашихъ. Она происходитъ отъ вѣчности, существуетъ только для сердецъ чистыхъ и добродѣтельныхъ. Она есть надежда и предвкушеніе безсмертія. Разсудокъ человѣческій не можетъ быть для нея правиломъ.

Ты, Анюта, въ мирной сѣни,
Посреди златыхъ полей,
Сядешь къ другу на колѣни;
Намъ не будетъ скучныхъ дней!!

Какъ сладостна мысль, что и я могу быть счастливъ, и я могу наслаждаться спокойствіемъ и невинными удовольствіями въ сообществѣ друга сердечнаго. Что значатъ величіе, слава, почести — въ сравненіи радостей душевныхъ? Въ то время, когда Наполеону повторяла толпа льстецовъ, окружавшихъ его, что онъ богъ, его члены, озабоченная голова и смыкающіяся вѣжди напоминали ему, что онъ только человѣкъ. Потребность успокоенія чувствуютъ и тираны, но преступникъ тщетно ищетъ подкрѣпляющаго сна невинности. Онъ ложится, но не успокаивается; засыпаетъ, но его мученія возобновляются. Многочисленная стража, его оберегающая, не мѣшаетъ жертвамъ его жестокости подниматься изъ гробницъ своихъ и угрожать мечомъ небеснаго мщенія.

Воспоминанія 1815 г.

Кто не знакомъ съ чувствомъ, которое имѣетъ неисповѣдимыя власть и силу поколебать намѣренія самыя твердыя умствующаго и усыпить всѣ постороннія желанія, которое и въ горести привязываетъ человѣка къ ничтожному его существованію, къ юдоли плача и стенанія, къ жизни скоротечной, коей путь усѣянъ терніемъ и въ коей рѣдкій изъ смертныхъ среди скалъ, угрожающихъ робкій духъ его, попадетъ на тропинку, которая приведетъ его послѣ всѣхъ жестокихъ испытаній къ дверямъ мрака и ничтожества. Кто незнакомъ, говорю, съ чувствомъ очаровательнаго забвенія, устилающаго тропинку сію въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цвѣтами радости, представляя бытіе наше въ глазахъ собственныхъ то постылымъ, то превосходящимъ всевозможныя блага, какія токмо воображаемъ найплѣнительнѣйшими! Родившійся съ чувствительнымъ сердцемъ, достигая стремительной юности, когда страсти возымѣютъ свое начальное побужденіе, и развлеченія свѣта содѣлаются его, можно сказать, стихіею, ищетъ съ жадностію пищи для своей чувствительности, въ чемъ состоитъ его душевное наслажденіе. Первая искра невинной привязанности остается ничѣмъ неизгладимою чрезъ цѣлое поприще бытія нашего, впечатляясь глубоко въ сердцѣ, способномъ съ энтузіастическимъ стремленіемъ принимать какъ худое, такъ и доброе, ибо разсудокъ единственно отъ опытовъ привыкаетъ къ сухому изслѣдованію и тонкой разборчивости. Могущественное время охлаждаетъ пылкость, но не уничтожаетъ однакожъ пріятныхъ воспоминаній. Они утѣшаютъ насъ какъ въ знойный полдень жизни нашей, среди тягостныхъ занятій, равно въ холодную старость, когда теплота содѣлается необходимостью. Для души, склонной къ добродѣтели, пустота въ сердцѣ есть тягость несносная; она ищетъ предмета въ вымыслахъ воображенія, ежели не обрѣтаетъ въ натурѣ, обращая повсюду жадные взоры внимательной, какъ кажется, разборчивости, теряется въ фантазіяхъ, которыя рисуютъ призраки того или той, на комъ желалъ бы остановиться, отторгаютъ мнимое творенье изъ глубины пылкаго воображенія—твореніе, превосходящее все ихъ окружающее. Я извѣдалъ по опыту, что чувствительность вовлекаетъ насъ непримѣтно, противу воли нашей, въ лабиринтъ заблужденій и вырѣзываетъ на сердцѣ глубокіе знаки, ничѣмъ неизгладимые, ибо прелесть сердечнаго существованія переносила меня въ другой міръ, лучшій и совершеннѣйшій обитаемаго. Исчезли очарованія, потухъ волшебный фонарь вымысловъ, осталось одно воспоминаніе, подобно какъ послѣ великолѣпнаго праздника, гдѣ тысячи блестящихъ огней ослѣпляли взоры, чудесная гармонія оркестра селила пріятнѣйшее забвеніе, услажденіе вкуса истощило все искусство свое, строй милыхъ, прелестныхъ грацій развлекалъ вни-

маніе,—пиръ кончился и отягченные члены требовали успокоенія, благодѣтельный Морфей сыпалъ щедрою рукою цвѣты сновидѣній, душа упивалась воспоминаніями. Проснулся! Все исчезло, оставя въ памяти однѣ пріятныя впечатлѣнія.

И среди дикихъ степей мы ищемъ удовольствій для души нашей. Съ какимъ восхищеніемъ привожу на память блаженные дни жизни моей, когда я, будучи окруженъ предметами совершенно посторонними для сердца, въ мечтахъ изобрѣталъ милое твореніе, которое услаждало минуты грустнаго одиночества, почиталъ себя счастливымъ, не обладая ничѣмъ, кромѣ моего вымысла. Будучи всегда чуждымъ уединенія по образу жизни, старался отыскивать людей, которые раздѣляли бы со мною воображаемыя удовольствія. Въ военной службѣ всего легче отыскать человѣка и даже нѣсколькихъ, способныхъ питать сладкое чувство дружества. Могу назвать себя счастливымъ, ибо имѣлъ друзей искреннихъ. Можетъ быть, разлука, разнообразность обстоятельствъ въ жизни—и охладили связь нашу въ сердцахъ нѣкоторыхъ (двое пали на полѣ чести, защищая свое отечество! миръ праху благородныхъ сыновъ его!); но я всегда нахожу единственное удовольствіе въ воспоминаніи неизъяснимыхъ радостей, которыя доставляло ихъ милое сердцу моему сообщество, когда мы среди занятій ввѣряли другъ другу наши чувства, наши желанія, и наши надежды. Изъ нихъ нѣкоторые почти достигли предполагаемой цѣли! Кто знаетъ, обрѣли ли съ симъ достиженіемъ воображаемое нѣкогда счастіе?? Кажется, что нѣтъ! Ибо наши чувства ищутъ прямого благополучія, а желаніе почестей происходитъ токмо отъ впечатлѣній, отъ образа жизни и упражненій, имѣющихъ могущественное вліяніе на чувства. Принятое нами состояніе содѣлывается со временемъ стихіею, по привычкѣ сосредоточа всѣ наши склонности. Нѣтъ дѣйствія безъ причины, равно нѣтъ обстоятельства, въ коемъ бы не участвовали наши ошибки, или противу ихъ наша осторожность. Человѣкъ при рожденіи на свѣтъ получаетъ въ наслѣдство природныя слабости, но ему дано столько силы надъ самимъ собою, что онъ можетъ оберегать себя въ большей части непріятныхъ встрѣчъ на пути жизни его. Что злое, кажется, произошло отъ стеченія обстоятельствъ, тому, если мы размыслимъ безпристрастно, конечно, найдемъ въ себѣ самихъ источники; къ сему злу сами подали поводъ, съ тою только разницею, что иного судьба оберегаетъ, а другого оставила на произволъ. Собственно все зависитъ отъ счастія, но и счастіемъ надобно умѣть пользоваться, когда оно, сжалясь, кинетъ умильной взоръ свой. Въ семъ состоитъ все благо смертныхъ, и хитрая наука—жить въ свѣтѣ,—не постижимая. Надобно родиться способному къ оной и, отыскавши рутину, держаться ея одной! Можно однако же и въ неизвѣстности быть покойнымъ и счастливымъ. Тамъ достигаютъ сего гораздо легче, если

душа свободна отъ упрековъ за бездѣятельность и человѣкъ ограничилъ себя въ желаніяхъ, довольствуясь тѣмъ, что̀ судьба ему имѣть опредѣлила для жизни; ибо прихоти въ домашнемъ быту — есть враги истиннаго спокойствія. Кн. Меньшиковъ одаренъ былъ щедрою рукою отъ великаго Императора, но все, что ни имѣлъ, казалось недостаточнымъ. Желанія его не имѣли предѣловъ, стремленіе духа превышало самого себя, властолюбіе отравляло минуты радостей; онъ не имѣлъ ихъ; изобрѣтательный и высокомѣрный умъ искалъ однихъ жертвъ его зависти, а корыстолюбіе — стяжательности. Когда же постигло его несчастіе, то, будучи въ заточеніи, собралъ отъ получаемаго имъ малаго содержанія столько, что построилъ церковь собственнымъ иждивеніемъ. Руки, привыкшія подписывать законы милліонамъ, носили камни на сооруженіе храма Господу во славу и въ примѣръ временамъ грядущимъ! Почто гоняться за суетностію, ежели судьба благословила тебя необходимымъ? Сыскать въ самомъ себѣ спокойствіе есть верхъ возможнаго въ жизни благополучія. Чувствительный Петрарка, имѣя все въ Римѣ, не могъ найти въ вихрѣ большого свѣта того спокойствія, которое ожидало его въ тихой, уединенной Воклюзѣ! Онъ украшалъ собою мѣста сіи, а его чувствительный геній прославилъ оныя для потомства. Люди содѣлываютъ мѣста незабвенными! Съ высокими санами неразлучны и великія непріятности. Всякій завидуетъ любимцу фортуны въ то время, когда сей наслаждается спокойствіемъ менѣе земледѣльца, обрабатывающаго наслѣдственную свою ниву, отъ которой имѣетъ единственное пропитаніе, что̀ составляетъ все его богатство. Онъ счастливъ! Желанія его ограничены, образъ жизни соотвѣтствуетъ имѣнію. Онъ находитъ сіе счастіе посреди семьи и ожидаетъ будущаго отъ дѣтей, которыми Всевышній благословилъ его. Родившійся съ чувствительнымъ сердцемъ, конечно, повстрѣчаетъ въ жизни непріятностей болѣе того, который все холоднокровно принимаетъ. Застѣнчивость перваго налагаетъ иногда тягостное молчаніе, гордость часто не позволяетъ сдѣлать прямого объясненія. Онъ таитъ все въ глубинѣ души, терзаемой нестерпимыми мученіями. Въ такомъ положеніи разсудокъ не имѣетъ обыкновенной своей силы, характеръ измѣняется и онъ ищетъ единственно только развлеченій. Ужасныя страсти могутъ содѣлаться его упражненіемъ, а привычка быть равнодушнымъ къ пороку заглушитъ и самыя высокія врожденныя качества. Рука счастія извлекаетъ изъ сей бездны нѣкоторыхъ, но большая часть молодыхъ людей съ тонкими чувствами, томясь подъ тяжестію несчастій, погибаетъ въ пучинѣ страстей, чуждыхъ добродѣтели и благородству, склонному ихъ характеру. Дружба есть свѣтильникъ на пути темнаго къ вѣчности!

29 мая 1816 г. По обыкновенію моему, каждый день посѣщалъ я зеленѣющійся пригорокъ посреди прелестнаго лѣска (что̀ въ странѣ сей великая рѣдкость). Тамъ, забывая все, я дышалъ чистымъ воздухомъ. Мечты воспламеняли мое воображеніе и уединеніе питало меланхолію. Однажды, смотря на твердь небесную, съ благоговѣніемъ вспомнилъ стихи Х....

Невидитъ Бога кто, тотъ бѣдный есть слѣпецъ,
Когда творенье есть, такъ долженъ быть Творецъ!
Не могъ собою самъ прелестный міръ явиться,
Не могъ составиться, не могъ установиться,
Съ такой премудростью устроиться не могъ,
А та премудрость есть.... Непостижимый Богъ!

Потомъ записалъ карандашомъ мысли мои. Многіе старались представить въ полномъ блескѣ и сіяніи прелестное майское утро, но гдѣ взять краски для изображенія величественной пріятности улыбающагося свѣтила, которое проницаетъ благодѣтельными лучами своими сквозь неизмѣримое пространство разстоянія и оживляетъ, какъ гордый, вѣтвистый дубъ, равно и скромный полевой цвѣточекъ. Нѣтъ! никакая кисть, никакое перо смертнаго – не могутъ изобразить и малѣйшей тѣни величія совершенства. Слабый умъ нашъ блуждаетъ въ безпредѣльномъ пространствѣ, ни начала, ни конца не имѣющемъ. Такъ я размышлялъ самъ съ собою, любуясь на милыхъ жаворонковъ, парящихъ въ эфирной отдаленности,—коихъ мелодическіе отголоски располагаютъ унылую мою душу къ меланхоліи. Вѣтеръ засвисталъ съ сѣвера, въ мгновеніе густое сумрачное облако, катясь по лазуревой тверди, затмило всѣ оттѣнки и таинственныя изображенія, поставленныя рукою Строителя міровъ для образованія свода небеснаго. Ужасные порывы вѣтра пугали невинныхъ птичекъ, которыя съ жалобнымъ щебетаніемъ вилися въ воздухѣ и искали безопаснаго себѣ убѣжища отъ бурь и ненастья. Проливной дождь сокрылъ всѣ предметы, меня окружающіе. Я побрелъ въ хижину, погрузясь въ молчаливое размышленіе. Представлялъ бренность бытія человѣческаго, представлялъ живо собственное мое положеніе. Мрачныя предчувствія сравнивалъ съ грозою, которая не утихала, но усиливалась. Такъ, я одинъ—одинъ во вселенной, одинъ и безъ малѣйшей надежды сладостнаго участія; нѣтъ сердца, которое бы симпатически было съ моимъ связано; нѣтъ существа, которое раздѣляло бы со мною радости и огорченія. Для чего натура, возжегши свѣтильникъ бытія столь несовершеннаго, запечатлѣла въ ничтожномъ существованіи горестную чувствительность? Для чего дала мнѣ сердце, способное чувствовать прелесть изящнаго? Мрачность души моей въ сіе время уподоблялась мрачности облаковъ. До сего времени я наслаждался спокойствіемъ, переносилъ всѣ удары рока,

испытующаго въ разнообразныхъ случаяхъ твердость мою, съ кроткою къ предопредѣленію покорностію. Исполненныя благоговѣнія чувства къ непостижимымъ уставамъ природы и чистая совѣсть при строгихъ изслѣдованіяхъ оправдывали мои поступки. Перемѣну образа жизни до нѣкотораго времени полагалъ кратчайшимъ путемъ къ спокойствію посреди мирныхъ занятій, но одинъ взглядъ, одно незначущее слово по предубѣжденію — истребили всѣ намѣренія, уничтожили всѣ планы, сооруженные долговременнымъ размышленіемъ. Два мѣсяца я провелъ въ совершенной бездѣйственности. Образъ, впечатлѣвшійся въ сердцѣ, казалось былъ свидѣтелемъ всѣхъ моихъ поступковъ, казалось укорялъ меня даже въ самыхъ тайныхъ помышленіяхъ. Я дерзалъ сомнѣваться въ предопредѣленіи судьбы, ибо до сего времени не испытывалъ подобнаго положенія, хотя и имѣлъ легкія впечатлѣнія, успѣвалъ, былъ счастливъ и, наконецъ, предавалъ все забвенію. Не чувствовалъ тоски въ одиночествѣ и потому не могъ пріучить разсудокъ къ настоящимъ изсѣдованіямъ самого себя, ибо не имѣлъ побудительной къ тому причины. Цѣлыхъ два мѣсяца лишь только мечталъ и не могъ найти ни въ чемъ удовольствія, все постыло безвременно. Въ однѣхъ мечтахъ забывалъ все земное, въ фантазіи очаровательной испивалъ чашу сладчайшихъ удовольствій.... Зовутъ на бостонъ. Ѣду убить время за карточнымъ столикомъ и въ кругу прелестныхъ забыть о всѣхъ мечтаніяхъ!!

---

14. Идиллія.

Я мчался въ думы погруженный,
По-за телѣжкой пыль столбомъ.
Вдали зрю крестъ я позлащенный
И дымъ изъ трубъ по-надъ селомъ.
Горяще солнце опиралось
На отдаленный горизонтъ
И къ захожденію склонялось.
Оратай, пылью покровенный,
Идетъ, за плугомъ на покой;
Старикъ, лѣтами удрученный,
Сидитъ, подпершися клюкой,
Малютки вкругъ его играютъ;

Но лишь узрѣли у воротъ
Отца, вдругъ дѣда оставляютъ.
А первый, отирая потъ,
Привѣтствуетъ улыбкой скромной
Столь сердцу милую семью,
Передаетъ женѣ покорной
Онъ радость тихую свою.
Въ ожиданьи съ пастьбы стада,
Въ кружокъ тамъ дѣвы собрались,
Свободныхъ вечеровъ отрада,
Ихъ громки пѣсни раздались.
Услышавъ, юноши толпою
Спѣшатъ узрѣть своихъ красотъ.
Съ невинной сельской простотою
Въ забавахъ время тамъ идетъ.
Кого кто любитъ, не таится—
Зачѣмъ кому любовь скрывать?
Не знаютъ, какъ страдать, томиться,
Они не знаютъ обожать.
О, счастье милой простоты,
Какъ милы мнѣ твои картины!
Въ нихъ нѣтъ роскошной пестроты,
Однѣ лишь радости невинны,
Одно довольство и покой;
Ничто его не нарушаетъ
И земледѣлецъ суетой
Себя отнюдь не обольщаетъ.

С. Васютинцы [1]), 1816 г.

15. Къ Екатеринѣ Михайловнѣ Дараганъ. [2])

Семейство, тихій мирный кровъ....
Лужокъ, цвѣтами испещренный,
Гдѣ пестры бабочки, рѣзвясь
По волѣ, тѣшатся весною.....
Ручей прозрачный, притаясь,
Журчитъ, катится межъ травою....
Въ едва примѣтной высотѣ
Малютки жаворонки вьются,
Ихъ громки трели раздаются....
Все дышетъ жизнью въ простотѣ!

С. Брагинцы, 1817 г.

[1]) С. Васютинцы — Золотоношскаго уѣзда Полтавской губ. Въ немъ стояла та запасная артиллерійская рота № 30, въ которой въ 1816 г. служилъ авторъ.

[2]) Сестра невѣсты и затѣмъ жены автора.

LXXVI.

Письмо невѣсты Андрея Яковлевича Стороженка Анны Михайловны Дараганъ къ его отцу.

Милостивый Государь Яковъ Александровичъ!

Какъ много тронуло и какое глубокое впечатлѣніе сдѣлало на сердце мое милостивое письмо Ваше. Быть всегда неразлучно съ семействомъ Вашимъ составитъ все счастіе моей жизни. Питая самую нѣжную привязанность къ любезному Андрею Яковлевичу, сердце мое съ чувствомъ совершеннаго благополучія и со всею дѣтскою горячностью даетъ Вамъ нѣжное имя Отца, коего снискать любовь будетъ всю жизнь мою единственнымъ моимъ стараніемъ. Я несказанно была бы счастлива, ежели бы здоровье Ваше позволило мнѣ имѣть удовольствіе Васъ видѣть и, принося Вамъ мою благодарность за столь чувствительно меня тронувшую милость Вашу, увѣрить Васъ въ томъ безпредѣльномъ уваженіи и той неограниченной привязанности и преданности, съ которыми честь имѣю быть, Милостивый Государь, Ваша всепокорная слуга Анна Дараганъ *).

---

*) Въ началѣ XIX вѣка проживали въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи сыновья Переяславскаго полковаго судьи Петра Дарагана братья Михаилъ и Иванъ Дараганы.

I) Михаилъ Петровичъ жилъ въ с. Богодуховкѣ. Первоначально онъ служилъ въ одномъ изъ кирасирскихъ полковъ, а затѣмъ лѣтъ двадцать подрядъ былъ предводителемъ дворянства Золотоношскаго уѣзда. Онъ былъ женатъ на дочери коменданта Переяславской крѣпости подполковника фонъ-Фока Евѣ Яковлевнѣ. Отъ этого брака родилось у него четыре сына и пять дочерей.

Сыновья:

1) Петръ Михайловичъ. Изъ камеръ-пажей былъ выпущенъ прапорщикомъ л.-гвардіи въ конно-піонерный эскадронъ. Послѣ многолѣтней военной службы былъ тульскимъ губернаторомъ. Умеръ отставнымъ генералъ-лейтенантомъ. Въ Рус. Старинѣ за 1875 г. (т. XII, стр. 769—896, и т. XIII, стр. 1—19) были напечатаны его записки подъ заглавіемъ: „Воспоминанія перваго камеръ-пажа Императрицы Александры Θеодоровны". Былъ женатъ на Аннѣ Михайловнѣ Балугьянской, извѣстной составленіемъ учебниковъ и педагогическою дѣятельностью въ должности начальницы С.-Петербургскаго Николаевскаго Института. Дѣти ихъ: старшій сынъ Михаилъ Петровичъ—нынѣ шталмейстеръ и Калишскій губернаторъ; младшій—Иванъ Петровичъ занимаетъ должность директора одного изъ частныхъ банковъ въ Москвѣ; дочери были супругами: Александра—генералъ-маіора Д. А. Арбузова, Ева—барона Винекенъ, Елисавета—генерала отъ инфантеріи В. Н. Веревкина, покойнаго коменданта Петропавловской крѣпости.

2) Николай Михайловичъ — умеръ генералъ-маіоромъ. Былъ начальникомъ комиссаріатской комиссіи въ г. Кременчугѣ. Женатъ былъ на Варварѣ Михайловнѣ Бурдуковой и оставилъ 2-хъ сыновей и 2-хъ дочерей.

3) Александръ Михайловичъ. Выпущенъ былъ прапорщикомъ л.-гвардіи въ конно-піонерный эскадронъ. Уволенъ былъ полковникомъ изъ л.-гвардіи конно-гренадерскаго полка въ 1844 г. Служилъ одно время въ штабѣ военно-учебныхъ заведеній. Женатъ былъ на Аннѣ Евгеніевнѣ Кромида, по второму браку ея — Фроловой. Единственная дочь его — Марія Александровна Рачинская, покойная супруга нынѣшняго директора Московскаго Сельско-Хозяйственнаго Института Конст. Ал. Рачинскаго.

4) Михаилъ Михайловичъ—умеръ генералъ-маіоромъ. Служилъ первоначально въ артиллеріи, потомъ былъ начальникомъ Московскаго арсенала и Кіевской комиссаріатской комиссіи. Женатъ былъ на Софіи Адамовнѣ Подберезской и имѣлъ отъ нея дочь и 2-хъ сыновей.

Дочери:

1) Елисавета Михайловна княгиня Кантакузенъ;

2) Анна Мих. Стороженко;

3) Екатерина Мих. Искра.

4) Александра Михайловна Максимовичъ. Сынъ ея — нынѣ членъ военнаго совѣта генералъ отъ инфантеріи Василій Николаевичъ Максимовичъ.

5) Елена Мих. Краснокутская. Имѣла двухъ сыновей и дочь. Второй сынъ Михаилъ Николаевичъ Краснокутскій извѣстенъ своими значительными пожертвованіями въ пользу Симбирскаго губернскаго земства. Дочь — Софія Николаевна Крупенская.

II) Иванъ Петровичъ жилъ въ с. Чернобаѣ. Онъ вышелъ въ отставку полковникомъ артиллеріи. Женатъ былъ на Невѣровской, братъ которой Иванъ Петровичъ Невѣровскій управлялъ м. Драбовомъ (Золотоношск. у.) и всѣми другими имѣніями графа Заводовскаго. По смерти И. П. Невѣровскаго имѣніе его, Павловщина, перешло къ сыновьямъ сестры. И. П. Дараганъ имѣлъ 4-хъ сыновей и дочь—Анастасію Ивановну Максимовичъ.

Сыновья:

1) Дмитрій Ивановичъ — вышелъ прапорщикомъ въ л.-гвардіи Семеновскій полкъ, потомъ командовалъ л.-гвардіи Волынскимъ полкомъ, былъ предсѣдателемъ кодификаціоннаго отдѣла Военнаго Министерства и умеръ генераломъ отъ инфантеріи и членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ. Много лѣтъ состоялъ гласнымъ Псковскаго губернскаго земства и написалъ нѣсколько журнальныхъ статей по земскимъ вопросамъ. Женатъ былъ на Антонинѣ Ивановнѣ Гауръ.

2) Ѳедоръ Ивановичъ умеръ генералъ-маіоромъ, губернскимъ воинскимъ начальникомъ въ г. Орлѣ. Оставилъ 3-хъ сыновей и 2-хъ дочерей.

3) Третій сынъ Михаилъ Ивановичъ имѣлъ дочь Софью Мих. Лидерсъ.

4) О судьбѣ четвертаго сына Петра Ивановича мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

Подполковникъ фонъ-Фокъ имѣлъ слѣдующее потомство:

1) Максимъ Яковлевичъ былъ Начальникомъ III отдѣленія Собств. Е. И. В канцеляріи.

2) Петръ Яковлевичъ былъ управляющимъ Государственнымъ Банкомъ въ С.-Петербургѣ.

Дочери:

1) Ева Дараганъ.

2) Елисавета Багговутъ. Жена героя 1812 г., корпуснаго командира, убитаго подъ Тарутинымъ; кавалерственная дама; умерла бездѣтной въ 1830 г. (10 апрѣля); воспитанникомъ ея былъ племянникъ Петръ Михайловичъ Дараганъ, которому она передала и свое состояніе.

3) Марія Форeггеръ фонъ Грейфентурнъ, жена негоціанта въ г. Одессѣ.

4) Христина Полетика—мать извѣстныхъ Василія Аполлоновича Полетики, горнаго инженера, а затѣмъ публициста, и Ивана Аполлоновича, также горнаго инженера, бывшаго директора Монетнаго Двора.

Всѣ эти свѣдѣнія о семействахъ Дарагановъ и фонъ-Фоковъ составлены по устнымъ сообщеніямъ и поэтому не могутъ претендовать на документальную точность.

Въ настоящее время всѣ бывшія имѣнія Дарагановъ въ Золотоношскомъ уѣздѣ проданы въ чужія руки и ни одинъ изъ нихъ не связанъ съ старинною малороссійскою родиною земельнымъ имуществомъ.

LXXVII.

Метрическая выпись о рожденіи Владимира Андреевича Стороженка.

Въ метрической книгѣ, хранящейся при приходской Богодуховской Св. Духовской церкви Золотоношскаго уѣзда актъ рожденія Владимира Андреевича Стороженка записанъ подъ № 56 тако: 1820 года марта 16 числа с. Богодуховки у г. маіора Андрея Яковлевича Стороженка родился сынъ Владимиръ, коему имя нарекъ и крещеніе совершилъ священникъ Семенъ Руденко, въ чемъ завѣряю сію выписку подписомъ моимъ и приложеніемъ церковной печати. 1858 г. декабря 21 дня. Богодуховской Св. Духовской церкви священникъ Левъ Дроздовскій. (М. П.)

LXXVIII.

Письмо Анны Михайловны Стороженко къ Якову Александровичу Стороженку.

Милостивый Государь Батюшка! Довольно продолжительная болѣзнь моя попрепятствовала мнѣ прежде писать къ вамъ и поручить себя, дочь мою и новорожденнаго сына милостямъ вашимъ и просить родительскаго вашего благословенія. Какъ бы я была счастлива, Почтеннѣйшій Батюшка, ежели бы воля ваша была согласна съ горячимъ желаніемъ моимъ видѣть васъ послѣ столь долгаго времени, съ какимъ удовольствіемъ исполню я оное, будучи столь близко отъ васъ и привезу вамъ дочь мою, которой невинность и дѣтскія ласки будутъ у васъ, Почтеннѣйшій Батюшка, ходатайствомъ за ея родителей, и удостойте ее вашего благословенія. Цѣлуя почтеннѣйшія руки ваши, вмѣстѣ съ моими дѣтьми поручаю себя родительскимъ милостямъ вашимъ, съ истиннымъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть, Милостивый Государь Батюшка, ваша всепокорная дочь Анна Стороженко. Богодуховка, 10 апрѣля 1820 года.

Любезнѣйшая сестрица! Послѣ столь долгой разлуки, какъ я рада буду видѣть васъ и представить вамъ мою Лизу, для которой прошу любовь вашу. Я увѣрена, добрая сестрица, что вы, не взирая на разлуку, помните еще меня, и льщу себя надеждой, что вы хотя немного платите мнѣ взаимностью за ту привязанность и дружбу, которую по гробъ мой буду питать къ вамъ. Цѣлуя васъ много разъ въ надеждѣ скоро увидѣться, остаюсь васъ искренно любящая сестра Анна Стороженко.

Сестра Катюша вамъ кланяется, а ежели братъ Ильюша еще дома, то прошу сказать ему дружескій мой поклонъ и желаніе увидѣть его.

LXXIX.

Размышленія Андрея Яковлевича Стороженка по случаю кончины его первой жены Анны Михайловны, урожденной Дараганъ.

6 апрѣля 1821 г. С. Богодуховка.

Увы, мнѣ грѣшному! Господи! Въ страхъ покаянія Ты подвергаеши духомъ слабаго человѣка ударамъ рока, и да смирится онъ въ замыслахъ, желаніяхъ суетныхъ и надеждахъ строптивыхъ! Съ умиленіемъ болѣзненнаго сердца смиряюся предъ неисповѣдимою волею Твоею и назначеніемъ Твоимъ! Съ раскаяніемъ душевнымъ лобзаю прахъ земли, Тобою сотворенный, якоже есмь персть отъ нея. Чудны дѣла твои, Боже, Боже мой! Не попусти овладѣть мною горести—прискорбна душа моя даже до смерти! Обращаю недостойные взоры мои горѣ, идѣже благость Твоя и неисчерпаемое милосердіе имѣютъ величественный, пресвѣтлый и неудобовоображаемый олтарь и тронъ. На немъ возсѣдишь Ты одесную Всемогущаго Сына Твоего и Бога нашего Іисуса Христа, съ кротостію и терпѣніемъ понесшаго страданія за насъ, недостойныхъ рабовъ смерти. Смирися душа моя, потопленная въ суетахъ мірскихъ и порокахъ, обуревающихъ растерзанное сердце мое. Изъ праха созданъ, въ прахъ и обращусь по глаголу твоему. Да будетъ воля Твоя, Боже, Владыко живота моего и всѣхъ сокровеннѣйшихъ помышленій моихъ! Да сподоблюсь возложити упованіе мое съ вѣрою и терпѣньемъ на пекущійся о всякой твари великій промыслъ Строителя міровъ, уму непостижимыхъ и необъемлемыхъ! Не отринь, Господи, моленій моихъ, наставь мя грѣшнаго, како возмогу прилѣпитися къ Тебѣ всѣмъ сердцемъ, всею душею моею, да въ Тебѣ Единомъ обрящетъ духъ мой въ скорби утѣшеніе. Горе мнѣ грѣшному! Невидимая рука разсыпала на главу мою пепелъ, да оплакиваю несчастный жребій мой! Отврати отъ меня нынѣ всякія житейскія помышленія — плачъ и

рыданіе есть удѣлъ скорби и недуговъ душевныхъ, плачъ и рыданіе! Нѣсть мнѣ утѣшенія въ горестной жизни сей, куда ни обращу взоры мои, они встрѣчаютъ предметы чуждые: все бо есть чуждо сердцу, печалію напоенному „амо же полечу, нигдѣ моего солнца не обрѣтаю!“ Тамъ, тамъ, за отдаленною свѣтлою лазурью духъ ея обитаетъ! Съ зарею вѣчности гласъ трубный воззоветъ праведныхъ и солнце благотворное истины возсіяетъ надъ главами смирявшихся въ жизни сей, въ юдоли плача и стенанія. Господи, Боже мой! упокой душу, исшедшую отъ міра сего въ лучшій міръ, идѣже десница Твоя держитъ вѣсы правосудія и милости. Утверди мя въ вѣрѣ и упованіи, да созерцаю окомъ бреннымъ и недостойнымъ велію славу Твою, подай долготерпѣніе и помощь въ сподобленіи прославлять ежеминутно святое и великолѣпное имя Твое, да обрѣту въ Тебѣ Единомъ, Господи, утѣшеніе, да не прильпнетъ языкъ мой гортани въ утреннихъ и вечернихъ молитвахъ моихъ. Услыши, Господи, гласъ мой и на отринь моленій моихъ. Во грѣсѣхъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ мя родила мати моя! Боже праведныхъ помилуй мя грѣшнаго, пошли бодрость духа и умиленіе сердцу моему, наставь мя въ добродѣтели, отверзи очи правды ради, да никогда усну сномъ смертнымъ.

О Ты, чей слышенъ гласъ въ громахъ и въ пѣснѣхъ соловья, чей духъ творческій носится подъ твореніемъ рукъ Его, пошли мнѣ силы и средства воспитать и наставить невинныхъ сиротъ; они не узрятъ матери своей, не услышатъ голоса нѣжности, звука толико любезнаго и знакомаго сердцу моему; да обрѣтутъ они по внушенію Твоему, Господи, въ скорбящемъ сердцѣ моемъ нѣкогда отраду и утѣшеніе!

---

16. Пѣсня.

Ручей, струясь въ долинѣ,
Подъ тѣнью ивъ густыхъ,
Съ журчаньемъ текъ къ стремнинѣ—
Палъ въ бездну и затихъ...
    Взоръ скорбный устремляю
    Въ слѣдъ быстрому ручью,
    Съ нимъ мысленно сличаю
    Превратну жизнь мою.
Какъ юность быстротечно
Прошла въ волнахъ страстей!
Увы! сей даръ небесный
Сокрылся, какъ ручей.

Дни сладостныхъ мечтаній
Смѣшались съ тьмой вѣковъ,
Надеждъ, любви, желаній
Минутъ не будетъ вновь.
Промчалась юность, съ нею
Исчезъ волшебный рай,
Я скользкою стезею
Иду въ тотъ мрачный край,
Гдѣ странникъ утомленный
Спокойствіе найдетъ,
Печальми изнуренный,
Въ послѣдній разъ вздохнетъ.
Хладѣютъ пылки чувства,
Веселый тускнетъ взоръ,
Таланты, умъ, искусства,
Какъ воды вешни съ горъ,—
Все въ бездну погрузится,
А тамъ забвенье въ слѣдъ
На быстрыхъ крыльяхъ мчится.
Что-жъ жизнь? Лишь сонный бредъ.

Г. Вознесенскъ, 1821 г.

17.

Коль прошла пора любить
И исчезли обольщенья,
Остается только пить,
Не трудя воображенья.
Прочь мечты всѣ—наливай!
Подноси, знай, подавай!
Пьяному и грусть мила,
Не морщитъ она чела.
Охъ, летитъ стрѣлою время,
Оглянуться не даетъ;
Жизнь того есть тяжко бремя,
Не любилъ кто и не пьетъ.
Все, что дышетъ, шевелись!
Ставь бутылки передъ нами!
Мы не даромъ собрались—
Коли пить, такъ пить съ друзьями!
Будемъ пить, пусть хоръ гремитъ—
Полно влаги есть въ бокалѣ,

Пѣнится вино, катитъ...
Мы-ли въ жизни не пивали?!
    Пусть аркадски пастушки
    Воздыхаютъ и томятся,
    Пропадаютъ отъ тоски,
    Пусть ихъ въ ручейки глядятся!
Поглядимъ-ка мы въ бокалъ—
Въ немъ сокрытъ весь жаръ сердечный,
Выпьемъ дружества фіалъ,
Выпьемъ въ радости безпечной!

Г. Елисаветградъ, 1821 г.

LXXX.

Письмо Андрея Яковлевича Стороженка къ Екатеринѣ Михайловнѣ Дараганъ.

2 февраля 1822 г. Г. Крыловъ.

Въ природѣ есть такія силы, которыя, будучи сжатыми въ какомъ нибудь узкомъ пространствѣ, могутъ подымать неимовѣрныя тягости; сіе можно примѣнить и къ чувствамъ человѣка. 12 числа генваря я переправился черезъ Днѣпръ на маленькой лодкѣ между льдами, какъ будто бы кто толкалъ въ шею; поспѣшность сія однакоже была весьма кстати: 14 числа пріѣхалъ я въ Елисаветградъ, въ тотъ самый день и графъ Виттъ пріѣхалъ. На другой день мы отправились открыть поселенія кирасировъ въ Херсонской и Екатеринославской губ. По сіе время я не имѣю ни одной минуты свободной, живу, можно сказать, на перекладной. Это письмо, равно и прочія—писаны въ разныхъ мѣстахъ. Богъ знаетъ, что ты, милая сестрица, думала о моемъ молчаніи? Не смѣю отгадывать—пуганая ворона куста боится. Истинно дружеское мое къ тебѣ расположеніе всегда будетъ служить утѣшеніемъ въ горестной жизни сей. Я думалъ объ васъ и посреди самихъ ужасовъ, которыхъ судьба опредѣлила мнѣ быть свидѣтелемъ. Физическое зло есть молотъ, ударяющій по вѣчности, чтобы обмолотить нравственное добро.

Со мною много кое чего случилось, но о семъ поговоримъ, когда, дастъ Богъ, увидимся.

Дорогою изъ Богодуховки чуть чуть было не заболѣлъ; никогда не изгладится время сіе изъ моей памяти—что за дорога! Въ Елисаветградѣ засталъ я на моей квартирѣ Годлевскаго, который ожидалъ ме-

ня двѣ недѣли. Ничто не могло бы обрадовать меня больше свиданія съ нимъ—я былъ не одинъ, по крайней мѣрѣ, начавъ бояться занемочь не на шутку. Милосерднѣйшій Создатель отвратилъ отъ меня сіе несчастье. Таковъ человѣкъ, сестрица; дай ему время одуматься и онъ найдетъ въ самомъ себѣ утѣшеніе, хотя впрочемъ и слабое. Сдѣлай дружбу, отслужи за меня молебенъ св. Владимиру.

Кременчугъ, 5 февраля. Я думалъ застать здѣсь Ивахненка и ошибся. Вообрази, что въ теченіе трехъ недѣль четыре раза я былъ въ Крыловѣ, также весьма близко отъ васъ два раза былъ. Пожалуйста, сестрица, пиши мнѣ обо всемъ подробно. Здоровы ли мои малютки? Цѣлую ихъ, прося благословенія Господа Милосерднаго. Успокой меня въ противномъ образѣ мыслей послѣдняго дня для моего спокойствія

Прощай, будь здорова, и помни друга и брата Андрея.

---

18. Осень 1822 г.

Туманы стелятся густые,
Поблекли рощи и поля,
Скрипятъ отъ бурь дубы сѣдые,
Полита влагою земля;
Сгущенные пары клубятся
И въ мрачномъ воздухѣ кружатся,
Подобно сонму волнъ морскихъ;
Пернатыхъ хоръ умолкъ, затихъ.

* * *

Вотъ все вокругъ меня уныло,
Лишь колоколъ вдали гудётъ,
Тоскою сердце вдругъ заныло,
Сей гулъ какъ будто-бы зоветъ...
Зоветъ къ желанному покою.
Вступлю безтрепетной ногою
Въ невѣдому для всѣхъ страну,
Тамъ вѣчнымъ тихимъ сномъ засну...

* * *

Несчастный можетъ-ли страшиться
Конца мученіямъ своимъ?..

Онъ долженъ, долженъ торопиться,
О вѣчность! ко брегамъ твоимъ,
Тамъ бросить якорь скорбной жизни.
Въ той общей смертнымъ всѣмъ отчизнѣ
Нѣтъ предразсудковъ, нѣтъ страстей—
Тамъ буду вѣчно жить для ней!...

* * *

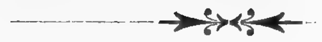
Тамъ буду тѣнь ея безмолвну
Съ улыбкой радости встрѣчать,
И тѣнь сію, величья полну,
Безъ страха буду обожать.
Надежда душу наполняетъ,
Уже мой взоръ ее встрѣчаетъ...
Прерви, о Парка! жизни нить,
Лишь только-бъ съ нею могъ я жить!

С. Богодуховка, 1822 г.

19.

Равенство, братство и свобода—
Одни лишь пышныя слова;
Но что-же нужно для народа?
Законъ, порядокъ и глава,
Держащая вѣсы Ѳемиды,
Патріархальность, простота,
Любовь къ отечеству, а виды
На вольность мнимую—мечта!

С. Богодуховка, 1822 г.

Военное поселеніе кавалеріи въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ.

Я не пишу исторіи военныхъ поселеній вообще, ни отдѣльно такъ называвшагося военнаго поселенія Херсонской и Екатеринославской губерній — при началѣ его; но излагаю о послѣднемъ то, что врѣзалось въ моей памяти.

Мысль императора Александра о военныхъ поселеніяхъ въ Россіи имѣла основаніями сбереженіе расходовъ на войско и водвореніе воиновъ въ нѣдрахъ семействъ своихъ.

Примѣры этому мы читаемъ въ исторіи Рима; видимъ въ австрійскихъ провинціяхъ, на границахъ имперіи отъ востока. Были военныя поселенія также и у насъ въ Новороссійскомъ краѣ, обращенныя потомъ въ крестьянскій бытъ. Въ послѣдствіи же, еще предъ 1812 годомъ, вновь поселенъ былъ у насъ, въ видѣ опыта, баталіонъ елецкаго пѣхотнаго полка, но уже въ Могилевской губерніи, въ Мстиславскомъ уѣздѣ.

По какой причинѣ избрана для сего Бѣлоруссія, страна бѣдная во всемъ,—мнѣ неизвѣстно. Знаю только, что при всѣхъ иждивеніяхъ правительства, при всѣхъ усиліяхъ поселеннаго начальства завести тамъ хлѣбопашество, расчистить и удобрить для этого поля, завести скотоводство, это не удавалось. Знаю также и то, что военные въ Бѣлоруссіи поселяне всегда нуждались въ пропитаніи и не могли бы даже существовать безъ казенной помощи, между тѣмъ какъ дома для нихъ и необходимыя для управленій помѣщенія дорого стоили, не говоря уже о напрасныхъ издержкахъ, происходившихъ отъ перемѣнъ въ распоряженіяхъ.

Почти во всей Бѣлоруссіи тощая, песчаная почва земли покрыта камнями. Чтобы очистить отъ нихъ пашни для военныхъ поселянъ, приказано было собирать и отвозить камни въ довольно отдаленныя мѣста; — дѣлалось это наймомъ. Въ послѣдствіи, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ предполагалось развить хлѣбопашество, вздумалось выстроить всѣ штабныя строенія. Для фундаментовъ потребовались камни; а какъ они были свезены, какъ выше сказано, то опять нанимались и люди, и подводы,—перевозить ихъ на прежнее мѣсто.

Такія и подобныя симъ перевозки и переноски строеній обходились дорого; за всѣмъ тѣмъ, однакожъ, главный надъ военными посе-

леніями начальникъ графъ Аракчеевъ, въ годовыхъ отчетахъ, объявляемыхъ печатными приказами, всегда хвалился сбереженіемъ казны и дѣлаемою имъ экономіею противу смѣтъ, имъ же самимъ утверждаемыхъ.

О такого рода сбереженіяхъ, или капиталахъ я скажу ниже; теперь же, чтобы не прерывать предпринятаго мною разсказа о кавалерійскихъ поселеніяхъ въ Новороссійскомъ краѣ, коснусь только вопроса о поселеніяхъ вообще.

Нашествіе французовъ разрушило поселеніе елецкаго баталіона.

Послѣ Вѣнскаго конгресса 1815 года, Государь снова обратился къ рѣшительной дѣятельности по водворенію войскъ на постоянныхъ жилищахъ въ опредѣленныхъ для сего округахъ.

Говорятъ, что бывшій наставникомъ его, извѣстный Лагарпъ, первый подалъ ему идею столь обширнаго и благодѣтельнаго во многихъ видахъ предпріятія. Миръ Европы дозволилъ начать, или, лучше сказать, продолжать оное.

Выполненіе задуманнаго плана поручено было всесильному довѣріемъ Государя, крутому дикою волею, неутомимому графу Аракчееву, и поселеніе въ Новгородской губерніи началось пѣхотнымъ полкомъ его имени.

У меня есть печатная тетрадка, на заглавномъ листѣ коей вытиснено: „Положеніе о поселеніи одного пѣхотнаго баталіона.—*Здѣлано въ селѣ Грузинѣ,—на рѣкѣ Волховѣ*". Тетрадка эта начинается знакомъ параграфа съ № 1-мъ тако:

§ 1-й. „Военный поселянинъ есть хозяинъ дома и земли; а дабы отличить прилежнаго отъ нерадиваго, послѣдній, по удостовѣренію главнаго надъ военными поселеніями начальника, лишается всей нажитой имъ собственности и ссылается въ Сибирь на поселеніе".

Это написано самимъ графомъ Аракчеевымъ: изъ сего можно заключить какъ о степени образованія его, такъ и о мѣрахъ, какія онъ принималъ по данной ему неограниченной власти.

Дѣянія графа Аракчеева описаны мною особо, при чемъ приложены какъ упоминаемая здѣсь тетрадка, такъ и другіе факты, а сверхъ того весьма любопытный литературный журналъ, издававшійся при Новгородскомъ военномъ поселеніи, подъ непосредственнымъ вліяніемъ графа Аракчеева.

Журналъ этотъ по статьямъ своимъ, безграмотности писавшихъ ихъ, есть диво дивное въ современную намъ эпоху, и еслибъ онъ не былъ печатный, подобно тетрадкѣ, сдѣланной въ селѣ Грузинѣ, на рѣкѣ Волховѣ, то конечно никто бы не повѣрилъ существованію его.

Приступимъ теперь къ предмету, который я намѣренъ представить въ краткихъ очеркахъ.

Военное поселеніе въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ началось двумя уланскими дивизіями, украинскою и бугскою, состоявшими подъ командою генералъ-лейтенанта графа Витта, и тотчасъ поступило подъ главное начальство графа Аракчеева.

Полки украинской дивизіи были до того козачьими, сформированными по проэкту графа Витта на Украйнѣ въ войну 1812 года.

Въ составъ полковъ бугской дивизіи поступило по три эскадрона изъ этихъ украинскихъ полковъ, другая же половина пополнена бугскими козаками, издавна обитающими по рѣкѣ Бугу, кои имѣли своего войскового атамана, и правленіе, подобное установленному въ донскомъ войскѣ.

Въ украинскіе полки также поступила для приведенія ихъ въ комплектное состояніе часть бугскихъ козаковъ, жившихъ на границѣ кіевской губерніи, въ Чернолѣсьѣ, по рѣкамъ Тясмину и Синюхѣ, и жители поселенныхъ прежде бывшихъ гусарскихъ полковъ, нерегулярныхъ, обращенныхъ потомъ въ регулярные.

Бугскіе козаки, служившіе въ войны турецкую и французскую и привыкшіе къ вольной козацкой жизни, бунтовались при переименованіи ихъ въ уланы; не были довольны тѣмъ и свободные поселяне, помнившіе свое гусарство.

Надобно было укротить неповиновеніе доказывающихъ древнія права свои и привиллегіи, выслуженныя ими на войнахъ, для чего необходимы были строгія мѣры, коими укрощено, наконецъ, буйство этой вольницы. Такія мѣры всегда бываютъ неразлучны съ примѣрными наказаніями виновныхъ.

Признаваемыхъ зачинщиками неповиновенія гоняли сквозь строй; многіе, въ томъ числѣ штабъ и оберъ-офицеры бывшаго бугскаго войска, сосланы въ Сибирь, что хотя прекратило сопротивленіе явное, но не могло расположить умы въ пользу военныхъ поселеній. Смуты, страхъ, недовѣрчивость изображались на физіономіяхъ мрачныхъ, проклинавшихъ въ тайнѣ уланщину.

Новое поселеніе раздѣлялось на округи полковъ, коимъ даны были Высочайшія грамоты, заключающія въ себѣ благодѣтельную мысль Государя: что округу военныхъ поселянъ даются земли, имъ занимаемыя, со всѣми угодіями; что жители округа не будутъ платить никакихъ государственныхъ податей, а только содержать будутъ водворяемый въ ономъ полкъ, который укомплектовываться будетъ впредь изъ жителей округа, и со временемъ въ составъ его войдутъ сыны и внуки поселянъ, настоящихъ хозяевъ; слѣдовательно, состоящіе на службѣ не будутъ разлучаться съ семействами своими, среди коихъ пріобрѣтутъ успокоеніе и призрѣніе въ старости.

Эти простыя основанія военныхъ поселеній требовали благора-

зумнаго развитія ихъ; требовали отъ мѣстнаго начальства самоотверженія, постоянныхъ трудовъ, добра нравственнаго, совѣстливой отчетливости въ дѣйствіяхъ и твердой воли на пути, ведущемъ къ прямой цѣли; начальникъ долженъ былъ подавать собою примѣръ подчиненнымъ, начинавшимъ новое для каждаго изъ нихъ дѣло.

У насъ едва ли не всё зависитъ отъ командира; честность и благодушіе его разливаются на помощниковъ и нисходятъ до вахмистра поселеннаго эскадрона.

Въ исполненіи службы военной необходимы строгій порядокъ, дисциплина и точность; въ исполненіи же семейныхъ и хозяйственныхъ обязанностей сверхъ того нужна еще и снисходительность управляющаго поселянами, хотя они и называются военными. Хозяйство не фронтъ. Послѣдній имѣетъ на все установленныя правила, а первое можно подчинить имъ только приблизительно.

Хлѣбопашецъ пріобрѣтаетъ нужныя ему свѣдѣнія изъ преданій, изъ собственныхъ опытовъ, коихъ строевые офицеры, вышедшіе съ полками на поселеніе, имѣть не могли, равно какъ не имѣло ихъ и высшее начальство; слѣдовательно, все относящееся къ хозяйству шло на обумъ. Поелику же наружный порядокъ и устройство гораздо легче, нежели внутреннее распоряженіе, то и начали рыть каналы, проводить дороги, дѣлать мостики, красить ворота, устраивать по одному образцу плуги, воловую упряжь, бороны и проч.

Работы эти производились военными поселянами—хозяевами, кои отрывались отъ хлѣбопашества, теряли охоту къ домоводству, ожидали безпрестанныхъ перемѣнъ и не были увѣрены въ своей собственности.

Выгоды военнаго поселенія кавалеріи весьма просты. Положимъ, какъ это и предполагалось, что полковой округъ военнаго поселенія заключалъ въ себѣ 7,000 душъ мужескаго пола. Казенныя подати, по 10 руб. съ души, составляютъ 70,000 руб., продовольствіе людей и лошадей въ полку, по сложнымъ справочнымъ цѣнамъ, стоитъ казнѣ 160,000 р.; а какъ округъ продовольствуетъ полкъ, то, по простому разсчету, казна имѣетъ выгоды 90,000 р. въ годъ отъ округа.

Въ послѣдствіи времени признано нужнымъ имѣть въ округѣ 10,000 мужескаго пола, дабы онъ могъ снабжать полкъ и людьми для укомплектовыванія его. И тутъ казна имѣетъ выгоды 60,000 р. отъ округа, не говоря о другихъ оброчныхъ статьяхъ, напримѣръ, о рыбныхъ ловляхъ, перевозахъ, мельницахъ и проч. Дѣло, кажется, ясное; но вышло иначе.

Тотчасъ по вводѣ полковъ въ округи предписано было составить изъ осѣдлыхъ поселянъ три поселенныхъ эскадрона, въ кои поступили хозяева, три резервныхъ эскадрона изъ помощниковъ ихъ, и устроить кантонистскіе эскадроны изъ мальчиковъ отъ 10-ти до 18-ти лѣтъ.

Всѣхъ этихъ людей приказано обмундировать и вооружить, что повело къ издержкамъ. Сверхъ того предписано было устроить полковые штабы и комитеты, манежи, цейхгаузы и тому подобныя строенія; это усугубило иждивеніе, конечно, далеко превышающее сбереженіе отъ продовольствія полковъ. Нужны ли были такія постройки или нѣтъ, тутъ дѣло условное; но обмундировывать и вооружать цѣлую популяцію—кажется, нужды не было, въ чемъ черезъ 10 лѣтъ само правительство удостовѣрилось. Между тѣмъ сколько горя, сколько палокъ перенесли бѣдные люди. на коихъ натянули узкіе мундиры и, давъ имъ сабли, пики и пистолеты, учили стойкѣ, маршированію и способу употреблять оружіе, могшее обратиться въ послѣдствіи и для собственной ихъ защиты.

Впрочемъ люди привыкаютъ ко всему; самыя невыгоды усвоиваются до того, что, какъ говорятъ старо-служивые, когда у гусаръ отмѣняли длинные, по большей части прививаемые на вискахъ локоны, они обрѣзывали ихъ со слезами. Такъ было, если вѣрить разсказамъ, и съ пудрою; подобное тому я самъ видѣлъ и въ военномъ поселеніи.

Послѣ отмѣны обмундированія и вооруженія, объѣзжая округи, я перемѣнялъ лошадей въ с. Ровномъ. Селеніе это имѣетъ болѣе 2,000 душъ; оно состоитъ въ округѣ бывшаго 1-го украинскаго уланскаго полка. Пока закладывали мнѣ лошадей близь эскадроннаго комитета, собралось туда много поселянъ-хозяевъ; я распрашивалъ ихъ съ обыкновеннымъ моимъ участіемъ о хозяйствѣ, объ урожаяхъ; спрашивалъ, довольны ли они своимъ положеніемъ, нѣтъ ли жалобъ, просьбъ, и всѣ они единогласно просили меня объ одной милости: оставить молодымъ парнямъ мундиры, ибо въ мужицкомъ де платьи и потанцовать какъ-то не ловко, да и дѣвки не такъ любятъ.

Я сказалъ выше, что все зависитъ отъ начальника. Если бы графъ Виттъ, введя полки въ свои округи и нашедши изобиліе во всемъ, пріобрѣтенное въ привольной ихъ жизни, устремилъ вниманіе на часть хозяйственную, то она пошла бы самымъ удовлетворительнѣйшимъ образомъ. Но поселеніе казалось ему забавою, наружное устройство—дѣломъ.

Напримѣръ: велѣно было бѣлить не только избы, обмываемыя безпрестанно дождемъ, но даже заборы и хлѣвы; велѣно было, чтобы по сигнальной трубѣ каждый хозяинъ, его помощникъ и кантонисты— становились во фронтъ передъ своими домами при проѣздѣ начальника.

Предписано было устроить полковыя и эскадронныя школы для обученія кантонистовъ, то есть обучать всѣхъ мальчиковъ безъ изъятія: читать, писать, ариѳметическимъ правиламъ и вытверживать съ ними на память такое множество пунктовъ, относящихся къ субординаціи, включая въ то число всѣ Суворовскія поговорки, что дѣти были совершенно отрываемы отъ хозяйства, ни въ чемъ не помогали родителямъ, отвыкали отъ самыхъ необходимыхъ трудовъ хлѣбопашества.

Наконецъ, заведены были женскія школы. Дѣвчонокъ одѣли въ круглыя платья полковаго цвѣта, и военныя дамы сдѣлались директрисами этихъ институтовъ. Матери плакали, посылая дѣвокъ въ школу; и было чего, ибо кончившая ученіе приносила въ домъ не помощь, а развратъ и непослушаніе власти родительской.

Полковые командиры изъ угожденія высшему начальству выдумывали разныя продѣлки съ кантонистами. Учили ихъ карусельной ѣздѣ, на маленькихъ лошадяхъ, для сего именно покупаемыхъ; а бригадный генералъ, управлявшій потомъ округами кирасирскихъ полковъ, Степанъ Семеновичъ Храповицкій простеръ угожденіе себѣ и туманеніе начальства до такой степени, что его кантонистская школа въ Елисаветградѣ знала не только всѣ стихотворенія, а особенно басни, написанныя нашими писателями, но могла состязаться съ любымъ кадетскимъ корпусомъ въ свѣдѣніяхъ математическихъ, кои самому Храповицкому извѣстны были только какъ номенклатура наукъ, о которыхъ онъ читалъ въ журналахъ.

Графъ Виттъ восхищался всѣмъ этимъ. Храповицкій, въ видѣ нечесаннаго сибарита, въ халатѣ и порткахъ, встрѣчалъ его кантонистскою поэзіею, и не вылазя изъ костюма, представлявшаго лѣнь, олицетворенную въ немъ, получалъ награды за отличіе по службѣ. Правда, иногда надѣвалъ онъ предъ графомъ Виттомъ мундирный сюртукъ, когда сей послѣдній пріѣзжалъ къ нему съ Собанскою; но предъ фронтомъ я никогда его не видывалъ.

Графъ Виттъ производилъ самъ баталіонныя ученія кантонистамъ, подкоманднымъ Храповицкому, коими командовали тѣ же кантонисты. Прошу же заставить послѣ того 14-лѣтняго баталіоннаго командира работать въ полѣ, а математика пасти скотъ!

Въ 1827 году мнѣ случилось ѣхать въ Одессу. Физіономія везшаго меня на одной станціи поселянина показалась мнѣ весьма знакомою. Спрашиваю: кто онъ? И получаю въ отвѣтъ, что онъ прозваніемъ Баланъ, учившій алгебрѣ въ школѣ Храповицкаго, и что теперь, не разумѣя хозяйства, принужденъ наняться на почтовой станціи за ямщика. Изъ пріемовъ его тотчасъ можно было замѣтить, что онъ взялся не за свое дѣло, ибо на 4-ой верстѣ отъ станціи, вѣрно укладывая въ умѣ Невтонову формулу, опрокинулъ меня въ буеракъ.

Въ мысли, что полки должны и ремонтироваться лошадьми изъ конскихъ заводовъ, заведенныхъ и содержащихся во всякомъ округѣ, постановлено было скупить для каждаго округа 345 кобылъ матокъ и 27 жеребцовъ. Числомъ этимъ опредѣлялся полковой лошадиный заводъ. 115 молодыхъ лошадей изъ ежегоднаго приплода должны были поступать въ полковой ремонтъ; остальной же затѣмъ приплодъ долженъ

былъ обращаться въ матки, или въ продажу, за излишествомъ отъ укомплектованія полка и завода.

За дѣло это принялись съ жаромъ. Казна денегъ не жалѣла. Болѣе 1,000 кобылъ, называемыхъ матками, куплено было въ одно лѣто, равно болѣе 100 жеребцовъ.

Всякій вообразитъ себѣ, можно ли было скупить вдругъ такое число кобылъ, годныхъ для приплода. Жеребцовъ купили преимущественно на заводѣ графини Орловой. Покупали ихъ также въ Англіи и Даніи, и думали, что заводы въ первый годъ покажутъ результатъ самый удовлетворительнѣйшій, ибо Херсонскія степи, удобныя строенія для зимовли заводовъ, изобиліе сѣна и овса, представляли всѣ удобства въ исполненіи этого плана. При томъ же напечатана была инструкція дивизіоннымъ и полковымъ комитетамъ, какихъ жеребцовъ и матокъ они принимать должны отъ поставлявшихъ ихъ по формальнымъ контрактамъ. Въ инструкціи этой опредѣлялась и отвѣтственность, какъ за годность заводскихъ лошадей, такъ и за число приплода, установленное въ оной.

Коннозаводство вообще трудно и въ маломъ размѣрѣ. Степной помѣщикъ, охотникъ къ лошадямъ, знатокъ и рачительный хозяинъ, не щадя ничего ни на жеребцовъ, ни на пріобрѣтеніе породистыхъ матокъ, едва и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ доводитъ конный заводъ до того, что ремонтъ свой продаетъ ежегодно кавалерійскимъ ремонтерамъ для гвардіи и арміи, цѣною отъ 250 до 500 руб. ассигн. Комплектъ такихъ заводовъ рѣдко бываетъ выше 50 матокъ. Какимъ же образомъ можно требовать всѣхъ этихъ условій отъ полковаго командира, или отъ комитетовъ, дивизіоннаго, бригадныхъ и полковыхъ, когда между членами ихъ никто не бывалъ заводчикомъ и когда заводъ, ввѣряемый полковому командиру, состоитъ изъ 345 кобылъ, купленныхъ какъ случилось? Но, вмѣстѣ съ укомплектованіемъ заводовъ военнаго поселенія, на другой годъ потребовался и сообразный съ видами приплодъ. Въ случаѣ же неудовлетворительности онаго, полковой командиръ и свидѣтельствовавшіе приведенныхъ кобылъ и жеребцовъ, постановленіемъ графа Аракчеева, подвергались отвѣтственности.

Хотя въ отвращеніе сего полковые командиры, видя недостающее число жеребятъ, и покупали для комплекта мужичьихъ жеребенковъ, рублей по 15, за всѣмъ тѣмъ однакожъ, по истеченіи 4-хъ лѣтъ, когда пришлось пополнять своими ремонтами строевыхъ лошадей въ полкахъ, число лошадей своихъ заводовъ оказалось недостаточнымъ, не говоря уже о томъ, что купленные мужичіе жеребята не выросли выше одного аршина 14 вершковъ.

Тутъ пошла разборка, а какъ притомъ полки у насъ сформированы по шерстямъ лошадей, то нужно было, чтобы отъ гнѣдыхъ ко-

былъ непремѣнно родились гнѣдыя лошади, отъ сѣрыхъ сѣрыя, и такъ далѣе. Этого не случалось. Начали передавать изъ полка въ полкъ ремонты по шерстямъ. Полковые командиры лошадей другъ отъ друга не принимали. Начались изслѣдованія, медіаторства, повѣрки; но все было напрасно. Полки лошадьми своихъ заводовъ не укомплектовывались; графъ же Аракчеевъ, предвидѣвшій уже вину въ подобныхъ случаяхъ, предписалъ остановить выдачу жалованья полковымъ командирамъ и всѣмъ членамъ комитетовъ. Мѣра эта однакожъ не пособила дѣлу, а только научила разнымъ хитростямъ.

Правда, что весьма красивъ полкъ во фронтѣ, посаженный на одношерстныхъ лошадяхъ; еще красивѣе дивизія въ массѣ, сформированная по положенію изъ полковъ на лошадяхъ гнѣдыхъ, сѣрыхъ, рыжихъ и вороныхъ; но роскошь эта возможна не въ полкахъ поселенныхъ, кои должны ремонтироваться изъ своихъ заводовъ. Тутъ надобно имѣть въ виду одну главнѣйшую выгоду, — сбереженіе казны и чтобы полки имѣли лошадей добрыхъ, хотя и не по шерстямъ, ибо нельзя ничѣмъ пособить тому, что въ заводѣ гнѣдой масти будутъ родиться разношерстные жеребята;—что̀ будетъ происходить и въ другихъ, хотя тоже одномастныхъ заводахъ.

Въ мѣстахъ, гдѣ поселены были украинская и бугская дивизія, были города и мѣстечки. Въ нихъ преимущественно расположили дивизіонные и полковые штабы. Это оживило скудную впрочемъ торговлю въ краю, недавно заселенномъ; но графу Аракчееву, видящему вещи съ своей точки зрѣнія, имѣвшему основаніемъ для воображаемаго имъ порядка второй кадетскій корпусъ, гдѣ онъ былъ офицеромъ и учителемъ, и Стрѣльную мызу, откуда началось его возвышеніе, вздумалось выгнать купечество и мѣщанство изъ городовъ и мѣстечекъ, дабы выстроить въ нихъ по плану поселянскіе домы и помѣщенія для лицъ и управленій военнаго поселенія.

Не знаю, въ чемъ мѣшали ему люди торгующіе; -изгнаніе же ихъ сопряжено было съ большими расходами, ибо казна заплатила за всѣ ихъ строенія, кои потомъ сломаны и уничтожены.

Планированіе городовъ также стоило не мало. Положено было въ дивизіонныхъ штабахъ устроить обширныя площади, и, напримѣръ, городъ Миргородъ, бывшій нѣкогда губернскимъ, дивизіонный начальникъ Трощинскій до того допланировалъ, что по пустырямъ и по огромному плацу, среди бѣлаго дня, бѣгали волки. Нивелляція плаца представляла тутъ насыпь, коей одна сторона была выше крыши дома полковаго командира.

Правда, что открылись виды необъятной пустыни, и одинъ только деревянный замокъ славнаго нѣкогда Текели, въ которомъ онъ пировалъ съ старшиною Запорожья, имъ же въ послѣдствіи уничтоженнаго,

являя опальный видъ, напоминалъ старину и тѣ времена, когда земляки Текели, словаки, сербы, болгары, молдаване и русины поселились въ обширномъ новороссійскомъ краю, изъ коихъ составились воинскіе полки гусарскіе, не требовавшіе никакихъ казенныхъ издержекъ (?!), а воевавшіе со славою въ арміяхъ нашихъ противу турокъ и татаръ. Они, какъ выше сказано, обратились потомъ въ полки регулярной кавалеріи, а жители, содержавшіе и укомплектовывавшіе ихъ, въ хлѣбопашцевъ; и теперь осталась только на память мѣстная пѣсня:

„Ой сербине, гусарине, годи сербовати;
„Озьми серпъ, иди въ степъ пшениченьку жати.

Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, извѣстный генералъ Хорватъ вывелъ изъ австрійскихъ владѣній и изъ Сербіи славянскихъ поселенцевъ и водворилъ ихъ на жительство между Кременчугомъ и Елисаветградомъ. Около Миргорода и Елисаветграда понынѣ многія селенія, гдѣ поселилась украинская уланская дивизія, называются ротами; другія же носятъ тѣ самыя названія, какія даны имъ переселившимися изъ Венгріи и Славоніи по мѣсту жительствъ своихъ на оставленной ими родинѣ; напримѣръ, вышедшіе изъ селъ Вуковаря, Федоваря, назвали и тутъ тѣми же именами мѣста, занятыя ими подъ жилища свои. Обстоятельство это наводитъ на мысль, что одинаковыя названія селъ и городовъ въ разныхъ мѣстахъ, обитаемыхъ славянскими племенами, вѣроятно, произошли отъ подобнаго рода переселеній.

Не излишнимъ считаю здѣсь также замѣтить, что и во второй еще половинѣ 18-го столѣтія крымская татарская орда жгла и грабила окрестности Елисаветграда.

Стремясь къ своего рода порядку, графъ Аракчеевъ постановилъ ограничить число корчемъ поселенія, для прекращенія, какъ думалъ онъ, пьянства. По его волѣ, винные откупщики при торгахъ въ Петербургѣ ограничивались въ условіяхъ своихъ имѣть по одному только шинку въ каждомъ селеніи военно-поселянскаго вѣдомства. Этимъ уменьшились казенные доходы, но нисколько не уменьшилось воображаемое имъ пьянство,—ибо въ херсонской губерніи существуетъ особая привиллегія на продажу путей; откупамъ подлежатъ только города и бывшія казенныя селенія; а какъ послѣднія бываютъ въ самой тѣсной смежности съ помѣщичьими деревнями, то мѣра имѣть одну только кормчу или шинокъ въ военно-поселянскихъ деревняхъ не повела ни къ чему. Помѣщики умножили во владѣніяхъ своихъ число шинковъ, и только увеличились слѣдствія и суды за корчемство военныхъ поселянъ, такъ что не было округа, въ которомъ было бы менѣе 500 человѣкъ подсудимыхъ за тайный переносъ или перевозъ горячихъ напитковъ.

Этого графу Аракчееву растолковать было невозможно; онъ мѣрялъ

все это на свой Новгородскій аршинъ, не внимая тому, что всѣ великороссійскія губерніи съ незапамятныхъ временъ подчинены монополіи и казенной продажѣ горячаго вина, тогда какъ въ южной Россіи на вольное винокуреніе и на продажу водки существуютъ особыя привиллегіи.

По водвореніи полковъ въ округахъ военныхъ поселеній оказалось невозможнымъ, чтобы каждый хозяинъ кормилъ и состоящаго на службѣ улана, и лошадь его изъ собственныхъ своихъ запасовъ. Оказались также необходимыми и запасные хлѣбные магазины. Объ этомъ начали думать, начали писать разные проэкты; но какъ ни кружились въ области невѣдѣнія, должны были обратиться къ роду барщины, то есть, установили общественные посѣвы, и чтобы каждый округъ военнаго поселенія накашивалъ полную годовую пропорцію сѣна для полка на удобнѣйшихъ сѣнокосныхъ степяхъ общимъ нарядомъ косарей и гребцовъ.

Мѣра сія и мнѣ кажется самою лучшею, но она измѣнила основаніе царской грамоты, по которой поселяне хозяева увольнялись отъ всѣхъ податей и казенныхъ работъ.

Въ нѣсколько лѣтъ дознано опытомъ, что восьмая часть хлѣбныхъ запасовъ истребляется мышами; а потому восьмою частью должно было увеличить и ежегодный сборъ ихъ, что увеличило и самыя работы. Все бы это ничего при урожаѣ, но съ 1823-го года начались неурожаи въ Новороссійскомъ краѣ; налетѣла изъ Азіи всеистребляющая саранча, и съ 1824 на 1825 годъ поселяне такъ оскудѣли въ продовольствіи себя и своего скота, что послѣдній погибалъ тысячами. Дѣлать подвозы сѣна или соломы изъ другихъ сосѣднихъ губерній было невозможно, ибо въ степныхъ мѣстахъ въ сухія лѣта степи выгораютъ до того, что на нихъ нельзя пасти скота, какъ невозможно и возить сѣна. ибо покамѣсть его довезешь за 200 верстъ, то употребленные для перевозки волы съѣдятъ все везомое ими.

Въ такомъ бѣдственномъ положеніи весь оставшійся поселянскій скотъ и овцы начальство принуждено было перегнать въ Кіевскую и Подольскую губерніи. Половина скота отошла за кормъ; сверхъ того казна понесла весьма значительныя издержки на продовольствіе людей, и черезъ такое бѣдствіе поселяне обѣднѣли.

Долго графъ Аракчеевъ называлъ саранчу кониками; долго упорствовалъ вь томъ, что она съѣстъ нѣсколько травинокъ, а пишутъ, что все истребила. Наконецъ, лично удостовѣрился, что эти коники пожрали даже солдатскія шинели одного егерскаго баталіона, наряженнаго для истребленія ихъ.

Не взирая на столь неблагопріятныя обстоятельства, Государь настаивалъ, чтобы и третью кирасирскую дивизію ввести въ опредѣленные для нея округа. Здѣсь я однакожъ долженъ сказать, что, будучи

въ селѣ Грузинѣ съ отчетами у графа Аракчеева, я самъ слышалъ отъ него, что по проэктамъ графа Витта Государь торопиться изволитъ поселять тяжелую кавалерію; что онъ (графъ Аракчеевъ) всегда противился этому и что ему кажется,—надобно бы прежде осмотрѣться, сдѣлать огромные запасы фуража и тогда уже, пожалуй, пусть себѣ селитъ кирасировъ графъ Виттъ. „Я только слѣпой исполнитель монаршей воли," говорилъ графъ Аракчеевъ, „но скажу по совѣсти, что всякое дѣло требуетъ опытовъ въ малыхъ размѣрахъ; впрочемъ по мнѣ хоть волкъ траву ѣжь, лишь бы мое Новгородское поселеніе шло хорошо". Тутъ оказывается уже явное недоброхотство его къ графу Витту, что̀ подтверждается и самыми дѣйствіями.

Въ началѣ 1824 года графъ Аракчеевъ предварилъ графа Витта, что осенью 1825 года, согласно съ представленіемъ сего послѣдняго, онъ долженъ ввести непремѣнно кирасировъ въ свои округа, не взирая на то, что запасы хлѣба и сѣна были весьма скудны. Другой на мѣстѣ графа Витта представилъ бы рѣшительно о совершенной невозможности выполнить проэктъ свой, въ чемъ встрѣтились препятствія, отъ него вовсе не зависящія; но онъ, не углубляясь въ дѣло, не думая о послѣдствіяхъ, надѣясь на авось, ждалъ 1825 года съ обыкновенною своею беззаботливостію, не читалъ вовсе предварительныхъ напоминаній графа Аракчеева о приготовленіи всего къ принятію въ округа кирасирскихъ полковъ; а скакалъ изъ Одессы въ Крымъ, или въ Петербургъ, по подорожной *по Высочайшему повелѣнію изъ курьерскихъ*, которую не показывалъ на Петербургской заставѣ, замѣняя ее другою, въ коей не было уже Высочайшаго повелѣнія, имъ самымъ присвоеннаго, и проѣздомъ черезъ кирасирскіе округа любовался возводимыми въ оныхъ генераломъ Храповицкимъ, не безъ пользы для себя, строеніями. О графѣ Виттѣ можно сказать, что онъ проводилъ жизнь въ коляскѣ, со счастіемъ, сопутствующимъ вездѣ легкія головы.

Съ 1824 года на 1825 сдѣланы были между тѣмъ въ Херсонскомъ военномъ поселеніи вообще огромные посѣвы озимаго хлѣба. Самая благопріятная весна позволила сдѣлать такіе же посѣвы овса; травы росли, какихъ и старожилы не запомнятъ; лѣто было самое прекрасное, и къ осени 1825 года, ко времени предназначеннаго вступленія кирасирскихъ полковъ въ свои округа, въ послѣднихъ собраны были такіе запасы фуража и хлѣба, для какихъ нужны были бы въ другихъ мѣстахъ нѣсколько-лѣтніе урожаи.

Въ Новороссійскомъ краѣ всегда бываетъ такъ: если неурожай, то по неимѣнію запасовъ голодъ и безкормица для скота вдругъ нагрянутъ на безпечныхъ жителей, изобиліе же всего въ годы урожайные превосходитъ всякое вѣроятіе. Напримѣръ, въ 1825 году въ нѣкоторыхъ округахъ кирасирскихъ овесъ выдалъ 20-ое зерно, а скирда сѣна въ 1,000 пудовъ накашивалась на 8-ми десятинахъ.

Графъ Аракчеевъ, судя по Новгородской губерніи, не вѣрилъ сдѣланнымъ въ одинъ годъ запасамъ для кирасиръ, какъ прежде не вѣрилъ саранчѣ, но далъ между тѣмъ повелѣніе 3-й кирасирской дивизіи идти въ свое поселеніе. Этимъ хотѣлъ уничтожить графа Витта. Когда же кирасирскіе полки вступили въ свои округа, предписалъ дивизіонному, бригаднымъ и полковымъ командирамъ принять запасы фуража и донести прямо себѣ, будетъ ли ихъ достаточно на два года, подъ строгою отвѣтственностію за всякую неаккуратность въ донесеніи. Сверхъ того прислалъ чиновниковъ и архитекторовъ освидѣтельствовать запасы и постройки и обо всемъ также донести ему лично.

Все это и всѣми было выполнено. Графныя вѣдомости о хлѣбѣ и сѣнѣ, равно свидѣтельство о постройкахъ, поразили ожидавшаго совсѣмъ другихъ донесеній, всесильнаго, злого временщика.

Графъ Виттъ торжествовалъ, не участвовавши во всемъ этомъ ничѣмъ, кромѣ счастія; и Государь Императоръ изъявилъ обоимъ имъ особенную свою признательность.

Нужнымъ считаю вспомнить здѣсь мимоходомъ о катастрофѣ при объявленіи въ 1821-мъ году Высочайшихъ грамотъ въ округахъ, назначенныхъ для поселенія кирасиръ.

Многія селенія этихъ округовъ заключали въ себѣ старообрядцевъ, вышедшихъ изъ Великороссіи ради преслѣдованія раскола ихъ. Въ послѣдствіи они несли козачью службу, подъ именемъ Новодонцевъ.

Вмѣстѣ съ паденіемъ Крыма и распространеніемъ границы нашей въ турецкихъ владѣніяхъ, бывшее прежде пограничнымъ разнаго наименованія войско содѣлалось ненужнымъ и обращено, какъ сказано мною выше, въ поселянъ хлѣбопашцевъ.

Помянутыя старообрядческія селенія, узнавши, что ихъ дѣлаютъ кирасирами, просили оставить имъ прежнее наименованіе Новодонцевъ и одѣть пожалуй хоть по кирасирски. Графъ Аракчеевъ, не внимая просьбамъ ихъ, предписалъ объявить поселеніямъ Высочайшія грамоты и привести ихъ къ присягѣ. Раскольники возопили противу сего, не принимали грамотъ и противились всему съ дикимъ изступленіемъ. Объ этомъ донесено было графу Аракчееву, равномѣрно какъ и о томъ, что названіе людей этихъ Новодонцами отвратитъ бунтъ. Съ мѣсяцъ ожидался отвѣтъ его, какъ между тѣмъ раскольники снеслись съ единовѣрцами своими, поселившимися въ Черниговской губерніи, въ Бѣлоруссіи, въ Литвѣ и даже въ Пруссіи. Съ разныхъ мѣстъ прибывали къ нимъ на почтовыхъ ихъ апостолы, кои еще болѣе утвердили между ними рѣшительное неповиновеніе. Наконецъ, полученъ отвѣтъ графа Аракчеева, коимъ предписывалось употребить всѣ мѣры къ понужденію раскольниковъ повиноваться Высочайшей волѣ.

Во исполненіе сего въ главнѣйшемъ селеніи ихъ, *Зыбкой*, собрано

было 6 пѣхотныхъ баталіоновъ, дабы устрашить неповинующихся; но это не произвело на нихъ никакого вліянія; они не внимали ни угрозамъ, ни увѣщаніямъ. Бѣглые и укрываемые ими попы ихъ, по большей части разстриги, напрасно были употреблены начальствомъ для вразумленія фанатиковъ.

Надобно было, наконецъ, приступить къ мѣрамъ дѣйствительнѣйшимъ. Въ половинѣ января мѣсяца 1822 года, по длинной улицѣ селенія Зыбкой выстроили въ двѣ шеренги пѣхотные баталіоны, приготовленные къ экзекуціи надъ неповинующимися поселянами. Послѣдніе собраны были за шеренгами солдатъ; ихъ уговаривали повиноваться. Одинъ баталіонный командиръ вошелъ въ толпу ихъ и когда началъ говорить, старикъ съ четками, прибывшій въ Зыбкую въ видѣ апостола изъ Черниговской губерніи, ударилъ его палкою по головѣ такъ, что штабъ-офицера этого вынесли изъ толпы замертво.

Пробовалъ говорить къ нимъ издалека и генералъ-маіоръ Храповицкій, начальствовавшій экзекуціею, но слышны были только крики: „не пріймемъ, не пріймемъ грамоты".

Послѣ сего объявлено было бунтующимъ, что кто изъ нихъ не хочетъ повиноваться,пусть идетъ сквозь строй. Вдругъ всѣ почти начали раздѣваться и кидались въ шеренги; палочные удары сыпались, многіе не могли уже ходить, нѣкоторые, стиснувъ зубами мѣдный крестъ свой, съ дикимъ самоотверженіемъ переносили удары и отъ изнеможенія падали почти мертвыми. Смотрѣвшія на это бабы кричали смѣло идущимъ сквозь строй: „иди родимый! будешь святымъ мученикомъ". Когда уже человѣкъ 9 умерло въ шеренгахъ, начало смеркаться; у меня душа замерла отъ ужаса; я бросился въ толпу, сталъ на колѣни въ грязи и умолялъ безумныхъ о повиновеніи. Не помню, что говорилъ я, но меня никто пальцемъ не тронулъ; помню только, что вошедшіе за мною штабъ и оберъ-офицеры ставили насильно колеблющихся направо и такимъ образомъ успѣли спасти готовыхъ уже погибнуть.

Ночь прекратила экзекуцію. Болѣе 200 человѣкамъ избитымъ пустили кровь; зачинщикамъ, кои прежде взяты были подъ арестъ, обрили бороды, что исполнили и надъ другими, болѣе кричавшими. Ночью начали приходить нѣкоторые къ генералу Храповицкому съ повинными головами, поутру же всѣ выполнили присягу, и везшіе насъ въ Кременчугъ пѣли пѣсни, какъ будто ничего не было. Таковъ народъ русскій!

Малороссійскія селенія присягали со смиреніемъ и покорностію. Катастрофа эта останется навсегда въ моей памяти.

Съ этихъ поръ округа военнаго поселенія кирасиръ приготовлялись принять свои полки. Запасовъ, какъ выше сказано, было до избытка, конскіе заводы учредились, какъ и въ уланскихъ округахъ.

Мнѣ кажется, что не стоило гонять людей сквозь строй за то, что они хотѣли имѣть прежнее названіе Новодонцевъ, и что носившіе бороды, не поступавшіе ни въ эскадроны хозяевъ, ни въ резервные, просили о сохраненіи имъ бородъ, въ коихъ они видѣли что-то религіозное.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что когда въ послѣдствіи поручено мнѣ было объѣхать мѣста, лежащія по рѣкѣ Орели, въ Полтавской губерніи, гдѣ предполагалось также военное поселеніе, и представить мнѣніе мое по сему предмету, я написалъ между прочимъ, подъ вліяніемъ Зыбковской катастрофы, что хотя и можно было бы поселить по Орели пѣхоту, ибо для кавалеріи тамъ нѣтъ никакихъ удобствъ, но, во избѣжаніе бунтовъ и смутъ, нужно бы дать поселяемымъ тамъ полкамъ названіе пѣшихъ малороссійскихъ стрѣлковъ, въ воспоминаніе носившихъ такое наименованіе стрѣлковъ, сформированныхъ въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II-ой въ Кіевской губерніи генералъ-порутчикомъ Андреемъ Яковлевичемъ Леванидовымъ. Въ полки эти, какъ говорятъ, малороссіяне поступали охотно, и съ плачемъ оставляли службу, когда расформировали ихъ по восшествіи на престолъ императора Павла. Народныя названія, народныя повѣрья въ подобныхъ случаяхъ имѣли магическую силу и вліяніе на людей всѣхъ временъ, всѣхъ народовъ, не испорченныхъ космополитизмомъ.

Въ первые годы поселенія кирасиръ, когда начали укомплектовывать полки людьми изъ своихъ округовъ, оказалось, что ростъ кирасира не производится по заказу; что въ округахъ не было столько молодыхъ людей семи-вершковыхъ, коими можно было бы укомплектовывать кирасиръ, равномѣрно, какъ произошло это и съ конскими заводами, въ коихъ отъ огромныхъ жеребцовъ и большихъ матокъ родилось болѣе третьей части недомѣрковъ. Одни эти два предмета служили уже очевиднымъ доказательствомъ необдуманности въ предпріятіи селить тяжелую кавалерію, когда и уланскія поселенія относительно ремонтированія полковъ изъ своихъ заводовъ, при соблюденіи одношерстности въ лошадяхъ, потребовали измѣненій въ порядкѣ таковаго ремонтированія.

Въ прежнее время не только въ иррегулярной кавалеріи, но и въ регулярной не было полковъ одномастныхъ; слѣдовательно, и ремонтированіе, изъ своихъ-ли заводовъ или покупкою, не представляло настоящихъ неудобствъ и затрудненій. Притомъ же поселенные полки были подобны козацкимъ; служили въ нихъ люди всякаго росту, какія гдѣ родились, лишь бы только были здороваго тѣлосложенія; поэтому затѣянныя вновь военныя поселенія были фантастическими, непрочными въ первоначальныхъ своихъ основаніяхъ, отъ чего по истеченіи 10 лѣтъ все въ нихъ такъ измѣнилось, что не осталось и тѣни первоначальныхъ предположеній.

Они однакожъ въ Новороссійскомъ краѣ принесли ту пользу, что открыли почти третью часть народонаселенія, не записанную въ ревизскія сказки, слѣдовательно, и не платившую никакихъ податей; что бродяжество уничтожилось и что по перемѣреніи земель оказалось во всѣхъ военно-поселянскихъ усадьбахъ едва по десяти десятинъ земли на мужескую ревизскую душу, когда до того считалось земли далеко болѣе нужной пропорціи. Напримѣръ, въ осадѣ Петриковкѣ, нынѣшней Новой Прагѣ, съ окрестными деревнями, при объявленіи оной штабомъ малороссійскаго кирасирскаго полка, показано было гражданскимъ вѣдомствомъ только 2,000 душъ мужескаго пола и слишкомъ 20,000 десятинъ земли, а вышло мужескаго пола болѣе 4,000 душъ, земли же менѣе 20,000 десятинъ.

Какъ-бы то ни было, все-же поселеніе на югѣ въ степныхъ мѣстахъ было похоже на дѣло, ибо изобиліе хлѣба, а тѣмъ болѣе сѣна, коего сбытъ невозможенъ, представляло возможность кормить людей и лошадей въ поселяемыхъ полкахъ, но въ Новгородскомъ и Могилевскомъ поселеніяхъ даже и прокормить людей было нечѣмъ. При томъ же поселенные тамъ пѣхотные полки заключали въ себѣ людей поступившихъ въ рекруты изъ разныхъ губерній; многіе изъ нихъ обращены потомъ въ хозяевъ, оставленныя нѣкоторыми на мѣстахъ родины жены были выписаны къ мужьямъ своимъ, и уроженцы Полтавской, Херсонской и Екатеринославской губерній сдѣлались хлѣбопашцами на Новгородскихъ тундрахъ и болотахъ.

Есть ли тутъ какое нибудь соображеніе и можно ли требовать отъ оравшаго плугомъ въ восемь воловъ жирную, тучную землю, чтобы онъ вдругъ научился или привыкъ орать одноконною сошкою и удабривать землю навозомъ, безъ котораго сѣверная, песчаная почва совсѣмъ не родитъ?

По восшествіи на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора Николая Павловича сперва отмѣнили обмундированіе и вооруженіе военныхъ поселянъ; потомъ полки начали укомплектовываться рекрутами изъ разныхъ губерній обширной Россіи; потомъ полковые ремонты начали покупаться, а, наконецъ, округа военныхъ поселеній совершенно отдѣлились отъ полковъ своихъ. Поселяне сдѣлались по прежнему простыми хлѣбопашцами и кормили только постояльцевъ— приходящіе на квартиры въ округа полки армейской кавалеріи.

Съ симъ раздѣлилось также и начальствованіе, то есть полковой командиръ не управляетъ уже вмѣстѣ и округомъ, какъ было сперва; дивизіонный и бригадные начальники не вмѣшиваются въ хозяйственное распоряженіе по поселеніямъ, которыя управляются особыми властями, и стали зависѣть только отъ корпуснаго командира.

Такія и въ столь короткое время перемѣны разительны для на-

блюдающаго ходъ дѣлъ въ эпоху, въ которую намъ жить пришлось.

Въ Австріи въ теченіе 250 лѣтъ поселенія все тѣже; у насъ они и 10 лѣтъ не удержались.

Напрасно графъ Аракчеевъ издалъ 27 книгъ законоположеній для военнаго поселенія; напрасно даны были Высочайшія грамоты, коими постановлялось водворять войско на постоянныхъ жилищахъ; напрасно были иждивенія на обмундированіе и вооруженіе всѣхъ военныхъ поселянъ безъ изъятія; все это уничтожено, и Аракчеевскія законоположенія содѣлались едва ли къ чему нибудь пригодными.

Онъ повторялъ, что первѣйшимъ условіемъ въ каждомъ дѣлѣ должно быть постоянство и сколь возможно твердыя правила. Онъ же всегда говаривалъ, что Австрія одѣла большую часть войскъ своихъ въ красные штаны, что и неудобно, и дорого; но протекли столѣтія и цвѣтъ штановъ остался все тотъ же, поелику на фабрикахъ выдѣлывается красное сукно и съ отмѣною этого фабриканты понесли бы убытки.

Послѣ сего какъ онъ смотрѣлъ на Россію, знало ли ее правительство, коего онъ былъ главнѣйшимъ двигателемъ во все почти царствованіе императора Александра? И каково было ему видѣть, сидя въ своемъ Грузинѣ, смежномъ съ ожесточенными имъ противу себя военными поселянами, что 27 томовъ пандектовъ его, кои онъ считалъ также прочными, какъ Юстиніановы, обречены были на съѣденіе молью въ архивахъ, называемыхъ имъ библіотеками! Каково было ему потомъ въ 1831 году, то есть спустя 5 лѣтъ послѣ удаленія своего отъ дѣлъ, государственныхъ по названію, бѣжать отъ ярости взбунтовавшихся тѣхъ же военныхъ поселянъ, кои, не могши далѣе сносить заведенныхъ имъ порядковъ, или лучше сказать, стѣсненій, предавали смерти имъ же установленныхъ начальниковъ! Каково было, наконецъ, видѣть себя оставленнымъ даже своими приближенными!

Впрочемъ должно сказать здѣсь нѣчто и въ похвалу его страшнаго характера, столь выдержаннаго имъ до конца жизни. Бывавшіе у него и жившіе съ нимъ въ Грузинѣ никогда не слыхали ни одного слова ни о военныхъ поселеніяхъ, ни о какихъ либо дѣлахъ, или управленіяхъ, кои отъ него нѣкогда проистекали, ни о правительствѣ, или о Петербургѣ; такъ, какъ будто бы онъ вѣчно былъ не болѣе простаго Новгородскаго помѣщика.

Не излишнимъ считаю сказать здѣсь и то, что австрійскія поселенія учреждены для сокращенія государственныхъ расходовъ, и правительство смотритъ на нихъ съ этой точки зрѣнія. У насъ была та же самая цѣль, но наши военныя поселенія и начались уже расходами. А сколько между тѣмъ писано было о сбереженіяхъ!

Тутъ я долженъ поговорить нѣсколько подробнѣе о выше ска-

занныхъ мною вскользь сбереженіяхъ и капиталахъ. Графъ Аракчеевъ считалъ ввѣренныя ему поселенія какою то какъ бы отдѣльною частью въ государствѣ; велъ разсчеты съ правительствомъ и ежегодно требовалъ отъ государственнаго контролера барона Кампенгаузена очистительной квитанціи въ правильности расходовъ и движеніи суммъ. О квитанціяхъ объявляемо было имъ въ печатныхъ приказахъ по военнымъ поселеніямъ. Трудно отгадать, кому онъ не вѣрилъ, пользуясь полнымъ довѣріемъ Государя, а еще труднѣе сказать, кого онъ желалъ обмануть, себя ли, или правительство,—слѣдующаго образа экономіею.

Выше объяснено, что военные поселяне, вмѣсто платежа казенныхъ податей, продовольствовали людей и лошадей поселенныхъ полковъ. Графъ Аракчеевъ требовалъ изъ казны за это продовольствіе ежегодно полной суммы по существовавшимъ справочнымъ цѣнамъ на провіантъ и фуражъ. Изъ этого производились имъ расходы, остаточныя же суммы зачислялись въ экономическій капиталъ военныхъ поселеній, иначе: суммы перекладывались, такъ сказать, изъ одного кармана въ другой.

Правительство, предполагавшее сдѣлать сбереженіе на продовольствіи, возложивъ оное на военныхъ поселянъ, платившихъ прежде въ годъ отъ души по 10-ти руб. податей, увидѣло не только ущербъ въ общихъ государственныхъ подушныхъ доходахъ, но еще отдѣляло и по военному министерству забираемыя графомъ Аракчеевымъ деньги на выше означенное продовольствіе поселенныхъ войскъ, на которое онъ старался возвысить цѣны, чтобы увеличить поступающіе въ распоряженіе его капиталы.

Можно ли въ подобной операціи добраться какого нибудь толку? Можно ли объяснить цѣль въ этихъ, можно сказать, частныхъ видахъ человѣка первѣйшаго въ государствѣ, по силѣ и вѣрѣ въ него Монаршей, и можно ли не расходуемыя имъ деньги назвать экономіею?

Сверхъ того онъ испросилъ Высочайшее соизволеніе, дабы еще и подати съ малороссійскихъ казаковъ, простиравшіяся въ годъ выше 7 руб. асс. на душу, обращаемы были также на военныя поселенія, изъ коихъ были также значительные остатки отъ расходовъ, что равномѣрно почиталось имъ экономіею же. Изъ такихъ и подобныхъ тому суммъ, зависѣвшихъ совершенно отъ его воли, онъ скопилъ 32 милліона, кои отданы имъ въ кредитныя установленія для приращенія процентами. Если бы онъ совсѣмъ ничего не издерживалъ, что собственно отъ него зависѣло, то означенный капиталъ могъ бы быть и вдвое большимъ. Есть ли тутъ какая либо заслуга?

Къ сему надобно еще прибавить расходъ по бюджету военнаго министерства: на обмундированіе и вооруженіе военныхъ поселянъ, на жалованье и другія довольствія генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ поселенныхъ войскъ, на ремонтированіе полковъ лошадьми, на содержа-

ніе въ округахъ госпиталей и на прочія подобныя симъ иждивенія; изъ чего выйдетъ, что вмѣсто всякихъ сбереженій военныя поселенія поглощали милліоны, коихъ произвольная часть считалась какимъ то неприкосновеннымъ экономическимъ капиталомъ, отданнымъ въ руки графу Аракчееву. Сверхъ того онъ постановилъ, дабы всѣ артельныя деньги изъ полковъ и всякаго рода командъ, равномѣрно какъ всѣ неопредѣленные доходы съ округовъ военныхъ поселеній, присылались въ штабъ его для причисленія къ суммамъ военныхъ поселеній. Какая арбитральность въ дѣйствіяхъ и даже въ распоряженіи бѣдною собственностію солдата, скопляемою лишеніемъ его и безъ того весьма скуднаго жалованья! Прежде солдатъ, прослужившій 25 лѣтъ и скопившій артельныхъ денегъ нѣсколько десятковъ рублей, выходя въ чистую отставку, имѣлъ право взять ихъ какъ свою собственность, на которую онъ или сыскивалъ себѣ пріютъ, или приносилъ вспомоществованіе въ свою семью сложенными имъ деньгами; въ военномъ же поселеніи всѣ нижніе чины, выходя изъ округа, лишались артельныхъ своихъ денегъ.

Кстати упомянуть здѣсь о госпиталяхъ по округамъ и объ издержкахъ коммиссаріатскаго департамента на больныхъ въ военныхъ поселеніяхъ, коихъ число, а слѣдовательно и расходъ, ничѣмъ не ограничивались. И такъ бугской уланской дивизіи полковые командиры нѣсколько лѣтъ сряду показывали множество больныхъ и требовали, согласно постановленію графа Аракчеева, по 50 коп. асс. на каждаго больнаго. Расходы эти сдѣлались, наконецъ, весьма значительными; объ этомъ поступили доносы, и въ 1827 году дивизіонный, бригадный и всѣ 4 полковыхъ командира преданы были военному суду. Счастье ихъ, что бывшій дивизіонный начальникъ, человѣкъ истинно честный, скопивши бережливостію въ теченіи 50-лѣтней своей службы значительный капиталъ, умеръ и что казна забрала оставшееся послѣ него имущество на пополненіе вышесказанныхъ перетребованныхъ денегъ; иначе всѣ эти генералы и полковые командиры за злоупотребленіе, указанное постановленіемъ графа Аракчеева, которое совсѣмъ не почиталось ими противозаконнымъ, были бы наказаны, какъ виновные въ растратѣ казенныхъ суммъ.

Вмѣстѣ съ чрезвычайною строгостію возникаетъ и поползновеніе ко злу. Когда я вступилъ въ управленіе штабомъ военныхъ поселеній Херсонской и Екатеринославской губерній, то нашелъ, что однихъ денегъ, долженствовавшихъ храниться въ штабѣ, недоставало до 400,000 руб. асс. Ихъ забралъ и издержалъ графъ Виттъ и частью растратилъ управлявшій штабомъ адъютантъ его маіоръ Гончаровъ. Подобныя растраты оказались и въ нѣкоторыхъ полкахъ, гдѣ порожніе казенные ящики были однакожъ подъ часами, то есть, часовые стояли у выкрашенныхъ фургоновъ.

Всѣ эти недостатки однакожъ въ мое управленіе пополнены. Я вовсе не доносилъ объ нихъ; мнѣ казалось ужаснымъ быть причиною несчастія многихъ. Но каково было мое положеніе! Одинъ Богъ знаетъ. Онъ и помогъ мнѣ привести все въ порядокъ. Я сдалъ штабъ и всѣ суммы въ три дня въ совершенной исправности; но не прошло и года, какъ заведенная мною машина по прежнему разстроилась, и послѣдствіемъ того были военные суды, коимъ во время мое, благодаря пекущемуся обо мнѣ Провидѣнію, никто не подвергся. Вотъ самая лучшая для меня награда за труды и самоотверженіе; другой же я никакой не получалъ, не желалъ и не жалѣю о томъ.

Нѣкоторые Аракчеевскіе распорядки были однако же и полезны; напримѣръ: составленіе въ поселенныхъ полкахъ офицерскаго вспомогательнаго капитала, отчетливость суммъ, подчиненная правиламъ, въ возведеніяхъ казенныхъ строеній, улучшеніе оброчныхъ статей и тѣмъ подобныя мелочи; но за симъ тотчасъ слѣдовала фискальность денежная, простертая имъ до того, что по смѣнѣ его оказалось, что, начиная съ корпуснаго командира графа Витта до поселенныхъ эскадронныхъ командировъ, почти у всѣхъ остановлены были—жалованье и столовыя деньги за разныя упущенія, часто совсѣмъ невинныя.

Въ теченіи 5-ти лѣтъ въ военномъ поселеніи Херсонской и Екатеринославской губерній никто не получалъ никакихъ награжденій, что доказывается печатными приказами по военнымъ поселеніямъ, въ коихъ графъ Аракчеевъ торжественно объявлялъ о наградахъ, полученныхъ служащими подъ его начальствомъ; касательно же Херсонскаго поселенія въ одномъ только таковомъ приказѣ 1824 г. значится, что изъ перваго бугскаго уланскаго полка корнетъ Курисъ назначенъ къ главному начальнику надъ военными поселеніями въ должность адъютанта.

Это графъ Аракчеевъ почиталъ наградою, каковой, конечно, едвали желалъ кто.

Вотъ какъ зазнаются временщики! Между тѣмъ у рѣдкихъ не были замараны кондуитные списки, ибо всякая вина была виновата, и слѣдствіямъ не было конца. Довольно упомянуть для примѣра одинъ или два случая въ этомъ родѣ.

Одинъ изъ командировъ поселенныхъ и резервныхъ въ полку эскадроновъ помѣстилъ въ двухнедѣльномъ донесеніи о происшествіяхъ, что жена дьячка изъ сосѣдняго помѣщичьяго селенія, будучи на свадьбѣ во ввѣренномъ ему округѣ, возвращаясь съ оной домой пьяная, упала съ крутаго берега въ рѣку Синюху и утонула. Графъ Аракчеевъ предписалъ: посадить означеннаго командира на 3 дня подъ арестъ на гауптвахтѣ со внесеніемъ штрафа сего въ формулярный его списокъ за то, какъ значилось въ печатномъ приказѣ, что въ округѣ опасныя мѣста не были обгорожены.

Прошу обгородить берегъ рѣки, протекающей почти по цѣлому округу!

А это какъ покажется?

Графъ Аракчеевъ, по масштабу Новгородскихъ своихъ поселеній, предписалъ производить между деревнями Херсонскаго военнаго поселенія конные патрули. На это ему представляли, что деревни, разсѣянныя въ степяхъ, лежатъ одна отъ другой часто слишкомъ въ дальнемъ разстояніи и что въ зимнее время могутъ случаться съ патрулями весьма несчастныя происшествія, а особенно во время степныхъ вьюгъ и мятелей. Отвѣта отъ него на таковое представленіе не было; между тѣмъ въ одномъ округѣ два патрульные пропали безъ вѣсти; были ли они съѣдены волками, или занесены снѣгомъ въ какой нибудь глубокой балкѣ (оврагѣ), слѣдствіемъ не открыто; но за это происшествіе онъ предписалъ арестовать полковаго, дивизіоннаго и эскадроннаго командировъ, также со внесеніемъ штрафа въ формуляры ихъ. Такая ни съ чѣмъ несообразная строгость отнимала охоту у всѣхъ служить въ поселенныхъ войскахъ. Графъ Аракчеевъ зналъ это и испросилъ именной Высочайшій указъ, чтобы штабъ и оберъ-офицеры, вышедшіе въ отставку изъ поселенныхъ полковъ, не иначе были бы вновь принимаемы на службу, какъ въ тѣ же самые полки, въ коихъ служили.

Такая мѣра не могла привлечь порядочныхъ людей къ обѣщанному успокоенію. Всѣ лучшіе офицеры, а особенно тѣ, кои имѣли какой нибудь кусокъ насущнаго хлѣба, оставили службу навсегда; остающіеся же въ оной по необходимости были жалкіе, слѣпые исполнители дикой воли. Истинное честолюбіе и благородство исчезли; не было никакого соревнованія и во всемъ проявлялся обманъ требуемою наружностью мнимаго порядка. Преслѣдованія сближаютъ и безнравственныхъ. Трудно было видѣть истину. Всѣ, начиная съ графа Витта, тщательно старались укрывать и происшествія, и недостатки суммъ въ полкахъ, не рѣдко случавшіеся (какъ видно изъ сказаннаго мною выше объ оказавшихся недостаткахъ при пріемѣ моемъ штаба), и даже злоупотребленія, ибо каждый видѣлъ въ высшемъ начальникѣ одно желаніе карать за самыя неумышленныя ошибки.

Относительно графа Витта я долженъ сказать, что онъ былъ человѣкъ сердца добраго, способностей ума необыкновенныхъ; былъ вѣжливъ и ласковъ въ обхожденіи съ подчиненными; никогда не выходилъ изъ себя и даже рѣдко сердился; но былъ вѣтренъ, невѣренъ ни въ словахъ, ни въ дѣйствіяхъ; впрочемъ онъ зналъ кавалерійскій фронтъ, умѣлъ датъ образованіе и направленіе кавалерійскимъ полкамъ, а всего болѣе умѣлъ представить ввѣренныя ему части въ прекрасномъ видѣ; умѣлъ, какъ говорится, продать товаръ лицомъ. Наука въ настоящую эпоху не бездѣльная. Государь всегда имъ былъ доволенъ, а поелику

сверхъ того онъ употреблялся и для наблюденія за духомъ въ войскахъ, и между помѣщиками, особенно въ польскихъ губерніяхъ, то казался весьма быть нужнымъ Государю, что отвращало отъ него грозу и желаніе уничтожить его, выказывавшееся въ прицѣпкахъ и придиркахъ къ нему со стороны графа Аракчеева. Тутъ можно еще прибавить, вспомнивши о графѣ Виттѣ, что есть люди, кои охотнѣе и лучше занимаются тѣмъ, что не относится къ прямой ихъ обязанности, нежели тѣмъ, что въ сущности составляетъ ее.

Страшно вспомнить Аракчеевское время! Кто не служилъ подъ непосредственнымъ его начальствомъ, кто не испыталъ такихъ безпрерывныхъ опасеній, какія окружали обреченныхъ въ жертву злой несправедливости, тотъ не можетъ себѣ вообразить страха, доводящаго до отчаянія. Помню я, какъ пріѣздъ фельдъегеря (а они скакали безпрестанно) приводилъ меня въ трепетъ, ибо каждая Аракчеевская бумага заключала въ себѣ штрафы, выговоры и угрозы. Восемь лѣтъ я не зналъ никакихъ радостей, да едва ли кто зналъ ихъ и во всемъ Херсонскомъ военномъ поселеніи; не было никакого отдыха, вѣчное многодѣліе, и неувѣренность, какъ будетъ принята и самая правда. Штабъ главнаго надъ военными поселеніями начальника съ начальникомъ его были орудіями нравственной пытки. Мнѣ кажется, что главнѣйшія занятія чиновниковъ этого штаба были—искать упущенія, дабы прислужиться тѣмъ графу Аракчееву. Онъ до того былъ ненавидимъ у насъ, что когда присягали на вѣрность нынѣ царствующему Государю Императору, то военные поселяне и солдаты въ полкахъ кричали: Господи, избавитъ ли насъ новый царь отъ лютаго этого главнаго начальника! Нельзя описать всеобщей радости, когда получено было извѣстіе, что онъ уволенъ въ безсрочный отпускъ за границу. Объ этомъ онъ объявилъ въ печатномъ своемъ приказѣ по военнымъ поселеніямъ въ началѣ 1826 года; и хотя написалъ въ ономъ съ дерзостію, что Государь Императоръ пожаловалъ ему 40,000 руб. асс. на дорогу, но что онъ, заложивши серебро свое, можетъ обойтиться и безъ этой милости, но это не обратило на себя у насъ ничьего вниманія. Такъ было подавлено всякое разсужденіе. Потомъ уже начали говорить о такомъ неслыханномъ дерзновеніи.

Послѣ Аракчеева Херсонское военное поселеніе начало отдыхать. Если бы графъ Виттъ въ 1827 году не предложилъ снабдить армію, шедшую противу турокъ, провіантомъ изъ запасовъ военно-поселянскихъ и если бы отяготительная перевозка хлѣба этого не разорила военныхъ поселянъ, — они пошли бы быстрымъ шагомъ къ истинному улучшенію своего матеріальнаго быта.

Давно уже не проѣзжалъ я военными поселеніями Херсонской губерніи и не знаю, что тамъ дѣлается; но слыша, что тамъ заводятъ

казенныхъ испанскихъ овецъ, сѣютъ цѣлыми округами, или барщиной, пшеницу для продажи въ Одессѣ, не могу не удивляться, какъ далека еще у насъ мысль объ общей пользѣ даже въ высшихъ сановникахъ. Во первыхъ, подобнаго рода монополія стѣсняетъ Херсонскихъ помѣщиковъ въ продажѣ ими въ Одесскомъ портѣ пшеницы и шерсти, а это и составляетъ единственный ихъ доходъ, единственное средство уплачивать казенныя подати, ибо крестьянинъ въ весьма рѣдкихъ имѣніяхъ въ состояніи вносить оныя; во вторыхъ, сами военные поселяне могли бы продавать означенные продукты по мѣрѣ хозяйства каждаго, если бы вмѣсто казенныхъ засѣвовъ мѣстныя власти заохотили ихъ сѣять пшеницы болѣе обыкновеннаго и убѣдили бы ихъ въ попечительности своей поданіемъ средствъ для удобнѣйшей продажи въ Одессѣ же.

Самою важнѣйшею задачею есть улучшеніе частныхъ хозяйствъ хлѣбопашцевъ; — тутъ нужны поощреніе, пособіе, направленіе и наблюденіе за ходомъ и развитіемъ сельской промышленности со стороны управляющихъ, чего никакъ нельзя согласить съ монополіею, ясно выказывающеюся въ сѣяніи огромнаго количества пшеницы и заведеніи казеннаго же овцеводства.

Но, не говоря уже о военныхъ поселянахъ, представимъ себѣ провинцію, въ которой было бы 12 богачей помѣщиковъ, имѣющихъ по 10,000 душъ, какъ это существуетъ приблизительно въ 12 округахъ военныхъ поселеній Херсонской губерніи. Не были ли бы они 12-ью монополистами въ отношеніи къ 1,000 мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, и могли ли бы сіи послѣдніе состязаться съ ними въ продажѣ своихъ продуктовъ въ одномъ и томъ-же пунктѣ? А подобный взглядъ на общую пользу не убѣждаетъ ли въ томъ, что при такомъ неравенствѣ средствъ одной половины производителей хлѣбопашества съ другой общее благосостояніе или улучшеніе въ краю будетъ идти весьма медленно, что доказывается и самою продажею пшеницы въ Одессѣ, которой количество, при настоящемъ требованіи едва ли не всей Европы, нуждающейся въ хлѣбѣ, не превышаетъ нѣсколькихъ милліоновъ четвертей. Правда, что такой привозъ весьма значителенъ, но большая часть его привезена изъ Подольской и Кіевской губерній; судя же по пространству земель въ губерніяхъ Херсонской и Екатеринославской, можно бы ожидать изъ нихъ только самихъ больше означенной пропорціи, если бы частные земледѣльцы удостовѣрились, что богатство ихъ заключается въ сколь можно большихъ пшеничныхъ засѣвахъ зерномъ лучшаго качества, и если бы это не было въ рукахъ одныхъ помѣщиковъ и военно-поселянскаго начальства, понимающаго превратно богатство округовъ военнаго поселенія и заботящагося преимущественно о посѣвахъ общественныхъ. Напрасно мы начали воображать Одессу житницею Европы. Она дѣйствительно могла бы быть таковою, еслибы

годовой вывозъ пшеницы за границу былъ не 3,000,000, а 30 милліоновъ четвертей, ибо въ одной Франціи можно считать до 10 милліоновъ народа, не имѣющаго хлѣба, не говоря уже объ Англіи и Ирландіи, гдѣ тысячи умираютъ съ голоду.

Дабы все упомянутое мною въ этихъ краткихъ очеркахъ военнаго поселенія Херсонской и Екатеринославской губерній о графѣ Аракчеевѣ не показалось желчью человѣка, котораго онъ гналъ, я долженъ сказать, что напротивъ—онъ всегда благоволилъ ко мнѣ, удостоивалъ и продолжительными разговорами, и собственноручными письмами, хранящимися у меня. Онъ избралъ меня въ управляющіе штабомъ военныхъ поселеній Херсонской и Екатеринославской губерній, съ назначеніемъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ, съ тѣмъ, какъ написано въ повелѣніи его мнѣ по сему предмету, чтобы я привелъ въ порядокъ дѣла, денежную отчетность, и далъ бы соотвѣтственное направленіе по всѣмъ частямъ, доведеннымъ до крайняго разстройства. Что я оправдывалъ его выборъ, свидѣтельствуютъ въ томъ и письма его, и многія формальныя бумаги.

Правда, что кромѣ денежныхъ пособій и опредѣленія дѣтей моихъ на казенное содержаніе: сына въ Пажескій корпусъ, а дочери въ Патріотическій институтъ, онъ не испрашивалъ мнѣ никакихъ наградъ, но это происходило не отъ того, чтобы онъ не желалъ награждать меня, а изъ упорства его—не давать ничего служащимъ подъ командою графа Витта, дабы выставить въ глазахъ Государя, что у насъ не дѣлается ничего добраго.

Повторяю, страшно вспомнить времена Аракчеевскія; но если въ послѣдствіи мнѣ казалось все легкимъ по службѣ, это было по сравненію тяжкихъ трудовъ и испытаній, перенесенныхъ мною подъ его начальствомъ. Какъ непомѣрная строгость, такъ и послабленіе едва ли не равно портятъ дѣло; первая однакожъ производитъ дѣловыхъ людей, а послѣднее трутней, кои бываютъ терпимы однимъ пріучившимъ ихъ къ лѣни начальникомъ, и негодны для другого. Правила служебнаго воспитанія видны въ человѣкѣ на всякомъ занимаемомъ имъ мѣстѣ, и если свыкшійся съ строгимъ порядкомъ не озлобленъ несправедливостями, или по свойству своего характера, или по великодушію, то онъ всегда останется нужнымъ и полезнымъ во всякомъ положеніи; служившіе же при невнимательныхъ начальникахъ сами не будутъ знать, къ чему они способны, хотя бы и много лѣтъ слышали похвалы ихъ своимъ способностямъ. Истинная вѣра въ мнѣніе проистекаетъ только изъ порядка строгаго и вмѣстѣ съ тѣмъ снисходительно соблюдаемаго высшимъ начальникомъ, умѣющимъ избирать людей и слѣдить за ихъ занятіями. Такой начальникъ, можно сказать, даритъ правительству полезныхъ чиновниковъ.

Варшава, 26 марта (7 апрѣля) 1842 г.

LXXXI.

Отдѣльный корпусъ военныхъ поселеній. Дежурство. Отдѣленіе I. Въ Харьковѣ 1 ноября 1823 г. № 126.

Господину подполковнику и кавалеру Стороженку.

Вы избраны и назначены, господинъ подполковникъ, дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ штабѣ начальника военнаго поселенія въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ. Надѣясь, что Вы оправдаете дѣлаемую Вамъ довѣренность и предписывая вступить въ отправленіе поручаемой Вамъ должности, я рекомендую обратить въ особенности вниманіе Ваше на слѣдующее:

1) Всѣ ли дѣла въ сохранности и нѣтъ ли утерянныхъ бумагъ?

2) Учрежденъ ли архивъ, сданы ли дѣла прежнихъ лѣтъ въ оный и въ должномъ ли порядкѣ?

3) Со времени утвержденія образованія дивизіоннаго штаба, исполняется ли порядокъ въ ономъ предписанный по всѣмъ частямъ управленія?

4) Чиновники, утвержденнымъ штатомъ назначенные, при тѣхъ ли должностяхъ, кои имъ опредѣлены?

5) Какія именно дѣла остаются не исполненными, разумѣя, какъ предписанія мои, такъ и представленія къ генералъ-лейтенанту Витту сдѣланныя, и по какой причинѣ?

6) Въ какомъ положеніи типографія и наблюдается ли тамъ порядокъ, который для нея въ образованіи предписанъ?

7) Нѣтъ ли какихъ безпорядковъ вообще по управленію штаба, въ чемъ именно они заключаются и кто онымъ виновенъ?

Приведя все въ извѣстность, извольте мнѣ донести по каждому вопросу, здѣсь предложенному, имѣя въ виду, что я требую ясность и прямое изложеніе истины безъ всякихъ лишнихъ оговорокъ. Причемъ приложите реестръ нерѣшеннымъ дѣламъ, съ означеніемъ, пріемлете ли Вы на себя окончаніе оныхъ и къ какому именно времени и вообще приведеніе въ порядокъ упущеній, ежели бы таковыя существовали.

Маіору же Гончарову, исправляющему нынѣ должность дежурнаго штабъ-офицера, Вы обязаны дать въ пріемѣ штаба письменное свидѣтельство и въ свидѣтельствѣ семъ означить всѣ неисправности, какія окажутся по дѣламъ штаба, а мнѣ представить съ онаго копію. Послѣ чего все то, что не означено будетъ въ выданномъ Вами свидѣтельствѣ, останется уже на Вашей отвѣтственности и взыщется съ Васъ однихъ по законамъ. Генералъ отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ, начальникъ штаба генералъ-маіоръ Клейнмихель.

Получено 4 декабря 1823 г.

Рапортовано его сіятельству главноначальствующему надъ военными поселеніями господину генералу и кавалеру графу Аракчееву отъ 18 марта мѣсяца за № 12, при рапортѣ приложены: вѣдомость утеряннымъ дѣламъ подъ литерою А., вѣдомости нерѣшеннымъ дѣламъ подъ литерами Б. В. Г. Д. Е. Ж. З. и свидѣтельство въ копіи подъ литерою И.

LXXXII.

Военное поселеніе въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ. По дежурству столъ 1. Г. Елисаветградъ, 17 марта 1824. № 880.

Дежурному штабъ-офицеру штаба военнаго поселенія Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ господину подполковнику и кавалеру Стороженку.

Сего числа дано отъ меня предписаніе адъютанту маіору Гончарову о непремѣнномъ отъѣздѣ его завтрешній день въ Санктпетербургъ, куда онъ требуется главнымъ надъ военными поселеніями начальникомъ господиномъ генераломъ и кавалеромъ графомъ Аракчеевымъ.

По сему случаю предписываю Вашему Высокоблагородію, что ежели маіоръ Гончаровъ не отправится въ вышеписанное время, то отправить его тотчасъ при офицерѣ и одномъ жандармѣ, не принимая никакихъ отговорокъ. Генералъ-лейтенантъ графъ Виттъ.

LXXXIII.

Г. Москва. 15 августа 1826 г. Письмо графа Ивана Осиповича Витта къ Андрею Яковлевичу Стороженку.

Увѣдомляю Васъ, Андрей Яковлевичъ, что все, что отъ меня зависѣло, для Васъ сдѣлано. Будете получать ежегодно 2000 рублей прибавки и полагаю, что въ коронацію произведены будете въ полковники.

По нѣкоторымъ обстоятельствамъ можетъ быть движеніе 3-й уланской дивизіи и потому въ такомъ случаѣ присоединятся къ смотру въ

Елисаветградѣ къ 3-й кирасирской дивизіи 1-й и 4-й Бугскіе полки въ 6-ть эскадроновъ, взводы въ 15-ть рядовъ, и эскадронъ отъ каждаго полка кантонистовъ коннымъ. Прошу предварить полковыхъ командировъ. Я увѣренъ, что и теперь ученія продолжаются по-эскадронно, но необходимо, дабы навыкли рекруты къ быстрымъ движеніямъ, ибо предупреждаю, что нынѣ не въ системѣ беречь лошадей, но дѣйствуютъ, какъ давно слѣдовало кавалеріи. Я надѣюсь имѣть удовольствіе быть у васъ около 10 сентября. Прошу прилагаемое письмо отправить съ нарочнымъ. Августа 15 дня 1826 г. Москва. Вашъ покорный слуга гр. Виттъ.

LXXXIV.

1 апрѣля 1827 г. Ходатайство графа И. О. Витта предъ графомъ Аракчеевымъ о зачисленіи Владимира Андреевича Стороженка въ Пажескій Корпусъ.

Отлично усердная и дѣятельная служба дежурнаго штабъ-офицера ввѣреннаго мнѣ 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса полковника Стороженка всегда заслуживала особеннаго моего одобренія. Усердіе его къ службѣ было причиною и самого разстройства его здоровья

Сей штабъ-офицеръ, имѣя семейство, весьма затрудненъ въ доставленіи приличнаго воспитанія сыну его Владимиру. Внимая горести отца, лишеннаго способовъ дать воспитаніе сыну и отдавая справедливость отлично-усердной службѣ полковника Стороженка, я рѣшаюсь всепокорнѣйше просить Вашего Сіятельства о милостивомъ Вашемъ ходатайствѣ у Монаршаго престола, о помѣщеніи сына его Владимира Стороженка, не въ примѣръ другимъ, въ пажи Двора Его Императорскаго Величества. Генералъ-лейтенантъ графъ Виттъ.

На подлинномъ написано рукою начальника штаба военныхъ поселеній генералъ-адъютанта Клейнмихеля: „Государь соизволяетъ“. „1 апрѣля 1827 г.“.

LXXXV.

Г. С.-Петербургъ. 6 апрѣля 1827 г. Письмо графа Ивана Осиповича Витта къ Андрею Яковлевичу Стороженку.

Поздравляя Васъ съ праздникомъ, Андрей Яковлевичъ, пріятно мнѣ Васъ увѣдомить, что Его Императорское Величество всемилости-

вѣйше изволилъ сдѣлать Вашего сына пажемъ и что мы помѣстимъ его на воспитаніе въ Ришельевскій Лицей.

Я надѣюсь выѣхать изъ С.-Петербурга 1-го числа и быть у васъ около 15-го мая, дабы прямо начать смотръ войскъ.

Здѣсь очень недовольны, что предположеніе работъ не прислано; сіе слѣдовало сдѣлать въ концѣ года или по крайней мѣрѣ въ началѣ новаго. Не понимаю, что могло остановить.

Я поѣду на Москву, пріѣду въ Крыловъ, гдѣ начну смотръ Орденскаго полка и такъ далѣе буду смотрѣть кирасирскую дивизію, потомъ 3-ю уланскую, которую нужно будетъ подробнѣй осмотрѣть, ибо дивизіонный командиръ смѣненъ, а новый не успѣлъ пріѣхать; а въ концѣ буду осматривать Бугскую, то есть 4-й полкъ въ Ольшанкѣ, 1 и 3 и донскую роты въ Вознесенскѣ. 3-й полкъ на сей предметъ можетъ собраться на нѣсколько дней въ Александровку, а тамъ въ Ѳедоровку.

Намъ нынѣшнее лѣто предстоитъ много трудовъ, и ѣзды съ Вами много будетъ.

Желая Вамъ всякаго благополучія, остаюсь навсегда Вашимъ покорнымъ слугою гр. Виттъ. Апрѣля 6 дня 1827 г. С.-Петербургъ.

Его Высокоблагородію Милостивому Государю Андрею Яковлевичу Стороженку въ Елисаветградъ.

LXXXVI.

1827 г. Донесеніе ген.-адъют. Клейнмихеля Государю Цесаревичу Великому Князю Константину Павловичу о зачисленіи Владимира Стороженка въ Пажескій Корпусъ.

Имѣю честь донести Вашему Императорскому Высочеству, что Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ сына дежурнаго штабъ-офицера 3-го резервнаго поселеннаго кавалерійскаго корпуса полковника Стороженка Владимира, 7-ми лѣтъ, опредѣлить пажемъ въ Пажескій Его Императорскаго Величества Корпусъ на казенное содержаніе. Начальникъ штаба военныхъ поселеній ген.-адъют. Клейнмихель.

LXXXVII.

1828 г. Докладная записка по ходатайству Андрея Яковлевича Стороженка объ опредѣленіи сына Владиміра въ Пажескій Корпусъ, а дочери Елисаветы въ институтъ.

Дежурный штабъ-офицеръ полковникъ Стороженко испрашиваетъ ходатайства о помѣщеніи дочери его Елисаветы, 9-ти лѣтъ, въ которое либо изъ казенныхъ заведеній, для воспитанія дѣвицъ здѣсь въ г. С.-Петербургѣ учрежденныхъ, а сына его, Владиміра, коему нынѣ 9-й годъ, Всемилостивѣйше опредѣленнаго 1 апрѣля прошлаго 1827 года на казенное содержаніе пажемъ въ Пажескій Его Императорскаго Величества Корпусъ, проситъ помѣстить въ ономъ Корпусѣ при открытіи вакансіи.

Полковникъ Стороженко вдовъ и означенныя дѣти его оставлены имъ у родственниковъ въ Полтавской губерніи, кои, равномѣрно какъ и самъ онъ, будучи совершенно растроены въ состояніи своемъ, не имѣютъ никакихъ средствъ дать дѣтямъ приличное воспитаніе.

Доставленіемъ сюда дѣтей Стороженко также весьма стѣсняется, для чего онъ долженъ былъ бы отдѣлить часть получаемаго имъ оклада 3400 рублей въ годъ, что составляетъ нынѣ все содержаніе его, и притомъ изъ сей самой суммы онъ обязанъ уплачивать по 1000 руб. ежегодно въ пополненіе Всемилостивѣйше выданныхъ ему 10000 руб. на 10 лѣтъ, а потому и осмѣливается всепокорнѣйше просить объ исходатайствованіи помощи въ доставленіи сюда дѣтей его. 2 апрѣля 1828 г.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Принять въ Пажескій Корпусъ сына полковника Стороженка по открытіи вакансіи.

2) Дочь его, во уваженіе раны, опредѣлить въ Патріотическій Институтъ комитета 18 августа 1814 г. въ комплектъ въ 1829 году.

3) Выдать ему изъ государственнаго казначейства на вспоможеніе для доставленія дѣтей двѣ тысячи рублей ассигнаціями. 5 апрѣля 1828.

Генералъ-адъютантъ Клейнмихель.

LXXXVIII.

Копія съ отношенія начальника штаба по управленію генералъ-фельдцейхмейстера къ господину начальнику штаба военныхъ поселеній отъ 31 марта 1828 г. за № 1421.

Въ слѣдствіе требованія Вашего Превосходительства отъ 20 марта за № 759 имѣю честь увѣдомить, что по учиненной въ дѣлахъ штаба

Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера и въ архивномъ отдѣленіи артиллерійскаго департамента изъ формулярныхъ и кондуитныхъ списковъ выправкѣ о состоявшемъ прежде сего въ артиллеріи и бывшемъ въ послѣдствіи полковникомъ Стороженко, продолжавшемъ службу съ 1806 г. по 1814 г. въ 11-й бригадѣ, съ 1814 г. по 1 декабря 1815 г. въ конно-артиллерійскихъ № 8 и 16 ротахъ и въ 1816 г. въ 15 бригадѣ, никакого замѣчанія или оштрафованія отъ начальства не оказалось и аттестовался всегда къ повышенію достойнымъ.

Вѣрно: старшій адъютантъ Желтухинъ.

LXXXIX.

Копія съ отношенія командира 3-го резервнаго поселеннаго кавалерійскаго корпуса генералъ-лейтенанта графа Витта къ господину начальнику штаба военныхъ поселеній отъ 10 апрѣля 1828 г. за № 2284.

На отношеніе Вашего Превосходительства ко мнѣ отъ 20 числа прошлаго марта за № 760 имѣю честь увѣдомить, что къ удостоенію знакомъ отличія безпорочной службы дежурнаго штабъ-офицера ввѣреннаго Вамъ штаба состоящаго по кавалеріи полковника Стороженка на основаніи 22 ст. Высочайшаго статута 22 августа 1827 г., по служенію его съ 1818 г. по 1828 г. подъ начальствомъ моимъ, препятствія не настоитъ никакого. Вѣрно: старшій адъютантъ Желтухинъ.

XC.

12 марта 1829 г. и 8 апрѣля 1829 г. Письмо А. Я. Стороженка къ П. А. Клейнмихелю и отвѣтъ на него.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь Петръ Андреевичъ! Имѣя лестное позволеніе Вашего Превосходительства писать къ Вамъ, облагодѣтельствованный и въ самомъ настоящемъ назначеніи моемъ, обязанностью себѣ поставляю принести глубочайшую признательность за милостивое вниманіе ко мнѣ. Я не рѣшался безпокоить Ваше Превосходительство, ожидая опредѣленія занятіямъ моимъ по службѣ, но благодарныя чувствованія не могли оставаться безгласными. Пріймите оныя съ тою снисходительностью, которая поселяетъ откро-

венность предъ начальникомъ, любящимъ правду, расположеннымъ къ добру, требующимъ одного только усердія къ службѣ, покровительствуя проходящихъ оную путемъ, указываемымъ честью.

Получивъ предписаніе Вашего Превосходительства о назначеніи меня помощникомъ начальника корпуснаго штаба, оправившись нѣсколько отъ болѣзни, тотчасъ выѣхалъ въ Елисаветградъ, куда прибылъ 4 марта. Графа Ивана Осиповича я не видѣлъ еще, а приказъ обо мнѣ посланъ на утвержденіе его сіятельства. Дежурство резервной пѣхоты сегодня прибыло сюда и соединяется съ дежурствомъ резервной кавалеріи. Положеніе объ управленіи оными вышло прежде моего настоящаго назначенія. Званіе помощника не опредѣляетъ дѣйствій, но я всегда былъ готовъ къ безусловнымъ трудамъ и нынѣшній ближайшій начальникъ мой найдетъ во мнѣ усерднаго исполнителя его порученій.

Не смѣю умолчать предъ Вашимъ Превосходительствомъ, что предназначаемое Вами мнѣ мѣсто начальника штаба 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса по положительности своей и десятилѣтней службѣ моей въ поселеніи, открывая виды для неохлажденной еще лѣтами дѣятельности, лестнѣе всякаго другого назначенія, слѣдовательно, и желаніе онаго простительно. Управленіе дѣлами, въ коихъ заключаются предположенія Ваши, представляетъ случаи къ пріобрѣтенію довѣренности и вящшаго вниманія, а достиженіе сего есть уже награда, удовлетворяющая честолюбіе.

Осмѣливаюсь думать, что простосердечіе и откровенность, требуемыя Вами, будутъ приняты Вами съ благосклонностью.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства всепокорнѣйшимъ слугой Андрей Стороженко. 12 марта 1829 года. Г. Елисаветградъ.

Милостивый Государь Андрей Яковлевичъ! Письмо Ваше отъ 12 марта я получилъ. Мнѣ пріятно было узнать, что здоровье Ваше поправилось. Я увѣренъ, что усердіе Ваше къ службѣ не уменьшилось и что во всякомъ мѣстѣ Вы принесете трудами своими ту пользу, которой начальство отъ Васъ ожидало.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашъ покорнѣйшій слуга Клейнмихель. 8 апрѣля 1829 г. Г. С.-Петербургъ.

XCI.

26 мая 1829 г. Богодуховка. Письмо Николая Григорьевича Краснокутскаго къ Андрею Яковлевичу Стороженку.

Много, много, очень много виноваты передъ тобой, добрый другъ нашъ Андрей Яковлевичъ, виноваты до безсовѣстности, виноваты столько, что не извиняется стороннимъ, развѣ искренно душей преданнымъ,—въ семъ только отношеніи, надѣюсь, ты извинишь меня, добрый Андрей Яковлевичъ. Четыре письма отъ тебя и на нихъ ни одного. Это преступленіе ужасное. Для перваго нами полученнаго письма не можетъ ничто служить къ извиненію. Для слѣдующихъ трехъ развѣ только, что они получаемы были почти всѣ вдругъ и послѣднее прежде первыхъ двухъ. Наконецъ, моя болѣзнь, которою и до сихъ поръ недомагаю,—это гемороиды, которые не даютъ мнѣ сидѣть покойно и то теперь; что было прежде, недѣлю назадъ, въ продолженіе недѣль трехъ, того не умѣю тебѣ выразить; я бѣгалъ и кричалъ, какъ *скаженный*, оставаясь безъ помощи, ибо извѣстный тебѣ нашъ медикъ объявилъ рѣшительный рецептъ отъ сей болѣзни—терпѣніе, а мнѣ кажется и по опыту и кому болѣе, какъ не тебѣ, благородный другъ, извѣстно, что этотъ рецептъ гораздо пригоднѣе для нравственной, нежели для физической болѣзни, и какъ уже сказано и давно, что кто нашелъ это безцѣнное лѣкарство, тому нечего уже болѣе опасаться, какъ чтобы не потерять его. Прежде нежели что скажу на твои письма, увѣдомляю о всемъ провожденіи нашего времени. Постъ мы проскучали и отчасти строили башни на воздухѣ. Возвращеніе сосѣда Иваненка къ себѣ домой наше уединеніе нѣсколько оживило. Праздники мы провели дома въ своемъ кружкѣ; черезъ мѣсяцъ пустились въ дорогу и вотъ мы черезъ Мицаловку здѣсь. Тамъ застали А. Г. Гинцову со всѣмъ ея багажомъ, то есть съ дочерьми, зятемъ, племянницами и внучатами, существующими и имѣющими въ непродолжительномъ времени явиться въ сей, бѣснующійся свѣтъ. Оттуда сюда. Здѣсь нашли по ожиданію Елисавету Михайловну и Катю, которая, какъ кажется, уже не могла снести капризовъ и нападокъ трудно понимаемой или, какъ ты называешь, бѣснующейся Багговутъ, хотя объ этомъ и „мовчить“. Мужъ Елисав. Мих. [1]) пишетъ къ ней о хорошемъ пріемѣ, какой сдѣлалъ ему Канодистрія, и о предложеніи занять мѣсто въ правительствѣ. Что было, то видѣли, что будетъ, то увидимъ. Болѣе съ нами не произошло ничего замѣчательнаго. Хлопочемъ для того, чтобы ѣсть и пить. Бѣдное занятіе, ска-

---

[1]) Князь Кантакузенъ.

жешь ты; – чтожъ дѣлать, любезный другъ, нужно стоять твердо па той точкѣ, на которой поставила судьба. Да, любезный другъ, ты справедливъ, очень справедливъ, говоря, что человѣкъ сугубо счастливъ тогда только, когда взошелъ на ту степень, которую какъ будто сама природа ему указала по его привычкамъ, по его, какъ бы сказать, тѣлеснымъ и душевнымъ способностямъ. На это я еще не попалъ и кажется отъ того, какъ будто что то ноетъ, чего то недостаетъ, да и природа не такъ кажется прекрасна, какъ она въ самой вещи.

Жаль, что не забѣжалъ къ намъ изъ Богодуховки. Да выкинь, пожалуйста, тотъ языкъ, которымъ потчивалъ насъ въ первомъ письмѣ; „чтобы насъ не обезпокоить", какъ ты въ немъ говоришь,—помѣщеніе друга никогда и никому еще не было въ тягость. И такъ я самъ не знаю, какъ началъ отвѣтъ на твое первое письмо. Будемъ продолжать: дѣти обязаны родителямъ не произведеніемъ на свѣтъ—это еще вещь не трудная (для отца разумѣется), но въ направленіи ихъ дѣтства, покуда будутъ имѣть твердую волю или характеръ; а желая, чтобы руководство ихъ зависѣло отъ насъ, надобно и самимъ имѣть твердую волю, которую пусть называютъ упрямствомъ, своенравіемъ или какъ хотятъ, лишь бы вело къ опредѣленной нами цѣли; по достиженіи же къ ней это само собой исчезнетъ, какъ звукъ въ воздухѣ. При таковой цѣли вотъ средство каждому сказать: „оставь дѣтей мнѣ самому". Вотъ мысли, когда читалъ твое письмо, но онѣ уже, какъ замѣчаю изъ словъ Кати, исполнены на самомъ дѣлѣ. Она жалуется, что Лизочка ей ничего не пишетъ. Письмо Володи мы читали съ большимъ удовольствіемъ. Пламенно желаю, чтобы и мои дѣти въ тѣ лѣта изъяснялись не иначе. Пусть зрѣетъ плодъ самъ собою при дождѣ воспитанія и умственное развитіе покажется само собою, а изъ поправленнаго перебѣленнаго письма не угадаешь, какъ оно идетъ. Составленный тобою ему кругъ, кажется, дастъ и хорошее направленіе. Да къ чорту, пожалуйста, свои параллели. Благодарю тебя, многолюбезнѣйшій другъ, за твои мысли вслухъ на счетъ предложеннаго мнѣ мѣста; совѣтъ одного тебя былъ согласенъ съ моими мыслями. Я писалъ къ В. и просилъ мѣста прокурора въ Кіевѣ, или Харьковѣ, представляя также причины, которыя и ты выговорилъ, то есть гимназію и университетъ, сказавши впрочемъ, что мѣсто иначе не пріиму, какъ съ чиномъ штабъ-офицера. Въ отвѣтъ имѣю, что письмо мое въ домъ графа Кочубея отправлено еще до праздниковъ, рѣшительнаго же ничего не знаю.

На 2-е письмо. Не благодаримъ, но глубоко тронуты за уголокъ, который ты намъ отдаешь въ своемъ сердцѣ. Не будемъ стараться, но отъ души, исполняемъ и исполнимъ взаимное обязательство; такъ ты не одинъ въ свѣтѣ, сердца наши открыты для горестей и радостей твоихъ, какъ братьевъ, какъ друзей. Дѣти будутъ тебя знать, будутъ

тебя любить, какъ можетъ только быть потребно твоему сердцу. На что отягчать себя мыслью черною напередъ, на что доброму страдать?

Въ вихрѣ возвышеннѣйшаго предъ нашимъ свѣта видно люди сегодня думаютъ такъ, а завтра иначе. Я говорю это на тотъ счетъ, что ты пишешь, что старшіе недовольны твоимъ назначеніемъ, разумѣя тутъ Витта; если же не онъ, то съ остальными ты сойдешься. Разумъ, какъ мечъ Александра, разсѣкаетъ Гордіевъ узелъ... Ты покоришь подъ ноги свои всѣ интриги. Напрасно не увѣдомилъ о цѣнѣ, которую заплатилъ ты за присланный тобой драдедамъ, пожалуйста при первомъ случаѣ сдѣлай это; между тѣмъ благодаримъ тебя о незабытіи вещи, намъ нужной. Теперь же, добрый другъ нашъ, мы не имѣемъ ничего, что могли бы поручить съ просьбою насчетъ какихъ либо покупокъ, но къ предложенію очень много чувствительны. Скажи, пожалуйста, отчего сдѣлали такое непремѣнное положеніе, что ты долженъ пріѣхать съ женою? Отъ склонности, отъ желаній твоихъ этого подумать нельзя, развѣ отъ полученія тобою мѣста головы могли закружиться и искать причинъ, не найдя же, причли женѣ и покровительству. Бѣдный Андрей, какъ же худо они тебя понимаютъ.

На 3-е. Мы никакъ не полагали, чтобы Тимошенко изъ Богодуховки отправился къ тебѣ, а о выѣздѣ твоемъ отсюда уже знали. Благодарю, тысячу разъ благодарю, попечительный другъ, за предлагаемое тобою мѣсто. И по данному намъ названію, и по чувствамъ—я долженъ и хочу говорить откровенно: мнѣ мѣсто покуда нужно не для почестей, но чтобы имѣть средства жить, не удѣляя изъ своихъ бѣдныхъ доходовъ для этого, и чтобъ, если возможно... Краснокутскій.

Человѣкъ не имѣетъ времени ожидать окончанія, которое и будетъ на слѣдующей же почтѣ.

XCII.

22 ноября 1829 г. Сообщеніе помощнику начальника штаба резервныхъ войскъ г. полковнику Стороженку о назначеніи его сына въ Пажескій Корпусъ.

По увѣдомленію г. управляющаго главнымъ штабомъ Его Императорскаго Величества, сынъ Вашъ, Владиміръ, назначенъ нынѣ къ помѣщенію въ Пажескій Корпусъ и долженъ быть представленъ въ оный. Я извѣщаю о семъ Васъ, г. полковникъ, для зависящаго распоряженія. Начальникъ штаба генералъ-адъютантъ Клейнмихель. Дежурный штабъ-офицеръ подполковникъ Креминскій. № 2545.

ДВА МѢСЯЦА ВЪ ДОРОГѢ.

28 апрѣля 1829 года мнѣ поручено было осмотрѣть разныя части по службѣ, и для того я пустился изъ Одессы скакать на почтовыхъ по южнымъ провинціямъ.

Совершивши путешествіе по неволѣ, радуюсь, что достигъ наконецъ Исаковецкаго карантина, учрежденнаго на лѣвомъ берегу р. Днѣстра въ Подольской губерніи. Меня не слѣдовало бы подвергать въ карантинѣ семъ 14-дневному испытанію терпѣнія; ибо я выдержалъ уже установленный терминъ онаго въ Леовскомъ, на р. Прутѣ; но какъ за день только передъ моимъ прибытіемъ получено повелѣніе о дѣйствіи и Днѣстровскихъ карантиновъ, и не сдѣлано еще никакого распоряженія насчетъ пассажировъ, то во всякомъ ограниченіи времени мнѣ отказалъ Подольскій Гражданскій Губернаторъ, не взирая на то, что въ Исаковецкомъ карантинѣ нѣтъ еще ни медика, ни прислуги, и одинъ только фельдшеръ окуриваетъ, по прежнимъ примѣрамъ, попавшихъ сюда.

Очищеніе безъ медика, карантинъ безъ команды.... Боже сохрани заболѣть! Повидимому, вовсе не полагаютъ, чтобы могли поступать сюда подверженные болѣзнямъ, или вся надежда на русское авось и на окуриваніе смрадными веществами. Пока дѣло вновѣ, то есть, пока оно не обойдется, стражи и отъ мнимой моровой язвы носятъ на себѣ печать какой то неприступности, но со временемъ все прійдетъ въ обыкновенный порядокъ, уменьшится строгость и останется только одна привычка не дотрогиваться до вещей, принадлежащихъ пассажирамъ, какъ Жиды въ шабасъ не дотрогиваются даже и къ подсвѣшникамъ для того, чтобы не коснуться иногда къ нимъ, когда они бываютъ съ зажженными свѣчами. Предосторожность въ опасностяхъ необходима... Распространяется ли она и на деньги, ежели бы кто захотѣлъ симъ талисманомъ отвратить отъ себя скучное сидѣніе въ карантинѣ, увидимъ ниже.

Сказавши, что фельдшеръ окуриваетъ нашего брата пассажира по прежнимъ примѣрамъ, я вспомнилъ, что въ одномъ весьма важномъ управленіи всѣ почти бумаги пишутся по примѣрамъ же, и чиновникъ, отступившій отъ сего правила, подвергся бы строгому взысканію, а потому на всякой бумагѣ, списанной писаремъ въ архивѣ, гдѣ цѣлыя сутки онъ долженъ былъ отыскивать прежнее подобіе предпринимаемому имъ проэкту, пишется: „по примѣру такого то № года и числа."

Нуженъ ли тутъ разумъ? Какимъ образомъ могутъ дѣла идти скорѣе и порядочнѣе, по примѣрамъ ли, или по способностямъ дѣлопроизводителей, остается рѣшить тому, кто ввелъ прописанное правило.

Просидѣвши цѣлый денъ въ комнатѣ, не лучшей каземата, безъ книгъ и безъ людей, долго думалъ я, что дѣлать мнѣ отъ скуки. Принявшись за перо, и забылъ было, что я въ Исаковецкомъ карантинѣ, и что принялся за оное именно для того, чтобы сократить долготу бездѣйственнаго времени описаніемъ поѣздки моей, которая и безъ того осталась бы навсегда въ памяти моей; но, рѣшившись писать, я не обрекъ себя сохранять порядокъ въ моемъ повѣствованіи, хотя вижу изъ карантиннаго устройства, или, лучше сказать, неустройства, сколь необходимъ онъ во всякомъ дѣлѣ, и какъ часто употребляютъ значеніе этого слова и не у мѣста, и не у дѣла.

Для описанія путешествія есть множество примѣровъ, но со мною нѣтъ ни одного, который можно было бы приспособить къ моей поѣздкѣ. Не возможно возить съ собою библіотеки, да и на мѣстѣ рыться въ ней, для отысканія твоихъ идей, выраженныхъ уже кѣмъ либо другимъ, мнѣ кажется труднѣе, нежели изъяснить ихъ самому, какъ съумѣешь. Хорошо, гдѣ есть архивъ, наполненный мѣсячными донесеніями и названный потомъ библіотекою: тамъ можно прожить и чужимъ умомъ, ежели бы необузданная власть захотѣла употребить его вмѣсто дикой воли.

Приступимъ къ дѣлу.

Дорога отъ города Одессы до города Тирасполя весьма хорошая, но зрѣніе не останавливается ни на какомъ предметѣ, все дышетъ еще почти пустынею.

Во всякомъ путешествіи, и въ самомъ коротенькомъ, описаніе дороги занимаетъ очень много промежутковъ между другими предметами, выискиваемыми блуждающимъ воображеніемъ путешественника; въ нѣкоторыхъ же только и читаешь, что дорога отъ такого то мѣста до такого то сухая, или грязная, гористая, или ровная, по сторонамъ лѣсъ, или поля и сѣнокосы, но дабы блеснуть познаніями, сочинитель старается назвать нѣкоторыя растенія по латини. Хорошо лѣтомъ, а зимою, извѣстныхъ ему нѣсколько латинскихъ словъ ни къ чему не пригодились бы; ибо и самъ Овидій, будучи въ заточеніи, около Дуная, или Днѣстра,[1]) упомянулъ только о рѣкѣ, покрытой льдомъ, отнюдь не описывая снѣговъ и мятелей, при всемъ пылкомъ его воображеніи.

---

[1]) Одни полагаютъ, что мѣсто ссылки его было тамъ, гдѣ нынѣ крѣпость Килія на Дунаѣ, а другіе, что надъ Днѣстромъ, или Днѣпромъ.

Я не люблю ѣзды вообще; самое описаніе дороги наводитъ на меня скуку. Но долженъ скакать по бѣлому свѣту, не разсуждая ни о пользѣ, ни о безполезности ѣзды моей. Если достанетъ терпѣнія кончить повѣствованіе, буду вспоминать Исаковецкій карантинъ безъ неудовольствія.

28 апрѣля, Тирасполь.

Городъ самый плохой, бѣдность жителей, кажется, выглядываетъ сквозь ободранныя крыши колыхающихся отъ вѣтру, какъ говорится, избушекъ, безъ всякихъ пристроекъ, и даже безъ плетней, или огорожи. Меня поставили на квартирѣ у Аккерманскаго виннаго откупщика, еврея. Хотя къ имени откупщика присваивается уже и богатство, и тучность тѣла, но еврей, казалось, не имѣлъ перваго и не былъ обремененъ послѣднимъ. Чистенькій домикъ располагалъ меня въ пользу хозяина; но какъ онъ цѣлую ночь стучалъ, то поутру встрѣченъ былъ мною не совсѣмъ ласково. Пришедшій ко мнѣ полиційместеръ сказывалъ, что много жителей разбѣжалось съ семействами отъ тягости постоя, бросивши дома свои. Такіе, думалъ я, дома они вездѣ найдутъ. Бросить нѣсколько саженъ камыша, обмазаннаго глиною, и нѣсколько бревнышекъ, не жалко. Будутъ ли когда либо и въ Россіи порядочныя мѣстечки? Или кочевая жизнь всегда останется не чуждою потомкамъ южныхъ Скиѳовъ?

Осмотрѣвши госпиталь и провіантскій магазинъ, расположенные въ Тираспольской крѣпостцѣ, на валахъ коей нѣтъ ни одного орудія, я осматривалъ тамъ же и выписную команду. Выздоравливающимъ положена винная и мясная порція. Ежели бы они жили въ казармахъ, это было бы весьма полезно; а какъ каждый изъ нихъ стоитъ на квартирѣ, то полфунтомъ мяса онъ никакъ не улучшитъ здоровья своего приварка, приготовляемаго хозяиномъ; и такъ порція расходится по рукамъ. Казна несетъ напрасные расходы, а солдатъ отъ порціи сей едва ли имѣетъ какую либо пользу.

Содержаніе больныхъ въ госпиталѣ хорошее. Если и существуютъ маленькія злоупотребленія, то они такъ ладно прикрыты наружнымъ устройствомъ, что и доискиваться ихъ было бы тщетно.

Госпитальное зданіе сдѣлано только на 150 человѣкъ больныхъ, коихъ теперь 1200. Хорошо, что въ крѣпости не разрушились еще преждевременно казармы, какъ бываетъ по большей части со всѣми казенными строеніями. Безъ казармъ, въ коихъ долженъ помѣщаться гарнизонъ, не возможно было бы учредить госпиталя и въ такомъ мѣстѣ, какъ Тирасполь, куда стекаются больные и въ самое мирное время со всего расположеннаго по Днѣстру корпуса. Странно, что начальство 2-й арміи, квартировавшей въ такихъ мѣстахъ, гдѣ люди подвергаются поваль-

нымъ, эпидемическимъ, болѣзнямъ, нисколько, повидимому, не заботилось о госпитальныхъ помѣщеніяхъ, хотя съ 1820 года армія была уже всегда готова вступить въ такой край, гдѣ самый злѣйшій непріятель есть климатъ, и гдѣ въ прошлую войну, съ 1806 по 1812 г., едва ли не погибло отъ болѣзней столько людей, изъ какого числа войскъ состояла цѣлая тогдашняя армія. Такъ думали, кажется, и о прочихъ приготовленіяхъ къ войнѣ, какъ о призрѣніи и успокоеніи заболѣвающихъ. Гдѣ дѣйствія, почерпнутыя изъ прежнихъ примѣровъ, могли бы принести великую пользу, тамъ никакіе примѣры не берутся въ соображеніе, между тѣмъ какъ распоряженія, не заключающія въ себѣ ничего кромѣ обширной переписки, пишутся, и то не вездѣ, по примѣрамъ, какъ мною выше сказано, безъ малѣйшаго отступленія. 29 апрѣля я подъѣхалъ къ лѣвому берегу Днѣстра. На противоположной сторонѣ представились мнѣ мрачныя стѣны знаменитой по происшествіямъ крѣпости Бендеръ.

Переправляясь на паромѣ чрезъ Днѣстръ, я узналъ, что одинъ только этотъ паромъ и служитъ устроенною переправою, около которой часто по нѣсколько сутокъ ожидаютъ транспорты съ казеннымъ провіантомъ. Неужели мѣстное начальство никогда не войдетъ съ представленіемъ, что на главнѣйшей дорогѣ, на весьма значительной рѣкѣ, одного парома не достаточно? Управленіе водяною коммуникаціею такъ обширно, а гдѣ нужно чиновниковъ, тамъ ихъ вовсе нѣтъ. Мнѣ кажется, полезнѣе было бы употребить ихъ для устройства коммуникаціи чрезъ Днѣстръ во время военное, нежели для выкладки мостовой въ Одессѣ, нисколько не уменьшившей невылазной грязи и при самомъ небольшомъ дождикѣ.

Въѣзжая въ ворота Бендерскія, съ какимъ то безпокойнымъ любопытствомъ я озиралъ мрачныя стѣны и своды; глухой стукъ моего экипажа, громъ и проливной дождь, казалось, пробуждали эхо прежнихъ битвъ и ужасовъ, совершившихся у стѣнъ Бендерскихъ. Не взирая на дождь, я обошелъ всю крѣпость. Свободный путешественникъ могъ бы отложить обозрѣніе и до лучшаго времени, но я не имѣлъ права располагать имъ, не уступая нисколько въ любопытствѣ и самому предпріимчивому страннику.

Крѣпость съ той стороны, съ которой произведены были главнѣйшія осадныя работы графомъ Панинымъ въ 1772 году, то есть, по лѣвую сторону дороги въ кр. Измаилъ, не такъ неприступна, какъ со стороны Днѣстра. До настоящей кампаніи изъ русскихъ генераловъ одинъ графъ Панинъ велъ формальную и правильную осаду—это подъ Бендерами, и подробное описаніе оной, напечатанное въ 1775 году, сколь любопытно, столько и поучительно.

Въ крѣпости въ 1824 году выстроены для двухъ баталіоновъ

казармы, подвергающіяся общей участи казенныхъ зданій. Я представилъ, дабы въ оныхъ помѣщенъ былъ госпиталь, что облегчило бы другія мѣстечки, въ коихъ госпитали размѣщены въ гражданскихъ домахъ. Всѣ неудобства сопряжены съ такимъ размѣщеніемъ. Жители лишаются тѣхъ выгодъ, какія располагалъ каждый имѣть, строившій для себя пепелище, и употребившій для того, можетъ быть, все свое имущество. Отъ больныхъ, разсѣянныхъ по мѣстечку, распространяются болѣзни и на бѣдныхъ жителей. Надзоръ за больными, въ разныхъ мѣстахъ раскиданными, очевидно, весьма затруднителенъ. По общему недостатку въ медикахъ, одинъ лѣкарь едва ли успѣваетъ лѣчить 600 человѣкъ на пространствѣ отъ 4 до 5 верстъ.

Въ Бессарабіи, по моему мнѣнію, слѣдуетъ выстроить въ важнѣйшихъ пунктахъ, а особенно по крѣпостямъ, казармы на 2,600 человѣкъ, въ коихъ могли бы помѣщаться: учебныя команды, баталіонъ, приходящій въ караулъ, швальни, полковые цейхгаузы и лазареты; въ случаѣ же нужды, казармы сіи могли бы обратиться подъ госпитали.

Выѣхавши изъ Бендеръ, взоры мои остановились на томъ мѣстѣ, гдѣ роскошный, знаменитый и разумный вельможа, любимецъ счастія, князь Потемкинъ, по разсказамъ стариковъ, въ 1790 году велѣлъ устроить для себя такое подземное жилище, которое великолѣпіемъ своимъ ослѣпляло поклонниковъ князя, магнатовъ польскихъ, молдавскихъ и валашскихъ бояръ, и удивляло иностранцевъ, находившися при дворѣ его. Онъ давалъ здѣсь великолѣпные балы, въ утѣшеніе своей любимицы! Азіатская пышность имѣла, и имѣетъ, большое вліяніе на умы не только здѣшнихъ жителей, но едвали и не на весь родъ человѣческій. Потемкинъ умѣлъ соединить роскошь сатрапа съ дѣятельностью европейскаго министра. Его обширные замыслы искали пищи, и возникшія среди пустынь города и гавани свидѣтельствуютъ объ умѣ любимца мудрой Екатерины. Имя Потемкина произносится въ южныхъ краяхъ Россіи съ любовью и благоговѣніемъ. Славныя дѣянія суть памятники великихъ.

Мѣстоположеніе отъ Бендеръ до Кишинева гористое; въ нѣкоторыхъ лощинахъ и оврагахъ растетъ мелкій лѣсъ и кустарникъ дубовый и терновый; на ручьяхъ или протокахъ есть селенія, бѣдныя, впрочемъ, и во всю дорогу мнѣ попались на глаза только двѣ водяныя мельнички. Не видно, чтобы благосостояніе жителей подвигалось впередъ; напротивъ того, когда въ 1806 году войска наши заняли Бессарабію, она была въ гораздо болѣе цвѣтущемъ состояніи.

На послѣдней станціи къ Кишиневу меня везли по берегу небольшой рѣки Быкъ, протекающей и черезъ городъ, окрестности коего усѣяны виноградными садами. На зеленѣющихъ пригоркахъ и равнинахъ взоры мои отдыхали, и воображеніе представляло Кишиневъ дремлящимъ среди тѣнистыхъ садовъ во вкусѣ азіатскомъ.

Въѣзжаю въ городъ; ѣду по узкимъ, нечистымъ улицамъ, и думаю впереди встрѣтить мрачныя, но покойныя азіатскія строенія. Тщетная надежда! Между ветхими избушками вездѣ возвышаются порядочные домы; заборы около многихъ боярскихъ дворовъ уничтожены, остались одни только ворота, при иныхъ даже каменныя, свидѣтельствующія, что хозяинъ нѣкогда хотѣлъ жить по людски, при другихъ же два столба съ перекладиною, точныя висѣлицы. Все вмѣстѣ представляетъ какое то опустошеніе, а ворота безъ заборовъ служатъ печальными памятниками, или вывѣсками лѣни и небреженія. Городъ расположенъ на покатости. На одной возвышенности выстроенъ большой домъ, занимаемый нынѣ генераломъ Инзовымъ, нѣсколько каменныхъ церквей. На высокой плоскости построена митрополія, возлѣ коей армянскій монастырь, и рядомъ съ сими обителями казенный садъ.

Архитектура монастырей сихъ не европейская; на фронтонахъ изображены святые угодники. Пестрота красокъ обращаетъ на себя зрѣніе, и напоминаетъ, что мы уже въ азіатскомъ городѣ.

На площади есть дома изрядные; казенный садъ не обширенъ, но дорожки правильныя. Его насадилъ бывшій Бессарабскій Намѣстникъ Н. А. Бахметьевъ, и въ 12 лѣтъ деревья выросли довольно высоко. Аллеи имѣютъ тѣнь; но гуляющихъ въ саду я не примѣтилъ. Говорятъ, что при Бахметьевѣ въ заводимомъ имъ саду собирался цѣлый городъ; время сіе каждый, а особенно куконы, воспоминаютъ съ удовольствіемъ. Жалуются на теперешнюю скуку, и подлинно, въ Кишиневѣ она имѣетъ особенное свое прибѣжище.

Здѣсь необходимо быть губернаторомъ человѣку знатному, богатому, иначе Кишиневъ со временемъ сдѣлается деревнею. Лавочки, въ которыхъ продаются красные товары, вареную и жареную баранину, плацинды и бакалейные товары, построены въ два ряда въ узкой смрадной улицѣ, совершенно уже во вкусѣ азіатскомъ. Питейные дома съ хлѣбнымъ и молдавскимъ виноградным виномъ разсѣяны по всему городу; на откидныхъ на улицу стойкахъ наставлено множество разной величины и формы бутылочекъ съ разноцвѣтнымъ виномъ и водкою, манящими къ себѣ обожателей Бахуса. У нѣкоторыхъ питейныхъ домиковъ на террасахъ съ навѣсомъ барды молдавскіе, цыгане, наигрываютъ и напѣваютъ сочиненныя ими на разные случаи заунывныя пѣсни, и красноносые посѣтители пьютъ, призадумавшись. Видны экипажи по улицамъ: кучера одѣты по большой части въ купленные у гусаръ разныхъ полковъ поношенные доломаны. Теперь есть здѣсь и дрожки извощичьи. Лошади въ оныхъ кожа да кости, но въ день надобно заплатить за дрожки отъ 10 до 15 рублей, или же по 1 р. 40 к. въ часъ; каждый извощикъ, возившій меня, имѣлъ карманные часы. Гдѣ дѣло идетъ объ интересѣ, тамъ и простой молдаванинъ, или грекъ, не только не уступитъ, но и превзойдетъ въ расчетахъ всякую другую націю.

На другой день моего пріѣзда въ Кишиневъ было 1-е маія. Комендантъ съ вечера пригласилъ меня на малину. Кончивши къ полудню дѣла мои, велѣлъ везти себя къ коменданту, дабы узнать отъ него о мѣстѣ, куда мы поѣдемъ.

Не заставши его, признаться, мнѣ было досадно возвращаться домой, не поѣвши такой рѣдкости, какъ малина 1-го мая. Едва могъ сыскать человѣка во всемъ домѣ. Спрашиваю его о комендантѣ, и получаю въ отвѣтъ: „Поѣхалъ на малину". Вдругъ слышу крикъ извощика: „Знаю теперь; садитесь, это недалеко отъ города!" и тутъ то я догадался уже, что малиной, вѣроятно, называется какое нибудь урочище. „Пошелъ на малину!"

За четыре версты отъ города, меня привезли къ воротамъ, ведущимъ въ окопъ, заросшій кустарникомъ. Начался дождикъ. Ну, думалъ, если намъ придется праздновать 1 маія на открытомъ воздухѣ, подъ дождемъ, то если бы и подлинно угощали меня самою крупною малиною со сливками, и тогда выгоднѣе было бы остаться дома. Иду по узенькой заросшей травою тропинкѣ: начались по обѣимъ сторонамъ виноградныя плантаціи, и, наконецъ, я набрелъ на простую хижину. Хозяинъ праздника, комендантъ, и жена его выбѣгаютъ на встрѣчу и вводятъ меня въ маленькія сѣни. Тутъ я увидѣлъ множество бояръ и куконъ, военныхъ офицеровъ и цивильныхъ въ европейскихъ платьяхъ. Хоръ цыганъ стариннымъ маршемъ возвѣстилъ приходъ мой. Хозяйка, съ которою я познакомился наканунѣ, рекомендовала меня матери и всѣмъ роднымъ своимъ, природнымъ жителямъ Кишиневскимъ. Я полагалъ, что въ 16 лѣтъ все уже выучилось по русски; но примѣтивши, что куконамъ особенно не дался еще русскій языкъ, адресовался къ нимъ по молдавански. Начались удивленія, гдѣ я научился языку ихъ, какъ я хорошо объясняюсь на немъ, и тому подобное. Подали закуску, или обѣдъ; между тѣмъ пересталъ дождикъ, показалось солнце; я предложилъ, познакомившись уже со всѣми, праздновать 1-го маія подъ тѣнью волошскихъ орѣховъ. Все общество съ восхищеніемъ приняло мое предложеніе: кто за барана, кто за хлѣбъ; ножи, ложки и вилки, кушанье, разобраны по рукамъ; намъ накрыли столъ на лугу, отѣняемомъ вѣтвистыми деревьями; всякій поставилъ доставшееся ему нести блюдо, и начался пиръ, какъ говорится, горою. Молдавское вино лилось въ полныхъ стаканахъ, и ихъ усердно опоражнивали. Дикіе и унылые тоны цыганъ, поющихъ и играющихъ на скрипкахъ и бандурѣ, погрузили меня въ пріятную задумчивость; взоры блуждали по горамъ, усѣяннымъ виноградникомъ и фруктовыми деревьями, въ лощинахъ и на холмѣ раздавались голоса подобно намъ празднующихъ: отдаленные звуки скрыпокъ и пѣсней составляли какую то странную гармонію. Кишиневъ былъ какъ на ладонѣ; издали онъ казался обширнымъ, кра-

сивымъ, городомъ; бѣлѣлись церкви и большіе домы, солнце ярко освѣщало куполы и кресты храмовъ; строенія, казалось, были посреди садовъ, и все вмѣстѣ дѣлало прекрасную панораму.

Пиръ сей напомнилъ мнѣ цвѣтущее время моей юности, когда я беззаботно веселился съ молдаванами, любилъ ихъ пѣсни и мирныя удовольствія, волочился за куконами и танцовалъ сербешти. Ласковымъ обхожденіемъ вездѣ сыщешь пріятелей. Когда, бывало, въ прошлую турецкую войну, мнѣ случалось на зимнихъ квартирахъ отдыхать въ какомъ нибудь мѣстечкѣ, послѣ трудной кампаніи, я дѣлался какъ бы уроженцемъ онаго.

Съ 1808 года я зналъ уже молдавскій языкъ; принаравливался къ обычаямъ ихъ и пріобрѣталъ на чужой сторонѣ почти родственныя ласки во многихъ боярскихъ домахъ. Гдѣ бы ни провождали мы юность, счастливое время сіе, его самыя незначащія обстоятельства, и случаи, происшедшія тогда съ нами, сторона и люди, — воспоминаются съ удовольствіемъ.

Цыгане заиграли и запѣли, неслыханную мною доселѣ, пѣсню, самую унылую:

Если я живу, живу лишь для милой,
Безъ нея мнѣ все грустно и уныло! [1])

Стыжусь: слезы навернулись у меня, и я такъ былъ растроганъ, что все общество примѣтило мое смущеніе. На вопросы о причинѣ, я отвѣчалъ, что воспоминаніе былаго слишкомъ меня трогаетъ; всѣ заключили, что я былъ влюбленъ въ Молдавіи, всѣмъ куконамъ это нравилось; наконецъ, звукъ стакановъ отвратилъ отъ меня общее вниманіе. Нѣтъ, не Молдавская красавица исторгла слезы изъ глазъ моихъ; не къ давно прошедшему я относилъ слова унылой пѣсни. Любить страстно, пламенно, можно одинъ только разъ въ жизни; и предметъ моего благоговѣнія, любви и дружбы, родился подъ другимъ небомъ. Для меня она: „la seule personne au monde, que j' ai trouvée, toul à la fois supérieure et naturelle, simple dans ses manières, généreuse dans ses sacrifices, spirituelle, comme les plus habilles, confiante, comme les meilleurs, etc. etc.“

Напившись шербету съ ключевою водою, турецкаго кофію, и накурившись трубокъ, мы возвратились въ городъ часу въ 7-мъ. Дикіе тоны цыганской музыки отдавались въ ушахъ моихъ, а слова упомянутой мною пѣсни вертѣлись въ памяти. Спать еще было рано, я побрелъ въ казенный садъ подышать чистымъ воздухомъ, хотя вечеромъ очень было свѣжо, какъ обыкновенно въ здѣшнемъ климатѣ: днемъ жаръ, а ночью безъ шубы быть не возможно.

---

[1]) Переводъ слово въ слово, съ сохраненіемъ самаго размѣра стиховъ.

Обошедши садъ, въ которомъ, кромѣ меня, никого не было, вскарабкался я на насыпанный посреди онаго курганъ, и сѣлъ на устроенной тамъ скамейкѣ. Солнце не освѣщало уже Кишинева; на чистомъ свѣтлоголубомъ небѣ показались звѣзды, и полная луна взошла во всемъ своемъ унылом величіи. Милое свѣтило небесное, ты освѣщаешь не одни степи бессарабскія; можетъ быть, въ эту самую минуту, карыя очи ангела души моей встрѣчаются съ тускло блещущими твоими лучами, и несчастный другъ ея проскользнулъ въ памяти. Въ семъ самомъ саду она гуляла нѣкогда. Здѣсь природа образовывала юныя прелести; подъ симъ небомъ развертывались способности ума ея. Здѣсь начала она познавать людей и учиться быть добродѣтельною. Быть можетъ, на семъ самомъ мѣстѣ она искала взорами подобнаго ей существа, добраго, чувствительнаго, и уходила домой съ пустотою въ сердцѣ. Ахъ! и тогда, будучи въ отдаленіи, я любилъ уже. Сколько протекло времени съ тѣхъ поръ, когда сердце мое забилось для нея. Ни разлука, ни жестокость рока, раздѣлившаго жребій нашъ, ничто не перемѣнило моей привязанности. Дни жизни моей подвигаются къ вечеру, но въ сердцѣ, всегда полномъ ею, не вечерѣетъ, чувства нѣжнѣйшаго дружества будутъ сопровождать меня и за прагъ въ темную вѣчность. Мнѣ часто говорили, что одно упрямство характера, а не любовь истинную, они и видятъ въ поведеніи моемъ относительно къ ней! Какое безуміе! Неужели столько жертвъ, въ теченіи столькихъ лѣтъ, я могъ бы принесть ни съ чѣмъ несообразному упрямству? Неужели бы я изъ одного суетнаго упрямства отказывался столько разъ отъ всѣхъ выгодъ жизни? Люди, люди, въ эгоизмѣ вы измѣряете чувства другихъ по своимъ собственнымъ, и ошибаетесь. Всѣ ваши умствованія противу таинствъ природы и предопредѣленія—хаосъ! [1])

На другой день я осматривалъ госпиталь, провіантскій магазинъ и выписную команду. О провіантскихъ магазинахъ и вообще о запасахъ будетъ говорено въ особой статьѣ.

Кишиневскій госпиталь помѣщенъ во временномъ казенномъ строеніи и въ 8 гражданскихъ домахъ, находящихся въ разныхъ частяхъ города. Помѣщеніе вообще самое невыгодное, казенное строеніе сдѣлано прошлаго лѣта; предположено было выстроить сарай для лѣтняго помѣщенія больныхъ, для чего и отпущено по смѣтѣ 32 т. руб. Чиновникъ, которому поручено было выстроить сарай, видя, что, вмѣсто плетневаго, можно выстроить таковой изъ кирпича, рѣшился возвести стѣны въ одинъ кирпичъ. Въ сараѣ сдѣлалъ полъ и потолокъ, покрылъ оный драныо, и подъ осень сдѣлалъ печи: вся сія казарма, въ которой помѣщается 300 человѣкъ больныхъ, обошлась Правительству 34 т.

---

[1]) Entre Dieu et l'amour je ne reconnais d'autre mediateur que la conscience.

Правда, что зимою во временномъ семъ строеніи было холодно и сыро, но, прибавя къ издержанной суммѣ еще 6 т., можно исправить его такъ, что оно навсегда уже будетъ годиться подъ госпитальное помѣщеніе. За дома гражданскіе по найму казна платитъ ежегодно болѣе 50 т., въ коихъ больныхъ едва можно помѣстить съ 600 человѣкъ. Не выгоднѣе ли было бы единожды навсегда построить прочное и удобное для госпиталя зданіе, которое обошлось бы 60 т., нежели ежегодно терять по 54 т., не говоря уже о томъ, что больные теперь разсѣяны по всему городу, а тогда они были бы въ одномъ, выгодномъ и для нихъ, и для медиковъ, и для надзору и прислуги, мѣстѣ? Не знаю, какъ успѣваетъ теперь старшій лѣкарь объѣхать госпиталь? Я едва могъ въ теченіе 8 часовъ осмотрѣть однѣ палаты больныхъ. Впрочемъ, содержаніе и пища въ госпиталѣ семъ весьма хорошія.

Не взирая на то, что больные помѣщены въ лучшихъ гражданскихъ домахъ, и что городъ, можно сказать, пустѣетъ отъ того, хозяевъ занятыхъ домовъ принуждаютъ поправлять ихъ, не уплачивая имъ договорной платы, какъ будто бы именно для того, чтобы никто уже не строился, во избѣжаніе хлопотъ, издержекъ, лишенія своего жилища и опасности жить среди болѣзней. Всѣ требованія со стороны военнаго и госпитальнаго начальства, простираемыя къ мѣстному правительству объ устройствѣ необходимыхъ принадлежностей къ госпиталю, какъ-то: кухонь, бань, прачечныхъ и проч., остаются безъ всякаго вниманія. Кишиневское, или все бессарабское, гражданское начальство живетъ лишь для себя. Полицеймейстеръ не зависитъ отъ губернатора; сей послѣдній, кромѣ злоупотребленій, ни къ чему полезному безъ разрѣшенія приступить не можетъ. Стоитъ только въѣхать въ городъ, чтобы судить о неисправности полиціи, и заглянуть въ какое вамъ угодно губернское присутственное мѣсто, чтобы видѣть общій безпорядокъ въ управленіи областью. Нѣтъ ни суда, ни правды. Губернаторовъ до десятка перемѣнилось не болѣе, какъ въ теченіе двухъ лѣтъ, двое изъ нихъ заглянули только въ присутственныя мѣста и, убоясь бездны, открывшейся передъ ними, можно сказать, бѣжали. Нерѣшеннымъ дѣламъ нѣтъ счету, равномѣрно какъ израсходованнымъ казеннымъ суммамъ.

Но о Бессарабской Области будетъ говориться также въ особой статьѣ, съ полною откровенностію.

Въ Кишиневѣ, какъ извѣстно уже выше, есть комендантъ. Мѣсто сіе учреждено для успокоенія заслуженнаго, израненнаго штабъ-офицера, которому въ мирное время не можетъ быть никакого дѣла; но съ открывшеюся войною Кишиневъ содѣлался центральнымъ этапомъ, куда стекаются со всѣхъ сторонъ переходящія команды, выписные изъ госпиталей и арестанты. Скопившіяся команды сіи не имѣютъ никакого

надзора, отправленіе выписныхъ дѣлается какъ ни попало. Люди, прибывающіе изъ Тирасполя, коимъ слѣдовало бы идти въ Аккерманъ, отправляются въ Измаилъ, а тѣ, которые принадлежатъ баталіонамъ, около Бендеръ расположеннымъ, изъ Кишинева обращаются въ Бендеры. Некому ни смотрѣть за ними, ни отправлять ихъ съ толкомъ, и потому многіе бродятъ взадъ и впередъ по Бессарабіи; ибо нѣтъ ни плацъ-адъютантовъ, ни канцеляріи, ни конвоя у несчастнаго коменданта. Внутренней стражи—большая армія въ Россіи; офицеровъ бездна, судя по тому, что 250 человѣкъ ихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, а караулъ въ Кишиневѣ, содержимый гарнизоннымъ баталіономъ у острога, по двѣ недѣли не смѣняется, и нѣтъ ни одного офицера, котораго можно было бы командировать съ партіею выздоровѣвшихъ. До 1815 года не было внутренней стражи, не было 150 т. довольствующихся отъ казны всѣмъ присвоеннымъ солдату, и внутренняя полиція нисколько не была слабѣе нынѣшней.

Я припоминаю себѣ, когда мы, въ 1813 году, переходили, преслѣдуя Французовъ, чрезъ старую Пруссію, и когда въ каждомъ мѣстечкѣ тамъ видѣли ветерановъ, составляющихъ внутреннюю стражу. Всѣмъ казалось учрежденіе это, для успокоенія престарѣлыхъ воиновъ, превосходнымъ. Когда армія наша возвратилась со славою побѣдителей непобѣдимаго Наполеона въ отечество, начала формироваться и у насъ внутренняя стража; и что же? Вмѣсто успокоенія, съ каковою цѣлію она воспріяла свое начало въ мысли Государя, израненный, дряхлый гренадеръ какого нибудь славнаго военными подвигами полка, бродитъ съ арестантами отъ этапа до этапа по распоряженію пьянаго офицера, къ которому на старость онъ попалъ въ непосредственную команду! Такъ всякое благое учрежденіе Правительства искажается безнравственностію низшихъ чиновниковъ и равнодушіемъ къ общему добру высшихъ начальниковъ.

Мнѣ кажется, что поколѣніе нынѣшнихъ знатныхъ сановниковъ Россіи оскудѣло въ прямыхъ, истинныхъ добродѣтеляхъ. Всѣ они, исключая весьма и весьма немногихъ, не имѣющихъ при томъ и голоса, стремятся угодить Государю наружнымъ порядкомъ, или устройствомъ ввѣренныхъ имъ частей; если и дѣлается что либо полезное, то это или безъ намѣренія, или изъ тщеславія, но безъ всякаго уже сердечнаго участія, безъ всякой любви къ отечеству, и безъ всякаго помышленія о грядущемъ послѣ нихъ, и о судьбѣ сыновъ и внучатъ.

Мы видимъ одного знатнаго и богатаго вельможу, управляющаго краемъ, который, изъ подражанія ли прежнимъ боярамъ, или по эгоизму и властолюбію, замѣстилъ всѣ почти должности въ управляемомъ имъ краю своими кліентами. Естьли хотя одинъ изъ нихъ, который былъ бы на своемъ мѣстѣ по разуму и способностямъ? И такъ дѣлаемое имъ частное добро для своихъ приверженцевъ было бы тогда

только похвально, если бы изъ него не происходило зла общаго въ кругу его дѣйствій и власти.

Мы видѣли другого, еще знатнѣйшаго по данной ему власти, который обыкновенно говаривалъ: „Что послѣ насъ будетъ, какое до того дѣло! Послѣ меня хоть волкъ траву ѣшь!“ Или: „Я плюю на все, лишь бы моя часть шла хорошо“. Вотъ чувства, достойныя государственнаго человѣка.

Взглянемъ на другихъ, хотя не столько знатныхъ, но управляющихъ весьма важными частями въ государствѣ и арміи. Одинъ производитъ съемку неприступныхъ мѣстъ, потому что наука сія, или искусство, для него ново; что поступивши въ Генеральный Штабъ, онъ занятъ предметами оной, и чтобы о семъ заговорили, между тѣмъ какъ самыя необходимыя свѣдѣнія о той странѣ, куда намѣреваются внести войну, упущены изъ виду, и не положено песчинки въ основаніе мечтаемаго величія. Другой скачетъ по бѣлому свѣту, дабы ускользнуть отъ настоящаго дѣла, и занимается тѣмъ, чего ему вовсе не поручаютъ, между тѣмъ какъ всѣ части, коихъ онъ нахваталъ бездну, въ совершенномъ разгульѣ. Кто раньше всталъ, какъ говорится, да палку взялъ, тотъ и капралъ! Третій, позавтракавши порядочно, и выспавшись потомъ, съ жадностію разсматриваетъ физіономіи пришедшихъ къ нему, дабы составить игру посеріознѣе. Четвертый хочетъ стариковъ приказныхъ подчинить военному порядку и, если бы возможно было, выучить стойкѣ и маршировкѣ, а въ судахъ и расправахъ хоть шаромъ покати: нѣтъ человѣка порядочнаго. Но полно огорчать себя безполезно картинами, непріятными для любящаго пользу, Царя и отечество.

5 мая я выѣхалъ изъ Кишинева въ крѣпость Измаилъ, верстъ до 40 отъ Кишинева. Мѣстоположеніе прекрасное: горы и мелкій лѣсъ, чистые источники вьются по долинамъ, но далѣе степь дикая.

Я заѣхалъ вечеромъ въ нѣмецкую колонію, остановился въ трактирѣ; это было воскресенье; множество колонистовъ сидѣли по скамьямъ и съ нѣмецкимъ хладнокровіемъ и расчетливостію пили водку и пиво. Мнѣ казалось, что я заѣхалъ въ какую нибудь нѣмецкую деревню. Нравы, обычаи переселенцевъ нисколько не измѣнились; тѣ же самыя физіогноміи мнѣ встрѣчались въ Пруссіи и Саксоніи, въ Ольденбургѣ и на берегу величественнаго Рейна. Мнѣ подали также водки и свѣжаго масла; ужинавши, я разговаривалъ съ почетнѣйшими по виду.

Колонисты не совсѣмъ довольны своимъ жребіемъ, жалуются на неблагодарную землю, на которой безъ проливныхъ дождей ничего не растетъ, а у нихъ съ весны дождя еще вовсе не было.

Сколько ни садили, говорятъ, деревьевъ, во время лѣтнихъ жаровъ все высохнетъ; саранча истребляла посѣянное; скотской падежъ разорилъ нѣкоторыхъ до основанія. Многіе изъ нихъ бывали съ провіантомъ

для арміи за Дунаемъ, въ Бабадагской области, и говорятъ о краѣ семъ съ восхищеніемъ. Если бы, всѣ они восклицаютъ, онъ остался за Россіею, мы бы туда пошли. И самый земледѣлецъ, перемѣнившій нѣсколько разъ свое жилище, не можетъ уже быть привязанъ къ одному мѣсту: онъ искалъ, и будетъ искать, лучшаго; и водвореніе колоній нѣмецкихъ въ пустой, безлѣсной и маловодной Бессарабіи, по мнѣнію моему, непрочно. Трактирщикъ разсказывалъ мнѣ, что онъ жилъ въ Пруссіи и въ разныхъ мѣстахъ Польши, и что тотъ кусокъ земли, который содержалъ онъ около Варшавы, гораздо болѣе значитъ, нежели вся ихъ колонія. Lauter steht's!—„Да какъ же Болгары находятъ степь сію выгодною?"—„Болгары не видѣли ничего лучшаго, а кто родился надъ Рейномъ, тому голая степь кажется ссылкою."—„Заводите и здѣсь винограды!" Всѣ вдругъ закричали: „Umsonst, nicht wachsen, nicht wachsen!"

Признаюсь, я выѣхалъ изъ колоніи не въ хорошемъ расположеніи духа. Въ степяхъ сихъ дѣйствительно одни пастухи могли бы быть довольны своимъ состояніемъ. Татары имѣли огромные табуны лошадей, огромные заводы рогатаго скота и овецъ, а потому и жалѣютъ о Буджакѣ своемъ, гдѣ ни одинъ изъ нихъ не былъ хлѣбопашцемъ.

Проѣхавъ ночью дорогу, на которой, кромѣ почтовыхъ станцій, весьма мало жилья, а еще менѣе селеній, по утру подъѣзжаю къ озеру Катлабугъ; взоры мои искали того мѣста, гдѣ, за 20 лѣтъ предъ симъ, я стоялъ цѣлый годъ съ 4 орудіями на редутѣ въ землянкѣ, которая во время слякоти и мятелей казалась палатами. Редутъ сей, и другой при разоренномъ татарскомъ селеніи Табакъ, устроены были для защиты края отъ могущихъ быть вылазокъ и набѣговъ изъ крѣпости Измаила, въ которой Турки въ значительныхъ силахъ сидѣли себѣ препокойно. Зима 1809 года была весьма бурная: баталіонъ Бутырскаго полка, смѣнившійся съ Катлабугскаго редута и шедшій на квартиры по Килійской дорогѣ, потерялъ половину людей, кои замерзли отъ стужи. Я былъ тогда весьма молодъ, кочевая жизнь мнѣ всегда нравилась; и если деньщикъ бывало надѣлаетъ чего то подобнаго блинамъ, мнѣ казалось, что я ѣмъ не хуже самаго сластолюбиваго богача. Вотъ редутъ, заросшій крапивой; на этомъ курганѣ я любилъ читать: библіотека моя состояла, какъ теперь помню, изъ исторіи Рима и Греціи, Душеньки Богдановича, нѣсколькихъ комедій, и военныхъ книгъ, соч. Фекьера. Былъ столистовый атласъ, на которомъ я тщетно искалъ окрестностей Измаила. Все это, вмѣстѣ съ скудными пожитками, возилось на запасномъ лафетѣ. Тогда не только въ походѣ, но и на мѣстѣ не щеголяли тѣмъ, что на орудіи, кромѣ принадлежности, ничего нѣтъ. Можно судить изъ тогдашней описи лошадямъ артиллерійскимъ, въ которой вписывались въ числѣ примѣтъ: грива на обѣ стороны, или

грива съ отметомъ. Натура не была исправляема искусствомъ, но лошади много выносили труда, не будучи мѣрою выше 2-хъ аршинъ; было много и 14 вершковыхъ. Я стоялъ въ редутѣ Катлабугскомъ круглый годъ; лошади ходили въ полѣ, рѣдко получали сѣно, а еще рѣже ячмень пополамъ съ кукурузой, и ни одна не пала. Съ открытіемъ весны, весь гарнизонъ нашъ и полковникъ казачій, А. А. Кутейниковъ, всякій почти день ѣздили на охоту, ловили рыбу и перепеловъ, открывали волчьи ямы и брали иногда въ плѣнъ бѣдныхъ Татаръ, выѣзжавшихъ изъ крѣпости косить сѣно. Изъ Измаила къ намъ на редутъ бѣжалъ одинъ изъ пашей со свитою, котораго хотѣли тамъ, не знаю за что, лишить жизни, и мы угощали его по военному. Всѣ сіи обстоятельства воспоминаются съ удовольствіемъ, потому что они произошли въ юныя лѣта.

Подъѣзжаю къ Измаилу, ищу глазами высокихъ минаретовъ, съ которыхъ въ 1807 году правовѣрные муллы сзывали послѣдователей Магомета поклониться Господу и Пророку его. Ищу того сада, откуда Турки стрѣляли изъ пушки, названной нами базарною; ибо ядра изъ оной перелетали лагерь и падали за вольнымъ рынкомъ, и не встрѣчаю ничего, кромѣ зеленѣющихся стѣнъ крѣпости. Влѣво открылся городъ Тучковъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1807 году не было и одной избушки, и куда наѣздники турецкіе выѣзжали изъ крѣпости ратоборствовать съ нашею цѣпью форпостовъ.

Все это, казалось мнѣ, происходило не болѣе мѣсяца тому назадъ, между тѣмъ какъ болѣе 22-хъ лѣтъ уплыло въ вѣчность со времени блокады Измаила. Какъ быстро течетъ время, и какъ не много его опредѣлено для жизни нашей! Что препятствуетъ вполнѣ наслаждаться симъ временнымъ даромъ Неба? Что отравляетъ дни безпокойнаго гостя подъ луной? Приличія, выдуманныя ими обязанности, непреодолимыя страсти и мнимыя прегрѣшенія [1]). Грѣхъ дѣлать то другому, что себѣ было бы непріятно. Грѣхъ искать удовольствій въ томъ, отъ чего могъ бы терпѣть ближній твой. Но священная гармонія душъ, но любовь, принесенная на землю благодѣтельнымъ геніемъ, есть ли грѣхъ, или преступленіе? Исполненіе законовъ природы не должно бы волновать совѣсти, и если это не такъ, сіе происходитъ отъ однихъ пустыхъ условій свѣта. Быть добрымъ, или любить добродѣтель, все одно и то же. Если слабости смертнаго не причиняютъ золъ подобныхъ ему, и онъ свѣтлымъ взоромъ, съ безтрепетною душею, прозираетъ въ гряду-

[1]) Depuis qu'une expérience rapide m'a donné de bonne heure les qualités des vieillards, en me decourageant, comme eux, de l'espérance, je ne fatiguais plus le ciel par la diversité des voeux d'un jeune homme, je ne lui demendais qu'une grâce, c'était de n'avoir jamais à me reprocher le malheur d'un autre; car le remords est la seule peine de l'âme, que le temps et la réflexion n'adoucissent pas.

щее, вѣритъ въ награду за добро, и въ наказаніе за зло, тогда кончину его можно уподобить исчезающей на время звѣздочкѣ за облакомъ, покрывшимъ самомалѣйшую часть неба, на которомъ между тѣмъ не исчислимыя миріады другихъ звѣздъ изливаютъ тусклый свѣтъ свой и, если позволено такъ выразиться, съ улыбкою любви привѣтствуютъ великаго Строителя міровъ.

Проѣзжая городъ Тучковъ, я замѣтилъ, что крыши на нѣкоторыхъ домахъ даже состарѣлись уже. Большія деревья бѣлыхъ акацій, коихъ нигдѣ я не видѣлъ такого множества, какъ здѣсь, бѣлѣли почти около каждаго дома, и ароматическимъ запахомъ цвѣта повѣвалъ свѣжій утренній вѣтерокъ. На площади пропасть разнаго рода людей, воловъ, возовъ и всякой всячины деревенской. Это былъ торговый день, каковые бываютъ два раза въ недѣлю. Спрашиваю: гдѣ живетъ О. В. В., директоръ таможни? И мнѣ указали подъ желѣзною крышею домъ, на берегу Дуная.

Величественная рѣка быстро мчалась въ Черное море, коего берега въ 36 верстахъ отъ Измаила. Вода свѣтлобураго цвѣта въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣки крутилась и, казалось, упорствовала противу натиска стремящагося въ слѣдъ потока. Правый берегъ зеленѣлся, но я не видѣлъ уже на ономъ, или на островѣ, называемомъ Чаталъ, тѣхъ прекрасныхъ садовъ абрикосовыхъ и черешневыхъ, тѣхъ вѣтвистыхъ деревъ волошскаго орѣха, которыя во время турецкаго владѣнія покрывали островъ, гдѣ, во время блокады Измаила, романическая ген. Л. угощала молодежь, и гдѣ старикъ С., нынѣшній комендантъ Измаильскій, имѣлъ натуральныя бесѣдки изъ фруктовыхъ деревьевъ. Этотъ С. участвуетъ въ 4-й войнѣ Россіянъ съ Турками, и сохранилъ еще такую память, какъ бы человѣкъ лѣтъ 40. Ему же, конечно, будетъ около 90. Здоровъ, веселъ, занимается хозяйствомъ, ѣздитъ верхомъ, и разсказываетъ о штурмѣ Суворовскомъ, на которомъ онъ былъ уже маіоромъ, какъ бы сіе было вчерашній день. 20 лѣтъ я не видалъ его, и онъ меня узналъ по походкѣ и по голосу. Счастливая старость.

Наглядѣвшись на давно знакомый Дунай, встаю съ экипажа и вхожу къ В., съ коимъ, за двадцать же лѣтъ предъ симъ, мы разстались подъ Измаиломъ, гдѣ онъ потерялъ руку и, по взятіи крѣпости, назначенъ былъ плацъ-маіоромъ въ оную: онъ не узналъ меня, хотя мы были съ нимъ болѣе, нежели пріятели; когда же я напомнилъ ему о себѣ, онъ обрадованъ былъ не менѣе меня нашимъ свиданіемъ; время летѣло въ дружескихъ разговорахъ о старинѣ. Онъ старше меня лѣтъ на восемь, женатъ, имѣетъ девятеро дѣтей, и живетъ службою и честными трудами. В. приглашалъ меня остановиться у него, но, видя такое огромное семейство, я потребовалъ уже квартиру, и мнѣ отвели ее у негоціанта, родомъ изъ Рагузы. Отдохнувши послѣ дороги и пообѣ-

давши у добраго В., я занялся донесеніями Начальству по предмету моихъ осмотровъ, и непримѣтнымъ образомъ просидѣлъ до самаго свѣта. Поспавши немного на зарѣ, я принялъ пришедшихъ ко мнѣ по службѣ и тотчасъ началъ смотрѣть госпиталь, помѣщенный въ 47 наемныхъ гражданскихъ домахъ, находящихся въ разныхъ мѣстахъ города.

Зимою тысяча больныхъ помѣщалась въ 89 домикахъ и избушкахъ; страшные холода, недостатокъ медиковъ, недостаточное снабженіе госпиталя комиссаріатскими и госпитальными вещами, безпорядокъ со стороны смотрителей, холодная, можно сказать, пища—ибо кушанья готовились въ 4 кухняхъ, и пока разнесутъ его по палатамъ, оно совершенно простывало; скудость въ самой водѣ — ибо колодезей, здесь весьма немного, и тѣ заметало снѣгомъ, Дунайскую же воду, пока она не отстоится, для чего потребно не менѣе сутокъ, пить не возможно по ея мутности;—все это умножало смертность и несчастныя жертвы гибли по 20, 30, и даже по 40 человѣкъ въ день.

Теперъ я засталъ въ Измаильскомъ госпиталѣ только 1200 больныхъ. умираетъ отъ 6 до 10 человѣкъ въ сутки, и это ужасно! Мрутъ по большей части бѣдные рекруты, непрывычные къ климату, къ водѣ, къ пищѣ и тоскующіе по родинѣ.

Пища для больныхъ теперь весьма хорошая, надзоръ за ними дѣятельный, вещей всякаго рода съ избыткомъ; но Измаилъ самъ по себѣ есть такое уже мѣсто, гдѣ и старожилы каждую весну и осень подвергаются эпидемическимъ болѣзнямъ.

Къ счастію, здѣсь есть множество магазиновъ, выстроенныхъ купцами для ссыпки хлѣба во время торговли; а какъ теперь оной нѣтъ, то магазины сіи мы заняли подъ больныхъ и, по увѣренію главнаго доктора, это послужитъ большимъ сбереженіемъ людей, расположенныхъ въ высокихъ палатахъ, гдѣ они, по крайней мѣрѣ, будутъ имѣть свѣжій и чистый воздухъ.

Два дня съ половиною, т. е., 7, 8 и до полудня 9 мая, продолжался осмотръ мой госпиталя и провіантскаго магазина, въ которомъ запасовъ на текущее продовольствіе никакихъ нѣтъ.

9-го послѣ обѣда я оставилъ донесеніе и особую записку [1]). Въ ве-

[1]) Въ коей изображены всѣ невыгоды Измаильскаго госпиталя, возможность перевесть оттуда больныхъ въ предположенный мною Бендерскій госпиталь, или же, по крайней мѣрѣ, въ Кишиневскій и Тираспольскій; ибо здѣсь истинно терпитъ человѣчество. Дабы подать записку лично и немедленно гр. В., я рѣшился воспользоваться позволеніемъ его ѣхать подъ Силистрію, гдѣ онъ находиться будетъ. Исполненіе сего по человѣколюбію лежало у меня на сердцѣ, и если я пустился въ армію, то совѣсть въ томъ свидѣтель, что не изъ суетнаго любопытства, или какихъ либо видовъ, а дабы успокоиться исполненіемъ святой обязанности честнаго человѣка. Рѣшимость помирила меня съ самимъ собою. Будутъ ли внимать моему представленію, или нѣтъ, но я употреблю всѣ средства, отъ меня зависящія, къ облегченію жребія страждущихъ, коихъ жизнь, нужная отечеству, прекращается отъ малаго вниманія къ ихъ участи.

черу я былъ у всей Измаильской старшины. 10 мая дѣятельный и услужливый 2-й комендантъ повезъ меня въ крѣпость. Я осматривалъ оную съ любопытствомъ; подъ Измаиломъ, въ 1807 году, мы стояли 8 мѣсяцевъ. Если крѣпость сія была такая же, какъ теперь, въ то время, когда бралъ ее знаменитый Суворовъ штурмомъ, то онъ совершилъ чудо. Не говоря уже, что гарнизонъ былъ многочисленнѣе штурмовавшихъ, укрѣпленія состоятъ изъ вала и рва, какъ и во всѣхъ турецкихъ крѣпостяхъ; но что это за валъ и ровъ? Никакія лѣстницы не будутъ годны, чтобы вскарабкаться на стѣну. Вездѣ взаимная оборона; есть нѣкоторыя, хотя, впрочемъ, неважныя, наружныя пристройки, и цитадель, въ которой можетъ помѣститься 20 тысячъ защитниковъ. Въ крѣпости не осталось ни минаретовъ, ни бань съ мраморными досками и резервуарами для воды, ни садовъ, ни домовъ турецкихъ. Все истреблено, между тѣмъ какъ ямы и даже бывшій пороховой взрывъ въ цитадели не засыпаны.

Казармъ и почти никакихъ помѣщеній, кромѣ нѣсколькихъ домиковъ въ крѣпости и арестантскихъ въ цитадели вовсе нѣтъ, гдѣ бы укрывался гарнизонъ, въ случаѣ нужды. О построеніи казармъ представлены, однако жь, планъ и смѣта; но когда онѣ начнутъ строиться? Между тѣмъ и госпиталя помѣстить негдѣ.

Мы объѣхали вокругъ крѣпость, осмотрѣли бастіонъ каменный отъ Дуная, на который первые герои Суворова взобрались по непріятельскимъ тѣламъ. Смотрѣли нѣсколько военныхъ гребныхъ судовъ и флотилію Сенат., на коей положено доставлять въ армію продовольственные запасы и которая стоитъ на мѣстѣ, съ нанятымъ экипажемъ, единственно только по неимѣнію баркасовъ, еще строящихся. Но издержки на флотилію эту совершенно ничего не значатъ въ сравненіи съ тѣми, какія правительство несетъ на зафрахтованныя суда въ Одессѣ. Тамъ нѣкоторыя изъ нихъ, не дѣлавши ни одного рейса, получили десятки тысячъ. Во время самой блестящей торговли въ Одессѣ съ четверти пшеницы до Константинополя платилась шкиперамъ половина теперешней цѣны до Варны. Полагали, что навигація сократитъ издержки на продовольствіе арміи, которое въ прошлую войну, будучи доставляемо сухимъ путемъ, будто бы весьма дорого обходилось; по справкамъ же оказывается ,что въ прошлую войну выше 12 рублей хлѣбъ никогда казнѣ не стоилъ, а теперь обходится онъ болѣе 20 за четверть.

Случилось, что по недостатку хлѣба въ Измаилѣ на текущее продовольствіе понадобилось Провіантской Коммисіи резервныхъ войскъ судно для перевозки туда онаго. Одесская Комиссія по продовольствію арміи, давши судно, требуетъ потомъ отъ Измаильской Комиссіи за № по 9 р. 60 к. съ четверти за одну только перевозку, когда подрядчикъ ставитъ въ Измаилъ муку только по 12 рублей.

Я осматривалъ также всѣ тѣ батареи, на коихъ находился во время блокады Измаила; признаться, онѣ были весьма далеко отъ крѣпости, но Турки стрѣляли удачно. Узкій заливъ изъ Дуная, протекающій съ сѣверной стороны крѣпости и вдавшійся въ лощину, называемую Броской, напомнилъ мнѣ Ивановъ день 24 іюня, имянины бывшаго тогда главнокомандующимъ Михельсона; наканунѣ дня сего, ночью, онъ приказалъ построить батареи на самомъ берегу залива въ такомъ разстояніи отъ прежде бывшихъ, чтобы въ сихъ послѣднихъ можно было дѣйствовать самыми ближайшими картечными выстрѣлами, и когда турки сдѣлаютъ вылазку, и будутъ усиливаться завладѣть вновь построенными батареями, подпустивъ ихъ какъ можно ближе, защищаясь, свозить потомъ орудія и прикрытіе, ретироваться въ старыя батареи, гдѣ были скрыты значительныя силы наши, равномѣрно какъ въ камышахъ, находящихся во флангѣ уступаемыхъ туркамъ батарей; коль скоро же турки займутъ ихъ, вѣроятно, значительными силами, ударить по нихъ изо всѣхъ орудій картечью и, разстроивъ, кинуться скрытой пѣхотѣ на батареяхъ и въ камышахъ въ штыки. Военная хитрость эта исполнена съ превосходнымъ успѣхомъ. Турокъ, забравшихся въ фальшивыя батареи, перекололи до 2 т., столько же, можно полагать, погибло ихъ въ заливѣ, которые бросились въ оный; тѣхъ же, кои побѣжали берегомъ, кавалерія наша, врубившись въ толпы, почти всѣхъ истребила. Съ тѣхъ поръ турки, испытавши предъ тѣмъ весьма неудачное покушеніе пятью тысячами овладѣть нашимъ редутомъ въ лощинѣ Броскѣ, въ которомъ было 2 орудія батарейныхъ и одно турецкое въ воротахъ, подъ прикрытіемъ 2-хъ ротъ Нарвскаго мушкат. полка, гдѣ они потеряли болѣе 600 убитыми, никогда уже не осмѣливались приближаться къ батареямъ нашимъ, и только одни ихъ фланкеры рисовались по утрамъ и вечерамъ, и доставляли намъ удовольствіе любоваться спектаклемъ воинственныхъ наѣздниковъ.

11 мая я выѣхалъ изъ Измаила. Проѣзжая окрестности его, я не видѣлъ уже тѣхъ фруктовыхъ садовъ, которые покрывали берега Дуная: все истреблено пришельцами изъ разныхъ странъ, поселившимися около Измаила. Помню, когда мы, 1807 года, 3 марта, приступили къ нему, 5-го числа сдѣлалась страшная мятель и холодъ, послѣ прекрасной весенней погоды. Надобно было обогрѣваться, варить кашу, и солдаты, рубивши безъ пощады 19 лѣтнія абрыкосовыя и прочія фруктовыя деревья, никакъ не могли истребить совершенно садовъ: такое ихъ множество! Мы же владѣемъ симъ мѣстомъ болѣе 20 лѣтъ, а садовъ что-то не видно. Надобно отдать справедливость туркамъ въ садоводствѣ и въ устройствѣ богатыхъ фонтановъ, а нашимъ въ истребленіи сихъ вѣковѣчныхъ заведеній.

Разсуждая дорогою объ Измаилѣ, какъ о важномъ торговомъ пунк-

тѣ, я совершенно согласенъ съ хозяиномъ моимъ, Измаильскимъ Рагузинцемъ, что если бы правительство распространило и на Измаилъ права, данныя другимъ торговымъ городамъ, каменные дома, по оцѣнкѣ ихъ, принимать въ залоги, онъ въ короткое время сдѣлался бы „великой градъ", какъ говоритъ Рагузинецъ; а то негоціантъ, выстроившись и употребя на это значительный капиталъ, теряетъ его безвозвратно; во время же помѣщенія въ домѣ госпиталя не пользуется и устроеннымъ имъ для себя жилищемъ. Напротивъ того, есло бы дома принимались въ залогъ, всякій и строилъ бы ихъ каменные, въ томъ уже предположеніи, что ссуду дадутъ, и, имѣя вѣрный залогъ, производилъ бы на оный разные обороты и безъ иностранной торговли. При томъ же тарифъ ихъ утѣсняетъ: прежде они платили по 3 процента съ цѣнности товаровъ въ таможни, и торговали чѣмъ кто могъ, а нынѣ тарифъ, по словамъ Рагузинца и другихъ значительнѣйшихъ купцовъ, съ коими мнѣ разговаривать случилось, стѣсняетъ дѣятельность торговли.

Мнѣ нужно было ѣхать въ Сатуновъ, который отъ Измаила только 18 верстъ, но какъ чрезъ лиманъ, или заливъ изъ Дуная, называемый озеромъ Ялпухъ, нѣтъ переправы, должно было объѣзжать его и дѣлать до Сатунова 90 верстъ. По правому берегу означеннаго лимана множество виноградныхъ садовъ, и вино дѣлается весьма порядочное, въ особенности около с. Бабили. По дорогѣ я остановился въ Болгарской колоніи, мѣстечкѣ Болградѣ. Подъѣзжая къ оному, берегъ Ялпуха покрыть также виноградными садами. Вездѣ видно трудолюбіе; Болгары славятся самыми неутомимыми хлѣбопашцами. Болградъ построенъ въ двѣ линіи; на обширной площади выстроены каменныя зданія для лавокъ, въ коихъ живутъ, пока лавки еще (исключая весьма не многихъ) не заняты, чиновники, управляющіе колонистами, а потому о занятіи гостиннаго двора и заботиться не очень то будутъ. Здѣсь учреждается госпиталь на 600 человѣкъ, и для того отведено 150 обывательскихъ домовъ. Означенное число больныхъ можно бы было помѣстить въ помянутыхъ мною каменныхъ зданіяхъ, выстроенныхъ мѣстечкомъ; но Управляющій колоніями въ Бессарабіи, ген. Инзовъ, рѣшительно отказывается въ томъ, дабы переводомъ 4 чиновниковъ, занимающихъ всѣ зданія, не разстроить управленія колоніями. Причина весьма дѣльная! Конечно, лучше отнять у 150 семействъ жилища и разсѣять больныхъ по мѣстечку, нежели потревожить 4 человѣка, которые могли бы весьма удобно на время помѣститься въ 4 домахъ обывательскихъ. Но 150 семействъ будутъ молчать, а 4 чиновника нарушатъ чтеніе какихъ нибудь вѣдомостей. Вотъ еще примѣръ разсужденія высшаго сановника о пользѣ общей. Обстоятельство сіе включено мною въ записку, съ которою скачу подъ Силистрію. Если ген. Инзовъ подобнымъ отказомъ думаетъ освободить Болградъ отъ госпиталя, и

тутъ, въ его званіи, выказывается одно лишь непростительное желаніе собственнаго спокойствія; ибо, принявъ въ соображеніе, что Болградъ составляетъ такой пунктъ, въ которомъ только и можно успокоить раненыхъ и заболѣвшихъ, отправляемыхъ изъ за Дуная, какъ ближайшаго помѣщенія нѣтъ по дорогѣ, возить же трудно больныхъ до Измаила и Кишинева далеко, можно рѣшительно сказать, что всякія отговорки въ такомъ случаѣ неумѣстны, ежели бы ихъ дѣлалъ и чиновникъ, гораздо низшій генерала Инзова. Лѣвый берегъ Ялпуха гористъ; по отлогости на берегу есть также во многихъ мѣстахъ сады виноградные, и Болградъ виденъ за 20 верстъ отъ него къ Сатунову,

Въ Болградѣ на станціи, въ книгѣ о проѣзжающихъ, записанъ и графъ Виттъ; на слѣдующей же станціи не проѣзжалъ онъ. Полагая, что сіе рѣшится въ Сатуновѣ, пріѣхавши туда, я справлялся и у станціоннаго смотрителя, и у коменданта, но всѣ рѣшительно отзывались, что они не слыхали о проѣздѣ графа Витта.

Осмотрѣвъ здѣсь хлѣбные запасы, сложенные въ ярусахъ на открытомъ воздухѣ, видѣлъ мостъ на Дунаѣ, по которому Государь и армія въ прошломъ году переправились въ Болгарію. Смотрѣлъ съ любопытствомъ положеніе переправы и позицію, занимавшуюся нашими войсками, и непріятелемъ, защищавшимъ правый берегъ. Крѣпостца Исакча построена на покатости горы. По возвышеніямъ были устроены турецкія батареи, и если наша артилерія дѣйствовала по онымъ черезъ рѣку, то это не такъ то близко было. Не теряя напрасно времени. я пустился обратно, принявъ намѣреніе, переправясь черезъ Прутъ, ѣхать Молдавіею и Валахіею подъ Силистрію, куда вѣроятно, и графъ Виттъ такимъ же образомъ поѣхалъ, а въ Болградѣ писарь вѣрно ошибся, записавъ, что лошади даны были до станціи на Сатуновъ.

Пріѣзжаю на первую станцію отъ Болграда до переправы на р. Прутѣ, въ с. Зернешти, лежащее въ лощинѣ, по которой протекаетъ маленькая рѣчка Кагулъ, значащаяся на всѣхъ картахъ по тому единственно, что знаменитый Румянцевъ 18 тысячами разбилъ на ней Великаго Визиря, имѣвшаго болѣе 100 т. отборнаго турецкаго войска. Перечитываю и здѣсь книгу о проѣзжающихъ, распрашиваю писаря: но графъ и тутъ не проѣзжалъ. Кто, подумалъ, исповѣсть пути его? Не ворочаться же мнѣ опять въ Сатуновъ? Пускаюсь на Прутъ по предположенію. Пока отпрягали лошадей, я ходилъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ была славная Кагульская баталія; бывавши въ прошлую войну здѣсь, я угадывалъ разныя мѣста, значащіяся на планѣ сраженія, Вотъ покатость, гдѣ было расположено каре праваго фланга, коимъ командовалъ Племянниковъ и въ которое турецкія янычары врѣзались и почти все истребили, что имъ ни попадалось. Вотъ возвышенность, съ которой артиллерія наша, подъ командою извѣстнаго, бывшаго тогда пол-

ковникомъ, или бригадиромъ, П. И. Мелиссино, громила картечью разъяренныя толпы и сосредоточеннымъ огнемъ останавливала нападенія на другіе каре, подобно какъ на Племянникова. При семъ случаѣ я вспомнилъ анекдотъ, слышанный мною отъ стариковъ. Графъ Румянцевъ однажды сказалъ, въ присутствіи Мелиссино, командовавшаго въ арміи его артиллеріею, что она болѣе наводитъ страха на Турокъ громомъ и шумомъ, нежели наноситъ вреда дѣйствіемъ. Послѣ Кагульской битвы гр. Румянцевъ осматривалъ поле сраженія, и видя груды тѣлъ въ томъ мѣстѣ, куда сильная батарея наша стрѣляла картечью, сказалъ бывшему съ нимъ П. И. Мелиссино: „Это Ваша слава! Ужасно сколько положили Вы ихъ тутъ картечью“—„Нѣтъ они отъ страха попадали, Ваше Сіятельство!“ отвѣчалъ Мелиссино; но за сію остроту главнокомандующій никогда уже не благоволилъ къ Мелиссино, отдававши, впрочемъ, всю справедливость уму его и способностямъ.

По дорогѣ отъ Зернешти къ с. Вадуло-Исакамъ, гдѣ устроенъ, мостъ чрезъ Прутъ, ростетъ довольно мелкаго лѣса, за 20 же лѣтъ назадъ, кромѣ кустарника, ничего здѣсь не было. Я квартировалъ, служивши въ артиллеріи, въ Вадуло-Исакахъ; нынѣ, пріѣхавши туда въ вечеру и остановившись ночевать, ходилъ на ту самую квартиру, которую занималъ нѣкогда и гдѣ выдержалъ двѣ ужасныя лихорадки. Бывшій тогда мальчикъ лѣтъ 4-хъ, сынъ хозяина, женатый уже, имѣетъ самъ стольких же лѣтъ сына. Вадуло-Исаки нисколько съ тѣхъ поръ не перемѣнились и не поправились, не взирая на то, что селеніе это имѣетъ всѣ выгоды: камыши, рыбныя ловли, множество прекрасной земли и сады виноградные; оно принадлежитъ помѣщику, который отдаетъ его въ аренду Греку, а сей употребляетъ всѣ мѣры, не безпокоясь о положеніи жителей, къ выручкѣ съ барышемъ уплачиваемой имъ арендной суммы. Въ Бессарабіи всѣ почти деревни, исключая колонистскихъ, на откупѣ. Жиды содержатъ питейные дома, и разоряютъ, вмѣстѣ съ арендаторами, безпечныхъ, впрочемъ, любящихъ вино и праздность, жителей. За одно только можно въ особенности похвалить молдаванъ, что въ домахъ своихъ они живутъ весьма опрятно. Цѣлую ночь шелъ проливной дождь. 12-го я переѣхалъ чрезъ Прутъ въ Княжество Молдавское.

Бренешти, первая станція за Прутомъ. И такъ я еще разъ въ моей жизни въ Молдавіи. По прибытіи моемъ на станцію, два ямщика тотчасъ сѣли верхомъ и поскакали пригнать табунъ почтовыхъ лошадей, всегда пасущихся на подножномъ кормѣ; вошелъ писарь и унтеръофицеръ, находящійся залогой или сальвогвардіей, каковые есть на всякой станціи, для порядку. Распоряженіе весьма хорошее: безъ служиваго человѣка трудно было бы, а особенно тѣмъ изъ проѣзжающихъ, кои не знаютъ языка, сладить съ готовыми всегда разбѣжаться ямщи-

ками Молдаванами. Унтеръ-офицеръ предъявилъ мнѣ печатное постановленіе главнокомандующаго, сколько какому лицу давать лошадей по подорожнымъ. Пригнали табунъ, разловили клячъ и начали стаскивать ихъ за холки въ конопляные шлеи. Мнѣ нацѣпляли попарно вдоль 8 лошадей по рангу. Двое ямщиковъ, одинъ на первой, а другой на третьей, подсѣдѣльныхъ лошадяхъ сѣли верхами: захлопали, какъ пистолетами выстрѣлами, длинными своими кнутами съ весьма коротенькимъ кнутовищемъ, закричали дикими голосами, и поскакали, не разбирая дороги, которая отъ безпрерывныхъ дождей такъ испортилась, что на каждой сажени я чувствовалъ такой толчекъ, какъ бы коляска разсыпалась въ дребезги, но она выдерживала дорогу, и ни одинъ, можно сказать, винтикъ не выпалъ. Честь экипажному мастеру м. Златополя, Кіевской губерніи. На второй станціи, въ с. Формошицахъ, та же исторія. Дорога къ Галацамъ, куда меня везутъ, давно мнѣ знакома: тѣ же корчмы безъ оградъ, около которыхъ лежатъ большія бочки, а подъ навѣсомъ хижинъ сидятъ раздутыя отъ вина Парентіи, здѣшніе Попы, какъ люди изъ праздныхъ самые праздные. По отлогости, на весьма обширной равнинѣ, по которой протекаетъ р. Прутъ, множество виноградныхъ садовъ, обсаженныхъ волошскими орѣхами и другими фруктовыми деревьями. Сторона эта ни въ чемъ не измѣнилась, но жители примѣтно обѣднѣли въ домашнемъ быту своемъ: падежъ скота, саранча, показавшаяся уже и нынѣ на поляхъ здѣшнихъ, и засуха сряду нѣсколько лѣтъ, уменьшили изобиліе края, все, однако же, нескуднаго.

Въѣзжаю въ городъ Галацы. „Пошелъ въ лучшій трактиръ"! и меня съ хлопаньемъ и крикомъ ввозятъ въ узкую улицу, по обѣимъ сторонамъ коей деревянныя лавочки съ разными товарами, цирульни, открытыя кухни, въ которыхъ варятъ и жарятъ баранину, пекутъ хлѣбъ, на сковородахъ шипятъ пляцынды, а по улицѣ ободранные мальчики носятъ сладкую брагу; по крайней мѣрѣ они, дабы привлечь къ себѣ покупщиковъ на оную, хвалятъ ее, крича: „Брага дульче!" т. е., брага сладкая. Чадъ отъ кухонь, въ коихъ безпрерывно топится на сковородахъ бараній жиръ, наполняетъ воздухъ.

Наконецъ меня, цѣпляясь коляскою то за се, то за то, кое какъ подвезли къ трактиру. Вхожу туда: въ передней большой лавкѣ, сѣняхъ или комнатѣ, съ горящимъ каминомъ и стойками, вижу на устроенныхъ съ трехъ сторонъ лавки сей диванахъ, сидящихъ разнаго рода людей въ азіатскихъ и европейскихъ платьяхъ, курящихъ трубки и запивающихъ турецкимъ кофеемъ: одно весьма серіозное лицо сидѣло, поджавши ноги, на краѣ дивана, облокотясь на деревянный сундучекъ съ дырою, въ которую клало деньги, пересчитывая ихъ и записывая счетъ свой на бумагѣ, лежащей на колѣняхъ, такого формата, какъ рецепты.

Въ Молдавіи и Валахіи всѣ письменныя дѣла производятся такимъ образомъ и на такого точно формата бумагѣ. Логофетъ или писарь имѣетъ за поясомъ мѣдную чернильницу съ футляромъ для перьевъ, каковою былъ вооруженъ и человѣкъ, сидящій у сундука. Это, какъ я освѣдомился, былъ хозяинъ трактира и кофейни.

Далѣе, въ боковой комнатѣ, на лавкахъ около деревяннаго длиннаго не накрытаго стола, ѣли баранину, по видимому, небогатые купцы и тому подобные люди; въ самой задней комнатѣ, за обѣдомъ съ полными стаканами вина, ликовали разныхъ полковъ и командъ гг. офицеры. У нихъ также на столѣ не было скатерти, и ни у одного я не примѣтилъ салфетки. Я усѣлся въ углу около маленькаго столика, велѣлъ дать себѣ обѣдъ и вина. Кушанье, хотя, впрочемъ, весьма плохо приготовленное, тотчасъ поставили на голомъ же столикѣ; спрашиваю салфетки, и получаю въ отвѣтъ, что со вчерашняго дня все бѣлье опечатано; и что всѣ лавки, кромѣ сего квартала, заперли, и что въ городѣ оказалась чума, отъ которой, невдалекѣ отъ трактира, умеръ купецъ грекъ, и послѣ вымерло все его семейство, служитель и двѣ служанки.

Такая непріятная новость, признаюсь, заставила меня призадуматься; но восклицанія пирующей молодежи, веселыя воинственныя физіогноміи, вывели изъ размышленія. Чума казалась неприступною къ веселящимся.

Пообѣдавши и выпивши немного болѣе обыкновеннаго вина, я приказалъ привести бородобрѣя. Азіатскій способъ брить всегда мнѣ нравился. Искусство это у нихъ дошло до высшей степени. Не слышишь, какъ ловкая рука не бреетъ, а гладитъ бороду. При операціи этой невольно смыкаются вѣжди и, кажется, будто погружаешься въ какую то магнетическую дремоту, или забывчивость. Окончивши бритье, цирюльникъ магнетизеръ приставляетъ къ подбородку большой тазъ, наклоняетъ вашу голову, надъ коею другой держитъ металлическій сосудъ съ теплою водою, которая посредствомъ крана льется, и вамъ моютъ мыломъ голову, шею, грудь: какая роскошь послѣ дороги, грязи и пыли! Пока брили меня, жидъ принесъ мнѣ необходимую провизію. За табакомъ я самъ пошелъ въ лавку, не думая уже о чумѣ. Возвратившись въ кофейню, я засталъ, однако же, разговоръ объ ней и, разсматривая физіогноміи посѣтитетей со вниманіемъ, замѣтилъ какой то общій страхъ и безпокойство; все, что я видѣлъ, показалось пьянымъ; у нѣкоторыхъ, и дѣйствительно, едва языки поворачивались.

Караимъ почтеннаго вида съ бородою, богато одѣтый въ длинное азіатское платье, услышавши, что я покупаю табакъ, и что мнѣ нужно тертаго по турецки кофію, предложилъ мнѣ купить это за весьма дешевую цѣну; нашедши, что табакъ былъ превосходный, и заплативши ему съ благодарностію деньги, разговорился съ нимъ все таки о чумѣ.

Онъ разсказалъ мнѣ, что нѣсколько уже разъ бывалъ, по несчастію, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ зараза сія свирѣпствовала. „Здѣсь“, говорилъ онъ, „нѣтъ еще совершенно неопровергаемыхъ признаковъ оной, но народъ мретъ, и знаки на умершемъ купцѣ, и вымершемъ потомъ семействѣ его, весьма были похожи на чумные. Я самъ не знаю, что дѣлаю теперь“, продолжалъ караимъ;—„пью каждый день лишнее противу моего обыкновенія; боюсь всякаго прикосновенія, а между тѣмъ просиживаю цѣлыя дни въ кофейнѣ. Межъ людьми, хотя и въ подобномъ мнѣ страхѣ находящимися, забывается столь ужасное положеніе и опасность. Бывавши въ чумныхъ мѣстахъ, по совѣту старыхъ людей, я всегда (говорилъ онъ) носилъ въ карманахъ камфору, чеснокъ, перецъ, и, коснувшись къ чему бы то ни было, мылъ тотчасъ руки уксусомъ, получаемыя мною деньги клалъ также въ уксусъ, и не знаю, посредствомъ сихъ ли предосторожностей, или по особенной благости Божіей, избѣжалъ страшнаго зла сего, между тѣмъ какъ въ одной комнатѣ со мною жившіе—одинъ разъ двое, здѣсь, въ Галацахъ, а другой одинъ въ Константинополѣ, померли; впрочемъ, не все же вымираетъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чума; многіе нѣсколько разъ заражаются ею, и выздоравливаютъ“.

Хотя утѣшенія сіи и успокоивали меня, но, признаюсь, я тотчасъ накупилъ себѣ: камфоры, перцу и чесноку, наложилъ всего этого въ карманы и, запасшись уксусомъ, выѣхалъ изъ опасныхъ Галацъ. Взъѣхавши на гору, я видѣлъ штерншанецъ и другія полевыя укрѣпленія вокругъ Галацъ, сдѣланныя въ прошлую войну инженеръ-капитаномъ Мишо, что нынѣ генералъ-адъютантъ. Въ укрѣпленіяхъ сихъ я стоялъ съ орудіями, а самое несносное для меня было охранять редутъ, устроенный на косѣ, коей острый уголъ, съ одной стороны, омываетъ Дунай, а другой, стремящійся въ оный, мутный и быстрый, Серетъ. На оконечности угла воды обѣихъ рѣкъ соединяются, прорѣзывая черту по стремящейся съ обѣихъ сторонъ бурной влагѣ, и воду Дунайскую отъ Серетской можно отличать по цвѣту. На низменномъ этомъ мѣстѣ тьмы комаровъ, и дежурить тамъ было совершенное наказаніе. Въ одномъ изъ упомянутыхъ мною полевыхъ укрѣпленій, въ 1821 году, партія изъ 52 человѣкъ грековъ защищалась цѣлый день отъ 800 турокъ, и ночью, не имѣя уже ни пороху, ни пуль, ретировалась за Прутъ, въ Ренскій карантинъ нашъ. Изъ 52 человѣкъ грековъ было убито 3 и 5 ранено, изъ коихъ одинъ, весьма тяжело раненый, просилъ товарищей своихъ прекратить жизнь его, дабы не достаться въ руки туркамъ, и желаніе героя было исполнено. Въ подвигахъ возставшихъ грековъ въ Молдавіи и Валахіи было также весьма много героическаго: пожертвовавшіе собою 500 человѣкъ ихъ у Днѣстра, противу Скулянъ, заслуживаютъ лучшей памяти. Они видѣли неизбѣжную гибель, но видѣли также и

способъ къ спасенію въ Скулянскомъ карантинѣ; но большая часть ихъ пала, будучи вѣрными долгу и чести.

На равнинѣ за Галацами въ іюлѣ 1809 г. князь Прозоровскій, готовясь къ переправѣ за Дунай, дѣлалъ маневры и смотръ войскамъ. На смотру этомъ начальникъ артиллеріи предложилъ мнѣ быть адъютантомъ его, но у меня не было никакой даже клячи; ложный стыдъ удерживалъ меня объяснить это откровенно передъ генераломъ; и такъ я отвѣчалъ, что желаю служить во фронтѣ, и сколько потерялъ чрезъ то! Послѣ маневровъ отъ жары, трудовъ и еще болѣе отъ горести, что бѣдность препятствовала мнѣ выйти изъ общаго круга фронтовыхъ офицеровъ, я почувствовалъ себя нездоровымъ; усилившаяся болѣзнь воспрепятствовала мнѣ слѣдовать съ ротою подъ Силистрію, и я принужденъ былъ остаться въ Галацахъ безъ всѣхъ способовъ не только лѣчиться, но даже существовать. Опять ложный стыдъ не позволилъ мнѣ поступить, подобно другимъ офицерамъ, въ госпиталь; оставшись же на квартирѣ, не помню, чѣмъ я питался. Мѣсяца чрезъ два я могъ уже ходить, тщетно искалъ средства отправиться къ ротѣ; просить у кого либо денегъ у меня языкъ не поворотился бы; я изнывалъ въ нуждѣ, и совершенно потерялся бы, если бы случай не привелъ въ Галацы старуху маркитантшу роты нашей: она мнѣ дала въ долгъ 3 червонца, и я съ ними пустился, зимою уже, въ с. Каларашъ, надъ Дунаемъ, противу Силистріи.

Приводить въ память подобныя сему обстоятельства жизни весьма не пріятно. Сколько горестей перенесетъ бѣдный, но честолюбивый! Удивляюсь, какъ я не палъ подъ ударами рока, испытывавши всѣ нужды и слѣдуя всегда путемъ, указываемымъ мнѣ честію, которую, быть можетъ, въ молодости понималъ и въ превратномъ видѣ.

Переправившись, за 2-ю станціею отъ Галацъ, чрезъ р. Серетъ, помосту, устроенному на выдолбленныхъ толстыхъ колодахъ, ночью достигъ Браилова. На станціи, находящейся въ полѣ, мнѣ сказали, что въ Браиловѣ чума, но горестныя размышленія о прошедшемъ поселили во мнѣ такое равнодушіе къ жизни, что я не устрашился бы и ночевать съ чумными. Мнѣ хотѣлось видѣться въ Браиловѣ съ старымъ моимъ товарищемъ, командующимъ тамъ артиллеріею. Въѣзжаю въ городъ: темнота хоть глаза выколи; по дорогѣ такія ямы и ухабы, что коляска моя переваливалась съ боку на бокъ, какъ небольшое судно на морѣ въ самую жестокую бурю. Я принужденъ былъ идти пѣшкомъ, и, послѣ распросовъ и безпрестанныхъ остановокъ по невозможности ѣхать, сыскалъ наконецъ квартиру моего пріятеля. Между разговорами о старинѣ онъ сказалъ мнѣ, что здѣсь дѣйствительно люди мрутъ чрезвычайно; что медики находятъ признаки заразы, и что изъ числа самыхъ лѣкарей трое уже умерло. Извѣстіе сіе скользило по душѣ моей

и не дѣлало никакого мрачнаго впечатлѣнія. Наговорившись и поужинавши хорошенько, я заснулъ крѣпкимъ сномъ. На другой день рано выѣхалъ, но, отъѣхавши нѣсколько саженъ, коляска попала въ такую грязь, что цѣлый часъ надобно было ее вытаскивать. По той дорогѣ, по которой я проходилъ вчера, было множество ямъ, и солдаты, вытаскивавшіе коляску, сказывали мнѣ, что много людей падаетъ въ оныя и ушибается до смерти. Какое небреженіе со стороны мѣстнаго начальства. Неужели не возможно засыпать опасныхъ ямъ сихъ? Но гдѣ коснется рѣчь о порядкѣ, тамъ лучше молчать, зная, что и въ необходимѣйшемъ устройствѣ все дѣлается какъ нибудь, или вовсе ничего не дѣлается.

Браиловъ строеніемъ подобенъ всѣмъ турецкимъ городкамъ: узкія съ лавочками по обѣимъ сторонамъ улицы, вымощенныя досками, во многихъ мѣстахъ выбитыми, отъ чего подѣлались преглубокіе ухабы, мечети съ минаретами, низкіе и темные дома съ высокими глиняными заборами, и вокругъ валъ и глубокій ровъ, составлявшіе крѣпость. Въ серединѣ города или крѣпости небольшая цитадель или кавальеръ. Всѣ сіи укрѣпленія теперь уже уничтожены, рвы засыпаются, воротъ же нигдѣ не осталось. Выѣхавши изъ города по дорогѣ въ Каралашъ, лежащій въ ту сторону, откуда осаждаема была крѣпость въ прошломъ году, я осматривалъ траншеи и батареи наши. Они были весьма близко отъ крѣпостнаго вала; смотря на всѣ осадныя работы вообще, надобно отдать полную справедливость ведшимъ ихъ. Прикрытія и артиллерія были прекрасно защищены отъ выстрѣловъ изъ крѣпости, осада начата и произведена въ самыхъ выгоднѣйшихъ пунктахъ. Работы отнюдь не были растянуты, и если бы успѣхъ приступа соотвѣтствовалъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ осады, взятіе Браилова было бы блестящимъ событіемъ въ военной исторіи.

Дорога отъ Браилова къ Каралашу идетъ по равнинѣ, прибрежной къ Дунаю, на противоположной сторонѣ коего синѣются горы, покрытыя лѣсомъ. По равнинѣ сей, состоящей уже въ Валахіи, видѣлъ я въ сторонѣ деревни; на пространныхъ степяхъ пасутся большія овечьи отары или стада. Здѣсь пастухи или чабаны составляютъ какъ бы особыхъ людей: посвятившій себя жизни сей, лѣто и зиму кочуетъ въ полѣ подъ открытымъ небомъ и длинно-шерстою бѣлою буркою; во время вьюгъ и мятелей, полудикій чабанъ собираетъ вокругъ себя своихъ овецъ, и ложится посреди ихъ, въ ожиданіи, пока погода перемѣнится; вѣрныя собаки охраняютъ стадо; онѣ составляютъ его товарищество, онъ дѣлится съ ними пищею, и жизнь его протекаетъ въ совершенномъ одиночествѣ. Дикость и отчужденіе отъ людей изображается на лицѣ каждаго здѣшняго пастуха овецъ: его походка, одѣяніе, обхожденіе съ людьми, словомъ сказать, все представляетъ какую то независимость первобытныхъ временъ. Желалъ бы я знать, о чемъ онъ думаетъ, что

его занимаетъ, какія онъ имѣетъ надежды и впечатлѣнія? Я думаю, что разумъ и душевныя способности у дикарей сихъ въ совершенномъ бездѣйствіи; но они меня, какъ малороссійскіе чумаки, весьма занимаютъ. Послѣдніе, однако жъ, проходивши цѣлое лѣто по дорогамъ, безъ крова, въ одноіі рубашкѣ, залитой дегтемъ, зимою наслаждаются по своему пріобрѣтеніемъ трудовъ своихъ; но чабаны, кажется, лишаютъ уже себя отъ юности часто почти до престарѣлыхъ лѣтъ всѣхъ радостей жизни.

На четверть станціи влѣво видно селеніе Піо-Петре, въ которомъ есть, или былъ монастырь, остатки коего бѣлѣютъ на необозримой зелени; тамъ устроенъ мостъ чрезъ Дунай противу крѣпостцы Гирсова. Дорога отсюдова къ Каралашу на село Слободзѣю отклоняется влѣво отъ береговъ Дуная. Углубившись въ степь, я ѣхалъ по берегамъ нѣсколькихъ озеръ, покрытыхъ, можно сказать, разнаго рода дичью: стада гусей, разнаго рода утки, бекасы, гагары и большія бѣлыя чайки, наслаждаются здѣсь богатымъ привольемъ; не только стрѣлять ихъ, и пугать, кажется, некому. Жители слишкомъ лѣнивы для такой охоты; зажиточнѣйшіе изъ нихъ держатъ борзыхъ собакъ, которыя безъ всякаго труда со стороны хозяина ловятъ имъ зайцевъ. Мнѣ случилось видѣть сего рода охоту въ Молдавіи и Валахіи. Охотникъ, вышедши по утру рано съ одною, или съ парою собакъ на то мѣсто, гдѣ навѣрное полагаетъ онъ быть зайцамъ, коихъ тамъ множество, останавливается на одномъ мѣстѣ, борзыя ищутъ добычи, такъ какъ гончія у насъ, и поднявши русака, преслѣдуютъ по открытой степи; ему укрыться негдѣ, сила преодолѣваетъ скорость, и охотникъ съ полною надеждою бредетъ къ тому мѣсту, куда потянулись собаки, находитъ тамъ затравленнаго русака и лежащихъ вокругъ его утомленныхъ псовъ, которые такъ пріучены, или имѣютъ такое отъ природы свойство, что никогда не рвутъ пойманнаго ими зайца.

Начало вечерѣть на половинѣ станціи къ селу Слободзѣи. Спускаясь съ горы, я слышу въ лощинѣ брязгъ глухихъ колокольчиковъ и, съѣхавши подъ гору, вижу на противоположной крутости тянущихся гуськомъ лошадей; къ хвосту первой привязана другая, и такимъ образомъ составлена цѣпь изъ 6 и 8 лошадей; на передней только ѣдетъ человѣкъ. Такимъ образомъ возятъ въ княжества Валашское и Молдавское изъ Венгріи чрезъ городъ Брашовъ, и вообще изъ Австріи чрезъ Карпатскія горы, разные мягкіе товары. Уже было темно, когда я въѣхалъ въ село Слободзѣю, въ коемъ есть каменный древній монастырь. Передъ всякой избой курился навозъ, и вспыхивавшіе огоньки живо представляли военные биваки; но вой собакъ и отдаленный гулъ, происходящій отъ выстрѣловъ подъ Силистріей, дѣлали непріятное впечатлѣніе. На почтовой станціи надзиратель и самые ямщики, казалось,

были въ какомъ то уныніи. „Здѣсь страшная чума“, говорилъ мнѣ первый: „жители или перемерли, или побросали дома свои и вышли въ поле; дома теперь заняты больными солдатами; въ чумномъ отдѣленіи госпиталя весьма много людей гибнетъ отъ заразы; у насъ на станціи“, продолжалъ онъ, „благодаря Бога, все еще благополучно, но вотъ въ той крайней избѣ вчера умеръ унтеръ-офицеръ, бывшій здѣсь на залогѣ, а сегодня тамъ же умерла дѣвка. По распоряженію начальства вездѣ раскладены курища: чуть окажется больной, тотчасъ оцѣпляютъ домъ, даютъ чеснокъ и лукъ, но ничто не пособляетъ“. Не взирая на разсказываемые мнѣ надзирателемъ, почтеннымъ старикомъ Молдаваниномъ, страхи сіи, я вошелъ, однако жь, въ избу, перечиталъ книгу о проѣзжающихъ, велѣлъ купить сала, колбасъ, хлѣба и водки у маркитанта, и съ симъ запасомъ пустился въ Каралашъ.

Ночь самая темная. Видѣвши на предыдущей станціи несчастный случай отъ здѣшней ѣзды, что кучеръ съ лошадью, на которой онъ сидѣлъ и которая упала подъ нимъ, попалъ подъ коляску мою, между тѣмъ какъ цѣпь переднихъ лошадей не остановилась и накотила коляску такъ, что кучера, чуть дышущаго, мы вытащили изъ подъ оной, я приказалъ ѣхать шагомъ; въ цѣлую ночь проѣхалъ только двѣ станціи, и 14 мая чуть свѣтъ достигъ Каралаша.

Расположившись подъ открытомъ небомъ, около почтовой станціи, пошелъ на вольный рынокъ напиться кофію въ трактирѣ, который мнѣ выхвалялъ капитанъ надъ почтою; мнѣ надобно было проходить мѣстечко; оно показалось мнѣ порядочнымъ: есть лавочки, церковь и изрядные, хотя и камышемъ крытые, домики. Здѣсь, въ прошлую войну, была голая степь, и редутъ, на которомъ я стоялъ, командуя уже полуротою, прибывши послѣ болѣзни изъ Галацъ, остался и понынѣ цѣлёхенькій. Въ немъ я провелъ всю почти зиму съ 1809 года на 1810, находясь въ отрядѣ графа Мантейфеля, расположенномъ на рѣкѣ Борщу, протекающему у подошвы возвышенной плоскости и впадающему въ Дунай недалеко Силистріи.

Кочуя на редутѣ зимою, въ балаганѣ, накрытомъ сырыми буйволовыми шкурами, отъ жирнаго буйволового мяса, по неимѣнію никакой другой пищи, и отъ нечистоты, я получилъ такую сыпь, что не былъ уже въ состояніи надѣвать на себя платья; но испытавши отлучку отъ команды въ Галацахъ, сидѣлъ въ одной буркѣ, и никакъ не хотѣлъ уже ѣхать куда нибудь въ избу лѣчиться; наконецъ, полуроту, ввѣренную мнѣ, не взирая на то, что въ ротѣ были и старшіе меня, смѣнили, по совершенному разстройству, и я пошелъ съ нею въ Карпатскія горы, гдѣ имѣлъ квартиры, какихъ никогда мы не имѣли. Но полно о старинѣ; коснувшись ея, невольно заговоришься.

Прихожу на вольный рынокъ, составляющій длинную улицу изъ

разнаго рода палатокъ и балагановъ, въ коихъ продается всякая всячина. Казаки, гусары, пѣхота и разнаго званія народъ толпятся на временной улицѣ этой такъ, что пройти трудно. Вошедши въ трактиръ, устроенный въ большой палаткѣ, я нашелъ уже множество офицеровъ: иные пили кофе, другіе вино, иные завтракали, хотя было только 6 часовъ утра. Я велѣлъ привести себѣ бородобрѣя, и, очистившись отъ грязи и пыли, усѣлся въ уголку съ трубкою и кофіемъ. Разнообразность требованій отъ суетящагося трактирщика грека и слугъ его; разсказы, кто откуда, кто въ какомъ отрядѣ, кто былъ въ траншеяхъ, на батареяхъ,на пикетѣ и въ разъѣздѣ, брязгъ стакановъ и столъ, накрытый замаранною скатертью, представляли живо картину военнаго времени, которою налюбовавшись возвратился къ моей коляскѣ и, одѣвшись въ форму, поѣхалъ въ почтовой каруцѣ за Дунай въ Главную Квартиру.

Переѣхавши черезъ р. Борщъ по понтонному мосту и, слѣдуя по низменности къ Дунаю, увидѣлъ около дороги осадную артиллерію; узнаю, что это была рота подполковника Константиновича. Здѣсь встрѣтился мнѣ начальникъ артиллеріи баронъ Левенштернъ, у котораго нѣкогда я былъ адъютантомъ, и много другихъ старыхъ сослуживцевъ. Захожу въ палатку Константиновича; онъ истинно обрадовался мнѣ, но послѣ вдругъ спрашиваетъ: развѣ я не примѣтилъ, что рота его оцѣплена, въ которой отъ чумы, или отъ какой-то другой болѣзни, умерло въ короткое время болѣе 50 человѣкъ? Я дѣйствительно не примѣтилъ сего. Подали намъ закусить, и опасность отъ чумы нисколько не мѣшала апетиту. Поѣвши порядочно, и оставя каруцу на травѣ, дабы лошади не стояли безъ корму, пошелъ пѣшкомъ въ путь мой. Перешедши мостъ на Дунаѣ, устроенный на плашкоутахъ, и переправившись на лодкѣ, чрезъ довольно широкой заливъ, протекающій у подошвы высотъ, на которыхъ расположены были войска наши, ибо на заливѣ моста не успѣли еще сдѣлать (что весьма затруднило переправу артиллеріи и кавалеріи), я пошелъ на гору; сдѣлавши же верстъ 6 и добравшись наконецъ до Главной Квартиры, такъ усталъ, что не былъ ни къ чему способенъ. Пообѣдавши и отдохнувши у пріятелей, явился къ Дежурному Генералу, который, съ неизобразимою суетливостію, сказавши мнѣ, что графа Витта нѣтъ здѣсь, и что онъ не знаетъ, пріѣдетъ ли онъ сюда, ушелъ въ палатку. Получивши такое удовлетворительное свѣдѣніе, я радъ былъ только тому, что явился, и что поэтому могу остаться на нѣкоторое время въ Главной Квартирѣ и обождать прибытія графа.

Часу въ шестомъ по полудни пріятели артиллеристы пригласили меня ѣхать съ ними по батареямъ, устроеннымъ на острову, дали мнѣ верховаго коня, и я пустился разсматривать позицію осады со стороны Дуная. Три судна, называемыя голами, введенныя въ рукавъ Дуная и

закрытыя берегомъ, весьма удачно стрѣляли по крѣпости; батареи, устроенныя на острову, палили по бастіонамъ; гребная флотилія притягивалась на выстрѣлъ и громила также крѣпость, изъ коей Турки отвѣчали весьма разсмотрительно. Ядра ложились недалеко и отъ насъ: звукъ ихъ пробуждалъ во мнѣ какую то тревогу юныхъ лѣтъ, и я неохотно возвращался въ лагерь. Главная Квартира расположена на горѣ. Первые два ряда довольно большихъ, но равнымъ между собою, палатокъ, заняты были главнокомандующимъ и прочимъ генералитетомъ, канцеляріями и штабомъ; въ третьемъ ряду и ниже мѣстились адъютанты и другіе чиновники. Единообразіе это, тишина и порядокъ нисколько не походили на прежнія Главныя Квартиры, гдѣ все бывало толпится у великолѣпной ставки главнокомандующаго, гдѣ разнообразныя палатки, землянки, балаганы генераловъ и многочисленной свиты, производили какое то почтительное впечатлѣніе къ санамъ и властямъ. Музыка гремѣла во время открытыхъ столовъ: Прозоровскаго, Каменскаго, Кутузова и Багратіона; звуки ея раздавались по горамъ и долинамъ въ тихіе вечера, и зоревые пушечные выстрѣлы въ разныхъ отрядахъ были финаломъ пѣсенъ запѣвающихъ пѣсенниковъ почти въ каждой ротѣ и полковыхъ музыкъ въ каждомъ полку. Военныя удовольствія и въ особенности національныя, какъ, напримѣръ, пѣсни, необходимы въ арміи: онѣ оживляютъ духъ солдата, заунывные тоны напоминаютъ любезную каждому родину и часто согрѣваютъ чувства прежней любви къ ней. Переночевавши въ Главной Квартирѣ, я возвратился въ Каларашъ: тамъ думалъ подождать еще дня два графа Витта.

15 мая цѣлый день писалъ по службѣ, и узнавши въ вечеру, что графъ Виттъ пріѣхалъ, 16 числа, по утру, я отправился опять въ Главную Квартиру верхомъ уже на почтовой лошади, которую мнѣ далъ услужливый грекъ, капитанъ надъ почтою. Прибывши туда, мнѣ было весьма пріятно встрѣтиться съ графомъ и съ Ч. и Д.; пообѣдавши съ двумя послѣдними въ трактирѣ, устроенномъ на такомъ же вольномъ рынкѣ и такимъ точно образомъ, какъ и въ Каралашѣ, къ вечеру собрались всѣ ѣхать по батареямъ лѣваго фланга; но пока намъ съ Д. сѣдлали лошадей у стараго знакомаго нашего Ст., графъ уѣхалъ, мы пустились на лѣвый флангъ и, не нашедши его у командующаго 3 корпусомъ ген. Кр., на возвратномъ пути честолюбіе и любопытство повело уже насъ по батареямъ. Насмотрѣвшись съ одной изъ нихъ на Силистрію, которая была какъ на ладонѣ, достигли, наконецъ, до пріюта, даннаго намъ полковникомъ жандармскимъ. Между тѣмъ какъ мы донкишотствовали, я на почтовой лошадкѣ, а Д. на какой-то нелучшей клячѣ, графъ былъ приглашенъ главнокомандующимъ 2-й гусарской дивизіи, и потому уже поѣхалъ на батареи послѣ насъ, а отъ того мы съ нимъ и не встрѣтились.

На другой день, въ 3 часа утра, ген. Кр. пригласилъ графа смотрѣть дѣйствіе ночью устраивающейся батареи, куда мы всѣ пустились въ означенное время. Самой густой туманъ скрывалъ всѣ предметы; мы сами не знали, куда ѣхать, держась, однакожъ, вправо, дабы не попасть къ крѣпости; въ одной лощинѣ наѣхали на часоваго, который вдругъ закричалъ: „Не ѣздите: здѣсь вещи и палатка умершаго отъ чумы“. Удивительно, какъ не сожигаютъ такихъ вещей! Въ Каларашѣ, у самой почтовой станціи, также часовой караулитъ оставшіяся вещи послѣ зачумѣвшаго унтеръ-офицера, который былъ залогою на почтѣ. Начало немного проясняться, и мы попали на батарею, гдѣ нашли ген. Кр. и многихъ другихъ генераловъ командуемаго имъ корпуса.

Какой прекрасной видъ! Въ крѣпости можно пересчитать всѣ дома и мечети; видно, гдѣ упадетъ каждое ядро, или граната съ устроенной ночью батареи нашей, дѣйствія коей такъ были успѣшны, что въ нѣсколько часовъ бастіонъ крѣпости, противу котораго она была поставлена, замолчалъ; нѣсколько орудій непріятельскихъ было сбито, но турки бросали бомбы и гранаты изъ за вала весьма удачно. Батарея наша такъ близко отъ крѣпости, что изъ турецкихъ ложементовъ перелетали чрезъ насъ пули; и турки, замѣтивши, можетъ быть, что на батарею пріѣхалъ какой нибудь начальникъ, ибо вдругъ нѣсколько человѣкъ, хотя и въ шинеляхъ, изъ любопытныхъ, вышли изъ за бруствера, начали стрѣлять по насъ ядрами.

Побывши еще нѣкоторое время на батареи, мы пустилибь по горамъ обратно въ Главную Квартиру.

Силистрія расположена на самомъ берегу Дуная: высоты съ праваго командуютъ ею, по которымъ устроена линія редутовъ нашихъ, а ниже оной батареи съ осадными и батарейными орудіями. На Дунаѣ стоитъ флотилія наша, часть коей посредствомъ залива прошла и выше крѣпости вверхъ по Дунаю; не взирая на то, однако жь, нѣсколько непріятельскихъ судовъ стоятъ на якорѣ, и одно маленькое разъѣзжаетъ около крѣпости по правую сторону оной. Островъ и лѣвой берегъ Дуная заняты нашими, гдѣ также устроены батареи. Силистрія сверхъ обыкновеннаго турецкаго укрѣпленія, состоящаго изъ вала съ бастіонами, прикрыта и внѣ оной сдѣланными батареями. Мнѣ кажется, что, поведши форсированную атаку съ лѣваго нашего фланга, можно взять ее въ нѣсколько дней, сдѣлавъ брешь и занявши турецкія батареи, изъ коихъ недалеко уже идти на приступъ. Взять штурмомъ хотя одну значительную крѣпость въ настоящую войну необходимо, для внушенія солдатамъ возможности брать ихъ такимъ образомъ, и для возобновленія прежнихъ идей о семъ. Силистрія, мнѣ кажется, и по числу нашихъ войскъ, и по положенію своему, и по самымъ обстоятельствамъ, есть такой пунктъ, на которомъ должно бы напомнить войскамъ, что

они такія же, какими предводительствовалъ Суворовъ подъ Измаиломъ. Беречь войска противу непріятеля, и отымать тѣмъ случаи къ блестящимъ подвигамъ, прославившимъ въ прежнія войны оружіе наше, для того, чтобы въ продолженіе времени, по неоканчаемости войны, потерять храбрыхъ людей, болѣе нежели погибло бы на штурмахъ, въ госпиталяхъ, не имѣющихъ ни выгодъ, ни устройства, — есть теорема, опровергаемая чистою логикою.

Предъ прибытіемъ моимъ подъ Силистрію получено было извѣстіе о несчастномъ преслѣдованіи генераломъ Р. съ тремя тысячами войскъ Великаго Визиря, имѣвшаго 28 т. Странно, мы имѣли въ Болгаріи болѣе войскъ, нежели турки, а они всегда нападаютъ на отряды наши въ превосходнѣйшихъ силахъ. Вотъ опять теорема, требующая рѣшенія. Потеря, понесенная 3 т., преслѣдовавшими Визиря, огорчила главнокомандующаго; но взятіе подъ Силистріей почти всѣхъ внѣшнихъ укрѣпленій непріятельскихъ утѣшило его, и о противоположныхъ дѣлахъ сихъ онъ послалъ въ одно время донесенія свои, а между тѣмъ командировалъ сильный отрядъ изъ подъ Силистріи для уничтоженія 12 т. турокъ, покусившихся идти на мнимую помощь сей крѣпости.

Въ вечеру 18 мая, послѣ совершенно напрасныхъ подвиговъ и риска быть убитыми, не участвуя вовсе въ войнѣ, я, Д., Р. и полковникъ жандармскій такъ пировали, что шампанское мнѣ и теперь еще кажется самымъ отвратительнымъ лѣкарствомъ; на другой день, т. е., 19 числа, я едва могъ быть на званномъ обѣдѣ у ген. Кр. Обѣдъ сей также не напоминалъ прежнихъ военныхъ пиршествъ; во всемъ какое то равнодушіе, монотонія. Мнѣ кажется, что всякій и улыбается даже нехотя. Какъ перемѣнилась военная характеристика въ 20 лѣтъ! Я только замѣтилъ, что начальники лѣваго фланга не хороши ни съ Главною Квартирою, ни съ таковыми праваго фланга. Кр. весьма дерзко говорилъ о Н. Ш. Изъ старшихъ онъ одинъ русскій; не знаю, какъ то Нѣмцы ладятъ между собою.

Ѣдучи отъ Кр., меня атаковало желаніе остаться въ дѣйствующей арміи; но принятое твердо правило никуда не проситься, исполняя, по крайнему разумѣнію и усердію, дѣлаемыя мнѣ порученія по службѣ, успокоило бунтъ честолюбія; и такъ, предавшись въ волю моего жребія, съ упованіемъ на высшее предопредѣленіе, сѣлъ на почтоваго коня и отправился въ Каралашъ.

Въ пользу госпиталей, кажется, я ничего не успѣлъ: графъ Виттъ, какъ говорятъ, объяснился, по запискѣ моей, съ главнокомандующимъ, который отвѣчалъ, что въ распоряженія по Задунайскимъ госпиталямъ, т. е., устроеннымъ въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, онъ не мѣшается, и что объ нихъ надобно писать Управляющему Военнымъ Министерствомъ. Такъ положили и сдѣлать: какой то выйдетъ прокъ изъ сего!

Мнѣ остается утѣшать себя тѣмъ, что я исполнилъ долгъ мой, подвергаясь и заразѣ, и всѣмъ непріятностямъ дороги для пользы человѣчества, одно желаніе коей, по чистой совѣсти, руководило моими поступками.

Переправляясь чрезъ заливъ на плохомъ паромѣ съ неумѣющими гребцами, безъ старшаго при нихъ, и съ коротенькими досками и бревнами вмѣсто веселъ, меня было утащило внизъ по теченію въ Дунай; едва могли къ вечеру добраться до лѣваго берега. Достигши же онаго, я догналъ Д. и Т. и пустился съ ними въ обратную дорогу изъ арміи.

Въ Слободзѣйскомъ монастырѣ мы хотѣли помолиться; но монастырь уже былъ оцѣпленъ; въ немъ также оказалась чума. На третьей станціи Т. и Д. направили путь свой на Піо-Петри, чтобы ѣхать по правому берегу Дуная, на Сатуновскую переправу, а я поѣхалъ по старой моей дорогѣ на Прутъ.

На всякой почтовой станціи только и слышу, что тутъ умеръ скоропостижно унтеръ-офицеръ, бывшій на залогѣ, тамъ ямщикъ, тамъ вымерло цѣлое семейство. Мимо страшнаго Браилова я проѣхалъ ночью, и, прибывши по утру въ Галацы, нашелъ, что весь городъ былъ уже оцѣпленъ. Здѣсь попались мнѣ на встрѣчу ѣдущіе въ армію Прусской службы маіоръ Le Baron Stap-Reitzenstein, и ротмистръ Pantzer. Познакомившись и побесѣдовавши, отправился далѣе.

Изъ станціи Бренештъ я не поѣхалъ уже на Вадуло-Исаки, а взялъ направленіе на м. Фальчи.

Дорога, идущая по берегу рѣки Прута до Фальчи, самая дурная; бывшіе и продолжающіеся всякій день дожди еще болѣе испортили ее, такъ что съ трудомъ можно ѣхать, но мѣстоположеніе превосходное. Покатости горъ къ рѣкѣ покрыты виноградникомъ и фруктовыми деревьями; на горахъ ростетъ мелкій лѣсъ, и разнообразность зелени дѣлаетъ прекрасныя группы. Селенія въ сихъ мѣстахъ весьма частыя, большія и хорошо выстроившіяся; вездѣ видна обитаемость и изобиліе природы. Нисколько не жалѣю, что я поѣхалъ этою дорогою, хотя ѣхалъ по ней все почти шагомъ, и бывалъ здѣсь въ прошлую войну.

Пріѣхавши въ Фальчи, я не узналъ сего мѣстечка: такъ оно опустошено. Бывшій прежде на крутизнѣ домъ здѣшняго помѣщика, въ которомъ квартировали: генералъ отъ инфантеріи баронъ Мейендорфъ, командовавшій корпусомъ въ Бессарабіи, графъ Ланжеронъ и проч., сожженъ въ 1821 году вольницею, шедшею въ мнимую армію Ипсилантія; многія лавки разорены, кои и теперь остались въ такомъ же положеніи. Не знаю, почему господину, писавшему письма, напечатанныя въ „Сынѣ Отечества", въ одномъ изъ нихъ Фальчи показались крѣпостцею, хотя впрочемъ, какъ онъ пишетъ, и не заслуживающею особаго вниманія.

Въ мѣстечкѣ семъ не только нѣтъ, и не было никакихъ укрѣпленій, но не замѣтно даже, чтобы существовало что либо подобное имъ и въ самой глубокой древности. Правда, что съ той стороны Прута видны высокія клѣтки или плетенныя круглыя кошницы для складки кукурузы; не показались ли онѣ минаретами, или укрѣпленіями?

Переправившись на паромѣ черезъ Прутъ, я поѣхалъ въ м. Леово. За с. Леки, въ которомъ перемѣняютъ лошадей, есть казачій пикетъ, на линіи кордона, протянутаго по сухой границѣ до залива Ялпуха, оканчивающагося недалеко отъ Болгарскаго мѣстечка Болграда. Кордонъ этотъ снятъ съ р. Прута и расположенъ такимъ образомъ, по случаю перехода войскъ изъ княжества Молдавскаго, гдѣ оказывалась уже зараза тогда, на Сатуновскую переправу. Обстоятельство сіе, съ переходомъ войскъ за Дунай, само собой уничтожается, и должно было тотчасъ же расположить кордонъ по р. Пруту, дабы защитить Бессарабію отъ заразы, оказавшейся на правомъ берегу рѣки, въ Галацахъ; но какъ распоряженіе по сему предмету идетъ чрезъ Штабъ резервныхъ войскъ, находящійся въ Херсонской губерніи, въ г. Елисаветградѣ, подъ вѣдѣніемъ коего состоятъ кордоны, и откуда бумаги едва доходятъ сюда въ 3 недѣли, а потому въ перепискѣ проходитъ время, то линія по р. Пруту, самая опасная, остается не занятою. Сообщенія между жителями Молдавіи и побережными по Пруту Бессарабскими не прекращены и, какъ слышно, зараза показалась уже въ м. Рени, лежащемъ противу Галацъ. Днѣстровскіе карантины воспріяли свое дѣйствіе, и двѣ линіи ихъ, на Прутѣ и Днѣстрѣ, есть послѣдствіе столь отдаленнаго управленія. Таковое точно неудобство и безпорядокъ происходятъ въ распоряженіяхъ по госпиталямъ, провіантскимъ магазинамъ и этапамъ, подвѣдомственнымъ начальству резервныхъ войскъ. Можетъ ли Штабъ войскъ сихъ, находящійся за 600 и болѣе верстъ отъ важнѣйшихъ пунктовъ, требующихъ скорыхъ распорядительныхъ дѣйствій, управлять столь различными, отдаленными, частями? — и не вопіетъ ли здравый разсудокъ противу частныхъ видовъ одного лица, препятствующаго, по капризу, чтобы резервныя войска вышли изъ поверхностной его зависимости, не взирая ни на общую пользу, ни на явный безпорядокъ въ управленіи? Не больно ли видѣть суетное, можно сказать, безумное самолюбіе, торжествующимъ, не видя, по ослѣпленію, всѣхъ тѣхъ бѣдствій, какія проистекаютъ отъ довѣренности къ нему? Не знаю, какъ теперь уже пойдутъ дѣла по резервнымъ войскамъ, когда каждому чиновнику, побывавшему по службѣ за Днѣстромъ, должно сидѣть 14 дней въ карантинѣ.

Не доѣзжая версты 4 до Леова, меня привезли къ карантинной заставѣ, которую можно бы было и объѣхать, какъ многіе, слышу, дѣлаютъ, и которая также поставлена по случаю снятія кордона съ р.

Прута. Надзиратель заставы, посмотрѣвши мою подорожную, велѣлъ было казаку проводить меня, по установленному порядку, въ карантинъ; но мнѣ вздумалось попросить его объ избавленіи меня отъ сидѣнія въ ономъ. Перешептавшись съ товарищемъ своимъ, онъ рѣшительно было отказалъ въ моей просьбѣ; я усугубилъ оную, прибавя, что буду благодаренъ. При звукѣ сего, по видимому, весьма знакомаго ему слова, надзиратель мой началъ уже выискивать средства, какъ бы пропустить меня.

„Нѣтъ ли у Васъ другой подорожной, въ которой бы не значилось, что Вы были за Прутомъ и Дунаемъ?“ спросилъ надзиратель. „Записавши же эту, надобно уже непремѣнно послать съ Вами казака, который проводитъ Васъ въ карантинъ“.

Я отвѣчалъ, что у меня есть подорожная, и отдалъ ему оную.

„По этой пропустить можно бы, только Вы сами знаете“, — продолжалъ надзиратель, „чѣмъ мы рискуемъ; надобно же что нибудь казаку“ (между тѣмъ подорожная записывалась). Увидѣвши, о чемъ идетъ дѣло, когда записали подорожную, я далъ сговорчивому надзирателю три рубля серебромъ. „Mało, Panie“! При всемъ негодованіи моемъ я обрадовался, что чиновникъ этотъ не Малороссіянинъ и не Русскій. Первое движеніе чувствъ моихъ было сдѣлать объ этомъ негодяѣ формальное донесеніе, но пріѣхавши въ карантинъ, и узнавши, что онъ имѣетъ огромное семейство, служилъ въ военной службѣ штабсъ-ротмистромъ, и что его ожидаетъ самое жестокое наказаніе за такой поступокъ, я ограничился объявленіемъ сего случившагося между мною и показавшимся мнѣ съ начала весьма гордымъ штабъ-ротмистромъ начальнику карантина, съ тѣмъ, чтобы надзирателя тотчасъ смѣнилъ онъ, что на другой день было исполнено, а я съ спокойною совѣстію подвергъ себя съ 23 мая и очищенію, и нестерпимой скукѣ.

Я положилъ себѣ непремѣнно высидѣть карантинъ, дабы не оставалось никакого непріятнаго впечатлѣнія, что отъ меня, или отъ людей моихъ, можетъ произойти зараза, которой я гораздо менѣе боялся за себя, нежели за другихъ; чувство, что можно быть и невинною причиною зла, не принимая къ отвращенію его установленныхъ мѣръ, укоряло бы меня въ пренебреженіи ихъ. Итакъ, поступивши въ карантинъ, я сдѣлалъ то, о чемъ хлопочу цѣлую жизнь мою, то есть, чтобы всякое дѣйствіе не волновало души въ уединенныхъ размышленіяхъ, и чтобы каждый поступокъ, не предъ людьми, о мнѣніи коихъ я давно уже пересталъ думать, а передъ самимъ собою, оправдывался совѣстію.

Расположившись въ назначенной для меня одной комнаткѣ, казалось, я совершенно уже освободился отъ опасенія заразы, существующей за Прутомъ и Дунаемъ. Романъ Купера: „La Prairie“ сокращалъ долгіе дни бездѣйственности; передъ комнатой въ отгороженномъ дос-

ками квадратѣ мнѣ варили кашу, и Запорожская жизнь располагала меня ко сну послѣ обѣда. Вдругъ мальчикъ мой упалъ безъ чувствъ среди квартиры. Признаюсь, случай сей такъ потревожилъ меня, что я вдругъ потерялъ и сонъ, и апетитъ. Больнаго отнесли въ особое отдѣленіе. Лѣкарь увѣрялъ меня, что это горячка, но я неравнодушно уже сидѣлъ въ карантинѣ до опредѣленнаго срока, былъ весьма обрадованъ, когда оный протекъ, и я получилъ возможность выѣхать; мальчикъ же мой остался въ Леовѣ до выздоровленія.

Здѣсь карантинъ выстроенъ владѣльцемъ м. Леово, княземъ Гикою; строеніе деревянное, на обширномъ дворѣ, посреди коего прекрасный колодезь съ чистою водою, прочищены дорожки, у пассажирскихъ комнатъ насажены разныя деревья, и мѣсто вообще лучше, нежели въ другихъ карантинахъ.

XCIII.

1829 г. октября 20. Метрическое свидѣтельство о рожденіи Якова Александровича Стороженка.

По указу Его Императорскаго Величества изъ Полтавской Духовной Консисторіи дано сіе свидѣтельство штабсъ-капитану Якову Стороженку въ томъ, что въ метрической хранящейся въ архивѣ консисторскомъ Лохвицкаго уѣзда, села Брагинецъ, Введенской церкви, за тысяча восемь сотъ двадцать девятый годъ, книгѣ подъ № 60, актъ рожденія его Стороженка записанъ такъ: октября двадцатаго числа села Брагинецъ, у поручика Александра Стороженка и жены его Варвары родился сынъ Іаковъ, крестилъ священникъ Симонъ Богацкій того же мѣсяца и числа, воспріемникомъ былъ: помѣщикъ капитанъ Михаилъ Милорадовичъ; въ чемъ за надлежащимъ подписомъ и приложеніемъ казенной печати симъ удостовѣряется. Мая 18 дня 1861 года. Членъ консисторіи протоіерей Николай Кондратовичъ. Секретарь Васильевъ. Столоначальникъ Залѣскій. У сего свидѣтельства Полтавской Духовной Консисторіи печать (М. П.).

(Съ подлинника).

XCIV.

30 марта 1830 г. Письмо Андрея Яковлевича Стороженка къ Александру Яковлевичу Стороженку.

Пріятною обязанностью поставляю извѣстить тебя, любезнѣйшій братъ Александръ, и любезнѣйшую сестрицу Варвару Петровну о женитьбѣ моей. Богъ благословилъ меня достойною подругою жизни. Состояніе мое улучшилось,—и я почитаю себя счастливымъ.

Юлія Ивановна моя съ душевнымъ нетерпѣніемъ желаетъ познакомиться съ вами, но мы должны теперь съѣздить въ Константиноградскій повѣтъ, а въ іюнѣ располагаемъ побывать и на моей родинѣ.

Сдѣлай одолженіе, любезнѣйшій другъ Александръ, побывай у меня въ Ржавцахъ, похлопочи, чтобы тамъ дѣлали дворъ, и увѣдоми по всѣмъ предметамъ. Отъ брата Ильи съ осени я не получалъ ни строчки; что дѣлается съ нимъ?

Въ іюлѣ мы увидимся непремѣнно и посовѣтуемся обо всемъ рѣшительно и объ Ржавцахъ. Да благословитъ Всемогущій тебя съ добрымъ семействомъ твоимъ. Вы всегда были и будете близки сердцу моему. Прошу помнить и любить, какъ васъ любитъ братъ Вашъ и другъ Андрей Стороженко. 30 марта 1830. Г. Елисаветградъ. Жена моя свидѣтельствуетъ вамъ свою искреннѣйшую преданность.

(Съ подлинника).

XCV.

1830 г. апрѣля 23. Письмо Михаила Петровича Дарагана къ Андрею Яковлевичу Стороженку.

Любезный другъ Андрей Яковлевичъ! Письмо Ваше съ Тимошенкомъ я имѣлъ удовольствіе получить и радуюсь, что Вы находитесь здоровы. Объ усердіи моемъ къ Вамъ Вы не должны сомнѣваться. Мое расположеніе, сдѣланное одинъ разъ къ человѣку, никогда не перемѣняется до туда, пока я не увижу перемѣны со стороны его. Желаю Вамъ семейственныя дѣла Ваши окончить благополучно, и я въ сходство желанія Вашего велѣлъ поручить Тимошенку жеребца Вашего и кобылъ съ прошлогоднимъ и нынѣшняго года приплодомъ по предположенію Вашему быть въ Богодуховкѣ Вашей въ лѣтѣ. Пріятно будетъ намъ видѣть Васъ въ нашихъ мѣстахъ. Вчера получилъ я отъ моей Катерины съ Кіева грустную вѣсть, что почтенная и добрая Елисавета Яковлевна по многомъ страданіи отъ болѣзни ея рака скончалась 10-го

числа сего теченія. Жаль потери сей, но путь неизбѣжный всѣмъ намъ. Я опять принялся за маршальскую должность. Не знаю, какъ я ее продолжу по преклоннымъ моимъ лѣтамъ старости. Всѣ мы Вамъ и почтенной Вашей супругѣ кланяемся и, желая всякаго Вамъ благополучія, всегда пребуду Вамъ вѣрно усердный другъ Михайло Дараганъ. 23-го апрѣля 1830 году, Богодуховка.

(Съ подлинника).

XCVI.

10 мая 1830 г. С.-Петербургъ. Письмо М. Я. фонъ-Фока къ А. Я. Стороженку.

Я давно уже собирался къ Вамъ писать, любезнѣйшій Андрей Яковлевичъ, но многоразличныя мои занятія и заботы меня невольно удерживали.

Вашъ милый Володинька—дитя славное, любезное, исполненное лучшими способностями и дающее пріятнѣйшія надежды, поступилъ въ пажескій корпусъ и въ свободные праздничные дни проводитъ время у меня. У насъ онъ принятъ, какъ собственный нашъ ребенокъ, всѣ его любятъ и нѣжатъ. Теперь мнѣ только нужно Ваше позволеніе считать его совершенно къ намъ принадлежащимъ. Прошу Васъ убѣдительно не отказать мнѣ въ сей просьбѣ. Позвольте мнѣ, за отсутствіемъ Вашимъ, пользоваться Вашими правами, а я ручаюсь Вамъ извѣстными Вамъ правилами моими въ нѣжнѣйшемъ о немъ попеченіи.

Я его кое чѣмъ экипировалъ на первое время, нашелъ ему по принятому положенію слугу и снабдилъ мелкими потребностями. Прошу Васъ прислать мнѣ, ежели Вы мое предложеніе не отринете, нѣсколько сотъ рублей для него, а я обязываюсь отдавать въ нихъ подробный отчетъ. Тизенгаузенъ, по случаю смерти графини Дибичъ-Забалканской, уѣхалъ къ графу, не сдѣлавъ никакихъ на счетъ Володи расположеній. Ген. Засядко весьма милостивъ къ ребенку, но Вы знаете Петербургъ. Гонцеровскій уѣхалъ, подаривъ малюткѣ пять рублей.

Вы мнѣ и женѣ моей окажете истинное одолженіе, ежели намъ поручите дальнѣйшее попеченіе о миломъ Володѣ. За попеченіе и нѣжность мы Вамъ готовы поручиться.

При семъ слѣдуетъ письмо отъ Володиньки. За симъ желаю Вамъ искренно всѣхъ благъ и всякаго счастія, обнимаю Васъ сердечно и остаюсь навсегда Вашимъ душевно преданнѣйшимъ М. фонъ-Фокъ.

числа
намъ.
ее п
и по
полу
ганъ

Сто

Яко
уде

луч
въ
мя
всѣ
счи
дит
ств
изв

пр
шу
ко
ны
ка
ра
те

по
но

ис
ос

Графикъ. Кіевъ

Владиміръ Андреевичъ Стороженко

воспитанникомъ Пажескаго Корпуса.

XCVII.

Управленіе резервныхъ войскъ. По пѣхотѣ. Дежурство. Столъ 1-й Въ г. Елисаветградѣ. 26 октября 1830. № 5817.

Состоящему при главномъ штабѣ Его Императорскаго Величества по военному поселенію господину полковнику и кавалеру Стороженку.

По Высочайшему приказу, послѣдовавшему въ 19 день сентября сего года Ваше Высокоблагородіе назначены состоять при главномъ штабѣ Его Императорскаго Величества по военному поселенію.

Увѣдомляя о семъ Ваше Высокоблагородіе, по волѣ г. корпуснаго командира, покорнѣйше прошу отправиться къ мѣсту новаго Вашего назначенія въ г. Санктпетербургъ и явиться тамъ начальнику штаба военныхъ поселеній. Начальникъ штаба генералъ-лейтенантъ Екельнъ.

XCVIII.

19 ноября 1830 года с. Ржавцы. Письмо Андрея Яковлевича Стороженка къ Александру Яковлевичу Стороженку.

Любезнѣйшій братъ Александръ! Весьма желалъ видѣть тебя; жалѣю крайне, что болѣзнь твоя воспрепятствовала сему, дай Богъ, чтобы ты освободился отъ нея. Богъ знаетъ, любезнѣйшій братъ, когда мы увидимся? Я потребованъ служить въ столицѣ. Что дѣлать, надобно потянуть еще, пока въ нѣкоторыхъ силахъ. На счетъ патента, я напишу тебѣ, выправившись въ штабѣ, изъ Петербурга. Бумаги твои я отдамъ г. Олихновскому для доставленія. За Степана, который помѣнянъ мною на твоего Лукьяна и не могъ итти въ раздѣлъ вашъ, дай г. Олихновскому для прислуги хотя какую нибудь дѣвчонку, у меня въ Ржавцахъ нѣтъ ни одной. Сдѣлай дружбу, навѣдывайся иногда въ оставляемую мною бѣдную мою Ржавскую экономію и пиши мнѣ хоть изрѣдка. На счетъ лѣса, я отдалъ бы свой охотно по 100 р. десятину, а ты хочешь съ меня по 200 р. Грѣшно! Дай мнѣ, по крайней мѣрѣ, десятинъ восемь, и мы поквитаемся по братски. Не нужно ли тебѣ кобылъ? Я за-

браковалъ четыре потому только, что онѣ съ отмѣтами. Есть ли захочешь имѣть ихъ, то можешь видѣть въ Ржавцахъ и мы сойдемся на жеребцѣ, какъ тебѣ сходнѣе будетъ.

Дай Богъ видѣться! До того же, какъ и всегда, остаюсь истинно любящимъ тебя братомъ Андрей Стороженко.

Почтеннѣйшей сестрицѣ прошу кланяться, и малютокъ вашихъ поцѣловать за меня.

XCIX.

Главный Штабъ Его Императорскаго Величества по военному поселенію. Дежурство. Отдѣленіе I. Въ С.-Петербургѣ. 30 ноября 1830 г. № 2971.

Члену аудиторіата главнаго штаба Его Императорскаго Величества по военному поселенію господину полковнику и кавалеру Стороженку.

Государь Императоръ въ 15 день сего ноября по засвидѣтельствованію начальства объ отличномъ усердіи Вашемъ къ службѣ Всемилостивѣйше пожаловать Васъ соизволилъ кавалеромъ ордена св. равноапостольнаго князя Владимира третьей степени.

Препровождая при семъ доставленные изъ капитула Императорскихъ Россійскихъ орденовъ знаки означеннаго ордена съ слѣдующею на оный грамотою, предписываю Вамъ, г. полковникъ, о полученіи оныхъ мнѣ донести и вмѣстѣ съ тѣмъ представить слѣдующія за сей орденъ по статуту сто рублей и имѣвшійся у Васъ прежде таковой же орденъ 4 степени. Начальникъ штаба генералъ-адъютантъ Клейнмихель.

Для отправленія получилъ сто рублей и орденъ 4-го класса. Ольденбургъ.

C.

Главный штабъ Его Императорскаго Величества по военному поселенію. Дежурство. Отдѣленіе I. Въ С.-Петербургѣ. 13 февраля 1831 г. № 667

Члену аудиторіата главнаго штаба Его Императорскаго Величества по военному поселенію, господину полковнику и кавалеру Стороженку.

Препровождаю при семъ для свѣдѣнія Вашего, г. полковникъ, копію съ Высочайшаго указа, послѣдовавшаго въ 7 день сего февраля на имя министра финансовъ, о производствѣ Вамъ изъ государственнаго казначейства сверхъ получаемаго Вами жалованья по три тысячи рублей въ годъ. Начальникъ штаба генералъ-адъютантъ Клейнмихель.

Господину министру финансовъ. Назначенному Высочайшимъ Указомъ, въ 25 день октября 1830 г. состоявшимся, членомъ аудиторіата главнаго штаба моего по военному поселенію, состоящему по кавалеріи, полковнику Стороженку повелѣваю Вамъ отпускать изъ Государственнаго Казначейства сверхъ получаемаго имъ жалованья по три тысячи рублей въ годъ.

Производство сихъ денегъ полковнику Стороженку начать съ 25 октября 1830 г. и продолжать до того времени, пока онъ будетъ состоять въ настоящемъ званіи. На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою: „Николай".

Вѣрно: генералъ-адъютантъ Клейнмихель. С.-Петербургъ, 7 февраля 1831 года.

CI.

Главный штабъ Его Императорскаго Величества по военному поселенію. Дежурство. Отдѣленіе II. Въ С.-Петербургѣ 17 февраля 1831 г. № 659.

Состоящему по кавалеріи господину полковнику и кавалеру Стороженку.

Новгородскаго кирасирскаго полка полковникъ Бобинскій составилъ книгу, подъ названіемъ „Искусство верховой ѣзды".

Сочиненіе сіе по Высочайшему повелѣнію препровождено было на разсмотрѣніе Его Императорскаго Высочества Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича.

Его Императорское Высочество, признавая книгу сію могущею служить руководствомъ въ весьма важной части образованія кавалериста, изволилъ полагать:

а) что въ расположеніи сей книги нѣтъ надлежащей методы;

б) что нужно бы расположить ея содержаніе такимъ образомъ, чтобы сначала изложены были правила, какъ должно ѣздить на выѣзженной уже лошади, и способы, какъ обучать рекрута, или начинающаго помянутымъ правиламъ, потомъ приступить къ изложенію правилъ для выѣздки лошадей;

в) что въ книгѣ сей нужно исключить третье отдѣленіе, заключающее въ себѣ утонченное искусство верховой ѣзды, которое ведетъ болѣе къ удовлетворенію любопытства и прихоти, къ неприличному хвастовству школьными прыжками, чѣмъ къ истинной пользѣ и дѣйствительному усовершенствованію искусства;

г) равномѣрно исключить и вступленіе къ сей книгѣ, въ коемъ излагается новый способъ первоначальнаго образованія рекрута, назначеннаго служить въ кавалеріи, и кое заключается исчисленіемъ прямыхъ линій и круга, съ раздѣленіемъ сего послѣдняго на полукругъ, четверть и осьмую часть круга;

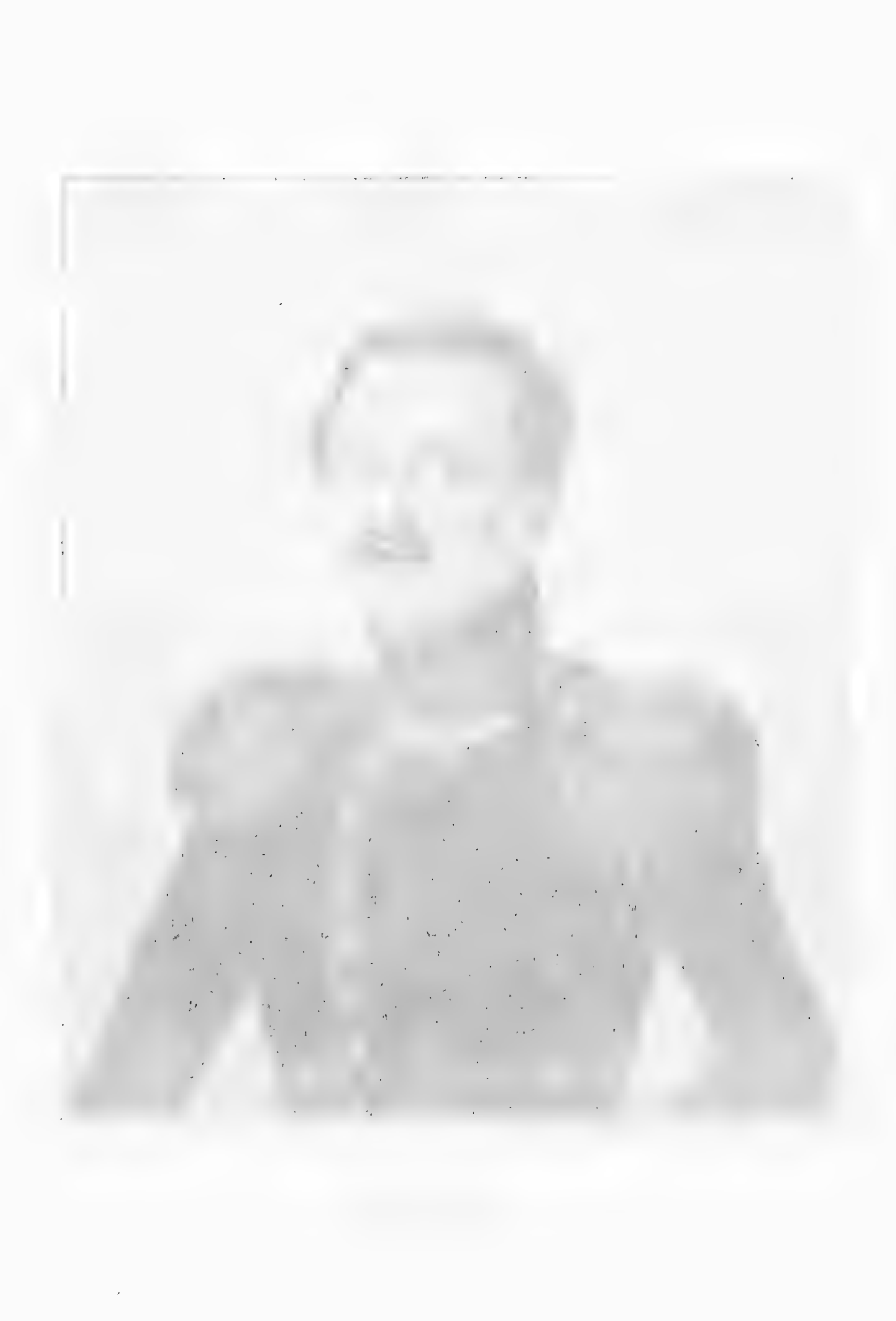
д) вообще нужно въ сей книгѣ очистить слогъ и правописаніе отъ вкравшихся ошибокъ.

По извѣстной способности и опытности Вашей по части кавалерійской службы, а также и отличному усердію въ исполненіи возлагаемыхъ на Васъ порученій, я по волѣ господина управляющаго главнымъ штабомъ Его Императорскаго Величества по военному поселенію, препровождая при семъ представленную полковникомъ Бобинскимъ книгу о верховой ѣздѣ, поручаю Вамъ, г. полковникъ, **немедленно** заняться внимательнымъ разсмотрѣніемъ сей книги и по надлежащемъ исправленіи, сообразно вышеупомянутымъ замѣчаніямъ, представить оную ко мнѣ въ такомъ уже видѣ, чтобъ она могла быть отдана въ печать.

Ежели почтете нужнымъ имѣть какія либо поясненія по сему предмету отъ самого сочинителя, то предоставляется Вамъ объясняться о семъ лично съ полковникомъ Бобинскимъ.

Что касается до рисунковъ, принадлежащихъ къ сей книгѣ, то они также требуютъ исправленія. По сему предмету испросите лично мое приказаніе. Начальникъ штаба генералъ-адъютантъ Клейнмихель.

Означенное сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Руководство къ образованію кавалериста“, исправленное въ слогѣ и вообще измѣненное и приведенное въ предписанный порядокъ, представлено мною господину начальнику штаба генералъ-адъютанту Клейнмихелю 16 мая 1831 г. СПБ.

а) что въ

б) что ну

сначала излож

уже лошади,

мянутымъ пр

выѣздки лош

в) что в

ющее въ се

болѣе къ уд

хвастовству

ствительному

г) равн

излагается н

ченнаго слу

мыхъ линій

четверть и

д) вос

вкравшихся

По из

ской служб

на Васъ п

бомъ Его

вождая пр

верховой

мательны

сообразно

въ таком

Еже

мету отъ

о семъ л

Чт

сни так

мое при

О

ванію

веденно

начальни

Графикъ. Кіевъ

Андрей Яковлевичъ Стороженко

въ чинѣ полковника.

CII.

Главный штабъ Его Императорскаго Величества по военному поселенію. Дежурство. Отдѣленіе I. Въ С.-Петербургѣ 4 апрѣля 1831 г. № 1261.

Члену аудиторіата господину полковнику и кавалеру Стороженку.

По волѣ господина управляющаго главнымъ штабомъ Его Императорскаго Величества по военному поселенію назначаетесь Вы, г. полковникъ, членомъ комитета составленія штатовъ. Начальникъ штаба генералъ-адъютантъ Клейнмихель. Управляющій отдѣленіемъ Лабенскій.

CIII.

24 октября 1831 г. Г. С.-Петербургъ. Письмо Андрея Яковлевича Стороженка къ Александру Яковлевичу Стороженку.

Любезнѣйшій братъ Александръ! Зная, сколь необходимъ въ настоящее время тебѣ указъ твой объ отставкѣ, а особенно въ отношеніи дѣтей, —да ниспошлетъ вамъ Всеблагій утѣшеніе въ возрастѣ ихъ! я выхлопоталъ копію съ указа, каковую при семъ и прилагаю. Врядъ ли ты можешь получить изъ полка оригиналъ, а копія всегда можетъ замѣнить оный. Каково вы поживаете? Я почти годъ болѣю и ежели здоровье мое не поправится, принужденъ буду оставить службу съ душевнымъ сожалѣніемъ, что не могъ участвовать въ войнѣ противу Поляковъ. Не рѣшился ли ты когда нибудь съѣздить въ Ржавецъ?

Сдѣлай одолженіе, увѣдомь тогда меня о моемъ плохо идущемъ хозяйствѣ. Мнѣ казался Олихновскій довольно хлопотливымъ, но заглазное управленіе темно, какъ темна вода во облацѣхъ воздушныхъ. Онъ и о сю пору не принялъ отъ тебя участка назначаемаго тобою мнѣ лѣса, между тѣмъ время уйдетъ и опять прійдется мнѣ покупать всякій колышекъ при необходимыхъ постройкахъ на Мельниковщинѣ Сдѣлай братское одолженіе, кончи сіе дѣло, и да будемъ квиты.

Ко мнѣ никто изъ васъ не пишетъ ни словечка. Грѣшно, ежели ты не будешь отвѣчать на сіе, адресъ же мой: на Сергіевской улицѣ, въ домѣ Григорьева, № 588.

Гдѣ братъ Илія? И каково поживаютъ сестра и зять со своимъ семействомъ? Это будетъ все для меня истинно интересно. Вы, я думаю, видитесь часто, живя почти по сосѣдству.

Юлія Ивановна моя свидѣтельствуетъ всѣмъ вамъ свою родственную преданность, равномѣрно наши Лиза и Володя. Первой уже 13-й годъ, учится славно, въ генварѣ поступитъ въ большой возрастъ, а черезъ три года выйдетъ изъ института. Какъ летитъ время! Володя пажъ бойкій, ходитъ къ великому князю наслѣднику участвовать въ играхъ, получаетъ за науки призы, но и рѣзвится бойко. Теперь, по случаю болѣзни, всѣ учебныя заведенія все еще заперты, туда однакоже пускаютъ, но дѣти не отпускаются за корпуса. Дай Богъ, чтобы эти карантинныя мѣры скорѣе прекратились. Какъ то вы претерпѣли холеру? У меня въ Ржавцахъ померло 7 душъ. Господи! отврати отъ насъ зло сіе! Пожелавъ тебѣ съ сестрицею и малютками вашими всѣхъ благъ міра сего, остаюсь, какъ и всегда, любящимъ васъ братомъ Андрей Стороженко. 24 октября 1831 г. С.-П. Бургъ.

CIV.

Главный штабъ Его Императорскаго Величества по военному поселенію. Дежурство. Отдѣленіе II. Въ С.-Петербургѣ 25 ноября 1831 г. № 82.

Господину полковнику и кавалеру Стороженку.

Господинъ начальникъ штаба приказать изволилъ разсмотрѣть въ комитетѣ изъ Вашего Высокоблагородія, дежурнаго штабъ—офицера 7-го класса Сытенка и управляющаго II-мъ отдѣленіемъ дежурства, проектъ, составленный въ 1828 г. объ артельныхъ деньгахъ нижнихъ чиновъ, остававшійся до сего времени неразсмотрѣннымъ.

II-е отдѣленіе дежурства честь имѣетъ о семъ извѣстить для назначенія общаго собранія по взаимному соглашенію. Управляющій отдѣленіемъ Лабенскій.

CV.

Его Императорское Величество въ присутствіи своемъ въ С.-Петербургѣ, марта 3 дня 1832 года, соизволилъ отдать слѣдующій приказъ:

Назначаются: По корпусу жандармовъ. Состоящій въ должности Военнаго Генералъ-Полиціймейстера дѣйствующей арміи генералъ-лейтенантъ Лесовскій, начальникомъ 1-го округа корпуса жандармовъ.

По кавалеріи. Находящійся при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею генералъ фельдмаршалѣ князѣ Варшавскомъ графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ по особымъ порученіямъ, состоящій по кавалеріи полковникъ Стороженко исправляющимъ должности военнаго генералъ-полицiймейстера и генералъ-гевальдигера дѣйствующей арміи, съ переводомъ въ корпусъ жандармовъ.

CVI.

Главный штабъ Его Императорскаго Величества по военному поселенію. Дежурство. Отдѣленіе I. Въ С.-Петербургѣ 24 апрѣля 1832 г. № 1212.

Господину исправляющему должность военнаго полицiймейстера и генералъ-гевальдигера дѣйствующей арміи.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ удовлетворить Васъ за турецкую войну не въ зачетъ годовымъ жалованьемъ, составляющимъ тысячу четыреста сорокъ рублей.

Увѣдомляя объ ономъ Васъ, г. полковникъ, имѣю честь присовокупить, что изъ числа означенныхъ денегъ 1166 р. 68 к., согласно рапорта Вашего отъ 22 октября прошлаго 1831 г. № 24, препровождены въ коммисаріатскій департаментъ военнаго министерства на окончательное удовлетвореніе состоящаго на Васъ казеннаго долга, а остальные двѣсти семьдесятъ три рубля тридцать двѣ копѣйки при семъ препровождаются. Начальникъ штаба генералъ-адъютантъ Клейнмихель.

CVII.

20 марта 1833 г. Г. С.-Петербургъ. Письмо Н. И. Ушакова къ А. Я. Стороженку.

Давно вожделѣнный фельдъ-егерь, наконецъ, отправляется сегодня въ Варшаву и я очень радъ, что нахожу случай послать новоселье хотя теперь къ Вамъ, почтеннѣйшій и достойный Андрей Яковлевичъ!

Утѣшительно думать, что Любовь Ивановна также увидитъ, наконецъ, исполненіе сдѣланнаго мнѣ порученія. Конфекты и книги при семъ препровождаются въ особой посылкѣ на имя Ваше вмѣстѣ съ медицинскими сочиненіями, которыми постарался вооружиться нашъ почтенный докторъ.

Прошедшія двѣ экстрапочты я писалъ къ Вамъ, сколько удавалось успѣвать, теперь хотя времени имѣю болѣе, но подъ уши мнѣ безпрестанно шумятъ товарищи, зашедшіе по обыкновенію посидѣть въ канцеляріи, и такъ извините, если письмо мое опять будетъ отзываться и сбивчивостью мыслей, и безпорядочнымъ содержаніемъ.

Милыхъ дѣточекъ Вашихъ я видѣлъ вчерашняго числа, они здоровы и отъ m-lle Elise прилагаю у сего письмецо. Володя вчерась представлялся за разводомъ на ординарцы къ Государю, а послѣ за расторопность и исправность былъ приглашенъ къ обѣду у Его Высочества Наслѣдника. Всему этому я былъ самъ свидѣтель, но почести сіи помѣшали однакоже мнѣ взять Володю къ моимъ роднымъ и по обѣщанію побывать съ нимъ вмѣстѣ въ патріотическомъ институтѣ и въ концертѣ. Впрочемъ послѣдняго не удалось даже и мнѣ видѣть, билеты были разобраны еще въ пятницу, а мы съ Очкинымъ и докторомъ не приняли того въ соображеніе. Концертъ, по словамъ очевидцевъ, былъ весьма хорошъ и тѣмъ обиднѣе было не присутствовать на немъ, что это случается одинъ разъ въ году, 19-го марта, въ честь взятія Парижа. Государь Императоръ въ сопровожденіи фельдмаршала также изволилъ находиться въ концертѣ семъ, данномъ въ Александринскомъ театрѣ.

Члены англійскаго клуба давали въ четвергъ обѣдъ Его Свѣтлости фельдмаршалу. Присутствовало до 250 человѣкъ, мы всѣ были приглашены равномѣрно и раздѣляли общее движеніе сердецъ. Тостъ князю провозглашенъ былъ тотчасъ послѣ здоровья Царской Фамиліи. Англичане пили послѣ обѣда пуншемъ и привѣтствовали фельдмаршала прежде имени своего короля. Для меня въ первый разъ видѣвшаго подобное разнообразное общество случай этотъ казался очень любопытнымъ. Я встрѣтилъ тутъ много почетныхъ государственныхъ людей и всю почти литературную братію.

Не успѣваю ничего сказать Вамъ болѣе, шумъ около меня ужасный. **Дѣло**, о которомъ Вы любопытствовали, въ половину сдѣлано. Можетъ быть, съ экстра-почтой удастся написать Вамъ болѣе. Князь сейчасъ отправляется дня на два въ Гатчину вмѣстѣ съ Государемъ Императоромъ, мы остаемся здѣсь всѣ, исключая Бутурлина, который ѣдетъ только потому, что сегодня дежурный.

Имѣя честь заочно поцѣловать ручки Юліи Ивановны и Любовь Ивановны, поспѣшаю повторить чувства сердечнаго уваженія и предан-

ности, которыя никогда въ отношеніи семейства Вашего не измѣнятся въ душѣ усерднаго и почитающаго слуги Николая Ушакова.

PS. Н. И. Греча, наконецъ, успѣлъ я застать дома, познакомился съ нимъ и приглашенъ на четвергъ. Альбенскій сомнѣвается, чтобы можно было переслать отсюда журналы и газеты по прошлогоднему; говорятъ, что нужно непремѣнно записаться на полученіе ихъ въ Варшавскомъ почтамтѣ.

PS. Покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое усердное почтеніе Ивану Ѳомичу и Глафирѣ Степановнѣ.

Посылочку Вы получите подъ адресомъ въ Главный Штабъ № 40 Lit. H.; смѣло распечатывайте и найдете тамъ въ особомъ ящикѣ конфекты, повѣсти Карлгофа и письмецо Лизы.

CVIII.

16 іюля 1833 г. Письмо Павла Даниловича Стороженка къ Андрею Яковлевичу Стороженку.

Милостивый Государь и почтеннѣйшій внучекъ Андрей Яковлевичъ! Изъ Варшавы отъ 17 іюня пущенное письмо Ваше я радостно получилъ тогда, когда уже Юлія Ивановна, побывши у насъ около двухъ недѣль, выѣхала въ Богодуховку и далѣе,—по намѣренію своему побывать въ имѣніи Любови Ивановны [1]) и повидаться съ замужнею сестрою. А къ намъ въ Ржавецъ воротиться предположила на 15-е августа, чтобы здѣсь просидѣть до устроенія винокурни, на которую такъ много издержано, а мало сдѣлано. Да нечего лучшаго и ожидать отъ безпросыпнаго..! Юлія Ивановна безъ сомнѣнія пишетъ къ Вамъ обо всемъ подробно, что здѣсь видѣла; а я противъ нее и Васъ выполнилъ все, что искренность повелѣла, безъ участія пустыхъ церемоніаловъ, но отъ души и сердца. Одобряю вашъ вкусъ и чту кротость въ видѣ ангельскомъ.... Хильчевскій и Илья познакомились уже съ Юліей Ивановной, а Александръ на ту пору былъ въ Полтавѣ; съ другими же ей не было времени познакомиться. Письмо Ваше къ Тарновскому доставлено по полученіи.

A propos. Юлія Ивановна хвалилась услужливостію Брестъ-Литов-

---

[1]) Любовь Ивановна Миркалова-Бобровская была въ супружествѣ съ А. П. Безакомъ, бывшимъ въ 1864—1868 г.г. генералъ-губернаторомъ юго-западнаго края.

скаго Полицеймейстера Подполковника Михаила Матвѣевича Рѣзанова. Это тотъ самый человѣкъ, о которомъ я много интересуюсь и которому просилъ Васъ и теперь прошу доставить мѣсто поспокойнѣе и повыгоднѣе, что̀ по чину его весьма возможно, будь только на то изволеніе Ваше. Вамъ теперь, да и всѣмъ и всегда—необходимы люди честные и способные къ дѣламъ, а онъ таковъ въ полномъ смыслѣ; вѣрьте мнѣ что Вы будете имъ довольны и мнѣ не стыдно будетъ смотрѣть Вамъ въ глаза. Помогите ему ради Бога!

Да ради самого Бога и Спаса нашего и всѣхъ святыхъ, а также и ради меня грѣшнаго пріймите въ свое покровительство и доставьте выгоднѣйшее мѣсто служенія моему родному племяннику и Вашему родственнику, прапорщику Алексѣю Петровичу Стороженку [2]), о которомъ, чтобы ни сказалъ въ похвалу его, то всё мало будетъ; а надо узнать достойнаго сего молодого человѣка и испытать его способности, тогда и удостовѣриться можно, что онъ дѣйствительно уменъ, честенъ, праводѣтеленъ и трудолюбивъ; словомъ ко всему доброму способенъ и преспособенъ и даже годенъ хотя бы въ адъютанты Его Свѣтлости. Онъ и тамъ найдется и будетъ угоденъ; въ чемъ я твердо увѣренъ столько же, какъ и въ томъ, что Вы не откажете ему поблагодѣтельствовать по возможности. Хотя сіе и покажется Вамъ затруднительнымъ, но тѣмъ подвигъ Вашъ будетъ славнѣе, а благодѣяніе Ваше для всѣхъ насъ чувствительнѣе; и Вы сами будете довольны собою, проложивъ путь къ чести достойному человѣку. Ура!!! Что самое и меня побудило ходатайствовать предъ Вами за него, какъ за роднаго сына. Прежде онъ служилъ въ конныхъ егеряхъ въ 1-й дивизіи во 2-й бригадѣ бригаднымъ адъютантомъ при генералъ-маіорѣ Гельдѣ; а нынѣ, по расформировкѣ оной дивизіи, оный Гельдъ остался безъ бригады, а племянникъ мой поступилъ во фронтъ 1-й драгунской дивизіи въ Новороссійскій драгунскій полкъ и въ кругъ неизвѣстнаго общества, что̀ невыгодно для молодаго человѣка его способностей, когда притомъ онъ лишился лучшей дороги и выгоднѣйшей службы для будущихъ честныхъ видовъ и пользы общей. И такъ, повторивъ горячую мою просьбу о своемъ кровномъ съ увѣренностію, что при возможности оной не презрите и доставите ему, ежели не сію, въ которой можетъ онъ неодержать себя прилично, то другую какую либо службу повыгоднѣе отъ фронтовой и медленной, а особо по кавалеріи.

---

[2]) Прапорщикъ Алексѣй Петровичъ Стороженко, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь,—сынъ Петра Даниловича, извѣстный писатель, умершій 7 октября 1874 года въ г. Брестѣ-Литовскомъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника на должности предводителя дворянства и предсѣдателя съѣзда мировыхъ посредниковъ брестъ-литовскаго уѣзда гродненской губерніи.

Съ отличнымъ почтеніемъ и душевною преданностію имѣю честь пребыть на всегда, Милостивый Государь, Вашъ усердно покорнѣйшій слуга. Павелъ Стороженко. P. S. Для вѣрности доставки сего и платы вѣсовыхъ и портовыхъ по заграничью прилагаю 5 рублевую бумажку и прошу, что̀ по сему послѣдуетъ, увѣдомить неукоснительно. Adieu. С. Ржавецъ, 18 $\frac{VII}{16}$ 33.

CIX.

Комитетъ, Высочайше учрежденный въ 18-й день августа 1814 г. Отдѣленіе 2. С.-Петербургъ. 1 ноября 1833 года. № 8602. (О выпускѣ дочери изъ патріотическаго института.)

Исправляющему должность генералъ-полицеймейстера и генералъ-гевальдигера дѣйствующей арміи г. полковнику Стороженку.

Дочь Ваша, дѣвица Елисавета, воспитывающаяся въ патріотическомъ институтѣ, по Высочайшему Государыни Императрицы соизволенію, предназначена къ выпуску изъ онаго, который имѣетъ послѣдовать между 15 и 20 числами генваря будущаго 1834 года, о чемъ Комитетъ, извѣщая Васъ, предлагаетъ непремѣнно къ означенному времени, если возможно, явиться самимъ въ патріотическій институтъ для принятія изъ онаго помянутой дочери Вашей, или же прислать довѣренную отъ себя особу, уполномоченную законнымъ свидѣтельствомъ. Генералъ-адъютантъ Храповицкій 1-й. Правитель канцеляріи Волковъ.

CX.

Въ Комитетъ, Высочайше учрежденный въ 18-й день августа 1814 года. И. д. военнаго генералъ-полиціймейстера и генералъ-гевальдигера дѣйствующей арміи и вице-президента г. Варшавы корпуса жандармовъ полковника Стороженка рапортъ.

По полученному мною извѣщенію Комитета отъ 1-го ноября с. г. за № 8602, что дочь моя, дѣвица Елисавета, воспитывающаяся въ патріотическомъ институтѣ, по Высочайшему Государыни Императрицы

соизволенію, предназначена къ выпуску изъ онаго, который имѣетъ послѣдовать между 15 и 20 числами января будущаго 1834 года, и чтобы я непремѣнно къ означенному времени, если возможно, явился самъ въ патріотическій институтъ, для принятія изъ онаго помянутой дочери моей, или же прислалъ бы довѣренную особу, уполномоченную законнымъ свидѣтельствомъ,—я вмѣстѣ съ симъ послалъ довѣренность на принятіе изъ института дочери моей Елисаветы на имя Натальи Андреевны фонъ-Фокъ, вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ случаѣ, если бы дѣла службы не позволили мнѣ прибыть въ С.-Петербургъ къ назначенному для того Комитетомъ времени. О чемъ имѣю честь почтеннѣйше донести. № 207. 30 ноября 1833. Г. Варшава.

CXI.

21-го ноября 1834 года. Письмо Павла Даниловича Стороженка къ Андрею Яковлевичу Стороженку.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь! Письмо Ваше, отъ 14-го сентября писанное, я имѣлъ удовольствіе получить въ первыхъ дняхъ октября. Оно меня много порадовало и вмѣстѣ удивило до того, что не найдусь, съ чего и какъ начать. О политика!.. Великое дѣло политика! Она тѣшитъ и обольщаетъ блестящими призраками; она завлекаетъ и губитъ существеннымъ зломъ. Одно хуже другого; да говорятъ, что то — необходимо.... По простодушію же моему думаю, что всѣ дѣла лучше и скорѣе достигали бы своей настоящей и благой цѣли, когда бы вели ихъ путемъ правды и чистосердечія; но какъ въ ней ихъ нѣтъ, за то не люблю сей великой госпожи политики. Впрочемъ, дипломатика и тактика не моя стихія и до нихъ мнѣ дѣла нѣтъ; а мое лишь сидѣть смирно въ темномъ уголкѣ, проѣдать остальные зубы на черствомъ хлѣбѣ, глотать горькія пилюли неудовольствій и терпѣливо надѣяться лучшаго въ будущемъ. А пока здѣсь, то буду отъ одной отшаркиваться, отъ другой же убѣгать; а въ крайности и отмахиваться, пока смогу. Вотъ что жалко и смѣшно! Но у каждаго свой образъ мыслей, свои порывы, фантазіи и правила употребленія способностей и воли.... Въ это никто не вмѣшивается, когда чѣмъ общій порядокъ не нарушается; то и быть дѣлу такъ; дѣла же обличаютъ замыслы.... Легко перечесть 70, 80 и сколько сможешь лѣтъ; но какъ ихъ прожить? А переживши, невольно заговоришь языкомъ милаго Булгарина: „Какъ

много для тѣла; какъ мало для души"! Да, очень мало для души, которая отъ временнаго стремится къ вѣчному наслажденію въ сліяніи съ своимъ началомъ.

Отголоски сострастія сколь ни отдаленны, но они всегда восхитительны; а потому и необходимы для чувствительной души; ибо она ихъ слышитъ, постигаетъ и чувственно какъ бы осязаетъ; и что ни говори, а сердца, ощущающія взаимность, понимаютъ себя; привлекаютъ одно другого, какъ магнитъ желѣзо, и стремятся другъ къ другу, какъ компасная стрѣлка къ полюсамъ. И это сердце есть бездна, извергающая тьмы желаній и вслѣдъ поглощающая ихъ; но за всѣмъ тѣмъ остающаяся несытою. Въ сей то безднѣ желаній зарождаются и возвышенныя и подлыя чувства. Умъ же единственный подѣлъ, которымъ и мудрый и глупецъ равно довольны; и никто не сознается, что у него нѣтъ ума, хотя бы оный былъ не болѣе куринаго. Самоотверженіе есть корень, орошаемый благодатію, производящій всѣ добродѣтели и возбуждающій силу духа къ великимъ и достохвальнымъ подвигамъ. Впрочемъ, чтобы человѣкъ ни дѣлалъ, то во всемъ есть виды собственной пользы, хотя бы отрекся міра и противустоялъ всѣмъ прельщеніямъ онаго; ибо дѣлаетъ сіе ради своего спасенія. Но Богочеловѣкъ не дѣлалъ ничего для себя, а всё для міра; по сему то всякъ, кто съ самоотверженіемъ выполняетъ свои обязанности, тотъ способствуетъ общему благу, въ которомъ участвуетъ и самъ. Гдѣ жъ замѣшается проклятое ego, тамъ никому нѣтъ добра; ибо кто изъ себя и для себя творитъ кумиръ, тотъ приноситъ себѣ въ жертву всё, что можетъ удовлетворять его; а польза ближнихъ, ихъ благосостояніе, жизнь и честь, для самоприверженца (эгоиста) суть вздоръ и трынь-трава; лишь бы у него осталась голова.

Да я и наваляль столько дрянь-травы, горькой полыни да злой кропивы, что некому оной ни сгребать, ни охоты имѣть тару-бару читать. Однакожъ, надо еще сказать: „пришлась по Сенькѣ шапка", чтобъ скорѣй кончилась сказка про Илью не Муромскаго, а просто Устивицкаго [1]). Тотъ побилъ разбойника Соловья, а сей сбиваетъ рубликъ до рубля. Разница между ними велика. Теперь я не удивляюсь, что онъ не извѣщалъ Васъ о своей женитьбѣ, которая совершена еще въ іюнѣ и на которой я былъ посажоннымъ, единственно отъ того, что тутъ никого другого не нашелъ; то и вышло, что я какъ ракъ на безрыбьѣ, либо какъ чучело на горохѣ; а на все это я смотрю сквозь пальцы и прощаю даже и за то, что до сихъ поръ не отплатилъ мнѣ свадебнаго визита.... Будь ему добро! Жаль только, что холодное его свойство ко всему, что не *Онъ*, или не интересъ *Его*, представляетъ изъ него изрядно оболва-

[1]) Рѣчь идетъ объ Ильи Яковлевичѣ Стороженкѣ.

неннаго автомата, который движется, но безъ души. Вы его лучше знаете, то и можете судить, похожъ ли сей очеркъ на тѣнь (silhouette), которую отбрасываетъ подлинникъ; а я не успѣлъ еще разглядѣть мелькомъ, ни распознать его умкомъ. Я восхищаюсь духомъ, слыша, что у безмозглыхъ ферментація начала дѣлать осадку и мозговое воспаленіе стухать. Ихъ варіатовъ надлежало бы держать въ ежовыхъ рукавицахъ, какъ было отъ покоренія, а не давать воли. Съ сею многоглавою гидрою не партизантскую войну весть, какъ начали; ибо въ ней они всегда выиграютъ передъ нами; но массою подавить бы надлежало; какъ въ послѣдствіи и оправдано прозорливымъ Вождемъ и достохвальнымъ Героемъ нашего времени. Я лишь узналъ о перемѣнѣ военачальниковъ, то и предсказалъ и способъ, и успѣхъ, а событіе оправдало всё. Исполать вамъ, русски вои! Исполать вамъ, воеводы! Слава Русскому народу! Многолѣтіе Царю!!!

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, Вашъ покорнѣйшій слуга Павелъ Стороженко. *NB.* 30 сего мѣсяца день великаго патрона, съ которымъ честь имѣю поздравить. Въ Питерѣ торжество кавалеровъ сего ордена. P. S. И наша благословенная Малороссія отъ засухъ лишена своей плодности; и мы бѣдствуемъ при недостаткахъ всего потребнаго. Лишь бы прокормиться! Ржавецъ $18\frac{XI}{21}34$.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Варшава $^{12}/_{24}$ декабря 1844 года.

Вставши по утру рано и измучившись, читая полученныя казенныя бумаги, диктуя отвѣты на нихъ, подписывая отпуски, или отписки, и слушая потомъ газеты: Познанскую и разные отрывки изъ „Новой Польши", „Бѣлаго Орла" и изъ другихъ самыхъ глупѣйшихъ брошюръ Польской эмиграціи, — въ 11 часовъ, завернувшись въ шубу, сѣлъ на первыя попавшіяся мнѣ тряскія извощичьи дрожки и приказалъ тащить себя, по обыкновенію, въ Цитадель. Дрожкарь почесался въ головѣ, ударилъ со злостью по костямъ тощихъ клячъ, и распустивъ возжи такъ, что всякій прохожій, зазѣвавшись, легко можетъ испытать крѣпость торчащаго и болтающагося дышла, поѣхалъ какимъ-то аллюромъ, который можно уподобить свинной рыси.

Здѣсь надобно замѣтить, что всѣ дрожкари знаютъ уже лицъ, ѣздящихъ ежедневно въ Цитадель, и считая такой курсъ, или конецъ, и далёкимъ, а быть можетъ еще и страшнымъ по общему впечатлѣнію, удираютъ со всѣхъ ногъ отъ такого сѣдока. Мой дрожкарь не зналъ меня; но слова: „въ Цитадель" — его крайне огорчили. Дабы успокоить бѣднаго человѣка, я обѣщалъ ему заплатить вдвое, и онъ понуждалъ клячи двигать ноги немножко скорѣе. Впрочемъ сомнѣваюсь, чтобы онъ вѣрилъ начисто моему обѣцанію, ибо, иногда оглядываясь на меня двусмысленно, высказывалъ нежеланіе ѣхать въ Цитадель. Въ этомъ мысли наши почти сталкивались.

Признаюсь, ѣзда въ продолженіе 13 лѣтъ тяжкой моей здѣсь службы въ Цитадель такъ мнѣ надоѣла, допросы безмозглыхъ политическихъ арестантовъ сдѣлались такъ отвратительны, что, приступая къ нимъ, всегда съ грустнымъ чувствомъ собираю силы душевныя, истощающійся разумъ и часто напрасный даръ слова, дабы выполнить мою обязанность, убѣдить 19-ти-лѣтняго демократа высказать мечты его, и подать ему всѣ средства къ уменьшенію вины чистосердечнымъ признаніемъ.

О! какъ тяжелъ крестъ подобнаго мнѣ труженика. Какъ сильна должна быть вѣра въ награду за добро, дѣлаемое противу воли самого того, кому оно дѣлается, и какъ больно видѣть равнодушіе, съ какимъ подобныя дѣла разсматриваются и рѣшаются. Неблагодарность, съ какою охраненный отъ наказанія разсказываетъ о тебѣ, судъ людей, дышащихъ завистію, или недоброжелательствомъ, погружали меня въ мрачныя думы; но, положивши руку на сердце, предавшись суду совѣсти, какъ умилительно думать, что добродѣтель есть достояніе не отъ сего міра, и что не въ юдоли плача должно искать возмездія.

Съ этими мыслями подъѣзжаю къ Цитадели. Дрожкарь ворочалъ то направо, то налѣво, встрѣчаясь съ прекрасными экипажами лицъ инженернаго вѣдомства. Не знаю, по какому случаю они въ это время какъ бы сыпались изъ красивыхъ воротъ Константиновскихъ. Я любовался экипажами и хотя самъ, прослужа въ офицерскомъ званіи почти сорокъ лѣтъ битыхъ, трясся на неуклюжихъ дрожкахъ, нисколько не завидывалъ довольству и даже роскоши гораздо менѣе меня служащихъ; а только негодовалъ на то-же равнодушіе къ полезнымъ и честнымъ трудамъ, какое видѣлъ въ рѣшеніи дѣлъ, о чемъ упомянулъ выше.

Пріѣхавши къ коммиссіи, вынулъ мой тощій кошелёкъ, чтобы заплатить дрожкарю, и вновь подумалъ о томъ-же равнодушіи и невниманіи къ трудамъ; пожалѣлъ о выдаваемыхъ мною всякій день такимъ образомъ нѣсколькихъ злотыхъ изъ моего жалованья, и побрелъ въ коммиссію.

Никакой иностранецъ не повѣритъ, чтобы можно было трудиться совершенно даромъ; но у насъ состарѣвшіеся на службѣ свыкаются до того съ своимъ положеніемъ, до того привыкаютъ къ безусловному посвященію себя нести тяжкое иго возлагаемыхъ на нихъ различныхъ обязанностей, что и доброе слово начальника замѣняетъ награжденіе. Я, напримѣръ, какъ выше сказалъ, предсѣдательствую въ Слѣдственной Коммиссіи по дѣламъ политическимъ 13 лѣтъ, не получая ни гроша по этому мѣсту. Но вотъ и двери присутствія.

Правду говорили наши предки, правду писали французы и нѣмцы о легкомысліи шляхты Польской. Тысячи ея допрошены въ коммиссіи. Заговоръ за заговоромъ: одинъ о томъ, что четыре мальчика присягнули между собою задержать на дорогѣ веревкою экипажъ Государя Императора, принудить Монарха дать повелѣніе, чтобы войска Его очистили Польшу, и учредить въ оной потомъ демократическое Правленіе; другой о всеобщемъ возстаніи народномъ и о войнѣ противъ Россіи, Австріи и Пруссіи, планъ коей и уставъ для управленія освобожденнымъ уже краемъ начертаны ксендзомъ бѣдной парафіи; третій о партизанской

войнѣ отъ горъ Карпатскихъ до Чернаго моря, гдѣ, по мнѣнію такихъ партизановъ, можно сдѣлать высадку около Одессы, и лѣсами пройти чрезъ Подоль, для соединенія съ Галиціею и Царствомъ Польскимъ; четвертый о подобномъ же и т. д. Дико слушать такую околесную; но виновные передо мною; я спрашиваю ихъ весьма серіозно и, достигши чистосердечнаго сознанія, напримѣръ, отъ ксендза, начертавшаго планы войны и міра, что онъ началъ воззваніе свое къ бунту въ Кѣлецкой губерніи, имѣя при себѣ вмѣсто всякого оружія два складныхъ ножика, и не болѣе 7-ми соучастниковъ, съ жалостію отвращаюсь отъ сумасброда; а тѣхъ, кои хотѣли вести партизанскую войну лѣсами отъ Одессы до давно несуществующей уже Польши, увѣряю, что если бы кого изъ нихъ и поймали въ окрестностяхъ Одессы, то даже высѣчь тамъ было бы нечѣмъ: ибо тамошняя почва земли неудобна къ разведенію самой лозы, не только лѣсовъ. Откуда, спрашиваю, вы берете такія идеи?—Изъ брошюръ Польской эмиграціи,—отвѣчаютъ мнѣ.

Чтобъ выбрать изгнанниками безпріютными на сеймѣ, состоявшемся изъ нѣсколькихъ пустослововъ, пародирующихъ народныхъ представителей за 200 миль отъ Польши, королемъ Польскимъ изгнанника же Чарторыскаго, чтобъ спорить объ этомъ печатно, дѣлясь на партіи: псевдомонархическую, республиканскую и умѣренную, — надобно быть Поляками. Таковъ и самъ Чарторыскій, неотвергающій подобнаго выбора и произносящій торжественныя рѣчи предъ нѣсколькими своими поклонниками, и непонимающими его праздными французскими демократами.

Какъ бы, кажется, не убѣдиться въ тщетѣ буйныхъ помысловъ о прежнемъ существованіи Польши, и въ неимѣніи для того ни средствъ, ни людей? Не доказывается ли это и тѣмъ, что въ 1830 году подъ знаменами бунта вдругъ стало 30 т. образованнаго войска, которое умножилось въ теченіе 7-ми мѣсяцевъ до 105 т. по причинамъ, о коихъ вспоминать грустно, и что 72 т. этого войска сложили оружіе на границахъ Австріи и Пруссіи, предъ настигавшимъ его непріятелемъ въ гораздо меньшемъ числѣ? Но такіе факты скользятъ по вѣтреннымъ головамъ безмозглымъ, а частые случаи между тѣмъ раздираютъ сердце мыслящаго въ пользу бѣднаго человѣчества. Недавно мнѣ сказалъ одинъ изъ умнѣйшихъ Поляковъ, что исторія не представляетъ въ Польшѣ ни Хмельницкихъ, ни Пожарскихъ и Мининыхъ, и что послѣдняя рѣчь родственника его, Чарторыскаго, прочитанная имъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ, показалась ему бредомъ въ горячкѣ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, фальшивое общее мнѣніе такъ сильно между шляхтою, что онъ не хотѣлъ бы управлять ничѣмъ въ Царствѣ, ибо не былъ бы въ состоя-

ніи дѣйствовать въ духѣ Правительства и къ самому чистому добру Края, бѣснующагося какимъ-то несытымъ духомъ несбыточной независимости; напрасно, продолжалъ онъ, Правительство назначаетъ на высшія мѣста въ Царствѣ его соотечественниковъ; они не могутъ служить съ безусловною вѣрностію; а ежели который нибудь изъ нихъ и пойдетъ прямою дорогою, то при первомъ случаѣ свихнетъ въ сторону, подъ вліяніемъ того-же общаго мнѣнія.

18/30 декабря 1844 года.

Разговаривалъ вчера на вечерѣ, или раутѣ, у князя намѣстника съ генераломъ отъ кавалеріи гр. Ожаровскимъ объ арестованныхъ и допрашиваемыхъ въ Цитадели, по послѣднему заговору, цѣлію коего было уничтожить помѣщиковъ, притѣсняющихъ поселянъ, и тѣмъ начать народный бунтъ, и о недавно наказанныхъ политическихъ преступникахъ, сужденныхъ военнымъ судомъ, кои поэтому содержались въ Цитадели 16 мѣсяцевъ. Гр. Ожаровскій сказалъ мнѣ между прочимъ, что дня за три предъ возмущеніемъ въ Варшавѣ 1830 г. онъ встрѣтился съ Предсѣдателемъ военнаго суда, или слѣдствія, надъ множествомъ арестованныхъ тогда подъ-офицеровъ Польскаго войска, генераломъ гр. Станиславомъ Потоцкимъ, убитымъ въ первый день бунта, т. е. 29 ноября н. с. начавшими оный подъ-офицерами же и студентами университета, и спросилъ Потоцкаго, отчего разысканіе о заговорѣ идетъ такъ медленно, какъ между тѣмъ заговоръ усиливается и выказывается при всякомъ случаѣ. Потоцкій пожалъ плечами и отвѣчалъ съ горестію: „Что прикажете дѣлать? Я самъ вижу, что наша медленность будетъ причиною весьма несчастныхъ послѣдствій, что кругъ дѣйствій заговорщиковъ расширяется, и что однѣ только рѣшительныя мѣры и скорѣйшій конецъ дѣлу объ арестуемыхъ могли бы обуздать молодежь; доказываю объ этомъ всякій день Великому Князю Цесаревичу, толкую съ Курутою; но меня слушаютъ съ неудовольствіемъ и требуютъ, дабы я открылъ непремѣнно источникъ заговора.“ — „Послѣ этого“, продолжалъ гр. Ожаровскій, „я пошелъ тотчасъ къ Курутѣ, разсказалъ ему разговоръ мой съ Потоцкимъ, представлялъ опасное положеніе наше, и на все это Курута, понюхивая табачекъ, отвѣчалъ мнѣ, что Великій Князь вѣрить не хочетъ въ важность понынѣ открытаго, желаетъ дойти до источника злонамѣреній и тогда наказать виновныхъ. Vous avez raison, Monsieur le Comte, fort raison, прибавилъ онъ, mais Monseigneur a aussi raison“, какъ всегда говаривалъ. Чрезъ три дня дѣйствительно вспыхнулъ мятежъ.

Мнѣ скажутъ, что тогда было Польское войско, арсеналъ, наполненный оружіемъ, и Конституціонное Правленіе; а теперь во всемъ

Царствѣ нѣтъ и десяти тысячъ ружей охотничьихъ, кои дозволены тѣмъ только изъ обывателей, которые ведутъ себя спокойно, и кажутся быть приверженными къ Правительству, и что 60 т. войска, расположеннаго въ краѣ, по мановенію погнететъ всякую попытку къ безпорядку. Какъ этого не знать? О силѣ войскъ и говорить нечего; правленіе, подпертое десятками тысячъ штыковъ, – непоколебимо; Суворовъ во время Барской конфедераціи, съ 4 т., билъ вездѣ конфедератовъ, держалъ въ страхѣ 16-ти милліонное королевство; но это крайности. Не лучше-ли, изслѣдывая примѣры, отвращать зло бдительностію и немедленнымъ наказаніемъ преступниковъ, нежели оставлять за ними надежду, что незначительныя попытки, хотя не произведутъ всеобщаго мятежа, будутъ однакоже питать въ народѣ духъ его и что при всякомъ удобномъ случаѣ, напримѣръ, въ войнѣ Россіи съ какимъ бы то ни было европейскимъ государствомъ, Польша возстанетъ противъ первой и возвратитъ прежнее свое существованіе. Послѣднее предположеніе непрестанно роится въ головахъ патріотовъ, даже и умѣренныхъ. Я всегда противу военныхъ судовъ, длящихся у насъ, по обыкновенію, безвременно. Всегда представляю преданію военному суду однихъ зачинщиковъ заговора; число ихъ не бываетъ велико; осудить нѣсколькихъ человѣкъ — не долго; но произвести дѣло о множествѣ виновныхъ едва грамотному аудитору весьма трудно; надъ одною выпискою изъ дѣла онъ будетъ сидѣть нѣсколько мѣсяцевъ. Что же сказать теперь о полевомъ аудиторіатѣ, который долженъ по крайней мѣрѣ прочитать нѣсколько сотъ листовъ, и составить ту-же выписку?

Во всемъ этомъ со мною соглашаются; двадцать слѣдственныхъ дѣлъ обходятся безъ суда, виновные наказываются, какъ бы и по приговору судебному; но двадцать первое, по невѣдомымъ причинамъ, предается въ руки аудиторовъ, и правило, извлеченное изъ самыхъ убѣдительныхъ опытовъ, пріостанавливается, какъ бы для того, чтобы накопилось болѣе арестантовъ, и чтобы опять наказывать ихъ безъ суда. Отчего такая **шаткость** (слово Петра Великаго) въ дѣйствіяхъ?

Управленіе завоеваннымъ краемъ и покореннымъ народомъ, тѣмъ болѣе Поляками, требуетъ непоколебимыхъ мѣръ, опредѣлительнаго пути къ цѣли предположенной, и твердой воли. Эти основанія, кажется, могли бы пріучить и шляхту почитать власти и постановленія, или по крайней мѣрѣ бояться неуклонной справедливости, и поползновенія къ выходкамъ политическимъ не были бы такъ часты.

19/31 декабря 1844 года.

Разыскивая такія дѣла, кои подвергаютъ виновныхъ отданію въ солдаты, или ссылкѣ въ Сибирь, я часто не сплю по цѣлымъ ночамъ,

перебирая, сличая и соображая самомалѣйшія обстоятельства разысканій, дабы опредѣлить вину каждаго, и чтобы невинные, или мало виновные не потерпѣли наказанія; при самыхъ же допросахъ подаю средства арестованному къ самому выгоднѣйшему для него объясненію; и ежели за всѣмъ тѣмъ дѣйствія его и улики обличаютъ его въ преступленіи, то ему дается бумага, чтобы онъ самъ написалъ свое сознаніе. Тяжело, слишкомъ тяжело видѣть каждый день передъ собою людей, впавшихъ въ преступленіе, иногда даже по жалкому заблужденію, а всего чаще по легкомыслію и вѣтренности; но какъ радостно удостовѣреніе, ежели кто изъ нихъ окажется взятымъ по одному лишь подозрѣнію. Такой не сидѣлъ чрезъ меня ни одного дня въ Цитадели, никакія дѣла, никакія разсѣянія не препятствовали мнѣ исполнить того завтра, что объяснилось сегодня. Это единственное, хотя впрочемъ весьма кратковременное, утѣшеніе совѣсти. Всякій повѣритъ, что смотрѣть на слёзы, просиживать каждый день по нѣсколько часовъ въ Цитадели, болѣе нежели непріятно; никто однакоже не повѣритъ тому, чтобы это дѣлалось безъ видовъ, безъ выгодъ, безъ поддѣльнаго самоотверженія. Такимъ, съ благородною гордостію, я сказалъ бы, что если бы я узналъ кого нибудь, который могъ бы замѣнить меня по чувству, по дѣятельности въ разысканіи самомалѣйшихъ подробностей, и по рѣшительности высказать правду, то давно бы отказался отъ предсѣдательства въ коммиссіи, не приносящаго мнѣ совершенно ничего, кромѣ огорченій, и невниманія къ дѣлу, столь важному въ отношеніи къ человѣчеству.

При этомъ я долженъ замѣтить, что почти всякое слѣдствіе длится и дѣйствительно виновные укрываются предъ закономъ отъ того, что виновнѣйшіе изъ нихъ, коихъ нужно арестовать, почти всегда ускользаютъ отъ ареста. Полиція, жандармы, по равнодушію къ своимъ обязанностямъ, только отписываютъ, что такой-то на мѣстѣ не отыскался, и на немъ все дѣло останавливается въ производствѣ, прерывается нить его, арестованные терпятъ заключеніе и остаются въ краю, или въ смежныхъ съ нимъ провинціяхъ другихъ государствъ, люди, спасшіеся бѣгствомъ, усугубляющіе потомъ зловредныя дѣйствія свои уже безнаказанно.

Къ чему эти военные начальники по губерніямъ, если они будутъ только отписываться, а не дѣйствовать съ необходимою энергіею. Напримѣръ, недавно въ небольшомъ губернскомъ городкѣ арестовано было нѣсколько человѣкъ заговорщиковъ; какъ бы, кажется, не знать мѣстной полиціи этого маленькаго городка, съ кѣмъ они были въ тѣсныхъ связяхъ; но когда было предписано арестовать самыхъ злѣйшихъ преступниковъ, какъ оказалось по дѣлу, то ихъ уже отыскано не было; они, тотчасъ по арестованіи первыхъ, скрылись; между тѣмъ

гражданскій губернаторъ представилъ, что онъ ручается всѣмъ за спокойствіе въ его губерніи, что онъ знаетъ всякаго образъ мыслей, и что никакой заговоръ у него не можетъ имѣть мѣста. Въ слѣдъ за тѣмъ нужно было арестовать чиновника собственной его канцеляріи по тому же дѣлу. Вотъ образчикъ полицейскаго управленія въ краѣ.

28 декабря—9 генваря $18^{44}/_{45}$ г.

Сегодня по утру былъ у меня Штейнкеллеръ, фабрикантъ, спекулянтъ, антрепренеръ и проч. и проч. именуемый здѣсь, какъ многіе другіе ему подобные, банкиромъ; фигура этого предлиннаго, худого, или тощаго человѣка и жалобы его на разныя потери и несправедливость людей возбудили во мнѣ состраданіе къ нему. Онъ просилъ о протекціи, чтобы дозволено ему было сдѣлать необходимыя передѣлки въ паровой мельницѣ, которую принужденъ онъ былъ принять, по счетамъ, отъ Польскаго Банка въ 1,200,000 злот. тогда, какъ она не стоила и полумилліона.

Съ радушіемъ принимаю на себя ходатайство по просьбамъ, если онѣ чисты; но какъ здѣсь почти всякая изъ просьбъ заключаетъ въ себѣ сложность, зады и не совсѣмъ прямое дѣло, то при всей готовности быть полезнымъ людямъ, съ коими жилъ болѣе 10-ти лѣтъ въ добрыхъ сношеніяхъ, не взирая на то, что былъ начальникомъ полиціи, и изъ коихъ каждый есть близкій потому знакомый, или пріятель, надобно со всею подробностію узнать сперва сущность дѣла, и потомъ уже просить по оному гдѣ слѣдуетъ. Дѣло Штейнкеллера состояло въ томъ, что онъ, не получая такихъ доходовъ съ паровой мельницы, изъ коихъ можно бы уплачивать проценты въ Банкъ, поддерживать заведеніе, и имѣть хотя весьма малую прибыль для себя, хотѣлъ устроить при мельницѣ маслобойню; выписалъ для этого изъ Пруссіи мастеровъ, выстроилъ помѣщеніе для машинъ, и по существующему порядку, просилъ позволенія на это заведеніе, не прося никакой помощи со стороны Банка; получилъ отказъ съ замѣчаніемъ, что поелику всѣ проекты его неудачны, то и сей послѣдній не можетъ уже имѣть разрѣшенія.

Послѣ такого отказа, Штейнкеллеръ представилъ, что онъ испрашиваетъ позволенія на учрежденіе маслобойни въ своемъ паровомъ млынѣ на томъ только основаніи, какъ бы просилъ о постройкѣ дома, и что въ противномъ случаѣ, выписавши изъ Пруссіи мастеровъ и сдѣлавши уже значительныя издержки, онъ бы понесъ убытки и не могъ бы платить процентовъ въ Банкъ; но разрѣшенія по этому ожидаетъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Тутъ, между разговоромъ и объясненіемъ своего положенія, онъ разсказалъ мнѣ:

1) Что паровая мельница его весьма мало ему приноситъ, ибо обыватели въ краѣ, имѣя множество хлѣба, коего сбыть имъ некуда, слѣдовательно терпя нужду и въ деньгахъ, перемалываютъ оный, какъ кто можетъ, избѣгая платы въ его мельницѣ; Прусское правительство наложило такія огромныя пошлины на ввозъ хлѣба въ пристани свои, что торгъ онымъ почти прекратился. Если бы, говоритъ Штейнкеллеръ, состоялся его проектъ о желѣзной дорогѣ изъ Царства Польскаго до Либавы, что и самъ министръ Канкринъ, не любящій желѣзныхъ дорогъ, признавалъ самымъ лучшимъ средствомъ избавиться отъ Прусскихъ налоговъ,—то въ Царствѣ была бы и торговля, и деньги, а теперь во всемъ совершенная стагнація.

2) На меня разсердились, продолжалъ Шт., за то, что заказанные мною въ Англіи, привезенные оттуда въ Данцигъ и принятые тамъ, мимо меня, Польскимъ Банкомъ, паровыя суда, оказались неудобными ходить по Вислѣ; что я, составивъ компанію, предложилъ сдѣлать желѣзную дорогу отъ Варшавы до Кракова, что проектъ этотъ не удался, и что всѣ мои проекты оказывались не основательными. На это я долженъ сказать: мнѣ поручено было привезти изъ Англіи два парохода, коимъ мѣра и конструкція были опредѣлены не мною. Для чего пароходы эти были нужны, не знаю. Я заказалъ ихъ на самомъ лучшемъ заводѣ въ Англіи; если бы по прибытіи ихъ въ Данцигъ, они были приняты мною же, то увидѣвши, что они идутъ въ водѣ глубже опредѣленной мѣры, я бы не принялъ ихъ. Ходить имъ по Вислѣ дѣйствительно не возможно, особенно тамъ, гдѣ они представлялись быть нужными, т. е. между Варшавою и крѣпостями: Новогеоргіевскою и Ивангородскою, для перевозки артиллерійскихъ снарядовъ и провіанта, какъ я слыхалъ потомъ. Банкъ, видя явную неосмотрительность свою въ этомъ, накинулъ мнѣ на шею пароходы. Не теряя надежды, что по предположенному плану очистить фарватеръ Вислы въ нужнѣйшихъ мѣстахъ между Варшавою и кр. Новогеоргіевскою, на что ассигновано уже было болѣе милліона злотыхъ, пароходство будетъ приносить хотя нѣкоторые проценты на издержанную для этого сумму, я старался извлечь какую только можно было пользу изъ двухъ выписанныхъ пароходовъ. Они ходили отъ Варшавы до Бѣлянъ съ множествомъ пассажировъ, желавшихъ подышать тамъ свѣжимъ воздухомъ, между тѣмъ, думалъ я, что будутъ производиться предположенныя работы къ очищенію въ нужныхъ мѣстахъ Вислы; но какъ это совершенно было оставлено, ассигнованныя деньги издержаны на другіе предметы, и

самые пароходы взяты изъ моего вѣдѣнія, не знаю по чему, и учреждено особое управленіе ими, стоющее казнѣ вдесятеро больше нежели мое стоило, то чѣмъ-же я виноватъ во всѣхъ этихъ продѣлкахъ. Теперь эти пароходы продаются, для чего они посыланы были въ Данцигъ и даже въ Ростокъ; за нихъ не даютъ и половины стоимости. Ежели продаются, слѣдовательно, не нужны; для какой-же потребности были выписываемы?

Похоже на это случилось и съ желѣзною дорогою. Она началась компаніею на акціяхъ; работы производились съ дѣятельностью; но вскорѣ оказался недостатокъ въ деньгахъ; по банкротству Вѣнскаго банкира Геймилера половина акцій была возвращена, вмѣсто ожидаемыхъ капиталовъ; я не щадилъ ни трудовъ, ни издержекъ; но средства были слишкомъ малы для столь огромнаго предпріятія. Чѣмъ-же я виноватъ и тутъ?

Чѣмъ я виноватъ, что предсѣдатель и директоръ Банка дѣйствовали болѣе для себя, нежели для казны (за что въ послѣдствіи смѣнены), и, что имѣя дѣло съ такимъ Банкомъ, я подвергся разнымъ потерямъ; но всѣмъ извѣстно, что я началъ дѣла, имѣя пять милліоновъ состоянія, а предпріятіе о цинкѣ, о соли—доказываетъ полезную предпріимчивость мою болѣе для казны, нежели для меня, ибо, напримѣръ, Банкъ, въ вѣдѣніи коего состояло горнозаводство, объявилъ условія со мною, что цетнеръ цинку ему будетъ обходиться 10 злот.; я взялъ на себя продажу онаго за границу; въ послѣдствіи оказалось, что цетнеръ онаго дѣйствительно обходился несравненно выше 10-ти злот., что дошло до 30 злот., однакоже я и тутъ не отказался совершенно отъ моего контракта съ Банкомъ, и взялся продавать цинкъ съ пользою для себя 2-хъ злотыхъ только съ цетнера и еслибы горнозаводство было соображено съ мѣстными средствами, и было бы въ рукахъ дѣльныхъ, то несмѣтныя суммы не были бы погребены въ затѣяхъ необдуманныхъ и несоразмѣрныхъ. Я потерялъ все, и мною же недовольны.“

Тутъ я прервалъ разговоръ съ нимъ, не желая слушать о томъ, что мнѣ самому слишкомъ извѣстно. Да, сдѣланное мною разысканіе о тиражѣ билетовъ по займу 150 милліоновъ, и присутствованіе въ комитетѣ о потеряхъ Банка были бы истинною наукою, если бы я былъ моложе и желалъ бы извлечь изъ такихъ опытовъ нужныя свѣдѣнія для службы государственной; но теперь, охранивши 360-ти милліонный кредитъ отъ упадка, и представивши мнѣніе, какимъ образомъ пополнить милліоны, растраченные непозволительною предпріимчивостію одного и невникаліемъ къ дѣла другихъ, для меня остается одно лишь воспоминаніе, что я умѣлъ быть полезнымъ въ свое время и, дѣйствуя моимъ

разумомъ, молчалъ, когда другіе утверждали, что это ихъ мысли, ихъ направленіе. Блаженъ, кто вѣруетъ!

7/19 генваря 1845 г.

Иногда, отъ нечего дѣлать, я перебираю въ умѣ моемъ разныя положенія, въ какихъ я бывалъ въ теченіе моей службы. Не имѣя никакихъ претензій на высшія способности, вспоминаю однакоже съ самодовольствіемъ и внутреннею гордостію важнѣйшія для меня эпохи моей служебной жизни.

Съ 1812-го года по 1815-й, будучи съ небольшимъ 20-ти лѣтъ, я управлялъ уже канцеляріями разныхъ начальниковъ артиллеріи въ славныхъ дѣйствующихъ арміяхъ противъ Наполеона. Тогда не было ни начальниковъ штабовъ по части артиллерійской, ни дежурныхъ штабъ-офицеровъ. Все производство дѣлъ лежало на адъютантѣ. Полученная мною рана при Бородинѣ оторвала меня на время отъ хода дѣлъ, что случилось также и послѣ баталіи подъ Дрезденомъ; но не взирая на это, 1813-го года въ Рейхенбахѣ и 1815-го въ Могилевѣ на Днѣстрѣ я сдалъ всѣ отчеты деньгамъ и письменныя дѣла исправно и отчетливо. Раны и преслѣдованія не по личной моей винѣ принудили меня оставить службу, и хотя могъ бы я просить пенсіона, но, чувствуя себя въ силахъ работать, почиталъ это стыдомъ; вступилъ въ службу гражданскую, вновь былъ опредѣленъ въ военную, также противъ моей воли, всемогущимъ гр. Аракчеевымъ, который, считая невозможность мою служить при немъ въ Петербургѣ упрямствомъ, послалъ съ фельдъегеремъ въ Вознесенскъ, въ 1-ый Бугскій уланскій полкъ. Я не зналъ тамъ никого совершенно; не зналъ службы, не имѣлъ никакого состоянія, такъ, что едва могъ купить верховую для себя лошадь; но, обдумавши мое положеніе, по пословицѣ „плеть обуха не перебьетъ", —принялся за службу съ такою ревностію, что чрезъ 5 мѣсяцевъ меня ставили въ примѣръ, какъ лучшаго кавалерійскаго штабъ-офицера, и поручили въ командованіе полкъ. И такъ, думалъ я, пусть будетъ и эта дорога, когда не представляется лучшей преслѣдующею меня судьбою. Не помышляя ничего болѣе, кромѣ фронта и манежной ѣзды, вдругъ получаю предписаніе быть старшимъ членомъ въ межевой конторѣ, разграничивающей земли военныхъ поселеній и отдѣляющей ихъ отъ дачъ помѣщичьихъ. Прежде меня были въ этой конторѣ многіе штабъ-офицеры квартирмейстерской части; межевыя дѣла шли и медленно и плохо; жалобъ отъ помѣщиковъ—бездна; я самъ не имѣлъ никакого понятія о столь важной операціи; но, постановивши себѣ разъ навсегда ни отъ чего не отказываться по службѣ, занялся прилежно изученіемъ предстоящихъ мнѣ предметовъ. Черезъ 4 мѣсяца увидѣлъ

ясно въ чемъ дѣло, понялъ сущность его и въ два года кончилъ размежеваніе такимъ образомъ, что ни одна жалоба со стороны владѣльцевъ земель не осталась безъ удовлетворенія, ни одинъ казусъ (а ихъ было тысячи) не остался не разрѣшеннымъ. Для этого, по моему представленію, даже вышелъ указъ, изданный, какъ сказано было въ ономъ, въ разрѣшеніе казуса. Когда я, бродя по Новороссійскимъ степямъ съ пьяными землемѣрами, палимый южнымъ зноемъ, трудился въ потѣ лица, можно сказать, кровавомъ, недоброжелательство и зависть преслѣдовали меня, въ чемъ только было можно; бывшіе мои военные начальники боялись вліянія моего на командовавшаго Херсонскимъ военнымъ поселеніемъ гр. Витта и потому старались всячески, чтобы я никогда уже не возвратился въ Вознесенскъ. Гр. Аракчеевъ, не видя никакихъ жалобъ со стороны помѣщиковъ на межевую контору и получа въ послѣдствіи копіи съ писемъ ко мнѣ губернскихъ предводителей дворянства, въ коихъ они благодарили за справедливость, разгнѣвался на меня, потребовалъ объясненій по разнымъ предметамъ; а доколѣ я, по его мнѣнію, не оправдаюсь, меня назначили состоять по кавалеріи, отнявъ жалованье, деньщиковъ, квартиру, словомъ сказать, всѣ способы къ существованію съ двумя малолѣтними дѣтьми. Такимъ образомъ я жилъ болѣе года; прожилъ все, даже принужденъ былъ продать подушки; но чистота намѣреній, безинтересность и стремленіе къ добру истинному—объяснились; гр. Аракчеевъ съ Государемъ прибыли въ Елисаветградъ, и я извлеченъ былъ изъ нужды назначеніемъ меня дежурнымъ штабъ-офицеромъ и управляющимъ штабомъ военныхъ поселеній въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ.

Безъ малѣйшей мести въ сердцѣ моемъ прибылъ я въ Вознесенскъ, гдѣ нашелъ тѣхъ самыхъ, кои старались всѣми мѣрами вредить мнѣ, нашелъ дѣла штаба въ совершенномъ хаосѣ; казенныя суммы расхищены; вмѣсто сотни тысячъ, долженствовавшихъ храниться въ штабѣ, оказался одинъ 8-ми гривенникъ, у нѣкоторыхъ полковыхъ командировъ стояли часовые у казенныхъ ящиковъ и стерегли одного лишь дерева: ибо денегъ въ нихъ не было. Гр. Виттъ—въ отчаяніи; преслѣдовавшіе меня—въ трепетѣ; одно донесеніе,—и все это было бы подъ военнымъ судомъ. Но я охранилъ всѣхъ и каждаго, предался дѣлу, и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Сердцевѣдецъ Всемогущій помогъ мнѣ привести все въ порядокъ, въ ознаменованіе чего я поставилъ образъ св. равноапостольнаго князя Владимира въ дежурствѣ, который вѣроятно и по нынѣ находится въ штабѣ 3-го кавалерійскаго корпуса.

На третій день прибытія моего въ Вознесенскъ, рано по утру,

гр. Виттъ приходитъ ко мнѣ и приноситъ тысячу подписанныхъ имъ бланкетовъ, говоря, что ему необходимо ѣхать къ матери, и въ другія мѣста, для собранія хотя нѣкоторой суммы, коею можно бы было закрыть ужаснувшіе его недостатки казенныхъ денегъ; а какъ, продолжалъ онъ, поѣздка эта требуетъ времени, то дабы дѣла шли своимъ порядкомъ, и чтобы я еще болѣе увѣрился въ дружбѣ его и въ почтеніи къ моему характеру, онъ оставляетъ бланкеты, кои я могу употреблять по моему усмотрѣнію.

Такое довѣріе, отъ души, или изъ хитрости дѣлаемое мнѣ, погрузило меня въ мрачныя думы; явный страхъ стоялъ передъ глазами. Военный судъ, нищета, дѣти, и, наконецъ, утрата самого званія, сновались въ печальномъ воображеніи. Сколько ночей провелъ я безъ сна, даже рѣшившись уже донести, что все въ порядкѣ, и что всѣ суммы въ цѣлости, не могши истомиться. Восьми-гривенникъ, какъ представитель несчастія, снился мнѣ ежеминутно; но съ другой стороны плачевная участь многихъ одобряла пожертвованіе собою, которое могло и не случиться. Деньги графъ привезетъ, думалъ я; мѣстныя средства удовлетворятъ частныя потребности, и я выйду изъ тяжкаго положенія чистымъ въ совѣсти, гордымъ по самоотверженію, вѣрнымъ и полезнымъ слугою; ибо преданіе военному суду виновныхъ не возвратило бы казнѣ растраченнаго, а меня стали бы обвинять какъ доносчика. Нѣтъ, надобно дѣйствовать съ твердою волею.

Въ такихъ мысляхъ—слышу колокольчикъ; радуюсь, что это пріѣхалъ графъ Виттъ, вмѣсто коего вижу предъ собою фельдъегеря, съ предписаніемъ отъ гр. Аракчеева—освидѣтельствовать всѣ суммы законнымъ порядкомъ чрез дивизіонныхъ и бригадныхъ начальниковъ. Не знаю, почему это меня ни сколько не испугало; я тотчасъ рѣшился положить суммы провіантского вѣдомства, вмѣсто недостающихъ суммъ военнаго поселенія, хотя могъ бы думать, что начальники, зная недостатокъ денегъ, должны бы были посвидѣтельствовать цѣлость ихъ; но вѣрить людямъ, полагаться на характеры—я всегда почиталъ глупостью. Суммы освидѣтельствованы; донесеніе подписано всѣми присутствующими, и я, принявши все на себя, съ тѣхъ поръ началъ дышать свободнѣе. Виттъ возвратился чрезъ 4 мѣсяца; привезъ только третью часть недостающихъ суммъ; но я принялъ свои мѣры; и въ теченіе трехъ лѣтъ успѣлъ пополнить растраченное, нуждаясь въ 10 рубляхъ для моей собственной жизни.

Не буду описывать этихъ тяжелыхъ трехъ лѣтъ,—забываю вѣтренность графа, забываю нападеніе на меня гр. Аракчеева,—скажу только, что меня не производили, отказывали въ отставкѣ, и, наконецъ,

когда все было приведено мною въ исправность и отчетливое положеніе—на мѣсто мое назначенъ начальникомъ штаба генералъ-лейтенантъ Екельнъ, а меня потребовали въ Петербургъ. Въ три дня я сдалъ штабъ и всѣ казенныя суммы, получилъ квитанцію, и оставилъ Елисаветградъ и военное поселеніе съ благословеніями со стороны младшихъ и старшихъ и съ 250 руб. асс. на дорогу.

Не думаю, чтобы гр. Виттъ былъ причиною назначенія на мѣсто меня другого; хотя и можно бы подозрѣвать, что онъ, желая избавиться отъ свидѣтеля прежнихъ казусовъ и блюстителя чуждаго ему порядка, не старался, хотя бы и могъ, настаивать, чтобы меня не перемѣняли. Дружеское расположеніе его ко мнѣ до самой смерти отвращаетъ это подозрѣніе. Я же, пріѣхавши въ Петербургъ, видѣлъ только то, что моя честность, дѣятельность и хорошій ходъ дѣлъ въ штабѣ военныхъ поселеній въ Херсонской и Екатеринославской губерніи, были поводомъ назначенія меня дежурнымъ штабъ-офицеровъ въ штабѣ Его Императорскаго Величества, по военнымъ поселеніямъ.

10/22 генваря 1845 г.

При этомъ назначеніи мнѣ обѣщано было, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, мѣсто начальника штаба 2-го кавалерійскаго корпуса; но какъ, не знаю по чему, назначенъ былъ другой, то я просился въ отпускъ, уѣхалъ къ себѣ на хуторъ и думалъ уже жить въ Малороссіи на милой для меня родинѣ; полагалъ кончить въ тишинѣ начатую мною Исторію полуденной Россіи, привести въ порядокъ записки о войнѣ 1812 и 1813 годовъ и проч. Среди такихъ мирныхъ занятій получаю назначеніе помощника начальника штаба резервныхъ войскъ, скачу опять въ Елисаветградъ, и что же нахожу въ корпусѣ гр. Витта? Одинъ дивизіонный начальникъ, бригадные и полковые командиры—подъ судомъ; въ бывшей моей квартирѣ, гдѣ многіе годы не было слышно ничего, кромѣ служебныхъ голосовъ, учатъ роли для театра аматеровъ, приготовляются къ маскараду, жена генерала Екельна одѣваетъ амуромъ бывшаго при мнѣ писаремъ; все въ какомъ-то разгульи и туманѣ. Нѣсколько дней только я былъ свидѣтелемъ этихъ продѣлокъ; отправился за Дунай въ дѣйствующую противъ Турокъ армію. Объ этой поѣздкѣ и о занятіяхъ моихъ въ новомъ назначеніи я написалъ двѣ особыя записки: 1) О Турецкой войнѣ, и 2) Нѣсколько мѣсяцевъ въ дорогѣ.

Война кончилась; резервныя войска поступили въ свои мѣста; меня наградили за исправность отчетовъ, и гр. Дибичъ, отъѣзжая въ Берлинъ, приказалъ мнѣ ожидать въ Елисаветградѣ повелѣнія его на-

счетъ меня. Тутъ я заболѣлъ; меня потребовали въ Петербургъ; ѣду почти полумертвый туда, и когда я сидѣлъ въ Боровичскомъ карантинѣ по случаю холеры, гр. Дибичъ проѣхалъ мимо его командовать арміею противъ взбунтовавшихся Поляковъ. Ему было не до меня. Когда же я прибылъ въ Петербургъ, меня, все еще больного, назначили членомъ аудиторіата военныхъ поселеній, и поручили приготовить къ печати книгу объ образованіи кавалериста.

Въ это время начала свирѣпствовать холера въ столицѣ, поднялся бунтъ въ поселеніяхъ, и продолжалась не совсѣмъ удачно война противъ бунтовщиковъ Польскихъ.

Ждалъ я окончанія всего этого, чтобы рѣшительно уже удалиться навсегда на хуторъ, но меня назначили генералъ-полиціймейстеромъ дѣйствующей арміи, дали на дорогу денегъ, и я отправился въ Варшаву. Предъ отъѣздомъ являлся прибывшему въ Петербургъ генералъ-фельдмаршалу князю Варшавскому, который принялъ меня крайне немилостиво; говорилъ съ негодованіемъ о жандармскихъ мундирахъ и сказалъ, наконецъ, когда я откланивался ему: „Прошу у меня заднихъ мыслей не имѣть.“ Это меня поразило, но не испугало, ибо за день передъ тѣмъ, при разговорѣ съ А. П. Ермоловымъ о новой моей должности, онъ, описывая мнѣ фельдмаршала, сказалъ, что у него людей способныхъ нѣтъ, и что, дѣлая свое дѣло, я скоро изглажу непріятное впечатлѣніе назначеніе меня не изъ его людей. — „Одно условіе“, прибавилъ онъ, „чтобы ты все что ни сдѣлаешь, что ни напишешь,— всегда говорилъ, что это мысли Его Свѣтлости, повторяя это даже самому ему, и будетъ ти благо.“

Кстати я долженъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о Ермоловѣ. Я весьма часто бывалъ у него, какъ у прежняго моего начальника, называвшаго меня въ 1813 году братомъ и другомъ. Онъ всегда любилъ толковать со мною; мы сиживали вдвоемъ часа по три; случалось, что онъ задѣвалъ Главнокомандующаго дѣйствующею тогда арміею, жаловался на него; говорилъ, что и въ гробѣ не забудетъ онъ ему зла, которое терпитъ и конечно до гроба терпѣть будетъ. „Онъ билъ меня даже лежачаго“, часто повторялъ Ермоловъ. Поэтому, когда меня назначили въ Варшаву, я пересталъ бывать у Ермолова, не позволяя себѣ слушать ничего такого, чтобы относилось къ Свѣтлѣйшему — новому моему начальнику.

Въ одно утро слышу, что кто-то стучитъ палкою въ окошко (я квартировалъ въ нижнемъ этажѣ); гляжу — это былъ Алексѣй Петровичъ; онъ входитъ ко мнѣ. „Я думалъ“, говоритъ, „что ты боленъ; зашелъ

навѣстить тебя, но болѣзни не примѣтно; такъ долженъ спросить, что за причина небыванія у меня?“ —Новое назначеніе мое, Ваше Высокопревосходительство—отвѣчалъ я.—„Понимаю“, сказалъ онъ, „не всѣ держатся этого правила; со мною, братъ, поступали иначе; но и люди были не такіе, какъ ты; какъ-же земляку не полюбить тебя, если только онъ пойметъ характеръ человѣка благороднаго, и будетъ умѣть цѣнить способности, хотя ему доселѣ въ нихъ нужды вовсе не было. Ему, братъ, везетъ; счастіе выше всякаго разума; но ты наморщился; вишь какъ глаза заблестѣли; изволь, перестану, и даю тебѣ слово никогда не говорить объ немъ въ твоемъ присутствіи; впрочемъ храбрость и удачу хвалить можно; неправда-ли? Приходи завтра, поговоримъ о другомъ прочемъ, только не объ игрѣ въ шашки“.....

Послѣ этого я опять началъ бывать у А. П. Ермолова, и дѣйствительно уже никогда не слыхалъ ничего о князѣ Варшавскомъ.

19/31 генваря 1845 г.

Въ коммиссіи у меня идетъ все весьма успѣшно; преступники послѣднѣ открытаго заговора почти всѣ сознались; виновнѣйшій изъ нихъ, ксендзъ Сцѣгенный, описалъ со всею подробностію безумное свое предпріятіе; описалъ предначертанный имъ планъ военныхъ дѣйствій и администрацію въ краѣ; означилъ пункты, изъ коихъ они должны были пойти (прошу замѣтить, что ихъ всего было только человѣкъ двадцать) на Ригу, на Москву, на Кіевъ, на Берлинъ и проч. Что за безуміе? Право, совѣстно допрашивать героевъ такого возстанія; впрочемъ, всѣ почти они люди съ образованіемъ нынѣшнимъ, т. е. кончили науки, и получили на то аттестаты. Между допросами я просилъ одного, чтобы онъ объяснилъ мнѣ: на какомъ основаніи, и на какихъ надеждахъ они затѣяли дѣло, послѣдствіе коего не представляло ничего болѣе, кромѣ висѣлицы? На это онъ отвѣчалъ мнѣ: „Если Вы, перечитавши десятки сознаній, не видите болѣе ничего, кромѣ жалкой глупости, что я и самъ теперь вижу, — то какъ я могъ полагать что либо вѣрнымъ, сговариваясь только съ нѣсколькими человѣками. Мы увѣряли другъ друга въ возможности возстанія, не вѣря сами тому; мечтали, таплись и летѣли въ пропасть, какъ овцы. Отстать отъ заговора было стыдно; впрочемъ иногда казалось, что онъ и удастся, если Познань и Галиція, какъ увѣряли нѣкоторые, начнутъ прежде дѣйствовать“.

Другой, болѣе напыщенный своимъ предпріятіемъ, говорилъ мнѣ свысока, что онъ не почитаетъ себя подданнымъ Русскаго Государя, что Поляки не заключили мира съ нимъ, и что Эмиграція Польская во Франціи имѣетъ свои сеймы, печатаетъ пренія на оныхъ, дѣлится на аристократовъ и демократовъ, трактуетъ о королѣ Польскомъ, т. е.

о Чарторыскомъ, наконецъ, бре́дя въ этомъ духѣ, прибавилъ, что всякій имѣетъ свой образъ мыслей, свою политическую вѣру и что самъ онъ – демократъ по убѣжденію, котораго, замѣтилъ я, должно бы было высѣчь розгами, если бы сѣкли въ Цитадели, какъ кричатъ его земляки, и пишутъ иностранные журналы.

Третій пишетъ въ своемъ сознаніи, что основаніемъ его дѣйствій были историческіе факты и любовь къ отечеству. Если, говоритъ онъ, Русскіе сожгли Москву и блаженной памяти Александръ I изрекъ, что онъ не вложитъ во влагалище меча своего, доколѣ и одинъ Французъ останется на землѣ русской, то какъ-же долженъ думать Полякъ, представляя прежній блескъ своего отечества и настоящее порабощеніе его?

Жалкія твари новаго покроя, новой цивилизаціи! Тутъ даже смысла нѣтъ; однѣ фразы, однѣ внушенія ядовитой политической пропаганды—чумы настоящаго времени. Истиннаго же самоотверженія не видишь; ибо всѣ арестуемые раскаиваются и одинъ изо ста, дрожа, поретъ горячку, чтобы показаться смѣлымъ? Сердце ноетъ отъ жалости къ такимъ преступникамъ. Но, вообразивши себѣ сенъ-симонизмъ, коммунизмъ, и т. п.—негодованіе и презрѣніе къ учителямъ зла заглушаютъ всякое чувство сожалѣнія.

Я получаю подтвержденіе за подтвержденіемъ искать глубже корня, или источника заговоровъ. Тутъ, пишутъ, должно быть высшее тайное общество: иллюминатовъ, масоновъ, якобиновъ и проч. Въ исполненіе такихъ подтвержденій допрашиваю каждаго по этимъ даннымъ, и отвѣты часто заставляютъ расхохотаться. Возможно-ли допустить, что бы такія глупости проистекали отъ людей мыслящихъ. Нѣтъ, это буйное воображеніе, духъ времени, дурное направленіе юношества, вольное печатаніе развращающихъ умы сочиненій въ нѣкоторыхъ государствахъ и преступленіе полу-серіозное. Оно должно наказываться; но отнюдь не должно внушать страха по открываемой ничтожности мѣръ заговорщиковъ, и по числу ихъ.

Во время Екатерины Великой, однажды Московскій военный губернаторъ донесъ Ей, что нѣкоторые молодые люди, зараженные вольнодумствомъ, имѣютъ сходьбища и судятъ весьма дерзко о Правительствѣ. На это она отвѣчала губернатору: „Донесите мнѣ о семъ, когда подобные сходьбища и разговоры сами собою прекратятся.“

Правда, что теперь другія времена, иные нравы. Но бояться жалкой молодежи, бѣдной и полуобразованной, – нечего. Вотъ страхъ, и страхъ справедливый, если пропаганда проникнетъ въ нижній слой

народа, а особенно русскаго, въ которомъ я видѣлъ самоотверженіе, ужасающее самую природу.

Въ 1821 году предписано было открыть военное поселеніе для кирасирской дивизіи по правому берегу Днѣпра, въ Херсонской губерніи. Когда читались Высочайшія грамоты объ этомъ въ старообрядческихъ селеніяхъ, раскольники не хотѣли слушать, оказали явное неповиновеніе, а особенно въ селеніи Злынкѣ, никакія представленія не подѣйствовали на нихъ, и гр. Виттъ принужденъ былъ довести о семъ до высшаго свѣдѣнія. Такое неповиновеніе предписано было уничтожить строгими мѣрами; гонять сквозь строй непокорныхъ и ввести кадры кирасиръ въ назначенные для полковъ округи. Въ селеніе Злынку собрано было девять пѣхотныхъ баталіоновъ для усмиренія волнующихся крестьянъ. Послѣдніе уговариваемы были нѣсколько дней; но поелику не переставали упорствовать, 12-го генваря собраны были всѣ жители мужскаго пола селенія Злынки, исключая дѣтей, на широкую улицу; ихъ окружили двойною цѣпью солдатъ, нѣсколько баталіоновъ вытянули шереножно въ двѣ линіи, прочитали опять грамоту передъ толпою народа и при этомъ объявлено было, что кто дерзаетъ противиться Высочайшей волѣ, пусть идетъ сквозь строй. Вдругъ, какъ бы по мановенію, всѣ крестьяне начали раздѣваться; ближайшіе къ фронту кинулись между двумя шеренгами солдатъ; забили въ барабаны, и началась экзекуція.

Между тѣмъ одинъ маіоръ вошелъ въ толпу, началъ увѣщевать ослѣпленныхъ буйствомъ; но старикъ съ четками и крестомъ въ лѣвой рукѣ, правою, въ которой держалъ палку, ударилъ онаго маіора въ голову такъ, что его вынесли замертво.

Экзекуція продолжалась; ослѣпленные шли съ страшнымъ самоотверженіемъ между рядами солдатъ; палочные удары сыпались на нихъ; человѣкъ пять изъ шедшихъ впереди, изнемогая и держа мѣдные кресты въ зубахъ, едва передвигали ноги, и слабѣйшіе изъ нихъ уже падали мертвыми, произнося: „мы не хотимъ быть кирасирами, хотимъ быть мучениками за вѣру нашу“. Но верея обрекшихъ себя на явную смерть увеличивалась. Бабы, стоявшія въ сторонѣ, кричали: „терпите, мои голубчики“,—и одна изъ нихъ, приближась къ сыну, издыхающему въ рядахъ, уговаривала его дойти до конца, чтобы сподобиться, какъ она выражалась, умереть мученическою смертію.

Будучи свидѣтелемъ всему этому, я цѣпенѣлъ отъ ужаса; сердце, казалось, раздиралось на части; кровь то стыла, то бросалась въ голову; въ самозабвеніи кидаюсь въ толпу народа, становлюсь передъ

нимъ на колѣни и вопію: „братья! нѣсть власти аще не отъ Бога! такъ учитъ насъ святой апостолъ Павелъ; послушайте гласа христіянина, ближняго Вашего, не противьтесь Монарху, наказующему однихъ строптивыхъ и преступныхъ и милующему, по отеческой любви его къ народу своему, сознающихся въ винахъ и заблужденіяхъ. Да станутъ покорные и незлобивые одесную; пусть гибнутъ одни несмиряющіеся передъ закономъ!"

„Батюшка", закричали старѣйшіе изъ толпы, „и дѣды наши были новодонцами, и мы хотимъ быть такими-же; надѣвайте на насъ кирасирскіе мундиры, но оставьте славное имя предковъ, позвольте носить бороды по обряду нашему, и чтобы дѣтокъ не кормили по постамъ говядинкою." Не знаю, что я отвѣчалъ имъ, а помню только, что, схвативши одного пожилого мужика за плечи, вытащилъ изъ толпы и поставилъ на правую сторону; къ нему присоединилось еще нѣсколько человѣкъ; толпа начала рѣдѣть, и я увидѣлъ съ душевнымъ умиленіемъ, что рѣшительность моя произвела благое впечатлѣніе, и что человѣка три только кинулись послѣ того подъ палки. Оставя покоряющихся, бросаюсь къ шеренгамъ. Прошу генерала Храповицкаго оставить экзекуцію; онъ приказываетъ это; ходившіе сквозь строй умоляютъ, чтобы ихъ добивали; но задніе, видя народъ собравшимся въ другомъ мѣстѣ и слыша призывные голоса, вышли изъ линіи; изнемогшіе же отнесены были въ избы, гдѣ открыта была кровь, кому нужно. Но человѣкъ девять скончались въ шеренгахъ и еще нѣсколько человѣкъ умерло по избамъ.

Надобно было видѣть, съ какою дикою добродѣтелью и рѣшимостію претерпѣвали эти простые люди до конца; на замирающихъ устахъ каждаго была видна улыбка и пренебреженіе къ смерти. Не слышно было ни воплей, ни стоновъ; глухое молчаніе, блѣдныя лица и блуждающіе взоры наводили ужасъ.

Когда экзекуція совершенно уже кончилась, я побрелъ съ грустью на мою квартиру; во всю ночь заснуть не могъ; мнѣ грезились умирающіе и признаюсь, я жалѣлъ объ нихъ, плакалъ надъ заблужденіемъ и благоговѣлъ между тѣмъ къ народному духу, который, будучи направленнымъ къ чему нибудь великому, заставитъ нѣкогда трепетать просвѣщенную и изнѣженную Европу.

Народъ русскій любитъ Царей своихъ; повинуется законамъ; но вѣра и обычаи, мнимое нарушеніе ихъ, доводятъ его до изступленія.

На другой день опять собрали народъ на той-же улицѣ, но уже безъ стражи; мы пришли къ нему и онъ былъ такъ покоренъ, такъ

послушенъ, какъ бы вчера ничего не было; покорность это однакоже не выказывала никакой подлости, никакого униженія; и на лицахъ изображалось одно лишь раскаяніе. Многіе изъ старѣйшихъ изъявляли мнѣ свои благодаренія, но мнѣ было слишкомъ грустно, слишкомъ тяжело на сердцѣ.

Спустя четыре года, ѣдучи въ С.-Петербургъ къ новому моему назначенію, подъѣзжаю въ Крюковѣ къ Днѣпру, вижу нѣсколько десятковъ бородатыхъ мужиковъ, собравшихся въ одну кучу. По Днѣпру шелъ лёдъ, переправа была весьма затруднительна, я принужденъ былъ ожидать парома, отшедшаго въ Кременчугъ. Стою на берегу и видѣнные мною крестьяне сближаются ко мнѣ, узнаю въ нихъ Злынскихъ военныхъ поселянъ, которые, узнавши, что я отъѣзжаю изъ поселенія, пришли сюда и два дня уже ожидаютъ, чтобы поблагодарить меня за спасеніе ихъ, какъ они выражались, отъ наглой смерти, во время Злынской экзекуціи.

Говорятъ, что русскій народъ не благодаренъ; что-же это такое, если не умилительная признательность?

27 генваря—8 февраля 1845 г.

Вспомнивши выше о нѣкоторыхъ эпохахъ служебнаго моего прохожденія, надобно сказать хотя кое что и о 13-ти-лѣтнемъ, до сего дня, пребываніи моемъ въ Варшавѣ.

Ѣдучи сюда изъ Петербурга, въ мартѣ 1832 г., въ Литвѣ и въ Царствѣ Польскомъ по всей дорогѣ видны были еще свѣжіе слѣды войны, пожаровъ и разоренія. Мосты неисправлены, шоссе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изрыто, въ Пултускѣ, гдѣ было предпослѣднее побоище, оставался даже запахъ отъ пепла погорѣвшихъ зданій; а Наревъ, казалось, не омылъ еще съ береговъ своихъ труповъ и остововъ конскихъ, свидѣтельствующихъ о безуміи взбѣсившихся, можно сказать, отъ жиру, мнимыхъ патріотовъ, повлекшихъ за собою на явную гибель стройную польскую рать, образованную В. К. Константиномъ Павловичемъ, которая была его потѣхою.

На встрѣчающихся по дорогѣ поселянахъ выражалось уныніе, нужда и страхъ, съ какимъ они кланялись, и какъ бы оторопѣвшіе понуждали тощихъ своихъ кляченокъ сворачивать съ дороги, дергая возжами не въ надлежащую сторону; а на усатыхъ физіономіяхъ экономовъ, поссесоровъ, мелкихъ помѣщиковъ и прочей челяди, трутней въ краю, развращенныхъ и буйныхъ, ѣдущихъ пароконными бричками,—

видна была какая-то спѣсь и неудача *въ воячкѣ*, на которую они сбирались; рѣшившіеся же партизанить скрывались при первомъ случаѣ, хвастая потомъ, что каждый изъ нихъ убилъ по крайней мѣрѣ полъ дюжины москалей.

Легкомысліе и праздность всегда порождали въ Польшѣ охотниковъ пробовать счастіе въ вихряхъ военныхъ; но и Стефанъ Чарнецкій, отправленный королемъ Яномъ Казимиромъ за 200 лѣтъ тому назадъ съ отрядомъ войскъ въ Данію, на шестой милѣ отъ границы видѣлъ уже отрядъ свой уменьшившимся въ половину. Субординація и перенесеніе трудовъ военныхъ не дались Полякамъ, впрочемъ, отъ природы смѣлымъ и храбрымъ, а особенно гдѣ прійдется сабельное хвастовство и скакня рисующихся всадниковъ.

Вербунки есть свойство народное, т. е. средняго класса людей: ибо крестьянинъ въ Польшѣ всегда былъ рабомъ несчастнымъ, обреченнымъ на ничтожество.

31 генваря—12 февраля 1845 г.

Въ Литвѣ, бѣдной природою, населенной бѣдными, истощенными подобіями людей,— видно было тоже опустошеніе. Генералъ Гелгудъ, спѣшивши съ отрядомъ своимъ добраться до Пруссіи, пріостановился было въ г. Шавлѣ; атаковалъ, мимоходомъ, баталіонъ, тамъ стоявшій, былъ отбитъ, и наконецъ, кончилъ достойно предпріятіе свое на Литву, сложивъ оружіе на рубежѣ Прусскомъ. Такъ точно поступили: и Рамарино, и Дверницкій, и Рыбинскій, и Хлаповскій, и Роландъ, и Ружицкій—и проч. и проч. и проч., сдавшись или въ Австріи, или въ Пруссіи.

Какъ бы, кажется, не драться стотысячной арміи? Какъ можно допустить, чтобы остающихся еще 70 тысячъ изъ обрекшихъ себя или умереть, или освободить отечество—сложило оружіе внѣ онаго? Но это фактъ историческій, если похожденіе взбунтовавшихся подофицеровъ заслуживаетъ быть помѣщеннымъ не въ одномъ только „*Wielkiem Tygodniu*“ Лелевеля.

$^1/_{13}$ февраля 1845 г.

Самое слово Исторія требуетъ обдуманной разборчивости въ употребленіи его. Мнѣ кажется, для нѣкоторыхъ эпохъ, для многихъ земель и народовъ приличнѣе будутъ хроники, или поденныя записки, нежели поучительныя скрижали Кліо, заключающія въ себѣ философію Исто-

ріи. Хроники Литвы и Польши, вмѣстѣ или отдѣльно разсматриваемыя, не научая ничему, любопытны однако же по нѣкоторымъ фактамъ. Притонъ Іезуитовъ въ Литвѣ, утвержденіе тамъ Римскаго исповѣданія со всѣми его продѣлками, есть палладіумъ іезуитизма. Пышные костелы, огромныя монастырскія имѣнія, уничтоженіе всего того, что пришло съ востока чрезъ Русь, даже самаго языка русскаго – изумительны; а то, что литовское шляхетство и средній классъ народа, отщепившись отъ Православія и Русизма, привились въ теченіе нѣскольких десятковъ лѣтъ такъ безусловно къ Полякамъ, и такъ тѣсно соединили судьбу свою съ Польшею, – еще изумительнѣе, не только намъ, но и самые Ягеллоны, возставши изъ мертвыхъ, конечно, не узнали бы своего племени, или народа, среди коего родились; и если бы не визгъ голоса, подобный кошачьему, и не дикая прононціяція Литвиновъ, говорящихъ по польски,—то ихъ можно было бы почесть дѣйствительно Поляками. Литература, науки, поученія въ костелахъ, непріязненный духъ противъ Россіи,—всё это польское, разительно противурѣчащее Статуту, или правамъ, написаннымъ въ концѣ XVI столѣтія по русски, чего никто въ Литвѣ теперь даже не понимаетъ, и рѣдкіе знаютъ, что въ Вильнѣ, лѣтъ за 200 тому назадъ, было 30 церквей православныхъ.

Адамъ Чарторійскій и Чацкій, подъ покровительствомъ и надзоромъ коихъ воспитывалось въ публичныхъ школахъ юношество западныхъ губерній, отдадутъ отчетъ Богу за зло, содѣянное ими. Они старались отдѣлить рожденныхъ на Руси и въ Литвѣ среди народа русскаго опольщившихся помѣщиковъ отъ Россіи и Правительства ея. Они виновны политическому хмелю въ головахъ настоящей генераціи шляхты, владѣющей имѣніями незаслуженно на правахъ россійскаго дворянства, и, можетъ быть, нѣсколькихъ еще генерацій; ихъ направленіемъ оживились мечты небывалаго польскаго величія; въ школахъ преподавалась сказочная исторія Польши и только весьма поверхностныя свѣдѣнія изъ исторіи государства Россійскаго; виршами и поэзіею на польскомъ языкѣ воспламенялись воображенія молодежи, коей не давано никакого понятія ни о силѣ народа, ни о духѣ правительства, русскихъ; католицизмъ и совершенное невѣдѣніе о церковно-славянскомъ нарѣчіи, поелику латынь замѣняла его въ теченіе многихъ вѣковъ, заградили путь къ усовершенствованію нарѣчія польскаго, искаженнаго множествомъ иностранныхъ словъ изъ чуждыхъ ему языковъ запада. Всё это вмѣстѣ было и есть такимъ препятствіемъ къ полезному слiянію поколѣній одного и того же начала, что, углубляясь мыслью въ нравственный міръ словянскій, Поляки кажутся далѣе всѣхъ племенъ онаго отъ господствующей идеи соединенія единоплеменныхъ народовъ.

Поляки кричатъ сквозь слёзы, что ихъ 20 милліоновъ. Писали объ

этомъ прежде и иностранцы; но ученый Шафарикъ, опредѣливши доказательно девятимилліонную только народность польскую, содѣлалъ тѣмъ крикъ вопіющимъ въ пустыни.

Теперь исповѣданіе римское есть тема для жалобъ на утѣсненія. Возвращеніе Уніятовъ къ православію описывается Поляками, какъ насиліе; а если бы они заглянули въ Исторію Уніи, то какъ бы назвали отдаваніе жидамъ въ аренду церквей православныхъ на Руси, отчужденіе гражданъ отъ всякаго участія въ сеймахъ, мученическія кончины за вѣру представителей народа русскаго, подпавшаго подъ иго неистовыхъ католиковъ и т. п.?

Какъ кто ни говори, а дѣйствительно страхомъ всякій порядокъ держится. Смѣлъ-ли кто вымолвить хотя одно слово, въ господствованіе французовъ, о смѣшанныхъ бракахъ, когда они могли совершаться даже предъ гражданскими властями; а нынѣ какой нибудь невѣжественный ксендзъ дерзаетъ возставать противу правителей отъ увѣренности, что его не разстрѣляютъ за сопротивленіе уставамъ государственнымъ.

Кодексъ Наполеона введенъ и въ Царство Польское; имъ судятъ и рядятъ въ краю; но поелику онъ отнималъ у духовенства доходы за совершеніе браковъ, то статья эта и перемѣнена на основаніи каноническихъ правъ, столько же нужныхъ теперь, сколько статутъ Вислицкій.

2/14 февраля 1845 г.

Со впечатлѣніями, набросанными мною выше, произведенными на меня печальными памятниками недавно погнетеннаго мятежа, я пріѣхалъ, наконецъ, къ Вислѣ. По ту сторону ея представлялась Варшава, замокъ королевскій и по правую сторону онаго старинные дома, архитектурою своею напоминающіе терема турецкіе; по Вислѣ шелъ лёдъ; мостъ былъ разведенъ; переправа трудная и пока я ждалъ на берегу парома, два Бернадина, или Кармелита, приблизились къ берегу также, чтобы переправиться въ Варшаву. Начался разговоръ между мною и ими: сперва о Вислѣ, потомъ о революціи, наконецъ, о разныхъ орденахъ монашествующихъ на западѣ. О Вислѣ они говорили еще кое-какъ; но два другіе предмета, первый отъ страха, второй отъ совершеннаго невѣжества, были для нихъ крайнимъ преткновеніемъ, такъ что я, прекративши разговоръ, погрузился въ мысли о монахахъ вообще въ Польшѣ и о состояніи почти дикомъ духовенства здѣсь католическаго.

Съ 1794 года Польша, утративъ свое политическое существованіе,

подверглась влiянiю умовъ французской революцiи; санъ духовный, ниспроверженный во Францiи, началъ выходить и здѣсь изъ моды между высшимъ сословiемъ. Старые инфулаты, происходившiе изъ лучшихъ фамилiй, перемерли; шляхта перестала посвящать дѣтей своихъ духовному званiю, въ которое тѣснился низшiй классъ народа, избѣгая солдатства. Воспитанiе въ духовныхъ школахъ ограничилось элементарными науками; кто умѣлъ только читать по латыни, не разумѣя нисколько латинскаго языка, кто затвердилъ нѣсколько правъ каноническихъ и зналъ, хотя плохо, польской грамотѣ, тотъ могъ быть ксендзомъ, пробощемъ, офицiаломъ и дожить до бискупа и до прибыльной дiецезiи. Католицизмъ и зависимость отъ Рима оставались въ своей силѣ; но стражи сихъ непрiязненныхъ основанiй государства въ государствѣ (status in statu) гораздо способнѣе были бы быть простыми сторожами монастырей и огородовъ, нежели главами костела.

Ожидавшiе со мною переправы чрезъ Вислу, два невѣжественныхъ монаха подали мнѣ мысль стараться при всякомъ случаѣ, чтобы образованiе по крайней мѣрѣ бѣлаго духовенства было соотвѣтственнѣе назначенiю его; много было съ моей стороны представленiй по сему предмету, пока, наконецъ, учредили Духовную Академiю въ Варшавѣ; но и она тогда только принесетъ пользу, когда старые неучи отидутъ въ вѣчность и воспитанники академiи займутъ мѣста ихъ. Теперь-же на послѣднихъ отживающiе бискупы смотрятъ, какъ на питомцевъ правительства. Поощренiя никакого; уставъ о преподаванiи наукъ несообразенъ съ духомъ времени; исторiя преподается только костельная; она наполняетъ всё время обучающагося, который ежедневно шесть часовъ томится надъ нею, и надъ твержениiемъ каноническихъ правъ, изъ коихъ, едва нѣсколько понадобятся ему въ теченiе всей его жизни; а объ исторiяхъ государствъ, или по крайней мѣрѣ всеобщей, о литературѣ, даже въ поминѣ нѣтъ; слѣдовательно ничто не развиваетъ понятiй спецiальныхъ учителей костела римскаго.

Нынѣ нѣтъ ни Нарушевичей, ни Залускихъ, ни Лубинскихъ; съ ними исчезла любовь къ наукамъ и познанiямъ, и только осталось одно упорство въ неразумѣемыхъ настоящимъ духовенствомъ догматахъ, или, лучше сказать, боязнь бискуповъ, чтобы у нихъ не были отняты доходы, употребляемые ими не на заведенiе публичныхъ библiотекъ, не на милостыни нищимъ, а на венгерское и на яичницу съ лососиною, которая возбуждаетъ жажду.

$^{3}/_{15}$ февраля 1845 г.

Явившись къ фельдмаршалу, принявшему меня опять какъ жан-

дарма, я вступилъ въ должность генералъ-полицiймейстера. Предмѣстникъ мой, генералъ-лейтенантъ Лисовскiй, былъ также въ загонѣ; но, не взирая на то, напыщенный духомъ худо понятой обязанности чиновъ жандармскаго корпуса, писалъ ежедневныя записки свои о всякой всячинѣ, что продолжали и управлявшие по немъ штабъ-офицеры, докучали тѣмъ всѣмъ и каждому безъ пользы; было у нихъ 27 тайныхъ агентовъ изъ разнаго сброду и прямого дѣла—никакого.

Найденныя мною генералъ-полицiймейстерскiя дѣла, состоящiя изъ записокъ о переѣханiи бабы пьянымъ чиновникомъ, о посылкѣ яблокъ танцовщицѣ правителемъ канцелярiи, о политическомъ заговорѣ въ корчмѣ, посѣщаемой солдатами, и т. п. заняли меня нѣсколько дней, въ которые я выслушивалъ терпѣливо, между тѣмъ, и вранье 27-ми агентовъ, получавшихъ за то плату, впрочемъ весьма ничтожную.

Видя изъ всего этого, что мнѣ надобно сотворить мою должность на совершенно иныхъ данныхъ, я принялся сначала за чтенiе газетъ, журналовъ и брошюръ, напечатанныхъ во время революцiоннаго бреда. Прочиталъ все, увидѣлъ съ кѣмъ буду имѣть дѣло; познакомился съ людьми разнаго званiя, хвалящимися патрiотизмомъ, или порицающими революцiю; убѣдился, что тутъ нѣтъ и не было ничего народнаго, кромѣ хвастовства и легкомыслiя, что рѣчи на сеймахъ, усилiя публицистовъ въ крикливыхъ статьяхъ газетъ и журналовъ и самая рѣзня 15-го августа—были жалкими копiями французскихъ революцiонныхъ ужасовъ, равно какъ патрiотическiй клубъ, сборища въ кавярнѣ Хоноратки, и двѣ брошюрки: одна подъ заглавiемъ „*Precz z Bogiem!*", а другая „*Hola!*";—и, что наконецъ, тутъ нужна полицiя уличная, а не тайные агенты, отъ коихъ гораздо менѣе можно узнать, нежели отъ посѣтителей корчемъ, находящихся почти въ каждомъ домѣ.

Агентовъ я тотчасъ распустилъ. Водка и пиво казались мнѣ лучшими агентами въ городѣ, гдѣ два низшiе класса народа готовы пить по цѣлымъ ночамъ, лишь бы отперты были кабаки; а пьяный Полякъ чего не выскажетъ?

Брошюры: „*Precz z Bogiem*!" и „*Hola*!"—произвели во мнѣ чувство омерзенiя къ клубистамъ революцiоннымъ, изъ коихъ ксендзы: Пулавскiй и Шиндлярскiй, съ крестами въ рукахъ, кричали по улицамъ: „Крови намъ надо!"

Пятнадцати-лѣтнее существованiе королевства конституцiоннаго и 9-тимѣсячная неистовая вольность, казалось, должны были бы произвести въ литературѣ, по крайней мѣрѣ, что либо любопытное; но я тщетно искалъ разума въ написанномъ, тщетно искалъ историческихъ

матеріаловъ въ трудахъ Общества друзей наукъ. Во всемъ видно одно только направленіе политическое, сумасбродное, газетное и не сыщешь ничего полезнаго.

$^{8}/_{20}$ февраля 1845 г.

Всякое утро я повторялъ стояніе, вмѣстѣ съ другими, въ пріемной фельдмаршала и не замѣчалъ ни малѣйшаго вниманія къ себѣ. Военный губернаторъ гр. Виттъ обходился со мною, по прежнему, проще, нежели милостиво; ободрялъ и совѣтовалъ переносить съ терпѣніемъ происходящее, какъ говорилъ онъ, отъ ненадобности въ людяхъ. „Это исчезнетъ при первомъ случаѣ“, продолжалъ гр. Виттъ, „землякъ и со мною не вдругъ познакомился; но дѣла, показываемое мною удивленіе ко всему и самому обыкновенному, сблизили насъ. Мы объ Васъ съ нимъ говорили и, мнѣ кажется, онъ перестаетъ думать, что вы человѣкъ слишкомъ умный; это добрый знакъ; разсмотрите все его окружающее, и Вы согласитесь со мною.“

День за днемъ уплывали въ вѣчность; углубившись въ занятіе, я забывалъ о трудномъ моемъ положеніи, желалъ только, чтобы скорѣе проходили утра и чтобы меня не занимали пустяками. Записки и я подавалъ также, но не о яблокахъ и т. п.; онѣ, какъ мнѣ казалось, читались, ибо мнѣ приказано было написать положеніе о жандармахъ въ краю и многое другое касательно неопредѣленной обязанности моей.

Въ одинъ день получаю предписаніе, деньги и подорожнюю— ѣхать въ Августовскую губернію и по границамъ Пруссіи для разысканія дѣйствій нѣкоторыхъ подозрительныхъ людей. Я это исполнилъ, изложилъ замѣчанія мои о духѣ мнимыхъ патріотовъ, и на другой день былъ принятъ весьма ласково.

Съ этого времени Свѣтлѣйшій всегда казался быть мною довольнымъ. Разговоры наши всякій день становились и интереснѣе, и откровеннѣе. Я оказывалъ истинную преданность подчиненнаго къ начальнику, а доброе сердце фельдмаршала привязывало меня къ нему.

Весною 1833 г. Свѣтлѣйшій уѣхалъ въ Петербургъ. Въ отсутствіе его перехвачены были гр. Виттомъ письма изъ Франціи отъ бѣжавшихъ туда поляковъ, что въ Царство высылаются ими эмисары для веденія партизанской войны. Гр. Виттъ, объяснившись со мною по этому предмету, тотчасъ принялъ мѣры къ открытію эмисаровъ. Вскорѣ нѣкоторые изъ нихъ были схвачены, равномѣрно какъ и помогавшіе имъ здѣшніе обыватели. Важное это дѣло потребовало изслѣдованія. Гр. Виттъ представилъ о необходимости учредить слѣдственную коммиссію

подъ моимъ предсѣдательствомъ; мнѣніе его утверждено; фельдмаршалъ возвратился; дѣятельность къ поимкѣ преступниковъ усугубилась; не доставало мѣста сажать арестантовъ; всѣ они скоро были допрошены коммиссіею; изъ взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ одного повѣсили, другихъ разстрѣляли, затѣмъ многихъ сослали въ Сибирь, отдали въ солдаты. Все это кончилось въ нѣсколько недѣль, и въ краю сдѣлалась тишь да гладь, хоть макъ сѣй, какъ говорится.

Признаюсь, я самъ не думалъ объ себѣ, чтобы во мнѣ было столько силъ моральныхъ и физическихъ, сколько оказалось при этомъ разысканіи. Не бывши никогда полицейскимъ, я изыскивалъ въ самомъ себѣ средства дѣйствовать безъ крючковъ, безъ придирокъ, безъ преувеличеній; старался оправдывать, кого можно, входилъ въ положеніе преступниковъ, и изъ нихъ тѣ только наказаны, кои оправдаться никакимъ уже образомъ не могли.

Дабы сколь можно сократить время разысканій, коммиссія, оставивъ формы слѣдственнаго порядка, давала арестанту бумагу, чтобы онъ самъ написалъ свое сознаніе; спрашивала потомъ его, по свѣдѣніямъ, ей присланнымъ; уличала во лжи; позволяла писать дополненіе или объясненіе, уничтожала протоколы, запутывавшіе преступника, и самое дѣло, и такимъ образомъ доходила истины, что сдѣлалось въ послѣдствіи правиломъ, или порядкомъ, принятымъ ею въ дѣлопроизводствѣ.

10/22 февраля 1845 г.

Сегодня по утру пришелъ ко мнѣ молодой человѣкъ, хорошо одѣтый, въ палевыхъ перчаткахъ и съ предлинною бородою. Этотъ модникъ просилъ о позволеніи видѣться ему съ братомъ его, арестованнымъ въ Цитадели. Выслушавъ его весьма ласково, я замѣтилъ однакоже, что поелику онъ выказываетъ, можетъ быть, и безъ намѣренія, опозицію противу власти и порядка, то я принужденъ отказать ему въ свиданіи, при всемъ желаніи дѣлать угодное всякому, сколько это отъ меня зависитъ. Молодой человѣкъ вышелъ, и чрезъ нѣсколько минутъ явился ко мнѣ, уже безъ бороды, принятъ былъ мною еще ласковѣе, ему тотчасъ позволено было видѣться съ братомъ, для чего я самъ поѣхалъ въ Цитадель. Послѣ, какъ я слышалъ, онъ хвалилъ меня.

Подобное сему не разъ случалось со мною. Въ проѣздъ Государя Императора съ Наслѣдникомъ и съ Высочайшею Невѣстою чрезъ Варшаву, одинъ, самый знаменитый бородачъ, попался мнѣ на улицѣ; я послалъ за нимъ, и чтобы приглашенъ былъ вмѣстѣ съ нимъ и отецъ его графъ С. Они прибыли, были приняты мною очень учтиво, и должны

были выслушать откровенное замѣчаніе, что, хотя въ новой генераціи и исчезли почтительность, послушаніе къ родителямъ, но я, держась патріархальности, пригласилъ отца, дабы онъ посовѣтовалъ сыну обрить огромную бородищу, ежели сей послѣдній не хочетъ сидѣть дома и намѣревается бывать на публичныхъ гуляніяхъ во время присутствія здѣсь Царской фамиліи; ибо правительство постановило, еще въ 1817 году, чтобы и жидовъ съ бородами не пускать въ Саксонскій садъ. Предложеніе мое тотчасъ было исполнено; а года чрезъ три тотъ-же молодой человѣкъ явился съ такою-же бородою на конскую скачку, былъ прогнанъ оттуда новымъ оберъ-полицiймейстеромъ, что произвело неудовольствіе между молодыми людьми, нареканіе, крикъ и т. п.

Мнѣ кажется, что Правительство могло бы отвратить и подобныя сцены, и подобную опозицію со стороны молодыхъ людей, если бы рѣшительно объявляло свои требованія въ исполненіи воли его. Полумѣры неумѣстны и въ самыхъ бездѣлицахъ.

Полякамъ нужна болтовня, ласковость и въ случаяхъ крайнихъ твердость. На этихъ основаніяхъ навѣрное можно ожидать, по крайней мѣрѣ, наружной покорности. Вмѣсто того, мы дошли теперь до какой-то странной опозиціи, даже въ общежитіи. Прежде давались балы, и бывали на нихъ и Поляки, и Русскіе, безъ различія. Нынѣ же даются балы Поляками только для Полекъ и Поляковъ, не взирая на то, что Русскіе приглашаютъ даже бородачей къ себѣ на танцовальные вечера. Не виноваты-ли мы сами этому?

Какъ бы то ни было, но всякая неподавленная опозиція раздѣляетъ умы и производитъ вредное волненіе въ оныхъ, выказывающее то, что публичное мнѣніе, opinion publique, между Поляками, выше самаго страха къ Правительству и даже приличія въ общежитіи. На примѣръ: наша генеральша П. созвала на балъ къ себѣ множество разнообразнаго народа; тутъ были и бороды, и генеральство, и высшіе сановники; танцовали, играли въ вистъ, накрытъ былъ столъ для ужина; но какъ въ этотъ же самый вечеръ данъ былъ пикникъ Польскою молодежью на Вѣйской Кавѣ, то въ 12 часовъ, предъ ужиномъ у генеральши П., всѣ Поляки, въ томъ числѣ высшіе чиновники, кажущіеся быть преданными, и даже русскій корпусный командиръ съ семействомъ, бросивши балъ П., поспѣшили на Вѣйскую Каву, дабы угодить опиніи публичной.

Да, на 13-томъ году нашего господствованія здѣсь можно бы ожидать лучшихъ результатовъ его, но въ 1833 году нарушено было спокойствіе въ краю проникшими сюда изъ Франціи эмисарами, изъ

коихъ пойманные были тотъ часъ разстрѣляны и ни одинъ послѣ того не смѣлъ показать сюда носа; а съ 1838 года, то и дѣло, что открываются тайныя общества и заговоры въ Царствѣ, замышляемые учениками, апликантами и чиновниками, преимущественно судовыми, обязанными Правительству за науки и хлѣбъ насущный. Отъ чего это происходитъ,—объясняется предъидущими впечатлѣніями.

11/23 февраля 1845 г.

Не знаю, что было причиною назначенія меня 3-го мая 1833 года и Вице-Президентомъ, или Оберъ-Полицiймейстеромъ г. Варшавы. Вѣроятно, это случилось просто отъ того, что нѣкоторые изъ эмисаровъ укрывались въ оной. Какъ бы то ни было, но соединеніе въ одномъ лицѣ должностей, генералъ-полицiймейстера арміи, предсѣдателя слѣдственной коммиссіи, и Варшавскаго вице-президента, сосредоточивало нѣкоторымъ образомъ дѣятельнѣйшія части Полиціи въ Царствѣ. Противу пользы такого, хотя и полумѣрнаго распоряженія, не можетъ быть противорѣчія. Еще гораздо полезнѣе было бы поручить кому нибудь одному всю власть полицейскую, безъ изъятій, который бы подъ непосредственнымъ начальствомъ намѣстника могъ дѣйствовать по обдуманнымъ Правительствомъ планамъ. Но какъ совершенство администраціи есть философическій камень, по этому и въ Царствѣ Польскомъ полиція не имѣла совершеннаго единства: округъ жандармовъ, назначенный случайно по взятіи Варшавы военный губернаторъ оной, главный директоръ коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, случайно же назначенные военные начальники по воеводствамъ, шли каждый своимъ путемъ, опредѣленнымъ только для директора и жандармовъ округа и нисколько не опредѣленнымъ для прочихъ сказанныхъ начальствъ, едва ли нужныхъ; а тайная полиція, составленная изъ разогнанныхъ мною 27 агентовъ и имъ подобныхъ людей, подчиненная особому офицеру, доносила на всѣхъ и каждаго прямо намѣстнику, и представляя изъ себя нѣчто забавное, не открывая ровно ничего, весьма часто затемняла существо дѣла. Эта запутанная отрасль полиціи, именующаяся тайною, не была таковою ни для кого, ибо все принадлежащее къ ней было извѣстно и уличному мальчику, и одни только спекуляторы, или плуты употребляли ее съ пользою для себя. Объ ней мнѣ прійдется говорить неоднократно, если буду имѣть время продолжать мои впечатлѣнія.

Вступивши въ должность вице-президента, осмотрѣвшись нѣсколько и увидѣвши хаосъ въ управленіи полицейскомъ, я занялся, съ разрѣшенія Намѣстника, преобразованіемъ полиціи Варшавской; кончивши,

по моему мнѣнію, это, представилъ объ учрежденіи пожарной команды, будочниковъ, и о постоянномъ составѣ полицейской стражи. Представленія мои утверждались; неутомимые труды оправдывались результатами видимаго порядка; усерднѣйшіе чиновники получали награды; все было ободрено; а жители, убѣдясь въ добрыхъ намѣреніяхъ ближайшей къ нимъ власти, не чуждались ея и перестали пренебрегать полицейскихъ чиновниковъ.

При всякомъ мятежѣ народъ преслѣдуетъ блюстителей наружнаго порядка; чувство это не могло скоро изгладиться въ Варшавѣ; а дѣла полиціи, перерытыя, разбросанныя и частью совсѣмъ уничтоженныя, не имѣли даже подобія архивнаго; надобно было творить, по крайней мѣрѣ, возможный порядокъ, искать людей способныхъ къ тому и облекать ихъ формами, коихъ они не имѣли и до возмущенія.

Все это шло; все истинно радовало меня; должности мои сближали меня съ намѣстникомъ. Онъ оказывалъ мнѣ отличное благоволеніе, часто говаривалъ объ ожидающей меня блестящей будущности; удостоивалъ лестнымъ довѣріемъ не только по службѣ, но и во многихъ другихъ обстоятельствахъ; и я предался ему всею душею, какъ подчиненный и какъ землякъ, любящій родину, людей ея, исторію и славу многихъ изъ нихъ, и гордящійся участіемъ въ дѣлѣ, отъ хорошаго направленія коему обезпечивалась граница Россіи съ западомъ.

Мнѣ казалось, что Поляковъ можно было бы содѣлать гораздо менѣе непріязненными Правительству; мнѣ представлялись даже нѣкоторыя начала въ этомъ; нужно было только идти къ цѣли путемъ порядка, точности въ наблюденіяхъ за онымъ, нужна была разборчивая справедливость, отличеніе преданныхъ Правительству, постоянное преслѣдованіе революціонныхъ умовъ и даже самыхъ идей, введеніе русскаго языка, законовъ монархической администраціи; наконецъ, нужно было составить особую партію людей добромыслящихъ, не щадить никакихъ наградъ отличающимся на пути семъ, и ласкать спокойныхъ обывателей.

Первымъ условіемъ къ достиженію сказаннаго есть выборъ достойныхъ чиновниковъ русскихъ, кои были бы примѣромъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Дѣло трудное, но не невозможное съ силою власти, вниманіемъ и признательностію къ трудамъ полезнымъ. Люди есть, но ихъ надо отыскивать, давать дорогу для способнѣйшихъ, откинувъ въ сторону всякое предубѣжденіе, всякій фаворъ, и не смѣшивать усердной низости съ чувствомъ достоинства трудящихся не изъ угожденія, не изъ страха, и не изъ корыстныхъ видовъ.

Фельдмаршалъ имѣетъ много данныхъ для управленія народомъ, по натурѣ своей добрымъ, который, возмущаясь, какъ вихорь на большой пыльной дорогѣ, такъ-же скоро и упадаетъ духомъ, покоряясь власти сильнѣйшаго. Эти данныя суть: доброе сердце фельдмаршала, слава военная, взятіе штурмомъ Варшавы, и страхъ къ нему побѣжденныхъ. Царство Польское изобилуетъ людьми дѣловыми. Конституціонное правленіе образовало въ среднемъ классѣ опинію публичную, которой боится и высшій классъ; надобно только прислушиваться къ ней въ назначеніяхъ чиновниковъ, и подчинить все высшимъ сановникамъ русскимъ, имѣющимъ достоинства не отрицательныя; но въ этомъ то и встрѣтилось большое затрудненіе, а, можетъ быть, и равнодушіе по привычкѣ думать слишкомъ воинственно: что командиръ за все отвѣчаетъ, все самъ дѣлаетъ, а что изъ рядового можно сотворить и писаря, и музыканта, и мастера во всякія ремесла. Мысли не европейскія, не сообразныя съ духомъ времени, когда и Царствующіе, и народы возлагаютъ отвѣтственность въ управленіи на министровъ.

Администраціонный Совѣтъ въ Царствѣ составился почти изъ Поляковъ; общее мнѣніе не было въ пользу ихъ; фельдмаршалъ, какъ человѣкъ военный, самолюбивый и самовластный въ краѣ, не почиталъ нужнымъ имѣть помощниковъ; видѣлъ въ членахъ совѣта однихъ подчиненныхъ; Поляки ему льстили и дѣлали, что только могли для себя; изъ Русскихъ, одинъ ничего не понималъ, а другой, изъ мелкой корысти, руководимый подущеніями, не имѣя ни свѣдѣній о краѣ, ни способностей къ администраціи, — обманывалъ Свѣтлѣйшаго секретарскими выходками, молчаніемъ и пріемами дѣлового человѣка, и былъ причиною, отъ невѣдѣнія и наклонности къ пріобрѣтеніямъ, хотя впрочемъ весьма ничтожнымъ, многихъ весьма важныхъ безпорядковъ, кои прикрывались огромными средствами земли, и оказались только въ послѣдствіи, когда источники начали изсякать отъ вычерпыванія ихъ разными руками.

Послѣ умнаго, ловкаго гр. Витта назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ и членомъ совѣта, прибывшій изъ за Кавказа генералъ Панкратьевъ, человѣкъ отъ природы хорошій, но самый развращенный и ограниченнаго притомъ разума. Онъ вскорѣ женился на Полькѣ, и умеръ отъ усилій 50-ти лѣтняго дебошира надъ 18-ти лѣтнею съ полнымъ здоровьемъ женщиною. Онъ дѣлалъ мнѣ много непріятностей, взводилъ на меня разные доносы и часто колебалъ Свѣтлѣйшаго въ мнѣніи его обо мнѣ; впрочемъ это не мѣшало дѣлу; я шелъ своею дорогою, пренебрегая клеветы и козни, въ существѣ своемъ самые ничтожные.

Хотя Свѣтлѣйшій слушалъ военнаго губернатора, тайную полицію, состоявшую въ вѣдѣніи сего послѣдняго, и многихъ сверхъ того мнимо-преданныхъ себѣ, большею частію злыхъ и невѣжественныхъ; но не перемѣнилъ со мною своего обхожденія.

Бывая каждый день два и три раза по должностямъ моимъ у Свѣтлѣйшаго, просиживая въ бесѣдѣ съ нимъ, съ моей стороны совершенно откровенной, часто почти по цѣлымъ ночамъ, я такъ изучилъ его физіономію, казалось, что читалъ въ ней разныя впечатлѣнія и отгадывалъ, что онъ думаетъ, хотя по врожденной, или по принятой имъ на себя какой-то хитрости, онъ объяснялся иногда не совсѣмъ вразумительно. Напримѣръ, дѣлая съ раздражительностію разныя замѣчанія мнѣ, думалъ совсѣмъ о другихъ, что я тотъ часъ видѣлъ, и не оправдываясь нисколько, выслушивалъ все такъ, какъ говорилось; т. е. выслушивалъ досады и горькія жалобы на другихъ, относимыя имъ къ моему лицу. Войдя къ нему, взглянувъ только на него, я могъ сказать, безошибочно, что обо мнѣ недавно говорено было ему худо, и это всегда подтверждалось, ибо онъ, или въ досадѣ, или, будучи обезоруживаемъ моимъ чистымъ прямодушіемъ, высказывалъ производимыя на немъ впечатлѣнія; послѣ чего всегдашняя подозрительность и недовѣріе исчезали; а я между тѣмъ, имѣя въ виду что нибудь полезное, въ частномъ или общемъ предметахъ, успѣвалъ дѣлать добро по чувствамъ и для его славы.

Ежедневная эта экзерциція съ человѣкомъ, тѣмъ болѣе съ начальникомъ, ослѣпленнымъ всезнаніемъ и зависимымъ отъ разныхъ внушеній, тяжелѣе работы египетской. Но я любилъ его; болѣлъ душею надъ выборомъ людей, облеченныхъ имъ незаслуживаемою довѣренностію; видѣлъ съ неудовольствіемъ, что ближайшіе къ нему по дѣлу, люди истинно благородные, а ихъ было не болѣе двухъ, старались какъ можно рѣже показываться ему, тогда какъ холопы, даже возвышенные до значительныхъ чиновъ, торчали передъ глазами его, льстили, клеветали выказывая тѣмъ преданность.

Покровительствовать старыхъ сослуживцевъ—черта въ характерѣ прекрасная; но эпохи, положенія, дѣло и обязанность бываютъ весьма различны: что въ Азіи хорошо, то въ Европѣ весьма недостаточно. Управленіе канцеляріею корпуснаго командира не то, что управленіе дежурствомъ огромной арміи; въ этой пропорціи все разнствуетъ между Грузіею и Царствомъ Польскимъ; и вызванные изъ за Кавказа люди, дѣловые по тамошнему, нисколько не пригодны для здѣшняго управленія.

Я совершенно не понимаю, думаетъ-ли фельдмаршалъ въ самомъ

дѣлѣ, хваля способность и разумъ людей своихъ, что они имѣютъ приписываемыя имъ достоинства, или желаетъ мистифицировать тѣмъ истинно способныхъ, чтобы они не зазнались, и чтобы не почитали себя необходимыми. Но это, и безпрестанныя повторенія, что ему ни въ комъ нѣтъ нужды, что у него всякій хорошъ, и что онъ все самъ дѣлаетъ, отнимая охоту трудиться, производитъ тунеядцевъ.

Въ теченіе трехъ лѣтъ положеніе мое было почти одно и то-же; предавшись Свѣтлѣйшему и дѣлу, я служилъ съ чистою вѣрою въ обѣщаемую мнѣ будущность. Въ 1835 году назначенъ былъ большой смотръ въ Калишѣ, куда приглашены были Высочайшія особы разныхъ дворовъ, и гдѣ предположены были маневры войскамъ Прусскимъ и Русскимъ совокупно. Мнѣ поручена была полиція, граница отъ Пруссіи и наблюденіе за всѣмъ порядкомъ Калишскаго сбора. Все шло тамъ прекрасно, Государь Императоръ былъ совершенно доволенъ, и ничто не нарушало спокойствія высокихъ гостей. Самые тяжкіе труды мнѣ казались легкими, при видимой признательности ко мнѣ Свѣтлѣйшаго.

Предъ окончаніемъ Калишскаго съѣзда, Государь лично благодарилъ меня, цалуя въ голову; щедро наградилъ всѣхъ моихъ чиновниковъ. Я ожидалъ всего; но при представленіи къ маіоратамъ фельдмаршалъ даже совсѣмъ забылъ обо мнѣ, такъ что я принужденъ былъ просить о заслуженномъ, не говоря уже о другихъ наградахъ, полученныхъ всѣми генералами гораздо въ высшей степени, нежели получилъ я. Впрочемъ, это меня нисколько не огорчало и не умаляло ни усердія къ службѣ, ни преданности къ начальнику. Судьба меня никогда не баловала, а тѣмъ отучила отъ жалобъ и претензій, которыя ограничивались добрымъ расположеніемъ ко мнѣ моихъ начальниковъ.

Кстати разсказать здѣсь случившееся со мною въ Калишѣ: однажды, по утру, фельдмаршалъ, призвавши меня къ себѣ, объявилъ, что генералъ-интендантъ Погодинъ донесъ ему, по свѣдѣніямъ полученнымъ интендантомъ отъ весьма вѣрныхъ людей, что я доношу о всѣхъ дѣйствіяхъ Свѣтлѣйшаго Государю Императору, чрезъ Шефа Жандармовъ. На это я отвѣчалъ, что подобный доносъ заслуживаетъ простого пренебреженія, и я унизилъ бы себя оправданіемъ противъ онаго. Во первыхъ потому, что между Монархомъ и фельдмаршаломъ, сдѣлавшимъ такъ много для Россіи, не можетъ быть междометіемъ подчиненный; во вторыхъ, что надобно бы отнять у меня разумъ, допустивъ, что я мѣняю расположеніе сблизившагося ко мнѣ добраго начальника на угожденіе Шефу Жандармовъ, отъ коего совершенно не завишу.

Обстоятельство это хотя не произвело на мнѣ никакого впечатлѣ-

нія, но обнаруживало то, чего я не допускалъ въ мысли моей, думая о фельдмаршалѣ, и даже видя иногда склонность его слушать подобное сему.

Впрочемъ объявленное имъ мнѣ донесеніе Погодина было доказательствомъ добраго расположенія его ко мнѣ, ибо, въ противномъ случаѣ, онъ не выскажетъ никому другому того, что слышалъ объ немъ, а будетъ сердиться и молчать.

Есть характеры непонятные: смѣшеніе откровенности съ скрытностію; теплоты чувствъ съ равнодушіемъ; ума съ неумѣніемъ вести себя; храбрости противу непріятеля съ малодушіемъ въ другихъ случаяхъ; упрямства съ легкостію; щедрости съ скупостію и т. п.—представляетъ такой трудъ въ опредѣленіи человѣка, что русскіе, вѣроятно ломая надъ симъ голову, назвали смѣсь эту безтолочью.

Въ администраціонномъ совѣтѣ было еще и третье лицо русское, это управляющій бывшимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ гр. Строгоновъ, наименованный уже не министромъ, а главнымъ директоромъ коммиссіи внутреннихъ дѣлъ. Его управленіе полиціею, по существующему съ давняго времени порядку, и управленіе случайно назначеннаго послѣ революціи военнаго губернатора—какъ-то не сходились. Строгоновъ вышелъ; на мѣсто его назначенъ генералъ-лейтенантъ Головинъ, не замѣчавшій этого; но вскорѣ смерть военнаго губернатора соединила должность сего послѣдняго съ должностью директора внутреннихъ дѣлъ въ одномъ Головинѣ, и странное раздвоеніе дѣла, совершенно однороднаго, уничтожилась счастливымъ случаемъ же, по крайней мѣрѣ, по наружности.

Какъ всѣ назначенія въ Царство дѣлались не иначе, какъ съ согласія намѣстника, то и Головинъ не могъ бы быть опредѣленъ безъ онаго. Фельдмаршалъ зналъ его съ давняго времени и часто хвалилъ распорядительность его во время войны.

Что такое Головинъ?—сказать опять трудно. Человѣкъ онъ не безъ ума, но его принадлежность къ какой-то сектѣ раскольничьей, управляемой Петербургскимъ мѣщаниномъ, не доказываетъ разума, или лучше сказать, выказываетъ слабодушіе и пошлую хитрость мистиковъ; хитрости подчиненнаго въ немъ дѣйствительно есть много; терпѣнія стоять въ передней еще болѣе. Онъ говоритъ и пишетъ дѣльно; видно, что былъ нѣкогда человѣкомъ съ замѣчаніями; но физическое умерщвленіе плоти, совлеченіе ветхаго Адама, какъ выражались мартинисты, или вѣчная спячка отъ того, содѣлали его совершенно неспособнымъ ни къ какому дѣлу; такъ оно и шло при немъ. Нельзя статься, чтобы

намѣстникъ не замѣчалъ сего, видѣвши Головина спящимъ въ совѣтѣ, забывающимъ представляемое и дремлющимъ всегда и вездѣ, если собственный его интересъ не будитъ его.

Однажды, послѣ засѣданія администраціоннаго совѣта, на которомъ Головинъ представлялъ весьма важное дѣло, я пришелъ къ Свѣтлѣйшему; а какъ означенное дѣло относилось къ городу Варшавѣ, то намѣстникъ, поговоря объ немъ со мною и желая, чтобы я ближе познакомился съ предметомъ, приказалъ мнѣ съ президентомъ города пойти къ Головину, прочитать дѣло вмѣстѣ, и доложить потомъ, не нужно ли чего еще прибавить или убавить.

Мы входимъ къ Головину, толкуемъ битый часъ о предметѣ нашего прихода къ нему, и видимъ изъ объясненій его, что онъ вовсе не помнитъ, что читалъ за часъ предъ тѣмъ въ совѣтѣ, а дѣло лежало подъ его локтемъ.

Еще разъ прихожу я къ Головину также по дѣлу; онъ подписывалъ паспортные бланкеты, дремалъ надъ ними и нѣсколько экземпляровъ испортилъ уже, потянувши перомъ черту во весь листъ вмѣсто крючка, дѣлаемаго при подписи фамиліи; глаза у него слипались отъ сна, напрасно онъ нюхалъ табакъ, теръ себѣ лобъ, ничто не помагало; между тѣмъ, у него отъ панталонъ оторвалась пуговка; онъ ее тотчасъ поднялъ, хотѣлъ казалось положить на столъ, но между тѣмъ все держалъ пуговку въ лѣвой рукѣ и не придерживая ею паспортовъ, испортилъ ихъ еще нѣсколько, подписывая. Тутъ я, потерявъ терпѣніе, сказалъ ему: „Ваше Превосходительство! Вы видно изволили худо почивать, лучше отдохнуть немного, ибо всякій бланкетъ стоитъ шесть злотыхъ.“ При этомъ подносившій ихъ къ подписи коллежскій совѣтникъ Шульцъ захохоталъ во все горло. Головинъ проснулся, посмотрѣлъ на него съ злобною улыбкою, и началъ ходить по комнатѣ. Но въ мелочахъ угодительныхъ онъ былъ слишкомъ даже акуратенъ. Мнѣ случилось видѣть однажды, что онъ, написавши уже записочку, въ отвѣтъ полученной имъ отъ Свѣтлѣйшей, возился болѣе часа, чтобъ сыскать для оной самый акуратный конвертецъ; долго писалъ потомъ адресъ, такъ, что ожидавшій отвѣта старый казакъ, съ предлинною бородою, чуть-чуть не упалъ въ обморокъ, стоя въ душномъ кабинетѣ, и не смѣя обмахивать мухъ, лѣзшихъ ему въ глаза, облитые потомъ.

Непонятно, какъ можно было рекомендовать такого человѣка, какъ Головинъ, въ главноначальствующіе въ Грузію.

15/27 февраля 1845 г.

На мѣсто Головина пріѣхалъ изъ С.-Петербурга, съ собственными

своими секретарями, генералъ Шиповъ. Этотъ видѣлъ во всемъ совершенный безпорядокъ; въ его понятіяхъ: полковая хозяйственная часть, коммисаріатъ, т. е. акуратная укладка въ магазинахъ суконъ, архивъ, устроенный на подобіе библіотеки, были образцомъ для порядка; и по этимъ даннымъ онъ началъ тотчасъ учреждать дѣла въ коммиссіи. Сперва приказалъ расшить ихъ, перетасовать листъ къ листу по нумерамъ, не держась буквально предметовъ. Секціи и волюмины превратились въ какой-то нестройный хаосъ, состарѣвшіеся надъ оными чиновники сбились съ толку; секретари его, съ свойствами, изображенными Капнистомъ въ комедіи „Ябеда“, гдѣ сказано о секретарѣ:

„Дуракъ,—кто слово тратитъ,
Хоть голъ будь какъ ладонь,
Онъ что нибудь да схватитъ“—

преслѣдовали людей заслуженныхъ; а онъ только писалъ проекты, какъ бы прежде его никакого управленія здѣсь не существовало. Впрочемъ самъ Шиповъ человѣкъ добрый, дѣятельный, неутомимый, какъ бѣлка въ колесѣ; но и полезенъ столько же, сколько она. Охота къ письму родилась въ немъ еще въ гвардіи: ибо онъ читалъ мнѣ мнѣніе его о Польшѣ и Полякахъ, написанное имъ во время квартированія Семеновскаго полка въ Подольской губерніи. Можно себѣ вообразить, что это было за мнѣніе! Онъ и въ Царствѣ, послѣ двухлѣтняго управленія коммиссіею, не изучилъ ни польскаго языка, ни дѣла, но всегда только повторялъ, какъ и въ выше сказанной запискѣ своей, что онъ русскій, православный; и учредилъ публичныя лекціи для ученія русскому языку чиновниковъ, не исключая и посѣдѣвшихъ надъ референтами польскими. Тѣ изъ нихъ, коимъ грамота наша не лѣзла въ голову, или сами вышли изъ коммиссіи, или были выгнаны; общее неудовольствіе противу него начали высказывать гласно; всё и несмѣшное обращалось въ смѣхъ, равно какъ всѣ самыя лучшія намѣренія его.

Во многихъ случаяхъ, излишнее усердіе часто дѣлаетъ болѣе вреда, нежели пользы.

Одинъ изъ дипломатическихъ агентовъ Франціи, отъѣзжая изъ Парижа по какому-то порученію, пришелъ къ Талейрану за полученіемъ инструкціи и, откланиваясь министру, безпрестанно повторялъ увѣренія, что онъ будетъ дѣйствовать со всѣмъ усердіемъ, не щадя ни силъ, ни трудовъ; но Талейранъ сказалъ ему на всѣ эти увѣренія: „pas trop de zèle! pas trop de zèle!“, а одному косоглазому министру, спросившему Талейрана, каково идутъ дѣла послѣ іюльской революціи, сей послѣдній отвѣчалъ: „Какъ видишь! Comme Vous voyez“!

Какъ много есть людей, смотрящихъ на дѣла косыми глазами!

Шиповъ не былъ человѣкомъ Свѣтлѣйшаго, и поелику наскучалъ ему своими выходками, а дѣйствіями порождалъ опозицію въ Полякахъ, то его и назначили въ Казань военнымъ губернаторомъ, гдѣ онъ, вѣроятно, весьма полезенъ, ежели съ собою не взялъ туда секретарей своихъ.

Обязанности мои, ласки ко мнѣ Свѣтлѣйшаго и общее обо мнѣ мнѣніе, производили зависть во многихъ; Панкратьевъ же воевалъ со мною открыто; канцелярія его преслѣдовала полицію; его Козачковскій, удаленный мною за лѣнь и неспособность изъ слѣдственной коммиссіи, писалъ отъ него ко мнѣ бумаги, какія ему вздумалось. Унизительно казалось мнѣ жаловаться на это Свѣтлѣйшему; но когда тайная полиція, состоящая въ вѣдѣніи Панкратьева, подъ управленіемъ Массона, человѣка злого и ничтожнаго, начала доносить на меня вещи не бывалыя, окружила однажды домъ, гдѣ былъ мой факторъ, и выставила изъ себя свидѣтелей, что они слышали, какъ факторъ будто бы требовалъ отъ подрядчиковъ деньги, о чемъ Панкратьевъ донесъ Свѣтлѣйшему, тогда я просилъ рѣшительно, дабы это было изслѣдовано формальнымъ порядкомъ. Слѣдствіе поручено генералу Дену. Факторъ между тѣмъ посаженъ на гауптвахту; поелику-же при первыхъ допросахъ оказалась вся эта выдумка и подлою, и глупою, то фельдмаршалъ прислалъ своего ординарца выпустить фактора изъ подъ ареста; послѣдній, хотя и жидъ, чувствуя себя совершенно невиннымъ, просилъ суда надъ собою; едва уговорили его оставить гауптвахту; а на другой годъ онъ, мстя генералу Дену и подрядчикамъ за интригу противу себя, сыскалъ людей, кои уступили, послѣ произведенныхъ Деномъ торговъ на разныя работы въ Цитадели, милліонъ, съ шести милліоновъ, выпрошенныхъ его подрядчиками и представленныхъ имъ, какъ цѣна, ниже которой предпринять работъ невозможно.

Но описывать случающееся со мною ежедневно было бы и долго, и скучно.

Не видя явной защиты себѣ со стороны Свѣтлѣйшаго, я не переставалъ однакоже служить, какъ всегда служилъ; не колебался въ преданности къ нему и находилъ утѣшеніе среди различныхъ преслѣдованій въ откровенной бесѣдѣ съ нимъ, которая обновляла духъ необходимой дѣятельности и усердія по труднымъ должностямъ моимъ.

Болтливый, но умный покойный князь Козловскій, человѣкъ извѣстный Европѣ, сказалъ однажды, что мое управленіе полиціею глушитъ крикъ иностранцевъ, хотя онъ былъ либералъ, совершенно разнствовалъ со мною въ образѣ мыслей и долженъ бы не любить меня; ибо Свѣтлѣйшій разсказывалъ, какъ однажды, за столомъ у Государя

Императора, когда они вспомнили о Козловскомъ, то фельдмаршалъ замѣтилъ, что подъ наблюденіемъ Стороженка, т. е. меня, бредни Козловскаго ничего не значатъ.

$^{16}/_{28}$ февраля 1845 г.

Въ 1839 году — я отпросился въ отпускъ, дабы хотя нѣсколько отдохнуть въ родимой хатѣ отъ треволненій служебныхъ. Когда все уже было уложено къ выѣзду, вдругъ получаю предписаніе отправиться въ Вильно, гдѣ военный губернаторъ князь Долгорукій открылъ заговоръ, къ которому принадлежало много офицеровъ разныхъ полковъ 1-го корпуса. Всѣ обвиняемые были арестованы. Пріѣхавши въ Вильно, я нашелъ слѣдственную коммиссію, учрежденную княземъ Долгорукимъ и дѣйствующую, совмѣстно съ полиціею, самымъ рѣшительнымъ уже образомъ. Аресты продолжались; доносамъ нѣсть конца; арестантами наполнялись монастыри; дней десять я просиживалъ въ коммиссіи часовъ по шести, желалъ узнать истину; но признаюсь, открытый слѣдователями заговоръ для меня былъ въ какомъ-то густомъ, непроницаемомъ туманѣ. Всѣхъ арестованныхъ офицеровъ я переспросилъ лично, равно главнѣйшихъ преступниковъ, и наконецъ, по долгомъ, безпристрастномъ разборѣ дѣла и ночныхъ размышленіяхъ объ немъ, убѣдился, что бѣснованіе коммиссіи происходитъ отъ желанія открыть заговоръ несуществующій; причина же тому, другія разныя желанія членовъ коммиссіи, т. е. крестовъ и денегъ.

Черезъ три недѣли я донесъ объ этомъ и о неприкосновенности ни къ какому тайному обществу офицеровъ, кои виновны только въ непростительныхъ упущеніяхъ по службѣ, въ болтовнѣ и въ непозволительномъ обхожденіи съ арестантами; написалъ вмѣстѣ съ тѣмъ такое мое мнѣніе и въ коммиссію, и просилъ Свѣтлѣйшаго о позволеніи возвратиться мнѣ въ Варшаву. Въ отвѣтъ на это, получилъ приказаніе еще ближе удостовѣриться о существѣ дѣла, и ожидать дальнѣйшихъ предписаній. Дѣлать нечего; сижу напрасно въ Вильнѣ, томлюсь скукою, вижу явную потерю довольно значительной для меня суммы въ одной предпринятой мною спекуляціи, и переношу различныя непріятности.

Однажды кн. Долгорукій, заѣхавши ко мнѣ, пригласилъ отправиться съ нимъ въ Базиліянскій монастырь, гдѣ допрашиваемый коммиссіею офицеръ, французъ, открылъ рѣшительное существованіе заговора. Дѣйствительно, онъ утвердилъ и въ присутствіи нашемъ, что тайное общество существуетъ и что онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ его. Но разсказы этого вѣтреннаго человѣка были такъ

пошлы и невѣроподобны, что я еще болѣе удостовѣрился въ продѣлкахъ коммиссіи; впрочемъ однакоже не объявлялъ моего мнѣнія въ присутствіи; когда же мы сѣли въ коляску съ кн. Долгорукимъ, я сказалъ ему, что все, слышанное нами, есть великолѣпный вздоръ; съ чѣмъ и и онъ какъ бы согласился, прибавивъ, что доносить объ этомъ кажется ненужно.

Ввечеру прихожу по обыкновенію къ князю; вижу, что онъ хлопочетъ, а бѣготня секретарей доказывала, что они отправляютъ въ Петербургъ курьера. Карты для виста еще не были розданы; я жаловался на головную боль и просилъ позволенія немножко проходиться; но вмѣсто прогулки, зашелъ въ ближайшую кондиторскую, написалъ тамъ донесеніе объ утреннемъ открытіи и какъ я думалъ объ немъ, и отправилъ донесеніе мое въ Петербургъ, по эстафетѣ, съ почталіономъ. Все это сдѣлано было мною такъ скоро, что возвратившись къ князю Долгорукому, нашелъ партію виста еще не начатою. Сѣлъ за карты, выигрывалъ; а между тѣмъ къ подписи князя поднесли какую-то предлинную бумагу.

Вистъ кончился; послѣ ужина мы пошли на другую половину, гдѣ князь, зѣвая и потягиваясь, сказалъ мнѣ между прочимъ, что онъ долго думалъ о томъ: доносить ли, или нѣтъ объ открытомъ коммиссіею сегодня по утру, и рѣшился лучше донести. „Я сдѣлалъ то-же“, было моимъ отвѣтомъ. „Какъ“? возразилъ онъ, „Вы называли это вздоромъ“. „Въ такомъ смыслѣ и донесъ“. „За чѣмъ же Вы сдѣлали это, когда сами говорили, что дѣло не стоитъ того, чтобъ доносить объ немъ?“ „Правда, Ваше Сіятельство; я такъ говорилъ и думалъ; Вы соглашались со мною; но повторенія Ваши, что Вы не донесете, и суетливость, примѣченная мною ввечеру въ дѣлопроизводителяхъ Вашихъ, указали мнѣ необходимость предупредить отправляемаго Вами курьера. Не правъ-ли я теперь?“ Онъ пожалъ мнѣ съ притворною улыбкою руку, и мы пожелали другъ другу покойной ночи.

Чрезъ нѣсколько дней онъ получилъ замѣчаніе; а на моей запискѣ написано было: „Одинъ Стороженко дѣлаетъ дѣло.“

Послѣ сего можно себѣ представить отношенія мои съ княземъ; а между тѣмъ отъ Свѣтлѣйшаго нѣтъ и словечка. Въ такомъ положеніи я прожилъ въ Вильнѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ; возвратясь же въ Варшаву, повторилъ только написанное мною о заговорѣ пять недѣль тому назадъ, и отправился въ Малороссію, гдѣ засталъ совершенный голодъ.

Дѣло Виленское длилось потомъ еще три года; кн. Долгорукого смѣнилъ генералъ Мирковичъ; но слѣдственная коммиссія не перемѣ-

нилась. Мирковичъ видно человѣкъ не бойкій; онъ не умѣлъ остеречься отъ кабалы доносчиковъ и слѣдователей; но, наконецъ, Государь Императоръ, не видя конца слѣдствію, прислалъ для окончанія его своего генералъ-адъютанта Кавелина, который кончилъ всю эту путаницу, представилъ объ освобожденіи невинно арестованныхъ, объ отставленіи отъ службы слѣдственной коммиссіи и о прекращеніи затѣяннаго княземъ Долгорукимъ, по внушеніямъ приближенныхъ къ нему, что онъ поддерживалъ потомъ отъ стыда показаться не такимъ зоркимъ и хитрымъ, какъ объ немъ думали.

О такомъ результатѣ слѣдствія генералъ Кавелинъ сообщая Свѣтлѣйшему, прислалъ и выписку изъ дѣла, существо коей было такое самое, какое заключалось въ донесеніи моемъ, написанномъ три года назадъ. Въ отвѣтъ на это фельдмаршалъ, благодаря Кавелина за его отзывъ, написалъ между прочимъ, что мнѣніе сего послѣдняго принесло ему удовольствіе, и потому, что оно совершенно согласно съ мнѣніемъ генералъ-полицiймейстера арміи.

Копія отвѣта Свѣтлѣйшаго хранится у меня, какъ доказательство правоты моей и противу непризнательныхъ Поляковъ.

По смерти Панкратьева, какъ я выше говорилъ, были военными губернаторами: Головинъ и Шиповъ, и канцелярія оставалась та же самая. Доносы на полицію расплаживались, поддерживались и дошли до того, что одинъ жидъ подалъ прошеніе Свѣтлѣйшему, что слѣдственное отдѣленіе оной крадетъ въ годъ болѣе милліона.

При Головинѣ началось объ этомъ формальное слѣдствіе въ уголовномъ судѣ, презусъ коего Покленковскій, вышедшій въ люди послѣ революціи, преслѣдуя дозорцевъ означеннаго отдѣленія за то, что они за годъ передъ возмущеніемъ поймали его въ какомъ-то весьма черномъ дѣлѣ, искалъ вины ихъ, подавалъ мнѣнія свои о преданіи ихъ суду и тюремному заключенію, и такъ запуталъ дѣло, что распутать его поручено было помощнику директора коммиссіи юстиціи, Старинкевичу.

Кто въ Россіи не знаетъ, или не слыхалъ о Старинкевичѣ? Этотъ всезнайка, лжецъ, человѣкъ самый безпорядочный, вкрался было въ довѣренность къ Свѣтлѣйшему, съ коимъ онъ нѣкогда учился. Нельзя отказать ему въ способностяхъ; но лѣнь, порочное поведеніе и блудливость въ поступкахъ, затмѣвали въ немъ все доброе. Онъ послѣ взятія Парижа и возвращенія русскихъ въ отечество остался за границею; шлялся, пока имѣлъ деньги, въ Парижѣ и по Германіи, безъ дѣла и безъ цѣли; сдѣлался какимъ-то энигмомъ политическимъ, нисколько не

годившись ни въ какіе дипломатическіе агенты, по самой уже его болтливости. Проѣзжая же наконецъ въ Россію, былъ арестованъ на границѣ, долго содержался въ Варшавѣ, гдѣ сенаторъ Новосильцевъ опредѣлилъ его по своему управленію. Когда вспыхнулъ въ Варшавѣ мятежъ, онъ опять не вышелъ съ русскими; содержался тутъ какъ плѣнникъ; а по взятіи Варшавы явился къ услугамъ Правительства какъ и другіе подобные ему авантюристы. Фельдмаршалъ употребилъ его въ высшемъ судѣ криминальномъ надъ мятежниками, въ которомъ былъ съ нимъ и вышепоименованный Покленковскій. Поэтому оба они вытянуты были изъ ничтожества.

Такимъ людямъ поручено было: одному изслѣдовать, а другому разсмотрѣть доносъ жида на дозорцевъ. Я представлялъ, что въ Варшавѣ всѣ ворсвства въ теченіе года не простираются и до 200 т.; слѣдовательно милліонныя взятки есть самый глупый извѣтъ жидовскій; но этотъ логическій доводъ остался безъ вниманія. Старинкевичъ донесъ, что одинъ изъ дозорцевъ купилъ огромный домъ и содержитъ нѣсколько извощичьихъ дрожекъ; я просилъ Свѣтлѣйшаго, чтобы самому же Старинкевичу поручено было и удостовѣриться въ этомъ; а какъ по его разысканію оказалось, что дозорецъ купилъ не домъ, а хату на предмѣстьѣ, въ 250 руб. сер., изъ коихъ заплатилъ только половину, и не содержалъ никакихъ извощичьихъ дрожекъ, то дѣло это приняло совсѣмъ другой оборотъ; его хотѣли скорѣе какъ нибудь кончить; подтвержденія сыпались на Старинкевича. Сей послѣдній, растерявши многія бумаги изъ дѣла, вертѣлся, лгалъ и ничего не дѣлалъ; какъ между тѣмъ доносчикъ жидъ за другія преступленія и доносы посаженъ былъ въ крѣпость, и такимъ образомъ дѣло само собою прекратилось.

Въ послѣдствіи Старинкевичъ, будучи отправленъ въ С.-Петербургъ съ проектомъ о законахъ для Царства, заѣхавши по дорогѣ къ какому-то своему пріятелю, засѣлъ тамъ такъ, что едва могли его отыскать, послѣ чего онъ потерялъ расположеніе фельдмаршала; но и затѣмъ получалъ награжденія; а Покленковскій открылся въ ябедническомъ своемъ характерѣ подговоромъ танцовщицы Лёли-Монтезъ къ процессу противу полковника Абрамовича, директора театра, фаворита Свѣтлѣйшаго.

Вотъ образчики людей, подающихъ собою примѣры чиновникамъ Царства!

17 февраля—1 марта 1845 года.

Безпрерывныя слѣдствія, защищеніе себя отъ нападеній военно-

губернаторскихъ, неполная увѣренность въ правотѣ моей ласкающаго меня между тѣмъ Свѣтлѣйшаго и т. п., — огорчали меня, растраивали здоровье, для поправленія коего мнѣ сдѣлался необходимымъ отдыхъ, на который и дѣйствительно я уѣхалъ, возвратившись, какъ выше сказано, изъ Вильны.

Предъ отъѣздомъ моимъ фельдмаршалъ усугубилъ ласки свои ко мнѣ, просилъ возвратиться, какъ можно скорѣе, приказалъ составить проектъ о соединеніи всѣхъ отраслей полиціи въ одно управленіе, который бралъ съ собою, отправляясь на Бородинскіе маневры, и повторялъ, что я человѣкъ необходимый, что Правительство обязано дорожить такими людьми; и я отвѣчалъ ему на все это простою преданностію, нисколько не увлекаясь обѣщаемымъ возвышеніемъ.

Когда подумаю, что многіе почитаютъ меня съ завистію однимъ изъ любимцевъ Свѣтлѣйшаго, то чувствую, какъ горькая улыбка выражается на моей физіономіи. Правда, я никогда не позволяю себѣ говорить объ немъ такъ, какъ говорятъ всѣ приближенные; но не имѣя ихъ качествъ, не могу быть и въ такихъ соотношеніяхъ съ нимъ, какъ сослуживцы его на Кавказѣ въ счастливыхъ обстоятельствахъ войны, коихъ способности онъ мѣрилъ тогдашнимъ масштабомъ. Во всякомъ случаѣ онъ возьметъ сторону каждаго изъ нихъ противу меня, будетъ защищать даже въ неправомъ дѣлѣ; а еслибъ я поскользнулся на ледяномъ пути моемъ, то едва ли бы подалъ руку, чтобы поставить на ноги.

Къ однимъ привычка, въ другихъ нужда. Досадно быть смѣшиваемымъ съ выведенными слѣпымъ случаемъ на одну съ тобою дорогу. Когда однажды я былъ представляемъ въ Свиту Его Императорскаго Величества вмѣстѣ съ генераломъ В. и услышалъ потомъ, что въ этомъ отказано, обрадовался непритворно.

На время отпуска моего въ 1839 году, назначенъ былъ исправлять мои должности ген.-маіоръ Соболевъ. Онъ былъ военнымъ начальникомъ въ Калишской губерніи. Оплошность его при поимкѣ эмиссаровъ и смѣшное поведеніе во время Калишскаго смотра, давали мнѣ поводъ думать объ немъ не выше, какъ о простомъ парочномъ артиллерійскомъ офицерѣ. Но Свѣтлѣйшій видно думалъ о немъ иначе, и говорилъ мнѣ при назначеніи Соболева, что онъ человѣкъ весьма умный, что въ Аджеръ-беджанѣ, или въ какой то другой азіатской провинціи, показалъ великія администраціонныя способности, и что, будучи дежурнымъ штабъ-офицеромъ при весьма умномъ артиллерійскомъ начальникѣ въ Закавказской арміи, не только отличался распорядительностію, но даже посылалъ статьи свои въ Московскій Телеграфъ о дѣйствіи артиллеріи и другихъ войскъ въ славныя войны противъ Персіянъ и Турокъ.

Занявшись маленькимъ хозяйствомъ моимъ въ Малороссіи, а еще болѣе приведеніемъ въ нѣкоторый порядокъ различныхъ моихъ записокъ, бумагъ и историческихъ рукописей, кои принужденъ былъ развѣшивать какъ бѣлье на солнцѣ, чтобы провѣтрить ихъ, я старался даже не думать о Варшавѣ; но получалъ оттуда свѣдѣнія отъ моихъ пріятелей, что Соболевъ такъ ворочаетъ полиціею, какъ Аджеръ-беджанскими татарами, и, возвратившись въ Варшаву, дѣйствительно увидѣлъ такой хаосъ и въ дѣлахъ, и въ людяхъ, что надобно было приводить все въ прежній порядокъ, точно такъ, какъ бы учреждать все на ново.

Введенная мною коллегіальность—брошена; отвѣтственность начальниковъ отдѣленій за дѣла возложена на переводчика изъ дьячковъ сельскихъ. Поелику Соболевъ не зналъ ни говорить, ни читать по польски, то сформировалъ тотчасъ себѣ русскую канцелярію изъ безплатныхъ апликантовъ, въ которой вершились всѣ дѣла и производилась вся огромная переписка по полиціи.

Правда, что въ составленіи такой канцеляріи, подобной полковой швальнѣ, онъ основывался на предписаніи генерала Шипова вводить русскій языкъ и писать не иначе какъ по русски; но до этого можно достигнуть, только сохраняя постепенность, въ многіе годы; а начать вдругъ производство дѣлъ, состоящее изъ ста тысячъ номеровъ ежегодно, на языкѣ, которому самые прилежнѣйшіе едва нѣсколько только выучились, есть идея совершенно отрицательная.

Я самъ нахожу настойчивость ген. Шипова въ распространеніи здѣсь русскаго языка и письма весьма похвальною; но тутъ нужно держаться пословицы: тише ѣдешь—дальше будешь.

19 февраля—3 марта 1845 года.

Надобно, чтобы люди видѣли существенную пользу свою въ изученіи какого нибудь предмета, тогда родится и охота къ нему; эмуляція же двинетъ его скорѣе, нежели всякое принужденіе. Состоящіе и состоявшіе при мнѣ молодые люди, не выѣзжая изъ Варшавы, научились русской грамотѣ гораздо выше и правильнѣе, нежели секретари мои, по частямъ генералъ-полиціймейстера и оберъ-полиціймейстера, кончившіе курсы въ русскихъ губернскихъ гимназіяхъ. Многодѣліе и измѣняющее уже мнѣ зрѣніе принудили меня диктовать мои мысли; секретари оказались неспособными для этого; я употребилъ здѣшнихъ молодыхъ людей, и такимъ образомъ они пріобрѣли познаніе въ русскомъ языкѣ, полезное на цѣлую жизнь ихъ, если останутся въ порядкѣ, къ которому пріучались примѣромъ дѣятельности.

Распустивши русскую канцелярію, или швальню Соболева и направивши движеніе дѣлъ полиціи на прежній порядокъ, я долженъ былъ входить въ самомалѣйшія подробности управленія, искаженнаго въ такое короткое время, трудился, не вымолвя ни одного слова Свѣтлѣйшему о разстройствѣ, найденномъ мною по всѣмъ ввѣреннымъ мнѣ частямъ, не вспоминая самого имени Соболева, который съ благодарностію въ приказѣ оставилъ Варшаву со своимъ адъютантомъ, коего продѣлки открыли наклонность во многихъ моихъ подчиненныхъ къ разнаго рода поползновеніямъ и деморализаціи. Такихъ я или разогналъ, или оставилъ подъ страхомъ и особеннымъ надзоромъ.

Разгульное поле доносамъ покрывалось жидами и имъ подобными наѣздниками. Соболевъ также подвергся ихъ письменнымъ нападеніямъ и когда однажды фельдмаршалъ спросилъ меня объ немъ, я сказалъ откровенно, что человѣкъ онъ, дѣйствительно, не способный управлять Варшавскою полиціею, ибо совершенно глухъ, не знаетъ даже читать по польски, не понимаетъ никакого языка иностраннаго, и при всемъ этомъ думаетъ о себѣ съ невѣжественнымъ убѣжденіемъ, что онъ умнѣе всѣхъ и что Ваша Свѣтлость считать его изволите своимъ человѣкомъ по достоинству, и что, наконецъ, лѣнь въ генеральскомъ чинѣ уже дозволяется. Не всѣмъ этотъ чинъ приходится одинаково.

20 февраля—4 марта 1845 г.

На мѣсто Шипова, фельдмаршалъ исходатайствовалъ назначеніе бывшему лѣтъ 20 слишкомъ тому назадъ бригаднымъ командиромъ у него въ дивизіи Писареву.

Онъ, сирѣчь Писаревъ, въ первые годы текущаго столѣтія, служа въ Семеновскомъ полку, гдѣ тогдашніе офицеры старались знать лучше французскій языкъ, нежели русскій, былъ дока между ними въ писаніи на семъ послѣднемъ. Писывалъ даже стишки. Когда же сдѣлался, какъ выше сказано, бригаднымъ командиромъ, и квартировалъ въ Калугѣ, напечаталъ тамошніе свои вечера (или офицерскія разглагольствованія), въ тамошней же типографіи, мелкимъ истертымъ шрифтомъ на синей канцелярской бумагѣ, какими мнѣ случилось видѣть экземпляры этого Калужскаго издѣлія.

Никогда я не находилъ вкуса въ Калужскомъ тѣстѣ, привыкши къ выпеченному хлѣбу; точно такъ не нашелъ толку и въ Калужскихъ вечерахъ Писарева, но они были оттиснуты. Тогда печатный листъ казался святымъ для неискусившихся въ юной нашей литературѣ и нѣкоторые смѣлые бумагомаратели прослыли, чрезъ стоустую офицер-

скую молву, военными писателями. Это было давно, очень давно:—по быстрому полету времени у насъ къ образованію. Это давно прошедшее вѣроятно было причиною, что Писаревъ, оставивши военную службу во второмъ десяткѣ лѣтосчисленія нашего 19-го столѣтія, назначенъ былъ кураторомъ Московскаго Университета, и что Свѣтлѣйшій думалъ объ немъ, какъ о мужѣ великихъ способностей.

Кураторомъ Писаревъ былъ весьма недолго; сенаторомъ же Московскихъ Департаментовъ такъ долго, что было рехнулся, какъ говорятъ въ Москвѣ, и остѣнѣлъ по примѣру многихъ нашихъ товарищей, присутствующихъ въ Сенатѣ, т. е. доживающихъ вѣка.

Каковъ былъ кураторъ,
Каковъ былъ сенаторъ,
Таковъ былъ и военный губернаторъ.

Когда дали мнѣ знать о прибытіи Писарева въ Варшаву, который остановился у пріятеля своего, дежурнаго генерала Викинскаго, я тотчасъ, по обязанности Оберъ-Полиціймейстера, поскакалъ засвидѣтельствовать почтеніе избранному Свѣтлѣйшимъ сановнику.

Еще стоялъ у крыльца дорожній экипажъ его. Конструкція экипажа остановила на немъ мое вниманіе: не опускающійся верхъ, два небольшихъ круглыхъ стекла по сторонамъ, и все въ родѣ какомъ-то герметическомъ представляло подобіе ящика, какіе возятся менажеристами. Иду вверхъ, вижу стараго человѣка съ оловянными глазами, адресуюсь къ нему съ моимъ привѣтствіемъ и все еще не вѣрю, чтобы это былъ военный губернаторъ. Но когда онъ началъ съ московскою фамиліарностію баять и шутить шутки, чуть-чуть было не воскликнулъ: притча во языцѣхъ.

На другой день Свѣтлѣйшій, восхваляя прежній разумъ, остроту и службу Писарева, замѣтилъ мнѣ, чтобы я оказывалъ ему всякое должное уваженіе; не спрашивалъ, однакожъ, какимъ я нашелъ его, какъ бы отгадывая, что я отвѣчалъ бы строфою изъ Казака Стихотворца:
„Виденъ по пріему удалый солдатъ!“

Давно изучивши коренное правило изъ маленькой печатной книжечки подъ заглавіемъ „субординація“: „слушай!—хоть палку поставятъ!“—я всякое утро бывалъ у Писарева и слушалъ такую околесную, что и старикамъ не въ память. Видывалъ его часто у Свѣтлѣйшаго и, убѣдившись, что онъ какъ ни плохъ, а вредить можетъ, старался быть отъ него какъ можно далѣе. Онъ между тѣмъ, сближаясь съ канцелярскими своими, подписывалъ, не читая, исходящія отъ нихъ

ко мнѣ бумаги, на которыя даже отвѣчать было совѣстно. Не видя этому конца, испытавъ тщетно всѣ средства уклончивости, и услышавъ, наконецъ, что Писаревъ говоритъ обо мнѣ Свѣтлѣйшему, какъ о человѣкѣ слишкомъ тяжеломъ для него, я принужденъ былъ объясниться съ послѣднимъ; но можно-ли вразумить немыслящаго? – говорить же объ немъ Свѣтлѣйшему мнѣ казалось неприлично, ибо это значило бы порицать его выборъ. Какъ былъ онъ чуденъ, такъ чудно и дѣла пошли.

Разъ Свѣтлѣйшій разговорился со мною о старыхъ своихъ сослуживцахъ, въ томъ числѣ и о Писаревѣ, коего всегда хвалилъ: притворно-ли, или истинно,—право не знаю. Отъ людей мы перешли къ разнаго рода книгамъ, и дошли до романовъ; при этомъ я не утерпѣлъ сказать, что въ юности моей я любилъ читать романы Коцебу и старика Лафонтена, очень любилъ творенія Жанъ-Жака Руссо; но, прочитавши не давно нѣкоторыя сочиненія этихъ авторовъ, нашелъ въ нихъ такую старину, такія пошлости, которыя теперь даже начинающему только читать, конечно, показались бы весьма смѣшными; а истинному любителю пріятнаго чтенія даже скучными и глупыми.

Свѣтлѣйшій посмотрѣлъ на меня съ досадою и недовѣрчивостію, какъ мнѣ показалось, я же, чтобы онъ не подумалъ, что я острю, или хитрю, подобно другимъ, съ обыкновенною моею откровенностію съ нимъ, разсказалъ въ первый разъ нѣкоторые промахи и глупости Писарева, что однакоже не произвело никакого впечатлѣнія.

Напримѣръ, анекдотъ, что онъ, прослушавъ одну бумагу, написанную отъ его имени, спрашивалъ читавшаго: „да скажи мнѣ, братъ, мы ли это пишемъ, или къ намъ пишутъ *это*?“ Другой: что онъ, получивши замѣчаніе за дозволеніе похоронить тѣло одного сановника въ Капуцинскомъ монастырѣ, испрашивалъ: можно-ли похоронить тамъ камергера Жаблоклицкаго, живущаго у Свѣтлѣйшаго, который очень боленъ, если онъ умретъ въ отсутствіе Его Свѣтлости? Этотъ вопросъ такъ перепугалъ Жаблоклицкаго, что онъ чуть-чуть было въ самомъ дѣлѣ не умеръ.

Но разсказывать подобное объ немъ, все то-же, что написать толстую книгу такого содержанія, какъ давно написанная подъ заглавіемъ: „**тысяча одно дурачество**“. А чтобъ дать понятіе объ остротахъ и шуткахъ его, довольно сказать, что онъ разъ, осматривая Управленіе Коммиссіи Внутреннихъ Дѣлъ, увидѣвъ въ Архивѣ онаго огромные шкафы съ порядочно укладенными дѣлами, закричалъ съ хохотомъ: „изъ этихъ бумагъ можно бы сдѣлать славный фейерверкъ въ первый торжествен-

ный день!“ Можно себѣ представить, каково было услышать это посѣдѣвшему архивисту, представлявшему педантическій порядокъ въ его Архивѣ?

Еще разъ послалъ онъ адъютанта своего осмотрѣть всѣ управленія свои. Правда, что адъютанту никто ничего ни показалъ; но Писаревъ и за это не разсердился, а бадяжничая, говорилъ всякому: „вѣдь же адъютантъ мой смотритъ пожарную команду.“

21 февраля—5 марта 1845 г.

Еще два года я бился, какъ рыба объ ледъ въ трудныхъ и тѣсныхъ должностяхъ моихъ; еще два года боролся съ преслѣдованіями, не зналъ ни дня, ни ночи покойныхъ; а сдѣлалъ во многихъ случаяхъ значительныя пользы, даже денежныя, Правительству; открылъ заговоры, о коихъ тайная полиція никогда бы не узнала; самъ изслѣдовалъ ихъ; но усильные труды вдругъ сдѣлали меня безъ рукъ и безъ ногъ. Въ такомъ положеніи я былъ почти цѣлый годъ. Хотя потомъ и выздоровѣлъ; но страхъ къ физическимъ страданіямъ утверждалъ меня въ мысли проситься объ увольненіи отъ должностей полицейскихъ.

1842 года меня сдѣлали сенаторомъ; оставили подъ моимъ предсѣдательствомъ слѣдственную коммиссію; но забыли даже поблагодарить за 10 лѣтъ, покрайней мѣрѣ такъ, какъ Соболева за 4 мѣсяца; ограничили содержаніе мое въ половину, чего ни съ кѣмъ въ Россіи не случалось. Я получаю только 17 т. зл. выслуженной мною эмеритуры и 3 т. злот. въ годъ чистаго жалованія; но фельдмаршалъ ласкаетъ меня по прежнему, ибо я и служу по прежнему.

На мѣсто меня назначили Соболева.

Можно себѣ вообразить, или лучше сказать совсѣмъ невозможно, какъ поплелись дѣла въ полиціи подъ управленіемъ Писарева и Соболева. Стоитъ только взглянуть на того и другого, чтобы внезапность предметовъ поразила Васъ; а если прійдется говорить, то первый изъ нихъ, ворочая плохо языкомъ, что нибудь еще да скажетъ, хотя и не впопадъ; а второй—глухъ, и съ претензіею россійскаго витіи, не слыша, что Вы ему сказали, понесетъ такую ахинею, вовсе не относящуюся къ дѣлу Вашему, что Вы остановитесь на первомъ Вашемъ словѣ отъ удивленія, какъ могъ такой олухъ имѣть какія нибудь порученія, не относящіяся къ выстрѣламъ изъ орудій, оглушившихъ его вѣроятно отъ собственной же нерасторопности: ибо всякому артиллеристу извѣстно, что, ставши къ орудію лицемъ и растворивши нѣсколько ротъ, никогда не оглохнешь, хоть бы стрѣляли и изъ двупудоваго единорога.

Около двухъ лѣтъ однакоже Соболевъ сидѣлъ въ Ратушѣ и распоряжался по своему Варшавской полиціей [1]); но видно такъ уже наскучилъ Свѣтлѣйшему, что, наконецъ, былъ смѣненъ, вмѣстѣ съ двумя своими секретарями, и можетъ быть фельдмаршалъ въ первый разъ принужденъ былъ измѣнить своей настойчивости удерживать людей, назначаемыхъ имъ на мѣста не по способностямъ, а потому, что они у него давно служатъ, и что подъ нимъ всякій хорошъ: поелику онъ самъ, какъ говоритъ, дѣлаетъ все, всѣхъ учитъ и направляетъ, и его администраціи дивится Европа, какъ удивлялась военнымъ подвигамъ.

Дѣйствительно, войны: Персидская, Турецкая и Польская, вписали имя его въ исторію. Но объ этомъ я буду говорить въ свободнѣйшее время, зная многое отъ самого Свѣтлѣйшаго, что не всѣмъ извѣстно, и благоговѣя къ воинскимъ дѣламъ его.

22 февраля—6 марта 1845 года.

Читая Польскую исторію разныхъ авторовъ, я всегда думаю, что ничуть не мудрено описать причины паденія Польши: онѣ слишкомъ очевидны и разительны; но дѣло не въ этомъ; а мнѣ кажется, нужно бы для философіи исторіи представить то, какимъ образомъ Государство, не имѣвшее никакихъ твердыхъ основаній, волнуемое внутренними безпорядками и почти не имѣвшее постояннаго войска, могло стоять и бѣсноваться такъ долго, съ олигархическою своею шляхтою? Почти подобный этому вопросъ можно бы сдѣлать себѣ, думая: какъ могутъ идти дѣла здѣсь, управляемыя Писаревымъ?—хотя теперь нѣтъ, и не можетъ быть, ни прежней шляхты, ни прежнихъ безпорядковъ; а осталась только въ народѣ пословица, что „Polska nierządem stoi“.

Если бы я писалъ это не для себя, а для свѣта, то мнѣ могли бы замѣтить ни съ чѣмъ несообразное сравненіе бывшаго королевства съ настоящимъ Царствомъ. Я самъ вижу это; но вижу также или застой, или скакню въ теченіи дѣлъ такія, какихъ невидящіе и вообразить себѣ не могутъ.

---

[1]) Вотъ одинъ примѣръ его распоряженій: убѣдившись, что тайные агенты мнѣ не нужны, я откладывалъ выдававшіяся имъ прежде деньги для составленія хотя маленькаго капитала въ полиціи: на погребеніе умирающихъ бѣдныхъ чиновниковъ и дозорцевъ и на первоначальное вспоможеніе остающимся послѣ нихъ сиротамъ. Капиталъ этотъ, съ разрѣшенія князя намѣстника, положенъ былъ мною въ Банкъ, чтобы изъ процентовъ онаго удовлетворялись вышесказанныя нужды по возможности; но Соболевъ представилъ тотчасъ, дабы позволено было ему выдать изъ него награжденія своимъ секретарямъ. Писаревъ согласился на это; и еслибъ я не узналъ стороною о семъ и не припомнилъ, что деньги эти есть сиротскія, то въ теченіе года ихъ, конечно, не было бы ни гроша.

23 фвраля—7 марта 1845 года.

Проходя сегодня изъ спальни въ кабинетъ черезъ переднюю, я встрѣтилъ въ оной мальчика съ тетрадкою, обмундированнаго такъ, какъ ввоспитанники Пажескаго корпуса; разница только въ цвѣтѣ пуговицъ. Спрашиваю, что за мальчикъ? Мнѣ отвѣчаютъ, что это—Romcio, братъ моего слуги, называющаго себя камердинеромъ; что онъ учится въ гимназіи и уже достигъ какого-то класса.

Обстоятельство это нагнало на меня тучи думъ, помрачающихъ утреннее хорошее расположеніе. Учиться читать, писать и первыхъ правилъ ариѳметики — хорошо и для лакея, но проходить всѣ науки, преподаваемыя въ гимназіи, вреднѣе, мнѣ кажется, нежели даже пить водку до 20-ти лѣтъ; а мундиръ, смѣшивающій происхожденіе и состояніе учениковъ, не есть ли первый шагъ къ коммунизму, или теперешней, демократіи?

Пригодна ли для всѣхъ классовъ общенародная цивилизація? Полезны ли философскія мечтанія и теоріи естественнаго права для ремесленниковъ, лакеевъ и мѣщанъ? Нужно ли хлѣбопашцевъ вводить въ составъ толкующихъ о мѣрахъ правительственныхъ и выводить ихъ изъ положенія патріархальнаго, простого, счастливаго ограниченностію нуждъ и желаній?

Объ этихъ вопросахъ такъ много было писано и пишется, что дай Богъ терпѣніе прочитать хотя нѣкоторую часть такихъ умствованій pro et contra.

Французы отъ просвѣщенія и философіи 18-го столѣтія впали въ горячку. Нужнымъ оказалось пусканіе крови. Мараты, Робеспьеры и изступленные террористы сдѣлали имъ эту услугу; кровь лилась на эшафотахъ; а между тѣмъ слышны были неистовые крики: нѣтъ Бога! нѣтъ религіи! вольность и равенство!—и шипѣніе взаимной зависти народныхъ представителей. Слово „аристократія“ — было браннымъ; слово „законы“ — эфемернымъ; но когда, послѣ минованія гнилой горячки, наступила слабость, апатія, изыскиваніе средствъ къ укрѣпленію изнеможенныхъ силъ, — явился Наполеонъ, а съ нимъ возникла новая аристократія, новый порядокъ, почти подобный прежнему, только подъ иными формами; бушующія народныя волны влились въ натуральныя свои вмѣстилища; религія начала возвышать свѣтлое чело свое; и Франція сдѣлалась Имперіею.

Блистательное ея положеніе было не долго; Наполеона согнали со сцены; на ней представилась ярмарка, раздѣляющаяся на группы про-

дающихъ и покупающихъ, и пошла въ ходъ фальшивая монета новыхъ умствованій. Напрасно силиться разгадать, чѣмъ кончится эта ярмарочная толкотня спекулянтовъ и празднаго народа. Судьбы государствъ, какъ судьбы людей, написаны въ недоступной книгѣ для смертнаго.

Теперь Нѣмцы, а особенно Пруссаки, простираютъ желанія свои къ тому, что тщетно ловили и не перестали еще ловить Французы. По холодности нѣмецкаго темперамента, едва ли дойдетъ до кровопусканія; но рѣки чернилъ, но патетическое многоглаголаніе — неизсякаемы. Газеты наполнены народными требованіями отъ Правительствъ, начиная съ малаго нѣмецкаго удѣльнаго княжества до чудной географическимъ своимъ положеніемъ Пруссіи; послѣдняя имѣетъ уже и провинціальные штаты, и права, едва ли не лучшія представительныхъ; но вопіетъ о конституціи, о вольности книгопечатанія, объ уравнительнѣйшемъ состояніи всѣхъ классовъ народа; и все это происходитъ отъ того, что средній классъ увеличился, что мѣщане, ремесленники, слуги, и вообще не земледѣльцы, имѣютъ между собою много педагоговъ, и что не всѣмъ нужное высшее просвѣщеніе содѣлалось доступнымъ каждому.

Мы въ Царствѣ Польскомъ стоимъ à qui vive противу Пруссіи; Пруссаки насъ ненавидятъ; Поляки готовы при всякомъ случаѣ пристать къ тому, кто противу насъ; обмундированные школьники составляютъ между собою безпрестанно разные заговоры противу Правительства; обучавшіяся въ гимназіяхъ дѣти разныхъ мастеровыхъ, слугъ, и вообще мѣщанъ, только и думаютъ о политическомъ переворотѣ, питая себя надеждами выскочить изъ ничтожества. Политическая пропаганда дѣйствуетъ, средства же остановить ее не придумываются.

Для прочности правленія, а особенно монархическаго, необходима классификація въ народѣ; и въ Англіи есть Тори, привязанные къ трону по собственнымъ выгодамъ. Наше дворянство, поддерживаемое правами и волею Монарховъ, служитъ имъ и блюдетъ коренное чиноположеніе; изъ іерархіи въ службахъ военной и гражданской проистекаетъ та субординація, на которую съ удивленіемъ и страхомъ смотрятъ европейскія государства. Ежели такая система служитъ ручательствомъ за прочность и цѣлость Россіи, то не слѣдуетъ ли держаться твердо той же самой системы и въ частяхъ ея?

Въ Царствѣ Польскомъ дѣйствительно учредилась также классификація въ гражданскомъ правленіи; но правила для оной доселѣ еще не опредѣлены съ точностію. Важное это дѣло идетъ при равнодушіи къ нему мѣстнаго Правительства; полумѣры ничего не приводятъ къ положительнымъ результатамъ, и смѣшавшіяся здѣсь состоянія не раз-

лагаются нашимъ порядкомъ. Аристократія давняя, по большей части нынѣ голая, не поддерживается; аристократія денежная, возникшая изъ жидовъ и перекрестовъ, видитъ въ Правительствѣ одни средства къ увеличенію своихъ капиталовъ, и вовсе не думаетъ быть когда-либо его подпорою; спекуляція и космополитизмъ идутъ рука объ руку; и для первой то государство хорошо, гдѣ есть нужда въ деньгахъ.

Смѣшеніе состояній въ школьникахъ, облеченныхъ въ одномундирную форму, усваивается въ духѣ народномъ. Мнѣ кажется гораздо полезнѣе было бы, если бы ученики ходили въ школы такъ, какъ они ходятъ дома: тогда дѣти высшихъ чиновниковъ, состоятельныхъ помѣщиковъ и богатыхъ купцовъ, отличались бы и въ малолѣтствѣ отъ дѣтей мѣщанскихъ; и это, кажущееся не важнымъ обстоятельствомъ, было бы уже началомъ классификаціи.

При томъ же, надобно, чтобы учащіеся въ общественныхъ заведеніяхъ полюбили науки; чтобъ имъ растолкована и внушена была польза свѣдѣній и чтобы вкоренилась между ними эмуляція (соревнованіе, желаніе отличія). Это зависитъ отъ наставниковъ; а сіи послѣдніе тогда только будутъ научать въ духѣ Правительства, когда оно обезпечитъ ихъ состояніе; когда кураторъ будетъ видѣть въ нихъ людей почтенныхъ въ глазахъ его, по ихъ призванію, и когда ученики станутъ смотрѣть на нихъ, какъ на начальниковъ своихъ, облеченныхъ довѣріемъ и властію отъ Правительства, по достоинствамъ нравственнымъ, ученымъ и по преданности къ нему.

Важное дѣло—выборъ куратора. Онъ даетъ направленіе учащейся подъ надзоромъ его генераціи. Мѣры къ тому должны быть обдуманы и тверды въ исполненіи своемъ. Напримѣръ, правительство положило для распространенія языка русскаго въ Царствѣ Польскомъ отправлять изъ здѣшнихъ гимназій отличныхъ, небогатыхъ учениковъ въ русскіе университеты, для того, чтобы въ послѣдствіи они были учителями здѣсь русской словесности, исторіи, географіи и прочимъ наукамъ, преподаваемымъ по русски. Польза такого постановленія очевидна; ожидать ее надобно съ терпѣніемъ; но я слыхалъ отъ куратора учебнаго округа въ Царствѣ Польскомъ, генерала Окунева, что онъ видитъ великое зло отъ тѣхъ, кои воспитывались въ университетахъ Петербургскомъ и Московскомъ, и подалъ мнѣніе, чтобы ограничить посылку туда кандидатовъ на учительскія мѣста. Спрашивается, можно ли сказать положительно о подобномъ учрежденіи, что оно безполезно и даже вредно, видѣвши только нѣсколькихъ возвратившихся изъ Россіи учителей, изъ коихъ одинъ, или два, приличились въ политическихъ связяхъ съ учениками, и достаточно ли 8-ми лѣтъ для того, чтобы увидѣть результатъ обдуманнаго предположенія въ отношеніи къ наукамъ, и пользѣ

вводимаго правительствомъ знанія языка, на которомъ всѣ дѣла въ Имперіи производятся?

26 февраля—10 марта 1845 г.

Окуневъ назначенъ кураторомъ въ Варшаву почти по тѣмъ же самымъ причинамъ, какъ нѣкогда Писаревъ назначенъ былъ кураторомъ въ Москву и потомъ здѣшнимъ военнымъ губернаторомъ; т. е. онъ нѣкогда служилъ въ корпусѣ Свѣтлѣйшаго, написалъ какія-то военныя книжки по французски, и числится между русскими военными писателями, если они въ самомъ дѣлѣ есть у насъ. Признаюсь, я всѣхъ книжекъ его не читалъ, да и отъ другихъ не слыхалъ объ нихъ ничего опредѣлительнаго. Мнѣ помнится одна журнальная статья, прочитанная мною лѣтъ 20 тому назадъ, подъ которою подписана была фамилія Окунева, и въ которой говорено было много о входящихъ и исходящихъ углахъ границы между двумя сосѣдними землями; помнится, что эта топографическая линія, или грань, разсматривалась въ военномъ отношеніи одного государства къ другому, но поелику исходящіе и входящіе углы какъ то не ладились съ математическими углами, и при томъ въ то-же самое время я разграничивалъ земли въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ, терпѣлъ много досадъ отъ топографическихъ съемокъ посредствомъ треугольниковъ, производимыхъ офицерами квартирмейстерской части, и принужденъ былъ передѣлывать все бывшими у меня землемѣрами, дѣлавшими свое дѣло вѣрно, безъ всякихъ астрономическихъ наблюденій, то мудреная статья Окунева показалась мнѣ натянутою изъ модныхъ стратегиковъ. Другое твореніе Окунева на французскомъ же языкѣ подъ заглавіемъ: „Описаніе второй половины Польской компаніи 1831 г.“, я прочиталъ въ 1836 году отъ начала до конца; прочиталъ его послѣ и въ русскомъ переводѣ; оригиналъ пояснялся копіею; послѣдняя была и полнѣе, и отчетливѣе перваго, что мнѣ казалось опять, какъ любителю уже картинъ, весьма странно: ибо въ живописи, да я думаю и въ другихъ предметахъ, оригиналъ всегда остается оригиналомъ, а копія всегда бываетъ копіею.

Фельдмаршалъ мнѣ говорилъ, что по прибытіи его въ армію, дѣйствующую противу Поляковъ, онъ употреблялъ Окунева по секретной перепискѣ, которой я не читалъ, равномѣрно какъ не читалъ никогда кураторскихъ наставленій учебныхъ по округу, представленій, записокъ, и т. д.; не слыхалъ даже, чтобы подобное сему изливалось съ пера кураторскаго; думаю только, что для управленія общественнымъ образованіемъ юношества нуженъ такой сановникъ, который самъ про-

шелъ бы всѣ университетскіе курсы, который любилъ бы науки изящныя и который внушалъ бы къ себѣ почтеніе блестящими свѣдѣніями въ исторіи, философіи и юриспруденціи, ибо послѣднія двѣ науки даютъ ученую степень, достояніе профессорское.

Ежели кураторъ на публичныхъ экзаменахъ не покажетъ знаній положительныхъ, то полюбятъ ли ученики преподаваемыя имъ науки, коими не обратятъ на себя вниманія протектора ихъ?

Да, процвѣтаніе наукъ въ университетахъ насаждается учеными, обыкновенно людьми терпѣливыми, ласковыми и внимательными къ дарованіямъ. Окуневъ этихъ свойствъ не имѣетъ. Ученики и родители сихъ послѣднихъ боятся его холодности, напыщенности и образа обхожденія съ людьми.

Онъ любопытенъ, ибо охотно читаетъ всѣ газеты политическія; но объ ученыхъ предметахъ, исключая военныхъ, мнѣ не случалось слышать отъ него ни одного слова, хотя было къ этому много случаевъ.

Отдаленіе его отъ подчиненныхъ своихъ мнѣ кажется отчасти есть также причиною возникающихъ въ гимназіяхъ разныхъ заговоровъ. Гдѣ нѣтъ взаимной откровенности между старшими и младшими, гдѣ юноши не видятъ отеческаго попеченія надъ собою высшей власти, тамъ и самыя наказанія скользятъ по нравственности воспитанниковъ.

Нужно бы, весьма нужно учредить въ Царствѣ хотя одно учебное заведеніе для высшаго класса, въ которомъ бы ученики жили, какъ въ кадетскихъ корпусахъ нашихъ. Это отдѣлило бы рожденныхъ для высшаго назначенія отъ толпы и уничтожило бы, хотя для нѣкоторой части изъ огромной массы гимназистовъ, невозможность надзора, какой теперь требуется при разбродѣ по домамъ и квартирамъ посѣщающихъ школы.

Кадетскіе корпуса наши благодѣтельны для небогатаго дворянства. (Другихъ сословій дѣти туда не принимаются). Изъ нихъ выпускаются офицеры по разнымъ частямъ войскъ; образованіе и приготовленіе ихъ съ малолѣтства къ военному званію соотвѣтственно положенію монархіи воинственной; въ корпусахъ они познаютъ обязанности простаго солдата и получаютъ свѣдѣнія, необходимыя для начальниковъ; воспитываясь же въ дворянскомъ сословіи, всегда будутъ чувствовать свое происхожденіе, и всегда будутъ чуждыми наклонностей, привычекъ простонародныхъ.

Можно полагать навѣрное, что Брестскій кадетскій корпусъ также дастъ хорошихъ русскихъ офицеровъ, хотя принимаются туда пре-

имущественнно уроженцы Польскіе. Этому былъ примѣромъ Шкловскій, что былъ потомъ Гродненскимъ, корпусъ кадетовъ. Подобное заведеніе, повторяю, небезполезнымъ было бы, кажется, и въ Царствѣ Польскомъ.

Мнѣ скажутъ, что бывшій Калишскій кадетскій корпусъ причинился къ бунту; но тамъ юношество приготовлялось для войска Польскаго, оказавшагося вреднымъ для Россіи; а я говорю о приготовленіи къ русской военной службѣ.

27 февраля—11 марта 1845 года.

Теперь судятся въ сенатѣ удаленные отъ должностей презусъ Польскаго банка Любовидзкій, и вице-презусъ графъ Лубинскій, за своевольныя распоряженія суммами онаго.

Въ какой мѣрѣ они окажутся виновными, покажетъ дѣло; но, писавши о многомъ, я не могу умолчать о производимыхъ на меня впечатлѣніяхъ—банковыми дѣйствіями и разговорами по этому предмету въ теченіе 9-ти лѣтъ.

Банкъ Польскій учрежденъ для вспомоществованія классу торгующему. Обороты капиталовъ, дѣланіе и курсъ монеты и облиговъ, до возмущенія 1830 года, имѣли такіе удовлетворительные результаты, что основная сумма банка съ приращеніемъ состояла въ билетахъ и въ наличности (быть можетъ тутъ было и намѣреніе), безъ чего едва ли можно бы было и бунтоваться, т. е. формировать войско, платить жалованье ему и проч.

По усмиреніи мятежа, хотя подсудимый нынѣ графъ Лубинскій и сберегъ, какъ онъ показалъ, нѣсколько милліоновъ банковыхъ денегъ, вывезши ихъ съ корпусомъ Рыбинскаго въ Пруссію, и охраненныхъ тамъ отъ грабежа начальникомъ штаба онаго; но всѣ думали вообще, что банкъ, воспособившій мятежникамъ, будетъ совершенно уничтоженъ.

Въ отвращеніе сего Лубинскій началъ дѣйствовать разными образами. Угожденіями вкрался онъ въ совершенную довѣренность къ главному директору коммиссіи финансовъ Фурману; предпріимчивостію расположилъ въ пользу свою Свѣтлѣйшаго. Его дѣятельность, его готовность выполнять всѣ желанія начальства содѣлывали его какъ бы необходимымъ; а онъ между тѣмъ, выигрывая такимъ образомъ выгодное о себѣ мнѣніе правительственныхъ лицъ, хлопоталъ и о мнѣніи общемъ (объ опиніи) своихъ соотечественниковъ. Двуличіе бываетъ

всегда весьма затруднительно, и едвали когда удачно. Угожденія правительству — были явны; о тайныхъ же—знали только тѣ, коимъ онѣ дѣлались. Вскорѣ купечество и большинство голосовъ другихъ классовъ, заговорили о неправильныхъ дѣйствіяхъ банка, видя въ Лубинскомъ спекулятора, мѣшающаго ихъ спекуляціямъ; а сей послѣдній, лелѣя одну и туже мысль упрочить существованіе банка и выказать проистекающую изъ него пользу для правительства, входилъ съ представленіемъ сдѣлать шоссе до Бѣлостока позаимствованными для того изъ банка деньгами; купить лагерное мѣсто, называемое *Повонзки*, которое сторговано уже было за 800 т. злот. предъ возмущеніемъ и т. п.; а чтобы Намѣстникъ убѣдился въ пользѣ его проектовъ, выторговалъ Повонзки за 500 т., чрезъ жида Кона, который пожертвовалъ въ казну и эту сумму, съ тѣмъ однако же, чтобы предоставлена была ему за то питейная монополія на Повонзкахъ.

Безъ видовъ за лычко взять рѣшетокъ, жидъ не пожертвуетъ и грошемъ, хотя каждый изъ нихъ на всякихъ публичныхъ торгахъ увѣряетъ и на письмѣ и на словахъ, что онъ дѣлаетъ уступку въ пользу казны съ собственною потерею, единственно только изъ усердія къ правительству.

Кто этого не знаетъ и не подтверждается ли, безчисленными опытами, что когда правительство отступитъ отъ порядка и формъ, въ какомъ бы то ни было денежномъ предпріятіи, то всегда проиграетъ въ послѣдствіи?

Выдача наличныхъ денегъ на шоссе и употребленіе жида въ покупкѣ Повонзокъ, который уступилъ ихъ казнѣ, какъ выше сказано, даромъ, усугубили крикъ противъ Лубинскаго, ибо означенная выдача показалась препятствіемъ въ ожидаемой помощи отъ банка торгующимъ на кредитъ.

Лубинскій между тѣмъ, летѣвши отъ одного предпріятія къ другому, не внималъ и самому гласу разума. Понадобилась правительству покупка воловъ — онъ берется за нее отъ имени банка; нуженъ провіантъ для войскъ — онъ поставляетъ его изъ Галиціи; не двигается Августовскій каналъ—онъ предлагаетъ совершить его; худо идетъ горнозаводство — онъ принимаетъ на себя распоряженіе этою столь важною отраслью. Словомъ сказать, не было никакого финансоваго дѣла со стороны правительства, въ которомъ бы не былъ дѣйствующимъ лицомъ Лубинскій.

Въ вихрѣ столь разнообразныхъ предметовъ онъ думалъ составить и для себя состояніе. Обширная фамилія Лубинскихъ, банки ея въ Вар-

шавѣ, въ Данцигѣ и въ Одессѣ,—требовали содѣйствія его; онъ не могъ отказать въ томъ, какъ между тѣмъ покупалъ на свое имя значительныя имѣнія и совершенно отдалялся отъ правилъ, заключающихся въ уставѣ банковомъ. Коллегіальное совѣщаніе при денежныхъ ссудахъ и тому подобныхъ обстоятельствахъ имѣло мѣсто въ банкѣ только тогда, когда было угодно это, или нужно презусу и вице-презусу онаго; списки лицамъ, коимъ открывался кредитъ по мѣрѣ состояній, долженствовавшіе быть представляемыми главному директору финансовъ Фурману, не представлялись и вовсе не требовались симъ послѣднимъ; контроль хотя и видѣлъ неправильныя дѣйствія банка, но писалъ объ этомъ вскользь, подъ вліяніемъ ближайшаго начальства, которое, удостовѣряясь бюджетомъ, что банкъ даетъ гораздо высшіе проценты изъ основнаго капитала, нежели предположено, не входя уже въ глубшее разсмотрѣніе хода дѣла, хвалило, награждало Лубинскаго, и слѣпо, можно сказать, вѣрило въ его оборотливость, изъ каковой проистекала польза и для Фурмана.

Явная произвольность и почти безотчетность въ движеніи банковыхъ капиталовъ производили въ банкирахъ зависть, въ купечествѣ нареканіе, а въ людяхъ мыслящихъ опасенія и толки. Членъ контроля ординатъ графъ Замойскій вышелъ изъ онаго, а за нимъ и генералъ Курнатовскій. Одинъ изъ директоровъ банка Непокойчицкій, боясь отвѣтственности за несоблюденіе въ банкѣ установленнаго порядка, послѣ тщетныхъ представленій по сему предмету со стороны своей, перемѣщенъ къ Свѣтлѣйшему по особымъ порученіямъ. Все это, казалось бы, достаточно обнаруживало истинное существо дѣла; но оно шло своимъ сбивчивымъ и темнымъ путемъ, безъ направленія и надзора свыше.

Свѣтлѣйшему говорили объ этомъ со всѣхъ сторонъ; удалившійся изъ банка, Непокойчицкій, былъ передъ его глазами. Къ этому и я представилъ записку объ утратѣ банкомъ до полу-милліона злотыхъ, пропавшихъ при пересылкѣ ихъ изъ Пруссіи, въ слиткахъ и звонкой монетѣ, чрезъ Слупцы.

Дѣло это было такъ. Однажды, презусъ банка Любовидзкій, пришедши ко мнѣ по утру, объявилъ, что на послѣдней станціи изъ герцогства Познанскаго къ границѣ нашей не оказалось въ ящикѣ, пересылавшемся съ слитками и монетою, 400 т. злот.; что они посылали своего чиновника сдѣлать разысканіе объ этомъ на мѣстѣ; что всѣ поиски оказались тщетными и что по сему онъ проситъ меня объ изслѣдованіи пропажи чрезъ полицейскихъ агентовъ. Я просилъ его прислать мнѣ все дѣло по этому предмету не для того, чтобы произвести слѣдствіе, но чтобы представить о семъ съ подробностію Свѣтлѣйшему, по возвращеніи его

изъ Петербурга. Составленная мною записка была представлена; Свѣтлѣйшій сердился на Любовидзкаго и Лубинскаго; написалъ на запискѣ „поговорить съ Фурманомъ“; о послѣдствіяхъ разговора я не знаю; но въ публичномъ ежегодномъ отчетѣ банка означенная сумма въ инвентарѣ, или имуществѣ его, уже не фигурировала, т. е. она была вычеркнута изъ онаго.

По этому можно было вычеркивать и другія суммы, ибо покрыть взятое или утраченное ничѣмъ нельзя иначе, какъ только деньгами же.

Тутъ я долженъ еще сказать, что Свѣтлѣйшій, прочитавъ помянутую мою записку, въ досадѣ сказалъ мнѣ, какъ я смѣлъ принимать на себя власть слѣдователя въ такомъ важномъ дѣлѣ. Я отвѣчалъ, что этого то я и не дѣлалъ, а собралъ только свѣдѣнія о семъ невѣроятномъ случаѣ, чтобы представить ихъ на благоразсмотрѣніе его Свѣтлости. По моему же, полагалъ и полагаю, основываясь на полуобъясненіи мнѣ самого Любовидзкаго, что на дѣлѣ пропажи никакой не было, и как мнимо исчезнувшія деньги были пересылаемы въ уплату займа, сдѣланнаго Любовидзкимъ и Лубинскимъ изъ банка во время возмущенія пріятелямъ своимъ въ герцогствѣ Познанскомъ, то вмѣсто вымышленныхъ слитковъ и монеты пересылалось послѣдними, и было получено первыми, увѣдомленіе, дабы такой долгъ былъ уничтоженъ. При этомъ я замѣтилъ, что Свѣтлѣйшему крайне тяжелыми становились и Фурманъ, и банкъ; но что онъ, невѣдомо изъ чего, поддерживаетъ, и будетъ поддерживать перваго, какъ человѣка, по мнѣнію его, ему истинно преданнаго и находимаго имъ самымъ способнѣйшимъ.

Выше сказано, что банкъ, т. е. Лубинскій, принялъ на себя распоряжаться горнозаводствомъ, не имѣя ни свѣдѣній къ тому, ни необходимой аккуратности въ надзорѣ за производящими работы и за теченіемъ дѣла. Тутъ у него пошли новые проекты: объ улучшеніи разныхъ техническихъ предметовъ, о сбытѣ металловъ, о построеніи зданій, о покупкѣ имѣній и т. д. Милліоны всякали въ горнозаводство; но оно шло плохо, какъ и ожидать было можно; и всѣ улучшенія оставались только на бумагѣ, въ землѣ и въ дорогихъ машинахъ, выписываемыхъ изъ Англіи, изъ коихъ нѣкоторыя только были въ дѣйствіи; а другія напрасно ожидали умѣющаго двигателя и необходимаго къ тому приспособленія.

Россія имѣетъ Плутоново царство въ хребтѣ Уральскихъ горъ; имѣетъ поэтому и опытныхъ горныхъ инженеровъ. Почему бы, кажется, не поручить горнозаводство Царства Польскаго приготовленному службою Русскому горному чиновнику? Но мало ли что можно бъ сдѣлать лучше, нежели дѣлается.

Всѣ, слѣдовательно и начальники, видѣли, что горные проекты Лубинскаго были невозвратно теряющимся иждивеніемъ для казны; но никто не думалъ пресѣчь это, пока самъ Лубинскій, испугавшись милліонныхъ потерь, основываясь на представленіи банку при отдачѣ ему заводовъ, что ежели онъ усмотритъ въ послѣдствіи, что выгоднѣе обезпечить доходы поручительствомъ частной администраціи, не представилъ, чтобы горнозаводство отдано было въ таковую. Проектъ былъ принятъ, заключенъ контрактъ между банкомъ и администраторомъ; первый обязался привести заводы въ такое состояніе, чтобы они на всѣхъ учрежденныхъ пунктахъ были въ дѣйствіи; а послѣдній обязался платить условную сумму по принятіи имъ всего по точной силѣ контракта.

Шесть лѣтъ администраторъ управлялъ горнозаводствомъ, не принимая его формальнымъ образомъ, ибо выговоренное въ контрактѣ не было банкомъ сдѣлано, или выполнено. Поэтому администрація, вмѣсто того, чтобы вносить положенную доходную сумму въ казну, принуждена была, съ вѣдѣнія банка, обращать ее на тѣ предметы, какіе сей послѣдній обязался устроить по контракту. И такъ казна не только не получала ничего, но и долговая сумма на горнозаводство ежегодно увеличивалась. Лубинскій же, оставаясь блюстителемъ горнаго дѣла, продолжалъ представлять проекты свои о пріобрѣтеніи имѣній для улучшенія заводовъ, покупая при этомъ таковыя и для себя, на заимствованныя имъ изъ банка деньги, кои онъ полагалъ возвратить выгодами въ самой покупкѣ и разными оборотами.

Послѣдствія не оправдывали такихъ предположеній; долги его—росли; подставныя лица въ займахъ и покупкахъ имѣній и тому подобные извороты—не помагали; наконецъ стеченіе разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ, какъ-то: пожары, разлитіе водъ, и худая при томъ вообще администрація,—разоряли его совершенно такъ, что онъ рѣшился на крайнее средство поправить дѣла свои, кои были слишкомъ извѣстны и Любовидзкому, и Фурману, испросивъ чрезъ нихъ самихъ разрѣшеніе администраціоннаго совѣта открыть ему въ банкѣ кредитъ на покупки имѣній. Это разрѣшеніе совершенно уже его, какъ говорится, добило, хотя ближайшее начальство все еще смотрѣло на продѣлки его сквозь пальцы.

Между тѣмъ одно весьма важное происшествіе въ банкѣ, котораго я былъ слѣдователемъ (объ этомъ есть у меня особая записка и копіи съ нужнѣйшихъ для объясненія дѣла бумагъ), обнаружило непростительно уже слабый надзоръ банковыхъ начальниковъ за подчиненными

ихъ; и Свѣтлѣйшій по этому ли, или по какимъ своимъ причинамъ представилъ объ удаленіи отъ службы презуса Любовидзкаго, и вице-презуса графа Лубинскаго.

По удаленіи ихъ открылось, что Лубинскій долженъ въ банкъ по разнымъ случаямъ до 14-ти милліоновъ злотыхъ. Для разсмотрѣнія сего назначалась особая коммиссія, которой я также былъ членомъ. По моему мнѣнію, коммиссіи этой вовсе не было нужно; а гораздо лучшимъ казалось поручить самому банку, придавъ туда два довѣренныхъ лица, привести въ ясность долги Лубинскаго, его состояніе, и сдѣлать по этимъ соображеніямъ заключеніе, какимъ образомъ можно бы покрыть долги, безъ значительнаго для банка ущерба.

Коммиссія приступила къ дѣлу; потребовала чрезъ банкъ объясненій отъ Лубинскаго, который выказалъ недвижимыя имѣнія свои въ такой цѣнности, какая почти выравнивалась съ долгами, имъ признанными банку. Послѣдній полагалъ выгоднымъ принять имѣнія Лубинскаго въ суммѣ, простирающейся выше 11-ти милліоновъ, но коммиссія (исключая меня и другого члена, вполнѣ соглашавшихся съ банкомъ)— представляла подвергнуть имѣніе Лубинскаго секвестру, который, по самымъ уже формамъ, продлилъ бы дѣло безвременно, и банкъ едва ли бы получилъ въ возвратъ и двѣ трети своего долга.

Мнѣнія эти разсматривались въ администраціонномъ совѣтѣ; наше признано было болѣе близкимъ къ дѣлу; и банку предписано было обратить имѣнія Лубинскаго въ пополненіе долговъ его; что и исполнено. По истеченіи почти двухъ лѣтъ съ удаленія отъ должностей, Любовидзкаго и Лубинскаго они преданы, наконецъ, какъ выше сказано, суду. Это также несогласно съ моимъ мнѣніемъ; но я — членъ суда, и потому говорить теперь о многомъ не довлѣетъ. Можетъ быть послѣ набросаю мои замѣчанія, продолжая впечатлѣнія.

Любовидзкій и Лубинскій дѣйствительно виновны, но, принявъ въ соображеніе разнообразныя порученія, дѣлаемыя послѣднему, готовность его отдать все свое состояніе на покрытіе промаховъ, и допущенныхъ ему оборотовъ, между коими вкрадывались и злоупотребленія,— онъ заслуживаетъ снисхожденія, не только въ глазахъ правительства, но и въ частномъ судѣ о немъ.

Начальство видѣло его неосновательность въ веденіи поручаемыхъ ему дѣлъ, легкомысленность во многихъ проектахъ, излишнюю смѣлость въ предпріятіяхъ; но видѣло также и истинное усердіе, дѣятельность и небреженіе о собственныхъ интересахъ, гдѣ надобно было дѣйствовать въ пользу казны. Онъ дѣлалъ что только могъ каждому и изъ

частныхъ лицъ; вѣрилъ людямъ, какъ ему вѣрило правительство; его обманывали, какъ онъ обманывалъ, или обманывался, не имѣя достаточнаго характера быть твердымъ въ исполненіяхъ, и строгимъ въ надзорѣ за исполненіемъ поручаемаго имъ другимъ. Но онъ, какъ выше сказано, отдалъ все, что только имѣлъ, заслоняетъ при всякомъ случаѣ даже наживавшихся при немъ большею частію изъ его кармана, и большинство голосовъ говоритъ объ немъ, какъ о человѣкѣ, воспособлявшемъ каждому, имѣвшему въ немъ нужду, часто безъ всякихъ видовъ, чего не говорятъ о Любовидзкомъ.

1/13 марта 1845 года.

При теперешнемъ отъѣздѣ фельдмаршала въ Петербургъ, онъ, прощаясь со мною и повторяя, что сдѣлаетъ для меня многое, дастъ Государю Императору человѣка, замѣтилъ при томъ, что напрасно я обстаивалъ за пріятелемъ — Лубинскимъ. На это я отвѣчалъ Свѣтлѣйшему, что, если мнѣніемъ моимъ и было взять сперва отъ Лубинскаго всѣ имѣнія его въ казну и потомъ поступить съ нимъ по усмотрѣнію высшей власти, не предавая его суду, то дѣло тутъ шло не объ немъ, а о томъ, кого я не смѣю назвать пріятелемъ, хотя всегда питалъ къ нему это чувство. Свѣтлѣйшій замолчалъ, я откланялся ему, будучи доволенъ самъ собою, что не сказалъ ничего болѣе по врожденной мнѣ откровенности и чистой преданности земляку моему фельдмаршалу.

2/14 марта 1845 года.

Сперва я говорилъ Намѣстнику Царства, по моей обязанности, и о дѣлахъ и о лицахъ его управленій; но убѣдившись, наконецъ, что все это напрасно; что онъ имѣетъ особенный свой взглядъ на дѣла и людей; что одна привычка къ нѣкоторымъ, и грубая лесть ихъ всегда находятъ въ немъ защиту; и что упорство и непонятное равнодушіе къ общему ходу дѣлъ, до самыхъ крайнихъ случаевъ, счастіе усвоило въ его характерѣ,—пересталъ говорить; а слушалъ только, часто съ прискорбіемъ души, что нигдѣ такъ хорошо не идетъ, какъ у насъ.

Это самодовольствіе располагаетъ и усердныхъ къ недѣятельности и лѣни; рѣдкіе не откладываютъ, если можно, того на завтра, что должны бы сдѣлать сегодня; а большей части нужны даже понужденія. Для обширныхъ и разнообразныхъ управленій необходимы точность, порядокъ и собственная дѣятельность правящаго; но если однѣ только крайности, или случаи, часто ничтожные, возбуждаютъ его гнѣвъ, то

страхъ къ нему будетъ только весьма кратковременнымъ. Пройдетъ буря, и наступятъ по прежнему лѣнь и произвольное употребленіе времени для однихъ, а поле къ злоупотребленіямъ для другихъ.

Финансы Царства, банкъ, горнозаводство и духъ оппозиціи въ краѣ, истинно встревожили Свѣтлѣйшаго. Дай Богъ, чтобы все это послужило наукою впередъ. Учиться никогда не поздно, ни въ какомъ званіи не стыдно; а тѣмъ болѣе учиться изъ собственныхъ опытовъ. Но безъ людей невозможно управлять; равно какъ неможно обратить къ полезной дѣятельности разлѣнившихся и пріобрѣвшихъ между тѣмъ такіе способы къ жизни, какіе многимъ и не снились.

Самъ Наполеонъ, видя маршаловъ своихъ обогатившимися, сказалъ однажды въ досадѣ, что они тогда были храбры, когда терять имъ было нечего.

Причинившій много непріятностей фельдмаршалу, покровительствуемый имъ, директоръ финансовъ Фурманъ, наконецъ, уѣхалъ въ отпускъ за границу. Занявшій временно его мѣсто, Моравскій, человѣкъ весьма дѣятельный и бумажный, хлопочетъ день и ночь о приведеніи къ одному знаменателю и дѣлъ, и власти директора. Горнозаводство принято обратно въ казенное управленіе; банкъ безъ воли его ничего не дѣлаетъ; но мнѣ кажется, тутъ нужна не одна бюрократія, а высшій взглядъ человѣка геніально-финансоваго: ибо послѣ займа 150-ти милліоновъ въ 1835 году и конверсіи, или продолженія термина въ уплатѣ долговъ въ прошломъ 1844 году, финансовые обороты Царства содѣлались тѣснѣе чрезъ самую уплату процентовъ на долговыя суммы.

Конечно, вѣкъ нашъ, — вѣкъ кредитныхъ бумагъ и займовъ, не думаетъ, какъ и когда расплатится потомство за него; но исторія представляетъ намъ примѣры послѣдствій, происшедшихъ отъ неоплатныхъ долговъ государственныхъ.

Эгоизмъ и въ частномъ человѣкѣ—есть свойство, вредящее многимъ; въ государственныхъ же людяхъ онъ есть зло не только для настоящаго, но и для грядущаго.

3/15 марта 1845 года.

До насъ дошли слухи, что въ Познани открытъ заговоръ о взятіи тамошней цитадели, и что многіе по дѣлу этому арестованы. О происшествіи семъ пишетъ нѣчто одна изъ газетъ нѣмецкихъ; но положительныхъ свѣдѣній мы никакихъ не имѣемъ. Прежде, бывши полицей-

скимъ, я узнавалъ тотчасъ о подобныхъ случаяхъ и въ герцогствѣ Познанскомъ и въ Галиціи; военные губернаторы узнавали также; но Писаревъ едва ли знаетъ теперь, что и вокругъ него происходитъ; а кто нынѣ генералъ-полиціймейстеромъ? — меня недавно спрашивали весьма серіозно.

Такъ пошли дѣла у насъ внѣшней полиціи, тогда какъ надменная сосѣдка наша, Пруссія, волнуется; тогда какъ правительство ея не возбраняетъ печатать въ публичныхъ вѣдомостяхъ Познанскихъ самыя оскорбительныя замѣчанія и выходки противъ Россіи и русскихъ; и когда политическая пропаганда двигаетъ противу насъ и коммунизмъ, и католицизмъ, и женщинъ, и отчаяніе молодежи.

Правда, что въ настоящее время на политической сценѣ гораздо болѣе словъ и преній, нежели дѣла. Но жить въ вѣчной тревогѣ и не быть увѣреннымъ, что есть очи, зорко всматривающіяся въ самомалѣйшее движеніе противу спокойствія общественнаго, непріятно.

Наполеонъ подѣломъ не любилъ вообще адвокатовъ. Эта каста, безпрестанно говорящая, по самой уже обязанности, pro et contra, нализавшись науки правъ, порождаетъ мнимыхъ защитниковъ человѣчества.

Въ Варшавѣ сколько ни открывалось разныхъ тайныхъ обществъ, всегда большая часть преступниковъ была изъ служащихъ по юстиціи. Послѣдняя управлялась въ Царствѣ лѣтъ 12 человѣкомъ равнодушнымъ ко всему, исключая своихъ интересовъ, мыслящимъ однакоже по польски и нисколько не наблюдавшимъ за духомъ своихъ подчиненныхъ. На его мѣсто назначенъ былъ старикъ, учившійся нѣкогда юриспруденціи въ нѣмецкихъ университетахъ, помнившій еще нѣсколько римское право, формы нѣмецкаго судопроизводства, и не вмѣщавшій въ головѣ своей здѣшняго смѣшенія законовъ такъ, чтобы вывести изъ него хотя что нибудь положительное. По немъ управляетъ нынѣ старшій братъ его, совершенно уже здѣшній правникъ, — что значитъ все то же, что талмудистъ, или еврейскій раввинъ.

Ученые жиды, называемые у нихъ школьниками, и самые раввины считаются между проворнымъ и оборотливымъ еврейскимъ народомъ только законниками, богомольцами, а впрочемъ людьми ни къ чему неспособными, ничего незнающими. Ихъ наука состоитъ въ буквальномъ слѣдованіи во всемъ по выученнымъ на память правиламъ талмуда и разныхъ постановленій отъ второзаконій Моисеевыхъ. Они твердо знаютъ, какъ рѣзать должно курицу, взявши ли за голову, или за ноги, какимъ ножемъ, что трефное, а что коширное, и тому подоб-

ныя полезныя закоиоположенія. Но внѣ этихъ свѣдѣній для нихъ все темно.

Почти то же самое можно сказать и о здѣшнихъ юристахъ, кои помнятъ твердо сеймовыя конституціи, сводъ законовъ австрійскихъ Іосифа II-го, Прусскую ординацію, кодексъ Наполеона и постановленія, вошедшія въ дневникъ правъ, знаютъ всѣ формы судопроизводства; но внѣ судовъ, въ жизни практической, въ администраціи тѣ же раввины.

Поэтому молодежь, служащая по юстиціи, мечтая о своихъ впрочемъ спеціальныхъ свѣдѣніяхъ весьма высоко и абстрактно, впадаетъ въ заблужденія соціализма и пристаетъ къ заговорамъ, чтобы быть дѣйствователями въ оныхъ; а главные начальники ихъ, по крайней мѣрѣ, бывшіе доселѣ, не имѣютъ ни энергіи, ни ума, чтобы внушить къ себѣ страхъ и почтеніе.

Свѣтлѣйшій доволенъ послѣдними двумя директорами юстиціи; а мнѣ кажется, что пока не будетъ она въ рукахъ человѣка строгаго, до тѣхъ поръ Цитадель не очистится отъ судовыхъ апликантовъ, патроновъ, коморниковъ и прочей дряни.

Коммунизмъ, къ которому охотно пристаютъ будущіе адвокаты, пугаетъ здѣсь многихъ.

Недавно, живущій въ деревнѣ, извѣстный генералъ Круковѣцкій, обвиняемый Поляками въ контръ-революціи ихъ, или рѣзнѣ 15 августа 1831 года, и въ измѣннической сдачѣ Варшавы, пріѣхавши сюда по дѣламъ, купилъ себѣ ружье; а какъ ему нужно было видѣться съ членомъ администраціоннаго совѣта, старшимъ по Намѣстникѣ, графомъ Валевскимъ, то пошелъ къ нему съ сыномъ, давши сему послѣднему нести ружье. Приходятъ такимъ образомъ къ Валевскому, который, будучи занятъ, просилъ Круковѣцкаго, чрезъ слугу своего, обождать немного. Круковѣцкій, имѣя еще нѣкоторыя дѣла, оставя сына своего съ ружьемъ въ пріемной, вышелъ, чтобъ тотчасъ же и возвратиться. Лакеи, видя молодого человѣка, сидящаго съ оружіемъ въ пріемной, доложили объ этомъ Валевскому, который, полагая навѣрно, что то былъ коммунистъ, забаррикадировалъ двери въ кабинетѣ и ждалъ въ страхѣ, что будетъ далѣе; но съ возвращеніемъ Круковѣцкаго — оказалось, что баррикада была напрасною. Можно себѣ однакоже представить, что вытерпѣлъ добрый старикъ, воображая, что жизнь его заслонена отъ убійцы одними только тонкими досками.

Кстати скажу нѣсколько словъ здѣсь и о Круковѣцкомъ.

Онъ былъ подъ конецъ Польскаго мятежа начальникомъ революціоннаго правленія и военнымъ губернаторомъ Варшавы. Поляки гово-

рять и пишуть, что онъ сдалъ городъ за деньги. Что за ложь глупая! Когда армія наша штыками взяла Волю и почти всѣ наружныя укрѣпленія города, тогда только Круковѣцкій съ Прондзынскимъ выѣхали къ Волѣ трактовать съ фельдмаршаломъ о сдачѣ его. Тутъ платить уже было не за что, ибо Варшава была въ рукахъ нашихъ. А хотя суетность, легкомысліе и хвастовство выказывались еще въ требованіяхъ Круковѣцкаго, чтобы границы мнимой Польши простирались до Днѣпра, и одинъ говорунъ толковалъ еще предъ собравшимся сеймомъ, или совѣтомъ объ освобожденіи крестьянъ, почти подъ ядрами, долетавшими въ Варшаву до Банковой площади; но бѣдные жители трепетали отъ страха, ожидая участи, постигшей Прагу, взятую штурмомъ Суворовымъ.

Еслибы Круковѣцкій взялъ хотя нѣсколько десятковъ тысячъ злотыхъ, то былъ бы богаче того, какимъ есть въ самомъ дѣлѣ. Напротивъ того, онъ приходилъ ко мнѣ лично жаловаться, что у него украли вожжи, просилъ объ отысканіи пропажи и о защитѣ отъ дѣлаемыхъ ему разныхъ грубостей, тогда какъ онъ почитаетъ себя спасителемъ Варшавы въ двухъ случаяхъ: разъ, что уничтожилъ патріотическій клубъ, неистовавшій 15 августа; а другой разъ, что отвратилъ ужасы штурма.

Человѣкъ онъ самый ничтожный; да и прочія дѣйствующія лица въ 9-ти мѣсячное представленіе революціонной трагико-комедіи Польской не далеко ушли отъ него.

Воспоминаніе о революціи Польской оскорбляетъ чувство могущества и силы Россіи. Не менѣе того оно должно бы оскорблять и Поляка—патріота истиннаго. Сколько жертвъ напрасныхъ, сколько крови, сколько слезъ и несчастій въ семействахъ, и сколько бѣдствій претерпѣлъ край, процвѣтавшій подъ покровительствомъ Монарха благодѣтеля и Преемника его престоловъ! И все это произошло отъ легкомыслія Поляковъ, и отъ вѣры и излишняго снисхожденія къ нимъ покойнаго великаго князя Цесаревича, который за то, и за любовь его къ Варшавѣ, къ войскамъ, имъ образованнымъ, терзаясь въ добромъ и благородномъ сердцѣ своемъ, заплатилъ преждевременною кончиною.

Въ тотъ самый торжественный моментъ, когда Монархъ возлагалъ на главу свою корону Польскую, шайка неистовыхъ безумцевъ сговаривалась посягнуть на жизнь Вѣнценосца. Веселящійся народъ ничего не зналъ объ этомъ; городская полиція, разставленная въ стройномъ порядкѣ по улицамъ, зѣвала, глазѣя на движущіяся толпы его; полиція тайная доносила только объ уличныхъ происшествіяхъ; польское войско оглашало воздухъ радостными криками, при видѣ Императора;

4-й пѣхотный полкъ онаго показываемъ былъ Государю, какъ образецъ порядка; все казалось довольнымъ и счастливымъ. Но спустя годъ съ небольшимъ, когда вспыхнулъ бунтъ въ Варшавѣ, этотъ же самый народъ, радовавшійся коронаціи, тотчасъ присталъ къ бунтовщикамъ, грабилъ и убивалъ кого попало, мстя русскимъ,—за что?—и самъ незнаетъ. То-же самое войско, а въ особенности любимый Цесаревичемъ 4-й полкъ, хватились съ яростью за оружіе.

Не есть-ли это доказательство легкомыслія и готовности здѣсь ко всякому возмущенію? Поляки требуютъ вѣчной надъ собою бдительности, вѣчной осторожности съ ними. Ничего незначащій случай можетъ произвести безпорядокъ; можетъ воспламенить воображенія, нисколько неподчиненныя здравому разуму. Нуженъ только примѣръ, а подражаніе тутъ всегда готово.

Покойный Цесаревичъ, возвратясь изъ заграницы, часто разсказывалъ, что онъ видѣлъ въ Брюссельскомъ театрѣ „La muette de Portici", удивляясь, какъ можно позволить играть эту пьесу, когда духъ республиканизма обуреваетъ Францію и Бельгію, но она между тѣмъ игралась и въ Варшавскомъ театрѣ, правда, съ большими выпусками и ограниченіями; но все таки лучше было совсѣмъ ея не играть.

Вскорѣ за іюльскою революціею 1830 года въ Парижѣ, возмутилась Бельгія, а за нею и Польша. Первая пьеса, игранная здѣсь во время мятежа, была „La muette de Portici", и зрители требовали, чтобы не только она разъиграна была со всѣми революціонными возгласами; но чтобы Мазанелло непремѣнно восторжествовалъ со своими рыбаками.

Съ 1831 года продолжали представлять пьесу эту на здѣшнемъ театрѣ, но опять уже такъ, какъ она разъигрывалась до возмущенія. Молодежь съ восторгомъ воспоминала ее въ полномъ содержаніи, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о бунтѣ и войнѣ за мнимую свободу, не допуская самой мысли, чтобы Варшавская сцена когда либо огласилась революціонными воплями Мазанелла, и хорами, возбуждавшими духъ оплакиваемой ими 9-ти мѣсячной вольности, ибо за неосторожное восклицаніе, за шиканіе и слишкомъ громкія рукоплесканія многіе подвергались непріятностямъ, а цензура вымарывала всякое двусмысленное слово въ піесѣ. Вдругъ, неизвѣстно по чему и для чего, чисто революціонная „La muette de Portici" поставлена въ большомъ Варшавскомъ театрѣ съ нѣкоторыми только передѣлками.

Многіе думаютъ, что это ловушка для необузданныхъ еще, чтобы открыть ихъ и чтобы извѣдать настоящій духъ здѣшней публики.

За всѣмъ тѣмъ однакоже, театръ всегда полонъ на представленіи „La muette de Portici,“ хотя всякій боится аплодировать и восхищаться тѣмъ, что для каждаго Поляка кажется истинно восхитительнымъ. А мнѣ кажется, что подобнаго содержанія пьесы не должны бы имѣть мѣста на сценахъ театровъ Польскихъ. Онѣ могутъ сбивать съ толку и самыхъ умѣренныхъ, такъ точно, какъ пикники, какой былъ недавно на Вѣйской Кавѣ исключительно только для полекъ и поляковъ. Этотъ пикникъ, о которомъ я сдѣлалъ уже выше мое замѣчаніе, повторяю, обнаружилъ расположеніе умовъ и выказалъ, какъ сильно общее мнѣніе здѣсь для всѣхъ классовъ, почитающихъ себя шляхтою, и до чего можетъ простираться дерзновеніе сей послѣдней противу Русскихъ и самого Правительства. Довольно сказать, что одною изъ хозяекъ пикника была жена бывающаго всякій день у Свѣтлѣйшаго, а начала въ первой парѣ полонезъ жена сенатора, облагодѣтельствованнаго Правительствомъ. Не видно ли тутъ явно, чего мы можемъ ожидать отъ Поляковъ? и не нужно ли направить то, что начинаетъ уже явно портиться?

Четырнадцать лѣтъ собственно Польскихъ пикниковъ здѣсь не было; революціонныхъ пьесъ не давали, и никто не смѣлъ произнести и одного слова въ обществѣ въ такомъ духѣ, какъ, мнѣ сказывали, недавно говорилъ одинъ молодой человѣкъ.

Онъ, изволите видѣть, представленъ былъ отцомъ своимъ на вечеръ въ значительнѣйшемъ здѣсь домѣ. Рѣчь зашла о молодыхъ: графѣ и графинѣ Красинскихъ. Молодой человѣкъ не зналъ ихъ; слыхалъ только, какъ увидимъ ниже, что Сигизмундъ Красинскій—великій патріотъ и что жена его нигдѣ не показывается. Вдругъ возвышаетъ голосъ и говоритъ, что Красинскіе подаютъ примѣръ, какъ должны вести себя истинные Поляки; что стыдно и подло (т. е. всѣмъ присутствующимъ) искать у Русскихъ, и жить съ ними въ пріязни. Затѣмъ посыпались у него разныя патріотическія фразы. Всѣ молчали; благоразумнѣйшіе пожимали плечами. Видя это, импровизаторъ умолкъ также; а отецъ его сказалъ нѣкоторымъ шопотомъ: „вотъ какіе теперь молодые люди“;—да кто-же виноватъ, ему замѣтили, если не сами родители?

Каковъ мальчикъ! Когда разсказали послѣ объ немъ Красинскому, сей послѣдній, какъ ни поэтизируетъ объ отчизнѣ, отвѣчалъ, что похвала ему дерзкаго молокососа стоитъ пощечины.

И такъ видно, коммунистическія идеи пугаютъ не только спокойныхъ обывателей, но даже патріотическую аристократію; хотя многіе

изъ нея вздыхаютъ о самостоятельности Польши и, конечно, проливали слезы на алтарь отчизны, читая весьма чувствительную рѣчь представителя оной, или даже короля de facto, какъ пишетъ объ немъ „Третій май“,—Адама Чарторійскаго, произнесенную симъ послѣднимъ 29 ноября прошлаго 1844 года, въ годовщину бунта въ Варшавѣ.

И смѣшно, и жалко видѣть слабаго старика, доживающаго до ребячества; гадко читать о сектѣ въ польской эмиграціи Товянскаго и обезумѣвшаго начисто уже поэта Мицкевича. Неужели пренія, ругательства и скучное пустословіе въ Польскихъ журналахъ, издаваемыхъ за границею буйными выходцами, раздѣляющимися на конституціонистовъ, демократовъ, коммунистовъ и проч., не убѣждаютъ мыслящихъ, что съ такими безмозглыми головами не только нѣтъ никакой возможности дойти до чего нибудь серіознаго, но даже хлопотать о томъ напрасно.

Вчера я прочиталъ нѣсколько печатныхъ адресовъ отъ разсѣянныхъ по лицу земли польскихъ подпоручиковъ къ Чарторійскому, что они, наконецъ, убѣдились въ справедливости признать его королемъ Польскимъ; прочиталъ актъ подданства графа Биберштейна-Пильховскаго великому мистру Товянскому и, между тѣмъ, мнѣніе одного коммуниста, что всю шляхту въ Польшѣ необходимо вырѣзать до ноги. Все это такъ глупо, что мнѣ кажется, только въ польскихъ головахъ могутъ роиться подобные абсурды. Боже! Боже! когда они образумятся?

6/18 марта 1845 г.

Проливные дожди прошлаго лѣта, ужасное разлитіе водъ, неурожаи хлѣба и необыкновенная зима, начавшаяся въ февралѣ морозами въ 20° и при глубокихъ снѣгахъ, продолжающаяся до настоящей половины марта, произвели недостатокъ въ жизненныхъ потребностяхъ, доходящій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти до голода между бѣдными жителями. Въ Варшавѣ все вздорожало въ два и три раза; принимаемыя мѣры не вполнѣ удовлетворительныя, а истинной заботливости и благодѣтельнаго участія, которое успокаиваетъ терпящихъ нужды, вовсе не видно, ибо главный директоръ коммиссіи внутреннихъ дѣлъ не только не выѣзжалъ изъ Варшавы, чтобы нести помощь голоднымъ и холоднымъ; но и здѣсь не видитъ ничего осоловѣвшими глазами.

Въ 1837 году въ Варшавѣ случилось почти то-же, что теперь. Цѣны на хлѣбъ съ 16-ти злот. за корецъ муки, доходили уже до 29 злот., но я испросилъ разрѣшенія Намѣстника позаимствовать нѣсколько тысячъ четвертей хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ интендантска-

го вѣдомства съ тѣмъ, что онъ будетъ уплоченъ по цѣнѣ, въ какую обошелся казнѣ; хлѣбъ роздалъ по циркуламъ города, велѣлъ продавать не выше 16-ти злот. за корецъ, и этою мѣрою не только понизилъ тотчасъ цѣны его на рынкахъ, но пе допускалъ имъ возвышаться до самаго новаго урожая.

Примѣръ этотъ показалъ, какими незначущими средствами можно здѣсь пособить нуждающимся и какъ охотно граждане и самая полиція, видя заботливость и участіе начальства къ неимущимъ, содѣйствуютъ ему въ томъ. Хлѣбники тотчасъ взялись печь хлѣбъ безъ всякаго вознагражденія, продавать его бѣднымъ по таксѣ пониженной; а чиновники и дозорцы полиціи распродавали муку съ такою разсмотрительностію и аккуратностію, что заслужили поистинѣ признательность бѣдныхъ покупателей.

Когда кончилась эта операція и сдѣланъ былъ счетъ, оказалось, что за уплатою за провіантъ интендантскому вѣдомству, былъ такой еще остатокъ вырученныхъ денегъ, что можно было дать нѣкоторое награжденіе и полицейскимъ, трудившимся продажею хлѣба, и хлѣбникамъ.

Добро не исчезло съ лица земли; оно вездѣ оказывается тому, кто его ищетъ, чтобы подѣлиться имъ съ ближнимъ. Говорятъ, что Поляки неблагодарны; а я скажу, что мнѣ случалось видѣть совсѣмъ тому противное. Не люблю ихъ вѣтренности; не могу говорить безъ досады и глубокаго огорченія о жалкихъ политическихъ ихъ заблужденіяхъ; но желаю имъ добра столько, сколько они и пожелать себѣ не съумѣютъ.

8/20 марта 1845 г.

Блестящіе подвиги фельдмаршала графа Паскевича Эриванскаго, нынѣ князя Варшавскаго, противу огромныхъ ополченій съ горстью, можно сказать, храбрыхъ, въ Персіи, и въ Малой Азіи противу Турокъ, славный миръ съ Персіанами, возбудили общее любопытство объ немъ. Я видѣлъ его въ 1809 году въ Яссахъ капитаномъ и флигель-адъютантомъ; потомъ видѣлъ, какъ храбраго молодого генерала въ Бородинской битвѣ; еще разъ въ сраженіи подъ Дрезденомъ, 1813 года, гдѣ былъ личнымъ свидѣтелемъ, какъ онъ подъ градомъ пуль отвѣчалъ артиллерійскому офицеру, спросившему его: „прикажите ли здѣсь стоять до послѣдняго человѣка, или принять нѣсколько въ сторону?“—„Увидимъ“, отвѣчалъ Паскевичъ, „что Вы, сударь, такъ безпокоитесь?“ Этотъ случай я описалъ въ 27-й книжечкѣ о кампаніяхъ 1812 и 1813 годовъ,

изъ коихъ нѣкоторыя только остались у меня, какъ памятники событій, описанныхъ молодымъ офицеромъ, записывавшимъ каждый день, что ему случилось видѣть и слышить; прочія пропали съ шкатулкою, украденною у меня 1821 года въ Елисаветградѣ. И наконецъ видѣлъ его послѣдній разъ въ Гамбургѣ, когда онъ переведенъ былъ оттуда въ главную армію.

Въ Яссахъ танцовалъ съ нимъ въ одномъ кадрилѣ. Припоминаю еще, что имѣлъ случай разговаривать съ нимъ, обѣдая у него въ Закрочимѣ, гдѣ онъ квартировалъ, осаждая кр. Модлинъ. Онъ мнѣ показался человѣкомъ добрымъ, благороднымъ, и, какъ землякъ, всегда съ тѣхъ поръ воспоминался мною съ удовольствіемъ и похвалами. Покойный отецъ его былъ моимъ пріятелемъ, не взирая на великую разность въ лѣтахъ; ибо и сынъ его старѣе меня лѣтъ 10, по словамъ самого старика Паскевича.

Будучи не только не чуждымъ общаго любопытства о фельдмаршалѣ, но желавшимъ слышить похвалы ему, я искалъ людей, отъ которыхъ могъ бы получить полнѣйшія свѣдѣнія объ немъ.

Другъ мой, А. Д. Засядько, бывшій начальникомъ штаба генералъ-фельдцейхмейстера, говорилъ мнѣ съ восхищеніемъ въ 1822 году въ С. П. Бургѣ, когда я пріѣзжалъ туда съ отчетами къ гр. Аракчееву, что въ путешествіе съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ былъ назначенъ землякъ нашъ, генералъ Паскевичъ, по его мнѣнію, человѣкъ скромный, добрый и смѣтливый.

Принявшій отъ меня штабъ въ 1827 году ген. лей. Екельнъ, бывшій начальникомъ штаба 1-го корпуса, коимъ командовалъ нѣкогда Свѣтлѣйшій, показывалъ мнѣ нѣкоторыя записки его, не въ похвалу, а какъ образчики неумѣнія писать. Жена Екельна говорила, что онъ несносно самолюбивъ. Генералъ баронъ Остенъ-Сакенъ разсказывалъ мнѣ, что разъ онъ представлялъ, по должности начальника штаба, фельдмаршалу о храбрости войскъ и объ отличіи офицеровъ Кавказскаго корпуса; что фельдмаршалу это не понравилось, и что сей послѣдній сказалъ ему при этомъ: „что вы хвастаете съ вашими войсками? Мнѣ, сударь, дай жидовъ въ команду и я побью съ ними Турокъ!"

Въ концѣ 1827 г. ген. адъют. графъ Константинъ Бенкендорфъ, возвратившійся изъ Кавказскаго корпуса, разсказывалъ намъ однажды у М. Я. фонъ-Фока, что фельдмаршалъ имѣетъ весьма много военныхъ достоинствъ, а особенно въ моменты битвъ; но что онъ характера недовѣрчиваго, подозрительнаго; а потому скорѣе вѣритъ глупымъ лжецамъ и мошенникамъ, нежели людямъ умнымъ, и отъ того дѣла по управленію его могутъ идти только неудачно.

Все это нисколько не удовлетворяло моего любопытства о Свѣтлѣйшемъ и не давало никакого опредѣлительнаго понятія объ немъ; а какъ я желалъ видѣть въ немъ человѣка отличнаго, то разсказъ Сакена, мелочнаго и мечтающаго между тѣмъ о себѣ весьма много, показался мнѣ даже похвалою фельдмаршалу.

Въ послѣдствіи я разговаривалъ объ этомъ съ Свѣтлѣйшимъ, который сказалъ мнѣ, что Сакенъ говорилъ правду; но что онъ, зная человѣка, не могъ бы иначе уничтожать тонъ сужденій его, весьма часто неумѣстныхъ и всегда ненужныхъ для фельдмаршала, не выразившись такимъ образомъ, какъ Сакенъ пересказалъ мнѣ, конечно, не въ похвалу ему.

Въ 1830 году военныя дѣйствія графа Дибича противу Польскихъ мятежниковъ, наконецъ, такъ были огорчительны для каждаго русскаго, что и въ Петербургѣ начали говорить уже весьма громко объ этомъ. Всѣ желали и ожидали необходимой перемѣны главнокомандующаго, изъ донесеній коего видны были неудачи, несчастія въ предпріятіяхъ его, отступленія, потери въ войскахъ и бунтъ въ западныхъ губерніяхъ, производимый шляхтою, оставленною въ тылу арміи безъ достаточнаго наблюденія за ея дѣйствіями, отъ чего подвозы провіанта и другихъ потребностей для войска содѣлались весьма затруднительными.

Въ это время призванъ былъ въ Петербургъ фельдмаршалъ Паскевичъ. Тотчасъ разнесся слухъ, что онъ назначается на мѣсто Дибича; едва ли не каждый радовался тому; а въ тѣхъ кругахъ, гдѣ я бывалъ, говорили о семъ съ восторгомъ. Графъ Орловъ посланъ былъ въ армію узнать ближе о причинѣ неудачъ нашихъ; ожидали съ нетерпѣніемъ возвращенія его и результата такому порученію.

Однажды я сидѣлъ усеб я въ кабинетѣ и читалъ газеты польскія, кои доставалъ иногда отъ пріятелей. Вдругъ входитъ ко мнѣ, запыхавшись, хромой Воейковъ, редакторъ газеты „Русскій Инвалидъ", и издатель журнала „Славянинъ", въ которомъ я участвовалъ, и восклицаетъ: „Великъ Россійскій Богъ! Дибичъ умеръ. Паскевичъ ѣдетъ на его мѣсто." Вѣсть о семъ послѣднемъ меня обрадовала и дѣйствительно послѣ начали получаться извѣстія изъ арміи, радовавшія и всю столицу.

Недолго спустя, торжествовали взятіе Варшавы; реляція объ этомъ переходила изъ рукъ въ руки; и я, восторженный побѣдою и прекращеніемъ кровопролитія въ междоусобіи, написалъ стихи къ Вождю, взявшему штурмомъ гнѣздо мятежа, кои напечатаны въ Русскомъ Инва-

лидѣ 1831 года. И тогда уже давно я не писалъ стиховъ; эти излились у меня отъ избытка чувствъ, среди многочисленнаго общества; но редакція такъ ихъ измѣнила, что мы почти не узнали въ печати стиховъ моихъ, хотя подъ ними стояла моя подпись. [1]) Съ тѣхъ поръ я зарекся печатать не только поэтическія выходки, но и всякія мои мысли, оставляя въ спискахъ многое, что, можетъ быть, будетъ нѣкогда весьма любопытнымъ.

Графу Паскевичу Эриванскому, по прочтеніи журнала его сіятельства о взятіи Варшавы.

[1]) Вѣроятно, по требованію автора, стихотвореніе это было вторично помѣщено въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду за 1831 г. стр. 614 въ слѣдующемъ видѣ:

Какъ сердце русское забилось,
Почуя грозной битвы кликъ!
Блеснулъ, какъ молнія, нашъ штыкъ!
И туча брани разразилась.

* * *

Къ стопамъ царя Варшава пала:
Вертепъ крамолы сокрушенъ;
Такъ палъ мятежный Карѳагенъ;
И злоба мощну длань познала.

* * *

Герой! услышь ты нашъ восторгъ,
И наши о тебѣ моленья!
Сердечныя воскликновенья:
Великъ—и дивенъ Русскій Богъ!

* * *

Монархъ воззвалъ тебя для славы:
Ты зрѣлъ Кавказъ и Араратъ!
Поникъ днесь новый супостатъ,
Испивши ядъ своей отравы.

* * *

Читая битвъ твоихъ журналъ,
Всякъ восхищенною душою
Летитъ въ пылъ сѣчи за тобою,
Туда,—гдѣ мечъ твой заблисталъ!

* * *

Какъ храбро, стройными рядами,
Герои двинулись къ стѣнамъ;
Родныя пѣсни слышны намъ!
Ура! побѣда надъ врагами.

6 Сентября 1831 г. С.-Петербургъ. Стороженко.

Прим. Воейкова. Сіи стихи были напечатаны въ № 231 Русскаго Инвалида; здѣсь они являются переправленными авторомъ. Знатоки поэзіи, слича тѣ и другіе, сами увидятъ: выиграло ли сіе стихотвореніе чрезъ передѣлку, или нѣтъ. В.

$^{11}/_{23}$ марта 1845 г.

Въ 1813 году въ Варшавѣ, одна француженка, ворожея, писавшая гороскопы, написала и для меня подобный, въ которомъ между прочимъ было сказано, что здѣсь я буду нѣкогда „значительнымъ человѣкомъ.“ Прочитавши гороскопъ мой, я сказалъ француженкѣ со смѣхомъ, что предсказаніе ея не совсѣмъ удачно: ибо родина моя за Днѣпромъ, служу въ Россійской арміи, и нѣтъ никакой probabilité значить что нибудь въ герцогствѣ Варшавскомъ. На это она отвѣчала утвердительно, что я буду дѣйствующимъ лицомъ именно въ Варшавѣ. Хотя понынѣ и нисколько еще не сбывается предсказаніе француженки, но непредвидѣнное мною назначеніе сюда, какъ ниже опишу, въ самомъ дѣлѣ странно.

Дыша свободнѣе послѣ ужасной холеры въ Петербургѣ и не занимаясь болѣе разысканіями бунта въ военныхъ поселеніяхъ, по званію члена аудиторіата; окончивши при томъ и порученное мнѣ составленіе изъ записокъ Бобинскаго и другихъ Правилъ для образованія кавалериста, кои напечатаны въ послѣдствіи въ двухъ томахъ въ пользу Бобинскаго, я предался совершенно разысканіямъ историческимъ о полуденной Россіи, писалъ между прочимъ разныя журнальныя статьи: о Мазепѣ, о Хмельницкомъ, печатаемыя въ Славянинѣ; сдѣлалъ критическій разборъ первой части повѣстей пасичника Рудого Панька, напечатанный Гречемъ въ особой книжечкѣ, подъ заглавіемъ: „Мысли малороссіянина“, сочиниль и много другихъ отрывковъ въ прозѣ.

Цензура всегда мнѣ какъ-то не благопріятствовала; но извѣстные литераторы, читавшіе пишущуюся мною Исторію полуденной Россіи, оказывали мнѣ пріязнь и вниманіе къ трудамъ моимъ.

Время въ литературныхъ упражненіяхъ проходило быстро и пріятно; субботы Воейкова, на которыя собиралось къ нему много пишущей братьи, дружескія бесѣды у стариннаго пріятеля моего Булгарина и сношенія со многими людьми мыслящими — почти ставили уже меня на дорогѣ умственныхъ занятій, которая стлалась къ уединенію, къ пріюту и къ жизни частнаго гражданина.

Я думалъ писать. Исторія полуденной Россіи наполняла воображеніе; широкій Днѣпръ манилъ на роскошные берега свои. Любезная сердцу родина, ея добрые жители, въ числѣ коихъ я имѣю такъ много пріятелей искреннихъ, вѣщій духъ старины нашей, описанный Несторомъ, и самое Украинское небо, казалось, звали на покой тружени-

ка, располагающаго окружиться давно прошедшимъ и забыть обо всемъ, минувшемъ въ треволненной дотолѣ жизни его.

Сообразно съ этими мыслями я велъ и знакомства въ самомъ Петербургѣ; иногда однакоже обѣдывали у меня: Булгаринъ, Гречъ и еще нѣкоторые изъ писателей. Разъ за такимъ обѣдомъ, когда мы разговаривали о безумномъ происшествіи въ Польшѣ, входитъ ко мнѣ офицеръ гвардейскихъ жандармовъ; появленіе его, признаюсь, немного меня встревожило; я не имѣлъ никого знакомаго изъ жандармовъ, но будучи увѣреннымъ въ моемъ образѣ мыслей, чисто монархическомъ, и что я ни съ какою полиціею не могу имѣть дѣла, тотчасъ успокоился и полагалъ, что онъ зашелъ ко мнѣ ошибкою; но офицеръ, спросивши, кто изъ насъ Стороженко, объявилъ мнѣ, что графъ Бенкендорфъ поручилъ ему отдать мнѣ записку и сказать, чтобы послѣзавтра, по утру въ 7 часовъ, я ожидалъ въ Зимнемъ Дворцѣ прибытія туда его Сіятельства, и что графъ представитъ меня Государю Императору. Въ запискѣ было сказано тоже.

Пріѣхавши во дворецъ въ назначенное время, я тотчасъ позванъ былъ камердинеромъ Государя въ кабинетъ Его Величества. Еще было темно. Довольно узкая, высокая лѣстница, освѣщаемая не совсѣмъ ясно, привела меня къ дверямъ кабинета, въ которыя я вступилъ съ свѣтлымъ челомъ и съ пріятною мыслью говорить лично съ Монархомъ. При входѣ моемъ, Государь изволилъ встать съ дивана, и подошедши ко мнѣ, объявилъ въ весьма лестныхъ и милостивыхъ выраженіяхъ, что я назначаюсь генералъ-полиціймейстеромъ въ дѣйствующую армію; коснулся положенія Польши; говорилъ по этому предмету съ истинно Царскимъ великодушіемъ; въ заключеніе поцаловалъ меня въ голову и я откланялся.

Сѣвши въ карету, я перебиралъ всевозможные случаи, которые бы могли привести меня къ этому назначенію, и одно только мнѣ казалось вѣроятнѣйшимъ, чтъ графъ Виттъ рекомендовалъ меня князю Варшавскому, а можетъ быть, и самому Государю, и что графъ Бенкендорфъ, приглашавшій меня за 2 года передъ тѣмъ въ дежурные штабъ-офицеры къ себѣ, также замолвилъ обо мнѣ слово. Какъ бы то ни было, но тутъ я видѣлъ два никогда неожиданныхъ мною событія въ жизни моей: во первыхъ, мнѣ никогда и въ голову не входило быть полицейскимъ; во вторыхъ, вовсе никогда не воображалъ служить въ Варшавѣ и даже давно забылъ затерявшійся гдѣ-то у меня гороскопъ, о которомъ въ ту минуту вспомнилъ.

Возвратившись домой, встрѣчаю на лѣстницѣ писаря инспекторскаго департамента, сына нашей прачки, который разсказываетъ, что

во вчерашнемъ приказѣ я назначенъ состоять по особымъ порученіямъ при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею.

Поелику князь Варшавскій былъ тогда въ Петербургѣ, то, прочитавши приказъ, я тотчасъ поѣхалъ къ нему явиться; а черезъ нѣсколько дней опять явился ему, уже какъ генералъ-полиціймейстеръ, въ жандармскомъ мундирѣ.

Мундиръ этотъ надѣлъ я также случайно. Когда надобно было благодарить Государя Императора за мое назначеніе, я спросилъ докладною запискою у ген. ад. гр. Бенкендорфа, въ какомъ мундирѣ я долженъ представиться; ибо до того носилъ я общій кавалерійскій, потомъ нѣсколько дней присвоенный состоящимъ по особымъ порученіямъ. На запискѣ было отмѣчено: „въ жандармскомъ.“

Не мало хлопотъ мнѣ стоило облечь себя въ форму, которой я не зналъ нисколько; а еще больше навлекъ на меня голубой мундиръ, когда я представлялся Свѣтлѣйшему, какъ выше описано.

$^{13}/_{25}$ марта 1845 г.

Герой нашей арміи, любимецъ солдатъ и офицеровъ, беззаботный весельчакъ, состарѣвшійся на бивакахъ, Милорадовичъ, назначеніемъ своимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ въ С.-Петербургѣ, ослабилъ армейскій энтузіазмъ къ себѣ. Воинская слава должна оставаться всегда свѣтлою звѣздою-путеводительницею пріобрѣтшихъ первую на поляхъ битвъ, и они должны: или вести войска къ побѣдамъ, или приготовлять ихъ къ тому, сохраняя любовь къ себѣ сподвижниковъ и поселяя надежды къ отличіямъ въ образующихся подъ ихъ вліяніемъ офицерахъ; но никогда не раздвоять о себѣ публичнаго мнѣнія занятіями невоенными. Минуты боя, объемлемость движеній побѣдоносныхъ колоннъ есть высокая поэзія. Администрація же, для самаго умнаго человѣка, съ даромъ воинственнымъ, есть скучная, утомительная проза жизни; напрасное усиліе къ недоступному для него порядку въ теченіи дѣлъ, требующихъ точности, терпѣнія, трудовъ методическихъ и обдуманности хода общаго и частныхъ отраслей въ правленіи.

Мнѣ кажется, что и фельдмаршалу князю Варшавскому, погромившему Польскій мятежъ, лучше бы было, управляя арміею, ждать эпохи новыхъ для себя подвиговъ на поляхъ славы. Его храбрость и рѣшительность, описанныя въ кампаніяхъ — Персидской, которая еще не издана, Турецкой и Польской, равняютъ его съ знаменитѣйшими вождями; а воинскія свѣдѣнія доказываютъ, что онъ много занимался ими.

Въ бесѣдахъ со мною онъ разсказалъ мнѣ многое, что останется навсегда въ моей памяти; но нѣкоторые случаи я хочу здѣсь передать и на бумагу.

„Когда прибылъ я въ Кавказскій корпусъ", говорилъ мнѣ однажды Свѣтлѣйшій, „командовавшій онымъ А. П. Ермоловъ принялъ меня весьма двусмысленно. Я желалъ отличій; просился тотчасъ употребить меня въ дѣло, надѣясь въ первомъ сраженіи показать, что самоотверженіемъ только и храбростью оправдаю выборъ Монаршій и не буду принужденъ искать чьего бы то ни было къ себѣ расположенія. Ввѣренное мнѣ войско шло противу Персіанъ, вторгшихся въ предѣлы наши въ Грузіи. Нѣкоторые ханы и изъ подвластныхъ намъ оказались невѣрными. Персіане имѣли на своей сторонѣ большія противъ насъ выгоды въ духѣ жителей, были въ нѣсколько кратъ сильнѣе насъ, и при томъ я нуждался въ самомъ продовольствіи, чрезъ недоброжелательство ко мнѣ главнаго начальника, которое отзывалось не только въ управленіи его, но и въ частныхъ начальствахъ, преданныхъ ему. Я былъ совершенно одинъ; не могъ никому вѣрить; все было противу меня. Въ такомъ положеніи встрѣтился я съ Абасъ-Мирзою подъ Елисаветополемъ и разбилъ его на голову."

Елисаветпольское сраженіе описано; храбрость и распоряженіе въ дѣлѣ фельдмаршала признаны самыми недоброжелательствовавшими ему; слѣдовательно, разсказывать объ этомъ сраженіи слышанное даже и отъ самого фельдмаршала было бы съ моей стороны повтореніемъ реляціи. Но я долженъ замѣтить для себя, что если бы Свѣтлѣйшій выражался въ подобныхъ случаяхъ съ принятою обыкновенно умѣренностію, что счастіе благопріятствовало ему разбить Абасъ-Мирзу, это было бы прекрасно; а какъ онъ, напротивъ того, приписываетъ все геніальнымъ своимъ соображеніямъ, то блескъ подвига теряетъ свою яркость подобно тому, какъ подвергаются сомнѣнію видѣнныя имъ во всемъ противъ него интриги. Вспомнивши же разсказанное объ немъ гр. Константиномъ Бенкендорфомъ, человѣкомъ, извѣстнымъ правотою характера, подумаешь невольно, что большая часть интригъ мнимыхъ происходила отъ окружающихъ фельдмаршала людей его, изъ коихъ остались и теперь при немъ представители невообразимой невѣжественности, коихъ онъ хвалитъ умъ, способности и преданность къ себѣ.

Чтобъ судить о дѣлѣ, надобно слышать двѣ противныя въ немъ стороны. Я слушалъ и Свѣтлѣйшаго, и А. П. Ермолова, о столкновеніи ихъ въ Грузіи, и мнѣ кажется, что послѣдній имѣетъ болѣе причинъ къ нареканіямъ; но въ паденіи его однакоже виновенъ не одинъ Свѣтлѣйшій, хотя Ермоловъ его найболѣе обвиняетъ въ томъ.

Самъ фельдмаршалъ сказывалъ мнѣ, что, не взирая на побѣды свои надъ Персіанами, онъ былъ разъ доведенъ начальникомъ главнаго штаба гр. Дибичемъ до того, что рѣшительно просился объ отозваніи его въ Россію.

Когда Персіане принуждены были имъ просить о мирѣ, говорилъ мнѣ фельдмаршалъ, и главнѣйшіе пункты, на коихъ желали заключить оный, получены были Свѣтлѣйшимъ изъ С.-Петербурга, онъ видѣлъ, что Абасъ-Мирза и самъ Шахъ, по внушенію Англичанъ, хотятъ длить дѣло. Фельдмаршалъ требовалъ отъ Персіанъ вознагражденія за всѣ издержки войны; въ рескриптѣ къ нему изъ Петербурга требуемая имъ сумма отъ Шаха ограничивалась въ половину; рескриптъ этотъ онъ хранилъ въ совершенной тайнѣ и не переставалъ между тѣмъ настаивать о скорѣйшей высылкѣ къ нему изъ Тегерана денегъ. Англійскій посланникъ въ Персіи со свитою жилъ у него въ главной квартирѣ; интриги его въ самомъ Тавризѣ были небезопасны: ибо Англичане возбуждали духъ жителей всѣми образами.

Въ такомъ положеніи дѣлъ, фельдмаршалъ поступилъ рѣшительно. Онъ объявилъ Персіанамъ и Англичанамъ, что долѣе ожидать денегъ не будетъ; а пойдетъ тотчасъ въ Тегеранъ и Каджары не удержатся на престолѣ. Англичанъ просилъ рѣшительно выѣхать изъ его главной квартиры. При этомъ достойно замѣчанія то, что Абасъ-Мирза объявилъ ему, что если фельдмаршалъ устремится на Тегеранъ, то и онъ, больной, поѣдетъ туда съ нимъ.

Такая рѣшимость фельдмаршала до того однакоже перепугала и Шаха и англійскаго посланника, что деньги тотчасъ были высланы, заключенъ миръ, и взято съ Персіанъ вдвое болѣе, нежели желалъ кабинетъ нашъ.

Въ Турецкую войну, дѣйствуя среди неприступныхъ горъ, фельдмаршалъ всего болѣе затруднялся продовольствіемъ. Если бы онъ надѣялся только на свои магазины, то и воевать было бы не возможно; но онъ платилъ жителямъ за привозимые ими припасы вдвое, билъ между тѣмъ Турокъ, проникнулъ до Эрзерума, и если бы не миръ, говоритъ онъ, то вскорѣ завладѣлъ бы всею Малою Азіею.

Прибывши въ іюлѣ 1831 года въ армію, дѣйствовавшую весьма нерѣшительно противу Поляковъ, фельдмаршалъ встрѣтилъ, по словамъ его, всѣхъ главныхъ начальниковъ въ оной противу себя. Осмотрѣвшись нѣсколько, и видя, что начальникъ главнаго штаба графъ Толь готовъ парализировать его направленія и дѣйствія, призываетъ Толя къ себѣ и диктуетъ въ его присутствіи повелѣніе ему выѣхать тотчасъ

изъ арміи. Этотъ рѣшительный поступокъ укротилъ заносчиваго и распоряженія фельдмаршала не встрѣчали уже оппозиціи.

Переправясь на лѣвый берегъ Вислы съ главнѣйшими силами арміи, фельдмаршалъ прежде всего старался обезпечить продовольствіе ея. Сверхъ того, что хлѣбъ, закупаемый въ Пруссіи, подвозился на судахъ Вислою, оглашено было, что всякій изъ жителей, привезшій въ расположеніе войскъ нашихъ съѣстные припасы, тотчасъ получитъ за нихъ требуемую имъ цѣну наличными деньгами. Мѣра эта подѣйсвовала такъ, что везшіе продукты и для Польскихъ войскъ, стоявшихъ подъ Болимовомъ, убѣдившись, что Русскіе платятъ за все весьма щедро, сворачивали къ намъ.

Нѣкоторые утверждаютъ, что планъ переправы черезъ Вислу, къ чему дѣлались приготовленія до прибытія въ армію фельдмаршала, и атака Варшавы со стороны западной предположены были еще гр. Дибичемъ и гр. Толемъ, и что послѣ Остроленскаго пораженія Поляки не были уже тѣми, какими начали войну; духъ войскъ ихъ упалъ; старые солдаты были перебиты; главные вожди смѣнялись по крику изступленниковъ мятежа, и контръ-революція, или просто бойня въ Варшавѣ, располагали обывателей къ покорности.

Какъ бы то ни было, но прибытіе фельдмаршала воздвигло духъ войскъ нашихъ; они перестали нуждаться въ продовольствіи, шли съ увѣренностію побѣдить, и штурмъ Варшавскій доказалъ и храбрость ихъ, и рѣшительность Свѣтлѣйшаго, который однакоже говоритъ, что Поляки дрались, защищая Варшаву, мерзко.

У меня есть собственная его записка и объ интригахъ противъ него, когда онъ прибылъ въ армію, и о дѣйствіяхъ послѣдней, коими Польское войско, простиравшееся до ста тысячъ, въ 72-хъ тысячахъ положило оружіе въ границахъ Австріи и Пруссіи.

Отъ многихъ слышалъ я, что большую часть успѣховъ и побѣдъ фельдмаршала можно приписать необыкновенному его счастію во всемъ. Такъ говорили нѣкогда и о Суворовѣ; но когда онъ услышалъ объ этомъ, сказалъ съ своею особенною ироніею: „все счастіе, да счастіе; надобно оставить что нибудь и разуму“.

Военныя дѣла князя Варшавскаго всегда будутъ имѣть прекрасную и любопытную страницу въ исторіи и еслибъ онъ не ставилъ себя, въ минуты энтузіазма, выше всѣхъ бывшихъ полководцевъ въ Россіи, то каждый, отдавая ему полную справедливость, не имѣлъ бы повода разбирать сравненіе между нимъ, Румянцевымъ, Суворовымъ и Кутузо-

вымъ; но слышащій изъ собственныхъ устъ его часто неумѣренное самохвальство, проистекающее отъ излишняго ли убѣжденія въ своихъ достоинствахъ, или отъ желанія убѣдить въ нихъ другого, по свойству общему людямъ, упреждая судъ исторіи, размышляетъ о слышанномъ, и событія представляются въ слѣдующихъ образахъ:

Румянцовъ, предводительствуя арміею въ 40/т. противу огромныхъ турецкихъ силъ, билъ турокъ вездѣ въ продолженіе 4-хъ лѣтъ; побѣды его съ 16/т. войскъ при Ларгѣ и Кагулѣ надъ стотысячными полчищами турецкими, преслѣдованіе великаго Визиря, бѣжавшаго съ недобитками за Дунай, и достопамятный Кучукъ-кайнарджійскій миръ въ смутную годину Пугачевщины—знаменуютъ въ немъ вождя славнаго и разумнаго; а послѣднее свойство подтверждается притомъ управленіемъ его Малороссіею и впослѣдствіи самою частною жизнью человѣка. Онъ былъ мужъ военный, совѣта и администраціи; ему Россія обязана многимъ, и память Его чтится потомствомъ благоговѣйно.

Суворовъ, дѣлая чудеса противу Барскихъ конфедератовъ, пораженіями ихъ на разныхъ, весьма отдаленныхъ между собою, пунктахъ поселилъ, при любви къ себѣ, увѣренность въ Русскихъ солдатахъ, что съ нимъ они непобѣдимы. Баталія при Рымникѣ и взятіе штурмомъ неприступныхъ стѣнъ Измаила утвердили это мнѣніе. Имя батюшки Суворова окрыляло духъ богатырей его. Штурмъ Праги былъ послѣдствіемъ покоренія Польши и присоединенія къ Россіи провинцій, бывшихъ некогда русскими. Освобожденіе (хотя впрочемъ временное) Италіи отъ Французовъ, переходъ черезъ Альпы, и вообще Италіянская его кампанія—ставятъ его на высшую степень героевъ. Имя его останется всегда любезнымъ не только въ войскѣ, но и во всей Россіи. Онъ былъ дѣйствительно великій воинъ, великій человѣкъ своего времени.

Кутузовъ былъ назначенъ судьбою для дѣяній высшихъ и Румянцова и Суворова. Его битвы противу Наполеона, на 400-верстной ретирадѣ отъ границъ Баваріи до Аустерлица; его пораженіе переманеннаго имъ на нашу сторону Дуная великаго Визиря, и чудесный миръ съ Портою, когда Наполеонъ, съ милліонною арміею, вторгался уже въ предѣлы Россіи, были бы достаточными уже заслугами отечеству и неотъемлемымъ правомъ имѣть почетное мѣсто между необыкновенными умами въ исторіи. Но общенародное призваніе его защитить Россію, въ сердце коей устремился непобѣдимый Наполеонъ; пріемлемая предъ народомъ Русскимъ отвѣтственность доблестнаго старца на главу свою за отданіе врагамъ Москвы; высокія стратегическія соображенія его принудить Наполеона брести снѣгами во свояси, съ голод-

ными полчищами своими, по пути, пролегающемъ разграбленными ими провинціями; защищеніе тѣмъ Южной Россіи, уничтоженіе силъ, составленныхъ изъ 20-ти народовъ, и славныя вообще дѣла 1812 года,—все это начертано на вѣчныхъ скрижаляхъ вмѣстѣ съ именемъ Кутузова. Онъ по истинѣ заслуживаетъ имя спасителя отечества. Современники, видѣвшіе стройную рать Наполеона и потомъ остатки ея, блудящіе по снѣгамъ, въ коихъ погрузились тристаты и колесницы мнящаго быть непобѣдимымъ, и теперь еще какъ бы не вѣрятъ случившемуся въ глазахъ ихъ изумительному, великому событію. Недосягаема высокая судьба Кутузова, какъ велики подвиги Русскихъ, торжествовавшихъ въ Парижѣ миръ Европы, которымъ понынѣ она пресыщается, давно забывъ и Монарха, и народъ, изведшихъ ее изъ ига Египетскаго.

Князь Варшавскій, графъ Паскевичъ положилъ также много заслугъ, пожиная лавры въ 1812, 1827, 1828 и, наконецъ, 1831—годахъ; но онъ былъ главнымъ вождемъ только во вторую половину Польской войны и подъ Варшавою, начальствовалъ отдѣльнымъ корпусомъ противъ Персіанъ и дѣйствовалъ съ нимъ отдѣльно-же противу Турокъ въ Малой Азіи, тогда какъ Россійская армія въ Европейской Турціи, перешедши Балканы, грозно двигалась къ Стамбулу и принудила Султана подписать Адріанопольскій миръ. Какъ ни блестящи военныя дѣйствія Паскевича противу Персіанъ, Турокъ и подъ Варшавою, какъ ни славны миръ его съ первыми и покореніе мятежниковъ Польскихъ; но сравнивать себя съ Румянцевымъ, Суворовымъ и Кутузовымъ, а тѣмъ менѣе считать подвиги ихъ, даже въ военномъ отношеніи, ниже своихъ, ему бы не слѣдовало. Этимъ онъ не возвышаетъ себя, а безпрерывными повтореніями о геніальныхъ соображеніяхъ своихъ, тогда какъ администраціею въ управляемомъ имъ краю никто кромѣ него не восхищается, ослабляетъ мнѣніе объ истинномъ достоинствѣ человѣка, достигшаго столь высокой степени.

Все, наконецъ, пріѣстся, прислушается, присмотрится, и люди, слыша одно и то-же, и не видя между тѣмъ ничего необыкновеннаго, перестанутъ удивляться тому, чему прежде дивились. Лавровый вѣнецъ за жизни вождя требуетъ случаевъ къ обновленію увядающихъ листковъ его. По смерти исторія сбережетъ ихъ для каждаго изъ увѣнчанныхъ по стольку, по скольку судъ потомства опредѣлитъ кому изъ счастливыхъ побѣдителей. Но вѣнецъ миртовый на главѣ законодателя или правителя не увядаетъ и на живущемъ, и на оставившемъ земное поприще; его лелѣятъ признательные современники, а въ грядущемъ онъ сохраняется въ общемъ, вѣчномъ архивѣ немногихъ дѣлъ, полезныхъ для человѣчества.

Гораздо легче быть воиномъ, нежели мудрымъ, добрымъ правителемъ.

Описавши нѣкоторыя части и случаи настоящаго управленія въ Царствѣ Польскомъ, предоставляю дѣлать выводы изъ онаго тому, кто будетъ имѣть терпѣніе нѣкогда прочитать тетрадки моихъ впечатлѣній. Въ заключеніе же доселѣ написаннаго, пока не буду имѣть времени написать болѣе по этому предмету, скажу еще нѣсколько словъ о Свѣтлѣйшемъ.

Человѣкъ онъ добраго сердца, смѣлаго духа, съ прекрасною памятью, съ умомъ; часто весьма проницателенъ, если углубляется въ предметъ; но безпорядокъ въ образѣ жизни, въ дѣлахъ, и, вѣроятно, въ самыхъ мысляхъ, препятствуетъ ему быть администраторомъ. Ни въ чемъ нѣтъ постоянства, необходимой точности, методы и положительности. Всѣ поступки его зависятъ отъ впечатлѣній; досада, причиненная чѣмъ нибудь однимъ, отражается въ минуты ея на всемъ. Непривычка къ дѣламъ гражданскимъ, въ коихъ надобно искуситься терпѣніемъ и временемъ, откладываніе поэтому день за днемъ и самаго нужнаго, или рѣшеніе его съ одного поверхностнаго взгляду на предметъ, суть причины нестроенія во всемъ управленіи. Избѣгая всемѣрно трудовъ, онъ говоритъ, а, можетъ быть, такъ и думаетъ, что все имъ однимъ дѣлается; отъ этого дѣловые люди при немъ теряютъ охоту къ трудамъ усерднымъ. При томъ же, его неровность въ обхожденіи, заграждаемая тѣмъ откровенность къ нему мыслящихъ, покровительство безталантнымъ, слушаніе доносчиковъ и собственный свой особый взглядъ на вещи—ставятъ въ недоумѣніе и истинно преданныхъ ему людей разумныхъ.

Иногда видны въ немъ проблески благородныхъ чертъ характера: восхищеніе добрымъ поступкомъ, участіе въ горѣ другого, женерозность; но тутъ же слѣдуютъ эгоизмъ и готовность пожертвовать каждымъ по своимъ видамъ, или для своего оправданія. Первыя качества, кажется, были господствующими въ немъ до его большей извѣстности; а послѣднія пріобрѣтены имъ въ жизни Петербургской, гдѣ онъ видѣлъ необходимость искательства, лести и скрытности. Безъ этого едва ли онъ могъ бы возвыситься, при всей храбрости своей.

Суворовъ сказалъ: „тотъ не хитръ, кого называютъ хитрымъ.“ Это можно примѣнить и къ Паскевичу; додавши же къ тому всемогущее счастье, загадка возвышенія его почти разгадывается. Но что такое счастье само по себѣ, того никто не опредѣлилъ еще. Впрочемъ, въ одѣ Державина къ нему оно поэтизируется забавно; хотя стихи въ одѣ этой и крѣпко уже устарѣли.

(Съ подлинной рукописи).

Отрывокъ изъ статьи:

Поѣздка въ Ойцовъ.

ХЕНЦИНЫ.

Други, въ путь къ странѣ прекрасной!....

На другой день мы продолжали наше путешествіе; но не далеко уѣхали. Въ 15 верстахъ отъ Кѣльцъ лежитъ мѣстечко Хенцины, славное развалинами замка королевы Боны [1]). Увѣнчивая вершину довольно вы-

[1]) Окруженное легендами имя супруги Сигизмунда I королевы Боны охотно связываютъ съ развалинами замковъ въ разныхъ мѣстахъ Польши. Но происхожденіе и первоначальное основаніе Хенцинскаго замка скрываются въ глубочайшей древности и на нѣсколько вѣковъ предшествуютъ времени появленія въ Польшѣ красивой итальянки. Несомнѣнно, что въ отдаленныя времена средневѣковья Хенцинскій замокъ считался неприступной крѣпостью, въ которую владѣтельные князья и короли польскіе укрывали свои сокровища, какъ въ мѣсто вполнѣ безопасное. Владиславъ Локетекъ, готовясь къ войнѣ съ крестоносцами, въ 1318 году, еще до своей коронаціи, перевезъ въ Хенцинскій замокъ изъ Гнѣзна драгоцѣнности тамошняго каѳедральнаго костела. Въ 1331 году тотъ же король, готовясь къ новой войнѣ съ крестоносцами, созвалъ въ Хенцины на день св. Троицы сеймъ или всеобщее вѣче для рѣшенія нѣкоторыхъ внутреннихъ дѣлъ. Это былъ первый съѣздъ представителей малопольскихъ и великопольскихъ земель, на который собрались всѣ воеводы и каштеляны. На этомъ сеймѣ королевичъ Казимиръ былъ провозглашенъ правителемъ Великой Польши. Вообще сеймъ, происходившій въ Хенцинскомъ замкѣ, составляетъ важную эпоху въ исторіи Польши. Когда Хенцинское староство опредѣлено было на содержаніе королевскихъ вдовъ, то онѣ обыкновенно и проживали въ Хенцинскомъ замкѣ. Долѣе всего гостила тутъ Елисавета, сестра Казимира Великаго и мать короля Людовика. Съ конца XIV вѣка замокъ служилъ тюрьмой для государственныхъ преступниковъ. Тутъ, начиная съ 1386 года, въ теченіе 3-хъ лѣтъ содержался въ заключеніи Литовскій князь Андрей Вингольдъ, братъ Владислава Ягеллы, поднявшій противъ него оружіе. Въ 1409 году тутъ значительное время былъ заключенъ могущественный Варциславъ изъ Готардовицъ, уличенный въ сношеніяхъ съ крестоносцами. Въ 1410 году замокъ наполнился военноплѣнными, захваченными въ битвѣ подъ Танненбергомъ. Расположенный въ чрезвычайно здоровой мѣстности, замокъ служилъ иногда для королевской семьи убѣжищемъ въ случаѣ мороваго повѣтрія. Между прочимъ въ 1425 году сюда укрытъ

сокой горы, онѣ привлекаютъ къ себѣ взоры и шаги путешественника, желающаго среди ихъ таинственнаго безмолвія разгадать „дѣла давно минувшихъ дней“, повѣрить „преданья старины глубокой“. Труды, предстоящіе путнику при всходѣ на эту крутую гору, съ избыткомъ вознаграждаются прелестными видами окрестностей самыхъ отдаленныхъ. Онъ забываетъ тогда усталость; не пеняетъ, что острые камни, покрывающіе почти всю вершину горы вокругъ и внутри развалинъ, такъ тягостно замедляли его странствіе. Онъ весь превратился въ зрѣніе, и восхищается открывшеюся предъ нимъ очаровательною картиною природы. Небосклонъ замыкается со всѣхъ сторонъ горами: по направленію къ западу видна самая возвышенная гора въ Царствѣ Польскомъ, такъ называемая Лысая гора, въ Сандомирской губерніи, отстоящая отсюда въ 6 или 7 миляхъ; посѣтители Святокрестовскаго бенедиктинскаго монастыря, находящагося на ея вершинѣ, могутъ любоваться во время бурь, какъ громовыя тучи, прорѣзываемыя молніями, окружаютъ гору у подножія монастыря, — могутъ слышать подъ своими ногами раскаты грома и шумъ проливныхъ дождей. Холмистая поверхность площади покрыта яркозелеными, желтыми и темными бархатными коврами нивъ, полей и лѣсовъ; серебристыя ленты рѣкъ и рѣчекъ вьются въ разныхъ направленіяхъ; бѣлая стежка шоссе проходитъ то прямою, то кривою линіею по всей площади, и теряется въ недосягаемой для

былъ отъ эпидеміи годовой сынъ Ягеллы Владиславъ. Въ 1554 году тутъ сохранялись нѣкоторое время сокровища королевы Боны, охраняемыя итальянцемъ Бранкаччіо. Когда Бона уѣзжала вслѣдъ за ними въ Италію, то также на короткое время останавливалась въ Хенцинскомъ замкѣ. Отсюда, по приказу короля, сопровождалъ ее до границы Польши каштелянъ Сондецкій, староста Хенцинскій Валентъ Денбинскій. Впослѣдствіи замокъ былъ предназначенъ для помѣщенія гродскаго суда. Во 2-ой половинѣ XVI-го вѣка онъ былъ уже сильно запущеннымъ, а въ концѣ того же вѣка пострадалъ отъ пожара; но въ 1612 году былъ вновь отстроенъ. Въ 1657 и въ 1707 г.г. его разоряли Шведы. Послѣ того въ немъ перестали жить, но онъ продолжалъ служить помѣщеніемъ для присутствія и канцеляріи гродскаго суда. Въ окончательное запустѣніе Хенцинскій замокъ пришелъ въ эпоху раздѣловъ Польши. Въ настоящее время (1902 г.) изъ частей замка сохранились: двѣ круглыхъ башни и одна—четырехъугольная, нѣкоторыя стѣны бывшихъ жилыхъ помѣщеній и остатки—ограды и восточныхъ въѣздныхъ воротъ. Гора, на которой стоятъ развалины, пространствомъ около ста морговъ, входитъ въ составъ маіоратнаго имѣнія Старо-Хенцины, но съ 1864 года крестьяне сосѣдней деревни Коржецко получили сервитутное право выпаса на ней своего скота. Крестьянскіе пастухи немало содѣйствуютъ природѣ въ дѣлѣ разрушенія остатковъ замка. Кажется, никто изъ польскихъ архитекторовъ не составилъ доселѣ плана, по которому былъ построенъ замокъ, и не попытался реставрировать на рисункѣ его первоначальнаго вида. См. статью: „Ruiny zamku w Chęcinach“ въ книгѣ „Pamiętnik Kielecki. Zbiór prac ku uczczeniu Adama Mickiewicza.“ Kielce 1902. Str. 44—46. Тутъ помѣщенъ видъ развалинъ замка съ южной стороны по рисунку Р. Нѣсіоловскаго.

невооруженнаго глаза отдаленности; селенія и деревни одушевляютъ эту картину. Но съ нашей точки зрѣнія стада кажутся движущимися атомами, а люди едва, едва примѣтны. О, какую риторическую тираду можно бы написать на эту тему противъ человѣческой гордости и въ похвалу величія природы! Къ сожалѣнію, мнѣ теперь недосугъ. Я спѣшу сообщить моимъ благосклоннымъ читателямъ, что прелестное мѣстоположеніе здѣшнихъ окрестностей заставило насъ прервать на нѣкоторое время нашу поѣздку въ Ойцовъ; тѣмъ болѣе, что владѣлецъ Хенцинскихъ имѣній, генералъ Стороженко, которому они Всемилостивѣйше пожалованы въ майоратъ, просилъ меня, при отъѣздѣ изъ Варшавы, заѣхать въ Хенцины и осмотрѣть его хозяйство и мѣстныя достопримѣчательности. Мы приказали ѣхать къ господскому дому.

Насъ встрѣтилъ главноуправляющій имѣніемъ, отставной майоръ К. Узнавши, кто мы и за чѣмъ пріѣхали, онъ изъявилъ готовность служить намъ, съ довольнымъ видомъ человѣка, заранѣе увѣреннаго въ хорошемъ положеніи подвѣдомственнаго ему управленія. Какъ умный и опытный хозяинъ, онъ освѣдомился прежде всего о состояніи нашихъ желудковъ. Оказалось, что они требуютъ небольшаго подкрѣпленія. Послѣ сытнаго завтрака и добраго вина майоръ повелъ насъ въ садъ. Мы вошли небольшимъ узкимъ ущельемъ, съ выдавшимися по бокамъ огромными камнями, которые, угрожая повидимому паденіемъ, хотятъ остановить любопытнаго странника на первомъ шагу. По правую сторону ущелья за садомъ возвышается лѣтній дворецъ королевы Боны [1]), обращенный съ давняго времени въ складовый магазинъ хлѣба и разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей. Поворотя на лѣво въ аллею, мы остановились предъ натуральною бесѣдкою изъ липъ, современныхъ эпохѣ Сигизмунда I. Необыкновенная вышина и толстота деревьевъ, густота вѣтвей и прохлада тѣни дѣлаютъ эту бесѣдку неоцѣнимою во время лѣта. Мы провели здѣсь четверть часа въ пріятномъ раздумьи о выгодахъ жизни для счастливца, имѣющаго доходное помѣстье, славный садъ и прелестную подругу. Невдалекѣ отъ бесѣдки устраивается фонтанъ, каскадъ, гротъ и двѣ искусственныя бесѣдки, изъ которыхъ открывается безподобный видъ веселыхъ окрестностей. Чрезъ провалье, куда будетъ ниспадать вода каскада, перебросится висячій мостъ. Онъ примкнетъ къ тѣнистой аллеѣ, по которой мы дошли къ тріумфальнымъ воротамъ, построеннымъ для въѣзда Собѣсскаго, возвра-

[1]) Сказаніе это также неосновательно, какъ и вся легенда о строительной дѣятельности Боны въ Хенцинахъ. Теперешній хлѣбный амбаръ несомнѣнно былъ нѣкогда жилымъ домомъ, но построенъ онъ былъ не королевою Боной, а, вѣроятно, кѣмъ-либо изъ Хенцинскихъ старостъ, судя по архитектурѣ, въ концѣ XVI-го вѣка т. е. тогда, когда Хенцинскій замокъ на горѣ, запущенный и пострадавшій отъ пожара, сдѣлался негоднымъ для жилья.

щавшагося этими мѣстами въ Варшаву изъ подъ Вѣны [1]). Возвышенно торжественный стиль архитектуры, достойный героя, во славу котораго воздвигнутъ памятникъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Намъ сказали, что въ нишѣ, устроенной надъ воротами подъ щитомъ съ гербами побѣдителя Турокъ, находился его грудной бюстъ, въ недавнее время неизвѣстно гдѣ дѣвавшійся. Отъ воротъ, составляющихъ конечный пунктъ сада, идетъ густая липовая аллея къ развалинамъ такъ называемой бесѣдки Собѣсскаго. Возвратясь въ садъ, мы обошли его во всѣхъ направленіяхъ; потомъ осмотрѣли всѣ хозяйственныя заведенія, невдалекѣ отъ господскаго дома находящіяся,—костёлъ, возстановленный изъ развалинъ нынѣшнимъ владѣльцемъ, — близьлежащую деревню Старые Хенцины, – постоялый дворъ,– оригинальной постройки почтовый домъ съ двумя башеньками, — шоссе, устраиваемое отъ главнаго шоссе къ господскому дому—и нашли все въ наилучшей исправности. Изъ числа хозяйственныхъ распоряженій генерала Стороженка я назову самымъ благодѣтельнымъ устройство запаснаго капитала и запаснаго хлѣбнаго магазина, для пособія нуждающимся крестьянамъ его имѣній. Ассигновавъ однажды навсегда изъ своихъ доходовъ соотвѣтственную на этотъ предметъ сумму и достаточное количество хлѣба,—и то, и другое будетъ увеличиваться процентами по 4 на 100,—онъ обратилъ это въ крестьянскую собственность и вручилъ управленію совѣта общины, состоящаго изъ избираемыхъ на годъ самими крестьянами изъ себя старшинъ и десятскихъ, подъ главнымъ наблюденіемъ чиновника со стороны владѣльца. Правила, написанныя по поводу этого учрежденія, которое съ полною справедливостію должно назвать образцовымъ и достойнымъ подражанія, обнаруживаютъ благородную душу владѣльца, пекущагося всего болѣе о благосостояніи ввѣренныхъ ему крестьянъ.

Такое блистательное начало нашей экскурсіи слѣдовало бы заключить осмотромъ замка королевы Боны, но отдаленность и неприступность мѣста, полуденный жаръ и усталость отъ продолжительнаго пѣшеходства превозмогли наше пламенное желаніе какъ можно скорѣе достигнуть классическихъ окрестностей Ойцова. Мы отложили посѣщеніе руинъ до вечера, и—пошли обѣдать.

---

[1]) Это преданіе не имѣетъ подъ собою, повидимому, прочнаго историческаго основанія. Гораздо вѣроятнѣе то объясненіе значенія этихъ воротъ, которое даетъ извѣстный польскій археологъ Зигмунтъ Глогеръ въ своемъ изданіи „Encyklopedja staropolska ilustrowana“, t. I, Warsz. 1900, стр. 200 подъ словомъ „brama“. Тріумфальные ворота въ Подзамчѣ Хенцинскомъ выстроены въ 1603 г. въ память возвращенія католикамъ стародавняго Хенцинскаго костела, который въ царствованіе Сигизмунда-Августа былъ отданъ кальвинистамъ тогдашнимъ Хенцинскимъ старостою Шафранцемъ. Такъ какъ передача костела совершилась при помощи вновь назначеннаго старосты Станислава изъ Рущи Браницкаго, то ворота были сооружены въ Подзамчѣ, какъ старостинской резиденціи. На стр. 202 изданія Глогера помѣщенъ и видъ воротъ.

Въ 6 часу послѣ обѣда мы поѣхали съ майоромъ до скалы, на которой построенъ замокъ. У подножія оставили экипажъ и начали взбираться на скалу. Майоръ, увѣренный въ своихъ силахъ и болѣе знакомый съ мѣстностію, пустился прямо къ воротамъ предзамковой башни; а мы пошли въ обходъ къ сторонѣ еврейскаго кладбища. Впрочемъ и здѣсь входъ довольно утомителенъ и не безопасенъ. Кое-какъ мы добрались наконецъ до полуразрушенной стѣны замка, примыкающей къ восточной башнѣ. Но входа во внутренній дворъ здѣсь не оказалось, лазейка въ башнѣ ни къ чему не повела, и я рѣшился перелѣзть чрезъ стѣну. Мой товарищъ за мною послѣдовалъ. На дворѣ мы встрѣтили майора, который, благодаря своему высокому росту и необыкновенной силѣ, преспокойно шагалъ по самымъ неприступнымъ мѣстамъ и подшучивалъ надъ нашею осторожностію. Взошедши на самое возвышенное мѣсто, мы вполнѣ насладились великолѣпною картиною природы и сознались, что восторженныя описанія Хенцинскихъ видовъ нисколько не преувеличиваютъ дѣйствительности. Окрестность видна отсюда на 50 — 70 верстъ разстоянія. Желая еще далѣе раздвинуть горизонтъ, мы съ опасеніемъ сломать себѣ шею пробовали взобраться на восточную башню, на которой развѣваются поставленныя землемѣрами за нѣсколько лѣтъ предъ симъ вѣхи; но всѣ наши усилія остались безъ успѣха. Мой товарищъ убѣдился только на опытѣ, что, стоя на подобной возвышенной узкой стѣнѣ, странникъ можетъ подвергнуться внезапному головокруженію, если часто глядитъ въ открывающуюся подъ его ногами бездну. Ему до сихъ поръ дѣлается дурно, когда онъ вспомнитъ о тогдашнемъ своемъ положеніи. И на предзамковую башню не было никакой возможности взобраться. Послѣ того, налюбовавшись вдоволь картиннымъ мѣстоположеніемъ, представляющимся съ Хенцинской горы, мы осмотрѣли руины съ любопытствомъ антикваріевъ. Бездонный колодезь внутри двора обратилъ на себя особенное наше вниманіе; къ сожалѣнію покатистый спускъ не дозволилъ приступить къ нему такъ близко, какъ бы намъ хотѣлось. Поиски наши въ руинахъ не увѣнчались однако никакимъ открытіемъ. Спускаясь наконецъ съ горы къ сторонѣ мѣстечка, мы замѣтили правильную лощину, тянущуюся отъ замка во всю длину горы, и пустились по ней внизъ. Она довела насъ до костёльной ограды. Перелѣзши чрезъ ограду, мы сошли на костёльный дворъ и вскорѣ были вблизи, какъ намъ показалось, колодца, на днѣ котораго увидѣли работниковъ. Изъ распросовъ мы узнали, что это не колодезь, а провалье, простирающееся въ разныхъ направленіяхъ къ замку и подъ костёлъ; что по поводу этого провалья, угрожающаго костёлу опасностію, не совершается въ немъ служенія; что правительство прислало сюда рудокоповъ для разслѣдованій и открытія средствъ къ отвращенію грозящей костёлу опасности; что рудо-

копы нашли здѣсь куски богатой оловяной руды; что наконецъ срубъ и блокъ, введшіе насъ въ ошибочное предположеніе, будто бы провалье есть колодезь, служили рудокопамъ для спуска внизъ. Нашъ любознательный духъ не вытерпѣлъ искушенія; мы спустились на дно провалья. Провалье идетъ дѣйствительно узкими лазейками къ сторонѣ замка и подъ костёлъ. Кажется, что часть его, находящаяся подъ костёломъ, будетъ засыпана для успокоенія взволнованныхъ умовъ Хенцинскихъ жителей, которые считаютъ уже себя почти во власти подземныхъ духовъ, съ тѣхъ поръ какъ обнаружились безконечность и недосягаемость этого подземелья. Дно въ немъ отъ сырости сжатаго воздуха очень влажно, а въ иныхъ мѣстахъ покрыто толстымъ слоемъ густой грязи. Многіе полагаютъ, что это подземелье есть оставленный съ незапамятнаго времени рудникъ; но мнѣ кажется, что это ни болѣе ни менѣе, какъ тайный подземный ходъ изъ укрѣпленнаго замка. Я обязалъ майора законною подпискою: по окончаніи предпринятыхъ въ подземельи разысканій, сообщить мнѣ о всѣхъ послѣдствіяхъ съ надлежащими подробностями, и разумѣется твердо увѣренъ, что отставной уланъ [1]) выполнитъ свое обѣщаніе.

Возвратясь на землю, мы простились съ Хенцинскими окрестностями и отправились обратно къ майору К. дѣлать кейфъ и разсказывать другъ другу о взаимныхъ впечатлѣніяхъ, испытанныхъ нами на скалѣ, на полуразрушенной стѣнѣ замка и наконецъ подъ землею. Впрочемъ мы твердо рѣшились продолжать завтра наше путешествіе въ Ойцовъ безъ малѣйшей остановки.

(Съ рукописи неизвѣстнаго автора, относящейся приблизительно къ 1840 г.).

[1]) Майоръ К., о которомъ упоминается въ настоящей статьѣ,—Давидъ Францовичъ Кошулька, служившій въ 1-мъ Украинскомъ уланскомъ полку.

Уставъ сельской кассы и хлѣбозапаснаго магазина въ Хенцинскомъ имѣніи.

My Mikołay Pierwszy Cessarz Wszech Rossyi Król Polski etc. etc. etc. Wszem wobec i każdemu, komu o tem wiedzieć należy, wiadomo czyniemy, że przed Maciejem Sadowskim Regentem kancellaryi powiatu Warszawskiego sporządzony został akt urzędowy osnowy następuiącey. Działo się w Warszawie w głównym Ratuszu przy ulicy Senatorskiey pod N-em 462 dnia 20 września—2 października 1838 roku.

Przed Maciejem Sadowskim Regentem powiatu Warszawskiego, w Warszawie przy ulicy S. Jerskiey pod N-er 1773 mieszkaiącym, i tam kancellaryą akt publicznych utrzymuiącym, w przytomnośći swiadków, z jmion, nazwisk, i zamieszkań przy końcu akta tego wyrażonych, żadnemu wyłączeniu niepodległych, osobiśćie obecny J. W. Andrzey Storożenko generał major wojenny generał policmayster czynney armii p. o. vice-prezydenta M. Warszawy, kawaler wielu orderów, dziedzic dóbr Chęciny z przyległośćiami w gubernii Krakowskey sytuowanych, w Warszawie w gmachu głównego Ratusza przy ulicy Senatorskiey pod № 462 zamieszkały, i zamieszkanie prawne do wykonania aktu obecnego tamże sobie obieraiący, przyimuiącemu Regentowi z osoby dobrze znany, pełnoletni, do czynnośći urzędowych zdolny, zeznał akt urzędowy osnowy następuiącey.

Jż J. W. Andrzey Storożenko generał major, chcąc włośćian rolnych dóbr Chęcin, w gubernii Krakowskiey leżących swych dziedzicznych, lepszy byt zpowodować i ustalić, oraz skłonić ich do rządnośći, przez którą wyiść mogą z obecnego położenia w które popadli przez własne w pracy opuszczenie się, ciemnotę i niedbałych o ich dobro dzierżawców, czyni jm offiarę.

a. W gotowych pieniądzach zp. 6000 wyraźnie złotych polskich sześć tysięcy.

b. Żyta miary Warszawskiey korcy sto pięćdziesiąt № 150.

Darowizna ta iest własnośćią gospodarzy rolnych dóbr zeznawaiącego Chęcin, i służyć im będzie na wieczne czasy do użytku, wedle zasad przez dziedzica ułożonych nastęруiących.

Artykuł 1.

Fundusz zakładowy utworzy się z gotowizny zp. 6000, wyraźnie złotych polskich sześć tysięcy, i żyta korcy sto pięćdziesiąt № 150, przez dziedzica offiarowanych, i ze sto pięćdziesięciu korcy żyta, złożyć się maiącego, przez samychże stowarzyszonych włośćian.

Artykuł 2.

Fundusz ten iest wspólną własnośćią całey włośći dóbr, mianowicie wszystkich gospodarzy gruntowych teraźnieyszych i przyszłych we wsiach, Staro-Chęciny, Radkowice, Bolechowice, Wola murowana, Korzecko, Mosty i Polichno, nieexcypuiąc posiadaczy Sołtystw uprzywilejowanych, we wsiach Wola murowana, Korzecko i Mosty, z wyłączeniem iednakże osadników, do realnośći duchownych we wsiach Staro-Chęciny, Polichno należących; ieżeliby w postępie czasu dziedzic nową w dobrach założyć miał osadę rolną, taż równie z dobrodzieystwa ninieyszey jnstytucyi korzystać będzie.

Artykuł 3.

Właśćiwem przeznaczeniem tegoż funduszu iest, ażeby z niego interessowanym gospodarzom sposobem pożyczki udzielać wsparcie w życie, na żywność, i w gotowiznie w rozmaitych zdarzyć się mogących przypadkach potrzeby, a pryncypalnie na zakupienie inwentarzy roboczych, i na budowlę.

Artykuł 4.

Na raz żadnemu gospodarzowi nie będzie mogło być udzielonym więcey, iak respective po dwa korce żyta, w gotowiznie po zp. 50 wyraźniey złotych polskich pięćdziesiąt, a nie mniey iak respective po cwierci żyta, a w gotowych pieniądzach po zp. 10 wyraźniey złotych dziesięc.

Artykuł 5.

Pożyczka w życie z nowego zbioru w mieśiącu listopadzie, pieniężna w przeciągu naydaley iednego roku oddaną być powinna, z procentem od korca żyta po garncy dwa, od cwierći po pół garnca,—od każdych złotych 10 za każdy upłyniony miesiąc, bez względu na datę, ani ilość upłynionych dni, po jednym groszu polskim, tak np. gdy zapożyczono w miesiącu czerwcu (byle którego kolwiek dnia) zp. 30,—a dłużnik pożyczkę tę zwraca w mieśiącu listopadzie, wtedy winien będzie dać procentu za całkowite pięć mieśięcy, ogółem groszy piętnaśćie, choćby z rachuby dni ieszcze tyłież czasu niewpłynęło, a to dla zapobieżenia zawikłaney rachunkowośći i ułomków groszowych.

Dłużnik nie uiśćiwszy się w oznaczonym ostatecznym terminie, śćiągnie na siebie skutki exekucyi administracyiney, i na trzy następne lata, traci prawo do nowej pożyczki; przedłużenie terminu do zwrotu pożyczki oznaczonego, iakoteż i cząstkowe przyięcie zwrotu takowey bez ważnych przez radę kommunalną (o którey w art: 8) uznanych powodów mieysce mieć nie może, a nawet w takim przypadku, iednak koniecznie przypadai-

ący procent w całości będzie musiał bydź złożonym, a cząstkowe oddanie wykonanym bydź powinno, respective cwierćiami zboża, a co do pieniędzy dzieśiątnemi po zp: 10, 20, 30 itp.

Artykuł 6.

Na skład zboża dziedzic zamierza przy wspólney pomocy włośćian przy dworze Podzameckim iako w środkowym punkcie dóbr wystawić szpichlerz czyli magazyn z kamienia wymurowany i sklepiony pod dachówką, należycie zaopatrzony mocnemi drzwiami, a w oknach kratami żelaznemi i okiennicami blachą żelazną obitemi zabezpieczony.

Dziedzic do tego doda bezpłatnie wszelki materyał, i przyimuie na śiebie koszta na maystrów, włość z swéy strony dostarczy wszelką pomoc sprzężayną i pieszą.

Szpichlerz ten również stanie się własnośćią włośći; dopóki zaś nie będzie wystawiony, dziedzic na skład zboża kommunalnego wyznaczy oddzielne i odpowiednie mieysce w starym pałacu.

Artykuł 7.

Dla bezpiecznego zachowania gotówki, dziedzic offiaruie skrzynkę dębową, mocno w żelazo okutą z trzema kluczami.

Aktykuł 8.

Administracya całego zakładu pod opieką zwierzchnośći dworskiey, i kierunkiem urzędnika, przez tęż do przedmiotu wszczególnośći upoważnionego, zostanie przy samychże gospodarzach, i prowadzoną bydź ma w następuiący sposób.

1-o W Niedzielę przed dniem S. Andrzeja wedle starego stylu, to iest przed dniem 4/16 lipca każdego roku, każda respective gromada wśi obierze swoich dziesiętników. Ci ze wszystkich siedmiu wsi zgromadzą się we dworze Podzameckim w sam dzień S. Andrzeja dla obierania zpomiędzy siebie na rok ieden trzech administratorów, i do każdego po iednym zastępcy, którzy następnie przed wóytem gminy na troskliwe, wierne i bezstronne piastowanie swych obowiązków przysięgę składać winni będą.

Co do teraźnieyszego roku, i naten raz pierwszy, gdy dzień S. Andrzeja iuż minął, inny termin do wyboru dziesiętników, i zastępców tychże, oznaczonym zostanie.

Dzieśiętnicy, administratorowie, i ich zastępcy, ziednawszy sobie zaufanie gromad, po upływie roku, na rok następny, powtórnie obrani bydź będą mogli.

Żaden gospodarz, na taki urząd obrany, od przyięćia tegoż wyłamać śię nie może, iednak tylko na ieden rok obowiązanem będzie.

Administratorowie, ich zastępcy, i reszta dziesiętników pod prezydencyą urzędnika dworskiego (o którym poniżey obszerniey nadmienionem zostanie) składać będą ogólną radę kommunalną.

Rada ta zgromadzać się ma we dworze Podzameckim w pierwszę niedzielę każdego miesiąca, dla wspólnego naradzenia śię we wszelkich zayść mogących jnstytucyi tyczących śię okoliczności,—oraz zadecydowania podań o nowe pożyczki, lub też o dalsze zakredytowanie dawneij wczęści lub w całości (iak w art: 5); nakoniec w dzień S. Andrzeja rewizya tak kassy, iako i składu zboża, odbiór administracyi od odchodzących administratorów, pokwitowanie tychże, i oddanie dalszey administracyi nowo obranym administratorom, przez tęż ogólną radę uskutecznionem bydź powinno.

Do głównego zgromadzenia w dzień S. Andrzeja, koniecznie wszyscy członkowie rady powinni bydź obecni, do innych potocznych zgromadzeń połowa członków, nielicząc administratorów i zastępców tychże, stanowi komplet.

Przy wszelkich naradach, prosta większość głosów iest stanowcza, w przypadku równości głosów urzędnik, z ramienia dziedzica dóbr do kierowania ustanowiony, rozstrzygnie.

Rozumie się, że przy odbiorze roczney administracyi, sami administratorowie głosu stanowczego mieć nie mogą, nawet od narad nad tąż kategoryą od zgromadzenia wyłączeni bydź winni.

Oddanie przez dłużników pożyczek, i procentów, równie iak odebranie nowo uchwalonych pożyczek, nastąpić niemoże, iak w dniu swiątecznym.

Przyiście długów wydawanie nowych pożyczek, i zarządzanie exekucyi, zaległości, wspólnie do administratorów należy, którzy w razie iakiey oso bistey przeszkody, respective przez swoich następców wyręczać się będą mogli.

Administratorowie za całość kassy i remanenta zbożowe, oraz dobrą konserwę zboża, w magazynie zbożowem będącego, solidarnie są obowiązani, do pomocy w magazynie zbożowym, do przesypania zboża itp. cała włość za wezwaniem administracyi z kolej pomocy udzielać powinna.

Klucze tak do kassy, iak i do magazynu, powierzone będą administratorom, którzy takowe u siebie starannie i pod dobrem zamknięćiem zachować, i nikomu, wyiąwszy w niezbędney potrzebie respective swojm zastępcom, chwilowo powierzyć mogą; ciż zaś po załatwieniu powierzoney im czynności klucze natychmiast administratorowi zwrócić winni; każden respective administrator za swoiego zastępcę iest odpowiedzialnym, ieżeli by zaś miał powody temu nieufać, w takim razie ogólnemu zgromadzeniu to przedstawić może, a w razie usprawiedliwienia swojego podeyrzenia, rada mocną będzie oskarżonego zastępcę usunąć, a w mieysce tegoż innego do końca bieżącego roku obierać.

Urzędnik dworski, maiący nadzór nad jnstytucyą, iako też i administratorowie, w razie iakiey nagłey potrzeby, zwołać mogą nadzwyczayne zgromadzenie rady w całym komplecie.

Ponieważ administratorowie nic działać niemogą co się tycze jnstytucyi, szczególnie z kassy lub magazynu niewydawać, ani też nic przyiąć nie mogą, iak tylko wszyscy trzy razem,—przeto zawsze pomiędzy sobą powinni się porozumieć względem godziny zeyścia się, i otem jnteressantów wcześniey zawiadomić, ażeby dla nikogo nie było zawodu.

Rachunkowość piśmienna utrzymywaną będzie przez kieruiącego urzędnika dworskiego, który dziennik i kontrolle wszelkiego przychodu i rozchodu utrzymywać winien, i obowiązanym będzie, po ukończeniu każdego miesiąca, wygotować abszlus, i extrakt tegoż przy następnem pierwszoniedzielnym zgromadzeniu radzie złożyć, w którym remanent tak kassowy, iako i magazynowy wykazany bydź winien.

Zarazem pomieniony urzędnik miesięcznie ułoży wykaz zaległośći, to iest tych pożyczek, które w oznaczonym terminie niebyły zwrócone, i takowy administratorom wręczy dla zarządzenia przez właśćiwych dziesiętników exekucyi.

Kassa pod ciągłem zamknięciem wszystkich trzech administratorów zachowaną będzie u urzędnika przez zwierzchność dworskę wyznaczonego.

Rok rachunkowy wyznacza śię, od dnia S. Andrzeja, aż do tegoż samego dnia w następuiącym roku, i w tym dniu urzędnik kieruiący, w komplećie zgromadzoney radzie ogólney rachunek roczny z wykazaniem remanentów tak w kassie i w magazynie, iako też w ruchu będących, zgoła stan całego instytutu radzie składać będzie obowiązany.

Extrakta miesięczna, i rachunki roczne, po sprawdzeniu tychże przez radę kommunalną, w skrzyni kassowey zachowane bydź powinny. Urzędnik kieruiący na to wszystko przez zwierzchność dworską udzieloną mieć będzie stosowną instrukcyę.

Oprócz tych piśmiennych rachunków, administratorowie powinni utrzymywać karby z przychodu i rozchodu zboża, ieden ogólny dla magazynu. a szczegółowy do każdey respective wśi dla utrzymania kontrolli.

Żaden wydatek ani z kassy, ani z magazynu nastąpić nie może iak za drukowaną assygnacyą sznurową. Wzór do tychże przez zwierzchność dworską wydany będzie. Po uchwale przez radę dla którego gospodarza pożyczki, urzędnik kieruiący dla tegoż gospodarza assygnacyą napisze, z księgi sznurowey wytnie i interessantowi wręczy, dla odebrania wyznaczoney dlań pożyczki; każda taka assygnacya powinna bydź zaopatrzoną ciągłem numerem kontrolli, a zostanie w ręku pobieraiącego pożyczkę; całkowite lub też cząstkowe oddanie pożyczki ma bydź na otwrotney stronie

assygnacyi pozakwitowanem, a to w celu, ażeby interesant w każdym czaśie z niszczenia długu mógł się wylegitymować.

Nadto, utrzymaną bydź ma księga do zapisywania w niey przez urzędnika dworskiego wszelkich uchwał, ogólney rady komunalney protokułów rewizyinych i odbiorczych i t. p.

Karby w magazynie, księga sznurowa i ogólna księga w skrzynie kassowey powinny bydź zachowane, koszta sprawienia pierwszych reyestrów i ksiąg niemniey potrzeb magazynu, iakoto: miar, szufel i t. p. dziedzic na siebie przyimuie, następnie wszelkie podobne wydatki, iakoteż utrzymanie szpichlerza wystawić się maiącego, z kassy kommunalney uskutecznione bydź winny.

Artykuł 9.

Fundusz w art: 1 wymieniony iest wieczystem, na zawsze w całośći utrzymanym bydź winien, uważany iako kapitał zakładowy, i pod żadnym względem obróconym i użytym bydź niemoże, iak wyłącznie na właśćiwy cel, to iest: na udzielenie czasowych pożyczek dla stowarzyszonych gospodarzy, wpływy zaś z procentem od pożyczek tak zbożowych, iako i pieniężnych, i uzbierany z tychże nowy kapitał, za uchwałą rady ógólney inne otrzymać może przeznaczenie, zawsze iednak tylko zamierzaiące na wspólne dobro stowarzyszonych włośćian, i tak np. zbywaiące od własnych potrzeb zapasy żyta, w czaśie wysokich cen targowych na korzyść instytutu śpieniężane bydź będą mogły. A przeciwnie z uzbieranego nowego funduszu kassowego, w czaśie taniośći, jęczmien i owies, lub też innego rodzaju produkta do magazynu na wsparćie potrzebnych włośćian do siewu wiosennego za ustanowionem procentem zakupione bydź mogą; nawet urosły taki kapitał na zaspokojenie ogólnych ćiężarów włośći, lub też na iaki dobroczynny zakład innego rodzaju obrócić nie będzie zabronionym, co jednak bez uchwały ogólney rady w całym kompliecie, i w żadnym czasie jak tylko przy zgromadzeniu w dnie S. Andrzeja nastąpic może,—a nadto, potrzebować będzie piśmiennego zatwierdzenia samego dziedzica dóbr, lub przez tegoż szczególnie nato umocowanego zastępcy.

Artykuł 10.

Urząd dziesiętników, administratorów i ich zastępców bezpłatnie będzie sprawowany, wynadgrodzenie urzędnika, do nadzoru i kierunku instytucyi ust·nowionego, dziedzic przyimuie na śiebie.

Artykuł 11.

Każda gromada w szczególnośći solidarnie odpowiedzialną iest za swoich dziesiętników, i zaległośći swych członków, włość cała za administratorów i zgoła za całość funduszu zakładowego.

Straty i szkody, które się zdarzyć mogą bez niczyiey winy lub zaniedbania, iako to, np. decess przez uschnięcie zboża, myszy, robactwa i t. p. lub też zrządzone przez iakiś nieszczęsny i nieprzewidziany przypadek, za uchwałą ogólney rady w całym komplecie po gruntownem i protokularnem ich usprawiedliwieniu w księgach kassowych na ubytek odpisane będą.

Artykuł 12.

Dla zabezpieczenia funduszu na przypadek pożaru magazyn zbożowy tak pod względem budowli iako i zapasów w krajowym towarzystwie ogniowym zabezpieczonym bydż ma, i kassa komunialna winna ponośic przypadaiącą składkę ogniową.

Artykuł 13.

Podług tych przepisów wszyscy, których się tyczy, ściśle zachować się maią, i tylko sam dziedzic dóbr takowe co do postępowania i formy zmienić będzie mocen, instytucya zaś przez się i właściwy cel teyże pod żadnym względem nigdzie i przez nikogo niebędą mogły bydż zmienione.

Nareszcie J. W. Storożenko, generał major, oświadcza iako właściciel dóbr ordynacyi Chęciny z przyległościami, offiarę i zakład powyższy czyni w myśli, iż włościanie teraz, a bardziey ieszcze w przyszłości ocenić będą zdolni iego dla nich chęć, a iedyną onych nadgrodą pragnie widzieć w dobrym ich bycie.

Poczem akt ten w przytomności świadków Ur. Konstantego Pstrągowskiego, i Antoniego Koruskiego, obywateli krajowych w Warszawie zamieszkałych, odczytany, przyięty, i własnoręcznie podpisany został (podpisano) wojenny generał policmayster czynney armii p. o. vice prezydenta m. Warszawy generał major Storożenko, Antoni Koruski, Konstanty Pstrągowski, (podpisano) Maciey Sadowski regent powiatu Warszawskiego.

Zalecamy i rozkazuiemy wszystkim komornikom sądowym, od których by się tego domagano, aby ninieyszy akt wyexekwowali naszemu Prokuratorowi Generalnemu, i Prokuratorom Królewskim przy Trybunałach cywilnych 1-ey instancyi, aby tego dopilnowali. Wszem komendantom i urzędnikom siły zbroyney, aby dodali pomocy woyskowey, gdy oto prawnie wezwani zostaną.

Dla wiary ninieyszy wyciąg pierwszy główny urzędowy z aktem oryginalnym, na stemplu ceny groszy dziesięc spisanym, na aktach znayduiącym się, co do słowa zgodny wydanym został dla włościan dóbr Chęcin w dniu przyięcia.

Regent powiatu Warszawskiego (podpisano) Maciey Sadowski.

(L. S.)

Корреспонденція Варшавскаго Курьера о возобновленіи костела св. Станислава въ с. Старо-Хенцинахъ.

(Kurjer Warszawski D. 16 Maja.—Rok 1839. Czwartek.—№ 128).

Z Chęcin.—Przeszło od 2-ch wieków, kościół Ś-go Stanisława we wsi Starochęcinach Gub: Krakow: Powiecie Kieleckim położony, zostawał w zupełnem zaniedbaniu, nawet iak to widać z wyciągu lustracji Starostwa Chęcińskiego z r. 1789, który brzmi: „Wieś Chęciny, iest w tej wsi Kościołek czyli publiczna Kaplica murowana w krzyż kawalerski, piękna i ozdobna, całkiem zaniedbana, bo dach na niej zły, okna powybiiane. Smętarz był ogrodzony parkanem w słupy murowane, ale się poobalało. 2 Dzwonnice murowane bez dachu puste. Z żalem patrzy się na to co mogło kosztować okładem 30,000 złp. poświęca niedbałość i nieczułość". Według złożonego Extraktu Juramentu Coram Actis Crae: Chencinensiae Feria secunda post Immaculatum Assumptionem in Coelum G. V. M. et suscilicet die 17 Mensis Augusti Anno domini presenti 1789, przez JW. Teofila Załuskiego Kasztelana Buskiego Starosty Chęcińskiego wykonanego przysięgi. (Podpisano) U. U. J. M. P. P. Franciszek Lisicki Szambellan J. K. M. Mostow. Ignacy Grabowski Vicesgerent Grodzki Chen: Rudkowice, Posesorowie i P. Andrzej Kozierski Rachmistrz". A więc od r. 1789 znów upłynęło lat 50 i naturalnie, że kościół bardziej uległ ruinie; teraz los zdarzył iakby nieiaki Jubileusz, gdy po upływie pół wieku od wspomnionej lustracji, Szanowni Kapłani Dyecezji Krakows: w d. 8 Maja r. b., w uroczystość Ś-go Stanisława z gotową i miłą chęcią zjechali do Starochęcin i szczeremi modłami do PRZEDWIECZNEGO celebrowali poświęcenie tego kościoła, na czele których był JW. JX. Wysocki Prałat kollegjaty Kieleckiej i JWX. Janecki Dziekan miejscowy. Kilka tysięcy Ludu otaczało ten przybytek BOŻY, niosąc doń gorące modły za dar miłosierdzia. WJX. Dziekan w mowie, z powodu tej uroczystości mianej, do łez obecnych rezczulił, równie iak i JX. Pasternakiewicz, gdy przy rozejściu, do zgromadzonych przemówił. Dobrana muzyka wykonała wielką Mszą; poczem w pałacu Dziedzica (nieobecnego) na Podzamczu, dany był świetny obiad, gdzie bawiono się wesoło. Godna iest uwagi tudzież wspomienia i ta okoliczność, że gdy z rozporządzenia teraźniejszego Właściciela b. Starostwa Chęcińskiego, przystąpiono do reparacji Kościoła i zdjęto Obrazy dla oczyszczenia ich, o ile to zdawało się być dostępnym; po oczyszczeniu okazało się, że wielki Obraz JEZUSA Ukrzyżowanego wyobrażaiący, iest dziełem prawdziwie mistrzowskiem, a na Obrazie BOGARODZICY z ŚS. Patronami kraiu, wyraźnie widać napis, że obraz ten był malowany w r. 1590, zkąd zdaie się, że czas nie ważył się zniszczyć tego pomnika pobożności fundatorów, których popioły blisko przez 2 wieki, być może, spoczywaią pod murami tej starożytnej Kaplicy".

CXII.

Извѣщеніе о бракосочетаніи Елисаветы Андреевны Стороженко съ Николаемъ Ивановичемъ Ушаковымъ [1]).

Kurjer Warszawski. D. 11 Lutego. Rok 1839. Poniedziałek № 40.

W obec J. O. Xięcia Jegomości Namiestnika, i dostojnych osób, odbytym został wczoraj wieczorem w Grecko-rossyjskiej kaplicie zamkowej, obrzęd zaślubin W. Mikołaja Uszakowa pułkownika lejb-gwardyi 2 artyl. brygady, adjutanta J. O. Xięcia Feldmarszałka, głównie dowodzącego czynną armją, z panną Elżbietą Storożenko, córką J. W. jenerała-majora Storożenki p. o. jenerała-policmajstra czyn. ar. i wice-prezydenta miasta Warszawy. Po odbytem nabożeństwie, orszak godowy przyjmowany był w domu rodzicielskim panny młodej.

CXIII.

26 іюня 1839 года. Петергофъ. Письмо князя Горчакова къ А. Я. Стороженку.

Почтеннѣйшій Андрей Яковлевичъ, благодарю Васъ отъ души за письмо Ваше отъ 18 числа с. м., оно пришло весьма кстати. Точка зрѣнія, съ которой Вы видѣли вещи, кажется, признана здѣсь за весьма основательную. Я не имѣю еще отправленія, но надѣюсь выѣхать дня черезъ два, или три. Прошу Васъ подождать меня въ Вильнѣ. Новое показаніе де-Люсине прислано сюда княземъ Долгоруковымъ и я его читалъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга князь Михаилъ Горчаковъ. Перваго письма Вашего не имѣю.

CXIV.

3 іюля 1839 г. Г. Варшава. Генералъ-полицiймейстеру дѣйствующей арміи господину генералъ-маіору и кавалеру Стороженку.

Увѣдомляю Ваше Превосходительство, что письма и рапорты Ваши на мое имя всѣ получены, что Вы должны еще оставаться въ г. Вильнѣ по возложенному на Васъ порученію до возвращенія въ Варшаву начальника главнаго штаба арміи, по возвращеніи же его и по объясненіи съ нимъ, отвѣтъ Вамъ будетъ данъ съ особымъ нарочнымъ.

Генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій.

---

[1]) Вдова генералъ-лейтенанта Е. А. Ушакова скончалась 14 сентября 1897 г. въ Варшавѣ на 80-мъ году жизни, погребена на Вольскомъ кладбищѣ. Это была женщина обширнаго образованія и съ художественными вкусами. До глубокой старости она сохранила живость ума и интересъ къ самому разнообразному чтенію

CXV.

Варшава, 8/20 генваря 1841 г. Письмо Андрея Яковлевича Стороженка къ Ильѣ Яковлевичу Стороженку.

Поздравляю тебя, любезнѣйшій братъ и другъ Илья Яковлевичъ, съ возвращеніемъ къ своему владѣнію нѣкогда принадлежавшей дѣду нашему Мармизовки [1]). Я помню этотъ хуторъ въ самомъ цвѣтущемъ положеніи, когда жили въ немъ старый князь и покойница бабушка [2]), помню простое старинное гостепріимство и изобилье, представляю себѣ живо стаи борзыхъ и гончихъ, скликаемыхъ охотничьими рогами, ястребовъ, и за ужиномъ перепеловъ съ печерицами. Помню прекраснѣйшій, по тогдашнему времени, конскій заводъ, пѣгихъ жеребцовъ, изъ коихъ одного называли Орломъ, восхищались имъ и цѣнили въ 2 т. руб.; обширное и уставленное скирдами гумно; и наконецъ, выкрашенную кладовую, наполненную разными яствами и сластями, куда бабушка съ полными карманами ключей отправлялась всякій день, а съ нею и я, для выбора заѣдокъ. Дворъ князя и усадьба были истинно панскіе.

Не перемѣняй мѣста для дому, а выстрой его на старомъ по прилагаемому при семъ плану, и да будетъ въономъ у тебя прежнее изобиліе и достатокъ. Грустно было смотрѣть послѣ, когда князья раздѣлились и сходились только, не тѣмъ ихъ вспомнить, для пьянства съ Жабскимъ и Брагинскимъ попами и Озерянскимъ Дейнекою, повѣреннымъ въ дѣлахъ промотаннаго достоянія. Невозможно описать отвратительной картины невѣжества, грязнаго разврата, праздной лѣни и омерзительнаго безпорядка во всемъ,—что было потомъ въ Мармизовкѣ; довольно вспомнить Алёну Владимировну, Кармалѣя и сожительницъ двухъ князей, Настю и Евдокію.

Я погружаюсь въ уныніе, въ недоумѣніе, когда какой нибудь нечаянный случай приведетъ мнѣ на мысль пріѣздъ мой въ Брагинцы, гдѣ въ теченіе 20 лѣтъ запачканный хлопецъ всякій день искалъ по двору цеглинки, чтобы подложить подъ ножку изломаннаго стола и ни-

---

[1]) Д. Мармизовка—Лохвицкаго уѣзда. Мармизовское имѣніе принадлежитъ нынѣ заслуженному профессору Московскаго университета Николаю Ильичу Стороженку.

[2]) Старый князь и покойница бабушка—капитанъ князь Владимиръ Орбеліани (Орбеліяновъ) и его супруга Ѳекла Ивановна, урожденная Себастіановичъ, бывшая въ первомъ бракѣ за войсковымъ товарищемъ Александромъ Андреевичемъ Стороженкомъ и имѣвшая отъ Стороженка сына, Якова Александровича. Имѣнія въ с. Брагинцахъ и д. Мармизовкѣ Ѳекла Ивановна унаслѣдовала отъ отца своего бунчуковаго товарища Ивана Андреевича Себастіановича. Брагинецкое имѣніе досталось первобрачному сыну Стороженку, а Мармизовское раздѣлилось между дѣтьми отъ второго брака—кн. Орбеліанами.

когда не подчинявшагося, или обѣдъ въ Мармизовкѣ. Какъ можно такъ опуститься, закоснѣть и разорвать всякую связь съ обществомъ и приличьемъ? Неужели деревенская жизнь увольняетъ насъ отъ обязанности гражданина, отца семейства и отъ необходимой для человѣка дѣятельности? Напротивъ, въ деревнѣ то и надобно трудиться, чтобы не скучать. Какъ весело смотрѣть на порядокъ вокругъ себя! Кажется, легче и умереть въ хорошемъ домѣ, на чистой постели и въ присутствіи опрятнаго и приличнаго семейства!

Въ Малороссіи, къ сожалѣнію, есть еще и понынѣ и подобные князья, и подобныя домамъ ихъ кочевья, но есть много людей и просвѣщенныхъ, трудолюбивыхъ и дѣятельныхъ хозяевъ. Да сподобитъ тебя Богъ, пріобрѣтая, не отстать отъ послѣднихъ. Я напередъ восхищаюсь настоящею Мармизовкою и пріемомъ радушнаго ея хозяина. Пошли Господи тебѣ, любезнѣйшій братъ, успѣхъ во всѣхъ твоихъ намѣреніяхъ.

Пожелавъ тебѣ съ семействомъ всѣхъ благъ міра сего, есмь и буду твой братъ и другъ А. Стороженко.

CXVI.

Письмо Ивана Петровича Невѣровскаго къ А. Я. Стороженку отъ 3 сентября 1847 года.

Д. Павловщина, 3 сентября 1847 года. Ваше Превосходительство, Андрей Яковлевичъ! Зная высокую преданность Вашу къ престолу и отечеству, а равно и теплую привязанность Вашу къ прекрасной родинѣ нашей, я увѣренъ, что Вамъ пріятно будетъ прочитать маленькое стихотвореніе одного изъ почитающихъ Васъ земляковъ Вашихъ. Я не сомнѣваюсь, что Вы оцѣните прилагаемые при семъ стихи не по поэтическому достоинству ихъ, а по тѣмъ чувствамъ, которыми полна собственная душа Ваша.

Вмѣстѣ съ симъ беру смѣлость безпокоить Васъ покорнѣйшею просьбою моею о предстательствѣ Вашемъ за достойнаго молодого офицера Харьковскаго уланскаго полка поручика Унгебара. Особенную записку о дѣлѣ семъ представляю.

Съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностію имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою Иванъ Невѣровскій.

когда не подчин[illegible] въ Мармизовкѣ. Какъ можно такъ опуститься, закоснѣть и [illegible] всякую связь [illegible] личьемъ? Неужели [illegible] увольняетъ [illegible] гражданина, отца семейства [illegible] необходимой [illegible] вѣка [illegible] ности? Напротивъ, [illegible] то и надобно трудиться [illegible] Какъ весело [illegible] на [illegible] вокругъ [illegible] умереть въ [illegible] домѣ, на чистой постели и [illegible] тетвіи опр[illegible] наго и [illegible]

В[illegible] князья, и подобныя домамъ ихъ кочевья, но есть [illegible] свѣщенныхъ, трудолюбивыхъ и дѣятельныхъ хозяевъ [illegible] тебя Богъ, пріобрѣтая, не отстанъ отъ послѣднихъ. Я напередъ восхи-щаюсь [illegible] Пошли [illegible] намѣр[illegible]

[illegible] буду [illegible]

CXVI.

[illegible]
3 сен[illegible] 18[illegible] года.

Анд[illegible] отеч[illegible] динѣ[illegible] стих[illegible] сом[illegible] чес[illegible] стве[illegible]

про[illegible] цер[illegible] пис[illegible]

быт[illegible] ров[illegible]

Фот. С. В. Кульженко. Кіевъ.

Андрей Яковлевичъ
Стороженко † 1858 г.

(Съ дагерротипа, снятаго въ 1847 г.)

Баронъ и его супруга [1]).

Смерть и жона
Отъ Бога назначона.
Изъ солдатской пѣсни.

Баронъ нашъ правъ, судьбой дана
Ему коварная жена.
Онъ былъ богатъ, могучъ и славенъ,
Весь міръ искалъ въ родствѣ съ нимъ быть,
И міру миръ былъ имъ доставленъ,
Онъ въ вѣкъ его хотѣлъ хранить.
Она, стоявши у распутья,
Терпѣла крайность и позоръ,
Одежда сорвана въ лоскутья,
Боязненно потупленъ взоръ.
Ее не въ жены, въ одалиски,
Хотѣлъ боецъ великій [2]) взять,
Но брошенъ самъ на островъ дикій,
Ее оставилъ вновь стенать.
Тогда совѣтъ всесильно властный [3])
Барона крѣпко убѣждалъ,
Чтобъ онъ, могучій и безстрастный,
Ее, какъ данницу, принялъ.
Баронъ взглянулъ; увидѣвъ слезы,
Увидѣвъ блѣдный цвѣтъ ланитъ,
Подумалъ, сжалясь: пусть же розы
Ей замѣнятъ сей грустный видъ.
Онъ изъ рабынь ее мгновенно
Своей супругою нарекъ,
И цѣлой признано вселенной,
Ка́къ отъ тиранства былъ далекъ.
Онъ ей оставилъ всю свободу,
Права, повѣрья старины,
И далъ всему ея народу
Оплотъ, защиту отъ войны.
Она, коварная, молчала,
Копила деньги, брала дань,
И, укрѣплясь, возмечтала,
Что можетъ съ нимъ итти на брань.

---

[1]) Въ стихотвореніи этомъ аллегорически изображаются отношенія Россіи и Польши.
[2]) Императоръ французовъ Наполеонъ I.
[3]) Вѣнскій конгрессъ.

Тутъ неожиданно, безстыдно,
Она отъ ложа поднялась,
Бранила мужа такъ обидно,
Что кровь рѣками полилась.
Смирить ее не трудно было,
Одинъ ударъ, толпа ушла,
Баронъ, смотря на все уныло,
Сказалъ: „чреда ея пришла“.
Съ тѣхъ поръ, лишенная свободы,
Она крамолами живетъ,
Смущаетъ воплемъ всѣ народы
И гибели барона ждетъ.
А онъ, великій, благородный,
Ей милосердно говоритъ:
„Я удалилъ твой штатъ придворный,
Но ты спокойно можешь жить.
А если хочешь быть счастливой,
Соединись въ душѣ со мной;
И съ силой новой, горделивой,
Пойдемъ мы въ путь рука съ рукой.
И намъ ли враждовать съ тобою,
Вѣдь мы не чужды по крови,
Зачѣмъ же злобой роковою
Гасить намъ нѣжный жаръ любви?“
Слова любви и правды строгой
Безумно презрѣла жена
И судъ исторіи, и судъ Бога—
Признать не думаетъ она.
Вотъ почему мы почитаемъ,
Что былъ во всемъ нашъ правъ баронъ,
Ее жъ тогда любить мы станемъ,
Когда ее обниметъ онъ.

Иванъ Невѣровскій.

1847 года, генваря 20, г. Золотоноша.

CXVII.

С. Вознесенское, 18 октября 1847 г. Письмо Алексѣя Васильевича Капниста къ Андрею Яковлевичу Стороженку.

Съ какимъ же грустнымъ чувствомъ проводили мы Васъ, достойнѣйшій Андрей Яковлевичъ, чрезъ мирныя степи Украины на западъ и дружескою мыслью сопутствовали Вамъ до Варшавы съ искреннимъ

желаніемъ Вамъ всего лучшаго, всѣхъ исполненій въ желаніяхъ Вашихъ, хотя однимъ изъ нашихъ угодниковъ предлагается молитва, въ которой онъ проситъ Бога не исполнять того, чего онъ желаетъ, но да совершится Его святая воля!

Вы только подразнили насъ надеждою, что, наконецъ, прильнете къ родному краю, что, наконецъ, среди насъ, кровныхъ искреннихъ Вамъ друзей, Вы отдохнете послѣ шумной многотрудной жизни, послѣ полезныхъ трудовъ службы. Съ выѣздомъ Вашимъ исчезли, ежели не навсегда, то, вѣроятно, надолго всѣ улыбнувшіяся намъ надежды, какъ дымъ, какъ мечта.

Богъ благословитъ Васъ на принятые вновь труды! Но не грѣшите противъ родной земли, противъ кровныхъ друзей Вашихъ, и навѣщайте ихъ хотя изрѣдка. Вы ихъ любите, и они встрѣчаютъ Васъ съ искренностью.....

Нема того въ цилимъ свити,
Що въ биленый хати!
Нема того въ свити щастья,
Що на риднимъ поли;
Не найдешъ ты, козаченьку,
Въ чужимъ свити доли!
Наша маты Украина,
Якъ горлыця вьется,
Та за своихъ козаченькивъ
Въ билы груды бьется.

Подвизайтесь на поприщѣ Вашего призванія и вѣрьте дружбѣ живо и искренно преданныхъ Вамъ всею полнотою души, изъ которыхъ не послѣднее мѣсто занимаетъ Васъ душевно уважающій Алексѣй Капнистъ.

Вновь прилагаю паспортъ, прося о перемѣнѣ, и ежели можно, на продолжительнѣйшій срокъ, во избѣжаніе моей Вамъ о немъ частой докучливости.

Иванъ Петровичъ и Александръ Петровичъ съ живѣйшимъ чувствомъ признательности благодарятъ Васъ за добрую память Вашу и свидѣтельствуютъ ихъ душевную преданность и почтеніе. Въ благословенномъ краю нашемъ холера дѣйствуетъ слабо. Первоначально она появилась въ Зѣньковскомъ уѣздѣ въ селѣ Камышахъ, именно тамъ, откуда началась и въ прошедшій разъ, потомъ явилась при устьѣ Орели, а впослѣдствіи въ Кременчугѣ, гдѣ выхватила нѣсколько жертвъ и уже ускромилась. Появлялась въ Хоролѣ и Пирятинѣ, проскакиваетъ мѣстами въ другихъ мѣстностяхъ, но Золотоношскаго уѣзда не касается, и вездѣ слаба и ничтожна. Полтавская губернія, кажется, не представляетъ ей большого разгулу, именно потому, что просторъ существуетъ въ поселеніяхъ и что жители живутъ — каждый въ отдѣльной *бѣленой хатѣ*.

29

CXVIII.

18 іюня 1848 г. Письмо Анны Евгеніевны Дараганъ къ А. Я. Стороженку.

18 іюня 1848 г. С. Рубанка. Какъ оправдать передъ Вами мое долгое молчаніе, почтеннѣйшій Андрей Яковлевичъ, да и стоитъ ли оно быть замѣчено; во всякомъ случаѣ Вы должны быть увѣрены, что оно вовсе не происходитъ отъ моего равнодушія къ дорогимъ и лестнымъ для меня доказательствамъ Вашей расположенности. Письмо Ваше застало меня въ Рубанкѣ въ такую горькую и тяжкую минуту моей жизни, что, боясь слишкомъ отразить тогдашнее состояніе души моей въ отвѣтѣ къ Вамъ, я отложила его до болѣе спокойной минуты. Вслѣдъ затѣмъ я должна была поѣхать навѣстить моихъ бѣдныхъ старичковъ, гдѣ узнала о скоромъ пріѣздѣ въ Малороссію Владимира Андреевича, и ожидая его къ себѣ, я не хотѣла писать, не увидѣвшись съ нимъ. Вчера мы разстались, надѣюсь, друзьями. Все, что видѣло и узнало Вашего милаго сынка, въ восторгѣ отъ него, и въ самомъ дѣлѣ такое прекрасное сочетаніе блестящихъ качествъ ума и образованія съ его скромностью, съ его дѣтски-теплымъ сердцемъ, возвышенной душей, чрезвычайно рѣдко и трудно можно встрѣтить въ свѣтѣ, и еще труднѣе, встрѣтивши, не полюбить всей душой. Однимъ словомъ Вы счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, достойнѣйшій Андрей Яковлевичъ, и какъ ни любить Васъ, хочется Вамъ позавидовать.

Мы провели четыре дня вмѣстѣ въ хозяйственныхъ прогулкахъ, какъ водится въ деревнѣ; не имѣя чѣмъ хвастать въ настоящемъ, я старалась хвастать въ будущемъ, какъ всегда дѣлаютъ бѣдные люди, которыхъ никакой горькій опытъ не отучитъ расчитывать на завтрешній день.

Когда то Вы пожалуете въ наше любезное отечество, столько разъ воспѣтое Вами и между тѣмъ оставленное. Благодарю Васъ очень за стишки, я ихъ сохраню, какъ память Вашего патріотизма и какъ обвиненіе противъ него. Боюсь распространяться, чтобы не мѣшать Вашимъ, вѣроятно, удвоеннымъ занятіямъ. Ради Бога, мирите поскорѣй Европу, я отъ этого ужасно страдаю, ибо швейцарка, нетерпѣливо ожидаемая мною для моей дочки, не можетъ переступить нашей границы, и Богъ знаетъ, когда кончится этотъ несносный карантинъ. Ежели бы Ваша *omnipotence* могла мнѣ помочь въ этомъ горѣ, т. е. еслибы, не затрудняя себя, Вы бы мнѣ могли дать какой нибудь *permis* для этой бѣдной женщины, которая вовсе не ѣдетъ возмущать Европу, а смотрѣть только за ребенкомъ, какъ няня, Вы бы мнѣ оказали истинное благодѣ-

яніе, почтеннѣйшій Андрей Яковлевичъ. Всегда и во всякомъ случаѣ вѣрьте моему глубокому уваженію и живѣйшей преданности А. Дараганъ. Вся семья моя Васъ привѣтствуетъ, дорогую Юлью Ивановну прошу разцѣловать за меня, также сестру Catherine и дѣточекъ.

CXIX

6 апрѣля 1850 г. Письмо Ивана Петровича Невѣровскаго къ А. Я. Стороженку.

Д. Павловщина, 6 апрѣля 1850 г. Письмо твое, почтеннѣйшій другъ Андрей Яковлевичъ, писанное 16 февраля, я получилъ только 3 апрѣля, оно шло очень долго и наводило на меня мрачное безпокойство не о благородныхъ, высокихъ правилахъ твоихъ, готовыхъ всегда на вспоможеніе ближнему, а о здоровьи твоемъ! Теперь это безпокойство уничтожено и я съ глубокимъ чувствомъ души моей приношу тебѣ истинную благодарность мою за безпокойство о пріисканіи мѣста въ канцеляріи главнокомандующаго племяннику моему. Викторъ Гофманъ одинъ изъ первыхъ студентовъ въ Одесскомъ Ришельевскомъ лицеѣ, по всѣмъ вѣроятностямъ онъ получитъ чинъ ежели не 12-го, то 14-го класса, выпускной экзаменъ будетъ въ маѣ мѣсяцѣ, и тогда онъ можетъ явиться въ Варшаву. Надобно только, чтобы то мѣсто, которое великодушная дружба твоя ко мнѣ отыскала для него, защищено было добрыми людьми до пріѣзда Гофмана. Въ этомъ все упованіе мое я возлагаю на твою благотворительность и на слово твое, которое безъ сомнѣнія должно быть уважено во всѣхъ мѣстахъ Россійской имперіи. Государственная служба твоя принесла отечеству нашему столько пользы, какъ немногіе приносятъ, и, конечно, отечество не забудетъ ея. Всякій человѣкъ имѣетъ болѣе или менѣе чувство эгоизма. Мой эгоизмъ крѣпко разыгрался при извѣстіи о намѣреніи твоемъ возвратиться на родину. Воображенію моему живо представляются всѣ тѣ отрадныя минуты, которыя я могу проводить съ тобой, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время нѣтъ уже почти никого изъ тѣхъ людей, которые были близки моему сердцу. Однихъ похитила смерть, а другіе уѣзжаютъ по разнымъ надобностямъ. Вотъ и Алексѣй Васильевичъ Капнистъ собирается переселиться въ городъ для продолженія воспитанія дѣтей своихъ [1]); остается только

[1]) Дѣти Алексѣя Васильевича Капниста всѣ, кажется, живы и въ настоящее время. Дмитрій Алексѣевичъ — россійскій посолъ въ Вѣнѣ; Василій Алексѣевичъ — почетный опекунъ; Петръ Алексѣевичъ — сенаторъ; Павелъ Алексѣевичъ также сенаторъ, бывшій попечитель Московскаго учебнаго округа; дочери: Александра — супруга проф. Чичерина, Марія — вдова Вас. Аркад. Кочубея. Съ 1876 г. Капнисты получили право носить графскій титулъ, пожалованный предку ихъ Венеціанскою республикою.

одинъ умный Позенъ, съ которымъ мы иногда навѣщаемъ другъ друга и съ которымъ я отвожу тоску души бесѣдой просвѣщенной, но онъ живетъ довольно далеко и не можетъ назваться деревенскимъ сосѣдомъ. Боюсь я однакоже, почтеннѣйшій другъ мой, чтобы послѣ твоей дѣятельной жизни уединеніе не было слишкомъ безцвѣтно. Конечно, въ наши лѣта спокойствіе замѣняетъ многое, а опытъ временъ доказалъ, что счастье человѣка находится только внутри его. Но привычка дѣло важное. Управленіе имѣніемъ не замѣнитъ того важнаго управленія, которое теперь лежитъ на раменахъ твоихъ, а мы деревенскіе обитатели, отставшіе отъ вѣка, не усладимъ часовъ твоего отдохновенія и едвали поймемъ помыслы твоего ума; тебѣ надобно будетъ спуститься къ намъ, потому что всходъ къ тебѣ и высокъ, и труденъ. Впрочемъ вѣдь Наполеонъ на о. св. Елены сказалъ: „я теперь постели моей не отдамъ за всѣ земные троны". Когда нуженъ непремѣнно отдыхъ, то нигдѣ не можетъ быть удобнѣе, какъ въ Чевельчѣ и Щербаковкѣ [1]), тамъ есть все для деревенскаго покоя и все устроено тобою, творцу нельзя не радоваться твореніемъ своимъ, а особенно если оно благоденствуетъ, какъ твое. Сегодня былъ у меня Запара, я ему сообщилъ намѣреніе твое пріѣхать въ Малороссію и онъ сказалъ: „ну, какъ пріѣдетъ генералъ, то конскій заводъ его будетъ первый въ Полтавской губерніи". Пиво и теперь уже первое, я его пью, возсылая всякій разъ благодареніе тебѣ.

Въ настоящее время домъ мой довольно оживленъ, у меня гостятъ двѣ племянницы мои, дѣвица Гофманъ и сестра ея вдова, Любовь Антоновна Васильковская, съ тремя дѣтьми. Что же касается собственно меня, то могу сказать, что душа моя прискорбна до печали. Добрая сосѣдка и родственница моя, Марья Андреевна Ильяшенко, отчаянно больна. Доктора находятъ уже развитую чахотку и назначаютъ жизнь только до осени. Да будетъ во всемъ воля Господня! Истинно уважающій тебя и безъ лести преданный тебѣ другъ И. Невѣровскій.

Прошу засвидѣтельствовать мое душевное почтеніе достойнѣйшей Юліи Ивановнѣ и Екатеринѣ Михайловнѣ. Какъ я радъ буду увидѣть маленькихъ дѣтей твоихъ.

---

[1]) С. Чевельча—Лубенскаго уѣзда, д. Щербаковка—Пирятинскаго уѣзда; оба имѣнія куплены Андреемъ Яковлевичемъ у Кулябки и Щербака послѣ того, какъ имъ были распроданы наслѣдственныя владѣнія въ с. Ржавцѣ (см. выше, стр. 164) и лѣса въ Борзенскомъ уѣздѣ.

Къ біографіи Алексѣя Петровича Стороженка [1]).

(Свѣдѣнія изъ его формуляра, его письма и литературныя мелочи).

Исполнившееся 6 ноября минувшаго 1899 г. 25-лѣтіе со дня смерти извѣстнаго малорусскаго писателя А. П. Стороженка, умершаго 6 ноября 1874 г., вызвало въ печати нѣсколько статей и замѣтокъ, касающихся литературной дѣятельности и біографіи Стороженка. Къ сожалѣнію, однако-жъ, до сихъ поръ мы не имѣемъ полнаго собранія его сочиненій. Печатавшіеся въ 1861 и 1862 г.г. въ журналѣ „Основа“ талантливые малорусскіе разсказы его были, правда, собраны въ отдѣльномъ изданіи, вышедшемъ въ С.-Петербургѣ въ 1863 г., въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: „Українськi оповiдання“, но изданіе это давно уже составляетъ библіографическую рѣдкость. Изданная въ 1879 г. въ Одессѣ повѣсть Стороженка „Марко проклятый“ также давно разошлась въ продажѣ. А между тѣмъ малорусскія произведенія Стороженка всегда находили обширный кругъ читателей и до настоящаго времени, благодаря художественному юмору и прекрасному, чисто народному языку, которымъ Стороженко владѣлъ въ совершенствѣ, сохранили ту прелесть и интересъ, которые надолго обезпечиваютъ имъ распространеніе въ публикѣ. Послѣ смерти Стороженка были, какъ мнѣ извѣстно, желающіе издать его малорусскіе разсказы, но почему-то всегда встрѣчали затрудненія, не зная, кто изъ далекихъ родственниковъ его имѣетъ право разрѣшить новое изданіе. Только въ недавнее время потребность въ новомъ изданіи сочиненій Стороженка отчасти удовлетворена, благодаря совершенно неожиданному содѣйствію А. Суворина, извѣстнаго книгоиздателя и редактора „Новаго Времени“.

Это изданіе Суворина „Украинськи оповидання О. Стороженка“, по всей вѣроятности, поставило его въ немалое затрудненіе. Оно перепечатано очевидно съ изданія 1863-го года, но это изданіе было напечатано господствовавшимъ въ то время малорусскимъ правописаніемъ—***кулишивкою***, а тутъ Суворину пришлось встрѣтиться съ требованіемъ „общепринятаго русскаго правописанія“, къ тому же, вѣроятно, ни наборщика, ни корректора, знающихъ малорусскій языкъ, у Суворина не нашлось—и въ результатѣ появилось изданіе съ такимъ неправильнымъ правописаніемъ и съ такою массою ошибокъ, что чтеніе

[1]) Перепечатано изъ журнала „Кіевская Старина“, т. 68, 1900 г., срт. 273—311.

прекрасныхъ разсказовъ Стороженка въ изданіи Суворина крайне затруднительно. Но какъ бы то ни было, потребность въ новомъ изданіи разсказовъ Стороженка, благодаря Суворину, хотя отчасти удовлетворена. Было бы весьма желательно, чтобы и русскія произведенія Стороженка, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. романъ „Братья близнецы", разсказъ „Сотникъ Петро Серпъ" и нѣкоторыя другія, печатавшіяся въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ г.г. въ русскихъ журналахъ, нашли издателя, такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ произведеній Стороженка не лишены интереса и для настоящаго времени.

До сихъ поръ также мы не имѣемъ сколько-нибудь обстоятельной біографіи Стороженка, которой онъ, несомнѣнно, заслуживаетъ, какъ одинъ изъ видныхъ представителей малорусской литературы въ шестидесятыхъ годахъ. Едва ли впрочемъ и возможна такая біографія въ настоящее время, при крайней скудости біографическихъ матеріаловъ. Желательно поэтому, чтобы лица, близкія къ Стороженку или случайно имѣющія у себя матеріалы, касающіеся жизни и литературной дѣятельности его, озаботились опубликованіемъ ихъ. Въ этихъ видахъ печатаю имѣющіеся у меня матеріалы, оставшіеся по смерти Одесскаго книгопродавца В. И. Бѣлаго, предпосылая имъ нѣсколько объяснительныхъ строкъ.

Въ 1872 году умеръ въ Одессѣ книгопродавецъ Григорій Ивановичъ Бѣлый. Друзья и знакомые его пожелали почтить достойнымъ образомъ полезную дѣятельность его, какъ книгопродавца и издателя, въ особенности же его преданность и любовь къ дѣлу народнаго образованія, и порѣшили устроить въ память его народную школу на Среднемъ фонтанѣ въ 6 верстахъ отъ Одессы, гдѣ онъ раньше содержалъ народную школу на свои собственныя средства. Съ этою цѣлью братъ покойнаго, Василій Ивановичъ Бѣлый, къ которому перешелъ книжный магазинъ, предположилъ издать малорусскій литературный сборникъ, предназначивъ выручку отъ продажи сборника на усиленіе средствъ для устройства и содержанія той школы. По совѣту земляковъ, В. И. Бѣлый обратился между прочимъ и къ Стороженку съ просьбой принять участіе въ предположенномъ сборникѣ. Стороженко въ то время проживалъ въ своей усадьбѣ Тишинѣ близь г. Бреста, состоя предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ посредниковъ и предводителемъ дворянства. Съ чувствомъ живѣйшаго участія отнесся Стороженко къ этому приглашенію Бѣлаго—и такимъ образомъ между ними завязалась весьма дѣятельная переписка. Всѣхъ дошедшихъ къ намъ писемъ Стороженка къ Бѣлому осталось 17, изъ нихъ первое отъ 13 декабря 1873 г., а послѣднее писано 21 октября 1874 г., т. е. за 16 дней до смерти Стороженка. Кромѣ этихъ писемъ, въ бумагахъ, оставшихся по смерти Бѣлаго, сохранился также „Краткій формулярный списокъ" о службѣ

прекрасныхъ разсказовъ Сто[illegible] въ изданіи [illegible] крайне затруднительно. Но какъ бы [illegible] было, потребно[illegible] [illegible]вомъ изданіи разсказовъ Стороженка [illegible] Суворину, [illegible] удовлетворена. Было бы весьма [illegible] [illegible]бы и русс[illegible] [illegible]изведенія Стороженка, по край[illegible] [illegible] [illegible]ыя изъ нихъ, [illegible] напр. романъ „Братья близнецы“, разс[illegible] „[illegible]никъ Петро Сери[illegible] [illegible]ѣкоторыя другія, печатавшіяся въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ [illegible] [illegible]ческихъ журналахъ, нашли издателя, такъ какъ нѣкоторыя изъ этих[illegible] [illegible]изведеній Стороженка не лишены интереса и для настоящаго времени.

До сихъ поръ также мы не имѣемъ сколько-нибудь обс[illegible] біографіи Стороженка, которой онъ, несомнѣнно, заслуживаетъ, [illegible] [illegible] [illegible]дныхъ пре[illegible]телей малорусской литературы въ шести- [illegible] [illegible] такая біографія въ [illegible] [illegible]ихъ. Въ этихъ видахъ [illegible] [illegible] матеріалы, оставшіеся по смерти Одесскаго [illegible]продавца В. И. Бѣлаго, предпосылая имъ нѣсколько объяснительныхъ строкъ.

Въ 1872 году умеръ въ Одессѣ книгопродав[illegible] [illegible] [illegible]вичъ Бѣлый. Друзья и знакомые его пожелали [illegible] [illegible]мъ образомъ полезную дѣятельность его, какъ книгопродавца и издателя, [illegible] особенности же его преданность и любовь къ дѣлу народнаго обра[illegible] [illegible] порѣшили устроить въ память его народную школу на Сред[illegible] [illegible] верстахъ отъ Одессы, [illegible] [illegible] содер[illegible] [illegible] [illegible]бственныя средства. [illegible] [illegible] къ которому перечень [illegible] [illegible]тературы [illegible] [illegible] средства для устройства и содержанія той школы. По совѣту земляковъ, В. И. Бѣлый обратился между прочимъ и къ Стороженку съ [illegible]сьбой принять участіе въ предположенномъ сборникѣ. Стороженко [illegible] проживалъ въ своей усадьбѣ Тишинѣ [illegible] [illegible] съѣзда мировыхъ посредниковъ и [illegible] [illegible]ствомъ живѣйшаго участія отнес[illegible] [illegible] Бѣлаго — и такимъ образомъ между [illegible] весьма [illegible] Всѣхъ [illegible]дшихъ къ н[illegible] [illegible]тороженка [illegible] 17, изъ [illegible] первое от[illegible] [illegible]ря 1873 г., а [illegible] 21 октября 1874 г., т. е. за [illegible] [illegible] смерти Сто[illegible] [illegible] этихъ [illegible] бумагахъ [illegible]хся по смерти [illegible]лся также „[illegible] формуляр[illegible] списокъ“ о службѣ

Бѣ.

Алексѣй Петровичъ
Стороженко († 1874).

его, доставленный, вѣроятно, упоминаемымъ въ письмахъ А. А. Глушановскимъ, который въ сохранившемся письмѣ къ В. И. Бѣлому обѣщалъ ему добыть выписку изъ формуляра Стороженка. Приводимъ нѣкоторыя свѣдѣнія, могущія служить дополненіемъ къ біографіи Стороженка. Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ формулярѣ никакихъ свѣдѣній о воспитаніи Стороженка. Формуляръ начинается сообщеніемъ о томъ, что Стороженко вступилъ на правѣ вольноопредѣляющихся въ Нѣжинскій Конно-Егерскій полкъ унтеръ-офицеромъ въ 1824 г. 31 декабря. Затѣмъ изъ формуляра видно, что во время пребыванія въ военной службѣ онъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ 1829 г., потомъ въ усмиреніи Польскаго мятежа 1831 года, при чемъ дѣйствовалъ въ сраженіи противъ корпуса Ружицкаго, въ преслѣдованіи коего перешелъ въ Галицію, и за участіе въ сихъ дѣлахъ, за храбрость и мужество награжденъ орденомъ св. Анны съ бантомъ. Потомъ во время войны 1849 г. противъ „мятежныхъ Венгровъ" вновь находился въ походахъ и по переходѣ границы Царства Польскаго „слѣдовалъ по Галиціи чрезъ Перемышль, Ржешовъ, Тарновъ, Самборъ, Лембергъ и обратно въ Радзивиловъ." Въ 1851 г. 13 марта онъ былъ назначенъ для особыхъ порученій при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ, а въ 1854 г. 15 іюня опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій VI кл. при министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Состоя въ этой должности, онъ не разъ былъ командируемъ по весьма важнымъ порученіямъ, какъ напр. въ Москву для открытія виновныхъ въ кражѣ у помѣщика Мусина-Пушкина до 300 тысячъ рублей, въ Рязань для изслѣдованія духовнаго завѣщанія, составленнаго помѣщикомъ Огаревымъ не въ пользу дѣтей своихъ, въ Тверь для обозрѣнія мѣстъ заключенія и т. п. Въ то-же время ему давались и иныя, такъ называемыя „секретныя порученія", какъ напр. въ 1855 г. по предписанію министра вн. дѣлъ возложено было на него „секретное порученіе, по исполненіи коего онъ представилъ донесеніе г. министру.„ По всей вѣроятности, всѣ эти порученія исполнялись имъ успѣшно, потому что вскорѣ онъ былъ повышенъ и приказомъ по министерству вн. дѣлъ 9 іюля 1861 г., т. е. во время самаго большаго расцвѣта литературной дѣятельности Стороженка, онъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V кл. при министрѣ вн. дѣлъ и командированъ приказомъ отъ 23 августа 1861 г. „въ разныя губерніи по особо возложенному на него порученію", а 6 октября того же года въ г. Москву „по особому секретному дѣлу". Затѣмъ въ 1864 г. онъ былъ командированъ въ распоряженіе генералъ-губернатора сѣверо-западнаго края (гр. Муравьева), а въ 1868 г. 25 мая по прошенію уволенъ отъ службы, при чемъ, по всеподданнѣйшему докладу министра вн. дѣлъ Стороженку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника назначена была пенсія 1500 рублей въ годъ.

На этомъ и оканчивается „краткій формулярный списокъ“. Какъ извѣстно изъ біографіи Стороженка, послѣдніе годы своей жизни онъ состоялъ на службѣ въ должности Брестскаго предводителя дворянства и предсѣдателя съѣзда мировыхъ посредниковъ. Несравненно больше интереса, біографическаго и общественнаго, представляютъ уцѣлѣвшія письма Стороженка къ Бѣлому. Письма эти несомнѣнно удостовѣряютъ, что послѣ изданія въ 1863 г. „Украінськіхъ оповідань“ Стороженко совершенно прекратилъ свою дѣятельность, какъ малорусскій писатель, и въ послѣдніе 11 лѣтъ своей жизни ничего по-малорусски не написалъ. Присланныя имъ къ Бѣлому XI главъ изъ начатой повѣсти „Марко проклятый“ и нѣкоторыя мелочи: байка „Куры та Собака“, разсказъ „Вывивъ дядька на сухеньке“ и побасенка „Чоловикъ та жыто“ были написаны имъ еще до изданія „Оповиданій“. Даже повѣсть „Марко проклятый“, надъ которою онъ такъ много поработалъ, которою онъ вообще былъ доволенъ, говоря въ одномъ письмѣ, что она „выношена имъ подъ сердцемъ“ и ссылаясь на лестный отзывъ Гулака-Артемовскаго, даже это произведеніе, начатое имъ въ то время, „когда писалось такъ легко“, осталось неоконченнымъ, не смотря на то, что авторомъ выработанъ былъ даже планъ дальнѣйшаго продолженія и окончанія повѣсти. Несомнѣнно, что должны были существовать серьезныя причины, заставившія одного изъ талантливыхъ и плодовитыхъ малорусскихъ писателей 60-хъ годовъ, прекратить литературную дѣятельность. Въ своихъ письмахъ къ Бѣлому, на неоднократные вопросы послѣдняго, Стороженко объясняетъ это, повидимому, различно. Такъ, въ письмѣ № 1 онъ объясняетъ: „когда обрушился на насъ Катонъ (т. е. Катковъ) и благонамѣреннымъ нашимъ дѣйствіямъ придалъ безобразное значеніе сепаратизма, я пересталъ писать“, а изъ письма № 5 видно, что его сильно задѣла критическая статья, напечатанная въ „Современникѣ“ по поводу его „Оповиданій“, а еще болѣе то, что за него не вступились земляки, „восхвалявшіе Марка Вовчка“. „Съ тѣхъ поръ я далъ слово прекратить писанье на родномъ языкѣ и, какъ видите, сдержалъ слово“, заканчиваетъ Стороженко. Въ сущности же въ объясненіяхъ этихъ нѣтъ противорѣчія. Если принять во вниманіе служебное положеніе Стороженка въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при министрѣ вн. дѣлъ постоянно командируемаго то въ распоряженіе генералъ-губернаторовъ, то по „секретнымъ дѣламъ“, а также сильное опасеніе Стороженка прослыть „неблагонамѣреннымъ“, доходившее до того, что невинную байку „Куры та Собака“, написанную имъ очевидно по поводу ожидаемаго освобожденія крестьянъ еще въ 1860 г., какъ и самъ онъ объясняетъ въ письмѣ № 2, онъ долго стѣснялся не только печатать, но и списывать никому не давалъ, опасаясь, что она можетъ быть отнесена кѣмъ-либо къ позднѣйшимъ событіямъ,—то ста-

нетъ вполнѣ понятно, что обвиненіе въ сепаратизмѣ, заимствованное Катковымъ изъ еврейской газеты „Сіонъ“ и брошенное имъ въ лицо дѣятелей малорусской литературы, должно было произвести особенно сильное впечатлѣніе на Стороженка. Это и была первая по времени и наиболѣе сильная по дѣйствію причина, а затѣмъ уже появившаяся въ 1863 г. критическая статья и задѣтое авторское самолюбіе еще болѣе укрѣпили Стороженка въ намѣреніи его порѣшить съ малорусскимъ писательствомъ. Къ тому же справедливо признать, что и послѣдовавшая служба Стороженка, требовавшая усиленныхъ занятій и частыхъ разъѣздовъ, не благопріятствовала писательству, а въ послѣдніе годы къ этому присоединилось и нездоровье, на которое постоянно жаловался Стороженко. Какъ бы тамъ ни было, но оставивъ литературную дѣятельность, Стороженко не отрѣшился отъ малорусскихъ симпатій. Съ сердечнымъ участіемъ отнесся онъ къ намѣренію Бѣлаго издать малорусскій сборникъ и въ письмахъ своихъ постоянно интересовался литературными малорусскими новинками, присылаемыми ему Бѣлымъ, высказывалъ о нихъ свои замѣчанія, а въ одномъ письмѣ передаетъ благодарность Одесскимъ землякамъ за то, что они считаютъ его „своимъ“ и въ свою очередь проситъ поклониться „нашимъ“. Весьма интересны также сообщаемыя въ письмахъ свѣдѣнія и замѣчанія Стороженка, относящіяся къ современнымъ ему дѣятелямъ малорусской литературы, его мнѣнія о козачествѣ, о малорусскомъ переводѣ Евангелія, о причинахъ паденія „Основы“ и другія сообщенія, имѣющія, несомнѣнно, общественный характеръ.

Въ заключеніе считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ по поводу предполагавшагося Бѣлымъ малорусскаго сборника или, лучше сказать, по поводу собранныхъ имъ матеріаловъ, такъ какъ изданіе сборника, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, не состоялось. Изъ всего собраннаго матеріала В. И. Бѣлый издалъ только повѣсть Стороженка „Марко проклятый“ (Одесса 1879 г.), въ которую вошли XI главъ, написанныхъ Стороженкомъ, а остальныхъ 5 главъ были составлены издателемъ или кѣмъ либо изъ земляковъ—этого я не могъ узнать, — но однакожъ по плану, составленному Стороженкомъ и сообщенному имъ въ письмахъ къ Бѣлому. Затѣмъ уже по смерти В. И. Бѣлаго нѣкоторые матеріалы, предназначенные для сборника, были напечатаны мною въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, другіе остаются до времени въ моемъ портфелѣ. Между прочимъ во Львовскомъ журналѣ „Літературно-науковий вістник“ напечатаны мною тѣ литературныя мелочи Стороженка, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ къ Бѣлому. Что же касается писемъ Стороженка къ В. И. Бѣлому, извѣстныхъ въ печати только лишь по нѣкоторымъ, весьма краткимъ, выдержкамъ изъ нихъ, то эти письма предлагаю почти въ полномъ объемѣ

вниманію читателей „Кіевской Старины", за исключеніемъ мѣстъ, имѣющихъ частный характеръ, и съ тѣми примѣчаніями, какія мнѣ казалось умѣстнымъ сдѣлать для объясненія писемъ [1]).

№ 1. *13 декабря 1873 г. Брестъ.*

М. Г. Василій Ивановичъ! Не нахожу словъ выразить Вамъ мою признательность за Ваше любезное вниманіе къ старому дидугану присылкою книгъ, которыя доставили мнѣ истинное удовольствіе: „по нашому кажучы: полаталы мени душу".

Насчетъ повѣсти Антонъ Андреевичъ [2]) сказалъ Вамъ отчасти только правду, потому что она не окончена, а написано только XI главъ, а еще слѣдуетъ 9. Повѣсть эта въ формѣ поэмы подъ названіемъ „Марко проклятый" – отверженный скиталецъ, котораго за грѣхи не принимаетъ ни земля, ни адъ. Существуетъ у насъ поговорка „товчеться, якъ Марко по пеклу". Стало быть въ изустномъ преданіи народа должна существовать и легенда похожденій Марка, и вотъ 30 лѣтъ отыскивалъ я и собиралъ куски раздробленной легенды и кое-что собралъ. Каждый народъ имѣетъ своего скитальца: французы – вѣчнаго жида Сантенера, испанцы—Мельмота, у нѣмцевъ и англичанъ такъ ихъ много, что не перечтешь, у русскихъ—Кощей безсмертный, а у насъ Марко. И кажется нашъ-то Марко заткнетъ за поясъ всѣхъ скитальцевъ. Чтобы придать болѣе живости и разнообразія поэмѣ, я связалъ ее съ войною 1648 года (возстаніе Хмельницкаго). На сценѣ много историческихъ лицъ: Еремія Вишневецкій, езуитъ Залинскій, княжна Корецкая, князь Четвертинскій, Кривонисъ, Павлюга, Гуня, Свитъ и многіе другіе. Началъ я мою поэму въ то время, когда писалось такъ легко, но когда обрушился на насъ Катонъ [3]) и благонамѣреннымъ нашимъ дѣйствіямъ придали самое безобразное значеніе сепаратизма, я пересталъ писать, какое-то равнодушіе къ „ридній мови" выказалось повсемѣстно, и признаюсь Вамъ, охладѣли настолько мои порывы, что я потерялъ всякую охоту къ тому занятію, которое доставляло мнѣ немалое наслажденіе, просто не подымается рука, хоть поэма моя выношена подъ сердцемъ.

---

[1]) Предисловіе это написано г. М. Комаровымъ.

[2]) А. А. Глушановскій—пріятель Стороженка, который посвятилъ ему одинъ изъ своихъ разсказовъ „Чортова корчма". Умеръ въ Одессѣ въ іюлѣ 1902 г. на 86-мъ году жизни.

[3]) Рѣчь идетъ, по всей вѣроятности, о редакторѣ Московскихъ Вѣдомостей Катковѣ, выступившемъ въ 1863 г. съ страстными обличеніями малорусскаго сепаратизма, измышленнаго впервые еврейскою газетою „Сіонъ". (См. ст. „Основа и вопросъ о національности"—Сіонъ 1861, № 10).

Мнѣ кажется, если бы кто-нибудь взялся составить сборникъ (въ духѣ Хаты Кулиша), то я бы охотно передалъ XI главъ, и если землякамъ понравилось бы мое писаніе, то, можетъ быть, когда продлится вѣкъ, и докончилъ. Нашъ старый батько Гулакъ-Артемовскій, прочитавши Марка, своею рукою написалъ: „зъ роду лучшого не чытавъ и до смерти вже не прочытаю". Може старый и шутковавъ, а може й правду казавъ, не мыни се дило ришаты.

Есть у меня еще нѣсколько стихотвореній Гулака-Артемовскаго, 3 псалма, перелож. на малор. языкъ, пародія на упадокъ вѣка и мелкихъ нѣсколько. Эти стихотворенія очень бы украсили сборникъ.

Посылаю 6 р. и прошу прислать соч. 5 т. Гребенки. Ще спасыби Вамъ за Вашу ласку.

Всею душою до Васъ прыхыльный

А. Стороженко.

Ps. Колы побачыте Ант. Андре: то поклониться та вылайте, що мовчыть.

№ 2. *13 января 1874 г. Брестъ.*

М. Г. Василій Ивановичъ! Нужно отдать Вамъ полную справедливость, большой Вы мастеръ баловать старого дида Вашимъ обязательнымъ вниманіемъ. Опять присылка книгъ, весьма интересныхъ по изданію, и задушевныя строки, которыя полаталы мыни душу на новый рикъ. Спасыби Вамъ, добрый земляче, николы не забуду Вашои ласкы. Не знаю вже чымъ Васъ оддякувать и посвящаю Вамъ мою байку „Куры та собака", вылылась вона на папиръ у ти часы, якъ свята правда пережила виковичню неправду и зачарованый людъ зъ быдла зновъ ставъ людомъ. Дуже буду радъ, колы вона Вамъ подобается, никому я іи не дававъ спысовать, хоча й просылы, и до Васъ дійде першому.

Марка перепышу и Артемовского виршы и прышлю Вамъ. Продолжать Марка тяжело, не подымается рука, нужно что-нибудь особенно сильное, могучее, чтобы двинуло поэму впередъ. Бо й старый вже ставъ, морока и зъ тыею службою, подай Боже сылы и те переписать, що напысано.

Если нужно для сборника, то можно включить Марка, будетъ листовъ на пять печатанныхъ большого формата. Если же вы думаете сборникъ составить на русскомъ языкѣ, то могу служить Вамъ повѣстью на русскомъ языкѣ.

Хотѣлось бы подольше съ Вами побесѣдовать, но времени нѣтъ, завтра открывается рекрутское присутствіе, на цѣлый мѣсяцъ мученія и дѣла много. Поневолѣ нужно отложить беседу на дальше, и подяковавшы Васъ ще разъ и пожелавшы усёго того, що вы добрымъ людямъ желаете, остаюсь всею душою преданный

А. Стороженко.

Куры та собака.

У якогось вельможного пана куры збунтувалысь,
Розкудкудахкалысь, розлютувалысь,
Дарма що куры, а такый гармидеръ пиднялы,
Що трохы курныка у пень не рознеслы.
На ту добу де не взялась собака,
Дворо́вая, не то що гультипака,
Сьмиленько пидбигла до дверей
И такъ загавкала на курей:
„Тю, дурни!.. Чы вы сказылысь,
Чого се такъ вы розбисылысь?..
Невдячни!.. Чы ще мало панъ печется
Объ любенькыхъ своихъ кура́хъ?
Винъ якъ рыба объ лидъ бьется,
Щобъ вы тыхенько куняли по куткахъ.
Чого вамъ треба оглашенымъ,
Чого бракуе навиженымъ?
Вамъ курныкъ збудувалы и сидала зробылы,
Щобъ васъ тхоры не йилы, не губылы,
По мирци въ день проса высыпають,
Повнисеньке корыто воды налывають,
А тилькы заквокала курочка яка,
То заразъ и яечка пидкладають,
Бо у пана, бачъ, думонька така,
Щобъ курячый вашъ ридъ плодывся,
Благоденствувавъ и веселывся“!..
Рябко хотивъ бувъ ще брехаты,
Курамъ тымъ де що доказаты,
Якъ куры усею громадою загомонили,
Заверещалы и заголосылы:
„А щобъ вамъ благоденствие таке
До вику вичного було,
Тоди-бъ побачылы, яке
Насъ горе оплело!..
Що дня десяткамы въ поварню забырають,
Панамъ на обидъ, на вечерю прыправляють.
И рижуть, и скубуть,
И варять, и печуть;
Та нехай бы тилькы панамъ,
А то и всимъ чорта́мъ!..

А дворня хиба не ласа
До курячого мяса?
А вы, Рябкы,
Не грызете́ наши кисткы?..
Такъ колы насъ бережуть,
Годують и стережуть,
То для тіеи тилькы справы,
Щобъ мы смачнійшъ булы въ потрави!
Та нехай бы вже хочъ мовчалы
И байдыкамы насъ не улещалы,
А то ще ту ману у вичи напускають
И тымъ благоденствіемъ докоряють"!..
На видповидь таку Рябко не ставъ уже брехаты,
Та, правду кажучы, ничого було й казаты,
И тильки прогарчавъ: яки тепереньки чудніи куры сталы:
Бачъ, чого схотилось, щобъ йисты ихъ перестали!
1860 р. Санжары.

О. Стороженко.

№ 3. *15 февраля 1874 г. Брестъ.*

М. Г. Василій Ивановичъ! Причины замедленія въ отвѣтѣ вполнѣ достаточныя. Поздравляю и желаю отъ всей души побольше цвѣтовъ на жизненномъ пути Вашимъ новобрачнымъ.

Нездужаю,—простудился во время встрѣчи Государя и надсадился во время рекрутскаго набора; такъ чтобы по аккуратнѣй изложить все, что слѣдуетъ,—буду писать по пунктамъ.

1. Посылаю Вамъ Марка 4 главы, переписанныя мною,—можете оставить у себя, а остальныя 7 перепишите и пришлите ихъ ко мнѣ; авось, можетъ быть, когда Богъ продлитъ вѣку, да у меня сердце отойдетъ, то можно будетъ и кончить. Во всякомъ случаѣ, если будете издавать сборникъ, о которомъ пишете, то печатайте; развѣ у насъ въ литературѣ мало такихъ примѣровъ, что печатается нѣсколько главъ изъ романа. Въ арабескахъ Гоголя напечатана одна глава изъ его романа Миргор. пол. Глечикъ [1]).

2. Гулака-Артемовскаго только и нашелъ, что посылаю. Было больше, но, вѣроятно, прикарманили тѣ, которые брали переписывать.

---

[1]) Вѣроятно, изъ романа подъ загл. „Гетманъ", гдѣ Миргородскій полковникъ Глечикъ—одно изъ дѣйствующихъ лицъ. См. соч. Гоголя изд. 10 подъ ред. Тихонравова. Т. V, 1889 г. стр. 130.

3. Посылаю мой портретъ 1864 года и карточку 1872-го года. Послѣднія таки уцѣлѣли. Въ свою очередь прошу и Вашу карточку, а въ случаѣ неисполненія, также съумѣемъ процессъ съ Вами завести. Я съ нетерпѣніемъ желаю полюбоваться чертами моего любого и щирого земляка, доставившаго мнѣ такъ много утѣшеній на чужбинѣ своимъ привѣтливымъ словомъ.

4. Стороженко, о которомъ Вы пишете, двоюродный мой братъ, Андрей Яковлевичъ [1]). Былъ сначала въ Варшавѣ военнымъ генералъ-полицеймейстеромъ, а потомъ министромъ внутреннихъд ѣлъ въ Царствѣ Польскомъ. На сына сердился онъ за то, что онъ, за бывши уже поруч. Семеновскаго полка, оставилъ гвардію и поступилъ студентомъ въ Дерптскій университетъ. Братъ часто мнѣ на него жаловался: „Не будетъ изъ него никакого прока", обыкновенно говорилъ онъ, „представь себѣ, поѣхалъ онъ заграницу; я ему на вояжъ далъ 3 т.; что-же ты думаешъ?—возвратился назадъ и привезъ мнѣ тысячу, которую не одолѣлъ издержать. Ну скажи, если бы наши батьки дали бы намъ грошей, то хиба дулю пидъ нисъ довелось имъ одъ насъ побачить, а грошей выбачай".

5. Спасыби за брошюрку. Только она очень коротка, а предметъ, о которомъ идетъ дѣло, громаденъ.

6. Лышко тяжке съ тимъ генералъ-губернаторствомъ,—розсыпалось воно зъ тимъ нещастнымъ людомъ, що тепереньки деяки не тильки зостаются, якъ А: А: Г. безъ портфеля, а и безъ штанивъ. Шутка ли, содержаніе генер.-губернаторства въ Одессѣ стоило казнѣ около 300 т... Сколько пришлось челюстей съ зубами положить на полку?

Бачыте, коханый земляче, пышучи до Васъ, и хворобу свою забувъ. Пышить, голубчику, та тильки цуръ не титуловать мене тимъ превосходительствомъ, нехай ёму аби що мижъ нами. Бувайте здорови. Усею душою прыхильный до Васъ

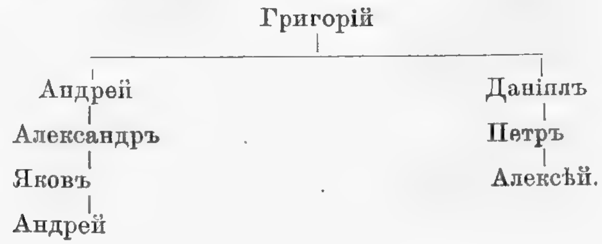
А. Стороженко.

№ 4. *25 февраля 1874 г. Брестъ.*

М. Г. Василій Ивановичъ! Любезное Ваше письмо отъ 20 февраля я получилъ очень скоро — 22 вечеромъ. Слава Богу, что все получили исправно и остались довольны.

---

[1]) Родство между Алексѣемъ Петровичемъ и Андреемъ Яковлевичемъ опредѣляется слѣдующею таблицею:

Здоровье мое по *трохи* поправляется, но еще не выѣзжаю. Не обвиняйте меня въ напрасныхъ жалобахъ на нездоровье,—я страдаю болѣзнію сердца, которое отъ продолжительнаго употребленія (68 лѣтъ) износилось порядочно. Если еще маюсь на свѣтѣ, то силою, данною мнѣ при рожденіи; не такъ давно еще я сгиналъ двугривенные, разгиналъ подковы и носилъ на гору 10 пудовъ. Короче—былъ когда то козакъ, а теперь *казна-що*.

Говорилъ я о сборникѣ, по случаю вашего заявленія издать оный для поддержанія или основанія школы въ память достойной дѣятельности Вашего брата. Впрочемъ, не знаю, понялъ ли я хорошо выраженное Вами въ письмѣ, и писалъ, что Марка можно помѣстить и въ 11 главахъ.

Карточку Вашу ожидаю съ нетерпѣніемъ. Гдѣ Антонъ Андреевичъ и що зъ нимъ *дієця?*

Поправляйтесь и Вы отъ простуды, та й *бувайте* здоровы.

Всею душою Васъ любящій и уважающій

А. Стороженко.

№ 5. *8 марта 1874 г.*

М. Г. Василій Ивановичъ! Надобно Вамъ отдать полную справедливость, большой Вы баловникъ: ну скажите на милость, даже стали лакомить меня виноградомъ, *да якимъ солодкимъ, якого у насъ и въ Варшави не знайты*. Вышло совершенно по пословицѣ: „не дорогъ твой подарокъ, а дорога твоя любовь“, вниманіе. *Спасыби Вамъ, мій друже, за Вашу ласку.*

Отзывы Ваши о Маркѣ еще слаще винограда, но, положа руку на сердце, съ полнымъ смиреніемъ заявляю, что особеннаго достоинства и значенія моему творенію, какъ неоконченному, не придаю и не считаю себя въ правѣ принимать незаслуженныя похвалы. Я, кажется, писалъ уже Вамъ, что Марка я выносилъ подъ сердцемъ, а между тѣмъ не кончилъ. Какая тому была причина, я Вамъ признаюсь и да останется это признаніе между нами тайною. Въ 1863 году вышли въ свѣтъ мои Украинскія оповидання. Вслѣдъ за ихъ появленіемъ явились въ Современникѣ [1]), не критическій разборъ, а просто ругня и наглая ложь. Видно было, что критикъ даже не читалъ Оповиданій и не зналъ, что они въ 2 частяхъ. Я мало обратилъ вниманія на выходку Современника, между тѣмъ какъ наши: Кулишъ, Костомаровъ, Бѣлозерскій и tutti

[1]) Современникъ 1863 г. кн. 8: „Русская литература“, стр. 129.

quanti занимались восхваленіемъ Марка Вовчка, а за меня не наéршилась ни одна украинская душа. Съ тѣхъ поръ я далъ честное слово прекратить писанье на родномъ языкѣ и, какъ видите, сдержалъ слово.

Поговоримъ теперь о сборникѣ и о Маркѣ. Разскажу Вамъ о планѣ поэмы и еще кое о чемъ.

По моему крайнему разумѣнію, сборникъ долженъ имѣть названіе независимое отъ какой либо статьи, въ немъ помѣщаемой. Назовите сборникъ какъ хотите: Будинокъ, Куринь, Де-щo, Вискребки и т. п., а затѣмъ, что есть, то и помѣщайте съ отмѣткою имени автора. Необходимо, чтобы сборникъ составилъ не менѣе 25-ти печатныхъ листовъ, а въ страницѣ 1500 или 1600 буквъ.

Марка печатать 9-ть главъ. 4 главы составляютъ экспозицію и 5 будетъ дѣйствія. Главы: X и XI относятся къ эпизоду, который сгруппируется изъ 5 главъ. Въ этотъ эпизодъ, кромѣ событій, описанныхъ въ X и XI глав., войдутъ слѣдующія происшествія: формированіе Павлюгою (Кобзою) загона, военный совѣтъ о нападеніи на Еремію, размѣщеніе загоновъ на позицію, кн. Четвертинскій съ женою попадаютъ въ руки Павлюги, смуты въ лагерѣ Вишневецкаго, извѣстія о разбитіи Хмельницкимъ подъ Корсунемъ двухъ гетмановъ, Еремія получаетъ секурсъ 3 т. кварцяного войска; нападеніе на замокъ, битва, появленіе Марка, замокъ взятъ штурмомъ, рѣзня, Еремія бѣжитъ и, наконецъ, смерть полк. Гуни. Слѣдующій затѣмъ эпизодъ группируется изъ 4 главъ. Въ нихъ войдутъ слѣдующія происшествія: отступленіе Ереміи, который, какъ искусный полководецъ, обманываетъ козаковъ и благополучно переправляется черезъ Днѣпръ, Богданъ Хмельницкій въ Бѣлой-Церкви, его универсалы. Паны, пораженные паникой, разбѣгаются по своимъ замкамъ и приводятъ ихъ въ оборонительное положеніе. Хмельницкій направляетъ загоны на замки пановъ, Кривоносъ и Павлюга идутъ на Немировъ, резиденцію кн. Четвертинскаго. Взятіе приступомъ Немирова, безпощадная рѣзня, убіеніе кн. Четвертинскаго, бенкетъ козаковъ. Павлюга (Кобза) женится на княгинѣ Четвертинской. Эти 4 главы основаны на историческихъ фактахъ и подробностяхъ, которыя и теперь еще живутъ въ изустномъ преданіи народа.

Передамъ вамъ хоть вкратцѣ кое-что изъ этихъ преданій, разсказанныхъ мнѣ еще въ 1825 году, во время стоянки нашего полка въ Немировѣ, слѣпымъ 98-лѣтнимъ священникомъ, который на 9 году своего возраста былъ *поводатаремъ* у своего прадѣда, также слѣпого столѣтняго дѣдугана, самовидца Немировской рѣзни, козацкаго бенкета въ замкѣ и распѣвавшаго *Исаія ликуй*, когда вѣнчали Павлюгу (Кобзу) съ кн. Четвертинской. Вотъ какъ прадѣдъ передавалъ ему эти интересныя продѣлки героевъ 1648 года.

„За недѣлю до Ильи пришли Вовхурянцы, а тамъ загонъ Павлю-

ги, и осадили Немировъ. Со всей околицы въ городъ собралась шляхта, защитниковъ было довольно, и потому два штурма ляхи отразили съ большою потерею для козаковъ. Въ самый день пр. Ильи, на зарѣ, послѣдовалъ третій штурмъ, и козаки ворвались въ городъ. Кривоносъ съ своими Вовхурянцами метнулся на грабежъ и убійства по городу, а Павлюга направился къ укрѣпленному замку кн. Четвертинскаго, окруженному высокою стѣною, вооруженною самопалами, гаковницами и гарматами. Да и задали же козаки лупку шляхтѣ и жидамъ! Болѣе 20 т. лоскомъ положили, не было пощады ни старому, ни малому; рѣзали мать, рѣзали и ребенка на ея груди. На третій день пришли къ Кривоносу Вовхурянцы съ донесеніемъ, что всѣхъ ляховъ и жидовъ вырѣзали,—осталась въ живыхъ только одна жидовка.

— Чому-жъ и еи не заризалы?—спытавъ Крывонисъ.

— Тамъ така гарна, матери ій лыхо,—одказалы козакы, що не пиднялась ни въ одного й рука...

— Якъ бачу, голопузи вы пуцьвирынкы, а не козакы,—скрыкнувъ Крывонисъ,—прыведить лышень іи до мене, такъ побачыте, якъ подыймается рука и на гарну.

Привели жидовку, дѣвушку лѣтъ 17-ти, стройную, поразительной красоты. Свирѣпымъ взглядомъ окинулъ ее Кривоносъ; но и жидовка безъ страха глядѣла ему прямо въ глаза. А когда Кривоносъ, выхвативши саблю, приблизился къ ней, то ея лицо освѣтилось радостною улыбкою; она быстро одною рукою сорвала съ плечъ платокъ, а другою подобрала длинную, чорную какъ гайворонъ косу и, обнаживъ нѣжную шейку, склонила голову передъ Кривоносомъ. Несчастная сама жаждала смерти: все для нея дорогое погибло, осталась только ненавистная жизнь, ожидалъ позоръ.

— Бачъ, чого схотилосъ, - гримнулъ Крывонисъ, вкладывая въ ножны саблю,– не буде-жъ по твоему.

Жидовка кинулась на колѣни предъ Кривоносомъ и умоляла его убить ее, но Кривоносъ впился въ нее своимъ взглядомъ и, казалось, не слышалъ ея словъ.

— Справди гарна,—пробормоталъ онъ и, обращаясь къ козакамъ, добавилъ: одвесты въ мій куринь.

Пока Павлюга осаждалъ замокъ, Вовхурянцы пьянствовали и дѣлились награбленнымъ имуществомъ, а Кривоносъ, тѣмъ временемъ, возился съ своею жидовкою, *якъ китъ съ оселедцемъ*. Носа не вытыкалъ изъ своего куреня и не участвовалъ въ бенкетахъ товариства.

Наконецъ, загонъ Павлюги разрушилъ замковую браму и взялъ замокъ на копье. Въ замкѣ попрятались знатные паны и духовенство, и въ нѣсколько часовъ все было вырѣзано вмѣстѣ съ жолнерами. Самого кн. Четвертинскаго за чубъ вытащили изъ палаца и около крыльца

отрубили топоромъ голову. Осталась въ живыхъ только княгиня, которую прибралъ къ рукамъ Павлюга.

Вечеромъ, того же дня, собрались въ замокъ козаки на бенкетъ. Было чѣмъ и угощать: княжескіе кухари готовили вечерю, изъ подвала замка цѣлыми бочками вкачивали въ залы мальвазію, токай, старые меды и рейнское. Когда компанія немного подгуляла, на Кривоноса посыпались насмѣшки и язвительные намеки за предосудительную связь его съ жидовкою. Кривоносъ самъ сознавалъ свою вину и ясно видѣлъ, что терялъ своимъ поступкомъ довѣріе товариства. И вотъ онъ рѣшился во чтобы то ни стало—снова возстановить свой авторитетъ. Онъ приказалъ разрядить жидовку въ пухъ и прахъ и привести въ замокъ.

Явилась жидовка, разодѣтая въ самое роскошное платье изъ гардероба кн. Четвертинской. Длинная коса до колѣнъ была распущена и голова украшалась только вѣночкомъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Чтобы лучше можно было ее разсмотрѣть, Кривоносъ поставилъ ее на столъ по срединѣ залы и самъ сталъ возлѣ нея по правой ея сторонѣ.

— Ось вамъ, паны-молодци, и жыдивка,—крикнулъ Кривоносъ, якъ бачыте, не бороню іи и не ховаю; у кого пидыймется рука, нехай той и збавыть ій вику!

Козаки сбились около стола и любовались красотою жидовки. Мщеніемъ и кровью насытились они вдоволь, такъ что, если бы теперь привели не то красивую жидовку, а сквернаго жида или ляха, то и на того не поднялась бы ни у кого рука.

— Чого-жъ мовчыте, та зубы скалыте,—съ злобою проговорилъ Кривоносъ, подбирая лѣвою рукою косу,—рижте, стриляйте—на те и прывивъ сюды жыдивку?

— Колы доси не зарызалы,—озвалысь де-якп,—дакъ нехай жыветь небога...

— Нехай жыветь, нехай жыветь!..—раздался общій говоръ козачества.

— Ну, дакъ не корить же й мене!..

Съ послѣднимъ словомъ шваркнула изъ ноженъ сабля, сверкнула, голова жидовки на аршинъ поднялась къ верху, а трупъ, изрыгая фонтаномъ кровь, грохнулся на полъ. Толпа поспѣшно отхлынула назадъ и съ ужасомъ глядѣла на Кривоноса.

— Товарыши,—гаркнулъ Кривоносъ, потрясая саблей,—ся шабля перетяла ланцюги кохання, чы вдержатся-жъ видъ неи лядскіи кайданы?!..

— Ай, отаманъ, ай, отаманъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ. Вовхурянцы кинулись къ своему отаману, сняли его со стола и долго колыхали на рукахъ, восхваляя его геройскій подвигъ.

Бенкетъ продолжался, вино болѣе и болѣе разжигало страсти, и

вотъ посыпались насмѣшки и укоризны и на Павлюгу. Не одни Вовхурянцы, а и многіе изъ загона Павлюги потребовали отъ него, чтобы онъ вывелъ передъ товариство свою коханку княгиню и расправился съ нею, какъ съ жидовкою Кривоносъ. Павлюга, не смутясь, отвѣчалъ козакамъ, что на сегодня довольно и одной жидовки, а завтра утромъ выведетъ на замковый майданъ княгиню и порѣшитъ съ нею, какъ Богъ ему на сердце положитъ.

На другой день, съ утра, замковая площадь покрылась козаками и православнымъ народомъ. Ближе къ крыльцу палаца былъ поставленъ аналой съ образами и зажженными свѣчами, а также собралось духовенство съ клиромъ въ полномъ облаченіи. Когда явились отаманы и войсковая старшина, отслужили благодарственный молебенъ за ниспосланную Господомъ побѣду, а потомъ подошелъ къ аналою Павлюга, ведя за руку кн. Четвертинскую. Княгиня была въ украинскомъ костюмѣ: въ шелковой плахтѣ, малиноваго бархата шушунѣ, обшитомъ золотыми снурками, а голова украшалась парчевою кибалкою, обвитою тончайшимъ, какъ паутина, серпанкомъ.

Такой красивой пары, разсказывалъ прадѣдъ, ему не приходилось на вѣку встрѣчать. Княгиня только была очень печальна. Слезы ручьемъ лились изъ очей и обливали жемчугъ и самоцвѣты, горѣвшіе на высокой ея груди. Когда обрядъ вѣнчанія совершился, Павлюга обнажилъ свой мечъ-кладенецъ. Козаки съ искаженными отъ ужаса лицами глядѣли на отамана, у всѣхъ похолодѣло на душѣ, каждый не забылъ еще обезглавленной жидовки.

— Паны-молодци, гаркнулъ Павлюга, указывая на молодыцю, — передъ вами не княгиня, а козачка, жинка моя, просымо поважать іи а колы якый необачный скрывдыть іи словомъ або поглядомъ, то я ёму отсіею шаблею также отчешу голову, якъ учора Крывонисъ одчесавъ голову жыдивци!

— Ай, отаманъ! — загудѣла толпа. Шапки полетѣли къ верху и молодыхъ ввели въ палацъ съ почотомъ, и свадьбу отпраздновали, какъ слѣдуетъ по обычаю.

Не правда-ли, матеріалъ для повѣсти великолѣпенъ. Въ поэмѣ онъ далъ бы мнѣ золотыя страницы.

Остальныя затѣмъ главы посвящаются преимущественно Марку. Страшный его бой съ Кривоносомъ, котораго онъ убиваетъ, а потомъ рядъ христіанскихъ подвиговъ, — истинное покаяніе, смывающее проклятіе. Поэма оканчивается эпилогомъ.

Записался и заболтался. Возвратимся къ сборнику.

Если украинскаго матеріала не хватитъ на 25 печ. листовъ, то можно помѣстить статейки и на русскомъ. Можно будетъ обратиться и къ Кулишу,—вѣроятно, съ нимъ знакомы,—и попросить у него какую-нибудь стат.: онъ человѣкъ запасный, а коли нѣтъ, то не долго думавши напишетъ.

Присылайте Вашу Зозулю [1]), — увѣренъ, что она удачна. Богъ въ помощь на рисунки къ Марку; если возможно, пришлите адресы, чтобы можно было по нимъ составить понятіе. Я и самъ, какъ художникъ, кое-что маракую по этой части и даже за скульптуру получилъ въ Акад. Худ. медаль, а за проектъ памятника Нестору лѣтоп. званіе художника.

Не думаю, чтобы можно было встрѣтить какія-нибудь затрудненія при печатаніи Марка со стороны цензуры. Напротивъ, въ IV главѣ съ такимъ сочувствіемъ говорится о соединеніи Россіи съ Украиною. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ Вамъ лучше знать, гдѣ печатать. Вы спрашиваете меня объ условіяхъ въ случаѣ печатанія. Предоставляю это Вамъ самимъ рѣшить, съ однимъ только условіемъ, чтобы вознагражденіе было самое умѣренное и незначительное. Всѣ гонораріи, которые я получаю, не принадлежатъ мнѣ, а моимъ бѣднымъ.

Не откажите сообщить, какой эфектъ произвело на слушателей прочтеніе 28 страницы?

Отъ всей души благодарю за поклоны и за то въ особенности, что назвали меня бобыля — своимъ. Теперь и я попрошу Васъ поклониться *нашимъ*.

Написалъ бы я Вамъ и о своемъ кумѣ, (?) котораго мнѣ Богъ послалъ въ Брестѣ, написалъ бы и о Гюпферахъ, (?) съ которыми въ 1865 г. возился въ Таврической губерніи, но утомился и дальнѣйшее писаніе отлагаю на дальше.

Карточки ожидаю съ нетерпѣніемъ, да не Вашу одну, а всего Вашего семейства.

Бувайте здорови. Всею душею прихильный А. Стороженко.

Гулаку-Артемовскому очень не нравилось направленіе украинской литературы, направленной къ восхваленію *козащины*, вызванной въ краѣ бѣдствіями и преслѣдованіемъ православія, козащины, принесшей съ собою и панство, и крипатство, и въ настоящемъ времени потерявшей всякое политическое и соціальное значеніе. Въ посланіи къ Пантелеймону Александровичу Кулишу Артемовскій очень мѣтко, съ

[1]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, о популярной пѣснѣ П. И. Нищинскаго „Закувала та сыва зозуля“, напечатанной затѣмъ въ 1886 г. въ музыкальной пьесѣ П. И. Нищинскаго подъ загл. „Вечерныци“,—Кіевъ, изд. Б. Корейво.

свойственнымъ его таланту юморомъ, посмѣялся надъ всѣми козаколюбцами минувшаго времени. Вотъ оно, переданное мнѣ авторомъ и писанное собственною его рукою.

До П. А. К.

Тай хвацька жъ то колысь була
Козацькая наша маты,
Эге... була, та поплыла,
Іи не вертаты.
Не слынь, Паньку, и не журысь,
Бо й слизъ пожалься, Боже,
Наймы псалтыръ та помолысь—
Журба не поможе.
Ткны попови копොвыка
На содухы въ церкви,
Щобъ лежалы мовчака
Въ сырій земли мертви.
Тай ты зъ попомъ, хочъ у кулакъ,
Прохлыпай партесне [1],—
А щожъ робыть, що сталось такъ,
Царство ій небесне!...

Гулакъ-Артемовскій.

Это стихотвореніе будетъ золотою страницею для сборника.

№ 6. *13 марта 1874 года.*

М. Г. Василій Ивановичъ! Послѣдними письмами мы какъ-то разошлись. Едва отправилъ къ Вамъ мою обширную эпистолу, какъ получилъ отъ Васъ письмо и табакъ.

Насчетъ карточекъ мнѣ болѣе ничего не остается, какъ благодарить добрыхъ моихъ земляковъ за желаніе имѣть мое изображеніе. А что касается до окончанія Марка, то къ тому, что писалъ Вамъ въ предыдущемъ письмѣ, прибавляю: что съ 1863 г. по 1870 сильно меня понукало продолжать; не знаю, какъ смогъ я удержаться отъ этого литературнаго давленія, но съ 70 года успокоился и за послѣдніе 3 года многое даже вывѣтрилось изъ выношеннаго подъ сердцемъ.

Переводчикъ *Золотаренка* плохо владѣетъ языкомъ, „Де що про козацство и Украину" тоже неудачно. Кто это Л. Б.? [2]).

---

[1]) Нотное пѣніе.—Примѣчаніе въ подлинникѣ.

[2]) Въ 1874 году издана была въ Кіевѣ книжечка: Ниженськый полковникъ Иванъ Золотаренко. Повисть Е. Гребинкы. Перевивъ Л. Б. Зъ додаткомъ „Де-що про козацство и Украину", которая, вѣроятно, и послана была В. И. Бѣлымъ А. П. Стороженку, какъ новинка.

Антонъ Андреевичъ всегда былъ падокъ на барынь, но былъ довольно аккуратенъ и въ перепискѣ съ друзьями, а теперь какъ то разбаловался. Когда увидитесь съ нимъ, пожурите, и какъ заѣдетъ ко мнѣ въ Тишинъ, ѣхавши на сенаторство въ Варшаву, то я приготовилъ ему наказаніе: такую ему покажу землячку, что у него и очи рогомъ полизуть.

Здоровье мое поправилось, но старость сама по себѣ есть уже болѣзнь. Не думайте, чтобы я былъ мнителенъ; я никогда о себѣ не хлопоталъ и умирать готовъ хоть сію минуту. Такова, видите, козачья натура. Поберегайте Ваше здоровье, у Васъ семейство: есть для кого жить и работать, а я вильный козакъ: жилъ-жилъ, а потомъ взялъ да и умеръ!

Почтеннѣйшему Вашему семейству свидѣтельствую мой нижайшій поклонъ. Ожидаю карточекъ.

Будьте здоровы и благополучны. Всею душою преданный

А. Стороженко.

№ 7. *1 апрѣля 1874 года.*

Христосъ Воскресе! Достойнѣйшій и многоуважаемый Василій Ивановичъ!

Желаю Вамъ всего лучшаго на свѣтѣ, въ томъ числѣ, въ особенности, здоровья и охраны отъ надувалъ. Странно, всегда и мы себя, и другіе обвиняютъ тѣхъ, которыхъ надули, а не тѣхъ, которые надуваютъ. „Зачѣмъ", говорятъ, „довѣрили"? Да какъ же можно жить на свѣтѣ, не вѣривши...

Благодарю Васъ за совѣты лѣченія, но они мнѣ не принесутъ пользы. У меня просто аневризма въ сердцѣ, происшедшая отъ контузіи 2 маія 1829 года подъ Журжою. Въ Парижѣ мнѣ сказали медики: „старайтесь съ этимъ недугомъ жить". Вотъ я и стараюсь, хотя иногда и плохо приходится. Въ 1863 г. наши украинско-литературныя дѣла вовсе не были въ дурномъ положеніи въ отношеніи правительства. Это мнѣ достовѣрно извѣстно, потому что я былъ дѣятелемъ и довѣреннымъ лицомъ Валуева. Валуевъ — человѣкъ умный, и прозорливый; онъ очень хорошо понимаетъ, что наше писанье никакого вреда не могло причинить Россіи. „Основа" же прекратилась вслѣдствіе неспособности и несостоятельности редактора Бѣлозерскаго и такихъ ярыхъ сотрудниковъ, какъ Кулишъ, вооружившихъ земляковъ своими непослѣдовательными статьями противъ Котляревскаго, Гоголя, Полуботка и проч. Въ 1863 году за сепаратизмъ сильно досталось Каткову

и строго запрещено писать. Это произошло вотъ по какому случаю. При обыскѣ, въ Вильнѣ, одного патріота, отыскали по 200 экземпляровъ каждаго (3 №) номера Московскихъ Вѣдомостей о сепаратизмѣ и при нихъ письмо, еще неотправленное. Въ этомъ письмѣ писалось въ Парижъ: „Посылаю Вамъ по 200 № каждаго № для распространенія, чтобы Вы могли убѣдиться, какъ быстро разлагается Россія. Въ справедливости писаннаго не сомнѣваюсь, потому что это статьи извѣстнаго публициста Каткова, человѣка преданнаго правительству и Россіи". Вотъ М. Н. Муравьевъ и поднялся на дыбы, и тогда Катковъ много грязи съѣлъ. Стегали же Каткова немилосердно въ 62 и 63 годахъ Костомаровъ и Мордовцевъ, и вовсе того не было, о чемъ разсказывалъ Вамъ докторъ Задирака. (?)

Если для сборника не хватитъ на 25 лист., то можно уменьшить число буквъ на страницахъ и листа на 2 въ толщину. Не нужно ли Вамъ статей на русскомъ языкѣ?

Съ нетерпѣніемъ ожидаю Вашихъ карточекъ. Что рисунки изъ Марка? а также Зозуля?

Всему Вашему семейству низкій поклонъ и дружескій привѣтъ. Бувайте здоровы та не лайте, що такъ пышу швыдко и не до шмыгы.

Всею душою прыхильный А. Стороженко.

№ 8. *16 мая Брестъ.*

Многоуважаемый Василій Ивановичъ! Разъѣзды по уѣзду, для устройства помѣщеній для нашего бездомнаго духовенства съ причтами, поглотили много времени и лишили меня возможности писать къ Вамъ. Забравшись на полѣсье, во время сильныхъ и продолжительныхъ дождей и холодовъ, принужденъ былъ по недѣлѣ сидѣть на мѣстѣ. Еще на бѣду взялъ съ собою Складчину, надѣясь найти въ ней какое либо развлеченіе, но оказалось, что эта богопротивная складчина [1]) отвратительнѣй полѣсскаго болота. Да, надобно отдать справедливость нашимъ литераторамъ: удрали такую штуку, учинили такой позоръ, что и читатели за нихъ краснѣютъ. За то стиховъ, стиховъ, а говорятъ у насъ поэтовъ нѣтъ. Но да проститъ ихъ Богъ: если они не преподали духовной пищи, то накормили матеріально сотню другую голодающихъ.

Вы также довгенько помалчивали; я уже безпокоился за Ваше здоровье, мнѣ даже сонъ снился, что я съ Вами видѣлся, и физіономія Ваша такъ врѣзалась въ мою память, что и теперь Васъ вижу: сѣдые

---

[1]) Литературный сборникъ „Складчина", изданный въ пользу голодающихъ.

волосы довольно коротко острижены, глаза карые благодушные; привѣтливая улыбка; росту средняго, немного сутуловатый [1]). Въ сюртукѣ коричневаго цвѣта съ бархатнымъ чернымъ воротникомъ. Представилъ Васъ другой мущина лѣтъ за 30, въ черномъ сюртукѣ съ зеленоватыми большими глазами, немного носъ съ горбомъ.

— Прошу полюбить,—сказалъ онъ, В. И. Бѣлаго; вотъ онъ передъ Вами на лицо.

— Опоздали съ предложеніемъ,— отвѣчалъ я,—я уже давно полюбилъ В. И., какъ родного.

На этомъ меня разбудили. Я увѣренъ, что карточка Ваша будетъ похожа на Васъ, какъ видѣлъ во снѣ. Это со мною не разъ въ жизни случалось.

Спасыби Вамъ за брошюру, только она ужъ черезчуръ безцвѣтна и юмора въ ней очень мало. Такія вещи не легко писать, онѣ рѣдко удаются.

Въ іюнѣ или іюлѣ пойдетъ мой романъ въ Русск. Вѣстникѣ „Былое не минувшее", и еще другая забавная повѣсть, которую пристроилъ въ Петербургъ.

По возвращеніи изъ поѣздки опять хворать началъ. Здоровье очень оплошало; кости просятся на покой. На долго ли и когда поѣдете въ Петербургъ?

Ожидаю карточки. Вылайте А: А: Глушановскаго, чомъ винъ не йиде у Варшаву. Теперечкы дуже великій моръ на губернаторивъ и багацько вакансій, колы Коцеба, якъ зовуть ёго у Варшави, знае его за чоловьяку чесного и розумного.

Кланяюсь Вашимъ, не забувайте старого дида, усимъ сердцемъ до Васъ прыхильного А. Стороженко.

№ 9. *7 іюня 1874 года.*

Многоуважаемый Василій Ивановичъ! Изъ послѣдняго письма моего Вы знаете причину молчанія и, конечно, сомнѣнія Ваши разсѣялись. Кромѣ самой сильной благодарности и пріязни за Ваше ко мнѣ вниманіе, я другого, враждебнаго, чувства не могу къ Вамъ питать. Вотъ и теперь все хотѣлъ писать къ Вамъ, а тутъ дѣла по воинской повинности озаботили меня до такой степени, что всѣ дѣла пришлось бросить. Бѣда! все теперь валятъ на предводителей дворянства, а средствъ никакихъ не даютъ.

[1]) Въ общемъ портретъ В. И. Бѣлаго довольно вѣрный.

Что это Вы все хвораете? Дѣло другое я: мнѣ 68 лѣтъ и хоть у меня и отекли ноги, но я все еще движусь и не жалуюсь.

Валуевъ никогда не просилъ Костомарова оставить всякое участіе въ украинской литературѣ, да и никого объ этомъ не просилъ, а совѣтовалъ ему прекратить устройство школъ исключительно для одного малорус. языка. Костомаровъ былъ избранъ тогда собирателемъ доброхотныхъ приношеній на украинск. школы. Очень понятно, что въ то время устройство подобныхъ школъ могло вызвать со стороны Каткова и комп. новые нелѣпые предлоги къ сепаратизму. Вы пишете, чтобы я попросилъ Костомарова что-нибудь для сборника. Напишу ему, но предваряю, что надежда плоха. Какъ беллетристъ, Костомаровъ очень плохъ, особенно же на малорусск. языкѣ, всѣ же его ученыя статьи теперь довольно велики, и онъ болѣе не пишетъ маленькихъ, какъ прежде. Кромѣ того лѣнивъ въ перепискѣ, и случалось такъ, что отвѣчалъ мнѣ на письма, когда я писалъ Кожанчикову, отъ чего нѣтъ отвѣта.

О книжкѣ Нечуя [1]) ничего не слыхалъ, много обяжете приславши. Изъ Москвы получилъ пренепріятное письмо. Печатаніе моего романа *Былое не минувшее* отложено, на томъ основаніи, что въ Р. В. шелъ романъ изъ польск. револ. Крестовскаго „Двѣ силы". Водили почти годъ и ничего не вышло, еще протянули на полъ-года. Бувайтежъ здоровы та не забувайте старого дида. Нызенько кланяюсь Вашымъ. Всею душою прыхильный

А. Стороженко.

№ 10. *22 іюня 1874 г.*

Многоуважаемый Василій Ивановичъ! Не гнѣвайтесь за продолжительное молчаніе. Безпрестанные разъѣзды причиною тому. Ѣздилъ въ Варшаву во время пребыванія Государя, а потомъ въ Вильно, попрощался съ Потаповымъ, который назначается Шефомъ Жандармовъ. Потомъ, какъ водится теперь со мною, *занедужавъ*, а тамъ наѣхали добрые люди и, ударивши лихомъ объ землю, вспомнили былое и провели время незамѣтивши, какъ оно промелькнуло.

Милое Ваше вниманіе, достойнѣйшій Василій Ивановичъ, и безчисленныя одолженія такъ велики, что, право, не припомнишь, за что и благодарить слѣдуетъ. Благодарю за соч. Нечуя; явленіе въ нашей родной литературѣ весьма отрадное. Благодарю и за карточки; только

[1]) Вѣроятно: „Повисти Ивана Нечуя", Т. I. у Львови, 1872. (Дви московки. Причепа. Рибалка Панасъ Крутъ).

какъ я ни приглядывался, а сходства между ними никакого: 62 года, похожъ на нѣмца, а послѣдняя—настоящій типъ украинскій, козарлюга хоть куда.

Жаль мнѣ Милорадовички, славная вона пани, съ душою теплою и щирою. Во время оно, когда еще волочился, я написалъ ей въ альбомъ стихи и сравнилъ ее съ нашею матерью Украиной. Не помню всего стихотворенія, а Украину я представилъ въ слѣдующихъ очертаніяхъ:

Була гарна наша маты,
Значна, сановыта,
Сынимъ небомъ заквитчалась,
Зъ стѐпу сукню мала,
Лисȧмы вбиралась
И стёжкою блакитною
Въ косы Днипръ вплитала.
Була гарна наша маты,
Пышна, величава,
Въ Случи оченьки вмывала,
Въ Чорнимъ мори нижки
И видъ Дону до Карпата
Слала соби лижко...

Ваши слова да Богу въ уши. Якъ бы справди плюнулы въ хату старого дида, велыку радисть прывезлы-бъ съ собою.

Будьте здоровы и благополучны и да пошлетъ Вамъ Господь терпѣніе переносить мелкія невзгоды. Перемелется и все будетъ мука.

Пишите, не забывайте старого дида всею душою Вамъ прыхильнаго

А. Стороженко.

№ 11. *17 августа.*

Достойный и многоуважаемый Василій Ивановичъ! Душевно благодаренъ за присланные Вами ***шпаргалы***, относящіеся къ Запорожскому кошу. Они очень интересны, въ нихъ проливается свѣтъ на событія, которыя были поводомъ къ уничтоженію Сѣчи, до сихъ поръ еще не разъясненныя какъ слѣдовало бы нашими историками. У Скальковскаго этотъ предметъ подернутъ тьмою, по нашему ***мряковатый***. Намѣреніе мое обработать шпаргалы, по возможности кое-что разъяснить и послать на печатаніе въ Русскую Старину. Одобрите-ли такое рѣшеніе?

Марки получилъ, но при моихъ черновыхъ приложены переписанныя главы. Вѣроятно, онѣ присланы по ошибкѣ и не слѣдуетъ-ли Вамъ ихъ возвратить?

Все лѣто я хворалъ, поправлюсь и опять плохо приходится. Къ осени однакожъ мнѣ лучше, сердце успокоилось, отекъ ногъ прошелъ, осталась только худоба, но и это поправляется, есть аппетитъ и, кажется, прійдется еще помаяться на свѣтѣ.

Августъ у насъ прохладный и скучный, неурожай на фрукты обѣщаетъ самую непріятную осень. Докторъ мнѣ совѣтуетъ побольше ѣсть арбузы и виноградъ, который намъ въ это время въ изобиліи доставляли изъ Венгріи, а теперь и не видать и не слыхать въ привозѣ. Нельзя ли, на мой счетъ, прислать десятка два или три Алешковскихъ *кавуновъ*. Полагаю, у Васъ въ Одессѣ они дешевы и не дорого будетъ стоить доставка черезъ транспортную контору. У насъ за такой кавунъ заплатили-бы 3 р., еслибы нашелся.

Обращусь снова къ шпаргаламъ. Въ молодости у меня было призваніе къ составленію описанія „Послѣдніе дни Запор. сѣчи", но служа въ военной службѣ и не имѣя матеріаловъ подъ рукою, я не въ силахъ былъ осуществить моего желанія. Познакомившись съ Скальковскимъ, я передалъ ему мою мысль, далъ совѣтъ обратиться къ г. Воронцову и просить разрѣшенія проникнуть въ архивы Ек. Губ. правл.; вмѣстѣ съ этимъ я передалъ ему все, что у меня было собрано и написано о Запорожцахъ. Скальковскій въ предисловіи описанія Запор. Коша объ этомъ говоритъ и былъ такъ справедливъ, что не скрылъ этого обстоятельства—черта, какъ видите, весьма похвальная, не все брать на себя, а воздать коемуждо по заслугамъ.

До свиданія, такъ пишу, бо може й справди побачымось; будьте здоровы, благополучны и не забывайте старого дида всею душою и сердцемъ, хоть больнымъ, Вамъ преданнаго

А. Стороженко.

Всѣмъ Вашимъ мой низкій и усердный поклонъ.

№ 12. *29 августа 1874 г.*

Многоуважаемый Василій Ивановичъ! Незнаю, какъ и благодарить Васъ за Ваше вниманіе; едва только заикнулся, какъ вдругъ, точно по щучьему повелѣнію, является прекраснѣйшій виноградъ, а въ перспективѣ виднѣются Алешковскіе *кавуны*. Виноградъ дошелъ въ хорошемъ положеніи, испорченнаго оказалось на 5% не болѣе. *Дуже Васъ дякую за Вашу ласку.*

На счетъ Марка, вѣрно я не такъ ясно выразился въ послѣднемъ письмѣ, что Вы меня не совсѣмъ поняли. Дѣло вотъ въ чемъ: первыя 4 главы переписаны моею рукою Вамъ, въ вѣчное потомственное вла-

дѣніе. Приславши назадъ остальныхъ 7 главъ, Вы приложили къ нимъ и копію, снятую съ нихъ. Вотъ я и спрашивалъ Васъ, и теперь спрашиваю, не по ошибкѣ ли онѣ присланы ко мнѣ и не слѣдуетъ ли мнѣ возвратить Вамъ назадъ?

Насчетъ запорожскихъ шпаргаловъ, требуется отъ Васъ болѣе точныхъ инструкцій, на случай, чтобы не сдѣлать промаха.

Вотъ что я намѣренъ сдѣлать: снять копію съ шпаргаловъ, по мѣрѣ силъ моихъ, обработать цитатами и поясненіями и отправить въ Рус. Старину, затѣмъ шпаргалы обратить во свояси, т. е. къ Вамъ. Такъ-ли это? Ожидаю Вашей резолюціи.

У насъ до сихъ поръ продолжается засуха; не будетъ ни капусты, ни картофеля. Изъ всѣхъ садовъ въ окрестности, одинъ мой зеленѣетъ и благоухаетъ. За то, чего же это стоитъ, по 10 бочекъ выливаютъ воды, привезенной за $1^1/_2$ версты, потому что въ колодцѣ едва держится вода для домашняго обихода. На дняхъ былъ въ Варшавѣ, и немало изумился, когда увидѣлъ Саксонскій садъ совершенно высохшимъ: ни травинки, ни листочка. Представьте, весь садишка состоитъ изъ 3 десятинъ. По срединѣ огромный фонтанъ съ обширнымъ бассейномъ, а шуты допустили такое безобразіе. Не знаю кого винить, но при Бергѣ этого бы не случилось.

Съ наступленіемъ осени, опять начинаю *хирѣть*. За лѣто и на подножномъ корму не совсѣмъ поправился и въ такомъ положеніи не знаю, перезимую-ли? Каково Ваше здоровье? *Пишите, серденько.*

Свидѣтельствую мое почтеніе всему Вашему семейству, остаюсь всею душою преданный и любящій

А. Стороженко.

№ 13. *3 сентября.*

Друже мій мылый, Васылій Ивановычъ! Не журиться, кавуны дойшлы благополучно. Та якы й кавуны, якъ свитъ сонця тутечкы, у Брести, такыхъ не то що не смаковалы, а й не снылось никому. Вчора одного зъилы, товарыство лопало ажъ за ушамы лящало. „Тай прыятель же у Васъ у Одесси“, озываются, „пошлы ёму Господь щастья и здоровья, якъ будете пысать до ёго, то подякуйте и за насъ“. Изъ 20 кавун. тилькы одынъ выбовтався и два луснулы, а усе жъ такы зъилы ихъ мои домочадци. Зъ Венгрыи навозять намъ кавуны, за котры платымо по 2 р. и бильше, и хоть воны и велыкы, та якъ Педора дурни и смаку въ ныхъ нема ныякого, якъ кажуть *съ квасомъ*. Спасыби жъ Вамъ, ридный братику, втишылы Вы старого, хворого дида.

Тепереньки скажить, чы багацько я Вамъ вынёнъ за выноградъ и кавуны, бо правду кажучы, дуже вже Вы балуете старого. Чого-бъ тилькы винъ не забажавъ, такъ воно и вродытся.

Писали Вы мнѣ о Евангеліи, переведенномъ на Малороссійскій языкъ. Не знаю, напечатано-ли оно по той рукописи, которую мнѣ показывалъ Никитенко (членъ Академіи Наукъ), когда эта рукопись была послапа для просмотра въ Академію. Переводъ хорошъ и точенъ. Были ошибки въ языкѣ, нѣкоторыя я поправилъ, но всѣхъ не могъ исправить, потому что рукопись мнѣ дали всего на 3 дня; успѣлъ только прочесть. Если у Васъ есть въ продажѣ, пришлите мнѣ одинъ экземпляръ. Евангеліе на малор. языкѣ несравненно лучше, какъ на Русскомъ, по той причинѣ, что наша рѣчь ближе въ церковнославянскому тексту.

Повторяю еще мою искреннюю благодарность за Ваше вниманіе. Низко кланяюсь Вашему семейству, и пожелавъ Вамъ всего лучшаго, остаюсь всею душою преданный и любящій

А. Стороженко.

№ *14.* *14 сентября 1874 г.*

Достойнѣйшій и многоуважаемый Василій Ивановичъ! Нечего сказать, черезчуръ уже Вы балуете старого дида, годыте ёму, якъ кажуть, неначе печеной болячци. Вчора отправывъ къ Вамъ запорожськы шпаргалы, а сёгодня получывъ гостынець — Евангеліе на Малорос. языкѣ, за которое велыке Вамъ спасыби. Пробѣжавши наскоро, я вполнѣ удостовѣрился, что это переводъ не тотъ, о которомъ я Вамъ писалъ [1]). Переводчикъ присланнаго Евангелія, не вполнѣ обладаетъ знаніемъ нашего языка и совершенно не знакомъ съ лаконизмомъ украинскимъ, который очень гармонируетъ съ складомъ Евангельскаго текста. Когда будетъ у меня лишнее время, я Вамъ переведу нѣкоторыя главы; увидите тогда разницу по силѣ и точности перевода. Даже заглавіе неправильно „Святе письмо", скорѣе можно отнести къ живописи, чѣмъ къ тексту. Малороссъ иначе не скажетъ, какъ *Св. писаніе.* Орѳографія также неправильная. Лучше бы сдѣлалъ переводчикъ, еслибы держался Кулишивки. Впрочемъ и за этотъ переводъ спасыби; онъ очень опрятенъ, жаль только, что мы вынуждены печатать не дома, а чортъ батька зна де, у Видню.

---

[1]) А. П. Стороженко упоминаетъ вѣроятно объ украинскомъ переводѣ Евангелія Ф. Морачевскаго, который въ началѣ 60 годовъ былъ представленъ въ духовную цензуру, но не разрѣшенъ къ напечатанію, а В. И. Бѣлый писалъ ему о другомъ переводѣ, кажется, П. Кулиша, но изданномъ безъ имени переводчика въ 1871 г. въ Вѣнѣ, подъ загл. Святе письмо. Евангеліе. Перекладъ украиньскый. Видень 1871 року. Коштомъ громадськимъ. О послѣднемъ см. Правда 1874 № 19 и Кіевск. Телеграфъ 1875 № 28.

Насчетъ портрета масляными красками нечего и думать. Здѣсь нѣтъ и изрядныхъ живописцевъ, даже и въ Варшавѣ. Фотографія всѣхъ ихъ передушила. Да кромѣ того, послѣ болѣзни *дуже таки змарнивъ*, и доси хирію, трохы поправывся, а тамъ зновъ нахыляе у могылку—не довго вже мени и вештаться по свиту.

При засвидѣтельствованіи всему Вашему семейству моего уваженія, остаюсь всею душою преданный и любящій

А. Стороженко.

№ 15. *26 сентября.*

Многоуважаемый Василій Ивановичъ! Начну и я съ Евангелія; достаточно его просмотрѣлъ. Переводъ ниже всякой критики. Переводчикъ не богословъ и не знатокъ *нашои риднои мовы*. Еслибы подобный переводъ вышелъ въ прошломъ столѣтіи, то его бы сочли еретичнымъ и сожгли бы на площади, до такой степени текстъ извращенъ; въ каждой строчкѣ ошибка, въ каждомъ почти стихѣ извращеніе. Укажу на нѣкоторыя погрѣшности:

Отъ Матѳея, глава 3, стихъ 3 слѣдующимъ образомъ долженъ переводиться:

3. Бо се той, про кого сказавъ пророкъ Исаія: гласъ вопіющаго въ пустыни [1]): приготовьте шляхъ Господеви, выпростуйте стежки Ему (Ис. 40. 3).

Смыслъ этого ст. тотъ, что пр. Исаія въ пророчествѣ о приходѣ Спасителя предупреждаетъ, чтобы встрѣтили Его съ вѣрою и для воспріятія ученія уготовали путь Господу и сдѣлали прямыми стези Ему.

Посмотрите же, что за ерунда выходитъ въ перекладѣ украинскомъ.

„3. Се ж бо той, про кого казавъ пр. Исаія, глаголючи: голосъ поклыкуючого въ пустыни: прыготовте дорогу Господню, правымы робить стежки Его".

Что выражаетъ этотъ стихъ? Исаія совѣтуетъ людямъ приготовить дорогу Господню и правыми бы сдѣлали стежки Его. Чистѣйшая ересь! Богъ приготовилъ путь Спасителю, и не людямъ, погрязшимъ *во грѣсехъ правымы робыть стежкы Его*. Къ чему вклеилъ переводчикъ лишнія слова: „глаголючи" и другое дикое *поклыкуючого*?

Евангеліе отъ Св. Іоанна глава 1 (а не голова), стихъ 5 въ переводѣ:

---

[1]) Изреченіе это, какъ вошедшее у всѣхъ славянъ въ пословицу, не слѣдуетъ переводить—и безъ перевода понятно.

И *свитло* у темряви свивыть, и *темрява* ёго не обняла. [1])

Переводчикъ не знаетъ, что на малорос. языкѣ есть слова: тьма и свитъ. Темрява никакъ не можетъ замѣнить слово тьма, а свитло свитъ. Свитло означаетъ освѣщеніе, свѣча, каганецъ, лучина. Говорятъ: „батько вернувся до-дому, якъ свитло засвитылы." Шевченко въ своей думѣ „Пустка" пишетъ: „Може вернессяя изнову въ пустку зимоваты, и натопымъ, и нагріемъ, и свитло засвитымъ".

Переводъ Евангел. весьма трудная вещь; это работа не одного человѣка, а цѣлаго общества. То Еванг., которое застряло въ Академіи Наукъ, весьма хорошо переведено [2]). Очень жаль, что у насъ все худшее всплываетъ на поверхность, а хорошее опускается на дно.

Брошюра Григоровича „Записки антиквара" доставила мнѣ истинное удовольствіе.

Потолкуемъ теперь о сборникѣ. Начнемъ съ портрета. Глаза у меня черные съ блескомъ, лицо смугловато, какъ выражаются живописцы: „теплый цвѣтъ". Карточки у меня въ запасѣ ни одной.

Печатать Марка, полагаю, нужно IX главъ. IV главы составляютъ экспозицію, а V—дѣйствіе. Это дѣйствіе необходимо, чтобы дать понятіе читателю о Маркѣ и дальнѣйшихъ событіяхъ. О географіи не безпокойтесь,—жертвую мою байку на доброе дѣло и доброму человѣку. Пошли Вамъ, Господи, всякаго счастья и здоровья.

Куры та собака также разрѣшаю, но съ оговоркою отъ редакціи, что басня эта написана еще во время существованія крѣпостной зависимости крестьянъ.

Стихотворенія Гулака-Артемовскаго можно печатать, а также и посланіе Кулишу, но только не прописывать фамиліи.

Немировской рѣзни не печатать. Это будетъ имѣть видъ какого то хвастовства съ моей стороны: *не написалъ, а только похваляется написать.*

Помѣщеніемъ моего портрета при сборникѣ Вы сдѣлаете мнѣ много чести, и съ моей стороны, кромѣ благодарности, болѣе ничего не остается сказать.

Здоровье мое плоховато: то поправлюсь, то снова недугъ усиливается, и такъ исхудалъ, что, какъ говорится, сталъ на себя непохожъ. Если-бы теперь пришлось мнѣ сниматься, то вышелъ бы другой человѣкъ, а не тотъ, который жилъ годъ назадъ.

Изъ Петербурга имѣю свѣдѣнія, что тамъ затѣваютъ ученое изслѣдованіе по случаю 100-лѣт. юбилея зруйнованія коша. Костомаровъ взялся, что-то пишетъ, или собирается писать.

---

[1]) Слѣдуетъ сказать: „оточила".

[2]) Очевидно, рѣчь идетъ о переводѣ Евангелія на малорусскій языкъ Морачевскаго.

4 книжки Гофмана и о табакѣ получилъ. Надобно Вамъ знать, что я насадилъ у себя въ Тишинѣ гаванскаго табаку, высшаго достоинства, и хоть у меня садовникъ нѣмецъ aus Рига, но за табакомъ ухода не знаетъ. Не знаю, что выйдетъ; кажется, мы потеряли много времени и не пасынкували до сихъ поръ.

Ничего не пишете о шпаргалахъ, исправно ли они дошли до Васъ?

Доктора совѣтуютъ мнѣ побольше ѣсть винограду, но съ условіемъ, чтобы виноградъ не былъ киселъ. Кислота имѣетъ вредное дѣйствіе на почки. Къ несчастію, намъ привозятъ незрѣлый виноградъ изъ Венгріи (видите ли, не портится), такой кислый, что и здоровому человѣку вреденъ. Будьте ласкави, ридный братыку, не забудьте Вашои обицянкы—Акерманьского винограду, та присылайте бильше; а що коштоватыметь, заплатымо зъ великою дякою.

Годи,щобъ ще на пошту не опизныться.

Всѣмъ Вашимъ низко кланяюсь, не хворайте и не падайте духомъ. Ще не разъ зійде сонце и передъ нашимы воритьмы.

Всею душою преданный и любящій

А. Стороженко.

№ 16. *11 октября*

Глубокоуважаемый Василій Ивановичъ!

Прелюдіи къ введенію воинской повинности на новый ладъ отнимали всякую возможность побесѣдовать съ Вами и отвѣтить на письмо 29 сентября. Настроеніе, вслѣдствіе невзгодъ, *à ton mineur*. Пословица говоритъ: „Терпи, козакъ, атаманомъ будешь“; крѣпитесь — перемелется и будетъ мука; у меня какое-то предчувствіе есть, что прійдетъ время, когда и ***передъ нашимы воритьмы сонце зійде.***

Про недугъ мой скажу Вамъ такъ: я на берегъ, а меня опять въ воду. Поправишься, и опять плохо, сильно исхудалъ, отекъ ногъ то пройдетъ, то снова возобновляется. Страданіе сердца и при этомъ и легочный катарръ, пріобрѣтенный въ Питерѣ. Климатъ здѣшній очень мягокъ и вовсе не сырой, осень теплая, зима слабая. Въ октябрѣ у насъ было въ тѣни 18 и съ 8-го только настали ночи холодныя. Домъ у меня теплый, просторный, садъ въ порядкѣ, и цвѣтники и теперь пестрѣютъ левкоями, гвоздиками, портулакомъ; резеда наново зацвѣла; у Васъ и лѣтомъ такъ не цвѣтутъ.

Дуже дякую, друже мій, за виноградъ — давно такого не йивъ. Ось що Вамъ скажу. Якъ ставъ хырить, то по ночамъ не спалось мыни. Засну въ часъ, а въ тры розбуркаюсь и вже вставай—не влежишъ. Отъ

и встанешъ, та й сыдышъ до 6 або 7 часу. Якъ же прыслалы выноградъ, то тилькы прокынусь, такъ и злопаю фунта 4, и зновъ лягаю и сплю, мовъ здоровый. Ликарь казавъ, що обужуюсь одъ того, що пустый желудокъ, не вечеряю, бачыте,—апетыту нема. Може воно и такъ.

Насчетъ сборника вотъ мое мнѣніе. Книжка озаглавливается:

Сборникъ.

(Можно сказать, на какой предметъ).

О статьяхъ же, которыя войдутъ въ составъ сборника, на заглавномъ листѣ нѣтъ надобности писать. Объ нихъ скажется въ оглавленіи особенномъ, какъ это всегда дѣлается для удобства къ отысканію.

Очень благодаренъ за присылку наставленій по табачной части. Теперь, по милости Вашей, у меня есть все, чтобы сдѣлаться настоящимъ плантаторомъ гаванскаго табаку. Посмотрю, что выйдетъ,—табакъ на видъ очень хорошъ.

Ище дякую за Вашу ласку до старого дигугана. Благаю Господа, щобъ и мени догодыть Вамъ, якъ догождаете Вы мени.

Бувайте здоровы та ударьте лыхомъ объ землю—не пиддавайтесь лыхои годыни!

Всѣмъ Вашимъ низко кланяюсь.

Всею душою преданный и любящій

А. Стороженко.

№ 17. *21 октября 1874 года.*

Глубокоуважаемый Василій Ивановичъ! Посылаю Вамъ всего Марка, какъ получилъ отъ Васъ,—робить, що самы знаете, нехай Вамъ Господь поможе.

Прилагаю еще двѣ статейки:

1. Зъ народныхъ устъ, объясненіе присказки. Въ языкѣ подобныя разъясненія очень важны; это въ своемъ родѣ вновь открытый островъ среди океана [1]).

2. Побасенка. Написана она вотъ по какому случаю. Когда, во время оно, хлопотали мы объ изданіи учебниковъ для малорос. школъ, то предположили издать сборникъ для чтенія школьникамъ содержанія доступнаго ихъ понятіямъ и вмѣстѣ поучительнаго для странствованія по морю житейскому. Къ сборнику байка эта была очень пригодна, но годится ли для Вашего—не знаю. Пожалуйста не церемоньтесь и если

---

[1]) Разсказъ этотъ печатаемъ въ концѣ письма.

если Вашъ Ареопагъ не признаетъ годною, то я нисколько не буду претендовать, потому что самъ нахожусь въ сомнѣніи, *чы до шмыгы воно буде.* Если и за этимъ еще мало матеріала для сборника, то валяйте и остальныя 2 главы изъ Марка, все-жъ таки прибудетъ на одинъ печатный листъ (16 стран.).

Мы теперь сильно озабочены некрутчиной, а тутъ еще ѣдетъ начальство, потому что Государь на дняхъ проѣзжаетъ изъ Крыма въ Питеръ.

Здоровье мое плоховато; ну, положимъ, я-жъ старый, якъ собака, а Вы чого хыріете? У Васъ есть кому за Вами и доглядить, и втишыть, а я одинъ, якъ палець, та ще жыву на дачи, неначе въ монастыри, аже и пустельныкомъ мене прозвалы. Содержу душу и тило въ чыстоти, хоть-бы и самому святоши, а не то щобъ волочыться або, нехай Богъ бороныть, ще й ялозыться.

Бувайте-жъ здоровы та не забувайте старого дида. Вашимъ нызенько кланяюсь.

Всею душою Вашъ А. Стороженко.

Вывивъ дядька на сухеньке.

Зъ народнихъ устъ.

Колысь, ще якъ Ляхы орудувалы Украиною и забывалы на макуху православный людъ, якесь нещасне село прогнивыло свого пана—магната. Не замыслывся магнатъ, що ёму робыты зъ непокирнымы хлопамы й звеливъ зибраты селянъ и десятого одшмагаты канчукамы.

Набиглы на село, неначе татары, челядынци панськи — котолупы, зигналы людей на майданъ и сталы розставляты бидолахъ въ одну стричку. Якъ вже вытяглась чымала стричка, одынъ парубокъ, мабуть спрытный, заразъ побачывъ, що не мынуть ёго канчукы, бо стоить зъ краю двадцятымъ. Озырнувся винъ у другу сторону, подовжъ стричкы, дывытся, ажъ дядько ёго стоить въ калюжи, — зраня, бачыте, дощыкъ ишовъ, такъ въ лощыну и натекла вода. Однакъ заразъ доглядився, що мынае ёго десятокъ.

— Дядьку, а дядьку!—гукнувъ до ёго парубокъ.—Чого се вы сталы въ багни, —чоботы покаляете. Выходьте на сухеньке.

— Де жъ теперечкы—озвався дядько—шукаты того сухенького; стій тамъ, де тебе доля поставыла.

— Та ничого й шукаты, ставайте, де я стою,—одказавъ парубокъ.

— Добрый у тебе племинныкъ, — озвалысь дядькы зъ мырянъ,— за дядьковымы чобитьмы забувъ и про свою шкуру.

Дядько подякувавъ племинныка, та й ставъ на ёго сухеньке мисце, а якъ дійшла до ёго черга, на тимъ сухенькимъ и завдалы ему мокрои.

Зъ сёго прыпадку и выроилася прыказка; якъ хто кого одурыть, то й кажуть: „Вывивъ дядька на сухеньке“! А якъ трапытся чоловикъ, що чужымы рукамы жаръ загрибае, то знову кажуть: „Отсей чоловикъ выведе дядька на сухеньке“!

О. Стороженко.

Къ родословію Алексѣя Петровича Стороженка [1]).

Благодаря любезности г. конотопскаго уѣзднаго предводителя дворянства К. Ѳ. Кулябки, мы имѣли возможность ознакомиться съ дѣломъ конотопской дворянской опеки 1783—85 гг. объ опредѣленіи опекуновъ къ дѣтямъ бунчуковаго товарища Даніила Григорьевича Стороженка, дѣда извѣстнаго малорусскаго писателя Алексѣя Петровича Стороженка, вслѣдствіе чего можно точно спредѣлить личный составъ той отрасли рода дворянъ Стороженковъ, изъ которой происходилъ нашъ писатель.

Начнемъ съ „мужа знаменитаго", Григорія Андреевича, члена коммиссіи для составленія свода малороссійскихъ законовъ („книгъ правныхъ"), портретъ и біографія котораго были помѣщены въ „Кіевской Старинѣ" за 1890 годъ; онъ приходится Алексѣю Петровичу прадѣдомъ.

У Григорія Андреевича, женатаго 1-мъ бракомъ на дѣвицѣ Ульянѣ Васильевнѣ Томара, а 2-мъ бракомъ на вдовѣ бунчуковаго товарища Якима Ѳедоровича Кулябки, Евдокіи Андреевнѣ, урожденной Лизогубъ, было 4 сына: Степанъ, Андрей и Петръ—первобрачные и Даніилъ—второбрачный. Младшій сынъ, бунчуковый товарищъ Даніилъ Григорьевичъ, жилъ въ слободѣ Лисогорѣ, нынѣ въ борзенскомъ уѣздѣ черниговской губерніи, и имѣлъ двухъ сыновей и двухъ дочерей: Павла (род. въ 1766 г.), Петра (род. въ 1769 г.), Анну и Екатерину. Старшаго сына своего, Павла, Даніилъ Григорьевичъ помѣстилъ въ сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ, который онъ и окончилъ успѣшно, будучи выпущенъ поручикомъ, а меньшаго, Петра, по достиженіи имъ тринадцатилѣтняго возраста, записалъ регистраторомъ въ канцелярію графа Румянцева.

По обычаю тѣхъ временъ, Даніилъ Григорьевичъ имѣлъ несчастье затѣять нѣсколько процессовъ со своими родственниками: со вдовой старшаго брата своего, Степана Григорьевича, Мароой Андреевной, и его двумя сыновьями, Михайломъ и Иваномъ, и съ единоутробными своими братомъ и сестрой—бунчуковымъ товарищемъ Андреемъ Якимовичемъ Кулябкой и его родной сестрой, Ириной, бывшей замужемъ

---

[1]) Замѣтка Н. В. Стороженка, напечатанная въ „Кіевской Старинѣ" т. 40, 1893 г., стр. 358—360.

за нѣжинскимъ полковымъ судьей Василіемъ Кулаковскимъ, съ первыми—изъ-за злоупотребленія яко-бы Степаномъ Григорьевичемъ опекунскими правами, въ бытность его впродолженіе шестнадцати лѣтъ опекуномъ надъ своимъ малолѣтнимъ братомъ, съ послѣдними—изъ-за неправильнаго де раздѣла имущества, оставшагося имъ послѣ смерти ихъ общей матери, Евдокіи Андреевны Лизогубовны.

Въ 1783 году Даніилъ Григорьевичъ умеръ, не приведши вчатыхъ исковъ къ благополучному окончанію. Вдова его Екатерина Ѳеодоровна, урожденная Лисенко (см. выше, стр. 111—115), хотѣла продолжать ихъ производство, но различныя судебныя инстанціи потребовали отъ нея прежде всего письменныхъ доказательствъ, что ея покойный мужъ поручилъ ей завѣдыванье оставшимся послѣ него имуществомъ и веденіе предъявленныхъ имъ исковъ, каковыхъ она не могла представить, ограничиваясь лишь заявленіемъ, что покойный мужъ препоручилъ ей все это словесно; тогда борзенская дворянская опека стала пріискивать опекуна, но довольно неудачно, такъ какъ всѣ, кому предлагали опеку, отказывались по разнымъ причинамъ; наконецъ, опекуномъ былъ назначенъ Дмитрій Григоровичъ, родственникъ по Кулябкамъ, бунчуковый товарищъ. Между тѣмъ Екатерина Ѳеодоровна все просила различныя инстанціи, чтобы не назначали опекуна изъ постороннихъ лицъ въ виду того, что старшій сынъ ея, Павелъ Даниловичъ, скоро кончаетъ корпусъ и достигаетъ совершеннолѣтія, но хлопоты ея не увѣнчались успѣхомъ и она умерла 19 мая 1785 г., оставивши трехъ малолѣтнихъ сиротъ на произволъ чужихъ людей. Съѣхавшіеся въ Лисогоръ на похороны родственники, бунчуковый товарищъ Григорій Андреевичъ Стороженко, предводитель дворянства прилуцкаго уѣзда Василій Яковлевичъ Тарновскій и корнетъ Василій Андреевичъ Кулябка, поручили завѣдываніе всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ сиротъ польскому шляхтичу Ивану Сочинскому, а сироты подали заявленіе на имя борзенскаго предводителя дворянства, полковника Петра Ивановича Забѣлы, о назначеніи опекуномъ надъ ними достигшаго уже совершеннолѣтія старшаго брата ихъ, Павла, имѣющаго въ скоромъ времени окончить корпусъ. Борзенская дворянская опека, хотя сама-же отставила Григоровича отъ опеки вслѣдствіе достиженія Павломъ Даниловичемъ совершеннолѣтія, но не обратила вниманія на это заявленіе и стала вновь пріискивать опекуновъ. Надворный совѣтникъ Василій Васильевичъ Кочубей (с. Кунашевка) и надворный совѣтникъ Михайло Михайловичъ Стороженко (с. Ржавецъ), которымъ было предложено взять на себя опеку, отказались, и едва нашелся охотникъ въ лицѣ ротмистра Михаила Васильевича Чеснока. Но сироты никакъ не могли помириться съ такимъ распоряженіемъ борзенской опеки и продолжали просить о назначеніи опекуномъ старшаго брата Павла; наконецъ, ихъ

воплямъ вняла палата гражданскаго суда черниговскаго намѣстничества и прислала выговоръ борзенской дворянской опекѣ за то, что она назначаетъ чужое лицо опекуномъ, когда есть законный опекунъ, въ лицѣ совершеннолѣтняго Павла Даниловича, который и былъ, наконецъ, утвержденъ опекуномъ.

Во время всѣхъ этихъ передрягъ тяжебныя дѣла продолжались, несмотря на неоднократныя просьбы сиротъ о временной пріостановкѣ ихъ до утвержденія ихъ брата, Павла, опекуномъ и до выхода его изъ корпуса; а такъ какъ некому было слѣдить за общимъ направленіемъ ихъ и главное за судебными сроками, то естественно, что они кончались не въ пользу сиротъ. Процессы и своекорыстные опекуны и управляющіе значительно уменьшили отцовское наслѣдіе, такъ что, когда Павелъ и Петръ Даниловичи сдѣлались самостоятельными хозяевами, то они оказались далеко не крупными собственниками.

Два эпизода изъ слѣдовательской дѣятельности Алексѣя Петровича Стороженка.

Извѣстный въ свое время писатель, котораго имя мы сейчасъ назвали, отличался, какъ гласитъ свѣжее о немъ преданіе, большимъ искусствомъ въ раскрываніи самыхъ трудныхъ слѣдственныхъ казусовъ. Въ этомъ помагали ему, конечно, глубокое знаніе народной жизни, тонкій психическій анализъ и мягкая завлекательная рѣчь, которую мы наблюдаемъ въ его литературныхъ произведеніяхъ. Онъ не былъ слѣдователемъ по профессіи, но къ его таланту обращались въ случаяхъ затруднительныхъ и особенно важныхъ. Вотъ два такихъ случая, разсказанныхъ намъ близкимъ къ покойному Алексѣю Петровичу лицомъ и, такъ сказать, съ его словъ.

I.

Императоръ Николай Павловичъ, посѣтивъ Кіевъ въ 1839 г., ѣхалъ однажды въ открытомъ экипажѣ по житомирскому тракту. Осматривая прилегавшую къ тракту мѣстность, Государь обратилъ вниманіе на человѣка, лежавшаго у одной хаты, стоявшеіі особнякомъ, недалеко отъ с. Борщаговки, завернувшагося съ головой въ свитку.—„Что это, пьяный?„ спросилъ Государь. „Пойдите, посмотрите!„ обратился онъ къ свитѣ, приказавъ кучеру остановиться. Нѣсколько человѣкъ изъ свиты подошли къ лежавшему и, приподнявъ свитку, къ ужасу своему увидѣли предъ собою трупъ старика—крестьянина съ пробитой тупымъ орудіемъ головой. Государь видимо былъ взволнованъ такой находкой и, обратясь къ сидѣвшему съ нимъ рядомъ генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову, произнесъ: „Чтобы мнѣ было открыто это преступленіе! Назначить особаго слѣдователя и докладывать мнѣ о ходѣ слѣдствія.„ Посыпались одно за другимъ предписанія полиціи принять немедленно мѣры къ поимкѣ преступниковъ. Исправникъ, становые обнаружили необычайную энергію, но всѣ ихъ усилія не привели ни къ чему. Прошелъ значительный промежутокъ времени, а слѣдствіе не подвинулось ни на шагъ, и всѣ думали, что преступники не будутъ найдены. Въ это время при Бибиковѣ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій Алексѣй Петровичъ Стороженко. Бибиковъ зналъ его слѣдовательскія способности и приказалъ ему спеціально заняться разслѣдованіемъ этого

загадочнаго преступленія. Алексѣй Петровичъ отправился съ с. Борщаговку, навелъ справки о личности убитаго и узналъ слѣдующее: убитый старикъ—крестьянинъ жилъ въ той самой хатѣ, около которой лежалъ его трупъ во время проѣзда Государя. Онъ былъ вдовъ, дѣти поумирали, осталась одна внучка, дѣвочка лѣтъ десяти, которая и жила при немъ. Старикъ былъ трезваго поведенія, занимался успѣшно хозяйствомъ, такъ что скопилъ нѣсколько денегъ, которыя хранилъ въ „скрынѣ" подъ холстомъ и разной одеждой. Изъ разсказа оставшейся въ живыхъ внучки была выяснена обстановка преступленія. Когда дѣдъ съ внучкой, „повечерявши" нѣсколько позже обыкновеннаго, погасили „свитло" и собрались ложиться спать, кто-то постучался въ окно и громко крикнулъ: „одчынить! та швыдче." Пока старикъ слѣзъ съ печи, стукъ повторился и стучавшій выразилъ свое нетерпѣніе словами: „Чи довго мени тутъ стояты?" Старикъ опросилъ стучавшаго: „Кто тамъ, чого тоби треба?"—„Свій; дуже треба; одчынить мерщій!" былъ отвѣтъ съ на-двору. Старикъ прошелъ въ сѣни, дѣвочка закуталась въ рядно и со страхомъ прислушивалась. Стукнула задвижка, дверь рипнула, затѣмъ раздался какой-то неопредѣленный шумъ... хрипѣніе и что-то тяжело рухнуло на землю. Дѣвочка въ ужасѣ забилась въ уголокъ и не шелохнется. Изъ сѣней доносилось еще нѣсколько минутъ шуршанье, затѣмъ дверь въ хату отворилась и вошелъ какой-то человѣкъ, подошелъ къ „скрынѣ", отбилъ замокъ, выложилъ одежду, холстъ, взялъ „гаманецъ" съ деньгами, положилъ въ карманъ и вышелъ. Дѣвочка въ оцѣпененіи просидѣла до утра и только за нѣсколько минутъ до проѣзда Государя рѣшилась слѣзть съ печи, чтобы узнать, что случилось и куда дѣвался ея дѣдъ. Увидѣвши въ сѣняхъ лужу крови и лежавшій около хаты трупъ дѣда, она въ ужасѣ бросилась опрометью бѣжать къ селу. Таковы были первыя добытыя Алексѣемъ Петровичемъ свѣдѣнія о подробностяхъ совершеннаго злодѣйства. Болѣе никто ничего не зналъ, не было никакихъ слѣдовъ, куда скрылся преступникъ. Только нѣкоторые изъ крестьянъ высказывали подозрѣніе на солдатъ стоявшей въ с. Борщаговкѣ роты пѣхотнаго полка, основанное лишь на томъ, что нѣкоторые изъ солдатъ были замѣчены въ кражѣ сѣна, птицы и т. п. Алексѣй Петровичъ, рѣшительно не зная, съ чего начать слѣдствіе, ухватился за слова крестьянъ, испросилъ у высшаго начальства разрѣшеніе на допросъ солдатъ и, предъявивъ оное ротному командиру, добавилъ, что онъ желаетъ допросить всю роту до послѣдняго человѣка. Въ назначенный для этого день Алексѣй Петровичъ сѣлъ у дверей занимаемой имъ хаты такъ, чтобы самому находиться въ тѣни, а чтобы всякій подошедшій къ нему былъ хорошо освѣщенъ, и приказалъ солдатамъ подходить къ нему по одиночкѣ и смотрѣть ему прямо въ лицо. Алексѣй Петровичъ пристально сталъ смотрѣть на каждаго

изъ проходившихъ мимо него солдатъ и ему показалось, что у шести изъ нихъ промелькнула въ глазахъ тѣнь безпокойства и что лица ихъ поблѣднѣли. Къ этимъ шести онъ приказалъ приставить караулъ, объявивъ, что вторично ихъ допроситъ. На другой день вечеромъ, въ такую именно пору, въ какую совершено было преступленіе, Алексѣй Петровичъ велѣлъ дѣвочкѣ сѣсть въ тотъ самый уголокъ на печи, въ который она забилась въ роковой вечеръ, самъ расположился въ хатѣ въ роли убитаго старика, арестованныхъ же солдатъ велѣлъ по-очередно подводить къ хатѣ, при чемъ каждый изъ нихъ долженъ стучать въ окно и повторять своимъ обыкновеннымъ голосомъ слова, которыя, по разсказу дѣвочки, произносилъ въ свое время неизвѣстный преступникъ. Солдаты подводимы были шесть разъ и всегда въ различномъ порядкѣ, но каждый разъ дѣвочка указывала на одинъ и тотъ-же знакомый голосъ. Этого было довольно для проницательнаго слѣдователя, и солдатъ, на голосъ котораго указывала дѣвочка, былъ арестованъ и заключенъ подъ стражу. Алексѣй Петровичъ навелъ справки о поведеніи арестанта. Оказалось что онъ былъ на замѣчаніи у начальства: часто попадался въ кражахъ, пьянствовалъ, но въ тотъ вечеръ, въ который совершено преступленіе, находился подъ арестомъ за буйство въ пьяномъ видѣ и несвоевременную отлучку изъ казармы. Пойманная нить, казалось, оборвалась; но Алексѣй Петровичъ не смутился этимъ. Онъ спросилъ, кто были тогда часовыми; оказалось, что это были именно тѣ солдаты, которые теперь арестованы по подозрѣнію. Алексѣй Петровичъ потребовалъ ихъ къ себѣ и обратился къ нимъ съ такими словами: „Вы знаете, какая кара грозитъ часовымъ, если они хотя на одну минуту отпустятъ арестанта. Если обнаружится, что вы виновны въ этомъ, вамъ не будетъ пощады. Сознайтесь лучше по чистой совѣсти, я обѣщаю ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о вашемъ помилованіи.“ Солдаты съ плачемъ упали къ ногамъ Алексѣя Петровича и повинились въ слѣдующемъ: было уже поздно, арестованный протрезвился и все молчалъ, потомъ вдругъ подошелъ къ нимъ и сталъ проситься: „Пустите меня на минутку, я перемѣню сорочку, а то на мнѣ ужъ очень грязная“. Долго они не соглашались, наконецъ уступили предъ его усиленными просьбами и, дѣйствительно, не больше какъ черезъ полчаса онъ вернулся обратно въ чистой сорочкѣ и снова погрузился въ молчаніе до самаго окончанія срока, на который былъ посаженъ подъ арестъ. Караульные также не отзывались къ нему и ничто въ немъ не обратило ихъ особеннаго вниманія.

Имѣя въ рукахъ такія явныя улики, Алексѣй Петровичъ приказалъ привести арестанта и, пристально смотря ему въ глаза, сказалъ: „Знаю, ты убилъ старика, чтобы воспользоваться его деньгами. Сознавайся, можетъ быть, этимъ смягчишь грозящую тебѣ кару“. Арестантъ вздрогнулъ и тутъ-же повинился во всемъ.

II.

Въ Боровичскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи владѣлъ нѣсколькими имѣніями извѣстный богачъ графъ Мусинъ-Пушкинъ. Онъ проживалъ большею частью въ Петербургѣ, но часто наѣзжалъ въ свои деревни. Такъ какъ Мусинъ-Пушкинъ бралъ постоянно казенные подряды, то ему нужно было имѣть всегда въ своемъ распоряженіи значительныя денежныя суммы. Въ одномъ изъ его имѣній въ Боровичскомъ уѣздѣ, въ которомъ онъ наиболѣе проживалъ, хранился большой, окованный желѣзомъ сундукъ, а въ немъ постоянно лежало нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Зимою 1853 г., когда Мусинъ-Пушкинъ жилъ въ Петербургѣ, управляющій его главнаго имѣнія извѣщаетъ его, что, войдя по обыкновенію въ домъ, что-бы осмотрѣть, все-ли въ порядкѣ, онъ прошелъ и въ ту комнату, въ которой стоялъ сундукъ съ деньгами, и къ ужасу своему увидѣлъ, что сундукъ исчезъ. При ближайшемъ осмотрѣ оказалось, что одно окно отворено и подъ окномъ истоптанъ снѣгъ, но слѣды ступней двухъ человѣкъ можно было различать дотолѣ, пока воры не вышли на дорогу. Управляющій далъ знать полиціи, немедленно наряжено было слѣдствіе и временное слѣдственное отдѣленіе пріѣхало уже въ имѣніе. Но графъ, получивъ извѣщеніе о покражѣ 250 т. и мало надѣясь на мѣстную полицію, поспѣшилъ къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибикову съ просьбой принять особыя мѣры къ отысканію преступника и похищенныхъ денегъ. При Бибиковѣ и въ эту пору состоялъ Алексѣй Петровичъ, котораго дарованія онъ высоко цѣнилъ. Чтобы помочь графу въ случившейся бѣдѣ, Дмитрій Гавриловичъ по обстоятельствамъ дѣла не могъ найти болѣе подходящаго слѣдователя, какъ извѣстнаго ему давно Алексѣя Петровича. Онъ велѣлъ ему немедленно ѣхать въ Боровичскій уѣздъ и энергично приняться за слѣдствіе. Пріѣхавъ на мѣсто, Алексѣй Петровичъ прежде всего обстоятельно распросилъ управляющаго о прежде бывшихъ у графа слугахъ и находившихся тогда на лицо. Оказалось, что недѣли за двѣ до совершенія преступленія былъ расчитанъ за грубость вольнонаемный слуга Ѳедоръ Ивановъ, исполнявшій должность лакея, и что послѣ того, какъ онъ былъ расчитанъ, никто не встрѣчалъ его болѣе въ тѣхъ мѣстахъ. Получивъ это свѣдѣніе, Алексѣй Петровичъ какъ-бы вовсе забылъ о возложенномъ на него важномъ порученіи: равнодушно бродилъ по деревнѣ, толковалъ съ прохожими и проѣзжими, какова земля, урожаи, чѣмъ люди занимаются и живутъ, какъ сколачиваютъ деньгу, куда ходятъ или ѣздятъ на заработки. Изъ разспросовъ онъ узналъ, что земля плоха, урожаи скудные, что кормятся люди отъ рѣкъ, что по берегамъ ихъ много рабочаго люду—рыболововъ, бурлаковъ и пр., что въ сосѣднихъ уѣздахъ Новго-

родской губерніи и другихъ, прилежащихъ къ ней, толкалась бездомовная голь изъ мѣстъ отдаленныхъ, большею частью „слѣпенькіе". Оріентировавшись этимъ путемъ въ мѣстности, совершенно неизвѣстной Алексѣй Петровичъ подобралъ десятка два мѣстныхъ крестьянъ, которыхъ успѣлъ узнать, пригласилъ исправника, становыхъ и всѣ вмѣстѣ отправились въ с. Окуловку, очень населенное и въ особенности изобиловавшее всякаго рода подозрительнымъ людомъ. Нагрянувъ неожиданно сюда и подкативъ къ одному изъ кабаковъ, гдѣ наиболѣе толпилось всякаго сброду, Алексѣй Петровичъ велѣлъ быстро окружить, галдѣвшую толпу и войдя въ ея средину, повелъ къ незнакомцамъ такую рѣчь: „Ну, ребята! вынимай паспорты!"—„Какіе паспорты! Гдѣ намъ ихъ взять"? смущенно загудѣла толпа, видя предъ собой начальство, а вокругъ десятскихъ, понятыхъ., „Знаю, знаю" продолжалъ Алексѣй Петровичъ, „всѣ вы безъ паспортовъ, съ вами расправа скорая, какъ съ бродягами; но скажите мнѣ, милые люди, не былъ ли тутъ недавно одинъ человѣкъ, Ѳедоръ Ивановъ, служившій у гр. Мусина-Пушкина, и если былъ, то куда пошелъ? Говорите правду, а то я васъ всѣхъ прикажу перепороть и запроторю въ Сибирь." Нѣсколько человѣкъ выступили изъ толпы и объявили, что видѣли этого человѣка, что онъ былъ въ Окуловкѣ недѣли три тому назадъ и хотѣлъ итти въ Вышній Волочокъ, гдѣ у него есть любовница, крестьянка Анна Петрова, живущая за городомъ у лѣса. Три недѣли прошло и со времени совершенія кражи. Очевидно, что Ѳедоръ, обдѣлавши успѣшно свое дѣло, поспѣшилъ уйти куда нибудь подальше, чтобы невольно не выдать себя. Сообразивши все это, Алексѣй Петровичъ распустилъ задержанныхъ бродягъ, послалъ нѣсколькихъ вѣрныхъ людей по дорогамъ къ Вышнему Волочку и телеграфировалъ Тверскому губернатору, чтобы немедленно по полученіи его телеграммы были посланы въ Вышній Волочокъ опытные жандармы схватить находящагося у крестьянки Анны Петровой преступника. Люди, посланные Алексѣемъ Петровичемъ, скоро напали на слѣды вора: трактирщики проговорились, что недѣли три тому назадъ шелъ по направленію къ Вышнему Волочку какой-то человѣкъ, который за все, что ни спрашивалъ у нихъ, расплачивался серіями и, когда они выражали по этому поводу свое удивленіе, хвастался, что у него денегъ куры не клюютъ. Очевидно, это былъ Ѳедоръ Ивановъ. Жандармы, прибывши въ Вышній Волочекъ, разыскали избу Петровой и въ первый-же вечеръ окружили ее. Подойдя къ избѣ, они увидѣли слѣдующую картину: у стола на лавѣ сидѣли молодые мужчина и женщина, на столѣ была разостлана поддевка, съ отпоротой подкладкой, мужчина бралъ съ лавы кипы депозитокъ и серій, женщина раскладывала ихъ подъ подкладку и постепенно зашивала. Двери были тотчасъ-же, конечно, выломаны, обое немедленно арестованы и отправлены подъ стражей въ

Окуловку. Өедоръ сознался въ совершеніи кражи, но этого было мало: при немъ денегъ найдено было всего пять тысячъ, нужно было допытаться, гдѣ спрятаны остальныя. Арестантъ упорно молчалъ, Алексѣй Петровичъ придумалъ способъ развязать ему языкъ. Онъ велѣлъ вечеромъ привести его къ себѣ и повелъ съ нимъ длинную задушевную рѣчь: съ участіемъ распрашивалъ о прежней жизни преступника, его семьи и родныхъ, разсказывалъ самъ разные подходящіе къ разговору случаи изъ жизни бѣднаго люда, толковалъ о томъ, какъ трудно пробиться въ жизни бѣдному человѣку и какъ нерѣдко попадаетъ онъ въ бѣду, въ искушеніе, самъ того не желая и не соображая. Свѣдѣній такого рода у Алексѣя Петровича былъ огромный запасъ, говорилъ онъ живо, увлекательно, сердечно. Слѣдователь въ его лицѣ на эту пору совсѣмъ закрылся, предъ Өедоромъ Ивановымъ сидѣлъ умный, рѣчистый, бывалый, душевный человѣкъ. Между тѣмъ подали самоваръ. Алексѣй Петровичъ налилъ арестанту чаю, а скоро прибавилъ ему и себѣ рому. Өедоръ заслушался, Алексѣй Петровичъ продолжалъ говорить и все больше и больше подливалъ въ стаканъ своего собесѣдника рому. Тотъ разогрѣлся, оживился и самъ заговорилъ. Видя, что онъ разблажился и готовъ идти на откровенность, Алексѣй Петровичъ воспользовался удобнымъ моментомъ и сказалъ ему прямо въ упоръ: „Знаешь что, братъ, все равно ужъ попался! наказаніе будетъ одинаковое, что за кражу пяти тысячъ, что за кражу двухсотъ пятидесяти тысячъ, скажи-ка, гдѣ ты спряталъ сундукъ съ деньгами?“—„Эхъ, баринъ, баринъ, никому не сказалъ-бы,“ отвѣчалъ подпившій Өедоръ, „но ужъ Вы мнѣ больно по сердцу пришлись. Вотъ Вамъ: подъ Окуловкой есть лѣсъ, на опушкѣ стоятъ три старыя ели, между ними закопанъ сундукъ, сверху, чтобы не было замѣтно свѣжей земли, прикрыто мхомъ. Тамъ всѣ деньги, кромѣ семи тысячъ, изъ которыхъ пять здѣсь на лицо, а двѣ потратилъ.“ Дѣйствительно, все было такъ, какъ говорилъ арестантъ; деньги были найдены и доставлены Мусину-Пушкину. Анна Петрова оказалась соучастницей въ преступленіи. Мусинъ-Пушкинъ не зналъ, какъ благодарить Алексѣя Петровича, и предложилъ ему въ вознагражденіе за понесенные труды десять тысячъ; но Алексѣй Петровичъ отказался отъ такого крупнаго гонорара, возвративъ себѣ только расходы по слѣдствію. „Раскрыть преступленіе“, говорилъ онъ, „доставляетъ мнѣ величайшее наслажденіе; этимъ я и бываю вполнѣ вознагражденъ за свои труды.“[1])

[1]) Перепечатано изъ Кіевской Старины, 1884 г. № 12, стр. 723-730.

Нѣсколько мелочей изъ жизни А. П. Стороженка.

Столь извѣстный своими малорусскими разсказами Алексѣй Петровичъ Стороженко съ молодыхъ лѣтъ любилъ книги и сочувствовалъ всякому литературному предпріятію. Когда сталъ издаваться пресловутый энциклопедическій лексиконъ Плюшара, онъ былъ въ числѣ подписчиковъ на это изданіе, состоя тогда еще въ чинѣ поручика, какъ видно изъ списка, приложеннаго къ IV т. лексикона (Спб. 1835 г.). Мнѣ передавали, что юный поручикъ прислалъ тогда уже въ редакцію лексикона нѣсколько замѣтокъ, но онѣ затерялись гдѣ-то вслѣдствіе невѣроятнаго безпорядка, господствовавшаго въ редакціи. Когда Алексѣй Петровичъ въ концѣ 40-хъ годовъ переѣхалъ въ Петербургъ, будучи назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при тогдашнемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибиковѣ, онъ очень любилъ, чтобы его навѣщали земляки.

Жилъ онъ, кажется, на Кабинетской ул. въ д. Лобова, по крайней мѣрѣ такъ было въ 1861—2 г.г. Близко узнавши кого-либо, Алексѣй Петровичъ искренно привязывался къ этому лицу и въ свою очередь увлекалъ его. Одинъ изъ его знакомыхъ по Петербургу какъ-то писалъ мнѣ: „дивный образъ этого святого человѣка я сохраню въ своемъ сердцѣ до конца дней моихъ, каждую весну въ день его ангела 17-го марта я невольно произношу: „и ты былъ Алексѣй теплый." Со своими пріятелями А. П. любилъ говорить о дорогомъ его сердцу отечествѣ. Послѣ 19 февраля 1861 г. онъ часто грустилъ, грустилъ до слезъ, что заря занялась на горизонтѣ отечества, а онъ на склонѣ жизни и не увидитъ, какъ пышно разцвѣтетъ столь долго жданная весна; онъ вѣрилъ въ прекрасное будущее и восклицалъ: „зачѣмъ я наканунѣ живу!" Хорошій былъ онъ человѣкъ хорошо и ошибался." Въ 60-хъ годахъ Алексѣю Петровичу приходилось участвовать въ слѣдствіяхъ по политическимъ дѣламъ; въ этихъ случаяхъ онъ спасъ не мало невинныхъ. Прежде чѣмъ приступать къ формальному слѣдствію, онъ призывалъ къ себѣ обвиняемыхъ и въ оживленной бесѣдѣ за обѣденнымъ или чайнымъ столомъ старался поближе съ ними ознакомиться, и узнать ихъ убѣжденія, взгляды по различнымъ вопросамъ; затѣмъ онъ своихъ новыхъ знакомыхъ раздѣлялъ на категоріи, разубѣждалъ увлекавшихся,

но не убѣжденныхъ вполнѣ въ цѣлесообразности своихъ стремленій, и только стоявшихъ крѣпко на своемъ подвергалъ формальному допросу. Алексѣй Петровичъ, помимо своего литературнаго таланта, имѣлъ самыя разнообразныя способности. Какъ извѣстно, онъ хорошо игралъ на віолончели, на гитарѣ, и, кажется, на скрипкѣ, рисовалъ, за скульптурныя работы получилъ отъ академіи художествъ медаль и затѣмъ былъ удостоенъ званія художника; кромѣ того въ молодые годы своей жизни онъ обучался фехтованію и достигъ въ немъ высшей степени совершенства. Это ему очень пригодилось впослѣдствіи, въ бытность его съ 1863 года чиновникомъ особыхъ порученій отъ министерства внутр. дѣлъ при столь извѣстномъ генералъ-губернаторѣ сѣверо-западнаго края графѣ М. Н. Муравьевѣ.

Послѣдній былъ очень расположенъ къ Алексѣю Петровичу и постоянно удерживалъ его при себѣ. Во время пріема просителей они обыкновенно выходили вдвоемъ и такъ какъ можно было опасаться покушенія на жизнь Муравьева, то Алексѣй Петровичъ всегда бралъ съ собою палку съ незамѣтно вложенной въ нее шпагой. Мнѣ не приходилось слышать, пригодилась-ли когда эта предосторожность.

Живя въ Брестѣ, Алексѣй Петровичъ посвящалъ много времени музыкѣ. Часто устраивались тогда въ разныхъ домахъ музыкальныя вечеринки, въ которыхъ Алексѣй Петровичъ принималъ всегда самое живое участіе. Найболѣе удачныя бывали въ домѣ артиллерійскаго генерала барона Клейста; жена послѣдняго превосходно играла на фортепіано, а Алексѣй Петровичъ аккомпанировалъ ей на віолончели. Иногда музыка прекращалась и уступала мѣсто литературѣ; тогда Алексѣй Петровичъ вынималъ рукопись изъ кармана и самъ читалъ вслухъ какое-нибудь, приготовляемое къ печати, свое сочиненіе. Такія-же чтенія устраивались иногда въ мѣстномъ клубѣ. Нѣкоторыя лица, слышавшія отрывки „Марка проклятаго“ въ чтеніи Алексѣя Петровича, до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаютъ объ этомъ. Алексѣй Петровичъ разсказывалъ иногда устно еще лучше, чѣмъ когда читалъ по рукописи. Вообще складъ ума его, по разсказамъ знавшихъ его, отличался большимъ юморомъ. Онъ видѣлъ предметы ясно и его смѣхъ былъ выраженіемъ анализирующаго ума.

Ему присуща была способность подмѣчать мельчайшія черты въ людяхъ, съ которыми онъ видѣлся впервые, и воспроизводить особенности ихъ говора, манеры, движеній.

Въ 1867 году ему пришлось быть въ Варшавѣ. Въ то время проѣзжали чрезъ Варшаву въ Москву на этнографическую выставку представители славянскихъ народностей. Ихъ чествовали публичнымъ обѣдомъ въ русскомъ клубѣ. Алексѣй Петровичъ участвовалъ въ этомъ обѣдѣ и потомъ очень комически представлялъ авторовъ брошюрокъ,

которыми рекомендовали себя славянскіе народники русскимъ людямъ, привыкнувъ дома дивить ими свой муравейникъ. Въ качествѣ предводителя дворянства Алексѣй Петровичъ былъ членомъ Брестскаго православнаго братства, имѣющаго цѣлью заботиться о поддержаніи православныхъ храмовъ въ краѣ и созиданіи новыхъ, объ улучшеніи быта православнаго духовенства и объ удовлетвореніи насущныхъ потребностей православнаго населенія. Онъ всегда принималъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ братства, былъ доступенъ всякому просителю и по возможности удовлетворялъ просьбѣ каждаго. Послѣдніе годы своей жизни Алексѣй Петровичъ тяготился своей службой и мечталъ о покоѣ, соединенномъ съ литературной и художественной дѣятельностью; но этому несуждено было, какъ извѣстно, осуществиться: онъ все откладывалъ выходъ въ отставку, пока не застигъ его внезапный конецъ.

Алексѣй Петровичъ вообще былъ самаго высокаго мнѣнія о служебной дѣятельности. Онъ смотрѣлъ на дѣло такъ, что военная и гражданская служба требуютъ еще большей разносторонности въ умственномъ развитіи, нежели каѳедра и пресса. Тамъ организованныя въ мышленіе знанія, гражданское мужество, смѣлость, находчивость и быстрая сообразительность провѣряются въ моментъ своего проявленія. Въ рукахъ умнаго, искуснаго администратора подобный человѣкъ былъ драгоцѣнной находкой. [1])

[1]) Перепечатано изъ Кіевской Старины, 1886, № 5, стр. 178—181.

На могилѣ Алексѣя Петровича Стороженка.

Давно хотѣлось мнѣ побывать въ городѣ Брестѣ-Литовскомъ, гдѣ провелъ послѣдніе годы жизни и сложилъ свои кости извѣстный писатель Алексѣй Петровичъ Стороженко. Въ іюнѣ мѣсяцѣ текущаго 1885-го года, возвращаясь изъ Варшавы въ Кіевъ, я рѣшился наконецъ исполнить свое желаніе. Поѣздъ приходитъ въ Брестъ въ два часа по-полудни. Едва я успѣлъ выйти изъ вагона, какъ меня окружила толпа жидовъ извощиковъ и гостинничныхъ комиссіонеровъ съ обычнымъ азартнымъ предложеніемъ своихъ услугъ. Наконецъ, два наиболѣе энергичныхъ жидка выхватили у меня изъ рукъ чемоданъ, такъ что я, опасаясь за судьбу своихъ вещей, по неволѣ послѣдовалъ за ними, расталкивая назойливо тѣснившихся около меня сыновъ Израиля. Тощій конь, запряженный въ тряскую нейтычанку, еле тащился по сыпучему раскалившемуся песку. Три версты отъ вокзала до города показались мнѣ безконечными. Наконецъ, мой возница остановился у подъѣзда стараго, крытаго гонтомъ, одноэтажнаго домика съ колоннами, подъ которыми прибита была вывѣска съ громкою надписью „Берлинская гостинница." Не имѣя въ Брестѣ знакомыхъ, я спросилъ прежде всего, гдѣ живетъ городской протоіерей, расчитывая разузнать у него кое-что меня интересующее и, нѣсколько отдохнувши послѣ дороги, отправился къ нему. Такъ какъ его можно было видѣть только около шести часовъ вечера, то я употребилъ оставшійся до этого времени часъ на осмотръ города. Это названіе почти что не подходитъ къ Бресту: на песчаной равнинѣ тянутся по сторонамъ широчайшихъ улицъ полуразвалившіяся лачуги и только какой нибудь десятокъ домовъ напоминаетъ вамъ, что это городъ. Городское населеніе состоитъ исключительно изъ жидовъ; какъ я потомъ узналъ, здѣсь на пятьдесятъ тысячъ жителей не болѣе пяти тысячъ представителей другихъ національностей. То и дѣло шмыгаютъ мимо васъ грязные ободранные жидки, жаждущіе гешефта.

Увы! это не тотъ Брестъ, съ которымъ мы знакомы по исторіи западной Руси. Современный Брестъ не имѣетъ ничего общаго съ историческимъ Брестомъ. Дѣло было такъ. Когда Наполеонъ I ознакомился съ топографіей западной окраины Россіи, то сказалъ о Брестѣ: „кто будетъ крѣпко стоять здѣсь, тотъ будетъ господиномъ всего этого края."

Наше правительство воспользовалось указаніемъ великаго стратега: въ тридцатыхъ годахъ городъ со многими церквами и костелами на берегахъ р. Западнаго Буга и р. Муховца былъ срытъ и на мѣстѣ его воздвигнута была огромная неприступная крѣпость, а для города были отведены песчаные бугры, находящіеся въ значительномъ разстояніи отъ крѣпости. Пока во всемъ городѣ есть только одна православная церковь и одинъ костелъ.

Къ шести часамъ я возвратился къ о. протоіерею. Онъ любезно принялъ меня, назвалъ мнѣ нѣкоторыхъ лицъ, близко знавшихъ покойнаго Алексѣя Петровича, отъ которыхъ я могъ бы почерпнуть нѣкоторыя свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ его жизни и судьбѣ оставшихся послѣ него бумагъ, и разсказалъ то, что самъ зналъ про Алексѣя Петровича, котораго онъ не разъ видѣлъ по дѣламъ. Между прочимъ о. протоіерей подтвердилъ прежде дошедшій до меня слухъ, что въ бумагахъ покойнаго остались два неизданныя его произведенія: „Былое, но не минувшее“ и „Чортъ на весилли.“ Желая видѣть мызу, на которой провелъ Алексѣй Петровичъ послѣдніе годы своей жизни, и мѣсто послѣдняго успокоенія его, я попросилъ о. протоіерея сопутствовать мнѣ туда, на что онъ обязательно согласился. На другой день, передъ вечеромъ, мы поѣхали на кладбище. По хорошо содержанному шоссе двѣ версты дѣлаются незамѣтно. Кладбище для уѣзднаго города болѣе чѣмъ въ порядкѣ: чистенькія дорожки, много деревьевъ, кустовъ, цвѣтовъ; почти въ центрѣ его церковь и около самой церкви, подъ тѣнью чуднаго каштана, лежитъ на нѣкоторомъ возвышеніи, огороженная желѣзной рѣшеткой, чугунная плита, подъ которой покоятся бренные останки незабвеннаго Алексѣя Петровича. На плитѣ простая выпуклая надпись: „Брестскій предводитель дворянства, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Алексѣй Петровичъ Стороженко. 6-го ноября 1874 г.“ Съ благоговѣніемъ преклонившись предъ могилой талантливаго человѣка, я попросилъ о. протоіерея отслужить панихиду. Заунывное пѣніе при заходящемъ солнцѣ, лучи котораго робко пробивались сквозь густую листву окружавшихъ насъ деревьевъ, производило на меня сильное впечатлѣніе и навѣяло грусть. Молча вышли мы за ворота кладбища и проѣхали къ мызѣ Тришинъ, принадлежавшей покойному. По дорогѣ пришлось переѣхать черезъ мостикъ, на который о. протоіерей обратилъ мое вниманіе. „Это былъ роковой мостикъ для Алексѣя Петровича“, сказалъ онъ. „Въ октябрѣ 1874 г. одна половина его перекрывалась; Алексѣй Петровичъ, возвращаясь какъ-то поздно вечеромъ изъ города, въ темнотѣ попалъ именно на эту половину, провалился, сильно простудился, окунувшись въ холодной водѣ, слегъ и уже болѣе не вставалъ.“ Мыза Тришинъ расположена въ очень миленькой мѣстности: кругомъ зеленѣющіе луга, а по нимъ раскиданы тамъ и сямъ группы деревьевъ;

направо отъ мызы видѣнъ форпостъ, одинъ изъ многихъ, окружающихъ крѣпость. Мыза представляетъ въ настоящее время самое печальное зрѣлище. Переходя изъ рукъ въ руки, она досталась наконецъ какому-то генералу; но наканунѣ перваго его сюда пріѣзда домъ, въ которомъ жилъ покойный Алексѣй Петровичъ, сгорѣлъ до основанія. Владѣлецъ былъ очень этимъ огорченъ и оставилъ мызу въ полномъ запустѣніи; до сихъ поръ, не смотря на то, что это случилось уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, лежитъ груда почернѣвшаго мусора и стоятъ, печально склонивши свои вершины, обгорѣвшія деревья. Въ саду, представлявшемъ при покойномъ, по разсказамъ бывавшихъ у него, „райскій уголокъ", остались только немногія деревья, насаженныя его трудолюбивою рукою, да видны углубленія на мѣстахъ прежнихъ куртинъ и дорожекъ. Нынѣшній арендаторъ мызы пользуется садомъ, какъ пастбищемъ, что придаетъ усадьбѣ еще болѣе унылый видъ запустѣнія. Тяжело было смотрѣть на такое состояніе того мѣста, которое такъ любилъ и объ украшеніи котораго столь усердно заботился покойный. Мы обошли садъ и поторопились вернуться въ городъ. [1])

[1]) Перепечатано изъ Кіевской Старины, 1885, № 8, стр. 729—732.

Относящаяся къ Алексѣю Петровичу Стороженку выписка изъ сочиненія А. Н. Мосолова: Виленскіе очерки 1863-1865 г. (Муравьевское время). Спб. 1898. Стр. 195-196.

Въ Минской губерніи дѣлу закрытія монастырей противодѣйствовалъ епископъ Войткевичъ, посылавшій однако начальнику края, при каждомъ торжественномъ случаѣ, письменное поздравленіе, почерпнутое, по большей части, изъ стариннаго письмовника. Для устраненія его вліянія, въ Минскую губернію посланы были дѣйствительный статскій совѣтникъ Стороженко и адъютантъ В. Ѳ. Самаринъ Первый изъ нихъ, г. Стороженко, извѣстный въ нашей литературѣ, по возвращеніи оттуда составилъ нѣсколько краснорѣчивыхъ описаній этого довольно дикаго, болотистаго и своеобразнаго края, представилъ отчетъ о состояніи православныхъ храмовъ и древнихъ монастырей и написалъ, напечатанное впослѣдствіи, сочиненіе: Сонъ въ Несвижѣ.

Несвижъ – богатое мѣстечко Слуцкаго уѣзда, древняя резиденція фамиліи Радзивилловъ. Тамъ донынѣ сохранился старинный замокъ, гдѣ жили причудливые владѣльцы Несвижа и княжествъ Слуцкаго, Мира и Олыки. Подъ впечатлѣніемъ старины, авторъ засыпаетъ въ древнемъ замкѣ, гдѣ ему отвели помѣщеніе, и переносится во время сна въ минувшее. Изображенные на стѣнахъ Радзивиллы выходятъ изъ портретныхъ рамокъ и подымаютъ страшный шумъ. Они распоряжаются въ своемъ замкѣ, но никто не является на ихъ зовъ, кромѣ стараго дворецкаго; они требуютъ отцовъ бернардиновъ—имъ отвѣчаетъ дворецкій, что ихъ разослали по другимъ монастырямъ; они собираются идти къ королю въ Варшаву; имъ говорятъ, что его уже нѣтъ; хотятъ въ изступленіи взяться за оружіе—имъ напоминаютъ, что Муравьевъ въ Вильнѣ; и скорбные Радзивиллы уходятъ къ утру въ свои рамки.

Г. Стороженко читалъ свое сочиненіе въ разныхъ кружкахъ и вездѣ оно было встрѣчено съ любопытствомъ и участіемъ, такъ какъ въ немъ довольно живо изображены польское чванство и прошлое польское величіе въ сравненіи съ печальной дѣйствительностью.

Дополненія.

Къ примѣчанію на стр. 3. Письма Андрея Стороженка къ Льву Сапѣгѣ найдены были въ Познанской библіотекѣ гр. Рачинскихъ извѣстнымъ польскимъ ученымъ В. А. Мацѣёвскимъ. Помѣщаемъ здѣсь письмо Мацѣёвскаго, въ которомъ онъ извѣщаетъ Андрея Яковлевича Стороженка о своей любопытной находкѣ:

Franzensbrunn dnia 10 Lipca 1847.

Jaśnie Wielmożny Senatorze a mój najłaskawszy Dobrodzieju!

Po przesłaniu ostatniego piśma mego Jaśnie Wielmożnemu Panu, zdarzyło się mi ieszcze odkryć kilka ważnych rzeczy. Między innemi znalazłem korrespondencyą z rządem polskim Andrzeja Storożenki, starszego połkownika wojska zaporożskiego, z czasów Zygm. III, którą dla J. W. P. Dobr. przepisać kazałem, znalazłem ważną kronikę Litewską z XVI wieku (po rusku) i inne ieszcze. Z resztą wielem widział, słyszał, dowiedział się i sprawdził, o czem wszystkiem zdam ustnie sprawę, za powrotem da Bóg do Warszawy, co zaraz nastąpi po odpoczynku i niejakiem restaurowaniu się u wod tutejszych,dokąd na parę przyjechałem tygodni. Tym czasem łasce się Jaśnie Wielmożnego Pana i mojego łaskawego Dobrodzieja poleca jego najniższy sługa Wacław Aleks. Maciejowski.

P. S. Jeżeli J. W. P. Dobr. masz co do polecenia, raczysz oddać liscik na ręce zięcia mojego, przez którego piszę obecnie.

Адресъ: Jaśnie Wielmożnemu Panu Storożence, Senatorowi, Dyrektorowi Głownemu w Komiss. Rząd. Spraw. Wewn. i Duchownych, kawalerowi orderów, J. W. M. Panu i Dobr. w Warszawie.

Къ примѣчанію на стр. 70. Составъ семейства Стефана Григорьевича Стороженка опредѣляется между прочимъ записью въ Синодикѣ Нѣжинскаго мужскаго Благовѣщенскаго монастыря, заведенномъ съ 1720 года. Вотъ дословно эта запись: „1797 года іюня 20 дня. Родъ монахини Іустины Стороженковой. Помяни, Господи, души рабовъ твоихъ преставившихся: Стефана, Мароы, Іоанна, Татіаны, Анны, Мароы.“ Монахиня Іустина, очевидно, дочь Стефана Григорьевича Стороженка и по матери, Горленковой, родная племянница святителя Іоасафа Горленка. Между 1796 и 1804 гг. она упоминается въ очеркѣ Нѣжинскаго женскаго Введенскаго монастыря преосвящ. Филарета Гумилевскаго (Ист. стат. опис. Черниг. эпархіи, ч. IV), какъ казначея монастыря, по случаю столкновеній ея съ игуменьей Лаврентіей. За сообщеніе выписки изъ Синодика приносимъ искреннюю благодарность проф. Бережкову.

Къ примѣчанію на стр. 431. Во 2-мъ выпускѣ журнала „Kwartalnik Historyczny“ за 1902 г. на стр. 365 помѣщено извѣстіе, что въ засѣданіи Комиссіи исторіи искусства, состоящей при Краковской Академіи наукъ, имѣвшемъ мѣсто 20 февраля н. ст. 1902 г., г. Вавженецкій представилъ комиссіи планъ замка въ Хенцинахъ и описаніе этого строенія, стѣны котораго съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе разрушаются.

Къ стр. 455, строки 5 и 6. Изъ вступительныхъ строкъ воспоминанія А. П. Стороженка о знакомствѣ его съ Гоголемъ (Отечествен. Записки 1859 г., № 4, стр. 71—84) видно, что онъ окончилъ курсъ какого-то учебнаго заведенія. Вотъ эти строки: „Окончивъ курсъ ученья, возвращался я въ родительскій домъ счастливѣйшимъ человѣкомъ, на томъ основаніи, что, покидая школьную скамью, считалъ себя на волѣ, независимымъ. Молодо-зелено. Я не понималъ тогда, что независимость, какъ дружба, существуетъ только на словахъ, но на дѣлѣ человѣку, кто бы онъ ни былъ, въ какихъ бы благопріятныхъ обстоятельствахъ ни находился, опредѣлено отъ колыбельки до могилки нести тяжелую ношу обязанностей, зависимости и подчиненности; и чѣмъ выше судьба вознесетъ его, чѣмъ обширнѣе поприще его дѣятельности, тѣмъ бремя тяжче“. Изъ дальнѣйшаго разсказа можно заключить, что заведеніе это было гражданское, такъ какъ авторъ, еще будучи въ немъ, носилъ штатское платье: собираясь на имянины къ сосѣду, надѣлъ фракъ оливковаго цвѣта съ синимъ бархатнымъ воротникомъ и шалоновые панталоны блѣднорозоваго (тѣлеснаго) цвѣта; платье было не первой свѣжести: „отецъ мой“, объясняетъ авторъ, „предполагая опредѣлить меня въ военную службу, во избѣжаніе излишнихъ издержекъ, *въ послѣднее время не поновлялъ моего гардероба*“. Несомнѣнно, что Алексѣй Петровичъ воспитывался не въ военно-учебномъ заведеніи. Встрѣча А. П. Стороженка съ Гоголемъ относится къ лѣту 1827 г., такъ какъ въ разсказѣ упоминается, что среди гостей шелъ разговоръ о *персидской* войнѣ и что Гоголю оставался *одинъ* годъ до окончанія курса (окончилъ Нѣжинскій Лицей, какъ извѣстно, въ іюнѣ 1828 г. — См. Шенрокъ, Матеріалы для біогр. Гоголя, т. I, 1892, стр. 145).

Родословникъ Стороженковъ.

(Составленъ по родословнику, помѣщенному въ „Русской родословной книгѣ" князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, т. II, Изд. 2, Спб. 1895, стр. 257—260, съ поправками и дополненіями).

Первоначальная исторія рода Стороженковъ открывается двумя преданіями, для доказательства достовѣрности которыхъ нѣтъ въ нашемъ распоряженіи никакихъ прямо относящихся сюда письменныхъ актовъ.

Первое преданіе заключается въ томъ, что родоначальникомъ Стороженковъ былъ гетманъ войска Запорожскаго Стороженко, по имени Андрей, въ память котораго имя „Андрей" сдѣлалось любимымъ родовымъ именемъ и почти правильно повторяется черезъ каждое поколѣніе.

Благодаря найденнымъ В. А. Мацѣёвскимъ въ г. Познани въ библіотекѣ графовъ Рачинскихъ двумъ письмамъ Андрея Стороженка къ литовскому канцлеру Льву Сапѣгѣ оказалось, что гетманъ Андрей Стороженко—не вымышленъ впослѣдствіи, какъ многіе гетманы „Исторіи Руссовъ" лже-Конисскаго, а дѣйствительно существовалъ, хотя и называлъ себя не гетманомъ, а старшимъ полковникомъ войска Запорожскаго. Но изъ одного акта 1630 г. мы знаемъ, что термины „старшій" и „гетманъ" въ тѣ времена считались равнозначущими; поэтому въ немъ и сказано: „неякий Тарас козакъ, который, учинившися *гетманомъ* або *старъшимъ* надъ войскомъ запорозскимъ" [1].... Такимъ образомъ преданіе мало ошиблось, называя Андрея Стороженка—гетманомъ.

Что касается участія Запорожскихъ козаковъ въ войнѣ съ Москвою 1609—1611 гг., то оно подтверждается оффиціальными документами, обнародованными профессоромъ Ѳ. Ф. Вержбовскимъ (см. Матеріалы къ исторіи Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ, вып. II, Война Россіи съ Польшею въ 1609—1611 годахъ, Варш. 1898), и даже на стр. 42 имѣемъ отмѣтку: „Militibus Zaporosianis tribus captam arcem *Podczopow* nuntiantibus die 13 ap-

---

[1]) См. А. В. Стороженко, Очерки Переяславской старины, К. 1900, стр. 201.

rilis (a. 1610) fl. 100" т. е. какъ разъ упоминается о взятіи козаками того самаго Почепа, изъ-подъ котораго датированы письма Андрея Стороженка къ Льву Сапѣгѣ.

Въ виду того, что существованіе гетмана Андрея Стороженка является фактомъ несомнѣннымъ, преданіе о происхожденіи отъ него Стороженковъ также представляется совершенно правдоподобнымъ.

Второе преданіе сообщаетъ, что полковникъ Прилуцкій (1687—1693) Иванъ Стороженко вышелъ въ Прилуччину изъ-за Днѣпра послѣ Андрусовскаго мира 1667 года.

Можно думать, что Иванъ Стороженко былъ сыномъ гетмана Андрея Стороженка. Со стороны хронологіи для такого допущенія не встрѣчается никакихъ препятствій. Иванъ Стороженко умеръ 15 февраля 1693 г. На сохранившемся портретѣ онъ изображенъ глубокимъ старикомъ съ совершенно бѣлой бородой. На столѣ стоятъ Распятіе и Евангеліе въ зеленомъ переплетѣ. Одѣтъ онъ въ красный кафтанъ и опоясанъ чернымъ, повидимому, бархатнымъ поясомъ, съ золотыми мушками; на плечи накинутъ плащъ розоваго цвѣта съ голубой подкладкой, застегнутый подъ бородой золотымъ аграфомъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ полковничью булаву. Внизу надпись: „року Божого ҂ахчг (1693) февруарія еі (15) преставился рабъ Божій Іоанъ Стороженко, полковникъ в. и. ц. п. в. з. прилуцкій". На взглядъ ему можно дать лѣтъ подъ 80-ть. Такое предположеніе подтверждается еще и тѣмъ, что по модѣ XVII вѣка только преклонные старики запускали бороды, люди же молодые и средняго возраста брили ихъ, оставляя только усы. Объ этомъ обычаѣ говоритъ между прочимъ и Павелъ Алеппскій, объясняющій значеніе названія „козакъ" въ такомъ смыслѣ: „имѣющій бритую бороду и щеголяющій усами".[1]) Въ „абшитѣ", выданномъ Григорію Андреевичу Стороженку 23 сентября 1741 г. (см. выше, стр. 122), прямо сказано, что дѣдъ его Иванъ Стороженко служилъ сотникомъ Иченскимъ и полковникомъ Прилуцкимъ *„до глубокой старости"*. Слѣдовательно, Иванъ Стороженко долженъ былъ родиться около 1615 года, когда могъ еще жить и имѣть дѣтей старшій полковникъ войска Запорожскаго Андрей Стороженко, сносившійся съ Сапѣгой въ 1610 г. Признавши Ивана Стороженка сыномъ Андрея Стороженка, мы должны искать родину послѣдняго и его ближайшаго потомства гдѣ-то на правой сторонѣ р. Днѣпра. Мы думаемъ, что не будетъ ошибкою, если мы пріу-

---

[1]) См. Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію. Пер. Г. Муркоса. Вып. II, М. 1897, стр. 34.

рочимъ ее къ г. Каневу. Въ г. Каневѣ существовалъ почетный мѣщанскій родъ Стороженковъ, владѣвшій землями въ окрестностяхъ г. Канева. Изъ рукописныхъ актовъ Переяславскаго Михайловскаго монастыря видно, что Каневскій войтъ **Ильяшъ Стороженко** въ 1-ой половинѣ XVII вѣка принесъ въ даръ Каневскому монастырю собственный свой хуторъ Студенецъ вблизи г. Канева. Когда Каневскій монастырь былъ разоренъ и пересталъ существовать, то имѣнія его вмѣстѣ съ имѣніями монастыря Трахтемировскаго, и въ томъ числѣ хуторъ Студенецъ, грамотою царя Петра Алексѣевича отъ марта 1702 г. были переданы Переяславскому Михайловскому монастырю [1]...... Такъ какъ въ началѣ XVII вѣка Каневъ продолжалъ еще быть центромъ, въ которомъ формировались козацкіе отряды для военныхъ предпріятій, то легко могло случиться, что одинъ изъ Каневскихъ Стороженковъ, Андрей, сталъ во главѣ козацкаго отряда, двинувшагося въ составѣ войскъ Сигизмунда III къ Почепу и Брянску въ 1610 году. „Козацтво"—козацкій промыселъ издавна былъ любимымъ занятіемъ Каневскихъ мѣщанъ. Вѣдь проживалъ же въ томъ же 1610-мъ году въ г. Каневѣ простымъ козакомъ,—по происхожденію, можетъ быть, также изъ мѣщанскаго рода,—Гавріилъ Крутневичъ, гетмановавшій въ войскѣ Запорожскомъ въ 1603 году? [2])

Можно думать, что сынъ Андрея Стороженка записанъ въ „Реестрахъ" 1649 г. въ Каневскомъ полку въ сотнѣ Гуниной просто какъ „Иванъ Андреевичъ", безъ фамильнаго прозвища. [3])

Послѣ Андрусовскаго мира 1667 года Иванъ Андреевичъ Стороженко могъ оставить родину вмѣстѣ съ другими земляками (напр. мы знаемъ, что сотникъ полковой Прилуцкій съ 1690 по 1709 г. Яковъ Кондратьевичъ Золотаренко, получившій, вѣроятно, и сотничество по протекціи своего полковника, былъ уроженцемъ м. Корсуни на р. Роси, гдѣ имѣлъ и „млинъ" въ урочищѣ „на Высшихъ Букахъ", завѣщанный въ 1717 г. Густынскому монастырю [4]) и перебраться въ Прилуччину, гдѣ и поселился хуторкомъ подъ с. Ржавцемъ.

Такимъ образомъ второе преданіе также не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго.

---

[1]) Передаются Переяславскому монастырю „на той тамъ сторонѣ Днепра монастырей православних, от бусурманского нашествия разоренех и спустошених. монастыра Терехтемировского и монастыра Каневского селища, земли, мельници и всякія угодя".

[2]) См. Кіевская Старина, 1898 г., т. 60, отд. II, стр. 1—4.

[3]) См. Реестра всего войска Запорожскаго, составленные 1649 года, октября 16 дня, и изданные О. М. Бодянскимъ. М. 1875. Стр. 63.

[4]) См. Описаніе старої Малороссіи А. М. Лазаревскаго, т. III, полкъ Прилуцкій, К. 1902, стр. 114.

I.

1. **Иванъ Стороженко**, какъ предположено выше, родился около 1615 г., повидимому, записанъ въ Реестрахъ 16 октября 1649 г. подъ именемъ Ивана Андреевича, послѣ Андрусовскаго мира 1667 года переселился съ правой польской стороны Днѣпра на лѣвую, русскую, и основалъ „хуторецъ" для своего жительства, „близко селца Ржавця", въ Прилуцкомъ полку; въ гетманство Самойловича былъ сотникомъ Иченскимъ (приблизительно съ 1675 г.), а Мазепою, вскорѣ послѣ избранія его гетманомъ въ 1687 г., опредѣленъ былъ полковникомъ Прилуцкимъ. По универсалу Мазепы отъ 26 іюня 1690 г. отданы были ему „въ послушенство, для помочи его хуторцеви", посполитые тяглые люди въ с. Ржавцѣ и войсковая часть помола съ мельницы подъ м. Иваницею. Это пожалованіе было, вѣроятно, наградою за участіе въ походѣ противъ Татаръ къ Кизикерменю (Бериславу) весною 1690 г. Умеръ Иванъ Стороженко 15 февраля 1693 г.

Жену его звали Маріей. Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій откуда-то почерпнулъ свѣдѣніе, что она была дочерью Богдана Хмельницкаго. Обыкновенно считаютъ, что у Богдана Хмельницкаго отъ перваго брака его съ Анной Сомковной, заключеннаго около 1630 года, было четверо дѣтей: сыновья Тимоѳей и Юрій, да дочери— Екатерина, вышедшая замужъ за Данила Выговскаго, а потомъ вторично за Павла Тетерю, и Елена-Степанида, бывшая женою Ивана Нечая. [1]) Второй и третій браки, съ Чаплинской и съ Анной Филиппихой, считаются обыкновенно бездѣтными. Почти съ увѣренностью можно утверждать, что свѣдѣнія эти не точны; о семейныхъ обстоятельствахъ Богдана Хмельницкаго дошло до насъ чрезвычайно мало подробностей и если нѣкоторые историки (напр. Ролле) рисуютъ картины его домашней жизни, то болѣе руководствуются воображеніемъ, нежели извѣстіями современныхъ Хмельницкому источниковъ. Есть, напримѣръ, извѣстіе о третьемъ сынѣ—Григоріи, который, имѣя 10 лѣтъ, былъ высѣченъ канчуками, по приказанію Чаплинскаго, среди рынка въ Субботовѣ или Чигиринѣ, и умеръ отъ нанесенныхъ ему побоевъ. [2]) Что у Хмельницкаго были еще дочери, кромѣ Екатерины Выговской и Елены-Степаниды Нечаевой, доказывается тѣмъ, что которую-то изъ нихъ

---

[1]) См. напр. статью г. Іосифа Ролле „Женщины при Чигиринскомъ дворѣ" въ русск. пер., Кіевская Старина, 1894 г., т. 44, отд. I, стр. 110.

[2]) См. Памятники, изданные Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, изд. 2, т. I, стр. 195; Кіевская Старина, 1895 г., т. 51, отд. II, стр. 8.

онъ сваталъ въ 1654 г. то за племянника царицы Московской, то за племянника господаря Молдавскаго (см. Памятники Кіев. Коммиссіи изд. 2-ое, т. III, стр. 188 и 203), между тѣмъ какъ обѣ извѣстныя по именамъ дочери были уже замужемъ съ 1650 г. Весьма возможно, что у Богдана Хмельницкаго была и дочь Марія, не отмѣченная въ извѣстныхъ намъ памятникахъ. Если она была изъ старшихъ дѣтей и родилась въ началѣ 1630-хъ годовъ, то по возрасту она могла сдѣлаться супругою человѣка, родившагося приблизительно въ 1615 году......

Возможно и другое предположеніе, а именно, что Марія была дочерью гетманши Анны Никифоровны, урожденной Золотаренковой, по первому мужу Филиппихи, отъ перваго ея брака т. е. падчерицею Богдана Хмельницкаго, но по недоразумѣнію названа въ какомъ-нибудь документѣ, бывшемъ подъ руками у князя Лобанова-Ростовскаго, дочерью знаменитаго гетмана. У гетманши Анны были какія-то связи съ Прилуччиной еще при жизни мужа, потомучто игуменъ Прилуцкаго Густынскаго монастыря Іосифъ получилъ отъ нея 22 іюля 1655 г. единственный въ своемъ родѣ документъ: „унѣверсалъ отъ гетмановой Богдановой Хмелницкой Анни, приказуючій обивателемъ Прилуцкимъ въ грунта би до монастыря отъ княжатъ Вышневецкихъ наданніе и унѣверсаломъ малжонка ея, гетмана Хмелницкаго, конфѣрмованіе не втручались и жаднихъ би перешкодъ не чинили, подъ виною тисячи талярей до скарбу войскового и подъ суровимъ каранемъ". [1]) Нельзя-ли объяснить этими связями предполагаемой тещи, что Иванъ Стороженко послѣ бѣгства съ праваго берега Днѣпра поселился именно въ Прилуччинѣ?

Наконецъ, если свѣдѣніе, сообщаемое княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ не точно, и Марія не была ни дочерью, ни падчерицею Богдана Хмельницкаго, то допустимо третье предположеніе: — что все-таки она была по дѣвической фамиліи „Хмельницкая", такъ какъ въ томъ уголкѣ Прилуччины, гдѣ поселился Иванъ Стороженко, жили и какіе-то Хмельницкіе, можетъ-быть, родственники гетмана. Одинъ изъ нихъ Яковъ Хмельницкій выхлопоталъ отъ гетмана Скоропадскаго универсалъ на полученіе войсковой части помола съ мельницы Якима Лучка на р. Иченкѣ (см. выше, стр. 33). Не изъ этихъ-ли Хмельницкихъ происходила Марія?

II.

2. **Андрей Ивановичъ** „килко десять лѣтъ", до самой смерти, (1693—1715) служилъ сотникомъ Иченскимъ. Универсаломъ гетма-

[1]) См. Полтавскія епарх. вѣдомости за 1886 г., № 7, часть неофф., стр. 253.

на Скоропадскаго отъ 5 февраля 1709 г. подтверждены за нимъ права на владѣніе селами Ржавцемъ, Томашевкой и Ступаковкой, и мельницами на р. Смошѣ при м. Иваницѣ и с. Ступаковкѣ. Жена—Матрона Гнилозубовна, дочь полковаго эсаула, убитаго во время осады Чигирина Турками лѣтомъ 1678 г. . . . . 1.

III.

3. **Григорій Андреевичъ**, сотникъ Иченскій (1715—1741), 23 сентября 1741 г. уволенъ въ отставку съ награжденіемъ чиномъ бунчуковаго товарища. Подробности его служебной дѣятельности изложены въ „абшитѣ“, выданномъ 31 декабря 1749 г. изъ войсковой генеральной канцеляріи по прошенію сына его Андрея Григорьевича (см. выше, стр. 122—124). Умеръ въ самомъ началѣ 1745 года. Жены: 1) Ульяна Васильевна Томара, дочь Черниговскаго полковаго судьи Василія Ивановича Томары; отъ нея сыновья: Стефанъ, Андрей и Петръ; 2) Евдокія Андреевна, урожденная Лизогубъ, вдова Іоакима Кулябки; отъ нея сынъ Даніилъ. Сохранившійся портретъ Григорія Стороженка представляетъ его молодымъ представительнымъ брюнетомъ. Одѣтъ онъ въ зеленый парчовый кафтанъ; на плечи накинутъ синій плащъ, подбитый мѣхомъ; возлѣ, на креслѣ, лежитъ высокая мѣховая шапка съ султаномъ. Въ верхнемъ лѣвомъ углу портрета изображенъ гербъ Стороженковъ: золотой крестъ на красномъ полѣ, съ полумѣсяцемъ внизу, короной наверху, двумя лавровыми вѣточками по бокамъ; стоящія по сторонамъ буквы означаютъ „Григорій Стороженко, сотникъ Иченскій“. Подъ изображеніемъ герба подписаны слѣдующіе стихи:

„Луна въ нощи свѣтитъ, всякъ туне блудитъ зрящъ,
Креста Христова вѣрнымъ свѣтъ есть въ нощи и во дни свѣтящъ;
Григорій Стороженко, мужъ сей знаменитый,
Имѣлъ тѣ въ гербѣ своемъ знаки родовиты:
Безвредно убо ему за сими свѣтилы
Шествовать въ небеснаго отчества предѣлы“. . . . . 2.

4. **Иванъ Андреевичъ**, сотникъ Иваницкій (1719-1728). Жена - N. N. 2.

IV.

5. **Стефанъ Григорьевичъ**, сотникъ Повстинскій (1741—42), вакансовый (1748), Яблуновскій (1749). Ссорился съ бабкой Томарихою (см. выше, стр. 35), судился со вдовою брата Петра Григорьевича (стр. 69 и слѣд.), по смерти—записанъ дочерью въ Синодикъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго мужскаго монастыря (стр. 499). Жена—Марѳа Андреевна Горленко, внучка гетмана Даніила Апосто-

ла, родная сестра святителя Іоасафа Горленка. . . . . 3.

6. **Андрей Григорьевичъ**, сначала войсковой канцеляристъ, потомъ сотникъ Иченскій (1741—1753). Умеръ въ срединѣ 1753 г. Жена—Анастасія Ивановна Романовичъ, дочь сотника Монастырищенскаго. 3.

7. **Петръ Григорьевичъ**, войсковой канцеляристъ. Былъ женатъ съ 8 февраля по 7 октября 1748 г. на Меланіи Павловнѣ Миницкой и умеръ, оставивши интересное по мотивамъ завѣщаніе въ пользу жены (см. выше, стр. 67—68). Вдовѣ пришлось вести продолжительный процессъ съ братьями умершаго Стефаномъ и Андреемъ. Потомъ она была во второмъ бракѣ съ Прохорскимъ сотникомъ Дмитріемъ Григоровичемъ . . . . 3.

8. **Даніилъ Григорьевичъ**, бунчуковый товарищъ, умеръ въ 1783 г. Жена съ 1764 г.—дочь генеральнаго судьи Екатерина Өедоровна Лисенко; много терпѣла отъ жестокаго обращенія съ нею мужа (см. выше, стр. 111—115). 3.

8. **Михаилъ Ивановичъ**, бунчуковый товарищъ съ 14 февраля 1739 г. (см. выше, стр. 126). Жена Анна N. Бороздна . . . . . . 4.

— **Ирина Ивановна**, мужъ—сотенный атаманъ Петръ Тишкевичъ. 4.

— **Марія Ивановна**, мужъ—Дмитрій Синюта . . . . 4.

V.

10. **Михаилъ Стефановичъ**, секундъ-маіоръ (1765). Ж.—N. N. Ханенко . . . . 5.

11. **Иванъ Стефановичъ** . . . . 5.

— **Татіана Стефановна** . . . . 5.

— **Анна Стефановна** . . . . 5.

— **Марөа Стефановна** . . . . 5.

— **Іустина Стефановна**, монахиня и казначея Нѣжинскаго Введенскаго женскаго монастыря (1796—1804) . . . . 5.

12. **Александръ Андреевичъ**, войсковой канцеляристъ, войсковой товарищъ (1765). Жена—Өекла Ивановна Себастіановичъ, во 2-мъ бракѣ за капитаномъ княземъ Владимиромъ Орбеліани (см. выше, стр. 445) . . . . 6.

13. **Григорій Андреевичъ**, войсковой канцеляристъ, войсковой товарищъ (съ 20 декабря 1765 г.), сотникъ Иваницкій (съ 7 мая 1770 г. по 30 августа 1781 г.), бунчуковый товарищъ; участвовалъ въ 1774 г. въ усмиреніи Пугачевскаго бунта и получилъ за свою службу похвальные аттестаты (см. выше, стр. 135—136); премьеръ-

маіоръ (15 января 1786). Жена—дочь поручика Екатерина Григорьевна Бороздна изъ с. Клюсовъ на р. Цатѣ Новозыбковскаго у. . 6.

14. **Павелъ Даниловичъ** род. въ 1766 г., воспитывался въ сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, поручикъ, жилъ въ с. Ржавцѣ. Жена -дочь колл. ассесора Мавра Ѳедоровна Ракочи . 8.

15. **Петръ Даниловичъ** род. въ 1769 г., съ 14 лѣтъ былъ регистраторомъ въ штабѣ графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, поручикъ, жилъ въ слободѣ Лисогорѣ. Жена—Варвара N. N. . . . . 8.

— **Анна Даниловна** . . . . 8.

— **Екатерина Даниловна** . . . . 8.

16. **Михаилъ Михайловичъ** съ 1757 г. служилъ войсковымъ канцеляристомъ; войсковой товарищъ (съ 12 сентября 1763 г.), бунчуковый товарищъ (съ 23 декабря 1765 г.); назначенъ судьей совѣстнаго суда Черниговскаго намѣстничества 23 января 1782 г.; 12 января 1784 г. произведенъ въ надворные совѣтники. Жена—Ѳеодосія Семеновна Полуботокъ . . . . 9.

VI.

17. **Александръ Михайловичъ**, надворный совѣтникъ, умеръ безпотомно . . . . 10.

— **Александра Михайловна**; мужъ—генералъ-маіоръ Александръ Де-Коннорѣ . . . . 10.

18. **Яковъ Александровичъ** род. въ 1766 г., умеръ въ 1822 г. Служилъ въ Козловскомъ мушкатерскомъ полку; поручикъ (см. выше, стр. 148). Жена—Дарія Петровна Тарновская (сохранился портретъ ея, сдѣланный довольно неудачно какимъ-то неискуснымъ живописцемъ) . . . . 12.

19. **Павелъ Григорьевичъ**, р. 18 мая 1781 г., тит. сов. Ж. 1814, Ирина Петровна Милорадовичъ, † 1828 . . . . 13.

20. **Петръ Григорьевичъ**, р. 20 августа 1787 г. . . . . 13.

21. **Михаилъ Григорьевичъ**, р. 7 ноября 1788 г. (крестникъ фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайскаго), штабсъ-ротмистръ и кавалеръ . . . . 13.

22. **Исаакъ Григорьевичъ**, р. 3 августа 1790 г. Ж. Клеопатра Ивановна Ярошевская, р. 1808 г. . . . . 13.

23. **Михаилъ Павловичъ**, р. 20 іюля 1815 г. . . . . 14.

— **Марія Павловна** . . . . 14.

— **Анна Павловна** . . . . 14.

24. **Николай Петровичъ**, р. 12 апрѣля 1805 г. Жена—Анна Ивановна N. . . . . 15.

25. **Алексѣй Петровичъ**, р. 12 ноября 1806 г., ум. 6 ноября 1874 г. въ г. Брестѣ. Дѣйствительный статскій совѣтникъ; скончался, занимая должности Брестскаго предводителя дворянства и предсѣдателя съѣзда мировыхъ посредниковъ; подробности служебной дѣятельности—см. выше, стр. 453 и сл.; портретъ—при изданіи поэмы „Марко проклятый" (Одесса 1879). Извѣстенъ въ литературѣ, какъ авторъ романа „Братья близнецы", повѣсти „Сотникъ Петро Серпъ", „Воспоминанія" о встрѣчѣ съ Гоголемъ, а также разсказовъ по малороссійски, изданныхъ въ Петербургѣ въ 1863 г. въ 2-хъ томахъ подъ заглавіемъ: „Украіньскі оповідання", и малороссійской поэмы „Марко проклятый" . . . . 15.

26. **Николай Михайловичъ**, род. около 1770 г., поручикъ лейбъ-кирасирскаго полка, затѣмъ Черниговскій губернскій предводитель дворянства (1803—1815), дѣйствительный статскій совѣтникъ, послѣ матери Полуботковой унаслѣдовалъ большое богатство, которое по бездѣтности его перешло въ родъ Милорадовичей. Умеръ 12 января 1815 г. въ С.-Петербургѣ. Жена—Марія Андреевна Милорадовичъ, родная сестра графа Михаила Андреевича, убитаго 15 декабря 1825 г., родилась въ 1772 г., была въ бракѣ съ 1792 г., умерла въ 1851 г. и погребена въ одномъ склепѣ съ братомъ въ Духовской церкви Александро-Невской лавры . . . . 16.

VII.

27. **Андрей Яковлевичъ**, род. 4 іюля 1790 г., умеръ 4 іюля 1858 г. и погребенъ на погостѣ церкви въ с. Чевельчѣ Лубенскаго уѣзда Полтавской губ. Тайный совѣтникъ, сенаторъ; подробности служебной дѣятельности—см. выше, стр. 172—177; авторъ напечатанныхъ въ настоящемъ изданіи воспоминаній. Ж. съ 1817 г.—Анна Михайловна Дараганъ, ✝ 6 апрѣля 1821 г.; 2-я жена (съ 1830 г.)—Юлія Ивановна Бобровская-Миркалова . . . . 18.

28. **Илья Яковлевичъ**, маіоръ, жилъ въ д. Мармизовкѣ Лохвицкаго уѣзда. Жена—Елена Ивановна N. . . . . 18.

29. **Александръ Яковлевичъ**, р. 1799 г., поручикъ, жилъ въ с. Брагинцахъ Лохвицкаго уѣзда. Жена—Варвара Петровна Милорадовичъ . . . . 18.

— **Елена Яковлевна**. Мужъ—Ѳедоръ Васильевичъ Хильчевскій, отставной маіоръ, помѣщикъ Лохвицкаго уѣзда (1823) . . . . . . 18.

30. **Николай Павловичъ**, р. 25 марта 1821 г., жена—Дарія Николаевна Милорадовичъ . . . . 19.

31. **Павелъ Павловичъ**, р. 1823 г. . . . . 19.

— **Варвара Павловна**, р. 1818 г.; за Булгаковымъ . . . . . . 19.

— **Екатерина Павловна**, р. 1820 г.; за Телѣгинымъ . . . . . . 19.

— **Марія Павловна**, р. 1822 г. 19

— **Елисавета Павловна**, р. 1826 г. . . . . 19.

32. **Александръ Исааковичъ**, р. 16 февраля 1831 г. . . . . . . 22.

33. **Георгій Исааковичъ**, р. 4 апрѣля 1832 г. . . . . 22.

— **Марія Исааковна**, р. 1827 г. . . . . 22.

34. **Алексѣй Николаевичъ**, р. 28 января 1839 г. . . . . 24.

35. **Николай Николаевичъ**, р. 3 февраля 1844 г. . . . . 24.

— **Людмила Николаевна**, р. 24 апрѣля 1834 г. . . . . 24.

— **Глафира Николаевна**, р. 6 апрѣля 1835 г. . . . . 24.

— **Варвара Николаевна**, р. 22 сентября 1837 г. . . . . 24.

— **Раиса Николаевна**, р. 15 іюля 1840 г. . . . . 24.

— **Любовь Николаевна**, р. 3 декабря 1847 г. . . . . 24.

VIII.

36. **Владимиръ Андреевичъ**, род. 16 марта 1820 г. въ с. Богодуховкѣ Золотоношскаго уѣзда, пажъ выпуска 1838 г., поручикъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка (1843), окончилъ Дерптскій Университетъ по юридическому факультету въ 1847 г., камеръ-юнкеръ Двора Его Величества, коллежскій совѣтникъ, въ отставкѣ съ 1858 г., былъ гласнымъ земскаго собранія и почетнымъ мировымъ судьею Пирятинскаго уѣзда со времени открытія земскихъ и мировыхъ учрежденій, скончался 20 іюня 1895 г. въ с. Великой Кручѣ, гдѣ и погребенъ въ склепѣ у алтаря тамошней Іоанно-Богословской церкви. Жена (съ 16 сентября 1856 г.) – Варвара Ананьевна Александровичъ . . . . 27.

37. **Николай Андреевичъ**, р. 1843 г., сотникъ Семирѣченскаго казачьяго войска (1872), умеръ въ г. Вѣрномъ . . . . 27.

— **Елисавета Андреевна**, р. 1818 г.; † 14 сентября 1897 г.; мужъ съ 1839 г. генер.-лейтен. Николай Ивановичъ Ушаковъ, † 1860 г. . 27.

— **Дарія Андреевна**, р. 1842 г.; за Цыловымъ . . . . 27.

38. **Николай Ильичъ**, докторъ всеобщей литературы, заслуженный профессоръ Московскаго Университета, род. 10 мая 1836 г. въ с. Ржавцѣ. Магистерская диссертація: „Предшественники Шекспира, Лилли и Марло.“ Спб. 1872; докторская диссертація: „Робертъ

Гринъ. Его жизнь и произведенія." М. 1878. Ученыя статьи его собраны въ двухъ сборникахъ: 1) Опыты изученія Шекспира, М. 1902; 2) Изъ области литературы, М. 1902,—изданныхъ его учениками и почитателями. Краткій очеркъ научно-литературной и общественной дѣятельности Николая Ильича помѣщенъ въ книгѣ: „Подъ знаменемъ науки. Юбилейный сборникъ въ честь Николая Ильича Стороженка, изданный его учениками и почитателями" (стр. I—XXXV); тамъ же и превосходный портретъ. Жена съ 1879 г.—Ольга Ивановна Полетаева, скончавшаяся 1 февраля 1896 г. . . 28.

— **Марія Ильинишна**, замужемъ за генералъ-маіоромъ Василіемъ Матвѣевичемъ Щелкачевымъ . . . . 28.

— **Варвара Ильинишна** по первому мужу Пащенкова, по второму—Левицкая . . . . 28.

39. **Яковъ Александровичъ**, род. 20 октября 1829 г., штабсъ-капитанъ, † 1875 г. Жена съ 16 февр. 1857 г. Анна Никаноровна Бѣлолибская . . . . 29.

40. **Севастіанъ Александровичъ**, р. 18 декабря 1831 г., умеръ . . 29.

— **Марія Александровна**, † 1892 г., мужъ—Григорій Петровичъ Кулаковъ . . . . 29.

41. **Александръ Николаевичъ**, полковникъ, командиръ 1 дивизіона 9 артиллерійской бригады; жена—N. N. . . . . 30.

42. **Георгій Николаевичъ**, жена—N. N. . . . . 30.

IX.

43. **Андрей Владимировичъ**, род. 12 августа 1857 г. Воспитывался въ Лицеѣ Цесаревича Николая въ Москвѣ и въ Университетѣ св. Владимира въ Кіевѣ, гдѣ окончилъ курсъ по историко-филологическому факультету со степенью кандидата и съ золотою медалью. Служилъ предсѣдателемъ Переяславской уѣздной земской управы и почетнымъ мировымъ судьею Переяславскаго округа. Издалъ книги: „Литературная исторія Зеленогорской и Краледворской рукописей" (1880), „ЛеонардъСовинскій (опытъ посмертной характеристики)" (1888 г.), „Очерки Переяславской старины" (1900 г.) и др. Жена—Марія Патрикіевна Ильяшенко . . . . 36.

44. **Николай Владимировичъ**, род. 29 мая 1862 г. Воспитывался въ Кіевской 2-й гимназіи и въ Университетѣ св. Владимира по историко-филологическому факультету, магистрантъ русской исторіи, директоръ Кіевской 4 гимназіи. Издалъ книгу: „Западно-русскіе провинціальные сеймики" (1888) и томъ Архива юго-западной

Россіи", (часть 2-я, т. II), помѣстилъ много статей въ журналѣ „Кіевская Старина".Жена— княжна Варвара Давидовна Жевахова. 36.

— **Марія Владимировна**, род. 14 іюля 1859 г., мужъ — Андрей Владиславовичъ Савицкій . . . . 36.

45. **Николай Николаевичъ** . . . . 38.

46. **Александръ Николаевичъ** . . . . 38.

— **Марія Николаевна** . . . . 38.

X.

47. **Владиміръ Андреевичъ**, р. 22 мая 1896 г. . . . . 43.

48. **Яковъ Андреевичъ**, р. 26 марта 1898 г. . . . . 43.

49. **Андрей Андреевичъ**, р. 19 октября 1900 г. . . . . 43.

Конецъ перваго тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ

I-го ТОМА.

№№ Стр.

I. Письмо старшаго полковника Запорожскаго войска Андрея Стороженка къ канцлеру велик. княж. Литовскаго Льву Сапѣгѣ, отъ 30 мая 1610 г., изъ лагеря подъ г. Почепомъ, съ увѣдомленіемъ о своей готовности двинуться на помощь королю подъ Смоленскъ, съ просьбой о присылкѣ, взамѣнъ перваго неопредѣленнаго, другого „приповѣднаго“ листа, въ которомъ были бы точно означены размѣры и условія уплаты жалованья его отряду, состоящему изъ 10.000 козаковъ, и съ обѣщаніемъ ожидать просимаго листа подъ г. Брянскомъ 1

II. Письмо А. Стороженка къ Л. Сапѣгѣ такого же содержанія,—отъ 2-го іюня 1610 года 2

III. 5 августа 1689 г. Купчая запись на сумму „сто талярей личбы литовской“ на разнаго рода недвижимое имущество, выданная Василіемъ Романовичемъ Глущенкомъ, жителемъ с. Буромки, полковнику Прилуцкому Ивану Стороженку 4

IV. 26 іюня 1690 г. Батуринъ. Универсалъ гетмана Ивана Мазепы, жалующій полковнику Прилуцкому Ивану Стороженку с. Ржавецъ и разрѣшающій ему отбирать въ свою пользу войсковую часть помола (поколесовщину) съ мельницы подъ м. Иваницей 5

V. 26 февраля 1693 г. Батуринъ. Подтвердительный универсалъ гетмана Ивана Мазепы, данный вдовѣ полковника Прилуцкаго Ивана Стороженка Маріи и сыну ея Андрею, на владѣнія с. Ржавцемъ и мельницами подъ м. Иваницей 6

VI. 9 іюля 1700 г. Постановленіе Иченскаго сотеннаго уряда: сотника Андрея Стороженка съ проч., подтверждающее право владѣнія окопомъ и сѣножатью, завѣ-

№№ Стр.

щанными жителемъ Иченскимъ Дацькомъ Германовичемъ Ржавскому священнику Якову Яковововичу, за этимъ послѣднимъ 7

VII. 14 іюня 1703 г. Купчая крѣпость, выданная Константиномъ Полуяненкомъ, жителемъ Ржавскимъ, сотнику Иченскому Андрею Стороженку на принадлежавшую ему половину ставка при с. Ржавцѣ, проданную за двадцать золотыхъ 7

VIII. 24 февраля 1706 г. Купчая запись на сумму „двадцать талярей съ копою монеты доброи литовскои“, на лѣсъ, выданная жителемъ Ржавскимъ Тимошомъ Павленкомъ наимя сотника Иченскаго Андрея Ивановича Стороженка. 8

IX. 12 марта 1706 г. Уступочная запись на „рабочее поле и лѣсокъ“ за долгъ, выданная жителемъ Иченскимъ Павломъ Коломыйченкомъ жителю Ржавскому Остапу Момотку, завѣренная Иченскимъ урядомъ: сотникомъ Андреемъ Ивановичемъ Стороженкомъ и проч. . . . 9

X. 10 апрѣля 1707 г. Прилука. Универсалъ Прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка; разрѣшающій сотнику Иченскому Андрею Ивановичу Стороженку пользоваться „до ласки войсковой“ частью войсковой отъ помола на мельницѣ о двухъ колесахъ, находящейся на рѣчкѣ Иченкѣ и принадлежащей ему, Стороженку. 10

XI. 5 февраля 1709 г. Нѣжинъ. Подтвердительный универсалъ гетмана Ивана Скоропадскаго, выданный сотнику Иченскому Андрею Стороженку на владѣніе с. Ржавцемъ, с. Томашевкой, с. Ступаковкой и мельницами на р. Смошѣ при м. Иваницѣ и при с. Ступаковкѣ 11

XII. 27 февраля 1709 г. Прилука. Универсалъ Прилуцкаго полковника Ивана Носа, разрѣшающій сотнику Иченскому Андрею Ивановичу Стороженку брать въ свою пользу часть войсковую изъ двухъ мельницъ, находящихся на р. Иченкѣ при с. Лучкахъ 12

XIII. 11 февраля 1710 г. Глуховъ. Рѣшеніе генеральнаго суда по спору о владѣніи недвижимымъ имуществомъ, принадлежавшимъ Марьѣ Дацихѣ, между ея дочерьми отъ перваго брака и ея вторымъ мужемъ 13

№№ Стр.

XIV. 29 мая 1710 г. Купчая запись на сумму „двѣсти золотихъ монеты доброи личби литовской“ на лѣсъ, выданная жителькой Иченской Ульяной Костихой на имя сотника Иченскаго Андрея Ивановича Стороженка . . 15

XV. 19 февраля 1715 г. Прилука. Универсалъ полковника Прилуцкаго Игнатія Ивановича Кгалакгана, которымъ приказывалось, чтобы „люди осѣлые на власномъ грунтѣ“ сотника Иченскаго Андрея Ивановича Стороженка, который былъ купленъ имъ у Грицька Лучки, а также подсосѣдки, живущіе на принадлежащихъ ему грунтахъ въ г. Ичнѣ, „отдавали до двора его (Стороженка) вшелякое послушенство“ и были освобождены отъ общественныхъ повинностей 16

XVI. 2 іюля 1715 г. Гужовка. Универсалъ полковника Прилуцкаго Игнатія Ивановича Кгалакгана, по которому сотникъ Иченскій Андрей Ивановичъ Стороженко получилъ во владѣніе „одинъ ланъ земли з давна паньскихъ“, около с. Ржавца, изъ числа урядовыхъ по должности полковника 17

XVII. 25 января 1716 г. Глуховъ. Универсалъ гетмана Ивана Скоропадскаго. запрещающій Григорію Ивановичу Волошину, сотнику Иваницкому, и кому бы то ни было, устраивать греблю на ставу, принадлежащемъ вдовѣ сотника Иченскаго Андрея Ивановича Стороженка, Матронѣ, урожденной Гнилозубъ 17

XVIII. 18 января 1719 г. Глуховъ. Универсалъ гетмана Ивана Скоропадскаго, подтверждающій право вдовы сотника Иченскаго Андрея Ивановича Стороженка, Матроны, урожденной Гнилозубъ, и ея сыновей Григорія, сотника Иченскаго, и Ивана, сотника Иваницкаго, на владѣніе разнаго рода недвижимой собственностью и запрещающій Прилуцкому полковнику Игнату Кгалакгану дѣлать захваты 18

XIX. 1721 г. сентября 4-го. Раздѣлъ подданныхъ с. Ржавца между Григоріемъ и Иваномъ Стороженками 20

XX. 1723 г. Поименный списокъ козаковъ, посполитыхъ и ихъ подсосѣдковъ въ с. Ржавцѣ 21

XXI. 1725 г. Выписка изъ списка малороссійской старшины. 26

XXII. 1726 г. Выписка изъ дневника генеральнаго подскарбія

№№ Стр.

Якова Марковича. Изданія Кіевской Старины (К. 1895) ч. II, стр. 31 26

XXIII. 1728 г. октября 9. Универсалъ гетмана Даніила Апостола, лишающій по ходатайству сотника Иваницкаго Ивана Стороженка дочь его Ирину всѣхъ наслѣдственныхъ правъ за то, что она противъ воли родителей вышла замужъ за „худопахолка“ Петра Тишкевича . 26

XXIV. 1729 г. марта 18-го. Москва. Грамота Императора Петра II гетману Даніилу Апостолу 28

XXV. 1729 г. апрѣля 28-го. Глуховъ. Универсалъ гетмана Даніила Апостола полковнику Черниговскому, предписывающій опубликовать Монаршую грамоту 29

XXVI. 2 сентября 1729 г. Глуховъ. Универсалъ гетмана Даніила Апостола, разрѣшавшій споры между обывателями Ичанскими и Рожновскими 30

XXVII. 1729 г. октября 8-го. Универсалъ гетмана Даніила Апостола, подтверждающій за Стороженками всѣ ихъ прежнія владѣнія 32

XXVIII. 1732 г. Выписка изъ статьи А. М. Лазаревскаго: Люди старой Малороссіи. 9. Томары.— Кіевская Старина 1885 г. т. XII, стр.18—19 35

XXIX. 20 ноября 1740 г. Ржавецъ. Купчая на ставокъ, выданная Ѳедоромъ Пищоленкомъ и Екатериной Ивановной, женой Стефана Штанченка, жителями Ржавскими, „панови и державци своему“ знатному товарищу войсковому бунчуковому Михаилу Стороженку, на сумму семь рублей 36

XXX. 15 декабря 1740 г. Купчая на разнаго рода недвижимое имущество, выданная Николаемъ Климовичемъ, бывшимъ старостой Ржавскимъ, бунчуковому товарищу Михаилу Стороженку, на сумму семьдесятъ одинъ рубль 37

XXXI. 14 января 1741 г. Купчая на сумму десять талярей на ланъ, проданный Ржавскими жителями Гапкой Хоменчихой и ея сыномъ Лукьяномъ бунчуковому товарищу Михаилу Стороженку 38

XXXII. 7 февраля 1741 г. Купчая на гай на сумму четыре рубля, выданная Ржавскимъ жителемъ Иваномъ Ива-

№№ Стр.

шенкомъ бунчуковому товарищу Михаилу Стороженку. 39

XXXIII. 1741 г. октября 18 дня. Ордеръ Прилуцкой полковой канцеляріи Варвинскому сотнику Дмитрію Кониському съ извѣщеніемъ о вступленіи Михаила Стороженка въ должность полковаго асаула 40

XXXIV. 24 декабря 1741 г. Прилука. Универсалъ Прилуцкаго полковника Григорія Галагана къ сотникамъ Прилуцкаго полка, въ томъ числѣ и къ сотнику Иченскому Андрею Стороженку, сообщающій о послѣдовавшемъ распоряженіи, которымъ запрещалась скупка козачьихъ земель старшиною, съ обращеніемъ козаковъ въ посполитыхъ 40

XXXV. 9 мая 1744 г. Списокъ документовъ на владѣніе грунтами и людьми въ м. Ичнѣ, принадлежащими бунчуковому товарищу Григорію Стороженку 42

XXXVI. 1744 г. Выписка изъ дневника генеральнаго хорунжаго Николая Ханенка. Изданія „Кіевской Старины" (К. 1884), стр. 234, 237 и 238 49

XXXVII. 6 марта 1745 г. Списокъ документовъ на владѣніе разнаго рода недвижимымъ имуществомъ, принадлежавшимъ бунчуковому товарищу Григорію Андреевичу Стороженку и доставшимся въ наслѣдство его сыновьямъ Стефану, Андрею, Петру и Даніилу 50

XXXVIII. 1748 г. сентября 30. Духовное завѣщаніе Петра Григорьевича Стороженка въ пользу жены Меланіи Павловны, урожденной Миницкой 67

XXXIX. 1748 г. декабря 13. Первоначальная жалоба Меланіи Павловны Стороженковой, урожденной Миницкой, на деверей ея Стефана и Андрея Стороженковъ съ изложеніемъ обидъ, причиненныхъ ей ими по смерти ея мужа, Петра Стороженка, послѣдовавшей 7 октября 1748 года 69

XL. Реестръ недвижимаго имущества Петра Стороженка . 74

XLI. Реестръ движимаго имущества Петра Стороженка . . 75

XLII. Реестръ приданнаго Меланіи Стороженковой 77

XLIII. 1748 г. декабря 20. Указъ Прилуцкой полковой канцеляріи изъ войсковой генеральной канцеляріи о разборѣ дѣла Меланіи Стороженковой съ деверями ея Стефа-

№№		Стр.
	номъ и Андреемъ Стороженками	81
XLIV.	1748 г. декабря 20. Указъ Стефану и Андрею Стороженкамъ о явкѣ ихъ въ Прилуцкую полковую канцелярію для отвѣта по жалобѣ на нихъ Меланіи Стороженковой, урожденной Миницкой	82
XLV.	1749 г. января 18. Письмо Стефана и Андрея Стороженковъ къ Иваницкому сотнику Ѳедору Свирскому .	83
XLVI.	1749 г. января 28. Прошеніе Стефана и Андрея Стороженковъ о разсмотрѣніи жалобы Меланіи Стороженковой въ Прилуцкомъ полковомъ судѣ	84
XLVII.	1749 г. февраля 1. Письмо Стефана и Андрея Стороженковъ къ сотнику Иваницкому Ѳедору Свирскому .	86
XLVIII.	1749 г. февраля 18. Рапортъ Прилуцкой полковой канцеляріи о дѣйствіяхъ, предпринятыхъ ею по жалобѣ Меланіи Стороженковой на ея деверей	87
XLIX.	1749 г. марта 1. Вторичная жалоба Меланіи Стороженковой на деверей ея Стефана и Андрея Стороженковъ	89
L.	1749 г. марта — Предписаніе генеральной войсковой канцеляріи о разсмотрѣніи жалобъ на деверей Меланіи Стороженковой	92
LI.	1753 г. іюля 12. Изложеніе дѣла между Меланіей Павловной Стороженковой, по второму мужу Григоровичевой, и деверями ея Стефаномъ и Андреемъ Стороженками для доклада въ присутствіи войсковой генеральной канцеляріи	94
LII.	Безъ даты. Требованіе генеральнаго суда о высылкѣ ему изъ генеральной войсковой канцеляріи копіи указа, послѣдовавшаго по дѣлу Меланіи Стороженковой, по второму мужу Григоровичевой, съ ея деверями . . .	96
LIII.	1753 г. декабря 11. Препроводительная бумага, при которой послана была въ генеральный судъ копія указа генеральной войсковой канцеляріи	97
LIV.	1753 г. Выписка изъ труда проф. Н. И. Петрова. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. Вып. II, Москва 1896. Стр. 144	98
LV.	1753 г. Выписка изъ дневника генеральнаго хорунжаго	

№№		Стр.
	Николая Ханенка. Изданіе Кіевской Старины (К. 1884), стр. 506	99
LVI.	Прошеніе Мартына Ивановича Кушченка, жителя Ржавскаго, къ своему пану Михаилу Стороженку о защитѣ отъ обидъ, чинимыхъ ему, Мартыну, братомъ его Михаиломъ. Безъ года	99
LVII.	25 января 1758 г. Купчая на сумму сорокъ пять рублей „россійской ходячей монетой" на право владѣнія частью мельницы, става и рыбной ловли, у с.Ступаковки, выданная козакомъ с. Ступаковки въ Иваницкой сотнѣ Гавріиломъ Зоценкомъ на имя вдовы Михаила Стороженка Анны, урожденной Бороздна, и ея сына войсковаго канцеляриста Михаила Михайловича Стороженка	100
LVIII.	2 мая 1759 г. Купчая крѣпость на гаѣкъ на сумму земь рублей пятьдесятъ коп., выданная Иваномъ Котомъ, жителемъ Грабовскимъ, войсковому канцеляристу Михаилу Михайловичу Стороженку	102
LIX.	4 октября 1770 г. Нѣжинъ. Письмо Петра Разумовскаго къ Михаилу Михайловичу Стороженку по поводу пограничныхъ недоразумѣній, бывшихъ между послѣднимъ и жителями с. Рожновки	103
LX.	1772 г. мая 10 числа. Реестръ дѣлчой, учиненной по силѣ поданнаго 1772 году марта 22 числа въ судъ земскій повѣту Черниговскаго отъ полковника Черниговскаго Петра Степановича Милорадовича и бунчуковаго товарища Михаила Михайловича Стороженка, по извѣренію женъ ихъ, нижеподписавшихся, мирового доношенія, и представленныхъ при томъ доношеніи кондицій о раздѣлкѣ недвижимыхъ наслѣдственныхъ имъ имѣній, по которому что довелось въ часть на меня, о томъ значитъ именно ниже сего	105
LXI.	1775 г. марта 28 дня. Письмо Павла Конисскаго къ Іосифу Өедоровичу Лисенку съ извѣстіемъ объ истязаніяхъ, которымъ подвергаетъ сестру Лисенка Катерину Өедоровну Стороженкову мужъ ея Даніилъ Григорьевичъ	111
LXII.	1775 г. апрѣля 3. Жалоба въ Малороссійскую коллегію вдовы генеральнаго судьи Ефросиніи Лисенковой на	

№№ Стр.

зятя Данiила Григорьевича Стороженка за истязанiя дочери ея 112

LXIII. 1775 г. апрѣля 5. Постановленiе Малороссiйской коллегiи объ отобранiи отъ Данiила Стороженка жены его, урожденной Лисенковой 113

LXIV. 1775 г. апрѣля 20. Рапортъ Прилуцкаго полковника Якубовича и комиссара Конисскаго въ Малороссiйскую коллегiю объ исполненiи возложеннаго на нихъ порученiя 115

LXV. 1784 г. iюня 10-го. Доказательства дворянскаго происхожденiя, представленныя Стороженками въ Черниговскую комиссiю о разборѣ правъ на дворянство . . 116

LXVI. 1787 г. декабря... Жалоба премьеръ-маiора Григорiя Стороженка гр. Румянцеву на порядки Нѣжинскаго нижняго Земскаго Суда 141

LXVII. 1787 г. декабря... Жалоба премьеръ-маiора Григорiя Стороженка гр. Румянцеву на неправильныя дѣйствiя Черниговскаго Намѣстническаго Правленiя 142

LXVIII. 1791 г. октября 16. Выписка изъ уступочной записи Анастасiи Степановны Полуботковой, по которой она передаетъ свои имѣнiя внукамъ ея Г. П. Милорадовичу, А. П. Лашкевичевой и Н. М. Стороженку. См. Любецкiй Архивъ. Изд. Кiевской Старины. Стр. 117—118 146

LXIX. 18 iюня 1792 г. Копiя, выданная Черниговскимъ дворянскимъ депутатскимъ собранiемъ Якову Александровичу Стороженку, съ прошенiя другихъ представителей его рода, поданнаго раньше въ дворянскую коммиссiю и доказывающаго ихъ права на дворянство . 148

LXX. Опись имѣнiю поручика Петра Стороженка, описанному на удовлетворенiе долговыхъ претензiй, на него вступившихъ; учинена Борзенскимъ Нижнимъ Земскимъ Судомъ. 1809 г. августа 20. 149

LXXI. О смерти Николая Михайловича Стороженка, Черниговскаго губернскаго предводителя дворянства, въ 1815 г. 155

LXXII. 7 августа 1818 года. Прошенiе Николая Есимонтовскаго, Ивана Чернявскаго, Ивана, Павла и Василiя

№№ Стр.

Тишкевичей въ Черниговскій повѣтовый земскій судъ по дѣлу о наслѣдствѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Михайловича Стороженка 161

LXXIII. 28 ноября 1822 г. Духовное завѣщаніе Якова Александровича Стороженка 164

LXXIV. 28 апрѣля 1823 г. Заявленіе Елены Яковлевны Хильчевской о томъ, что она считаетъ себя вполнѣ удовлетворенной сдѣланнымъ ей выдѣломъ 166

LXXV. 17 ноября 1823 г. Раздѣльный актъ между Андреемъ Яковлевичемъ Стороженкомъ и его сестрою Еленой Яковлевной Хильчевской 166

— Приложеніе.

1688 г. февраля 2-го. Донесеніе Прилуцкаго полковника Ивана Стороженка гетману Мазепѣ о прочтеніи въ г. Прилукѣ и во всѣхъ городахъ Прилуцкаго полка Высочайшей грамоты 170

— 1852 года марта 21-го. Аттестатъ о службѣ Андрея Яковлевича Стороженка 172

— Отрывки изъ воспоминаній Андрея Яковлевича Стороженка. Исторія моего сердца 178

— Стихотворенія 207

— Записки для меня собственно 213

— Французская кампанія, сдѣланная подъ командою генерала Бенигсена 221

— Воспоминанія 1815 года 251

LXXVI. Письмо невѣсты Андрея Яковлевича Стороженка Анны Михайловны Дараганъ къ его отцу 257

LXXVII. Метрическая выпись о рожденіи Владиміра Андреевича Стороженка 259

LXXVIII. Письмо Анны Михайловны Стороженко къ Якову Александровичу Стороженку . . . . —

LXXIX. Размышленіе Андрея Яковлевича Стороженка по случаю кончины его первой жены Анны Михайловны, урожденной Дараганъ 260

№№		Стр.
LXXX.	Письмо Андрея Яковлевича Стороженка къ Екатеринѣ Михайловнѣ Дараганъ	263
—	Военное поселеніе кавалеріи въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ	266
LXXXI.	Отдѣльный корпусъ военныхъ поселеній. Дежурство. Отдѣленіе I. Въ Харьковѣ 1 ноября 1823 г. № 126 . .	289
LXXXII.	Военное поселеніе въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ. По дежурству столъ 1. Г. Елисаветградъ 17 марта 1824. № 880.	290
LXXXIII.	Г. Москва. 15 августа 1826 г. Письмо графа Ивана Осиповича Витта къ Андрею Яковлевичу Стороженку . .	—
LXXXIV.	1 апрѣля 1827 г. Ходатайство графа И. О. Витта передъ графомъ Аракчеевымъ о зачисленіи Владимира Андреевича Стороженка въ Пажескій Корпусъ	291
LXXXV.	Г. С.-Петербургъ. 6 апрѣля 1827 г. Письмо графа Ивана Осиповича Витта къ Андрею Яковлевичу Стороroженку	—
LXXXVI.	1827 г. Донесеніе ген.-адъют. Клейнмихеля Государю Цесаревичу Великому Князю Константину Павловичу о зачисленіи Владимира Стороженка въ Пажескій Корпусъ	292
LXXXVII.	1828 г. Докладная записка по ходатайству Андрея Яковлевича Стороженка объ опредѣленіи сына Владимира въ Пажескій Корпусъ, а дочери Елисаветы въ институтъ	293
LXXXVIII.	Копія съ отношенія начальника штаба по управленію генералъ-фельдцейхмейстера къ господину начальнику штаба военныхъ поселеній отъ 31 марта 1828 года за № 1421	—
LXXXIX.	Копія съ отношенія командира 3-го резервнаго поселеннаго кавалерійскаго корпуса генералъ-лейтенанта графа Витта къ господину начальнику штаба военныхъ поселеній отъ 10 апрѣля 1828 г. за № 2284	294
XC.	12 марта 1829 г. и 8 апрѣля 1829 г. Письмо А. Я. Стороженка къ П. А. Клейнмихелю и отвѣтъ на него.	—
XCI.	26 мая 1828 г. Богодуховка. Письмо Николая Григорь-	

№№ Стр.

евича Краснокутскаго къ А. Я. Стороженку 296

XCII. 22 ноября 1829 г. Сообщеніе помощнику начальника штаба резервныхъ войскъ г. полковнику Стороженку о назначеніи его сына въ Пажескій Корпусъ 298

— Два мѣсяца въ дорогѣ 299

XCIII. 1829 г. октября 20. Метрическое свидѣтельство о рожденіи Якова Александровича Стороженка 334

XCIV. 30 марта 1830 г. Письмо А. Я. Стороженка къ Александру Яковлевичу Стороженку 335

XCV. 1830 г. апрѣля 23. Письмо Михаила Петровича Дарагана къ Андрею Яковлевичу Стороженку . . . . . . —

XCVI. 10 мая 1830 г. С.-Петербургъ. Письмо М. Я. фонъ-Фока къ А. Я. Стороженку 336

XCVII. Управленіе резервныхъ войскъ. По пѣхотѣ. Дежурство, столъ 1-й. Въ г. Елисаветградѣ. 26 октября 1830. № 5817 337

XCVIII. 19 ноября 1830 г. с. Ржавцы. Письмо А. Я. Стороженка къ Александру Яковлевичу Стороженку . . . . —

XCIX. Главный Штабъ Его Императорскаго Величества по военному поселенію. Дежурство. Отдѣленіе I. Въ С.-Петербургѣ, 30 ноября 1830 г. № 2971 338

C. Главный Штабъ Его Императорскаго Величества по военному поселенію. Дежурство. Отдѣленіе I. Въ С.-Петербургѣ. 13 февраля 1831 г. № 667 . . . . . . —

CI. Главный Штабъ Его Императорскаго Величества по военному поселенію. Дежурство. Отдѣленіе II. Въ С.-Петербургѣ. 17 февраля 1831 г. № 659 339

CII. Главный Штабъ Его Императорскаго Величества по военному поселенію. Дежурство. Отдѣленіе I. Въ С.-Петербургѣ. 4 апрѣля 1831 г. № 1261 341

CIII. 24 октября 1831 г. Г. С.-Петербургъ. Письмо А. Я. Стороженка къ Александру Яковлевичу Стороженку . —

CIV. Главный Штабъ Его Императорскаго Величества по военному поселенію. Дежурство. Отдѣленіе II. Въ С.-Петербургѣ. 25 ноября 1831 г. № 82 342

№№ Стр.

CVI. Главный Штабъ Его Императорскаго Величества по военному поселенію. Дежурство. Отдѣленіе I. Въ С.-Петербургѣ. 24 апрѣля 1832 г. № 1212 343

CVII. 20 марта 1833 г. Г. С.-Петербургъ. Письмо Н. И. Ушакова къ А. Я. Стороженку . . . . —

CVIII. 16 іюля 1833 г. Письмо Павла Даниловича Стороженка къ Андрею Яковлевичу Стороженку 345

CIX. Комитетъ, Высочайше учрежденный въ 18-й день августа 1814 г. Отдѣленіе II. С.-Петербургъ. 1 ноября 1833 года. № 8602. (О выпускѣ дочери изъ Патріотическаго института) 347

CX. Въ комитетъ, Высочайше учрежденный въ 18-й день августа 1814 года. И. д. военнаго генералъ полицій-мейстера и генералъ-гевальдигера дѣйствующей арміи и вице-президента г. Варшавы корпуса жандармовъ полковника Стороженка рапортъ . . . . —

CXI. 21 ноября 1834 года. Письмо Павла Даниловича Стороженка къ Андрею Яковлевичу Стороженку 348

— Впечатлѣнія 351

— Отрывокъ изъ статьи: Поѣздка въ Ойцовъ, Хенцины 430

CXII. Извѣщеніе о бракосочетаніи Елисаветы Андреевны Стороженко съ Николаемъ Ивановичемъ Ушаковымъ. 444

CXIII. 26 іюня 1839 года. Петергофъ. Письмо князя Горчакова къ А. Я. Стороженку . . . . —

CXIV. 3 іюля 1839 г. Г. Варшава. Генералъ-полицiймейстеру дѣйствующей арміи генералъ-маіору и кавалеру Стороженку . . . . —

CXV. Варшава, 8/20 генваря 1841 г. Письмо Андрея Яковлевича Стороженка къ Ильѣ Яковлевичу Стороженку . 445

CXVI. Письмо Ивана Петровича Невѣровскаго къ А. Я. Стороженку отъ 3 сентября 1847 года 446

CXVII. С. Вознесенское. 18 октября 1847 г. Письмо Алексѣя Васильевича Капниста къ А. Я. Стороженку 448

CXVIII. 18 іюня 1848 г. Письмо Анны Евгеньевны Дараганъ къ А. Я. Стороженку 450

№№ Стр.

CXIX. 6 апрѣля 1850 г. Письмо Ивана Петровича Невѣровскаго къ А. Я. Стороженку 451

— Къ біографіи Алексѣя Петровича Стороженка 435

— Къ родословію Алексѣя Петровича Стороженка . . . 483

— Два эпизода изъ слѣдовательской дѣятельности Алексѣя Петровича Стороженка 486

— Нѣсколько мелочей изъ жизни А. П. Стороженка . 492

— На могилѣ Алексѣя Петровича Стороженка 495

— Выписка изъ сочиненія А. Н. Мосолова: „Виленскіе очерки“ 498

— Дополненія 499

— Родословникъ Стороженковъ 501

Замѣченныя опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
40	4 снизу	съ	въ
166	1 сверху	Александровны	Яковлевны
229	11 сверху	къ намъ	къ Вамъ
346	4 снизу	7 октября	6 ноября
420	8 и 9 сверху	должны быть помѣщены въ примѣчаніи передъ стихотвореніемъ, какъ его заглавіе.	
455	8 сверху	въ 1824 г.	въ 1827 г.
458	6 снизу	въ іюлѣ	15 іюня.

